

ДРУГИЕ
МИРЫ

Юлия Григорьева

ПОГОНЯ ЗА СОКРОВИЩЕМ

Annotation

Вот уже сто лет сокровища коварного пирата Ларса Биглоу по прозвищу Бес не дают покоя Братству свободных мореплавателей. Карта с зашифрованным посланием меняет хозяев, оставляя за собой кровавый след, пока не попадает в руки Адамантине Лоет — дочери бывшего пирата Вэя Лоета. Тина не желает быть благовоспитанной девицей, она бредит морем, приключениями и вольной жизнью. И значит, кораблю ее отца придется вновь поднять паруса...

- [Юлия Григорьева](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Эпилог](#)
-

Юлия Григорьева
ПОГОНЯ ЗА СОКРОВИЩЕМ

Глава 1

Плеск волн, крики чаек, брань матросов, поскрипывание такелажа покачивающихся на волнах кораблей — разве есть что-то лучше этой мелодии? Разве есть на свете запах приятней, чем запах моря, смешанный с запахами водорослей, рыбы и смолы? Разве сравнятся со всем этим яркие наряды, пошитые из парчи и шелка? Или духота бальных залов, заполненных людьми, увешанными драгоценностями и источающими ароматы духов и одеколонов? Нет, нет и нет!

Такие мысли проносились в голове юной кареглазой девицы, стоявшей посреди гостиной в голубых тонах с повинно опущенной головой. Она бросила быстрый взгляд на маменьку с папенькой, шмыгнула носом и снова потупилась, ковыряя носком туфли цветок, выложенный на паркете. Для усиления эффекта раскаяния она совсем ссутулилась и даже скривилась, изображая рыдания, но гадкая влага не спешила заполнить глаза.

Папенька гневно вышагивал по гостиной, время от времени останавливаясь перед чадом, сурово поджимал губы, стучал носком лакированной туфли по полу и издавал восклицания:

— Ко всем чертям! — Или же: — Дьявол меня задери! — А мог и вовсе: — Морского дьявола через колено...

— Дорогой! — тут же откликнулась маменька, укоризненно качая головой.

— Прости, мой ангел, — сдавал позиции папенька, но вновь взрывался: — Я в бешенстве, дьявол меня дери! Я зол!

Девица тяжело вздохнула уже раз в двадцатый и попыталась сторбиться еще больше, но папенька несильно стукнул ее по спине.

— Спину ровно, плечи расправь, подбородок, — отцовский палец задрал голову дочери. Затем мужчина оценил созданную композицию единственным глазом и закончил: — Так и стой. Размазня ты или моя дочь?

— Ваша дочь, папенька, — вздохнула девица.

Папенька тут же скрестил руки на широкой груди, хмыкнул и спросил:

— И что вас не устраивает в нашем родстве, мадемуазель Лует?

— Меня все устраивает, папенька, — заверила его девица. — Только время идет, а мне же еще географию изучать. Танцы опять же...

— Молчать, наглое создание! — рявкнул мужчина, возобновляя свой

променад по гостиной. — И в кого ты такая?

— Кхм, — кашлянула маменька, теперь не сводя насмешливого взгляда с отца семейства.

Тот развернулся на каблуках, смерив супругу возмущенным взглядом.

— Поклеп!

Теперь возмущение отразилось на красивом лице мадам Лоет. Она поднялась со своего места и направилась к двери, бросив на ходу:

— Ну, знаешь!

Отец и дочь переглянулись.

— А что я такого сказал? — удивился господин Лоет.

— Вы отказались от меня, папенька, — патетично ответил девица, снова скривилась, и слезы наконец побежали по лицу.

— Я?! — изумился одноглазый мужчина. — Ангел мой, а экзекуция?

— Заканчивай без меня, — отмахнулась мадам Лоет, и дверь закрылась.

Господин Вэйлр Лоет обернулся к дочери, некоторое время смотрел на то, с каким упоением девица шмыгает носом и утирает слезы, и скривился сам.

— Хватит наматывать сопли на кулак, — проворчал он, падая в глубокое кресло.

— Как вы жестоки, папенька, — прохныкала мадемуазель Лоет, отдаваясь слезам со всей страстью своей природы.

Мужчина некоторое время смотрел на нее, после закинул ногу на ногу, нервно постучал носком ботинка по полу, поменял ноги и вскочил.

— Это невыносимо! — воскликнул он. — Зачем Всевышний одарил женщин слезами? Тина, или ты прекращаешь рыдать, или я...

Девица подняла на отца взгляд, ожидая, что он скажет.

— Или я отправлю тебя к деду! — закончил господин Лоет, но, заметив, как посветлело лицо дочери, мстительно добавил. — Не к банкиру. К вельможе!

— О, нет! — тут же перестала рыдать мадемуазель Лоет. — За что?! Что я вам такого сделала, папенька?! Это же жестоко!

Суровый отец вновь упал на кресло, закинул ногу на ногу и назидательно произнес:

— Я жил с ним шестнадцать лет, ты же видела всего пару раз...

— Пять, папенька, его сиятельство я видела целых пять раз! — возмутилась Тина.

— Вот и полюбуешься в шестой, — осклабился господин Лоет. — Он из тебя дурь вытрясет. Девица должна быть девицей, а не сорвиголовой с

замашками матроса.

После этого поднялся с кресла и направился к двери.

— Да лучше выпорите, папенька! — воскликнула мадемуазель Лоят, кидаясь следом.

— Пробовал, не помогло, — отмахнулся отец.

— Вы сами учили не опускать руки и доводить дело до конца. Попробуйте еще раз, теперь у вас непременно все получится! — заверила его дочь.

Вэйлр остановился в дверях, развернулся к ней, окидывая девушку насмешливым взглядом с головы до ног. После покачал головой и продолжил путь, говоря на ходу:

— Если уж дело дошло до того, что тебя не пугает даже порка, то мой отец остался единственным средством твоего воспитания.

— Папенька!

— Я все сказал, — отчеканил отец и скрылся за дверями своего кабинета, заперев их на ключ изнутри.

Тина скрестила руки на груди, буравя хмурым взглядом закрывшуюся дверь. Она подождала немного, но папенька не вышел. Юное создание постояло еще чуть-чуть, затем подошло ближе и постучалось.

— Папенька, можно мне поговорить с вами? — спросила вежливая дочь.

— Нет его, — тут же ответил насмешливый голос отца.

— И где же он? — осведомилась Тина, приваливаясь спиной к дверям.

— Ушел в беспросветный запой и вряд ли вернется, — донеслось до девицы приглушенное ворчание.

— Ну, папенька-а-а, — заныла Тина.

Из-за двери теперь неслась разудалая песня, за которую маменька ругала папеньку, если он распевал ее при детях. Но маменьки не было рядом, а песня тянулась долго, и пел ее папенька от души, потому последующее нытье дочери пропустил мимо ушей. И Тина поняла: это конец, не передумает.

В сердцах топнув ногой, она подобрала подол платья и поспешила к маменьке. Мадам Лоят как раз приказала принести чай. После налила дочери и указала на стул. Тина послушно упала на указанное место, вытянула ноги и скрестила на груди руки, в точности повторяя любимую позу отца. Сказать по правде, она была его копией во всем: внешне, по характеру, в привычках, но главное, что унаследовала дочь бывшего пирата, — это любовь к морю.

Возможно, господин Лоят сам спровоцировал в дочери ее неугасимую

страсть рассказами о морских путешествиях. Но отцу так нравился открытый ротик его обожаемой малютки, ее восхищенные глаза, что отказать себе в удовольствии порадовать Тину Вэйлр не мог. И вместо вечерней сказки он рассказывал о захвате Золотого форта, об обычаях других стран, о морских сражениях и штормах.

Из троих детей четы Лоет столь вдохновенно внимала отцу лишь Тина; старшие сыновья относились к морю спокойней. К тому же оно находилось под боком, потому воспринималось как нечто обыденное. Мальчики слушали родителя с интересом, но без ярого энтузиазма, как та, кому надлежало требовать сказки о принцессах и великанах. Сейчас же, когда семена упали в благодатную почву и дали всходы, супруги Лоет осознали, что их дочь, получавшая благородное воспитание, предпочитает мотаться с отцом в порт и на верфи, болтать с прежней командой капитана Лоета. К нарядам же, романтическим историям и светским увеселениям она оставалась холодна. И услышать от нее «Гарпун тебе в печень» можно было гораздо чаще, чем речь благовоспитанной девицы, чей отец, помимо того, что бороздил водные просторы под флагом Лиги свободных мореплавателей, был еще и дворянином.

Мадемуазель Лоет вскинула глаза на маменьку, желая немедленно высказаться, но мадам Адалаис подняла руку в предупреждающем жесте:

— Мы за столом, Тина.

— Ма...

— Этикет, дитя.

— Ма...

— Пусть Всевышний благословит нашу трапезу.

— Но это же просто чай!

— Чай и пирожные, — уточнила мадам Лоет.

— Но ма...

— Тина, угомонись.

— М...

— Отменные пирожные.

— Ма...

— И чай великолепен.

— Вы сговорились! — выкрикнула Тина, вскакивая со стула. — Как вам не совестно, маменька?!

Мадам Лоет изломила бровь, в насмешливом недоумении взирая на дочь. Та топнула ногой, затем еще раз, должно быть для весомости, и упала обратно на стул.

— Ну скажите же папеньке, что дед — это не выход, — взмолилась

девушка. — Пожа-алуйста.

Маменька сделала небольшой глоток из чашки, поставила ее на блюдечко и вновь взглянула на дочь.

— Разве же может жена идти против воли мужа? — спросила она.

Может! Еще как может!.. Если захочет, конечно. И мадам Лоет не раз горячо спорила с супругом, но сегодня она приняла его сторону. Тина состроила жалобные глаза, однако получила в ответ сочувствующую улыбку.

— Это... это нечестно! — воскликнула девушка, утирая слезы обиды.

— Обманывать родителей тоже нечестно, как и пользоваться их любовью и доверием, — сухо ответила маменька, и Тина поникла. Виновата...

Безусловно виновата, но... Но! Разве можно было выбрать прогулку с нянюшкой по городскому саду и слушать унылое нытье модной певички под нудный аккомпанемент оркестра, стоя с постной физиономией, когда вечный дружок Сверчок шипел из кустов, подзывая мадемуазель Лоет, чтобы рассказать ей, что в порту сейчас идет выгрузка диковинных животных? Кто бы устоял, кто?! Нет, конечно, их бы вскоре выставили в городскому саду и родители непременно бы сводили дочь поглядеть на это чудо, но... Но! Как можно сравнивать скучное хождение между клеток и выгрузку?! Вот как?!!

Это же так здорово — наблюдать, как грузчики и матросы, сквернословя и ругаясь друг с другом, перетаскивают клетки с корабля при помощи огромной лебедки! А звери? Они же рычали, кричали, метались и бросались на прутья клетки, за которыми сновали люди. Это вам не попытки подразнить животное, когда оно лежит в углу своего узилища, грустно глядя на вас. Это жизнь! А чего стоила ругань хозяина зверинца и капитана, на чьем корабле привезли животных! Хозяин-скряга пытался зажать обещанные санталы, а капитан так задорно бранился, что Тина и Сверчок только покатывались со смеху. Но и это еще не все! Кто не знает дочери господина Лоета? Тину знают все! Потому им со Сверчком дали погладить маленькую обезьянку, которая съела конфету, припасенную благородной девицей, а потом еще дали потрогать странное животное в твердой чешуе, которое смешно фыркало и топало толстыми лапами по полу своей небольшой клетки. И вот это все променять на городской сад и нравоучения нянюшки?! Нет, нет и нет!!! Ну как было устоять от искушения?

Никак... Тина и не устояла. Сознательно усадив нянюку в тенек, поближе к подвывающей певичке и оркестру, мадемуазель Лоет дождалась,

когда та начнет клевать носом, и дала стрекача, клянясь Всевышнему, что успеет вернуться к моменту, когда Лисси проснется. По опыту Тина знала, что нянька проспит не менее часа, и была уверена: часа ей вполне хватит... Не хватило.

Когда юное создание опомнилось, животных уже погрузили на телеги и вывезли за портовые ворота, а на Кайтен опустился вечер. Охнув, Тина, подхватила подол своего легкого прогулочного платья и собралась броситься вслед за телегами, когда ее ухо сжали пальцы родителя, и над головой торжествующе прозвучало:

— А я так и знал! Мадемуазель Адамантина Лоет, мы с вашей матушкой будем иметь с вами очень серьезный разговор. Дьявол меня дерит, я в бешенстве, дочь!

Естественно, Лисси проснулась и, не обнаружив своей воспитанницы, переполошилась. Сначала были поставлены на уши парковые смотрители. Нянька очень надеялась, что Тина найдется в саду, потому что приказ отца не совать нос туда, где благовоспитанным девицам делать нечего, у них обеих имелся. Но егоза в очередной раз нарушила запрет, и няньке пришлось сказать, что дитя вновь умчалось, забыв обо всем на свете. Сама Лисси не заходила на территорию порта, опасаясь крикливых и грубых мужланов, как она называла матросов и работников в порту.

И вот неутешительный результат. Папенька и маменька не желают слушать дочерней мольбы и заверений в том, что никогда, никогда-никогда, честно-честно, она не нарушит родительских запретов. Однако надежда на то, что папенька вскоре успокоится и не отпустит от себя свое сокровище, все-таки еще оставалась. Поэтому Тина еще разок шмыгнула носом, вытерла слезы и решила стать самой милой и послушной дочерью на свете.

— Вам налить еще чаю, маменька? — светским тоном спросила мадемуазель Лоет.

— Благодарю, дитя, но я уже сыта, — так же ответила ей мадам Адалаис.

— Хорошая нынче погода, не находите, маменька? — входя во вкус, продолжила Тина.

— Погода примечательная, дитя, — не отказала мадам дочери в беседе.

— Сегодня в городском саду выла-а-а-а, я хотела сказать, была! Конечно, была мадам Нири со своим семейством, — Тина поерзала на стуле, скрывая досаду от оговорки, расправила платье и продолжила: — У мадам новая шляпка, такая милая, настоящий газон на голове, представляете? Если мадам Нири ляжет на траву, ей могут случайно снести

косой голову... э-э-э... Я хотела сказать, что шляпка была столь милой, что мне даже показалось, что там непременно должна завестись живность, приняв мадам за лужайку... О-ох, — протяжно вздохнуло юное создание. Вести светскую беседу оказалось непросто, но, решив не сдаваться, мадемуазель продолжила: — А как очаровательно голоси... пела мадемуазель Ансали, просто чудо, какой тонкий у нее голос. И поет так нудно... э-э-э... дивно, конечно, дивно.

Мадам Лоет, все это время внимательная слушавшая дочь и кусавшая губы, все же не выдержала и расхохоталась. Тина насупилась, глядя на маменьку исподлобья, после тяжело вздохнула и сказала:

— Тяжело с вами, маменька, я вам о своем дне рассказываю, а вы хохочете. Где ваше воспитание?

— Прости, дитя, — все еще посмеиваясь, ответила мадам Лоет. — У тебя был очень занимательный день. Надеюсь, ты осталась им довольна?

— Еще бы, — проворчала Тина. — Кошачий концерт и газон на голове мадам Нири — что может быть увлекательней? Ой, — девица опомнилась, вновь расправила плечи и напустила на себя важный вид. — Замечательный день, маменька. И погода была примечательная, и концерт...

— Много животных привезли? — как бы невзначай поинтересовалась Адалаис Лоет.

— О-о-о, — взгляд юного создания полыхнул восторгом, она громко шмыгнула и провела ребром ладони по горлу: — До черта! То есть много, — сразу поправилась девица. — Маменька, там такие звери! Чудо, а не звери. Когда открылась клетка льва, матросы чуть в шта-а-а... Так перепугались! Мы со Сверчком за бочки спрятались, но клетку успели закрыть. Он так рычал! Громче только Самель на своих помощников рычит, точно вам говорю!

Мадам Лоет снова рассмеялась и с нежностью посмотрела на дочь, которая теперь с упоением рассказывала о зверях и разгрузке. Тина отчаянно жестикулировала, показывая размеры клеток и зверей, несколько раз вскакивала со стула, чтобы пробежаться по гостиной и снова упасть на стул в восторженном изнеможении.

— И ни капли раскаяния, — усмехнулась маменька, когда дочь выдохлась.

— Я само раскаяние! — возмутилась девица.

— Оно и заметно, — мадам Лоет покачала головой, поднялась со своего места и подошла к дочери, целуя ее в макушку.

Тина снова вздохнула и решила не сворачивать с выбранного пути

исправления и благородного воспитания. Она поднялась вслед за маменькой и пристроилась рядом.

— А как ваш день прошел, мадам Лоет? — поинтересовалась она.

— И не спрашивай, — отмахнулась та. — Вначале все было чудесно, но потом прибыл курьер из конторы, и твой папенька устроил гипсовое побоище. После уgomонился и засел за дела. А потом прибежала Лисси, и папенька разбил еще несколько гипсовых голов. Ты повела себя как малое дитя и очень расстроила нас. После того случая, как сбежала со Сверчком смотреть драку на Персиковой улице, пока учитель литературы и грамматики вышел за хрестоматией, мы были уверены, что совесть у нашей дочери проснулась. Однако разочарование было столь сильным, что твой папенька пришел в невероятное негодование. Не скажу, что я осталась благодушной...

— Ма-аменька-а, — проныла мадемуазель Лоет, — я буду хорошей, клянусь вам! Хотите, я за ночь выучу десять длинных и нудных стихотворений? Хотите? Нет, правда! Я могу! Я все могу, я же Адамантина Лоет! Я дочь своего отца...

— В этом-то и беда, — усмехнулась маменька. — Что он никак не отучится сквернословить, что ты не желаешь отказаться от неприличного лексикона. А ведь ты девица, Тина.

— Я могу...

— Что ты ответила мадам Манси, когда она спросила, не идет ли дождь? — дочь неопределенно пожалала плечами и фыркнула. — «Хлещет, дьявол его дери, мадам Манси. Если он не прекратится к обеду, мы всплывем кверху брюхом». Вот что ты ответила бедной пожилой даме. Она после этого вынюхала все запасы нюхательных солей в нашем доме и выпила последнее успокоительное.

Юное создание возмущенно взглянуло на маменьку. Праведное негодование охватило мадемуазель Лоет, и она воскликнула:

— Маменька, а не вы ли желали приказчику третьего дня, чтобы дьявол его наизнанку вывернул и драл через колено?!

— Прости Всевышний, — вздохнула мадам Лоет и строго посмотрела на дочь. — Не смей указывать матери... и подслушивать... и повторять. К тому же приказчик заслужил. А мадам Манси — нет.

Сообразив, что спор лишь усугубит дело, Тина смиренно потупилась и проникновенно произнесла:

— Как же вы правы, маменька. Ваша мудрость неоспорима, а слова подобны нектару.

— А вот лесть ни к чему, — тут же остановила ее мадам Лоет.

— В любом случае, вы правы, маменька, — не сдалась благовоспитанная девица. — И я непременно стану такой, как вы. Дайте мне только время, и вы не узнаете своей дочери. Я даже научусь разбираться в этих дурацких шляпках... — Она вдруг замолчала, просяив от неожиданной идеи. — Маменька, а вы отправьте меня к бабушке Дульчине. Она сделала из вас настоящую женщину, она и меня научит. Кто лучше мадам Ламбер разбирается во всех этих светских хитросплетениях? Вам, к примеру, скучно на балах и вечерах в Благородном Собрании, а бабушка там как рыба в воде. Точно, маменька! Это же то, что нужно! И я стану настоящей дамой, непременно стану. Ну, маменка-а-а, — вновь заныла она, с мольбой глядя на родительницу, — ну, пожалуйста. Бабушка Дульчина — женщина, она лучше разбирается в том, что должна знать девушка благородного воспитания, чем его сиятельство. Прошу вас, поговорите с папенькой!

— Как я могу спорить...

— А папенька пел ту песню, которую вы запрещали петь в доме, — наябедничала Тина. — А еще угрожал беспросветным запоем. А еще...

Мадам Лоет остановила дочь, которая пыталась кляузами переманить мать на свою сторону, и мадемуазель, обежав маменьку, бухнулась перед ней на колени, крепко обняв за ноги:

— Спасите меня, маменька! Или я не буду ни есть, ни пить и вас не отпущу.

— Твой отец так часто использовал шантаж, что я перестала обращать на него внимание, — отмахнулась мадам Лоет. — Встань.

Тина замотала головой, готовая в отчаянии простоять так со своей добычей до скончания века... ну или хотя бы пока их не увидит папенька. Уж он-то не позволит маменьке провести ночь не в постели, а стоя в капкане дочерних рук, и непременно услышит мольбы своего чада. Или же матушка все-таки сдастся на уговоры, что будет верней, потому что господин Лоет, скорей, надерет Тине уши, еще более сердясь на нее за слушание. Да, лучше все дела уладить до появления папеньки, решила находчивая девица и снова захлопала и засопела, пытаясь разрыдаться.

Однако разрыдаться она не успела, потому что послышалась уверенная поступь отца, и господин Лоет остановился, изломив бровь, с нескрываемым интересом наблюдая за происходящим.

— Ну и? — коротко поинтересовался он, скрещивая руки на груди.

— И вот, — тяжело вздохнула Тина и в отчаянии вскричала: — Маменька!

— Чем был занят, дорогой? — поинтересовалась мадам Адалаис, глядя

на мужа и не замечая несчастных глаз дочери.

— Отправил отцу письмо, мой ангел, — ответил Вэйлр Лоег. — Думаю, через пару недель его сиятельство будет здесь и заберет наше неугомонное сокровище. Я бы сам ее отвез, но слушать нытье всю дорогу не имею желаний, пусть дед вкусит прелести общения со своей внучкой.

— Его сиятельство будет недоволен, — заметила его супруга.

— Плевать, — беззаботно ответил бывший пират.

— Гарпун мне в печень, — выразила досаду мадемуазель Лоег.

Глава 2

За окном шумел зеленый сад, наполненный солнечным светом. В ветвях ближайшего дерева заходила в восторге какая-то пичуга, чирикающая уже не менее получаса. Из сада доносился негромкий смех садовника, разговаривавшего о чем-то с привратником. За дверями слышался голос отца, но вскоре он затих, и за спиной мадемуазель Лует, предававшаяся унынию, сидя на окне, раздавалось лишь горестное сопение Лисси. Тина полуобернулась, чтобы взглянуть на нянюшку, и та совсем уж жалобно протянула:

— Охо-хо-нюшки-и-и. Я же вас предупреждала, мадемуазель, я же говорила, я же увещевала, я же...

— Лисси, хоть ты не трави душу, — мрачно ответила девушка и снова выглянула в окно.

— Пс, пс, — вдруг коснулось ее слуха.

Тина бросила вороватый взгляд на нянюшку и попросила:

— Лисси, что-то в горле пересохло, принеси воды, пожалуйста.

— Так вот же стоит графин, там воды под самую крышечку, — ответствовала нянюшка.

— А я не воды, я чая хочу, — упрямо потребовала мадемуазель Лует. — И печенья, да.

Лисси, невысокая женщина средних лет, с подозрением посмотрела на воспитанницу, после перевела взгляд на окно, но на лице Тины по-прежнему сохранялось выражение печали. Она даже горестно вздохнула. После этого нянюшка покинула свой пост, куда ее определил хозяин, велев не спускать глаз с его дочери. Однако у дверей опять обернулась, испытующе глядя на девушку, но та еще больше поникла головой, и женщина поспешила исполнить просьбу воспитанницы, чтобы хоть немного утешить ее.

Как только за нянюшкой закрылась дверь, Тина тут же перегнулась через подоконник и встретила взглядом со Сверчком. Эмил Мулер младший, прозванный Сверчком за умение болтать без передышки не менее часа кряду, был сыном одного из матросов с брига «Счастличик», на котором капитан Лует избородил не один линг. Красавчик, остепенившийся и разжившийся небольшим брюшком, сменил матросские бриджи на брюки клерка, получив образование за счет хозяина, и теперь работал в конторе судовладельческой компании «Вэйлада», иногда вспоминая свое разудалое

прошлом.

Сверчок, как говорил господин Лоет, пошел в отца «смазливой физиономией и ветром в черепушке». Впрочем, дружить дочери с парнишкой отец не запрещал. Тина частенько бывала в доме Мулеров, где мадам Мулер кормила ее вкусными румяными булочками. Несмотря на три года разницы в возрасте, Адамантина Лоет и Эмил-Сверчок подружились быстро. Тине в ту пору было девять, а Эмилу шесть.

Так случилось, что нянька мадемуазель Лоет вышла замуж и уехала из Кайтена, маменька отправилась в Льено, потому что дедушка Ансель Ламбер слег и бабушка Дульчина обрушилась на мадам Лоет с мольбой приехать в отчий дом. Сыновья были заняты учебой, и их образование казалось отцу более важным делом, чем присмотр за сестрой. Не найдя быстро новой няньки, удовлетворявшей его строгим требованиям, господин Лоет начал оставлять дочь в доме своего бывшего матроса, жена которого предложила свою помощь.

Утром папенька завозил Тину к Мулерам, день она играла с Эмилом, уплетая за обе щеки стряпню мадам Мулер, а вечером Вэйлр забирал дочь домой, где ее пичкал разными сладостями Самель, тоже бывший кок с отцовского брига, перебравшийся на кухню дома четы Лоет. Самель ревниво осматривал «маленького ангела», каким-то странным образом находя ее исхудавшей, несмотря на явную розовощекость и сияющие довольством глаза. И быть бы Тине пухлой, как булочки мадам Мулер, если бы не живость девочки и возвращение мадам Лоет. Тина вернулась домой, но дружба с Эмилом не прекратилась. Сначала они просились в гости друг к другу, а однажды Сверчок перелез через ограду особняка Лоетов и лазал через нее по сей день, приводя в негодование няньку, привратника и садовника, потому что непременно умудрялся вытоптать что-нибудь, пробираясь к своей подруге под окна. Или же ломал кусты, то падая с дерева, то продираясь сквозь них. Правда, с возрастом младший Красавчик стал более ловким, и теперь следы его пребывания на территории особняка можно было заметить лишь изредка.

— Сильно влетело? — с сочувствием спросил Сверчок, удобней усаживаясь на ветке.

— Угу, — промычала мадемуазель Тина, понуро опуская голову.

— Уши драл? — сочувствия в голосе паренька прибавилось.

Девушка отрицательно качнула головой.

— Порол? Опять?! — со священным ужасом спросил Сверчок, и глаза его недобро сузились.

К слову сказать, порол свою дочь Вэйлр всего один раз. Ей как раз

исполнялось пятнадцать лет. В дом четы Лоет тогда приехали бабушка и дедушка Ламбер, кроме них прибыл дедушка Мовильяр. Это был пятый раз, когда его сиятельство навестил своего беспутного сына, желая поздравить внучку с тем возрастом, когда девица становится взрослой. Помимо родных, в гости ожидались мэр Кайтена, коммерсанты и даже знать. Так вот именно тогда в город угораздило заехать бродячий цирк, о чем Сверчок, всегда и обо всем знающий, сообщил подруге. Промучившись сомнениями целых минут десять, мадемуазель Лоет вышла в сад под предлогом подышать свежим воздухом, потом плавно переместилась к воротам и, воспользовавшись тем, что привратник встречал гостей, шмыгнула в калитку, за которой ее уже ждал приятель.

Далее юные искатели приключений, взявшись за руки, помчались смотреть танцующего медведя. Билетов у них не было, потому друзья забрались на забор, откуда и глазели на представление. А когда все закончилось, неутомимая парочка, пробравшись к фургонам циркачей, бродила между клеток с животными. Выбирались так же, как и попали внутрь, через забор. По пути домой к Сверчку пристал его давний недруг, и Тина не смогла стоять в стороне. Она влезла в драку и получила под глаз шикарнейший синяк, которым после красовалась перед родней. Правда, в душе юное создание была горда собой: рыло Заморошу и его друзьям они со Сверчком начистили.

После драки парочка направилась к реке, протекавшей на окраине, чтобы отмыться; там мадемуазель свалилась в воду. Потом Эмил ее добывал, потом они, уже мокрые с головы до ног, плескались друг в друга, весело хохоча. После друзья наткнулись на шарманщика, на плече которого сидел говорящий попугай. Попугай ядрено бранился, и лексикон Тины и Сверчка пополнился еще парой слов. В общем, к дому виновница торжества подкралась уже в сумерках.

Стоит ли говорить, что от праздничного платья мало что осталось? Прическа превратилась в лохмы, под глазом сиял фингал, а через порванную атласную туфельку выглядывали пальцы. На территорию особняка мадемуазель Лоет лезла через ограду, уже не просто оторвав оборки, а вырвав целый клочок из платья. Сверчок, нужно заметить, подругу не бросил и помог ей добраться до комнаты, где Тина надеялась переодеться, причесаться, затем спуститься к гостям и сказать, что упала на черной лестнице, потеряла сознание, отсюда синяк и задержка.

Ничего этого сказать ей не удалось. В ее комнате, куда Тина влезла через окно, страдала Лисси, потому ее крик радости выдал беспутную дочь ее матери, тут же появившейся в дверях. Господин Лоет пришел позже, он

разыскивал дочь по городу, придя в крайнюю степень негодования. Потому, вернувшись домой и застав свое сокровище в самом непотребном виде, пришел в окончательное неистовство и, не слушая увещаний бабушки Анселя и причитаний бабушки Дульчины, выволок дочь за дверь, зажал ее голову между своих колен, задрал подол... Впрочем, там особо и задирать было уже нечего, стянул с пояса ремень и выпорол девицу от всей своей широкой отцовской души. Сидеть было больно после этого неделю.

— Лучше бы выпорол, — тяжело вздохнула благовоспитанная девица. — Меня к деду отправляют. К тому, который индюк.

— К сиятельству?! — поразился Сверчок.

— Угу, — снова промычала Тина и в который уже раз тяжело вздохнула. — К нему.

Друзья помолчали. Мадемуазель Лоет мрачно думала о своем будущем, Эмил-младший думал о том же, и если Тина предавалась унынию и жалости к себе, то ее верный дружок искал выход. Выход пареньку виделся только один. Они столько раз фантазировали, как будут искать приключений по всему свету, что решение пришло само собой.

— Сбежим, — уверенно произнес Сверчок. — Вместе. Мне батя говорит, что я шалопай и что в голове у меня ветер свищет. Он хочет меня к делу пристроить через два года или в военное училище отправить. Говорит, хочешь лучшей доли — учись. Если бы, говорит, не капитан, из него бы не вышло человека. А в чем его доля хороша? Сидит на берегу, жиреет. Мамка, вон, все вспоминает, каким он лихим молодчиком был. А сейчас весь из себя правильный, ума, говорит, надо набираться. А у меня ума этого полная голова, может. Я, может, еще известным капитаном стану. И уважать меня будут, как твоего отца. Бежим, — безапелляционно закончил парень и протянул Тине руку.

Девушка в задумчивости взглянула на протянутую длань. На пальцах Сверчка красовались чернильные пятна, а значит, он занимался грамматикой, которую ненавидел больше всего на свете. Отметив это краем сознания, Тина предалась размышлениям. Бежать... Куда? Воображение тут же нарисовало паруса, наполненные ветром. Море рядом, порт рядом... Только там ее знают как облупленную, с любого корабля снимут и домой под конвоем доставят. К тому же женская одежда, в ней далеко не уйдешь.

— Мне нужна мужская одежда, — машинально произнесла мадемуазель Лоет.

— А я на что? — удивился Сверчок.

Тина окинула друга оценивающим взглядом. Сейчас они были одного роста, хотя в будущем Эмил, конечно, перерастет свою подругу: отец у него

немногим уступал в росте господину Лоету. Это сейчас Сверчку всего четырнадцать, и голос его начал ломаться всего год назад. Над верхней губой потемнело от смешного пушка, но в остальном он по-прежнему выглядел ребенком. Правда, лапа у паренька была уже гораздо больше аккуратной женской ножки Тины, ну так это не беда, его башмаки ей не нужны. А рубашка и штаны нужны очень даже, и они ей подойдут. Все это вихрем пронеслось в голове девицы. А потом воображение вновь унесло ее в веселое будущее, где будут только море, ветер, паруса и верный друг рядом. Что еще нужно для счастья? Только не попасться. Это важно!

— Встречаемся ночью, — коротко резюмировало юное создание. — Захвати одежду и те деньги, что ты копил.

— Их нету, — проворчал Сверчок, отворачиваясь от подруги, но тут же уверенно добавил: — Будут новые.

— Хорошо, — кивнула Тина. — И еды возьми. Я тоже возьму. Придется попутешествовать по суше. Из Кайтена нас не выпустят по морю. Наши рожи слишком примелькались.

— Дьявол их дери, — согласился паренек.

Девушка услышала шаги и замахала рукой на приятеля. Тот кивнул и, прошептав, что будет ждать подругу, полез вниз, а Тина вернулась в прежнее положение, тихо вздыхая и ликуя в душе. Свобода на горизонте! Главное — не попасться, а уж они об этом позаботятся. А потом — приключения и никакого сиятельства с его напыщенностью и занудством.

Дверь открылась, и на пороге появилась нянюшка с подносом в руках. Лисси прошла к чайному столику и составила на него все, что принесла. Как ни старалась Тина казаться подавленной и несчастной, но глаза ее предательски сияли, и тарелочка, на которой лежали чудесные пирожные дядюшки Самеля, так и притягивала ее взор. Юное создание спрыгнуло с подоконника и поспешило к столику, предвкушая маленькое удовольствие. Что ни говори, а великан Самель готовил лучше всех. Даже в ресторациях, куда иногда семейство Лоет заглядывало по приглашению знакомых родителей, блюда не могли сравниться с тем, что стряпал бывший пиратский кок.

— Вам легче, мадемуазель Тина? — спросила Лисси, устраиваясь напротив воспитанницы, которая, нацелив хищный взгляд на пирожные, уже выбирала, с которого начать.

— Нет, — ответила девушка, откусывая сразу половину выбранного лакомства. — Мне ошен похо, — продолжила она с набитым ртом.

Нянька, знавшая подопечную как свои пять пальцев, насмешливо приподняла брови. Чтобы мадемуазель с таким аппетитом уплетала, когда у

нее на душе неспокойно? Скорей, маленький дьяволенок что-то задумала. Лисси еще некоторое время следила за тем, как Тина слизывает с пальцев крем, полюбовалась белым пятнышком на кончике носа девушки, хмыкнула и подумала, что стоит рассказать хозяевам о странном оживлении их дочери.

— Я скоро вернусь, — сказала нянюшка, вставая из-за стола.

Тина кивнула, не обращая на женщину никакого внимания. Сейчас мысли мадемуазель Лует были заняты побегом. Она пересчитала, сколько у нее есть карманных денег, подумала, что можно прихватить с собой и продать по дороге. Еще нужно взять смену белья, стащить с кухни припасов... Да, остричь волосы. Это непременно! Девушка обернулась к зеркалу, готовая отхватить по шею густые локоны. Ее отец часто любовался волосами дочери. Бывало, сам расчесывал и заплетал ей косу на ночь, когда Тина была еще маленькой. Потом укладывал ее в кроватку и рассказывал чудесные истории.

Вздыхнув, Тина отказалась от идеи резать волосы прямо сейчас. Нужно было набраться терпения. Нужно, только где его взять, когда ноги уже готовы пуститься наутек, открывая перед своей хозяйкой огромный и чудесный мир!

— О-ох, — протяжно вздохнула девушка, но уже не печально.

Ее деятельная натура требовала не сидеть на месте, но разум шептал, что поспешность выдаст намерения мадемуазель. Нужно было чем-то занять себя. Можно, конечно, было сказать нездоровой, завалиться в кровать и помечтать, но, во-первых, маменька непременно придет справиться о здоровье, а во-вторых, может и доктора вызвать, не поверив дочери. Почему-то даже папеньку удавалось порой провести, только не маменьку. Она все хитрости дочери, к которым Тина прибегала, чтобы избежать скучных визитов или учебы, распознавала быстро и точно.

Помучившись немного, юное создание вернулось на подоконник, решив мечтать там. По крайней мере, ничего подозрительного. Однако долго сидеть у Тины не вышло. Вскоре она вновь вскочила и покинула свою комнату, решив спуститься на кухню и присмотреть, что можно будет прихватить с собой. Может, удастся стянуть ключи от кладовой. Точно! Вдохновленная найденным делом, мадемуазель Лует поспешила в чертоги дядюшки Самеля.

Огромный, даже выше своего капитана и хозяина, бывший кок как раз отвешивал подзатыльник одному из своих помощников, отчего тот едва не рухнул носом в пол.

— Еще раз пересолишь, и я тебе кишки через пасть достану, понял? —

грозно спросил тот, кто когда-то носил милое прозвище Мясник.

— Понял, — кивнул его помощник и поспешил в кладовую, чтобы взять новые продукты.

— Расточители, — ворчал Самель. — Ворье. Уроды.

— Добрый день, — поздоровалась вежливая Тина.

Повар, несмотря на свои габариты, резво развернулся, и на его широком бородатом лице заиграла приветливая улыбка.

— Маленький ангелок, — пропел мужчина и протянул руки.

Тина нырнула в объятия великана и подняла к нему лицо, сиявшее ответной улыбкой. Самеля она любила. Если бы папенька не посчитал, что из его повара нянька слишком... своеобразная, то не случилось бы дружбы между ней и Сверчком, потому что Самель рвался захватить Тину в свои огромные волосатые ручки. Но капитан рассудил иначе, и девочка отправилась к Мулерам, что вызвало немой протест в душе верного кока. Однако спорить с Лоемом Самель не решился: правила, царившие когда-то на «Счастливице», мало в чем изменились. Вэйлр по-прежнему не терпел неподчинения и возражения встречал исключительно ударом кулака между глаз. Пришлось Самелю удовлетвориться общением с мальчиками, остававшимися в доме.

Сыновей капитана великан любил не меньше Тины, но они никогда не лезли к нему на колени, не обхватывали ручонками повара за шею и не смеялись, говоря, что у него «щекотная борода». Мальчики были серьезными, более походя на свою маменьку. А вот мадемуазель Лоем, когда выпадала такая возможность, спускалась на кухню и ходила за Самелем хвостиком, заставляя того вновь и вновь рассказывать про морские путешествия, про сражения и про то, как маменька познакомилась с папенькой. Эта была единственная романтическая история, которую любила Адамантина. Про романы, которые подсовывала воспитаннице Лисси, желая пробудить в ней тягу к женственности и внимание к противоположному полу, чтобы девица наконец превратилась в девицу, Тина неизменно говорила:

— Фу, слащавая гадость.

— Но вы же будущая женщина, мадемуазель, — наставляла нянюшка девушку. — Однажды вы выйдете замуж...

— Никогда! — гордо обрывала ее Тина. — Муж — это якорь, а я вольный ветер.

— Ну-ну, — качала головой нянюшка. — То-то и оно, что ветер. Года идут, а вы все по заборам со своим Сверчком скачете.

А вот Самель подобной крамолы не говорил, он только по-доброму

укорял и грозил пальцем, после чего давал девочке очередную сладость. В общем, у Лисси повар выигрывал по всем позициям. К тому же он, потихому, чтобы не узнала чета Лоет, научил девочку обращаться с ножом.

— В жизни все пригодится, — говорил великан. — Негодяев полно, а так вы при защите.

Драться Тина научилась у Сверчка, которому эту науку передал отец, так что на пару они могли «урвать» кого угодно, чем и гордились. С друзьями с некоторых пор вообще предпочитали не связываться никто, кроме Заморыша, но и тот немного присмирел, все чаще прибегая к обидному обзывательству — «жених и невеста». Тину это бесило, Сверчок отчего-то уже какое-то время покрывался смущенным румянцем и бросал на подругу косые взгляды. Но ее возмущение поддерживал неизменно; правда, ярилась больше Тина, а Эмил поддакивал.

— Понравились пирожные? — спросил Самель, выпуская девушку из объятий.

— Очень, — кивнула Тина.

— Оно и видно, — рассмеялся повар, достал платок и стер подсыхающую каплю крема с носа мадемуазель Лоет. — Для тебя старался.

Тина погладила живот, что неизменно означало, что она довольна стараниями своего большого друга, и, получив новую теплую улыбку, уселась на свое излюбленное место у разделочного стола, где Самель как раз резал мясо. Девушка некоторое время следила за тем, как большой нож повара ловко скользил по кроваво-красному куску, затем огляделась, но ключей от кладовой не заметила. Значит, придется выпрашивать; ну и ладно.

Неожиданно в голову мадемуазель Лоет пришла очередная идея. Она с новым интересом посмотрела на окровавленные руки повара, подняла взгляд к лицу и поинтересовалась:

— А в Пьене порт лучше, чем в Кайтене?

Самель неопределенно пожал плечами. Он вытер руки о тряпку, висевшую на плече, откинул ее в сторону и посмотрел на девушку, не сводившую с него взгляда в ожидании ответа.

— Пьен, как и Кайтен, — крупный порт. В крупных портах везде одинаково. Вот мелкие — там полное дерьмо, тьфу, — с досадой сплюнул Самель, но продолжил: — Нехорошо там, маленький ангелочек. В Маринеле, где раньше стоял «Счастличик», было поганенько, но порядка все-таки больше, чем в каком-нибудь Дальяно, вот там самая помойка. А Пьен, он и есть Пьен. Большой город, большой порт, от столицы самый близкий.

— Там тоже разные корабли? — не унималась Тина.

— Конечно, — важно кивнул великан. — Так же порт поделен на военную часть и на торговую. Есть частные причалы. Только Лиги свободных мореплавателей нет — слишком близко к столице. Братство предпочитает держаться подальше, где начальники порта не такие жадные и берут меньшую плату за пользование причалами, да и на шалости всякие смотрят сквозь пальцы. Лишь бы своих не трогали, только чужаков, да подальше от берегов королевства — это завсегда пожалуйста. Портовое начальство с этого свой куш имеет, потому и глаза закрывает, если что. Вояки же сами так поступают, главное, чтобы общеизвестным не стало. Королевские офицеры иной раз похуже пиратов будут. Это уж я тебе точно скажу.

Тина деловито покивала и утвердилась в своем решении: они со Сверчком отправятся в Пьен. Во-первых, он ближе всего, потому могут и не успеть догнать, а во-вторых, с пиратами связываться было страшновато. Иногда Самель, да и папенька рассказывали ей жуткие истории, когда в глазах юной мадемуазель очень уж ярко разгорался огонек восторга. Это убавляло пыл. Теперь план окончательно сложился в головке Тины: сбежать, добраться до Пьена, наняться на любой торговый корабль, а там можно и вздохнуть свободно. А что? Два бездомных паренька хотят научиться морскому делу. Так-то.

— Дядюшка, — позвала Тина повара. Он всегда млел, когда она так обращалась к нему, и в такие моменты хитрая девица могла вить из добродушного великана веревки. — А дай мне сухариков, пожалуйста. И хлеба с колбасой, и сыра немного. А еще чего-нибудь попить во флягу. Хочу в саду засесть с хрестоматией. Там лучше читается и запоминается.

— Конечно, мой маленький ангелочек, — умиленно всплеснул руками Самель и отправился собирать для беглянки провиант.

Проводив его довольным взглядом, Тина скорбно вздохнула. Несмотря на свой беспокойный нрав, девушка не любила обманывать, а приходилось... часто... очень. А что делать, если нужно избежать очередного наказания? Нечего делать, только выкручиваться. Вот и научилась ускользать, вуалировать, изворачиваться и самозабвенно врать, приправляя свое вранье фальшивыми слезами, если, конечно, удавалось их выжать. Все для пользы дела! В «мирное» время мадемуазель Лует была сама честность, а порой и скромность.

— Держи, моя радость, — Самель протянул своей любимице пакет с провиантом, ни на мгновение не усомнившись в словах Тины.

— Спасибо, дядюшка, — зарумянилась девушка от укола стыда, затем

потянулась к мужчине и поцеловала его в щеку.

Теперь нужно было спрятать свою добычу, пока она не попала на глаза маменьке, папеньке или Лисси. Поэтому Тина поспешила покинуть кухню, прихватив из корзины яблоко. Громко хрупая, юное создание прокралось на цыпочках к лестнице, воровато огляделось и взлетело по ней на второй этаж, где находились ее комнаты. После этого стремглав кинулась к себе, прижимая к боку пакет и догрызая яблоко.

В комнате няньки не было. Тина облегченно вздохнула и сунула пакет с провиантом в сундук с куклами, с которыми не играла уже лет пять, с тех пор как они со Сверчком придумали для себя более интересное времяпрепровождение. После этого, как и положено благовоспитанной девице, Тина подхватила учебник по истории и уселась обратно на подоконник, мечтательно уставившись на небо. Скорей бы ночь...

И она пришла. Подкралась так незаметно, словно день не тянулся столь долго, что нервы Адамантины Лоет грозили лопнуть, как растянутая резина. Удивленно взглянув в темноту за окном, подсвеченную фонарями, девушка поняла: пора. Дождавшись, пока родительский особняк затихнет, Тина подкралась к окну. Сверчок уже должен был ждать ее. Вернувшись в комнату, девушка быстро переоделась, подошла к зеркалу, взяла ножницы и без жалости срезала длинные пряди темных волос, несколько о них не сожалея. После достала приготовленные деньги, свои украшения, провиант в пакете, сложила все это в приготовленную заплечную сумку, закинула ее за спину и привычно выбралась из окна.

Согнувшись, Тина прокралась к ограде. Здесь она задержалась, чтобы обернуться и окинуть дом последним взглядом. Тихо всхлипнув, девушка прошептала:

— Я люблю вас, — после чего сплюнула на руки и полезла на ограду.

Сверчок, поджидавший свою подругу, счастливо улыбался.

— Все взял? — шепотом спросила Тина.

— Все, — кивнул Сверчок. — Даже башмаки тебе маленькие раздобыл.

— Угу, — привычно промычала девушка. — Отойдем в тень, сразу переоденусь.

Друзья огляделись и шмыгнули в сторону густой тени, куда не проникал свет фонаря.

— Давай, — велела Тина.

Сверчок скинул свою заплечную сумку, достал одежду, протянул ее подруге и... чья-то рука из темноты перехватила вещи.

— Ой, — пискнув, мадемуазель Лоет пятилась, взирая на

изломленную бровь над здоровым глазом своего отца.

Вэйлр Лоет шагнул к беглецам, рядом с ним появился Эмил Мулер.

— Бери своего, Красавчик, — бросил бывший капитан пиратского брига. — Чтобы недели две-три я даже не вспоминал о его существовании.

— Будет сделано, капитан, — усмехнулся мэтр Мулер, удерживая сына за плечо мертвой хваткой.

Затем обрушил на затылок отпрыска увесистую затрещину, дал пинка под зад и, закинув на плечо его мешок, направился следом за летящим впереди Сверчком величавой походкой, бросив на ходу:

— Мое почтение, мадемуазель Лоет.

— Доброй ночи, мэтр Мулер, — пролепетала вежливая Тина, не сводя взгляда со своего отца.

— Какая хорошая у меня дочь, — ледяным тоном произнес Вэйлр, — воспитанная.

— Я вся в вас, папенька, — поспешило напомнить юное создание.

— Я не сбегал из дома, — отчеканил Лоет.

— Так вам и незачем было, папенька, вы в училище отправились, а меня же туда никто не возьмет, — возразила Тина, которую отец теснил к воротам родного дома.

— Тебя дед возьмет на воспитание, а через два года какой-нибудь дурак — замуж, — губы Вэя Лоета изогнулись в издевательской усмешке. — Пусть они с тобой мучаются, а с меня хватит! — рявкнул отец последнее слово. — Сыновья — золото, дочь же не дочь, а пират какой-то!

— Замуж?! — охнула Тина и заносчиво ответила: — Черта с два!

— Посмотрим.

— Поглядим.

— Вот именно.

— Это уж точно.

— Все сказала?

— Да!

— Тогда домой, под арест.

— Ай, папенька!

Пальцы любящего отца ухватили дочь за ухо, затаскивая ее в особняк.

Глава 3

Сидеть в тюрьме невыносимо! Тому, кто придумал тюрьмы нужно... кишки через пасть достать нужно, вот! И пусть в твоей тюрьме кормят пирожными и самыми изысканными блюдами, а робу заменяют платья из дорогого материала, узилище от этого краше не становится. Особенно когда ты целыми днями то покрываешься паутиной и пылью в классе, глядя с тоской в ученическую тетрадь, то сидишь подле маменьки, подавая ей нити для вышивания. Но самое ужасное наказание, какое только мог выдумать папенька, — читаешь вслух любовные романы и слушаешь умиленные вздохи Лисси.

— «О, Алиная, как же я восхищен вашими чудесными волосами», — прочитала Тина вслух и скривилась. — «Они подобны водопаду в горах, а ваш смех так же хрустален, как его чистые струи, — сказал Эльтиан своей возлюбленной, перебирая в пальцах ее белоснежные, похожие на чистый снег пряди».

— Ах, как это мило, — тут же отозвалась Лисси, подпершая кулаком щеку. — Читайте, мадемуазель, читайте.

Тина покосилась на зеркало, в котором отражалась ее голова с укороченными почти до основания шеи волосами. Если бы не эти дурацкие волосы, возможно, мадемуазель Лоет обошлась бы без ненавистного чтения вслух ненавистных любовных романов. В день побега отец притащил ее в особняк, в запале не обращая внимания на прическу своей дочери, потому что теперь он вообще на нее не смотрел. Он втолкнул Тину в их с маменькой комнату и патетично воскликнул:

— Полюбуйся, мой ангел, какого упрямого барана я отловил прямо под нашими воротами. Эта мартышка скакала по ограде, как горная лань...

В этот момент папенька осекся, потому что маменька изумленно взирала на дочь, привычно ковырявшую пол носком туфли. Господин Лоет опустил взгляд, издал неясное восклицание, затем обошел дочь по кругу и, взяв в руки огрызок некогда длинной пряди, глухо спросил:

— Где?

— Там, — шмыгнула носом Тина, указывая пальцем в сторону своей комнаты. — Возле зеркала.

— Возле зеркала, — эхом повторил Лоет и, побагровев, взревел: — Убью!

Дочь с писком унеслась под защиту маменьки, сидевшей на постели,

забралась ей за спину и уже из-за плеча мадам Лоет высунула нос, чтобы взглянуть на бушующего отца. А Вэйлр бушевал, еще как бушевал. Стул, откинутый его ногой, отлетел к стене и, жалобно хрустнув, лишился сиденья. Следующий стул, пущенный уже руками взбешенного родителя, и вовсе развалился на части.

Маменька, вздрогнув от грохота и ядерной папенькиной ругани, продолжала делать то, что делала до момента, когда муж притащил к ней дочь, — расчесываться.

— Вэй, волосы отрастут, — заметила она.

— К приезду моего отца?! — спросил Лоет. — Тина, в зад... к дьяволу! Какого черта, какого х... за каким... Да чтоб вас всех! — После перевел взгляд на брошенную на пол одежду Сверчка, которую он сам донес до спальни. Затем снова посмотрел на дочь и сузил глаза. — В мальчишки, значит, решила податься, да? Волосы отрезала, а пришить себе...

— Вэй! — крикнула маменька, и папенька буркнул нечто нечленораздельное.

Круто развернувшись на каблуках, он умчался прочь из спальни, а маменька вздохнула и обернулась к дочери:

— Довела отца. Моли Всевышнего, чтобы он только гипсовые головы расколошматил, а то быть тебе поротой снова.

Тина машинально потеряла зад и насупилась. Выходить из своего укрытия она опасалась, все-таки на маменьку папенька не кинется, а вот дочери влететь может. В общем, за маменькой надежней, решила мадемуазель Лоет. И, пока Вэйлр изничтожал запасы гипсовых голов в кладовой, юное создание тряслось под крылом мадам Лоет.

Выпустив пар, господин Лоет вернулся в супружескую спальню с бутылкой крепкого вина, уже откупоренной. Сделав глоток прямо из горла, он взглянул на дочь исподлобья и буркнул:

— Прочь с глаз моих, и пока не позволю — даже не вздумай мне показываться, выпорю.

Тина сползла с кровати, прошмыгнула мимо отца, умудрившись подхватить штаны и рубашку Сверчка, которые тут же спрятала, на всякий случай. Ночь Тина провела под охраной Лисси. А утром отец придумал эту жестокую кару — дамские романы, нелюбовь дочери к которым всегда поддерживал и посмеивался над слащавыми страстями, описываемыми в них. Потому и выбрал в наказание все, что не любила дочь. На том понемногу и успокоился.

Вэйлр Лоет любил Тину, может быть, даже больше, чем сыновей, но в ту ночь он понял, что не выдерживает. Капитан пиратского брига мог

держат в железном кулаке свою команду, мог доходчиво и с одного раза объяснить провинившемуся, в чем и насколько он неправ, но перед своей дочерью чувствовал бессилие. Поначалу ее проделки забавляли отца, потом начали вызывать раздражение, но в последнее время Лоета охватывало бешенство, потому что применить к Тине известные ему способы воспитания Вэйлр не мог, а все остальное ее пугало мало и если и имело воздействие, то ненадолго. А чувствовать себя беспомощным сильный мужчина ненавидел.

Впрочем, отправлял он Тину к отцу вовсе не для того, чтобы от нее избавиться, просто хотел дать почувствовать разницу, чтобы дочь присмирела и взмолилась о возвращении домой. Вэй уповал, что рассудок возобладает и Тина решит, что лучше быть послушной рядом с родителями, чем заложницей этикета и высокомерия в особняке сиятельного деда. Он предполагал, через что придется пройти Адамантине, но именно это и должно было умерить пыл неугомонной девицы. Правда, имелись у Лоета опасения, что отец вернет внучку раньше, чем та осознает, что потеряла из-за своего неусидчивого характера и любви к приключениям. И все же его сиятельство оставался последней надеждой для бывшего пирата, и он набрался терпения, посадив дочь под замок и избегая с ней встреч до тех пор, пока негодование не перестало охватывать его при воспоминании о попытке побега и остриженных волосах.

В общем-то, он мог бы злиться не столь сильно, но! Девицы из благородных семей не носили коротких волос, и пусть это не считалось позором, но обществом порицалось, а стало быть, придется выдержать еще и презрительно оттопыренную нижнюю губу отца, поборника этикета, когда тот заявится. Да и для Тины после ее выходки в проживании с высокородным дедом станет еще меньше приятных минут. И то, что ей придется выслушать нотации по такому глупому поводу, Вэя бесило заранее. Впрочем, мадам Лоет нашла выход, и для встречи с дедом были заготовлены фальшивые локоны в цвет волос Тины. Однако носить их вечно девочка не сможет.

— Вэй, — укоризненно говорила Адалаис Лоет, слушая, как сокрушается муж, — я тоже когда-то ходила с обрезанными волосами, и обрезал их ты, своими руками.

— Во-первых, я тогда еще даже не подозревал, что влюблен в тебя, — тут же нашелся Вэйлр, — а во-вторых, в том была нужда. Наша же дочь сотворила с собой не пойми что из собственной дури. Она не хочет взрослеть, и это раздражает.

Ада покачала головой и обняла мужа, успокаивая его.

— Тина дружит с мальчиком, дорогой. Они столь близки, что равняются друг на друга. И что ты хочешь, если ее единственный друг на три года младше нее?

— Есть достаточно девочек...

— Ей с ними скучно, когда под рукой есть Сверчок. Возможно, вдали от него, сменив круг знакомых, Тина преисполнится новых интересов и начнет меняться. У нее могут появиться подруги, и тогда ребенок потянется к ним, превращаясь в настоящую девушку, — увещевала мадам Лоет.

— Угу, — промычал Вэйлр. — Это наше-то исчадие преисподней? — После вздохнул и коротко поцеловал супругу в уголок губ. — Будем надеяться на лучшее. К тому же там будет Ланс, хоть брат сестру развлечет.

— Вэй! — весело воскликнула Ада. — Не пойму, ты Тину наказать хочешь или устроить ей увеселительную прогулку?

— Ребенок останется один среди высокородного снобья, — проворчал Лоет, бросил косой взгляд на ухмыляющуюся жену и обвинительно произнес: — Сердца у тебя нет, женщина.

— Так отмени решение, еще не поздно, — улыбнулась Ада, которой не особо нравилась затея мужа. Расставаться с последним из своих троих детей женщина не хотела, но спорить с Вэем не стала, соглашаясь, что дочь совсем отбилась от рук.

— Вот еще, — фыркнул Лоет. — Как сказал, так и будет! Но ребенка жалко. — После чего поспешил скрыться, сбегая от насмешек жены.

Ничего этого Тина, разумеется, не знала, иначе приложила бы все усилия к тому, чтобы уговорить отца передумать. Но девушка расставила неверные приоритеты и уговаривала маменьку, пока та не запретила при ней заговаривать на эту тему вовсе. Мадемуазель Лоет и в голову не приходило, что ее папенька, никогда не менявший своих решений, вполне мог поддаться, если бы она правильно приступила к делу. И результатом стало восклицание служанки, заглянувшей в комнату Тины:

— Его сиятельство приехали.

— Чтоб его разорвало, — проворчала мадемуазель и предалась унынию с новой силой.

Она с тайной надеждой взглянула на окно, но Сверчка там не было. Эмил теперь каждый день ходил со своим отцом в контору, выполняя там мелкие поручения, и времени на свидания с подругой у него не осталось. Паренек один раз попробовал ускользнуть из-под бдительного ока родителя, но получил за это трепку и угомонился, тем не менее отчаянно тоскуя по Тине.

— Идемте же, мадемуазель, — засуетилась нянька. — Нужно

поздороваться с дедушкой. Подождите, только локоны приладим.

Простонав, Тина покорила, в душе проклиная свое «везение». Вскоре она уже с нескрываемым сомнением смотрела на свое отражение, хмыкнула и махнула рукой: сойдет. Лисси ненадолго покинула свою подопечную, а когда вернулась, сообщила, что они могут продолжить чтение, Тину позовут в свое время.

— Лисси, ну как тебе может нравиться эта муть? — спросила мадемуазель Лоет и передразнила героев романа: — О, Алиная, ваша кожа пахнет цветами. О, Эльтиан, меня охватывает трепет, когда вы подходите ко мне, тьфу!

— Как у вас это здорово получилось, — восхитилась нянька и сунула девушке книгу. — Читайте. У нее там как раз понесла лошадь.

— Что ж она ее не унесла к морскому дьяволу в зад еще в первом предложении первой главы, — проворчала Тина и продолжила чтение.

Позвали ее только к ужину, продлив пытки чтением и ожиданием до состояния, когда мадемуазель Лоет была уже готова взорваться. Все та же служанка заглянула в ее комнату и важно сообщила:

— Мадемуазель Адамантина, вас папенька призывает.

Испытав даже облегчение от того, что ожидание закончилось, Тина опередила нянюшку и легкой походкой направилась в столовую, где ее ждали родители и сиятельный дед. Граф Лорель Мовильяр был мужчиной представительным и в свои семьдесят с лишним лет выглядел подтянутым и бодрым. Статью Вэйлр Лоет, лишенный семейного имени, когда отказался принять условия отца, пошел в его сиятельство, впрочем, как и его брат-близнец Натаэль Мовильяр. Глядя на их сиятельства, можно было представить, как выглядел Вэйлр, прежде чем его лицо изуродовал шрам. Он тянулся из-под волос, проходил через полуприкрытый веком глаз, почти лишенный зрения, затрагивал уголок губ и исчезал в аккуратной бородке.

Впервые увидев свекра и деверя, мадам Лоет сказала мужу:

— Ты мне нравишься намного больше. Их сиятельства какие-то не такие.

— Какая любопытная оценка, — рассмеялся ее муж.

На лице обоих Мовильяров имелась печать заносчивости и высокомерия, свойственного аристократии, приближенной к королевскому двору. Им не было присуще ехидство Лоета. Если Вэйлр язвил, то старший и младший графы жалили ядом своего величия. Правда, Натаэль был немного проще своего отца и Аде понравился больше. Свекор казался женщине каменным истуканом, и особо сблизиться у них не вышло.

— Доброго вечера, маменька, папенька, ваше сиятельство, — заученно

пробубнила Тина, войдя в столовую.

— Добрый вечер, дочь, — кивнул Лоет. — Присаживайся.

— Вэйлр, — глубокий, хорошо поставленный голос деда разил холодком, — ты так и не дал дочери хорошего воспитания. Юная особа должна была поздороваться с каждым лично, начиная от старшего и заканчивая младшим, а не смешивать всех в одну кучу. Адамантина, — Тина, посмотрев на графа, встретила с колючим взглядом таких же каре-зеленоватых глаз, как и у нее, — дитя мое, подойди.

— Отец, может, дадим ребенку поесть для начала? — раздраженно спросил Вэйлр.

— Дитя мое, — не обращая внимания на сына, продолжил его сиятельство, — подойди. Я хочу взглянуть на тебя поближе.

Тина шмыгнула носом, машинально утерла его тыльной стороной ладони и сделала первый шаг, но была остановлена ледяным:

— Стоять. Вэйлр, ты видел, что только что сотворила твоя дочь?

— Что сотворила моя дочь? — насмешливо поинтересовался Вэй.

— Она вытерла нос рукой, — брезгливо пояснил граф. — И это воспитание?

— Отличное воспитание, — парировал Лоет. — В подол она уже не сморкается.

— В подол?! — в ужасе спросил дед Мовильяр, и Тина с Адалаис одинаково возмущенно уставились на отца и мужа: подобного греха за мадемуазель Лоет не водилось.

— А что? Сопли, отец, на то и сопли, чтобы от них избавляться, — уже откровенно издевался над графом бывший пират. — Если есть подол, почему бы и нет? Я вот, например, люблю сморкаться в галстук. Ада...

— Уволь, — коротко потребовала мадам Лоет.

— Хорошо, — легко согласился Вэй. — Ада у меня воспитанная, она пользуется подолом платьев прислуги, свое не гадит.

— Какой ужас, — передернул плечами граф.

— А что? — Лоет уселся поудобней. — Мы еще чавкаем и ковыряемся друг у друга в тарелках, бывает, даже пальцами. Кстати, у тебя там примечательный кусок мяса, ты не против, если я возьму? — И он привстал в явном намерении добыть указанный кусок.

— Я буду есть у себя в комнате, — его сиятельство стремительно поднялся и вышел из столовой, ни на кого не глядя.

Мадам Лоет тяжело вздохнула и с укором посмотрела на мужа.

— Ты неисправим, Вэй, — сказала она. — Твой отец...

— Бесит, — коротко ответил Лоет и указал дочери на стул. — Давайте

уже спокойно поужинаем без пристального внимания моего родителя.

Ужин прошел в тишине. Вэйлр Лоет поглядывал на дочь и о чем-то напряженно думал. Мадам Лоет сохраняла на лице каменное спокойствие, и только Тина страдальчески сопела, ерзала на стуле и протяжно вздыхала, намекая на снисхождение.

Когда был съеден десерт, папенька откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Тина, — позвал он дочь. — Если я оставлю тебя дома, ты изменишься? Станешь послушной?

Мадемуазель Лоет вскинула голову, глаза ее засияли, и она с готовностью закивала, готовая клясться в чем угодно.

— Я буду очень хорошей, папенька! Очень-очень хорошей! Правда-правда!

Вэй вздохнул и поднялся из-за стола.

— К деду, — мрачно произнес он.

Отец слишком хорошо знал свою дочь, чтобы не разглядеть в ее глазах уже знакомого бесенка, довольно потирающего когтистые лапки. Желания меняться мадемуазель Лоет не показала абсолютно, лишь облегчение, что кара миновала.

— К деду? — потрясенно спросила Тина. — Папенька! Но я же обещала!

— Ты всегда обещаешь, — отмахнулся Вэйлр.

— В этот раз вообще клянусь!

— К деду.

А утром экипаж его сиятельства увозил хмурую внучку из ее родного дома. Прощание с родителями вышло скомканным и быстрым. Граф Мовильяр не желал задерживаться в особняке своего сына и сохранял на лице непроницаемое выражение. Вэйлр поцеловал дочь в лоб, дав скупое отеческое напутствие:

— Терпения, стойкости и скорого возвращения разума.

Ада обняла дочь, задержав ее в объятьях, — расставаться оказалось тяжелей, чем готовиться к прощанию. После расцеловала Тину в обе щеки и шепнула:

— Помни, что мы тебя любим.

— Угу, а к деду отправляете, — пробурчала мадемуазель Лоет.

Самель, стоявший поодаль, сопел столь громко, что граф обернулся в его сторону. Повар утер набежавшую слезу и крикнул:

— Кушай хорошо, маленький ангел... Я буду скучать.

— Я тоже, дядюшка, — всхлипнула Тина. Она посмотрела на

родителей и бросилась к ним, обхватив руками за шеи сразу обоих. — Я буду очень скучать!

Его сиятельство, устав ждать, выдернул внучку из любящих объятий и подтолкнул в сторону экипажа. Он кивнул сыну и невестке, мазнул взглядом по хлюпающему великану и направился следом за Тиной. Высокий и властный граф Мовильяр шел величаво, помахивая черной лакированной тростью. Впереди семенила невысокая хрупкая Адамантина Лоет, украдкой вытирая слезы и оглядываясь по сторонам, надеясь хотя бы помахать своему другу, но Сверчок так и не появился, закрытый отцом в конторе, чтобы ничего не вытворил. Вэй некоторое время смотрел вслед отцу и дочери, после рванул с шеи галстук и направился в дом.

— Пойду напьюсь, — сказал он, скрываясь за дверями особняка.

— Кара, скажите слугам, чтобы сегодня не заходили на половину господина Лоета, это может быть небезопасно, — велела Ада служанке, стоявшей недалеко от нее.

— Да, мадам, — ответила девушка и поспешила оповестить прислугу.

Ада проводила взглядом отъезжающий экипаж, подняла лицо к небу и выдохнула, уговаривая себя, что дочь скоро вернется. Мысленно она дала мужу пару месяцев выдержки, прежде чем он сорвется за своим сокровищем, чтобы вернуть Тину домой.

— Ангелок, — она обернулась и грустно улыбнулась, услышав прозвище, которое ей когда-то дали пираты с легкой руки своего капитана. — Идемте, тоже выпьем. У меня настойка ваша любимая припрятана.

— Надо прислугу удалить из особняка вовсе, — решила мадам Лоет. Что капитан Лоет, что его кок Мясник во хмелю не угрожали только ее безопасности; об остальных стоило позаботиться.

Тина сидела в экипаже его сиятельства, стиснув ладони между колен, и смотрела в окно, время от времени шмыгая носом. Дед некоторое время следил за внучкой, но вскоре не выдержал.

— Адамантина, сядь ровно, руки на колени, как подобает сидеть девицам благородного воспитания. И прекрати хлюпать, это раздражает, — отчеканил граф Мовильяр.

Мадемуазель Лоет покосилась на деда, но выполнила его требования, надеясь, что послушание быстрее приведет ее назад на порог родительского дома. Правда, перестать хлюпать оказалось непросто, что было последствием слез. Она снова шмыгнула носом и утерла его тыльной стороной ладони. Тут же кончик трости несильно стукнул ее по ноге, и на колени девушки упал надушенный платок.

— Дитя мое, мы будем изживать дурные привычки, — строго произнес его сиятельство. — То, что позволяет себе дочь торгашей, не может делать моя внучка.

Возмущенная словами деда, Тина вскинула голову и посмотрела на него. Губы его сиятельства были поджаты в упрямую тонкую линию, взгляд излучал холод и был непроницаем, и до юного создания дошел весь ужас ее нового положения. Прощайте, вольности и баловство, теперь ее будут дрессировать, превращая из дочери бывшего пирата во внучку графа Мовильяра. Однако стерпеть оскорбление, нанесенное родителям, было сложно, и она все-таки ответила:

— Ваше сиятельство, зачем вы оскорбляете маменьку с папенькой? Они честные люди! Папеньку знают и уважают все: от мэра Кайтена и до последнего портового грузчика.

— А также все пиратское братство, — пренебрежительно ответил дед. — Он мог бы сделать карьеру при дворе, жениться на дочери аристократов, как его брат. Но выбрал стезю разбойника и жену-лавочницу. Итог этого союза — передо мной.

Глаза Тины загорелись гневом, она сжала кулаки и не менее упрямо взглянула на графа.

— Моя маменька — дочь банкира! — воскликнула она. — Она получила благородное воспитание, и уж коли говорить откровенно, то аристократкам Кайтена стоит на нее равняться, тогда они не будут казаться сороками, трещащими без умолку о моде, кавалерах и друг друге. Не думаю, что придворные дамы ушли от них далеко. Мои родители знают, что такое честь. Я слышана от моряков, сколь они восхищены доблестью и отвагой папеньки...

— При нападении на торговые корабли и в противостоянии королевскому флоту...

— Недалеко ушедшему от пиратов, а порой и превосходящему Лигу свободных мореплавателей по жестокости и коварству. Я слышала, сколько раз ругался папенька на то, что его людям приходится отбиваться от нападения военных кораблей, стоящих на охране границ своих государств, от нападения на торговые суда и их сопровождение. И вы будете говорить мне о том, что мои родители недостойны уважения! Ваше сиятельство, к черту право по рождению и офицерские мундиры, коли за всем этим скрываются гнилые души. И пусть мой отец был пиратом, но теперь он честный коммерсант и ваш сын, между прочим!

— Молчать! — рявкнул граф, не спускавший с внучки взгляда сузившихся глаз. — Девчонка, — презрительно выплюнул он, — что ты

понимаешь в том, о чем говоришь?

— Достаточно, чтобы встать на защиту людей, которых люблю и уважаю! — все больше горячилась мадемуазель Лоет.

— Столь сильно уважаешь, что твои родители были вынуждены обратиться ко мне?! — рассмеялся граф Мовильяр. — Сколь сильна твоя любовь, дитя мое, если ты не в силах услышать просьб тех, кто дал тебе жизнь, насколько велико уважение, если они вынуждены краснеть за тебя перед всем городом? Дочь уважаемого судовладельца дерется на улице с мальчишками, носится в порт и ведет себя столь непотребно, что даже в свой день рождения, зная, что в гости ждут родных и знакомых, она сбегает со своим сопляком другом и возвращается грязная, оборванная и с синяком под глазом? Должно быть, твоя любовь выразилась в том, что твой отец метался по городу, обеспокоенный долгим отсутствием дочери? Или же уважение состояло в бледности матери, которой приходилось прятать свое волнение и развлекать гостей, пока ты влезаешь в очередную авантюру? Скажи мне, Адамантина Лоет, дочь аристократа, пирата и судовладельца, сколь еще могут быть велики твои любовь и уважение к родителям?

— Я... Но...

Тина моргнула, отыскивая ответ, но так и не смогла опровергнуть правдивость слов своего высокородного деда. Она сникла и всхлипнула.

— Платок, — тут же отчеканил граф. — С этого дня мы будем перекраивать дочь пирата в дочь аристократа.

— Чтоб меня разорвало, — буркнула Тина и предалась стыду и отчаянию.

Глава 4

Экипаж графа Мовильяра, запряженный шестеркой вороных, сверкающий позолотой, изящный, как искусная шкатулка, сотворенная руками истинного мастера, въехал в высокие ажурные ворота, украшенные вензелем с витиеватой буквой «М». Привратники склонились в низких поклонах, приветствуя хозяина. Карета проехала по аллее, по бокам которой росли величественные каштаны, обогнула большую круглую клумбу, усаженную розами, и остановилась перед широкой парадной лестницей, ведущей в огромный особняк, больше напоминавший дворец. К карете подбежал мужчина в ливрее, распахнул дверцу, опустил лестницу и склонился перед его сиятельством.

— Наконец вы сможете познакомиться с вашим родовым гнездом, Адамантина, — с достоинством произнес господин граф, выходя из экипажа. — Здесь родился и рос ваш отец и мой сын, его сиятельство граф Вэйлр Мовильяр, впоследствии сменивший фамилию, данную ему его славными предками, на прозвище Лоет и променявший титул на паруса своего разбойничьего брига.

Лакей спешно подал руку внучке хозяина, и Тина, несмело оглядываясь, выбралась из кареты. Возможно, их дом в Кайтене выглядел не столь богато и внушительно, но поместье графов Мовильяров ее начало подавлять с первой минуты, вызывая желание дать стрекача больше, чем открыть в восхищении рот и произнести столь родное и привычное «Гарпун мне в печень».

Граф на мгновение остановился, с легкой насмешкой наблюдая за озирающейся Тиной. После указал кончиком трости на особняк и провозгласил:

— Добро пожаловать домой, дитя мое.

Девушка закусила губу, за что тут же удостоилась изломленной в нарочитом недоумении брови его сиятельства, расправила плечи и последовала за ним, чувствуя себя преступником, приговоренным к расстрелу. Высокородный дед шел впереди, франтовато помахивая своей тростью, прямой как жердь, с гордо задранным подбородком. В каждом его движении чувствовались величие и сознание собственного достоинства.

Еще в дороге он перешел с внучкой на «вы», приучая ее к обращению, принятому в кругах аристократии. Никакой Тины: либо Адамантина, либо дитя мое. За ругательства — несильный удар тростью по колену, как и за

попытки шмыгнуть носом. За жест в виде указующего перста этот перст был отбит ладонью его сиятельства. Стоило ссутулиться — и хлопок тут же следовал по спине. Опустить взгляд себе под ноги — палец деда задирает подбородок. А когда Тина сплюнула — и вовсе получила по губам.

Но один из главных недостатков ее нового положения открылся в гостинице на третий день пути. Наутро его сиятельство пришел за внучкой, чтобы отвести ее на завтрак. Девушка открыла дверь, забыв о фальшивых локонах. Свое негодование граф выразил брезгливо опущенными уголками губ и фразой:

— Наступит ли предел моему терпению?

— Маменька с папенькой дольше терпели, — буркнула Тина.

— Что посеяли, с того и сняли урожай, — отвечивал дед. — Спрячьте этот позор, Адамантина.

Уже после гостиницы, когда путники уселись в карету, граф Мовильяр в задумчивости произнес:

— Одного не могу понять: как при троих отпрысках все пороки достались именно девице?

— Судьба, дьявол ее дерит, — вздохнула Тина — и тут же получила тростью по ноге.

Но вернемся в поместье Мовильяр. Дед с внучкой вошли в особняк, где были встречены вышколенными слугами. Здесь явно не могло быть дядюшки Самеля с его баловством втихаря от родителей. На лицах прислуги сохранялось надменное выражение, никто из них не позволил себе разглядывать внучку его сиятельства, и только вслед хозяину и дочери второго сына графа поворачивались головы, и в глазах зажигался интерес.

— Вам покажут ваши покои, Адамантина, — произнес сиятельный дед, поднимаясь по лестнице. — Также объяснят распорядок и правила этого дома. К вечеру придет портной, чтобы снять с вас мерки. Не желаю, чтобы моя внучка ходила в готовых платьях; вам сошьют наряды по моим указаниям. Мы избежим всех этих новомодных кричащих цветов, излишества бантов и оборок. Скромность не означает бедность. Также вы познакомитесь с вашими кузенами, ваш дядя Натаэль привезет их к ужину. С ним приедет и Ланс, надеюсь, встреча с братом порадует вас. Завтра придут учителя, и я буду лично следить за вашим обучением. К сожалению, ваша глупость сыграла с вами злую шутку, и я не могу позволить вам покинуть пределы поместья, пока волосы не отрастут настолько, чтобы за прической скрыть недостаток их длины. Никаких фальшивых локонов — это дурной тон. Зная ваш живой нрав и предупрежденный вашим отцом о возможной попытке побега, я приказал

приставить к вам компаньонку. Также за вами будет следовать лакей, постоянно, пока я не увижу, что вы образумились и я могу доверять вам.

— Дышать мне хотя бы не запрещается? — возмущенно спросила Тина широкую спину своего деда.

— Дышать вы можете, но согласно этикету, — усмехнулся он, не оборачиваясь. — Лишние вдохи придется оставить за ненадобностью.

— Вашу ма...

— Адамантина!

— Прошу прощения, ваше сиятельство.

— И в который уже раз я дарюю вам его, дитя мое.

— Вы безмерно великодушны.

— Помните об этом, дитя мое. Иногда я бываю зол и нетерпим, не испытывайте моей выдержки.

— Угу...

— И не мычите, вы человек, а не животное.

— Лопни моя требуха, — в бессилии прошептала Тина и ткнулась носом в спину деда, остановившегося у дверей ее комнаты.

Чуть позже мадемуазель Лоет, помытая и переодетая, сидела в столовой и ожидала появления его сиятельства. Столовая была столь огромна и помпезна, что Тина едва удержалась от того, чтобы не ухнуть, подобно сове, дабы услышать свое эхо. Остановило ее присутствие лакеев, замерших на небольшом отдалении от стола.

От стола... Ох, это был не стол — это был король столов, настоящий столице, как прозвала про себя сей предмет мебели Тина. Будь здесь Сверчок, они бы могли на этом столе сыграть в догонялки. Но самым забавным девушке показалось то, что накрыто им с дедом было на разных концах. То есть, вздумай она о чем-то спросить его сиятельство, должно быть, придется приложить руку ко рту и закричать, чтобы он ее услышал. Ах, нет, как раз этого-то делать и нельзя. Поерзав на стуле, Тина решила на досуге вспомнить правила поведения за столом, которые ей неоднократно втолковывала матушка.

Не стоит думать, что мадемуазель Лоет ела, как говорил ее папенька, чавкая и залезая в чужую тарелку. Тина была аккуратна, умела пользоваться ножом и вилок, знала, для чего существуют салфетки, и никогда не разговаривала с набитым ртом... за общим столом. Однако дома не было строгих правил, и во время трапезы часто велись беседы. Чета Лоет не стремилась следовать этикету, и на их столе обычно стояло два-три блюда, этого вполне хватало для насыщения. Прислуга не топталась за спиной, и хозяева прекрасно обслуживали себя сами.

Сейчас же весь этот столик был уставлен супницами, соусницами, огромными блюдами. Одних напитков Тина насчитала десять штук, а после задумалась, не тайный ли пьяница ее дед — папеньке обычно хватало одного бокала вина. На столе в особняке Лоетов стоял графин, но бывало, что к нему вовсе не притрагивались. После того как девушка рассмотрела поверхность стола между двумя сервированными краями, она обратила внимание на саму сервировку. С ее языка едва не сорвалось ругательство, когда она вдруг поняла, что не помнит и половины ножей и вилок, лежавших перед ней. Приборов было столь много, словно граф и его внучка собирались засесть в столовой на неделю.

Тина представила, как через несколько дней прислуга выкатывает из дверей столовой вначале круглого, как шар, его сиятельство, а следом шарик поменьше — саму Тину. Воображение столь живо нарисовало ей эту картину, что девушке пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы не засмеяться. Но тут воображение дорисовало, что сиятельный шар не просто катится, подвластный рукам лакеев, но еще и вещает:

— Дитя мое, вы должны катиться ровно, не задевая углов, и не подпрыгивайте. Только невежи подпрыгивают, как мячики. Вам пристало катить свое тело с достоинством.

Это стало последней каплей, и мадемуазель Лоет, отчаянно хрюкавшая в ладошку, расхохоталась в полный голос. Она старалась унять смех, очень сильно старалась. Кусала кулаки, представляла деда, но он выходил непременно круглым, с маленькими толстыми пальчиками рук, торчащими из того места, где раньше были плечи, от ног остались лишь ступни, обутые в ботинки, и они дергались, словно пытались идти по воздуху. Это довело Тину до исступления. Лакеи уже не просто поглядывали на нее, теперь они не сводили взгляда с внучки хозяина. Девушка сползла под стол, при этом колошматила кулачком по полу и подвывала:

— Не могу-у-у... У-у-у...

Его сиятельство зашел именно в тот момент, когда Тина наполовину выбралась из-под стола. Он приподнял брови, рассматривая внучку, девушка заметила деда, покраснела и хотела пояснить, что она нечаянно, но вновь хрюкнула и уползла с хохотом под стол.

— Однако, — произнес граф, направляясь к своему столу. Лакей сделал шаг к нему, помогая сесть, и его сиятельство ледяным тоном велел: — Поднимите мадемуазель Адамантину и помогите ей утвердиться на стуле. Да, и приготовьте веревку. Если моей внучке будет трудно сидеть, вы привяжете ее к стулу.

Услышавшая его слова Тина от возмущения перестала смеяться и,

оттолкнув руки лакеев, вернулась на свое место.

— Прощу меня простить за неуместный смех, — проямлила она, не глядя на графа.

— Поясните причину столь... бурного веселья, дитя мое, — потребовал его сиятельство.

— Не стоит об этом говорить, — еще пуще покраснела Тина.

— Отчего же, — граф откинулся на спинку стула, — мне крайне любопытно узнать причину вашего смеха.

Мадемуазель Лоет опустила голову, глядя на свои руки, лежавшие на коленях, не решаясь дать ответ.

— Адамантина, поднимите голову, — слегка раздраженно потребовал дед. — Расправьте плечи и смотрите на меня, когда я задаю вам вопрос. Что стало причиной вашего веселья?

Девушка поджала губы и вдруг подумала, что кричать вовсе не приходится, и она прекрасно слышит своего деда.

— Мне казалось, что на таком расстоянии невозможно услышать друг друга, если не кричать в полный голос, — заметила Тина.

— Здесь прекрасная слышимость, дорогая, — чуть заметно улыбнулся его сиятельство. — Так стол вам показался большим?

— Чрезвычайно, — живо отозвалась мадемуазель Лоет, горячо кивнув.

— Вы просто не видели королевский обеденный стол, дитя мое, — теперь граф улыбался уже совсем открыто. — Сравнение будет таким же, как если бы вы поставили рядом стол из столовой в особняке вашего отца и этот.

— Ого! — округлила глаза Тина.

— Подобные восклицания недопустимы, Адамантина, — строго заметил граф Мовильяр. — «Невероятно» вполне заменит ваше простонародное «ого». Это и стало причиной вашего веселья?

— Нет, — была вынуждена сознаться девушка, вновь опустив глаза.

— Так что же тогда? — его сиятельство расправил салфетку, положил ее себе на колени и сделал знак лакею, что тот может наполнить его тарелку.

Мадемуазель Лоет вновь испытала неловкость, поерзала на стуле и протянула:

— Ну-у-у... Как бы... Просто, ну-у... я представила...

— Что представили? — граф никак не желал оставаться без ответа.

Вздыхнув, Тина взялась за салфетку, нервно накрутила ее на палец, после перемотала два пальца, сделав из них ножки, потопала по столу, любуясь перетянутым жгутом, походившим на виляющий зад, и хмыкнула

над аналогией.

— Прекратите ребячиться, вы через два года станете невестой. Ваш отец считает, что этого времени вам хватит на взросление; я, признаться, склонен усомниться, — в голосе графа вновь проскочила нотка раздражения. — Я задал прямой вопрос и желаю получить прямой ответ. Я хочу знать причину той непотребной сцены, которую имел честь наблюдать. Почему вы оказались под столом, ржущая, как гвардейская лошадь? Иначе ваш смех назвать язык не поворачивается. Ответ, Адамантина!

— Чтоб вас разорвало, — проворчала Тина себе под нос.

— Я все слышу. Отвечать!

— Да стол ваш, и все эти блюда, и вилки, и вообще! — выпалила девушка. — Здесь столько всего наставлено, будто мы собираемся поселиться в столовой.

И она рассказала свою фантазию, краснея, заикаясь, но доводя повествование до конца под темнеющим взглядом его сиятельства. Лакеи прятали улыбки, кто-то хмыкнул и тут же удостоился грозного взгляда хозяина.

— Это все? — ледяным тоном поинтересовался граф.

— Да, — кивнула Тины.

— Иного от вас, Адамантина, я и не ожидал. Теперь приступим к обеду, и, надеюсь, вы порадуете меня хотя бы начальными знаниями этикета. Трапезы в ресторациях мне показали лишь, что вы умеете держать в руках столовые приборы. Жакуе, прочтите молитву.

Один из лакеев выступил вперед и негромким голосом исполнил повеление графа Мовильяра, после чего его сиятельство приступил к обеду. Тина последовала его примеру, упорно отказываясь от блюд, предлагаемых лакеями, и выбирая в приборах то, в чем могла разобраться. К концу обеда довольная собой девушка промокнула салфеткой уголки рта и отвалилась на спинку стула, привычно погладив живот.

— Недопустимый жест, непозволительная поза, — тут же отчеканил его сиятельство. — Сядьте ровно, Адамантина, поблагодарите за трапезу.

— Благодарю, — послушно сказала Тина, теряя появившееся благодущие.

— Теперь можете покинуть столовую. Отдохните с дороги, вам сообщат, когда придут гости, и вы сможете предстать перед ними, — граф промокнул губы и поднялся из-за стола.

— Даже нельзя посмотреть ваш особняк? — удивилась девушка.

— Еще успеете. Пока отдохайте, чтобы не зевать, когда соберутся

гости.

И мадемуазель Лоет покорилась, решив оставить исследовательскую деятельность на потом. В отведенные ей покои Тина вернулась в сопровождении лакея, приставленного к ней сиятельным дедом, пока отсутствовала обещанная компаньонка. Лакей, молодой мужчина самой непримечательной внешности, с интересом поглядывал на внучку хозяина, всю дорогу до комнаты бубнившую что-то себе под нос. Из всего ворчания лакей уловил:

— Лопни моя селезенка... Блевать тянет... Дьяволу в зад, — и что-то еще уж вовсе неприличное, но весьма занимательное. Впрочем, уточнять, что означает половина слов, срывавшихся с уст прелестной девицы, мужчина не решился.

Захлопнув дверь перед носом лакея, Адамантина Лоет тут же развязала ленты своих туфельек, задрала подол, дабы не стал помехой, и запустила в полет сначала одну туфельку, после вторую. Затем сознательно ссутулилась и даже прошла вразвалочку, более напоминая сейчас паренька в женском платье, особенно со спины, чем благородную девицу, коей должна была стать после науки его сиятельства. Дойдя до уборной, Тина смачно сплюнула в ночной горшок и почувствовала некоторое облегчение.

— У-уф, — протянула она устало.

Это были тяжелые две недели, в которые уложилась их дорога. Поместье ужасное, дед невыносимый, и путь домой обещал стать долгим и тернистым.

— Я выдержу, — решила мадемуазель Лоет, уже составляя в уме слезливое письмо для папеньки с маменькой. Выглядело оно примерно так:

«Дорогие мои, нежно любимые и единственные люди во всей вселенной, от разлуки с которыми мое сердце рвется пополам.

Знали бы вы, маменька и папенька, как я скучаю. Как тяжело мне в разлуке с вами! Дорога сказалась на моих нервах, и чувствую, что слягу я вскорости с тяжелейшею лихорадкой. Пожалейте свое дитя! Освободите от нестерпимого гнета моралей, нотаций, этикета и его сиятельства. Душа моя истомилась и исстрадалась от тоски по вам, любимые мои родители. Спасите меня! Иначе быть беде. Чувствуя я, что близка моя кончина. Умру во цвете лет, так и не узнав, как же сладка встреча после невыносимой разлуки. Так не оставьте же меня

своею милостью и вызволите дитя ваше из паутины светских манер.

Безмерно любящая вас дочь на последнем издыхании,
Адамантина Лоет.

P.S. Папенька, вспомните, я ваше ненаглядное сокровище!
Вы сами это говорили, а сокровищами не разбрасываются!
Закройте меня дома, пожа-а-алуйста-а-а!!!»

За составлением в уме сего слезливого послания юная мадемуазель Лоет уснула, свернувшись в клубок в глубоком и мягком кресле. Снились ей родной Кайтен, порт, Сверчок, лихо сплевывающий сквозь небольшую щель в передних зубах на башмак Заморыша, и, конечно, родной дом. От горестного всхлипа Тина и проснулась, совсем не по этикету громко хлюпая носом.

На поместье уже опустились сумерки, и особняк наполнился голосами и оживлением. Тина поднялась на ноги и охнула, ощутив, как сильно они затекли. Ей пришлось сесть обратно и ждать, когда неприятные иголки исчезнут. Слегка морщась, девушка прислушивалась к голосам, доносившимся до нее. И в какой-то момент ей показалось, что она узнала голос папеньки, только звучал он несколько иначе, словно моложе и более зычно.

Мадемуазель Лоет сорвалась с места и стремглав бросилась прочь из комнаты, умоляя всех известных ей богов и, естественно, Всевышнего, чтобы слух не обманул ее и голос действительно принадлежал взволнованному разлукой отцу, который одумался и понял всю несуразность своей затеи. Тина даже готова была его сразу же простить, лишь бы он увез ее из этой Преисподней.

Распахнув дверь, девушка выбежала в коридор, прислушалась и, вновь уловив голос с такими знакомыми ироничными интонациями, помчалась в ту сторону, подвывая на ходу:

— Папенька-а-а!

Сильные мужские руки обхватили ее за плечи, удерживая от неизбежного столкновения, когда Тина выскочила за угол. Она вскинула голову и с изумлением уставилась в серо-зеленые глаза незнакомого молодого человека. Имел незнакомец знакомые стать и рост, даже черты легко узнавались, но вот светлая кожа и волосы, имевшие золотистый оттенок свежей соломы, казались чем-то нелогичным и даже

кощунственным. Особенно когда все это ходячее недоразумение заговорило папенькиным голосом:

— Если угодно, я могу им стать для вас, милое дитя.

В лукавом прищуре глаз кузена, а никем иным молодой человек быть не мог, мелькнула насмешка, и это привело Тину в себя. Она скинула с плеч ладони графа Мовильяра-младшего и гордо вздернула подбородок.

— Благодарю покорно, но одного отца мне вполне достаточно.

— Марк, руки прочь от моей сестры, — услышала Тина веселый, хоть и показавшийся суровым голос, в котором она уже не ошиблась.

— Чтоб я сдохла, — пробормотала она и радостно взвизгнула. — Ланс!

— Как мило, — насмешливо хмыкнул кузен, глядя вслед мчавшейся по коридору мадемуазель Лует.

— Ланс, гарпун тебе в печень, — между тем тараторила Тина, повиснув на шее старшего брата. — Какого черта ты совсем пропал?! Я соскучилась, как тысяча бесов без хмельного пошла! Ланс, дьявольское отродье...

— Адамантина! — прогрохотал его сиятельство раньше, чем Ланс успел хоть что-то ответить. — Немедленно в свою комнату, я буду иметь с вами серьезный разговор.

— К чертям собачьим, — мрачно изрекла девушка и, насупившись, отправилась в отведенные ей покои, чтобы выслушать новую порцию нотаций.

— Дедушка, — позвал сурового графа Марк Мовильяр, — вы хотите испортить кузину, лишив ее столь очаровательного образа дикарки? Помилосердствуйте и не спешите менять саму природу!

Молодой человек мило улыбнулся, окончательно сразив Тину одним только словом «дедушка». Кто дедушка? Его сиятельство — дедушка? Это мэтр Ламбер — дедушка. Добрый, любящий, балующий. А его сиятельство невозможно назвать таким теплым и уютным словом. Совсем-совсем нельзя!

— Молчать, разгильдяй, — холодно велел граф и перевел взгляд на Ланса. — Мальчик мой, ты сможешь поговорить со своей сестрой позже. После меня, — чеканно закончил его сиятельство и последовал за Тиной, то и дело оборачивавшейся назад, чтобы взглянуть на кузена, весело ей подмигнувшего.

— Держись, — произнес одними губами брат и улыбнулся Тине, приложив ладонь к сердцу.

От этого простого жеста девушке вдруг стало легко и хорошо, будто

она оказалась снова дома. Мадемуазель Лоет улыбнулась сама себе, уже успев забыть, что на пятки ей наступает само возмездие в лице родного деда, который никак и никогда не мог бы назваться «дедушкой».

— Адамантина, — девушка вздрогнула и ссутулилась, мрачно взирая себе под ноги, за что тут же получила несильный шлепок по хребту, и перст графа поднял голову внучки за подбородок. — Спину прямо, подбородок не опускать. Вы — Мовильяр, дитя мое...

— Лоет, ваше сиятельство. Со всем моим уважением, но я Лоет, — заносчиво ответила Тина и прикусила язык под темнеющим взглядом графа.

— Дерзите, мадемуазель? — чуть прищурившись, спросил мужчина. — Поддержку почувствовали? Только учтите, от моего гнева вас не спасет ваш брат и уж тем более не спасет этот великовозрастный оболтус, ваш кузен.

В это мгновение девушка преисполнилась живейшей симпатии к Марку, ощутив в нем родственную душу. Сейчас она готова была признать очаровательным созданием даже самого Морского дьявола, если им будет недоволен его сиятельство. Тина простила младшему Мовильяру и светлые волосы, и голос, похожий на голос ее папеньки. Тем временем старший граф прожигал внучку гневным взглядом.

— Скажите мне, мадемуазель Лоет, — выделив букву «т», чеканил его сиятельство, — что вы ожидаете от жизни? Каким вы видите свое будущее?

Тина застыла каменным изваянием перед своим дедом, глядя прямо перед собой, но не спеша отвечать ему.

— Как вы думаете, дитя мое, сможет ли порядочный мужчина обратить на вас внимание? Стоит вам открыть рот, и очаровательная девица превращается в пьяного матроса! — его сиятельство негодовал. Таким сердитым Тина еще не видела графа. Сейчас он даже чем-то напоминал папеньку. — Осознаете ли вы, что будущее ваше печально и незавидно? Вынести ту грязь, что срывается с языка благородной дамы, может разве что негодяй, готовый ради щедрого приданого вытерпеть и не такое. Однако и он после свадьбы покажет вам свое истинное отношение к вашему поведению.

— Да кто вам сказал, что я вообще собираюсь замуж?! — возмутилась мадемуазель Лоет. — Я хочу ходить под парусом, я...

— Час от часу не легче, — потрясенно произнес граф. — Да что за воспитание вам дали ваши родители?! Это же... это... черт знает что! Всевышний, — его сиятельство вдруг тяжело вздохнул. — Кажется, все хуже, чем я думал вначале. Теперь я понимаю, почему мой сын решился отдать мне вас, дитя мое. Беда лишь в том, что я, как и Вэйлр, не смогу

применить к вам суровые меры. И все же я хочу надеяться, что благоразумие возобладает над дурными привычками. У тебя есть шанс, Тина, — в голосе графа неожиданно появилась мягкость, — не упусти его, и тогда мне не придется прибегать к той мере воздействия, которой я буду вынужден воспользоваться, если ты не оставишь мне выхода. Услышь меня, дитя, услышь и обдумай, что я говорил тебе ранее.

— Вы так много говорили, — проворчала девушка.

— Тогда собери все воедино и рассмотри свое поведение столь пристально, словно ты глядишь на себя сквозь увеличительное стекло. Вспомни все, что говорили тебе твои родители, прибавь к моим словам, и будем надеяться, что разум одержит победу над взбалмошностью и эгоизмом.

Закончив свою речь, его сиятельство развернулся и направился к дверям. Он уже взялся за ручку, когда до Тины донеслось:

— Как же Вэйлр это допустил? Он ведь всегда был умным мальчиком...

А спустя четверть часа, когда Тина, не отягощенная размышлениями о словах деда, уже собиралась отправиться на поиски брата, к ней вошли две служанки, неся платье из гардероба, привезенное из дома. Платье было приведено в порядок и готово к использованию.

— Его сиятельство одобрили это платье, мадемуазель Адамантина, — сказала одна из женщин, приседая в книксене. — Через час будет подан ужин, но господин граф предлагает вам переодеться и пройти в гостиную, где соберутся гости, заранее.

Хмуро кивнув, девушка приняла предложение и вскоре уже была облачена в свое самое нелюбимое бордовое платье, и на волосы ей надели сеточку, украшенную жемчужинками, закрепив ее заколками с рубиновыми цветами. Жемчужное ожерелье с похожим рубиновым цветком плотно обхватило шею, напомнив этим бархотку. Оглядев результат своих стараний, служанки умиленно сложили руки на груди и вздохнули.

Тина перевела мрачный взгляд на зеркало, пару минут рассматривала отражение, а после махнула рукой, оставшись равнодушной к виду смотревшей на нее юной красавицы с яркими чертами лица, не требующими что-либо подчеркнуть или выделить. Изыщные дуги бровей сошлись к переносице, носик шмыгнул, а губы поджались в тонкую упрямую линию.

— Вам не нравится? — изумилась одна служанка. — Вы так хороши, мадемуазель Адамантина!

— Невероятно хороши! Вы даже выглядите немного старше, совсем

невеста...

— Что?! — гневно воскликнула Тина. — Даже слышать этого слова не желаю! Никогда и ни за что я не выйду замуж! Никто в целом мире не сможет изменить моего решения.

И, гордо вздернув нос, она направилась к дверям, думая, что Сверчок бы обалдел, если бы увидел ее такой. Тине очень хотелось надеяться, что закадычный дружок не обозвал бы ее кривлякой и светской дрыгалкой, как они называли всех этих модниц и задавак, которые без усталости стремились перещеголять друг друга своими нарядами. Однако выбирать не приходилось, и девушка направилась в гостиную, где собиралась ее высокородная родня, в сопровождении приставленного к мадемуазель лакея.

Глава 5

И вновь Тина оказалась первой. В большой, но на удивление уютной гостиной еще никого не было. Это не расстроило девушку. Она прошла к креслу с высокой спинкой, уселась в него и устремила взгляд в окно. Взор мадемуазель Лоет подернулся мечтательной пеленой, и мысли понеслись далеко-далеко, промчались мимо Кайтена и догнали одинокий корабль, паруса которого надувал трудяга ветер. А ведь они со Сверчком могли бы плыть на нем...

Ах, как же было бы хорошо сейчас очутиться на палубе резвого корабля! Смотреть на волны, чьи пенные гребни лижут бока парусника. Видеть косяки рыб, чешуя которых поблескивает в солнечных лучах, стоит им только подняться ближе к поверхности. Ощутить запах просмоленного дерева и моря! Тина прикрыла глаза и протяжно вздохнула. Ей вспомнились морские прогулки, которые устраивал папенька, когда начинал скучать на берегу. «Счастливичик», старый бриг капитана Лоета, расправив паруса, словно птица крылья, летел над волнами, ударяясь о них деревянным брюхом. Тина стояла на носу этого маленького кораблика, брызги летели ей в лицо, и беспредельное счастье заполняло ее сердце.

А как преобразался в эти минуты капитан Лоет! Он будто молодец, и здоровый глаз папеньки сиял от удовольствия. Если маменька отправлялась на морскую прогулку вместе с мужем и дочерью, то лицо ее озарилось внутренним светом и взор становился мечтательным. Папенька, обняв маменьку за плечи, прижимал ее к своей груди, и на губах его играла чуть загадочная улыбка, смысл которой Тина вроде бы и понимала, но чувствовала, что знает о прошлом родителей далеко не всё. И тогда ей до зубовного скрежета хотелось узнать все их тайны.

Девушка слышала, что маменька и папенька познакомились, когда мадам Адалаис Ламбер ступила на борт «Счастливичика». Знала, что папенька влюбился в нее без памяти и сошел на берег ради маменьки. Однако никто не рассказывал, каким образом благовоспитанная дочь банкира взошла на борт пиратского брига, куда направлялась и с чем ей пришлось столкнуться в этом судьбоносном плавании команды «Счастливичика». Маменька отшучивалась, что гналась за сказкой, но она оказалась ближе, чем мадам Адалаис могла рассчитывать. Папенька же ничего не говорил или отвечал, что Всевышний послал к нему своего ангела, чтобы подарить то, о чем он не смел и мечтать.

Одно Тина знала точно, что даже для женщины в море есть место, коли уж маменьку полюбила команда брига. И лучшим доказательством тому служило их восклицание при встрече:

— Наш Ангелок!

Тине тоже хотелось, чтобы на нее смотрели с симпатией и уважением и чтобы суровые мужчины считали честью пожать ей руку. Но Адамантина Лоет оставалась дочкой капитана и Ангелка, и с этим ничего нельзя было сделать. Вздохнув, девушка подтянула колени к подбородку, забывая вовсе, где она находится, прижалась к колену щекой и снова представила, каково это — путешествовать.

Самым далеким местом, куда несколько раз заходил «Счастличик», был Тригар. Папенька навещал там своего друга — лекаря со странным именем Тин Лю Бонг. Девочка долго и с нескрываемым любопытством рассматривала смуглого мужчину с узкими глазами. Он чем-то пугал ее и в то же время притягивал, а его лукавый взгляд заставлял смущаться и прятаться за папеньку. В такие минуты Вэйлр Лоет всегда посмеивался над стыдливым румянцем, разливавшимся на лице дочери.

У этого лекаря в доме жило много гадов, которых Тина рассматривала с приоткрытым ртом, стучала пальчиком по большим банкам, в которых они сидели, и с писком отпрыгивала, если жуткие создания смотрели на нее. Но больше всего потрясло маленькую мадемуазель Лоет то, что руку Бонга обвивала змейка, яд которой мог убить мгновенно, но лекарь нисколько не опасался своей подопечной, как и она не стремилась причинить вред хозяину. А на плече у него, словно эполет, сидел огромный страшный паук, которого маменька брала на руки без всякого омерзения. Паук попискивал от удовольствия, когда изящные пальчики мадам Лоет поглаживали его спину, а маменька вздыхала, вспоминая какую-то Оли, давшую жизнь целому выводку этих ужасных тварей. Впрочем, Тина тоже решила погладить паука, но, когда он хотел забраться на нее, убежала с визгом и слезами, призывая папеньку в защитники. А вот Ланс паука не испугался.

Были они на Тригаре всего раза три, а после Бонг покинул его, отправившись на свою далекую родину. Папенька говорил, что враги лекаря больше не управляют той страной, откуда когда-то бежал господин Тин, и Бонг решил, что краше родной земли ничего нет, хоть в Тригаре у него дела шли как нельзя лучше. Родители были опечалены расставанием, но желали своему другу только хорошего. А когда Бонг уехал, от него пришло последнее послание, которое папенька читал вслух. Впрочем, там была всего одна строчка, которая озадачила обоих родителей: «Не стоит

предавать забвению прошлое, однажды оно вернется и станет настоящим». Вот и все. Маменька и папенька некоторое время пытались толковать, как они сказали, последнее предсказание лекаря, но так и не определились с точным значением.

— Какая умиротворяющая картина — дремлющая у огня дикарка, — это прозвучало столь неожиданно, что Тина перепугалась. Ее ноги соскользнули с края кресла и глухо стукнулись подошвами туфелек о паркет.

Мадемуазель Лует покраснела, досадливо отводя взор, и пролепетала:

— Прошу прощения, ваше сиятельство, я просто...

— Не стоит, — остановил ее Маркэль Мовильяр, стоявший рядом с креслом. — Это было действительно мило. К тому же я не наш дед и впадать в истерику от ваших выходов не собираюсь. Познакомимся заново?

Молодой человек приветливо улыбнулся и протянул руку, пристально разглядывая Тину. Девушка смущенно опустила глаза.

— Тина, вы умеете краснеть? — негромко рассмеялся граф, беря ее за руку. — Однако предлагаю оставить церемонии. Вы Тина, я Марк, этого будет достаточно, не так ли, прелестное создание?

— Угу, — промычала девушка, все еще старательно не глядя на кузена.

Он вновь рассмеялся и поднес руку мадемуазель к губам. Тина изумленно распахнула глаза, когда Марк несильно сжал ее пальцы и, не спуская взгляда с кузины, снова поцеловал тыльную сторону ладони.

— Очень приятно, Марк, — буркнула она и отняла свою руку. После посмотрела на нее и машинально вытерла о подол.

Золотистые брови молодого графа изумленно приподнялись, и он расхохотался уже совсем громко и весело.

— Однако, — заметил он. — Впервые наблюдаю подобное.

— Вот и любуйтесь, — ответила Тина, вдруг занервничав оттого, что никого больше нет рядом, а Марк не спешит оставить ее в покое. Сейчас она, пожалуй, порадовалась бы даже деду.

— Вы невероятны, Тина, — все с той же дружелюбной улыбкой продолжил молодой человек. — Столь яркий след породы во всем вашем облике, но разбавленный простонародными оборотами в речи. А ваша непосредственность и вовсе очаровательна. Наш дед совершит ошибку, если превратит вас в типичную благородную даму. Он забавный старикан, но взгляды его сиятельства сильно устарели. Он все еще живет в прошлом веке.

— Однако понятия такта и воспитания остались и в этом веке неизменны, — прозвучал ледяной голос графа Мовильяра-старшего. —

Марк, оставь в покое кухню и расточай свое обаяние на женщин, более склонных к его восприятию. Адамантина, надеюсь, вы не прислушались к пустой болтовне повесы и гуляки?

Тина вздохнула с облегчением, когда Марк отошел от нее, но краснеть за свои слова молодой человек явно не намеревался. Он, лишь обозначив поклон, с легкой иронией посмотрел на деда. Лорель Мовильяр недовольно покачал головой и устроился во втором кресле, стоявшем напротив Тины.

— Бери пример с Ланса, — продолжал его сиятельство. — Достоянейший молодой человек, пусть его мать и не из аристократического рода, но он в большей степени Мовильяр, чем ты.

— Ах, ваше сиятельство, — воскликнул шалопай, — дайте же молодости вкусить радости, что столь щедро ей протягивает жизнь, и я еще стану серьезен и сучен. Вы со мной согласны, дорогая кузина?

Оба родственника посмотрели на Тину, чем вызвали у нее волнение, и девушка ляпнула (прежде чем успела сообразить, что срывается с ее языка):

— Черт его знает, кузен. Жизнь, дьявол ее дерит, — дама дерзкая. Иной раз и под дых с ноги дать может так, что требуха завяжется узлом... Ой.

Марк рассмеялся, а его сиятельство сокрушенно вздохнул, однако отчитывать Тину не стал, а заметил:

— Верно сказано, дитя мое. Только выразить данную мысль можно было иными словами. Попробуйте.

Мадемуазель Лует страдальчески вздохнула, проклиная себя за несдержанность, но, подчиняясь пристальному взгляду деда, произнесла:

— Не стоит уповать на то, что жизнь будет лишь радовать. Порой она наносит предательские удары, и тогда последствий избежать бывает крайне сложно.

Лорель Мовильяр одобрительно улыбнулся и поаплодировал кончиками пальцев одной руки по раскрытой ладони второй.

— Bravo, дитя мое. Теперь и вовсе замечательно сказано, — похвалил он. — Следите за языком, и ваша речь станет достойной всяческих похвал. А ты бы прислушался, — тон графа вновь стал суровым. — Адамантина младше тебя на пять лет, однако мыслит более взросло. Если научится смирять свои порывы, превратится в разумную и благовоспитанную девицу, с которой будет приятно вести беседу не только об этикете.

— Его сиятельство так вербует вас под свои знамена, кузина, — насмешливо ответил на слова деда Марк. — Думаю, моему отцу тоже достанется.

— Непременно, — сухо заметил граф Лорель.

Чем заслужил неодобрение отца его сиятельство граф Натаэль

Мовильяр, Тина не знала, но подтрунивание над строгостью графа Лореля Мовильяра его внуком все больше нравилось мадемуазель Лоет, хоть она и не подавала вида, сохраняя на лице отстраненное выражение. Но более, чем слушать иронию младшего сиятельства, Тине хотелось наконец увидеться и поговорить с братом, который все никак не появлялся, и это слегка раздражало.

Вскоре Тина перестала прислушиваться к разговору деда и внука, уйдя в свои мысли. Ей хотелось бы побыть с Лансом вдвоем, чтобы не приходилось следить за своей речью, дергаясь и нервничая, что сейчас ее начнут отчитывать, еще и прилюдно. Девушка мечтала выдохнуть и почувствовать себя более уютно, надеясь, что подобная возможность ей еще представится.

— Доброго вечера, дорогая племянница. — Тина подняла глаза и увидела дядю Натаэля, брата-близнеца ее папеньки.

Возможно, когда-то их было сложно различить, но ныне было бы столь же сложно перепутать, потому что у графа Натаэля Мовильяра в наличии имелись оба здоровых глаза и лицо не уродовал шрам. И все же надменность на лице дяди Натаэля немного отталкивала Тину, как и ее маменьку в день знакомства. Однако сейчас на лице мужчины, в чьих волосах так же серебрилась седина, как и в волосах его брата, играла приветливая улыбка, смягчая знакомую маску высокомерия.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — мадемуазель Лоет хотела подняться с кресла, но его сиятельство остановил ее жестом, мягко сжав руку племянницы между своих ладоней.

— Зовите меня дядей... — мужчина покосился на отца и закончил, — Адамантина.

— Х-хорошо, — растерялась Тина, но опомнилась, тоже покосилась на деда и поправилась: — То есть я хотела сказать, с превеликим удовольствием... дядя.

Натаэль задорно улыбнулся и устроился на диванчике с изящными витыми позолоченными ножками. Он перевел взгляд на сына и тут же недвусмысленно хлопнул ладонью рядом с собой.

— Мне здесь удобно, отец, — отвечивал молодой человек, приваливаясь к камину.

— Живо, — сухо велел дядя Натаэль, и его отпрыск, закатив глаза, чем неожиданно развеселил Тину, направился к отцу величавой походкой.

Наконец дверь распахнулась, и в гостиную вошел Ланс. Он тепло улыбнулся сестре, засиявшей при его появлении, и произнес:

— Прошу простить меня за задержку, посыльный из Министерства

нагнал меня и здесь.

— Служба Его Величеству, мой мальчик, обязывает денно и ночью трудиться на благо королевства, — улыбнулся старший граф Мовильяр. — Однако раз мы все в сборе, то не грех и подогреть аппетит бокалом горячительного напитка.

Он подал знак — и от угла отделился лакей с подносом. Мадемуазель Лоят только сейчас поняла, что он все это время был здесь, а она даже не заметила, что находится в гостиной не одна. В этот момент она порадовалась, что не сотворила ничего из того, что могла бы, думая, что находится в одиночестве; теперь не пришлось краснеть. Правда, сидела с ногами на кресле, но это видел даже кузен, потому об этом можно было не беспокоиться.

Мужчины пили коньяк, Тине же достался бокал разбавленного вина. Она сделала глоток и прислушалась к себе. Маменька считала, что ей еще рано пробовать вино, и папенька с ней соглашался, потому сегодня девушка впервые отведала запретное. Первой ее мыслью было, что лимонад гораздо вкусней, но потом приятное тепло растеклось по телу, и мадемуазель Лоят сделала новый глоток.

— Безусловно, жаль, что Арэль не смог прибыть с вами, но я бесконечно рад, что Лансэлю удалось вырваться, — произнес его сиятельство, смакуя коньяк. — Нат, как себя чувствует малышка Адилия? Здоров ли ее супруг?

Адилия — дочь дяди Натаэля — была на сносях, и ее знакомство с кухней по этой уважительной причине отложилось. Арэль — брат-близнец Маркэля — оказался занят на службе. Старший же сын второго графа Мовильяра находился с посольством в другой стране, и знакомство с ним и вовсе откладывалось на неопределенный срок. Впрочем, Тина не сожалела об отсутствии ни одного из родственников, не особо горя желанием видиться с ними. Род Мовильяр, решивший вернуться в жизнь Вэйлра Лоята, не так часто давал о себе знать, и считать их семьей у Тины не получалось.

Вот семейство Ламбер — другое дело. Что бабушка Дульчина часто наезжала в Кайтен к зятю и дочери, что ее внуки подолгу гостили в Льено, пока их родители не присылали возмущенное послание, требуя вернуть детей под отчий кров. А когда братья выросли, они сами покинули родительский особняк. Ланс принял приглашение его сиятельства, обещавшего помочь с карьерой. Предлагал он это и второму брату Тины — Раналю. Однако Раналь выбрал другого деда и отправился в Льено учиться банковскому делу.

Разговор мужчин тек размеренно, навевая скуку. Мадемуазель Лоет прикрыла зевом ладошкой, ее мысли вновь умчались в далекие дали. Девушка так увлеклась ими, что не расслышала, когда доложили, что ужин подан.

— Адамантина.

Очнувшись, Тина вскочила с кресла и едва не вытянула руки по швам. Свое имя, произнесенное его сиятельством, пусть и негромко, девушка уже воспринимала как приказ, короткий и четкий. Марк усмехнулся, качая головой. Ланс подошел к сестре, подал ей руку, и Тина с радостью приняла ее, наконец завладевая вниманием брата.

— Потерпи, после ужина сможем уединиться и спокойно поговорить, — шепнул Ланс, и девушка радостно кивнула. — С Марком осторожней, он не лучшая компания, — добавил брат, склонившись почти к самому уху сестры.

Она подняла на Ланса вопросительный взгляд и обнаружила, что уголки его губ опущены точно так же, как у его сиятельства, что выражало пренебрежение. Это неприятно удивило девушку. Меньше всего ей хотелось, чтобы брат становился похожим на деда. После этого мадемуазель Лоет перевела взгляд на Марка и заметила, как того отчитывает отец, негромко, но раздраженно, и ей стало жаль молодого человека. Тина вдруг увидела в нем родственную душу, решив, что к Марку Мовильяру так же несправедливы, как и к ней.

— Ты меня слышала? — строго спросил Ланс.

Его сестра нехотя кивнула, не желая сейчас спорить. Тина решила, что лучше самой составить мнение о том, кого столь дружно порицают остальные. Словно почувствовав ее взгляд, Марк обернулся и подмигнул. Он не был подавлен нотациями отца, остался невозмутим под строгим взглядом, которым одарил внука его сиятельство, и совсем уж не обращал внимания на то, что Ланс что-то шепчет своей сестре, взвизгивающей на него. Тина невольно улыбнулась и тут же удостоилась легкого толчка локтем в бок от брата.

Во время ужина царил тишина, нарушаемая лишь постукиванием столовых приборов. Мадемуазель Лоет пришлось бы туго, потому что блюд в этот раз было еще больше, а приборов не убавилось, и она терялась, что брать в руки. Но в какой-то момент она подняла взгляд и заметила, что Марк смотрит на нее. Он взял в руки незнакомые ей столовые приборы и как бы невзначай покрутил их в пальцах. После указал взглядом на свою тарелку, и Тина поняла, что он подсказывает ей: на тарелке молодого человека лежало то же, что и у нее. Едва заметно улыбнувшись,

мадемуазель Лоет поблагодарила кузена за подсказку. Теперь она периодически поглядывала на него, если чувствовала, что теряется, и Марк не отказывал ей в помощи, чем еще больше заслужил расположение девушки.

После ужина хозяин дома и его гости вернулись в гостиную с камином. Здесь мужчины вновь разобрали бокалы, начав беседу, которую поддерживали оба старших графа Мовильяра и Ланс. Дядя Натаэль несколько раз обращался к Тине, справляясь о брате и его супруге. Он поинтересовался делами компании «Вэйлада», и после этого разговор плавно перетек к финансовым вопросам.

Мадемуазель Лоет откровенно скучала. Ей уже казалось, что вечер никогда не закончится, и, если уж выбирать между Марком и Лансом, то ее брат скорее — Мовильяр, столь органично он вписывался в эту семью. Марк же скучал, подобно своей кузине. Он первым поднялся на ноги, извинился и покинул столовую, подарив напоследок девушке сочувствующую улыбку, нашедшую отклик в ее душе. Тина проследила за кузеном тоскливым взглядом, вздохнула и подошла к окну, потягивая поднесенное ей вино.

Она смотрела на сад, подсвеченный фонарями, которые успела разжечь прислуга. В голове все больше шумело, капельки пота выступили на висках, и Тине захотелось на свежий воздух. Сомневаясь, что ей позволят столь позднюю прогулку по саду, мадемуазель Лоет решила на маленький обман. Она поставила на поднос лакея опустевший бокал и взглянула на деда.

— Ваше сиятельство, могу ли я удалиться в свою комнату?

— Вы устали, дитя мое? — с легкой улыбкой спросил Лорель Мовильяр. Тина кивнула, и граф не стал задерживать ее.

— Я провожу, — вызвался Ланс.

Тина запаниковала, что ей не удастся совершить свой маленький побег в сад, но дядя Натаэль отвлек брата коротким вопросом, и девушка поспешила уйти, сказав:

— Его сиятельство приставил ко мне сопровождающего, Ланс.

— Я зайду позже, если ты не собираешься еще ложиться, — тут же откликнулся брат.

— Собираюсь, — кивнула Тина. — От вина шумит в голове.

Ее ответ был принят, и вскоре мадемуазель Лоет уже стояла под дверями своей комнаты, слушая удаляющиеся шаги лакея. Приоткрыв дверь, она высунула нос и осмотрелась. Не заметив помехи, Тина направилась к парадной лестнице, спеша спуститься вниз, пока ее никто не

увидел. Но, когда девушка добралась до входных дверей, ее постигло разочарование: они были заперты. Раздосадованно фыркнув, Тина поплелась назад.

— Что-то ищете, дорогая кузина? — Марк стоял на лестнице, с интересом наблюдая за ней.

— Хотела выйти на свежий воздух, а дверь заперта, — со вздохом ответила мадемуазель Лоет.

— Идемте, покажу другой выход, — улыбнулся молодой человек. — Там дверь тоже запирается, но открыть ее просто.

— Вы очень любезны, — смущенно улыбнулась Тина.

Марк, прижав палец к губам, поманил ее за собой. Девушка понятиливо кивнула и поспешила следом, стараясь не шуметь. Они были уже близки к своей цели, когда послышались шаги, и их слуха коснулись голоса Лореля Мовильера и Ланса. Марк сжал пальчики Тины и дернул ее к тяжелой портъере, за которой они и спрятались. Шаги вскоре удалились, и парочка нарушителей ночного покоя выбралась на свет, обмениваясь веселыми взглядами.

Молодой человек указал, куда им следует идти, Тина согласно кивнула. Марк так и не выпустил ее руки, пока они бежали ко второй лестнице, спускались к оранжерее, из которой имелся выход в сад. Мадемуазель Лоет с интересом оглядывалась — ничего этого она еще не видела. Неожиданно девушка остановилась, с изумлением рассматривая большую черную бабочку, Марк потянул за собой кузину, вынуждая вновь идти за ним.

— Она действительно черная? — шепотом спросила Тина.

— Нет, темно-фиолетовая с коричневой окантовкой, — также шепотом ответил Марк. — Это ночные бабочки, их привезли по заказу деда. Днем они спрячутся, и вы сможете увидеть других. Наш старикан сентиментален.

— Ого, — вполголоса воскликнула девушка, не ожидавшая такого от его сиятельства.

— Вот тебе и ого, — хмыкнул молодой человек, переходя на «ты», и слегка поддел согнутым пальцем кончик носа Тины.

Она фыркнула, смешно сморщила нос и остановилась рядом с кузеном у выхода из оранжереи. Марк отодвинул засов. Он кивнул, показывая, что проход открыт. Тина восторженно пискнула и первой выскочила на прохладный ночной воздух, жадно вдыхая его полной грудью.

— Как же хорошо, — выдохнула она и поспешила дальше, стремясь исключить возможность своей поимки раньше, чем нагуляется.

Опомнившись, она обернулась, чтобы попросить Марка не закрывать дверь, но обнаружила, что молодой человек и не думал возвращаться в особняк.

Он поравнялся с Тиной, скользнул по ее спине ладонью и ненадолго задержал ее на талии, смутив девушку, и она нахмурилась. Мадемуазель Лоет не нужен был провожатый и не хотелось, чтобы ее трогали.

— Ночью по саду бегают сторожевые псы, — пояснил свое сопровождение Марк. — Тебя они не знают, могут наброситься.

— Дьявол их задери, — досадливо проворчала мадемуазель Лоет.

Ее спутник негромко рассмеялся и повернул голову, рассматривая профиль Тины в скудном свете фонаря.

— И все же ты прелестна, маленькая дикарка, — улыбнулся он. — Чрезвычайно притягательная смесь внешней утонченности и внутренней страсти, сдобренной налетом грубости. Пикантная смесь.

Покосившись на молодого человека, Тина свернула к аллее, на которой слышался плеск фонтана. Ей очень хотелось посидеть в одиночестве на его бортике, но оказаться покусанной собаками желания не имелось, и девушке пришлось смириться с тем, что Марк будет рядом до возвращения в особняк. Молодой человек послушно следовал за ней, более не нарушая тишины.

Они дошли до маленького фонтана, посреди которого стояла полуобнаженная мраморная дева с кувшином, поднятым на плечо; из кувшина лилась прозрачная струя, исчезая с тихим плеском в чаше, наполненной водой. Тина опустила руку в холодную воду и вздохнула, вспоминая, как они сидели со Сверчком на берегу, бросая камешки в море, и мечтали ни о чем и обо всем сразу.

— Ты грустишь, — заметил Марк.

— Вспомнила своего друга, — улыбнулась Тина, не глядя на молодого человека. — Мы с ним очень близки, а я даже не успела с ним попрощаться.

— У тебя есть дружок? — приподнял брови ее собеседник. — И вы с ним близки?

— Очень, — кивнула девушка. — Мне без него тоскливо.

Молодой человек придвинулся ближе, накрыл колено Тины ладонью и спросил каким-то особенным голосом, в котором вдруг появилась хрипотца:

— Я могу заменить его тебе, Тина.

Девушка вскинула голову, удивленно глядя на Марка. Пальцы на ее колене чуть сжались, и ладонь поползла выше. Тина нахмурилась и,

подцепив руку кузена, скинула со своего колена. Он не обиделся, вновь рассмеявшись.

— Гордая дикарка? — спросил молодой человек. Мадемуазель настороженно промолчала, и Марк заглянул ей в глаза. — Что ты мне ответишь? Я готов стать твоей защитой от деда. Ответь «да» — и мое покровительство с тобой. Обещаю, что вытащу тебя из этого болота.

Теперь Тина слушала более заинтересованно.

— Ты ведь уже умираешь от тоски рядом с нашим реликтом, не так ли? — Марк поднес руку девушки к своим губам. — Хочешь увеселительные прогулки? Походы в театр, в оперу, когда не придется засыпать с тоски, сидя рядом с его сиятельством? Выезды, охота. А главное, никаких нотаций и душещипательных бесед. Говори, как хочешь, веди себя так, как тебе нравится. Что ответишь мне, Тина? Мы подружимся?

Поджав губы, мадемуазель Лует некоторое время обдумывала услышанное и наконец радостно кивнула. Избавления от давления его сиятельства ей хотелось более всего на свете. Марк широко улыбнулся. Он поднялся на ноги, подал руки, и Тина доверчиво вложила свои пальчики в мужские ладони. Марк потянул ее на себя, заключая в тесные объятия.

— Скрепим договор поцелуем? Каковы твои губы на вкус, Тина?

— Чего? — опешила она.

Мадемуазель Лует еще короткое мгновение осознавала, чего от нее хочет Марк, и когда его лицо приблизилось к ее лицу, Тина сообразила всю мерзость предложения своего кузена. И слово «дружок» в его устах окрасилось иным смыслом.

— Ах ты, потрох свинячий! — возмущенно воскликнула девушка.

Но ее возглас захлебнулся в навязанном поцелуе, и Тина рассвирепела. Удар в пах кузена вышел сам собой. Тина резко ударила ладонями по графским ушам и добила застонавшего молодого человека, с силой приложив носом о свое колено. Ослепленный мужчина вскрикнул и упал, заливаемый кровью из разбитого носа.

— К дьяволу! — заорала Тина, прошедшая не через одну уличную драку. — Хлыщ поганый! Еще хоть пальцем притронешься, я тебя наизнанку выверну! Уяснил?!

Марк поднял к ней лицо, перекошенное болью, и сипло выдохнул:

— Я такого не забываю.

— Да пошел ты к дьяволу. Сунешься — я тебе уши отрежу и к заднице пришью. Будешь его сиятельство Зад с Ушами, — пренебрежительно фыркнула Тина, развернулась и тут же уперлась взглядом в высокую

фигуру, бежавшую в их сторону.

Она узнала брата, следом за которым быстро шел дед.

— Что здесь происходит? — прогрохотал его сиятельство.

— Я споткнулся и упал, — прохрипел Марк, поднимаясь на ноги с колен.

Лорель Мовильяр мрачно осмотрел внуков и махнул рукой, показывая Лансу увести сестру. Тот взял Тину за руку, сердито взглянув на нее, и потащил за собой.

— Я тебе говорил, чтобы ты держалась от него подальше? — зло спросил Ланс. — Ты ответила, что поняла. Какого черта ты потащила с ним сюда?

— Мне хотелось на воздух, а он дверь показал, — обиженно всхлипнула девушка. — А потом от собак хотел защитит.

— Марк хорош на расстоянии, — передернул плечами брат. — К дьяволу, он теперь от тебя не отвяжется. Настырный и мстительный, бесы его дер.

— Пусть только сунется, — угрожающе произнесла мадемуазель Лует.

Ланс покосился на сестру и пропустил вперед себя в двери. После зашел сам и усмехнулся:

— Однако недурственно ты его приложила, сестрица.

— Да и пальцем почти не тронула, — возмутилась Тина. — Так, чтоб знал, к кому со своими слюнями лезет. А пристанет еще раз — все дерьмо из урота выбью.

— О-ох, — протяжно вздохнул Ланс, — ну и язычок у тебя.

Насупившись, Тина взбежала по ступеням впереди брата, но, не выдержав, обернулась и нацелила на него палец.

— Ланс, ты становишься как наш сиятельный дед! — обвиняюще воскликнула она.

Он поравнялся с девушкой, снова взял ее за руку и повел к отведенным ей покоям.

— А что плохого в том, что я становлюсь похожим на деда? Граф Лорель Мовильяр — достойный человек...

— Который отказался от своего сына, — отчеканила Тина. — Достойные люди от детей не отказываются.

— Да что ты знаешь об этом?! — возмутился Ланс. — Что ты вообще знаешь о его сиятельстве, кроме того, что он не дает тебе сквернословить и вести себя как мальчишка-беспризорник?!

Они как раз подошли к дверям покоев мадемуазель Лует, и она хотела распрощаться с братом, чувствуя негодование, но Ланс не позволил,

остановив ладонью закрывающуюся дверь. Он вошел следом и внимательно посмотрел на сердитую сестру.

— Я расскажу тебе то, что мне рассказал дядя. Даже отец об этом не знает, а дед никогда не сознается, — сказал Ланс, отходя от дверей и устраиваясь на кушетке. — Иди сюда. Сядь.

Тина нехотя подчинилась, но любопытство пересилило — и она все-таки скосила глаза на брата. Он дождался внимания сестры и только тогда заговорил.

— Дядя рассказывал, что наш отец с детства бредил морем. — Это Тина прекрасно знала. — Дедушка был против, но отец настоял и ушел в военное училище. Потом было то, о чем нам рассказывала маменька, когда команда корабля, на котором служил отец, отправила лейтенанта Мовильяра прогуляться по доске после его попытки защитить иноземных купцов. Ты все это прекрасно знаешь, и я не буду повторять. Когда отец вернулся домой, дедушка был счастлив до невозможности. И он надеялся, что теперь наш папенька образумится и займет достойное место. Но папенька воспротивился — дед вознегодовал. Они очень похожи, Тина. Дед в сердцах выкрикнул, что сын умрет для своей семьи, если не примет его условий. Отец отказался принимать их. Они оба упрямы до черта и оба держат свое слово. Дед объявил папеньку погибшим, отец вернулся на корабль, который ему впоследствии и достался, забыв о своих родных. А дальше начинается то, о чем капитан Лоет даже не подозревает. Его сиятельство втайне продолжал следить за сыном. Он знал, когда и куда уходил «Счастливчик», знал о многих событиях в жизни папеньки. Но главное, когда король отправил «охотников» по души разгулявшегося братства, наш отец спасся благодаря не только своей ловкости, но и защите деда. «Счастливчик» стал невидимкой для карателей. Он никогда не бросал своего сына, Тина. Да, законы таковы, что он не мог открыто признать пирата и разбойника своим сыном, но после рождения Раналья решил выйти из тени, желая познакомиться с невесткой и увидеть своих внуков. Они тогда снова поругались. Граф предлагал сыну отказаться от прозвища Лоет, но отец вновь воспротивился, сказав, что с этим именем прожил всю жизнь и что не намерен его менять и впредь, а если его сиятельству что-то не нравится, то он волен катиться на все четыре стороны. После этого дед снова ушел в тень и объявился, когда родилась ты. И маменьку нашу граф уважает и ценит...

— Он оскорбил маменьку! — возразила Тина.

Ланс усмехнулся и потрепал сестру по плечу, после привлекая ее к себе.

— Это его метод, сестренка. Чтобы собеседник обнажил душу, дедушка выводит его из равновесия — так проще понять и подобрать ключик, — пояснил брат. — Поверь, чем ты послушней и чем больше дедушка будет доволен тобой, тем быстрее и больше послаблений получишь. Дед умеет замечать успехи. Не сопротивляйся и не дерзи — и тогда давления станет меньше.

— Но это все так скучно, Ланс!

— Твои шалости приводят только к расстройству родителей и неприятностям для тебя, — ответил молодой человек. — Послушайся моего совета...

Договорить он не успел — дверь открылась, и на пороге появился сам его сиятельство. Он оглядел внуков хмурым взглядом, остановил его на Тине и произнес:

— Марк покинул поместье вместе со своим отцом. Неприятная история вышла... К сожалению, мне придется прибегнуть к тому, чего я не желаю. Та мера, которая предполагалась в воспитательных целях, теперь пригодится ради всеобщего спокойствия. Завтра я отвезу вас в пансион, Адамантина. Некоторое время вам придется пожить среди воспитанниц.

— В пансион?! — воскликнула потрясенная мадемуазель Лоет. — Но как же?!

— Так будет лучше, для вас, дитя мое. Спокойной ночи.

Граф вышел, и Ланс выругался.

— Чертов Марк, — глухо сказал молодой человек.

— Да при чем тут Марк? Ланс, он хочет сплавить меня в пансион! Папенька будет в ярости! — воскликнула Тина.

— Он тебя хочет там спрятать. Мужчинам вход в пансион закрыт, — ответил ее брат, поднимаясь на ноги. — Не переживай, твое вынужденное изгнание продлится недолго. — Поцеловав сестру в щеку, Ланс направился к дверям. — Поговорю с дедом.

Потрясенная мадемуазель Лоет проводила брата растерянным взглядом. После встала с кушетки, устремив взгляд в сторону окна.

— Полное дерьмо, — мрачно констатировала Тина и отправилась спать.

Глава 6

Дерзкая дама нанесла свой удар так неожиданно и предательски! Правда, требуха не связалась от него узлом, но все же было до крайности обидно. Сначала папенька отправил дочь к деду, изводившему ее правилами хорошего тона, а после дед отправил внучку и вовсе к чужим людям. Папенька непременно будет в страшном гневе, когда узнает об этом, но как и когда он еще узнает? Сколько придется сидеть в пансионе, оторванной не только от родных и единственного друга, но даже от жизни в оковах этикета, однако протекавшей все-таки на воле? Этого Тина не знала, а его сиятельство хранил молчание.

И еще обидно было оказаться наказанной за чужие грехи. Это не она, а Маркэль Мовильяр совершил недопустимое, предложив кухне и девице такое, чего принять было совершенно невозможно. Да что там принять — осознать подобное предложение было выше сил мадемуазель Лоет. Однако же не Марк, а она сейчас ехала в богатом экипаже графа Мовильяра, чтобы войти в ворота пансиона и остаться там. А мерзавец Марк будет, как и прежде, развлекаться в свое удовольствие. И это казалось столь оскорбительным, что слезы, самые настоящие, украдкой текли по щекам безвинного создания.

Его сиятельство сидел, отвернувшись к окну, и даже не пытался делать замечания о шмыганье носом. Только протянул платок, так и не посмотрев на несчастную внучку. Тина взяла надушенный кусочек белоснежной ткани и отвернулась к другому окошку, всхлипывая, шмыгая носом и проклиная жестокую судьбу.

— Нам проще на время удалить тебя, пока Марк не отправится в Деларан к своему старшему брату, — вдруг заговорил Лорель Мовильяр. — Мальчишка совершенно отбился от рук, став паршивой овцой в нашем роду. Мстителен до крайности и даже не скрывает этого. Ты задела его самолюбие. Еще бы, известный на всю столицу повеса и забияка был уложен на лопатки девчонкой вдвое меньше себя ростом и на пять лет младше. Да уж... — хмыкнул его сиятельство и неожиданно расхохотался, но быстро оборвал себя и откашлялся, вновь не сводя взгляда с пейзажа за окном. — Запереть его невозможно, он любимец Его Высочества, младшего брата нашего короля, такого же беспутного дуралея, как и Марк. Если он исчезнет, герцог непременно вмешается. Запретить пускать внука в свое поместье я могу, но это его не остановит. — Граф помрачнел еще

больше. — Это все из-за высочайшего покровительства. Мальчишка почувствовал вседозволенность и стал совершенно невозможен. К женщинам неравнодушен сверх меры. Но нам и в голову не пришло, что он может, как это говорится в народе, положить глаз на свою кузину. Немыслимо! Признаться, я в растерянности. Никак не ожидал такого поворота. Хвала Всевышнему, король лично назначил Маркэля своим посланником в наше посольство в Деларане, тут уже и герцог не посмел вмешаться. Всего месяц, дитя мое, и это исчадие Преисподней уберется надолго с наших глаз. Тогда ты вернешься в мое поместье, и мне не придется приставлять к тебе стражу.

Тина тяжело вздохнула, но теперь уже слезы не текли из ее глаз. Месяц... Это уже кое-что, это уже срок, который можно и потерпеть.

— Вы не должны волноваться, Адамантина, — его сиятельство вернулся к светскому тону. — Это хороший пансион, его основала ваша бабушка и моя супруга, когда вашему отцу исполнилось четыре года. Ее сиятельство была чрезвычайно отзывчивой и доброй женщиной. Я до сих пор являюсь меценатом пансиона святой Кладетты и вхожу в попечительский совет. Мы строго следим, чтобы воспитанницы не были обделены и не нуждались хоть в чем-то. Среди них преобладают девочки, потерявшие одного либо обоих родителей, чьи оставшиеся родственники не могут взять за них ответственность на себя. Есть дочери из обедневших дворянских семей. После окончания пансиона им помогают найти место, где бывшие воспитанницы зарабатывают себе на жизнь. Мы устраиваем наших девочек только в те дома, хозяевам которых доверяем. Бывает, что девушки выходят замуж сразу после окончания пансиона, и тогда за их судьбу уже несет ответственность супруг. Преподаватели и воспитатели имеют отличные рекомендации, без протекции мы никого не принимаем. Вы — моя внучка, Адамантина, и все же не советую рассчитывать на особое отношение к вам. Не будем терять времени даром и продолжим ваше превращение из уличного мальчишки в девицу из благородной семьи. Учтите, за грубость и брань вас могут наказать, и я не собираюсь вмешиваться, если посчитаю, что наказали вас заслуженно. Девочки ни в чем не нуждаются, но правила в пансионе строгие, прошу не забывать об этом. Мне будут ежедневно присылать отчет о ваших успехах и ошибках.

— Опять муштра, — проворчала мадемуазель Лует.

— Воспитание, — строго поправил ее граф. — Вам все ясно?

— Да, мой капитан, — усмехнулась Тина, немного успокоившись.

— Полагаюсь на ваш разум, госпожа боцман, — добродушно рассмеялся его сиятельство. — Да, еще. Я распоряжусь, чтобы к вам не

пускали никого, кроме вашего брата. Но, стоит отметить, вряд ли у Ланса будет возможность навещать вас часто, так что не ждите его, чтобы не расстраиваться впустую.

Тина кивнула и устроилась удобней на сиденье. Жизнь немного посветлела, приобретая скупые, но все-таки разнообразные оттенки. Возможно, все не так уж и плохо, это же не мадемуазель Нири с ее сороками подругами. А если приложить усилия, то можно и неплохо там устроиться. Дружба с поварами еще никому не мешала. Если никто задирать не начнет, то и драться не придется. Впрочем, с внучкой попечителя и мецената ссориться никому не позволят воспитатели. Нужно всего лишь пересидеть там месяц, а потом дед заберет — и, если держать себя в руках, там и до дома рукой подать будет. Да, весьма неплохо.

Удовлетворенная своими размышлениями, Тина даже улыбнулась, предвкушая месяц без надзора его сиятельства и его поучений. Негромкий смешок графа привлек внимание девушки. Он наблюдал за ней и, кажется, читал на ее личике каждую мысль.

— Вы ничем не будете выделяться среди других воспитанниц, — произнес мужчина. — И занятия вы будете посещать вместе с остальными девочками, и спрашивать с вас будут так же, как и с них. Как только мы пересечем ворота пансиона, дитя мое, вы становитесь воспитанницей пансиона святой Кладетты, и никак иначе. Спать вам придется в общей спальне, есть за одним столом с вашими подругами.

— У меня там нет подруг, — заметила Тина.

— Но это не означает, что они не появятся за этот месяц, — улыбнулся его сиятельство, а мадемуазель Лоет поставила точку под предостережениями графа Мовильяра:

— Разберемся.

Его сиятельство вздернул брови, с иронией глядя на юное создание, и больше этой беседы не заводил, решив дать внучке, как она сама выразилась, разобраться. До пансиона они ехали не менее трех часов, и дорога крайне утомила мадемуазель Лоет. В Пиррете они остановились, чтобы пообедать и немного отдохнуть от дороги. Впрочем, Пиррет оказался маленьким и скучным городком, где обнаружилась только одна достопримечательность — фонтан на главной и единственной площади перед городской управой.

Постояв возле потрескавшейся мраморной чаши и зевнув, Тина заметила уличных мальчишек, бросавших нож в землю, завистливо вздохнула, но не рискнула подходить к ним. Граф Мовильяр промолчал, однако интерес внучки заметил и покачал головой, только что обнаружив

еще один порок в доверенном ему юном создании — любовь к уличным играм.

После Пиррета граф Лорель Мовильяр и его внучка уже нигде не останавливались, желая поскорей добраться до цели своего небольшого путешествия.

— Мы уже рядом, — уведомил его сиятельство Тину, и она прилипла к окошку, желая увидеть со стороны свое временное обиталище.

Пансион святой Кладетты показался через несколько минут, как только карета свернула возле дорожного указателя. Но ничего особо примечательного увидеть мадемуазель Лоет не удалось. Пансион был окружен высокой белой стеной, за которой виднелась красная черепичная крыша.

— Тебе понравится, дитя мое, — улыбнулся граф. — Там достаточно уютно. Имеется небольшой ухоженный сад. Здание пансиона двухэтажное. На первом этаже находятся классы и столовая, на втором — спальни, уборные, гардеробные. Девочек выводят на прогулку по окончании учебного дня и ненадолго между уроками, чтобы воспитанницы могли немного отдохнуть. Жаль, я не успел проверить твои знания; надеюсь, мне не придется краснеть перед учителями. Уверен, что твои родители нанимали для тебя преподавателей.

Нанимали, папенька даже устраивал экзамены, когда учителя начинали жаловаться на воспитанницу. Если дочь проваливала проверку знаний, то суровый господин Лоет устраивал разнос ей, а заодно учителям, говоря, что он платит им достаточно для того, чтобы найти возможность заинтересовать ребенка. После этого Тина зарывалась носом в учебники, а учителя что только ни придумывали, чтобы увлечь мадемуазель Лоет своими занятиями. Учитель литературы даже начал вести уроки в стихах, только Тина клевала во время них носом, слушая заунывное растягивание слов самопровозглашенного поэта, а уж сложить рифму в ответ и вовсе не могла, только злилась на своего мучителя и сбегала с уроков в два раза чаще. И все же неучем Адамантина Лоет не была, так что она надеялась не меньше своего деда, что не уронит честь семьи Лоет и рода Мовильяр.

— Я верю в вас, дитя мое, — подбодрил ее граф, первым выходя из кареты.

— О-ох, — протяжно вздохнула в ответ Тина, опираясь на руку лакея его сиятельства, простоявшего всю дорогу на запятках кареты.

Граф подал руку своей внучке, и они направились через уютный чистый двор к массивным дверям с литыми ручками-змеями. Тина с интересом взглянула на двух гадюк.

— Выглядит как намек, — заметила она.

— Напротив, — рассмеялся его сиятельство. — Директриса родом из Брижаля, там существует старое поверье, что змеи отгоняют злых духов и защищают от хворей. Это обереги. Я не увидел в причуде мадам Гертон ничего предосудительного. Пусть будут змеи, они ничем не хуже и не лучше иной живности и обычных дверных ручек.

— Угу, — привычно промычала девушка, но сразу же поправилась под пристальным взглядом его сиятельства: — Мне все понятно.

Здание пансиона не имело никаких украшений и излишеств, кроме этих вот змей и водосточных труб, отлитых в виде драконов, из чьих пастей вытекала вода во время дождя. По большому счету, те же гады, но побольше размером. Впрочем, обращать внимание и на это Тина не стала. С той минуты, как девушка нашла положительные стороны в своем пребывании в пансионе, ее энтузиазм разгорелся в настоящее пламя. В конце концов, воспитатели не родители, и в стенах данного учреждения мадемуазель Лоет окажется впервые без взрослых членов своей семьи. В некотором роде это даже свобода.

Стоило им войти в здание пансиона, как навстречу деду и его внучке вышла директриса. Ею оказалась невысокая пухленькая и румяная дама, на чьем лице сияла приветливая улыбка, и обращена она была не к его сиятельству, а к мадемуазель Лоет. Дама поправила короткими пальчиками выбившийся из прически локон, перевела взгляд на графа и склонила голову, приветствуя его.

— Ваше сиятельство, безмерно рада вновь видеть вас в стенах нашего пансиона. У меня имеется к вам важное дело, — директриса оказалась обладательницей приятного голоса. — Мадемуазель Лоет! — воскликнула женщина столь радостно, словно Тина была самым желанным гостем в этих стенах. — Как же приятно увидеть самую младшую представительницу столь знаменитой фамилии.

Женщина схватила опешившую Тину за руку и потянула за собой, не переставая щебетать о прелестях пансиона святой Кладетты, о девочках-воспитанницах, о сладких пирогах и прекрасном саде. В ее речи все это переплелось столь причудливо, что мадемуазель Лоет показалось, будто пансион — это лучшее место на свете, где добрые преподаватели будут вместо уроков кормить ее сладкими булочками, а девочки живут на деревьях в саду, отчего счастливы сверх всякой меры. От этого вихря добродушия, жизнерадостности, пудры и духов у Тины закружилась голова, и его сиятельство остановил директрису:

— Мадам Гертон, умерьте пыл.

— Ах, простите, ваше сиятельство, — потупила очи женщина, и румянец на ее щеках стал еще более выразительным. — Вы же знаете, мне хочется, чтобы воспитанницы чувствовали себя здесь как дома и знали, что их ждет заботливая и любящая семья. Многие девочки этого лишены, бедняжки.

Уголки ее пухлых губ опустились в искреннем огорчении. Но, должно быть, мадам Гертон не умела долго грустить, и вскоре на лице ее вновь сияла улыбка. Директриса опять вцепилась в ладонь Тины и возобновила щебетания:

— Идемте-идемте, мадемуазель, я должна сейчас же показать вам ваш класс и девушек, рядом с которыми вы проведете некоторое время. Уверена, они вам понравятся! Такие милые, такие вежливые, такие умницы, такие очаровательные!

— Мадам Гертон, мадам Гертон! — воскликнул граф Мовильяр. — Предлагаю препоручить мою внучку одной из ваших помощниц. Думаю, они не хуже вас справятся с представлением Адамантины ее будущим подругам, а мы с вами уединимся, и вы мне поведаете о ваших нуждах.

— Ах, — вновь огорчилась директриса, желавшая лично познакомить Тину с другими воспитанницами, но, услышав слово «уединимся», отчего-то вновь зарумянилась и стрельнула в его сиятельство быстрым и игривым взглядом. После этого подозвала девушку немногим старше Тины и поручила мадемуазель ее заботам. — Вам обязательно у нас понравится, Адамантина, — напутствовала она внучку попечителя и повернулась к нему. — Прощу за мной, ваше сиятельство.

Граф Мовильяр усмехнулся и подошел к Тине.

— Вскоре мы снова увидимся, дитя мое, — сказал он неожиданно ласково. — Признаться, я буду скучать без вас.

Затем наклонился и поцеловал девушку в лоб, крепко сжав ей плечи; все-таки до дряхлости его сиятельству было еще далеко, несмотря на возраст. И, пока его внучка изумленно хлопала ресницами, опешив от слов своего деда, он уже подал руку мадам Гертон и направился в сторону ее кабинета, негромко спросив:

— Что случилось, Клодия?

— А то вы не знаете, Лорель, вы не ответили на мое послание, — приглушенно и немного капризно ответила она.

— Дорогая моя, дорога до Кайтена и обратно занимает почти месяц...

Они скрылись за дверью, и продолжение разговора Тина уже не слышала. Девушка обернулась к помощнице директрисы, и та указала рукой в сторону лестницы:

— Прошу вас, мадемуазель Лует, — произнесла незнакомка. — Я немного расскажу вам о порядках в нашем пансионе, но для начала познакомимся. Мадам Фанитта Бержар, но вы можете называть меня просто Фаня. Так вышло, что я стала выпускницей пансиона в прошлом году. Мой муж преподает здесь географию, и я тоже решила вернуться в родные стены.

Тина даже приоткрыла рот от изумления. Учитель географии? Ей живо представился ее преподаватель — маленький тщедушный человечек с большой плешивой головой, и девушка невольно скривилась. Вот уж незавидная участь, и скажите после этого, что девицам непременно нужно выходить замуж. Словно прочтя ее мысли, Фаня рассмеялась.

— Он чудесный и преподает интересно, — сказала она и вновь стала строгой. — Но вернемся к порядкам в пансионе святой Кладетты. Подъем в восемь утра. Девочки умываются, приводят себя в порядок и спускаются в столовую, где их ждет завтрак. После возвращаются в свои комнаты, готовятся к занятиям и расходятся по классам. В полдень — обед и небольшая прогулка в саду, а затем возвращение к учебе. После окончания занятий — чай с выпечкой. Затем девочки идут готовить домашние задания. В восемь вечера ужин. Спать воспитанницы ложатся в десять вечера. Те, кто приготовил задания, могут выйти в сад и подышать свежим воздухом. После ужина и до отбоя можно читать (у нас хорошая библиотека), поболтать, поиграть, но это для младших курсов, хотя и выпускницы с удовольствием играют в мяч и волан. Наши коридоры это позволяют, — Фаня улыбнулась. — У нас почти не бывает ссор, а если случаются, мы дружно разбираемся, кто и в чем виноват. Должно быть, мадам Гертон сказала вам, что у нас семья, и это действительно так. Покойная графиня Мовильяр была чрезвычайно доброй женщиной, она очень огорчалась, если в пансионе случалась ругань. Она и ввела этот обычай дружно разбираться в ссорах воспитанниц. Граф Мовильяр поддерживает традиции, заведенные его покойной супругой, он весьма лоялен к нам и никогда не отказывает в помощи, если на то появляется нужда. Весьма достойный господин.

Тина, рассеянно кивавшая на пояснения мадам Бержар, обернулась и в задумчивости посмотрела назад. Девушка мало разбиралась в отношениях мужчины и женщины, но кое-что о них знала. Хвала Всевышнему, на улицах секретов нет. Да и игривый огонек в глазах директрисы был ей знаком — так порой маменька смотрела на папеньку. И хоть они уже далеко ушли от директорского кабинета, но провожатая поняла ее взгляд и произнесла невзначай:

— Его сиятельство еще весьма привлекательный мужчина, и его любовь к пухленьким женщинам давно известна. Но мы не можем обсуждать его сиятельство и совать нос в личную жизнь нашей любимой Клоди, — предостерегающе заявила Фаня, чем еще больше разожгла огонь любопытства в мадемуазель Лоет. Дед все сильнее потрясал ее.

— Так его сиятельство и директриса... э-э-э? — с намеком протянула девушка.

Лицо Фани стало непроницаемым, она возвела глаза к потолку и коротко кивнула, показав четыре пальца. Тина подумала и прошептала:

— Четыре года? — и вновь короткий кивок, а после предостерегающее:

— Но мы никто и ничего не знаем.

— Гарпун мне в печень, — выдохнула мадемуазель Лоет и присвистнула.

Мадам Бержар скосила глаза на новую воспитанницу, насмешливо хмыкнув, а Тина тут же поправилась:

— Я хотела сказать, невероятно.

Фаня важно кивнула и продолжила просвещать Тину:

— У нас уделяется много времени светским манерам и этикету. Многие девочки устраиваются после окончания пансиона в дома высокопоставленных и титулованных особ, потому знание правил хорошего тона нам необходимо. Помимо того, в пансионе преподают математику до третьего курса: сложение, вычитание, умножение и деление. Родной язык и чистописание идут до последнего курса, воспитанницы совершенствуют почерк и грамотность. Литература и история королевства — обязательные предметы. Иностранные языки — по выбору. Географию государства и ближайших соседей изучают подробно, остальные страны — в общих чертах, но господин Бержар никому не отказывает в дополнительных знаниях, если у них имеется интерес. К тому же он преподает астрономию, но девочки считают ее скучной, потому наука о звездах — предмет не обязательный, по желанию. Признаться, его вообще желают изучать редко и мало, чаще дальше названий созвездий не идут. Мой супруг этим огорчен, но... — Тина кивнула, уже зная, что она проявит учебное рвение в этом предмете. — Танцы, рукоделие — предметы обязательные. — В этом месте мадемуазель Лоет незаметно скривилась. Морские узлы она умела вязать, а вот прокладывать стежки ее раздражало до невозможности. — Учатся девочки шесть дней, на седьмой отдыхают. Если недалеко от нас случаются ярмарки и празднества, воспитанниц туда непременно везут. Да, одежда у всех воспитанниц одинаковая, скромная, но

добротная. Ну, вот мы и пришли. Это спальня вашего курса, мадемуазель Лует.

Тина сунула нос в открытую дверь. Помещение было небольшим, здесь стояло пятнадцать кроватей, одну из которых как раз застлали свежим бельем, и девушка поняла, что это для нее. Кивнув, Тина повернулась к Фане. Та указала рукой вперед, предлагая продолжить путь.

— У нас шесть умывален, по одной на два курса. Одновременно умываться могут по пять человек, обычно успевают все. Напротив гардеробные, у каждого курса своя. Там хранятся теплые вещи, головные уборы и обувь, также платья на смену и пара платьев от попечителей, отличные от ученической одежды. Скромно, но... разнообразно, — вновь хмыкнула Фаня. — Сейчас ваш курс на занятиях. Идемте, я познакомлю вас с подругами.

— Я пока ни с кем не подружилась, — осторожно заметила Тина.

— Это неважно, мы все здесь подруги, — улыбнулась мадам Бержар.

Мадемуазель Лует неопределенно хмыкнула. Последний раз у нее были подруги лет в десять, но вскоре девочки начали задаваться, подражая своим маменькам и их подругам, и Тина стала скучать среди маленьких кумушек. Они больше не бегали за ней смотреть на то, как дворник Аритис бьет своей метлой по спине уличных мальчишек, забежавших в городской парк, а потом, смешно бранясь, выметает их за ворота. Не хотели искать выдуманные Тиной сокровища, а еще чуть позже начали презрительно выпячивать губки, говоря: «Эта странная Лует». Зато остался Сверчок, живший тем же, чем и его подруга. Забыв о кривляках, девочка теперь дружила только с Эмилом, а он предпочитал ее общество дружбе с мальчиками. Сначала ему нравилось, что с ним играет девочка, которая была старше него, потом он проникся ее идеями, начал придумывать свои, чтобы подружка не скучала, и более крепкой дружбы в Кайтене с той поры не видывали. Наверное, поэтому господин Лует не мешал дочери общаться со Сверчком.

— Важно не то, кто твой друг, а какой он, — говаривал папенька. — Если ты готов за него в огонь и в воду, и он отвечает тебе тем же, это и есть истинная дружба, дарованная Всевышним.

Теперь же Тине предстояло вновь учиться дружить с девочками, и она очень надеялась, что воспитанницы из пансиона окажутся отличными от тех девиц, что жили в Кайтене.

— Простите, что прерываем ваше занятие, мадам Тьерри, — Фаня смотрела на строгую сухопарую даму с пучком пегих волос на макушке. — Я хотела бы познакомить воспитанниц с их новой подругой. — Она

подтолкнула вперед Тину. — Девушки, позвольте представить вам мадемуазель Адамантину Лоет.

— Доброго дня, мадемуазель Лоет, — первой откликнулась строгая дама. — Девушки, — она взмахнула рукой, словно дирижер, и стройный хор голосов произнес:

— Привет тебе, Адамантина.

— Здравсти, — растерялась Тина, рассматривая четырнадцать девушек своего возраста в одинаковых светло-серых платьях с белыми воротничками и манжетами.

— Не будем вам мешать, — улыбнулась Фаня, отгаскивая мадемуазель Лоет за двери. — Ближе вы познакомитесь после занятий. А мы продолжим наше маленькое путешествие по пансиону.

Тина послушно последовала за мадам Бержар. Она еще не определилась со своими впечатлениями, но ничего угнетающего для себя пока не нашла. В голове засело слово «месяц», и этого было достаточно, чтобы смириться с жизнью по уставу пансиона. Почему бы и не попробовать для разнообразия? Маменька всегда говорила, что испытания меняют людей, даже закосневших в своих привычках. К тому же хорошая Тина в пансионе, замечательная Тина в поместье деда, а после — Тина едет домой! А там — родной Кайтен, Сверчок и маменька с папенькой, которые непременно без нее к тому моменту заскучают и дадут ребенку свободу. Да, именно так. Хорошая Тина — замечательная Тина — свободная Тина.

На личике юного создания расцвела улыбка, и девушка поспешила за Фаней, увлеченно рассказывавшей ей истории из жизни пансиона. Мадемуазель слушала ее вполуха, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Здесь вы получите вашу форму, — сказала Фаня, останавливаясь перед коричневой дверью.

Вздохнув, Тина зашла в огромную гардеробную, где царствовала пожилая дама с добрыми глазами и огромной родинкой на шее. Единожды заметив ее, мадемуазель Лоет уже не могла отвести взгляда от этой родинки, в уме сравнивая ее то с черносливом, который привозили в Кайтен на одном из торговых кораблей, то с чернильной кляксой, за которую Тине влетело от одного из ее учителей.

— Следуйте за мной, душенька, — пропела старушка и бодро посеменила вглубь своего вещевого королевства.

— Не смотри на ее родинку, — зашептала Фаня, вдруг переходя на «ты». — Ничего не скажет, но непременно даст что-нибудь дурное. Она неплохая, но обидчивая. Правда, отомстит и успокоится.

— Угу, — понятиливо промычала Тина, спеша за зловредной старушкой с добрыми глазами.

Вскоре девушка и ее провожатая уже вновь поднимались наверх, где Тине предстояло переодеться. Фаня с удовольствием продолжала ее посвящать в маленькие тайны пансиона святой Кладетты. Мадам Бержар была словоохотливой, что давало возможность узнать о месте временного пребывания побольше, однако не любившая долгой болтовни Тина начала уставать от своей спутницы. Мадемуазель Лоет могла выносить лишь трескотню Сверчка, но он ей друг, а Фаня — всего лишь новая знакомая. И все же девушка изо всех сил держалась, продолжая мило улыбаться и мысленно желать болтушке Фане несколько неприличных действий с дьяволом. Хорошая Тина — замечательная Тина — свободная Тина.

Отстала от нее Фаня, только когда занятия уже подходили к концу. Мадемуазель Лоет была оставлена в саду с наставлением идти в столовую, как только прозвонит звонок. Тина согласно кивнула и от всей души поблагодарила Всевышнего за освобождение. Она упала на аккуратную скамейку и прикрыла глаза, мечтая, чтобы ее сокурсницы оказались менее общительными.

Пока юное создание предавалось отдыху и мечтам о непременно счастливом будущем, покой ее был нарушен бранью. Кто-то поминал многострадального дьявола, прикладывая его от всей души. Опешив от столь невероятной речи в стенах пансиона благовоспитанных девиц, Тина не смогла удержаться от любопытства и не проверить, кто же так красиво складывает до боли знакомые слова.

Девушка устремилась вглубь ухоженного сада, откуда доносились глухие стуки, ругательства и недовольное кряканье. Добравшись до источника звуков, Тина прижалась к стволу дерева и осторожно выглянула из-за него.

— Чтoб тебя черти драли! — взвизгнула она, когда мимо нее пролетел нож.

— Кто здесь? — опешил юноша лет шестнадцати-семнадцати.

— Смерть твоя, упырь, — мрачно возвестила Тина, подтянула рукава форменного платья и вышла из-за дерева, готовая надавать по шее душегубу.

— А-а-а, — растерянно протянул тот. — Сейчас же все на занятиях.

— Смерть не умеет ждать, — криво ухмыльнулась мадемуазель Лоет, подходя к юноше. — Ты кто?

— Сын садовника, — ответил парень, делая шаг назад. — Помогаю отцу, пока воспитанницы учатся, потом ухожу. Мне не велено показываться

им на глаза.

Тина опустила рукава на место и подошла еще ближе, рассматривая парня. Он был рыжим и конопатым, и во взгляде сына садовника имелась скрытая хитринка, это понравилось девушке, потому что живо напомнило ей Сверчка.

— Как звать? — грозно спросила она.

— Гиль, мадемуазель, — склонил голову юноша.

Задумчиво угукнув, мадемуазель Лоет посмотрела на зажатые в левом кулаке два небольших ножа, близнецы того, что чуть не приголубил ее саму, и хмыкнула.

— Не можешь попасть в дерево? — спросила она.

— Не могу, — признался Гиль. — Чертовы железяки летят мимо.

Тина деловито протянула руку.

— Дай-ка я попробую, — сказала она, глядя в васильковые лукавые глаза нового знакомого.

— Порежетесь, мадемуазель! — воскликнул он, пряча руку с ножами за спину.

— А в зубы?! — вновь стала суровой девушка, копируя интонацию дядюшки Самеля.

Парнишка склонил голову к плечу, насмешливо глядя на самоуверенную девицу, достававшую ему до плеча. Тина, как и ее папенька, не любила долгих уговоров, предпочитая решительные действия, потому ее кулак впечатался в челюсть упрямцу в следующее же мгновение.

— Зараза! — взвыл Гиль, ошалело глядя на благовоспитанную девицу.

— Еще хуже, — хмыкнула Тина, подбирая выпавшие ножи. —
Смотри, сынок.

Первый же нож воткнулся в тонкий ствол, следом вжикнул второй, вставая аккуратно под первым. Парень, забыв о нанесенной ему обиде, подскочил на ноги и уставился на девушку, жарко воскликнув:

— Научи!

Мадемуазель покровительственно усмехнулась, мастерски сплюнула себе под ноги и решила, что жить здесь определенно можно.

Глава 7

— Тина! Где Тина?

Девушки-воспитанницы старшего курса пансиона святой Кладетты переглянулись и пожали плечами.

— Тина, — снова позвала блондинка Лери.

Из-за деревьев выскользнула мадемуазель Лоет, воровато оглянулась и, поправив выбившуюся из короткого хвоста прядку, важно шагнула к своим однокурсникам.

— Сейчас уже в классы поведут, — зашептала Лери, округлив глаза. — Где тебя носит?

Тина хитро улыбнулась и показала краешек припрятанного в рукаве кошелька.

— Уже? — тут же ахнула длинная, как жердь, Розел.

— А что там долгого, — хмыкнула Тина. — Гиль — шустрый мальч. После занятий разделим барыш.

Девушки дружно просияли, потеряли руки и разошлись в разные стороны. Лери осталась рядом с Тиной. Обе заговорщицы величаво уселись на скамейку, расправив на коленях платья, превращаясь в благовоспитанных девиц, коими их и видели воспитатели и учителя. Впрочем, они такими и были. Ничего ужасного старшекурсницы не делали, но с появлением у них Тины Лоет жизнь девушек стала гораздо занимательней. Сама же Тина переживала, как бы его сиятельство не прознал про то, что не она избавляется от уличного лексикона, а воспитанницы пополнили им свой словарный запас, впитывая, как губки, выражения графской внучки, не всегда следившей за своей речью. Хвала Всевышнему, им хватало ума изображать прежних очаровательных умниц, не употребляя новые словечки в присутствии воспитателей.

Девушки с интересом слушали рассказы Тины о ее жизни в Кайтене. Несмотря на их благоустроенную жизнь, воспитанницы ужасно скучали в стенах пансиона. Пресность их отлаженной жизни на время обучения утомляла, и истории непоседливой мадемуазель Лоет чрезвычайно скрашивали вечера старшекурсниц. А уж те слова, которые в запале слетали с языка юного очаровательного создания, и вовсе приводили девушек в восторг. Впрочем, время от времени им приходилось уточнять, что означает тот или иной оборот. Тина досадливо кривилась, но любопытство подруг удовлетворяла.

А однажды мадемуазель Лоет сунула свой любопытный носик в сундучок одной из девушек.

— Чтоб я сдохла! — с восторгом произнесла Тина. — Какая прелесть!

Это были тончайшие кружева, которые плела ее сокурсница, и их было столько, что к восторгу мадемуазель Лоет прибавился и священный ужас, когда она представила, сколько часов юной жизни ушло на создание этого воздушного чуда, ахнула и закрыла сундучок, но тут же снова открыла и с новым интересом оценила его содержимое.

— Куда столько? — спросила Тина деловито.

— Приданое, — смущенно ответила девушка.

— Мужа к постели привязывать? — не без иронии уточнила мадемуазель Лоет.

Но прежде чем ее сокурсница успела обидеться, взяла ее за локоток и проникновенно спросила:

— Денег хочешь?

— Хочу, — кивнуло второе юное создание.

— Мы можем продать все это, — торжественно сообщила Тина. — Я возьму свой процент за посредничество, но основная сумма твоя.

— П...продадим? — округлила глаза девушка.

— Еще как продадим, — уверенно кивнула предприимчивая девица. — В модную лавку. И я даже знаю, кто сможет нам в этом помочь.

— А если узнают? — ужаснулась мастерица.

— Не сс-с-с... сожалею и не бойся, я все устройю и возьму на себя, — заверила ее мадемуазель Лоет. — По рукам?

— Да-а-а, — проблеяла воспитанница пансиона святой Кладетты и вцепилась мертвой хваткой в ладонь Тины.

Случайно услышавшая этот разговор Лери схватила подругу за руку и утащила к своему сундучку, демонстрируя сплетенные за года пребывания в пансионе запасы кружев. Она умоляюще посмотрела на Тину и удостоилась покровительственной улыбки. После этого дочери судовладельца и внучке банкира оставалось отладить связь с внешним миром. Тут и пригодился Гиль, взиравший на Тину с нескрываемым уважением и даже восхищением.

Обрисовав все выгоды посредничества между мастерицами и модной лавкой, она снабдила парня необходимыми сведениями о ценах, научила, как лучше подойти к делу, благословила и отправила его в добрый путь с первой партией кружев. Гиль, вдохновленный новой подругой, отпросился у отца и отправился в город исполнять поручение, горя не столько жаждой наживы, сколько желанием угодить необычной мадемуазель.

В первой же лавке парня вытолкали взащей, решив, что он украл кружево. Но во второй хозяйка оказалась не столь щепетильна. Она оценила как красоту товара, так и разницу в цене: известные мастерицы требовали денег в несколько раз больше. Потому Гиль вскоре выходил из лавки, сжимая в руке заветный кошель. Обмануть Тину он даже и не подумал. И виной тому было не ее предупреждение:

— Обманешь — брюхо в спору, требуху выну и тебе в глотку затолкаю. Ты меня знаешь.

— Не обману, — улыбнулся юноша, зачарованно глядя, как благородная девица уперла руки в бока и сплонула для весомости. — Тебя не обману.

— Смотри мне, — погрозила кулаком Тина и ушла к девушкам, отвлекаяшим воспитательницу, а Гиль с глуповатой улыбкой первой влюбленности смотрел ей вслед, думая, что красивей девушки нет во всем свете.

А когда отдавал кошель, мадемуазель Лоет пересчитала деньги, честно выдала процент за посредничество, задумчиво посмотрела на парня, вновь не сводившего с нее преданного взгляда, и, буркнув:

— Черт с тобой, — поцеловала его в щеку, отчего у бедного Гиля чуть земля не ушла из-под ног, и мечтательная улыбка не сходила в этот день с его лица даже во сне.

Парню даже в голову не пришло, что корыстная девица, уже сообразившая, отчего юноша пожирает ее взглядом, просто использовала поцелуй, чтобы окончательно привязать к себе влюбленного в нее Гиля. Теперь он и вовсе готов был исполнить любой ее каприз, если наградой будет еще один поцелуй. Впрочем, такой наградой Тина не злоупотребляла, считая ее чрезмерной. К тому же она ненавидела все эти слащавости, потому бедному парню приходилось обходиться ее скупой похвалой и обещанием новой встречи. Но и это было ему в радость, ведь видеть предмет своего обожания чаще всего он мог лишь издали, не имея возможности подойти.

Получив первые деньги, девушки преисполнились энтузиазмом и теперь зачастую вместо домашнего задания сидели над новыми кружевами. Остальные Тинины сокурсницы, прознав, что можно получить деньги за свои труды, надели на мадемуазель Лоет, и вскоре Гиль наладил контакты со всеми портными и модными лавками их маленького городка. Паренька уже узнавали на улице, приветливо махали ему рукой, а кое-кто из хозяек лавок решил, что такой жених вполне подойдет для ее дочери. Только пусть еще подрастет, и дельце можно будет считать обстряпанным. Так что

юношу начали привечать еще и вкусными обедами и пирожными, иногда балуя бокалом доброго вина.

За три недели пребывания в пансионе святой Кладетты две прошли в торговых и посреднических сделках, и у мадемуазель Лоет скопилась небольшая, но все-таки сумма, которую она не собиралась тратить на ерунду, решив ее приплюсовать к тому, что у нее имелось в Кайтене. Ее сокурсницы были более чем довольны своей прибылью, нисколько не жалея о том, что часть суммы уходит Тине и Гилю, ведь раньше у них не было и этого. К тому же скопленные деньги можно было прибавить к тому, что им выдадут в следующем году при выпуске из пансиона, и выходило весьма недурственно, особенно для бедных пансионеров.

Но не стоит думать, что мадемуазель Лоет интересовалась только кружевами или недолгими встречами с Гилем, когда она учила его обращаться с ножом и драться, сбегая на прогулках в саду. Тина честно занималась, постигая науки, которые преподавали в пансионе. Что-то давалось ей лучше, что-то хуже.

Например, с рукоделием девица как не дружила раньше, так и сейчас враждовала. Зато географию знала отлично, и господин Бержар не мог ей нарадоваться. И на астрономии она просиживала больше положенного времени, иногда забывая про чай и булочки. Тину интересовали карты, звезды, как ориентироваться, как проложить курс. Ее учитель был несколько удивлен, но охотно отвечал девушке, порой и сам увлекался настолько, что они с Тиной успевали избороздить морские просторы вдоль и поперек. Бывало, что уже Фаня приходила за мужем и обнаруживала преподавателя и ученицу, стоявших на коленях на огромной карте, расстеленной на полу, и они, оживленно споря и вооружившись циркулем, линейкой, компасом и грифелем, совершали очередное путешествие.

— Когда вы покинете нас, Тина, мне будет вас не хватать, — как-то признался господин Бержар, сев на Тригар и скрестив ноги. — Вы презабавнейшая девушка, и, скажу откровенно, лучшей ученицы у меня еще не было. Жаль, что мы не можем с вами позаниматься ночью, я бы принес свой телескоп, но правила пансиона это строго запрещают. К тому же ваш дед не одобрит, — прервал он оживившуюся Тину и закончил с веселой усмешкой: — Да и моя жена не поймет.

Девушка вздохнула и признала его правоту. Кстати, господин Бержар оказался молодым мужчиной, может, и не красавцем, но интересным собеседником и талантливым учителем, потому мадемуазель Лоет больше не удивлялась выбору Фани. Неплохо давались Тине и правописание с историей. Литературу девушка любила выборочно. К стихам у нее

развилась стойкая антипатия, а благодаря учителю литературы, нанятому папенькой, развилась и привычка клевать носом, как только начинали звучать рифмы. В любом случае, мадам Тьерри читала их так же заунывно, потому толчки в бок от Лери, чтобы разбудить подругу, были закономерны.

Что касаясь языков, то лучше всего Тина знала балорский, общепринятый язык для общения между ближайшими соседями и в некоторых удаленных государствах. Его мадемуазель переняла еще от папеньки в детстве. Потому выбрала именно его, что стало возможностью и тут не ударить в грязь лицом. Так что особых нареканий к внучке попечителя не было.

Единственное, Тина опасалась, что могут стать известны ее предпринимательская деятельность, подобие дружбы с Гилем, а также распространение нелитературных словесных оборотов среди сокурсниц. Мадемуазель Лоет мечтала, чтобы все это открылось не раньше, чем она окажется в Кайтене. Выслушивать гневные речи деда девушке вовсе не хотелось. А лучше бы он совсем ничего не узнал. Однако Тина не обольщалась, понимая, что однажды кто-то из ее сокурсниц козырнет витиеватой фразой или же похвастается прибылью, и тогда...

— Адамантина! — вот именно так и начнется речь его сиятельства.

Осознав, что ее зовут, Тина подняла взгляд на воспитательницу, с укором взирающую на нее. Сокурсницы девушки уже направлялись в пансион, только Лери выглядывала из-за плеча воспитательницы и махала подруге рукой. Мадемуазель Лоет подскочила со скамейки и поспешила на занятие по танцам. Стоит заметить, что танцы Тина любила, простые уличные танцы, которые отплясывали на празднествах на площадях. А вот из светских ей нравился лишь вальс, вошедший в моду совсем недавно. Но не нравилось танцевать его с учителем. Вот когда папенька заглядывал в танцевальный зал и составлял дочери пару, тогда Тина наслаждалась мелодией и летящими движениями, даже немного ревновала, когда папенька танцевал с маменькой, не сводя с нее горящего взгляда. На дочь он, естественно, смотрел иначе — с теплотой и нежностью, и Тина ловила себя на мысли, что ей хотелось бы, чтобы и на нее партнер смотрел так же, как родители друг на друга. Пожалуй, это была единственная романтическая мечта мадемуазель Лоет.

Но в пансионе девушки танцевали друг с другом, исполняя то мужскую, то женскую партии. Это казалось скучным, поэтому Тина любила больше слушать музыку или арии, которые пел сам господин Рабаль, у которого оказался красивый глубокий баритон. Несколько девушек даже были влюблены в него именно за его чудесный голос. Об

этом Тине по секрету сообщила Лери, сама таявшая при звуках голоса их преподавателя музыки и танцев.

Однако стоило Тине войти в класс, как туда заглянула Фаня и вызвала мадемуазель Лоет, сообщив ей, что прибыл ее брат и просит свидания. Радостно и совсем не по этикету взвизгнув, Тина порывисто обняла мадам Бержар, тут же срываясь с места. Комнату, отведенную для встреч с родными, Тине показали еще в день ее прибытия в пансион, потому девушка даже не остановилась, чтобы ради приличий дождаться помощницу директрисы. Фаня хмыкнула вслед мадемуазель Лоет и свернула в сторону административных кабинетов, не желая мешать долгожданной встрече.

Это было событие! Самое настоящее. Ланс за все это время так и не смог вырваться к сестре, прислав ей пару раз небольшие послания с просьбами его извинить и не обижаться, потому что служба крепко держала господина Лоета-младшего при его патроне, не желавшем отпускать надолго сообразительного и трудолюбивого помощника. Тина огорчалась: по брату она скучала и хотела его увидеть, но не обижалась. Все-таки вскоре ее должны были забрать из этих стен, и тогда можно было упротить его сиятельство отвезти ее к Лансу.

И вот он здесь! Наконец-то!!! Счастливая Тина подбежала к дверям комнаты для встреч с родственниками, остановилась, выдохнула, поправила одежду и только после этого толкнула дверь и с достоинством вошла, чтобы через мгновение сорваться с места и кинуться к брату, рассматривавшему миниатюру на стене. На нем была модная шляпа, и весь он выглядел таким франтоватым и непривычным, но это же был Ланс! И Тина, подскочив к нему, положила руку ему на плечо, разворачивая брата к себе, чтобы повиснуть на шее, но сильные руки перехватили ее, и на лице визитера появилась знакомая ироничная ухмылка:

— Добрый день, дорогая кузина. Вижу, вы соскучились по мне так же, как и я по вам. Желаете исправить оплошность?

— Марк?! — ошеломленно воскликнула Тина и отлетела к диванчику, повинувшись толчку руки графа Мовильяра-младшего.

Девушка проехала спиной по его краю, вскрикнув от неожиданности и боли, ослепившей ее после столкновения с диваном, и упала на пол, потрясенно глядя, как кузен подходит к двери и закрывает ее на ключ, который, должно быть, торчал с обратной стороны и был прихвачен его сиятельством для такого случая. Марк запер дверь, обернулся к мадемуазель Лоет, и на его губах появилась неприятная ухмылка.

— Вот теперь поговорим, — сказал он, снимая шляпу и откидывая ее

на столик. Следом полетели перчатки, и молодой человек взял трость, прислоненную к столу. — Дернешься — не посмотрю, что ты девица и родственница, — предупредил Марк, нацеливая на Тину трость.

— Я ж тебя урою, гнида, — произнесла она, поднимаясь с пола и потирая ушибленное место.

— Тронешь меня — пострадает твой братец, — предупредил мужчина. — Теперь к делу...

— Ланс! — испуганно воскликнула мадемуазель Лует, и глаза ее запылали яростью.

— Тихо, — усмехнулся Марк, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу. — С ним все в порядке, пока я цел и невредим.

— Мозгляк, — презрительно скривилась Тина, сплюнув на пол. — Дерьмо собачье.

— Ну-ну, дорогая кузина, придержите ваш грязный язычок, он вам еще понадобится, — скабречно усмехнулся его сиятельство, и на лицо его вернулось знакомое ироничное выражение. — Итак, к делу, — повторил он, удовлетворенно хмыкнув, когда Тина уселась на диван, сверля кузена гневным взглядом. — Ты мне не нужна, плохая девочка. У тебя была возможность сбежать от старого зануды и отправиться со мной в небольшое путешествие. Теперь же я имею лишь одно желание — придушить тебя. Так что дед может не опасаться преследования мной твоей драгоценной персоны. Однако... — молодой человек выдержал эффектную паузу, — для тебя нашелся иной хозяин.

Тина вздернула брови, пытаясь понять, что хочет сказать ей мерзавец, продолжавший рассматривать ее с насмешкой и неприязнью. Но Марк не спешил давать пояснений: он постукивал кончиком трости по носку своей туфли и наблюдал за тем, как мрачнеет лицо его кузины.

— Продолжим, — наконец произнес Маркэль Мовильяр, поднимаясь со своего места. Он сделал шаг в направлении подобробавшейся Тины и указал на нее тростью. — Тебя купила одна очень высокопоставленная особа.

— Что значит — купила? — спросила севшим голосом мадемуазель Лует, все еще не до конца постигая происходящее.

— Я продал, он купил, — пожал плечами Марк. — И поверь, в виде банкнот ты оказалась гораздо приятней, чем... э-э... в натуральном. Можешь гордиться, за тебя заплатили двести тысяч санталов. Так что избежать его покоев тебе не удастся.

— Высоко оценили, — хрипло рассмеялась Тина, ощущая себя в кошмарном сне. Наяву такого просто не могло произойти, никак!

— Да, я тоже считаю, что ты не стоишь этих денег, однако отказываться я не стал. — Кивнул Марк. — Видишь ли, этот человек — мой добрый друг и покровитель. Он был взбешен тем, что я по твоей милости вынужден был пропустить все веселье, которое он подготовил специально для меня напоследок перед отъездом. Однако моего друга позабавило, что те мерзкие очки на моем лице нарисовала не кто-нибудь, а девчонка. — Его сиятельство на мгновение замолчал, пытаясь совладать с собой. Желваки на его скулах ожесточенно двигались, и Марку пришлось прикрыть глаза, чтобы успокоиться, а затем он отчеканил: — Мне не отказывают. Более того, ни одна женщина не смела поднимать на меня руку. К дьяволу! Что там женщины, мужчины предпочитают со мной не связываться, а тут какая-то... дикая дрянь...

Мадемуазель Лует уже справилась с растерянностью и теперь следила за кузеном пристальным взглядом, решая, действительно ли пострадает Ланс, если она вновь украсит холеную рожу синяками, или мозгляк просто пугает, чтобы держать ее на расстоянии? Тина решила не рисковать. Теперь она думала, не может ли быть все это затеяно Марком лишь для того, чтобы вселить в кузину страх?

— Я скажу его сиятельству, — сказала она, не сводя испытующего взгляда с кузена.

— Дед не сможет противостоять моему покровителю, как и отец, — усмехнулся молодой человек. — Тебя заберут у них в любом случае, как бы они ни извернулись, чтобы спрятать тебя.

Тина поднялась на ноги и отошла в сторону.

— Ты врешь, — сказала она. — В нашем королевстве нет рабства. К тому же я внучка аристократа...

— В этом мой покровитель увидел особую прелесть, — усмехнулся Марк, шагнув девушке навстречу. — Кстати, у меня есть для тебя его первый подарок, и он тебе не понравится.

Мужчина сделал еще шаг в сторону кухни, и Тина сорвалась с места, устремляясь к дверям, чтобы позвать на помощь. Но Марк настиг ее раньше, закрывая ладонью рот. Зубы Тины тут же впились в его палец, и граф снова откинул девушку в сторону, рывком обнажая шпагу, прятавшуюся в трости. Кончик ее уперся в грудь мадемуазель Лует. Затем острое поднялось выше и ткнулось в шею.

— С каким бы удовольствием я проткнул тебя, — брезгливо скривив губы, произнес молодой человек. — Но не могу уничтожать то, за что получил деньги, как и портить чужое имущество... к сожалению. К моему огромному сожалению. Но я буду удовлетворен тем, что ожидает тебя.

Надеюсь, ты будешь громко кричать, когда он сделает то, в чем ты посмела отказать мне. Руку!

Тина спрятала обе руки за спину и не менее брезгливо скривилась:

— Гарпун тебе в печень, гнида.

Шпага тут же надавила чуть сильнее, поранив кожу, но была откинута, и Мовильяр вдавил девушку своим телом в стену, к которой загнал ее. Несмотря на яростное сопротивление, он все-таки завладел рукой кухни и защелкнул на ней браслет.

— Снять ты его не сможешь, — издевательски усмехнулся Маркэль. — Будешь носить, пока тебя не заберут. — После этого подхватил шпагу и ножны-трость, вновь пряча свое оружие. — Желаю страдать подольше, — произнес мужчина, подходя к двери и открывая ее. — А лучше просто сдохни, дикая тварь.

Тина не сдвинулась с места, рассматривая то, что теперь сковывало ее правую руку. «Имущество И. П.», — прочитала она гравировку. Друг и покровитель, с которым дед и дядя не справятся... Инсэль Пайетт. Дьявол его дери, герцог. Граф так и говорил, что покровительство младшего брата его величества стало причиной вседозволенности Маркэля Мовильяра.

— Вот дерьмо, — выругалась Тина и подняла взгляд, но кузен уже вышел.

Она попыталась снять браслет, однако у нее ничего не вышло. О замочек девушка сломала ноготь и пришла в крайнюю степень неистовства. Она уже хотела разразиться отборной бранью, но сумела сдержаться.

— Спокойно, — велела себе Тина. — Надо подумать. Выход всегда где-то рядом.

Натянув рукав, девушка поджала губы и поспешила прочь из здания пансиона, желая сейчас оказаться наедине с собой. Мадемуазель выбралась в сад и поспешила спрятаться за деревьями, пока ее не заметили. Скрывшись за ивой, опустившей свои ветви к самой земле, Тина села на траву, подтянула ноги к подбородку и затихла, решив для начала немного пожалеть себя.

— Эх, папенька, вот вы и потеряли свое сокровище, — тяжело вздохнула она. — Кто же так богатством-то разбрасывается? Заберет меня герцог, и не видать вам вашей дочери, а все хотели слепить из меня не пойми чего... Стоять! — рявкнула сама себе мадемуазель Лует. — Папенька! Ну конечно, папенька! Если дед и дядя бессильны, то уж капитану Лоету сам дьявол не страшен!

Выход оказался так близко, что до него Тина смогла дотянуться рукой. Ей нужно было вернуться в Кайтен, а там папенька устроит герцогу и

племянничку кровавую казнь, непременно устроит! Стало быть, бежать. И чем быстрее, тем лучше.

— Тина?

Девушка подпрыгнула от неожиданности, но это оказался всего лишь Гиль. Он приподнял ветки ивы и теперь смотрел на Тину.

— Можно я посижу с тобой? — спросил юноша.

Мадемуазель Лоет хотела уже рывкнуть на него, изгоняя из своего укрытия, но передумала и махнула рукой, позволяя присесть рядом. Гиль опустился на землю, сорвал травинку и теперь крутил ее в пальцах, поглядывая на девушку. Но мадемуазель Лоет было не до него. Ее мысли уже стремились по дороге к Кайтену. Путь до дома не страшил девушку, у нее были деньги, было время, пока ее... хозяин обнаружит, что птичка упорхнула. Они ведь не следят за пансионом? А если следят? А если захотят забрать прямо отсюда?!

Теперь и время побега было определено — сегодня ночью и ни часом позже. Только как выбраться из пансиона? Тина вспомнила, что ворота охраняют, но, может, получится ускользнуть? А если следят именно за воротами? Тогда нужно лезть через стену. А вот тут начинались сложности. Стена была высокой и гладкой, и ни одного дерева рядом, чтобы перебраться по нему...

— Скоро тебя заберут, — заговорил Гиль, но Тина не слушала его, лишь рассеянно кивнув. — Если ты не против... если можно... я могу прийти ночью, и мы могли бы... ну-у, могли бы просто посидеть в саду, поговорить...

— Ночью, — машинально повторила мадемуазель Лоет. — Сегодня ночью...

— Я могу прийти и сегодня, — обрадовался Гиль. — Меня даже никто не увидит.

— Никто не увидит ночью, — снова повторила Тина и очнулась. — Что ты можешь ночью?

— Могу прийти ночью, никто не узнает, что я был здесь, и твоя честь...

— К дьяволу честь, — отмахнулась Тина. — Как ты можешь пройти незаметно?

Парень удивленно посмотрел на мадемуазель и указал пальцем вправо:

— Там есть неприметная калитка. Она заперта, но открыть ее можно. Ею давно не пользовались, а раньше через нее проходили те, кто работает здесь...

— Покажи! — воскликнула девушка, вскакивая на ноги. — Я хочу

увидеть, где она.

В глаза Гиля появилось подозрение, и Тина состроила капризную гримаску.

— Тут, оказывается, есть такое любопытное местечко, а ты молчал, — сказала она. — Мы могли бы уже столько раз сбежать и погулять где-нибудь, а ты, Гиль... Как же так? — мадемуазель сокрушенно вздохнула.

— Ох, и правда, — досадливо поморщился юноша, сразу представив, сколько возможностей открывала старая калитка. — Идем.

Он взял Тину за руку, и девушка подбодрила Гиля, чуть пожав его ладонь. Парень зарделся, метнул в Тину быстрый взгляд и повел ее к заветной калитке. Она обнаружилась за хозяйственными постройками, заросшая высокой травой и прикрытая вьющимися ветками с маленькими цветами. Мадемуазель оценила большой замок и удивленно посмотрела на юношу.

— Но там же закрыто, — заметила она.

— Смотри, — хитро улыбнулся Гиль, подходя ближе.

Дужка замка свободно поднялась, открывая выход на свободу. Тина просияла: это было то, что нужно. Ей вдруг стало немного стыдно за то, что она использовала наивного влюбленного юношу, и за то, что обманет его снова, но... Либо совесть, либо честь. Тина выбрала честь. Она сама взяла Гиля за руку и потянула под укрытие сада. Там остановилась, положила ладони на плечи парня и, привстав на цыпочки, прошептала:

— Не хочу сидеть в пансионе. Лучше погуляем за его стенами, завтра ночью.

Зажмурилась и чмокнула юношу в губы. После чего развернулась и стремглав бросилась назад к пансиону, пока он не опомнился. Впрочем, опасалась зря. Бедняга Гиль так и не сдвинулся с места. Он стоял, глядя девушке вслеп и трогая свои губы.

— Гарпун мне в печень, — сдавленно прошептал паренек, еще не зная, что завтра ночью гулять будет не с кем.

Глава 8

Ночь уже ступила мягкой бесшумной лапой на землю, нашептывая сладкие сны людям, уставшим от прошедшего дня. Воспитанницы пансиона святой Кладетты мирно посапывали в своих постелях. Только одна не позволяла дремоте завладеть собой: она лежала, распахнув глаза, и глядела в потолок, подсвеченный лунным светом, лившимся в спальню через окно. Чутко прислушиваясь ко всем звукам, девушка выжидала момент, когда сможет приступить к выполнению своего замысла.

Наконец затих последний шорох, и Тина Лоет, откинув одеяло, одним плавным движением поднялась с кровати. Оглядевшись, она направилась к дверям, стараясь ступать беззвучно, чтобы никто из ее новых подруг не смог увидеть бегства графской внучки. Тина уже почти добралась до двери, когда скрипнула половица, и Лери подняла голову, сонно щурясь.

— Ты куда? — хрипло спросила девушка.

— В уборную, спи, — прошептала мадемуазель Лоет.

Лери кивнула и уронила голову на подушку, тут же вновь уплывая в негу. Дождавшись, когда подруга уснет крепче, Тина открыла дверь и выскользнула в коридор. Здесь она, вновь остановившись, прислушалась. Но пансион спал, и дежурный воспитатель тоже. В этих стенах никогда и ничего не происходило, потому его обитатели не ждали никаких потрясений, побегов и несчастий. Это вполне устраивало мадемуазель Лоет.

Она добралась до гардеробной, зажгла прихваченную из спальни свечу и направилась к отведенному ей небольшому шкафу. Тина выудила свой дорожный саквояж, прибывший с девушкой еще из Кайтена, открыла его и вытащила фальшивое дно, под которым хранились одежда Сверчка и заплечный мешок. Да, она все это прихватила с собой, собираясь сбежать от деда, если жить с ним будет невыносимо. Но до вчерашнего дня даже не думала воплощать свой план в жизнь, решив быть послушной и порадовать родителей, чтобы скорей вернуться домой, честно глядя им в глаза. Однако дерзкая дама вновь нанесла удар, и время заветного тайника пришло.

Быстро переодевшись, Тина посмотрела на свои ноги, понимая, что босиком далеко не уйдет, а туфельки воспитанницы как-то совсем не сочетаются с мальчишеской одеждой. Девушка нахмурилась, раздумывая, что делать с обувью, но вскоре просияла, вспомнив, что в шкафчиках воспитанниц имеются сапожки на осень и на зиму. Мадемуазель Лоет тут

же подошла к шкафчику Лери, чей размер ноги был таким же, что и у Тины. Оценив вид осенней обуви, Тина осталась удовлетворена, решив, что на первое время сойдет, а в дороге она раздобудет легкие башмаки.

Девушка убрала сапоги в заплечный мешок, положила в него платок, в который завязала деньги, вырученные за посредничество, после добыла из недр шкафа сухари и бутылъ с водой, приготовленные еще днем, благо повара оставляли для воспитанниц подсушенный хлеб на случай, если те проголодаются. Затем в мешок последовал кусок сыра. Его Тина выпросила у господина Торна. Старший повар не стал исключением, пав под чарами коварной девицы, подружившейся с ним еще в первые дни пребывания в пансионе. Господин Торн тайно давал девушке сладости, которые они с сокурсницами уничтожали, когда оставались одни. Так что выпросить кусок сыра было несложно.

Последним, что осталось сделать, было снять поганый браслет. Добыв из тайника в саквояже самое ценное — нож, который ей подарил Самель, девушка подошла к окну, поставила на подоконник свечу и еще раз осмотрела отвратительное украшение. Открывался он миниатюрным ключиком, скважина для него была такой маленькой, что мадемуазель Лует забеспокоилась, что острие не влезет в нее.

— Шпилька, — прошептала девушка и кинулась обратно к шкафу Лери, где та держала маленькую шкатулку с заколками и шпильками.

Выбрав подходящую, Тина вернулась к окну, поджала губы и вставила кончик шпильки в скважину для ключа. Не паникуя и не спеша, девушка попробовала открыть браслет, вспоминая науку одного уличного воришки, однажды решившего рассказать ей и Сверчку о своем способе заработка. Дело было так. Они с Эмилом играли ножичком, когда услышали крики. Оказалось, что за тщедушным мужчиной гонятся трое здоровых мужиков. Сверчок коротко свистнул, привлекая внимание убежавшего. Тина сдвинула доску в заборе, за которым сидели приятели, и воришка юркнул в лаз. Друзья помогли ему уйти от погони и вывели на окраину, где показали заброшенный сарай — в нем вор отсиживался, пока заживала его рана, полученная от разгневанных преследователей. Тина и Сверчок приносили мужчине бинты, лекарства и еду. А в благодарность он открыл им несколько секретов своей профессии. Сейчас-то эта наука и пригодилась юной девице.

— Задавись, Марк, — осклабилась она, когда браслет, звякнув, упал на подоконник. — Чтобы ты сдох вместе со своим герцогом, сучий потрох.

Затем Тина подобрала унижительное украшение, завернула его в заготовленное послание для деда и убрала свою посылку в саквояж, зная,

что его обязательно отдадут его сиятельству. Закончив подготовку, девушка закинула на спину заплечный мешок, задула свечу и открыла окно. Водосточная труба проходила недалеко от окна, и просто так до нее добраться было невозможно. Тина заведомо знала, что придется идти по карнизу, поэтому и убрала сапоги в мешок.

Страх не было: где только не лазила за свою короткую жизнь мадемуазель Лует, в какие только щели они со Сверчком не совали носы. Поэтому Тина легко выбралась из окна и ступила на узкий карниз. Можно, конечно было попробовать выйти через дверь, но! Существовала опасность столкнуться с кем-нибудь из воспитателей. К тому же будка, где сидели ночные сторожа, находилась недалеко от выхода из пансиона, а входную дверь в здание на ночь запирали на ключ.

— Дерьмо, — коротко выругалась Тина, когда ее рука соскользнула с лепнины, украшавшей стену.

Сердце подпрыгнуло к горлу, но девушка сохранила равновесие и, выдохнув, продолжила свое осторожное движение к водосточной трубе. Вскоре пальцы ее нащупали рельеф чешуи на «теле дракона». Тина уцепилась за трубу, подтягивая к ней тело, и наконец полезла вниз.

— Уф, — вздохнула она, почувствовав под ногами влажную траву.

Девушка подняла голову, оценивая проделанную работу, хмыкнула и поспешила к калитке. В саду, скрытая деревьями и кустами, Тина обулась и уже не останавливалась, пока не оказалась за пределами пансиона. Здесь она немного растерялась, не зная, куда идти дальше.

— Там ворота, дорога и Пиррет, — прошептала она.

В городе можно было раздобыть башмаки и сесть в дорожный экипаж, чтобы убраться подальше. Тина знала, что ей придется пересаживаться несколько раз, чтобы добраться до Кайтена. По ее расчетам, денег должно было хватить; это несказанно радовало. Девушка поправила заплечный мешок, сунула за голенище сапожка нож и бодро пустилась в путь.

Однако спустя час, когда запал схлынул и ножки мадемуазель Лует шли уже не так резво, Тина начала прислушиваться к ночной тишине. Постепенно ей становилось не по себе. Вроде и луна светила, вроде и дорога шла вдали от леса, и человеческие поселения застыли черными тенями не близко, и ни души не было рядом, но мистический страх все более овладевал девушкой.

Не к месту она начала вспоминать жуткие истории, которые ей рассказывали нянюшка и Сверчок. Тина поежилась и оглянулась, боясь увидеть за спиной черного карлика с горящими красными глазами, но дорога была все так же пустынна, и кроме беглянки никто не спешил по

ней в столь неурочный час.

— Так и в штаны наложить можно, — нервно хохотнула Тина, нахмурилась, подбадривая себя, и поспешила дальше.

Где-то закричала ночная птица, мелькнула чья-то тень, заухала сова, из-под ноги выскочил камешек, а в голове зазвучал приглушенный голос Сверчка:

— Ты знаешь легенду о Черном Страннике? Не знаешь?! Тогда слушай! — торжественно провозгласил Сверчок, сверкая глазами. — Ходит по дорогам Черный Странник. Говорят, когда-то давно, так давно, что даже этого места уже не осталось, остановился странник на придорожном постоялом дворе. Странник этот вез деньги, чтобы выкупить брата из плена у своего врага. Выпив, странник рассказал хозяину постоялого двора свою историю, и ночью этот гад, который хозяин, со своими людьми убил странника и забрал деньги. Мертвеца вывезли в лес и бросили там. Всевышний очень разозлился, и, когда злодеи вернулись, все подворье ушло под землю, вместе с хозяином и его подручными. А через три дня Странник встал и вышел на дорогу. Брат-то его так и остался в плену. А говорят, Странник очень его любил и хотел спасти. Вот и ходит теперь по дорогам, ищет тот постоялый двор, чтобы вернуть деньги и спасти брата. Так-то он никого не трогает, но если встретит кого, то непременно подойдет, чтобы спросить, где найти пропавший постоялый двор. И как только его видят, так замертво все и падают, потому что страшный он. Черный весь, глаза огнем горят, черви по гнилому мясу ползают, и смрад такой стоит, что, если и не от страха помрешь, то задохнешься точно.

— Враки это все, — ответила тогда Тина.

— А вот и не враки! — оскорбился Сверчок. — Встретишь его как-нибудь ночью, тогда и посмотрим, какие враки.

Мадемуазель Лоят передернула плечами и крутанулась на месте, проверяя, нет ли рядом Черного Странника. Когда же его встречать, как не сейчас? Помянув недобрым словом своего друга, Тина ускорила шаг, стараясь больше не прислушиваться и не смотреть по сторонам. Она даже начала напевать любимую песню папеньки. Некоторое время песня очень даже помогала, но вскоре девушка стала вновь прислушиваться, распевая все тише, пока совсем не замолчала.

Неожиданно до нее донесся шорох, и сердечко Тины отчаянно забило от нового витка ее страхов.

— Враки, все враки, — уговаривала она себя. — Никакого Черного Странника не существует. Сверчок все придумал, врун несчастный.

Снова послышался шорох. Тина гулко сглотнула, скосила глаза и увидела...

— Мама! — взвизгнула девушка и припустила со всех ног, подвывая от суеверного ужаса, охватившего ее от взгляда на... — Дьявол меня дерит! Это же моя тень! — истерично выкрикнула мадемуазель Лоет и расхохоталась.

Вот бы Сверчок поиздевался над ней, узнай он, что подруга испугалась собственной тени и пыталась от нее убежать! Отдышавшись и немного успокоившись, Тина вновь запела папенькину лихую песню. И думать она теперь старалась исключительно о папеньке и о маменьке. Вспоминала их проделки с Эмилом. Потом подумала о его сиятельстве, решая, как быстро он получит ее посылку и сможет защитить Ланса — за него Тина очень переживала. Потом ее мысли перебрались на мозгляка Марка и его покровителя. Гнев окончательно рассеял страх, и теперь мадемуазель Лоет шла, сердито чеканя шаг и представляя, как она вспарывает глотку кузена от уха до уха, как ее учил Самель.

Девушка так увлеклась своими мстительными фантазиями, что не заметила, как добралась до Пиррета. Небо как раз начало светлеть, и до рассвета осталось совсем немного. Только сейчас Тина поняла, насколько она устала и как сильно хочет спать. Однако позволить себе такой роскоши мадемуазель Лоет пока не могла, потому приблизилась к городу, миновала его окраину и решила дождаться, когда откроется сапожная лавка, чтобы купить башмаки. Еще очень хотелось горячего завтрака и скорей нырнуть в дорожный экипаж, чтобы там подремать.

Девушка побродила по городку, отыскивая торговый квартал, а когда увидела лавку, над входом в которую висел жестяной сапог, удовлетворенно вздохнула и уселась на землю, прислонившись спиной к стене лавки. Дремота накатывала все сильнее, но мадемуазель Лоет упорно сопротивлялась ей. Она развязала свой мешок, погрызла сухари, запила водой и снова откинулась назад, тихо запев еще одну песню, которую услышала от Самеля. Песня эта была совсем уж неприличной, и великан, обнаружив неожиданного слушателя, погрозил Тине пальцем, велел ей сейчас же забыть слова, но этого оказалось достаточно, чтобы песня запомнилась мадемуазель с одного раза. Чем яростней запрещают, тем больше хочется повторять.

Песня звучала все тише, голова девушки склонялась все ниже, и последние слова стали неразборчивым бормотанием. В этой схватке мадемуазель Лоет проиграла...

— А ну вставай! — сильные пальцы вцепились в ухо самого первого

посетителя лавки, рывком поднимая его с земли. — Щенок беспризорный, а ну убирайся и не распугивай мне посетителей.

Испуганная Тина часто заморгала, пытаясь понять происходящее. Ухо горело, зад тоже, потому что сапожник отвесил ей пинка, откинув в сторону. Мадемуазель Лоет обиженно шмыгнула носом, утерла его тыльной стороной ладони, оставляя на лице пыль, в которой испачкалась рука, сползшая во сне с колен, и теперь, взлохмаченная, заспанная и неумытая, она очень напоминала миловидного паренька лет тринадцати-четырнадцати.

— Дяденька, так я же вас ждал, — пробубнила она. — Мне башмаки надо!

— Пошел вон, щенок, — рывкнул сапожник, снимая с двери лавки замок. — Ишь, чего удумал. Башмаки ему, а еще чего?

— Так я же за деньги! — возмутилась Тина. — Я же не попрошайничаю, я покупаю!

— Покупаешь? — сапожник почесал в затылке. — Покажи деньги.

— Ищи дурака, — пренебрежительно хмыкнула Тина. — Я тебе деньги, а ты меня взащей погонишь? Деньги есть, — весомо закончила она.

Мужчина усмехнулся, глядя на нагловатого паренька.

— Недоверчивый?

— Жизнь научила, — важно ответила мадемуазель Лоет. — Мне дорогие башмаки не нужны. Мне чтоб легкие и удобные.

— Поучи отца мамку мять, — сапожник ослабил и протянул руку, лохматя еще больше волосы первого покупателя. — Заходи, парень. Глядишь, ты мне удачу еще принесешь. Как-никак с утра денежки пришли.

Войдя в лавку, Тина замерла в углу, ожидая, когда хозяин принесет ей башмаки. Мужчина взглянул на ногу паренька, почесал в затылке и проворчал:

— Легкие, удобные и недорого. Выбирает еще...

Вернулся он быстро, неся в руках товар. Тина вытащила из-за голенища сапога нож и пояснила нахмурившемуся сапожнику:

— Я один, а гадов много, надо чем-то защищаться.

— Кишка-то не тонка будет? — насмешливо спросил мужчина. — Пырнуть ножичком — это тебе не языком чесать.

— Когда дерьмо попрут, тогда за все схватишься, чтобы требуху сбечь, — философски ответила Тина, пожимая плечами.

— Тоже верно, — кивнул сапожник. — Когда припрут, зубами глотки рвать будешь. Правильно мыслишь, парень. — Он немного помолчал, глядя, как первый покупатель натягивает башмаки и притоптывает, пробуя

их на ногах. — Зовут-то тебя как? Куда идешь?

— Эмил я, — ответила Тина. — У деда гостил, теперь домой возвращаюсь. Дед совсем дряхлый, проводить не может, так я один иду. А что? Я уже не сопляк, могу и в рыло дать, кто задирать будет.

— Языкастый — это точно, — сапожник рассмеялся. — Полсантала гони, коли берешь.

Мадемуазель Лоет развязала носовой платок, отсчитала полсантала и протянула сапожнику.

— Ладные башмаки, хозяин, — похвалила она.

— То-то, — важно ответил мужчина. — Носи и радуйся, Эмил.

Попрощавшись с сапожником, Тина отправилась в приглянувшуюся ей харчевню, решив позавтракать и поспрашивать, где останавливается дорожный экипаж. В харчевне ее встретили с подозрением, но сообразив, что паренек не собирается выпрашивать еду, жена харчевника приветливо ему улыбнулась. Она принесла первому посетителю кусок хлеба с ветчиной, горячий чай и уселась напротив, подперев щеку пухлым кулачком.

— Ты кто ж такой будешь? — спросила она, разглядывая пригожего «мальчишку».

— Эил Уел, — ответила Тина, набив рот.

За что тут же получила подзатыльник.

— Проглоти и ответь, нечего мне тут крошками плевать, — строго велела харчевница. — Никто не объяснял?

— Простите, — смутилась девушка. — Просто очень вкусно, не оторваться.

— Оголодал, бедняжка, — вздохнула женщина, вновь протянула руку и пригладила волосы пареньку. — Так как зовут?

— Эмил Мулер, — произнесла Тина и вновь нацелилась на кусок хлеба с ветчиной, но передумала откусывать, решив сначала спросить, пока женщина рядом: — А дорожный экипаж тут останавливается?

— Нет, он Пиррет стороной объезжает, — ответила харчевница. — Это тебе дальше надо, до Моргани, там сядешь. Только далековато идти, ближе к вечеру дойдешь.

— Ничего, ноги на то и даны, чтобы ими землю топтать, — легкомысленно отмахнулась Тина.

Женщина рассмеялась и подмигнула, одобряя ее слова. Расплатившись, девушка покинула харчевню, а затем и Пиррет, спеша скорей добраться до Моргани. Харчевница объяснила «пареньку», где свернуть с дороги, чтобы не сделать лишний крюк. Запомнив ее

наставления, Тина вышла на широкий тракт.

С рассветом исчезли всякие страхи, и теперь девушка была не против идти, скрываясь за деревьями. Но еще какое-то время путь ее лежал по открытому пространству, и мадемуазель Лоет нервничала, опасаясь погони. Поэтому каждый попутный всадник или экипаж повергал Тину в трепет. И как только возле дороги появилась густая растительность, девушка тут же сошла с тракта, исчезая в пышной зелени.

К полудню она устала настолько, что вынуждена была сделать остановку и, как ни заставляла себя встать и идти дальше, так и осталась сидеть в густой тени. Глаза ее вновь закрылись, но Тина вырвалась из лап дремоты, посмотрела сквозь ветки кустарника на дорогу и не выдержала, решив просто немножечко полежать. Совсем капельку, маленькую-маленькую, только чтобы отдохнуть.

Рассудив, что близко к дороге, где едут люди, звери не подойдут, всадники сюда не сунутся, а пешие путники присядут передохнуть, скорей, на краю тракта, Тина легла, подложив под голову мешок, но вскоре опять села. Ей пригрезилось, что к ней подбирается кузен, держа в руках большой мешок, в каких возят муку в пекарню.

— Дьявол, — выругалась девушка, поднялась на ноги и побрела еще дальше, надеясь, что теперь ее точно никто не найдет.

Прохлада небольшого леска вернула ей немного бодрости, и мадемуазель Лоет, поверив, что короткого отдыха хватило, решила пройти еще немного. Теперь она двигалась, еще больше удалившись от дороги. Наконец ноги в новых башмаках возопили, требуя пощады. Тина сунула обувь в мешок, еще какое-то время брела босиком, а потом объявила:

— Приплыли, больше не могу.

Тяжело опустившись на землю, она осоловело моргнула, стянула со спины заплечный мешок, достала нож, положила его под мешок и крепко ухватила рукоять. После опустила голову поверх мешка, закрыла глаза и мгновенно уснула, больше не пытаясь бороться с собой. Сейчас сны не тревожили одинокую путницу, тень и шепот леса дарили отдохновение усталому телу и разуму.

Проснулась Тина, когда уже подступали сумерки. Открыв глаза, мадемуазель Лоет сладко потянулась и охнула, подскочив на месте. Осознание того, что она упустила время, привело девушку в ярость.

— Балда, — ругалась она вполголоса, натягивая башмаки. — Дьявол меня дерит через колено. Какого я тут валяюсь, как собака?!

Она вскочила на ноги и поспешила продолжить путь. Уже пройдя приличное расстояние, Тина спохватилась, что не огляделась. Где дорога?

Там? Или там? Направо? Налево? Прямо?

— Гарпун мне в печень! — воскликнула она, чувствуя, как подступают слезы.

Девушка зло стерла кулаками предательскую влагу и решила идти до тех пор, пока не выйдет к людям. У них и спросит дорогу до Моргани. Через некоторое время она выбралась из леска, но теперь тракта не было видно вовсе. Она оказалась на другой дороге. Успокаивало то, что по ней все-таки ездили, потому что в пыли ясно угадывалась колея. Ее можно было разглядеть даже в подступающей темноте.

Тяжко вздохнув, Тина побрела по этой дороге, надеясь, что не сильно отклонилась от своего пути. Неожиданно девушка остановилась. Сначала она сама не поняла, в чем дело, просто вдруг внутреннее чутье велело замереть. Прислушавшись, мадемуазель Лоет различила звон металла и мужские голоса. Чертыхнувшись, она сжала рукоять своего ножа, теперь лежавшего в кармане.

Осторожно, стараясь ступать как можно тише, Тина направилась на звук драки. Нет, она не собиралась вмешиваться, но все же... Вскоре звуки стали громче, а еще через десяток шагов девушке пришлось нырнуть обратно в лесок. Она прижалась к стволу дерева и выглянула из-за него.

Рядом с каретой, чьи дверцы были распахнуты, неизвестный мужчина дрался один против троих нападавших. Рассмотреть его сейчас было сложно, как и его противников.

— Рени, проклятье! — выкрикнул мужчина. — Рени, я с тебя шкуру спущу, если выживу!

Его теснили к карете, загоняя в ловушку. Было видно, что мужчине приходится туго, но он все еще отбивал атаки, держа в руках шпагу и кинжал. Но вот один из нападавших сделал выпад, и его шпага вспорола рукав белой рубашки. Этого оказалось достаточно, чтобы терпение Тины лопнуло, и здравая мысль оставаться незамеченной испарилась, будто ее и не было.

Девушка скинула свой мешок на землю, вытащила нож из ножен и поспешила на помощь незнакомцу. В пылу драки ее не заметили, чем мадемуазель Лоет и воспользовалась. Она напала сзади. Ухватив одного из нападавших за плечо, Тина с силой крутанула его в свою сторону, выбила из рук шпагу и ослепила ударом локтя в нос.

— Хвала Всевышнему! — воскликнул незнакомец, заметив, что у него появился неожиданный помощник.

Теперь он сосредоточился на одном противнике, потому что второй развернулся в сторону Тины.

— Сопляк? — удивился разбойник.

— Сам ты сопляк, гнида, — презрительно сплюнула Тина, отступая назад.

Неожиданно из-за ее спины выскочил еще один мужчина с камнем в руках. Он подскочил к поверженному, но живому разбойнику и с силой приложил того камнем по голове, после чего снова убежал в лес.

— Рени, скотина! — тут же выкрикнул незнакомец, вонзая шпагу в третьего разбойника. — Я тебе уши отрежу, трус!

— Простите, хозяин, — донеслось из-за деревьев.

Противник Тины бросился на нее, но девушка увернулась. Что делать, она, признаться не знала. Нет, сойдишь они в рукопашной, и мадемуазель Лует без жалости бы воспользовалась всеми своими знаниями, но в руках разбойника была шпага, а у нее — короткий нож. И было легче представить, как можно было бы воспользоваться им, чем пустить в ход на самом деле — убивать Тине еще не доводилось. На помощь ей пришел все тот же незнакомец, скрестивший шпагу с противником девушки. И как только разбойник повернулся спиной к лесу, оттуда выскочил Рени с толстой дубиной и обрушил ее на голову нападавшего.

— А сразу не мог так сделать? — ядовито спросил его хозяин, утирая пот тыльной стороной ладони.

Он тяжело и шумно дышал; было заметно, что кровь еще бурлит в жилах. Слуга повинно опустил голову и пробубнил:

— Так их было больше...

— Закрой рот, — посоветовал ему мужчина и повернулся к Тине. — Благодарю за помощь, парень, ты появился как нельзя кстати.

— Да чего уж там, — отмахнулась мадемуазель Лует, с интересом рассматривая незнакомца.

Оказалось, что это молодой человек, скорей всего, ровесник одного из ее братьев. Он имел черные волосы, был высокого роста, но ниже, чем папенька и прочие мужчины рода Мовильяр. Черты его сейчас разглядеть было трудно, но сложение молодой человек имел статное. Он отошел в сторону и наклонился, поднимая с земли сброшенный сюртук. После надел его, поправил полы и тряхнул волосами. Затем вернулся к Тине и протянул ей руку. — Альен Литин, — представился он.

— Сверчок, — ответила девушка и удивилась тому, что у нее вырвалось не имя, а прозвище друга.

Рукопожатие Альена Литина было крепким и уверенным. Затем он хлопнул Тину по плечу и указал широким жестом на экипаж:

— Забирайся, отвезу, куда скажешь. Ради спасителя я готов

отклониться от своего пути. Куда идешь?

— В Моргани, — обрадовалась Тина.

Еще бы не обрадоваться! Ей опять предстояло идти всю ночь; малоприятное времяпрепровождение, стоит заметить. И пусть придется искать укромный уголок в Моргани, чтобы дожидаться утра, это все же лучше, чем идти одной по ночной дороге, опять воображая себе не пойми что.

— Тогда едем в Моргани, — бодро произнес господин Литин.

— Согласен, — широко улыбнулась мадемуазель Лует и первой забралась в карету, слушая, как ее новый знакомый отчитывает своего слугу:

— Вернемся, я тебя взашей выгоню, ты понял, Рени? Меня бы на ремни порезали, а ты в лесу продолжал бы отсиживаться и наблюдать?

— Так папенька ваш велел просто присматривать за вами, а от телохранителя вы сами отказались, — оправдывался тот. — Я кучер, господин Альен! А вы и сами хорошо справлялись...

— Заткнись и не оскорбляй моего слуха, трусливый осел, — отмахнулся от него Литин. — Мальчишка не побоялся в драку влезть.

— И я не побоялся...

— Молчи, недоразумение! Вези в Моргани.

И молодой человек забрался в карету, закрыв за собой дверь и дернув шнурок звонка. Карета тут же тронулась с места. Тина с любопытством посматривала на Альена Литина, но сейчас она могла видеть только силуэт мужчины.

— Ты живешь в Моргани? — спросил молодой человек.

— Нет, — ответила Тина. — Я хотел там сесть в дорожный экипаж и добраться до Кайтена.

— Кайтен? — переспросил новый знакомец. — Живешь там, или хотел наняться на какой-нибудь корабль?

— Наняться, — соврала девушка.

Господин Литин тут же подался вперед. Его профиль теперь четко был виден на фоне окошка, за которым светила луна.

— Слушай, Сверчок, — начал молодой человек. — Если тебе нужна работа, то у меня есть предложение. Я направляюсь в Пьен, где меня ждет зафрахтованный корабль. По делам компании моего отца я отправлюсь в Тарван, и мне нужен толковый помощник. Как ты сам видел, от моего балбеса толка мало, он только жрет да дрыхнет при любой возможности. Ничего сложного, подай-принеси. В общем, работа не пыльная.

— Я умею драться, — зачем-то брякнула Тина.

Литин откинулся назад и рассмеялся.

— Это ты мне сейчас угрожал или набивал себе цену?

— И то и другое, — нагло заявила девушка, решив не пасовать и не смущаться. — Десять санталов за месяц службы.

Черт возьми, не надо мне денег, хотелось бы крикнуть Тине. Пьен! Пьен!!! Пьен, корабль, море! На мгновение ее кольнула совесть. Дед и отец будут искать ее, но... Море! Дьявол вас всех дерь, это же море!!! К тому же если Тина исчезнет, то не заставит папеньку влезть в опасное дело. Потом она все объяснит, обязательно объяснит и больше никогда не будет так делать, честно-честно! Но это же единственная возможность в ее жизни, чтобы осуществить свою мечту!

— Не жирно ли? — усмехнулся Альян Литин. — Пять санталов.

— Черт с вами, хозяин, восемь! — азартно воскликнула Тина.

— Семь! — не менее азартно ответил молодой человек, опять протягивая руку.

Тина сжала мужскую ладонь.

— С половиной! — и тряхнула.

— И что я только что приобрел за семь с половиной санталов? — задумчиво произнес Альян, отмечая находчивость и живость «паренька».

— Вы заключили лучшую сделку в вашей жизни, — важно ответила Тина и весело рассмеялась.

Глава 9

К ажурным воротам с вензелем в виде буквы «М» подъехали три всадника. Одноглазый мужчина остановил коня и обернулся к своим спутникам, но тут же вновь отвернулся и пробормотал:

— Чтоб я сдох.

— Неплохой домишко, капитан, — усмехнулся тщедушный седеющий мужчина.

— Закрой пасть, Кузнечик, — одернул его третий всадник.

— Мясник, иди в зад к рогатому, — скривился седой.

— Пасть порву, — с угрозой произнес великан.

— Захлопнули хлеба оба, — отчеканил одноглазый. — У меня минута сентиментальности, дайте прийти в себя.

Два всадника послушно замолчали, но обменялись друг с другом кровожадными взглядами. Вэйлр Лоет этого не видел. Он смотрел на ворота отчего дома и не мог заставить себя двинуться дальше. В душе его сейчас разыгралась буря эмоций, от волнения до горечи. Он не был здесь больше тридцати лет. Даже когда помирился с отцом, Вэй не спешил возвращаться в родовое гнездо Мовильяров.

Здесь прошли его детство и юность, здесь он влюбился в море и решил пойти служить на королевский флот. Здесь рухнула его вера в честь и справедливость. Прежним восторженным щенком он заезжал сюда для того памятного разговора с отцом, а выехал из этих ворот циничным и язвительным сорвиголовой, плевавшем на все и всех, кроме своего корабля, команды и старого морского волка Ансея, ставшего ему вторым отцом.

Наверное, Вэйлр никогда бы не вернулся в поместье графов Мовильяров, если бы не истосковался по своей маленькой егозе, без которой дом в Кайтене окончательно опустел. Поначалу Вэй вполне успешно справлялся с их с супругой одинокой жизнью, говоря, что они вернулись в те славные времена, когда могли наслаждаться друг другом без трех спиногрызов. Ада только качала головой и ждала, что будет дальше.

А дальше капитан «Счастливого» расстрелял двери своего кабинета, сходил в трактир, где напился до зеленых чертей и поругался с городским главой, решившим заглянуть на разудалую пиратскую песню. Заглянул зря, потому что Лоет тут же припомнил пару их разногласий, и мэр слег дома в окружении врачей. На следующий день господин Лоет, конечно, принес свои извинения по настоянию супруги, но был искренне возмущен.

— Подумаешь, начистил одно свиное рыло, от него не убыло.

Потом Вэй и вовсе впал в хандру, сменившуюся новым буйством. Устав от метаний мужа, Ада велела:

— Езжай к отцу и забери дочь.

— Вот еще, — передернул плечами упрямец. — Пока не перевоспитается, домой не пущу.

Тогда мадам Лоет собрала вещи и сказала:

— Пока ребенка не вернешь, меня не зови. Я в сумасшедшем доме жить не желаю.

— Ты меня бросаешь? — опешил Вэйлр.

— Скорей, спасаю свои нервы, — ответила Ада и уехала в Льено — проведать родителей и Раная, по которому сильно скучала.

Впрочем, по Лансу Адалаис Лоет скучала не меньше. Но без дочери и вовсе стало тихо и как-то слишком спокойно. Привыкшим жить как на вулкане, супругам показалось, что дом превратился в склеп. Это не только нервировало Вэя, но подавляло и Аду, а участвовавшие вспышки дурного настроения мужа приводили ее в негодование. Поэтому она и оставила его, зная, что характер Вэйлр выдерживает больше перед ней, не желая казаться слюнтяем. Теперь у него не осталось выхода.

Лоет прекрасно понял ход своей супруги, но решил сделать вид, что его вынудили к принятию решения, в душе радуясь, что Ада развязала ему руки.

— Я еду за дочерью, — объявил он Самелю.

С некоторых пор бывший кок сам обслуживал своего капитана и хозяина, остальные слуги боялись.

— Я с вами, капитан, — оживился повар.

— Еще чего, — фыркнул Вэй.

— Я тоже скучаю по маленькому ангелу, — заупрямился бывший кок.

Лоет нахмурился, но, окинув мрачным взглядом насупившегося великана, махнул рукой и велел:

— Пусть Кузнечик седлает двух лошадей.

— Да, капитан! — просиял Самель и поспешил исполнить приказ.

Но когда Лоет Вышел на улицу, Кузнечик, служивший сторожем и привратником у капитана по собственному желанию, уже сидел на третьей оседланной лошади.

— Воля ваша, капитан, но я с вами. Пригожусь.

На споры у Лоета не было настроения, да и не видел он повода запрещать ехать с ним двум проверенным людям из своей старой команды. И вот наконец они стоят под воротами, но заставить себя войти в них у Вэя

не получается. Слишком больно было тогда, когда он выкрикнул клятву никогда в жизни не входить в двери родительского дома. Самель и Кузнечик терпеливо ждали. Для них ничего не изменилось, и за попытку настоять или поспорить они по-прежнему могли нарваться на зуботычину от капитана.

— Что надо? — грубовато спросил привратник, приближаясь к воротам.

Это вывело Лоета из оцепенения. Он мазнул взглядом по лицу привратника и велел:

— Открывай.

— С чего это? — подбоченился мужчина. — Ездят тут всякие.

Интереса в здоровом глазу Вэя стало заметно больше. Он повернул к привратнику лицо здоровой стороной и любопытствовал:

— Никого не напоминаю?

— Разбойника напоминаешь, — заносчиво заявил самоубийца. — И эти двое тоже, особенно тот здоровый. Проваливайте, или собак спущу.

— Насчет разбойника ты угадал, дохлый, — мирно согласился Лоев.

— Чего это я дохлый? — задрал нос привратник, пышущий здоровьем.

— Разъясняю, — деловито ответил Вэйлр, доставая пистолет. — Мертвецы иными не бывают.

И он выстрелил, не особо целясь. Пуля прошла рядом с головой привратника, он даже почувствовал дуновение смерти. Мужчина округлил глаза, потрогал висок, икнул и завалился без чувств.

— На бордаж, — коротко велел капитан Лоев, спешиваясь.

Кузнечик и Самель переглянулись.

— Мясник, смотри за лошадьми, Кузнечик, за мной, — отчеканил Вэйлр и первым начал карабкаться на ограду.

В это мгновение послышался топот копыт, и к воротам приблизился сам хозяин поместья. Он изумленно оглядел сына, ловко забиравшегося по завитушкам вверх, затем седого юркого мужчину, следовавшего за господином Лоевом, но со стороны второй створы, узнал повара, оставшегося за оградой, и наконец заметил привратника, красиво раскинувшегося в траве.

— Вэйлр, это ты стрелял? — поинтересовался его сиятельство.

— Какого дьявола меня не пускают в отчий дом? — спросил Вэйлр, уже добравшийся до верха ограды.

— Должно быть, дело в том, что ты давно здесь не появлялся, и новая прислуга с тобой незнакома, — ответил граф Мовильяр. Затем указал подбородком на привратника. — Мертвый?

— Если только задохнется от запаха собственного дерьма, — поморщился Лоет. — Наверняка в штаны наложил. Доброго дня, отец. Где Тина?

— Будь добр, слезь с ворот и вернись в седло, — ответил его сиятельство.

Лоет кивнул Кузнечнику, уже оседлавшему ограду, и тот полез вниз. Бывшие пираты прыгнули на землю, отряхивая руки, когда ворота распахнулись и его сиятельство выехал к ним. Еще двое привратников боязливо, но с любопытством поглядывали на второго сына графа, о котором слышали много, но видели впервые. Одетый в простую дорожную одежду и сапоги, со своей повязкой на лице, он действительно казался им пиратом. Об этом говорить вслух не разрешалось, и граф никогда не подтверждал подобных слухов, но они ходили между слугами. А теперь, когда изгнанник появился, да еще и в компании двух подозрительных типов, и лез, как разбойник, через ограду, привратники уверились в том, что слухи верны, и не сказать, что они не испытали душевного трепета.

— Тина в поместье? — между тем спрашивал Лоет, не спеша вернуться в седло.

— Нет, ее там нет, — чуть растягивая слова, ответил его сиятельство. — Я как раз направляюсь туда, где Адамантина находилась... последние три недели.

Это признание далось графу тяжело, но врать сыну не имело смысла. Однако больше угнетало то, что придется рассказать и о причинах, которые вынудили деда отправить внучку в пансион. Впрочем, внешне волнение его сиятельство никак не выказал.

— Что ты сделал с моей дочерью? — глухо спросил Вэй.

— Вэйлр, — граф вздохнул, — не устраивай сцен и дай мне тебе все рассказать.

— Изволь, — ледяным тоном произнес Лоет.

Набрав в грудь побольше воздуха, граф Лорель выпалил:

— Адамантина в пансионе святой Кладетты.

— Какого черта она там забыла?

— Сын, вернись в седло, нет времени ругаться перед воротами, — поморщился его сиятельство. — Предлагаю орать друг на друга в дороге. Поверь, девочка там неплохо устроилась...

— В это я могу поверить, — мрачно ответил Лоет, забираясь в седло. — Она моя дочь, этим все сказано. Итак, ты отправил Тину в пансион, когда я доверил ее тебе. Какого черта, отец?! Не мог совладать с моим дьяволенком? Или же тебе претило заниматься внучкой?

— Ты несешь чушь, Вэйлр, — холодно ответил граф. — Тина — чудесная девочка. Бесспорно, пороков у ребенка много, но она старалась и была послушной. Мы даже почти не спорили. К тому же она моя внучка. В пансион я собирался ее отправить лишь в качестве наказания, если мне будет не совладать с ней. Так же поступил и ты, вызвав меня. Но была иная причина, по которой юная мадемуазель Лоет оказалась в стенах заведения, основанного твоей матушкой. И я точно знаю, что девочка там не страдала, мне ежедневно приходили отчеты о ее здоровье и поведении. Адамантина добилась определенных успехов в географии и астрономии. Признаться, странный выбор предметов для благородной девицы. Впрочем... — он скопил глаза на сына. — Ничего странного, учитывая ваше родство. В общем-то, только рукоделие у нее не шло.

— У нее руки не под иглу заточены, — усмехнулся Вэй. — Ада пыталась привить дочери интерес к вышивке, но чертенок только диверсии устраивала, и Ангелок оставила ее в покое. Продолжай.

— Благодарю, — кивнул его сиятельство. — С девочками Адамантина также сумела подружиться. Ни ссор, ни споров...

— Не заговаривай мне зубы, — отмахнулся Лоет. — Почему моя дочь оказалась в пансионе?

— Досадное происшествие с твоим племянником, — поморщился граф Мовильяр. — Маркэль, эта паршивая овца, испортившая породу... Маленький мерзавец воспылал к кухне интересом, девочка избила его... Ох, как же непросто говорить о таком. Покойная графиня была бы в ужасе от поступков обоих детей...

— Отец! — повысил голос Вэйлр. — Что этот ублюдок сделал с моей дочерью?

— Ничего, — снова поморщился граф. — Я говорю тебе, она его неплохо приложила. Но мерзавец злопамятен и мстителен, я решил скрыть Тину за стенами пансиона. Тем более Марк через пару дней должен надолго покинуть берега королевства. Тогда я собирался забрать внучку.

— Шею свернуть уроду, — подал голос Самель.

Граф и его сын обернулись к коку.

— Кстати, да, — поддержал его Вэй. — Какого черта вы не можете совладать с мальчишкой? Нат вконец раскис? Так у меня рука не дрогнет.

— Вэйлр, тут все не так просто, — его сиятельство взглянул на сына. — Ему покровительствует герцог Пайетт. Все наши увещевания и попытки применить к Марку хоть какое-то наказание постоянно наталкиваются на препятствия. Тина — не единственный его грех. Он позорит весь род своим беспутным поведением. Его величество несколько

раз вмешивался, увещевал Маркэля, но герцог всегда приводит столько свидетелей, что мальчишка начинает казаться посланцем небес, а не преисподней. Поэтому король, мудро рассудив, решил убрать Марка подальше от его покровителя. Думаю, ты понимаешь, почему я решил спрятать внучку до его отбытия.

— Ты едешь навестить малышку? — настороженно спросил Лоет, ощущая неприятный холодок внутри.

Граф передернул плечами, достал из внутреннего кармана сюртука послание и протянул сыну. Вэй вчитался в строки, после перечитал еще раз и с яростью смял в кулаке письмо.

— Пропала?! — прорычал он. — Что это значит?

— С этим я и хочу разобраться, — ответил его сиятельство. — А теперь пришпорим коней, или я, к чертям собачьим, взорвусь!

— Если я взорвусь, никому мало не покажется, — глухо отозвался бывший пират и пустил коня в галоп.

К воротам пансиона маленький отряд, состоявший из графа, его сына, двух слуг и двух пиратов, подъезжал в злом молчании. Привратник, открыв маленькое окошко и увидев его сиятельство, приветливо улыбнулся, но выдержка графа дала сбой, и он воскликнул:

— Да открывай же ворота, балбес!

— Ва... ваше сиятельство, — опешил привратник.

— Кадык вырву! — заревел Самель, не обладавший ни сдержанностью, ни воспитанием его сиятельства. — Живей, сучий потрох!

— Мясник, закройся, — рявкнул Лоет и взглянул на бледное лицо пансионного служителя. — Пошевеливайтесь, милейший, или угрозы моего мальчика покажутся вам сладчайшими ласками.

— Ну! — снова не сдержался граф, и створы наконец распахнулись.

Маленький отряд въехал в ворота, и первым спешил престарелый граф. Он направился стремительной походкой к дверям пансиона, выкрикивая на ходу:

— Клодия! Клодия, немедленно ко мне! Что произошло? Где моя внучка?!

Директриса, бледная и заплаканная, выбежала ему навстречу. Она простерла к его сиятельству пухлые ручки и воскликнула:

— Лорель, клянусь Всевышним, я ничего не понимаю! Вчера еще мадемуазель Лоет была весела и всем довольна. Девочки говорят, она даже не помышляла о побеге. Мы не обижали ее, Адамантина ни разу не вызвала нареканий...

— Но что-то ее сподвигло на побег, — раздраженно произнес Вэйлр,

выходя вперед. — Я — отец Тины.

— Приятно познакомиться, господин Лоет...

— К черту этикет, — отмахнулся Вэй. — Что происходило в последние дни?

— Ничего необычного, — пролепетала мадам Гертон. — Разве что вчера мадемуазель Лоет навещал ее брат...

— Ланс? — вмешался граф.

— Да, молодой господин назвался этим именем, — закивала директриса. — Лансэль Лоет. Очень представительный молодой человек...

— И он предоставил вам мое письмо, подтверждающее его личность? — оборвал ее граф.

Женщина, немного успокоившаяся к этому времени, вновь побледнела и пошатнулась.

— Н...нет, письма не было, — заикаясь, ответила она, глядя, как мрачнеет лицо попечителя, как глаза его загораются бешенством.

— Какого черта, Клодия?! — заорал побагровевший граф, со всего размаха ударяя кулаком в стену. — Я велел никого, слышите, никого не допускать до моей внучки, если он не предоставит разрешающего послания, на котором будут стоять фамильная печать и моя личная подпись! Кем бы ни назвался посетитель, хоть королем, но без моего подтверждения его впускать не имели права!!!

Женщина охнула и тяжело осела на руки своих помощниц. Его сиятельство прошел мимо нее, не взглянув в сторону директрисы, лишь бросив на ходу:

— На мое благоволение можете больше не рассчитывать. Все кончено. — После этого нашел взглядом Фаню. — Отведите нас к сокурсницам Адамантины.

Но разговор с девушками ничего не дал. Они испуганно моргали, вздрагивали от резких вопросов, но ничего вразумительного сказать не могли. Тина не посвящала в свои планы никого из них.

— Вещи мадемуазель Лоет, — пролепетала Фаня, подавая саквояж, принесенный воспитательницей старшекурсниц.

Его сиятельство кивнул и велел одному из своих лакеев взять саквояж.

— Стоять, — гаркнул Вэй, отнимая дорожную сумку дочери.

Он открыл его и вытряхнул на пол все содержимое.

— В голове моей дочери ветер, но безголовой она никогда не была. Просто в никуда Тина не рванет, она должна была иметь план, как и тогда, когда бежала из дома со Сверчком.

— Точно-точно, — закивал Самель. — И провиант собрала, и про порт

все у меня выпросила.

— И раз ее вынудили бежать обстоятельства, а иначе она дала бы деру раньше, значит, должна была что-то оставить, — закончил Лоет.

Граф тут же присел на корточки рядом с сыном, разбирая платья, белье, чулочки и прочую мелочь.

— Это что? — браслет, выпавший из послания, первым заметил его сиятельство. Он взял безделушку в руку, повертел и протянул сыну. — Тут какая-то гравировка.

— Имущество И.П. - прочел вслух Лоет. Затем посмотрел на лист бумаги, который как раз взял в руку.

«Дорогой дедушка, простите за то, что вынуждена совершить поступок, который вам не понравится. Но обстоятельства вынуждают меня искать защиты у папеньки. Ко мне приходил Марк, назвавшись именем брата. Он продал меня герцогу за двести тысяч санталов и сказал, что меня выкрадут в любом случае. Этот браслет он надел мне на руку, как знак того, что у меня появился хозяин. Вы говорили, что вам не совладать с герцогом, а папеньке не страшен сам дьявол. Потому я возвращаюсь в Кайтен. Не судите меня строго. Ваша внучка, Адамантина Лоет».

— Вэй поднял растерянный взгляд на отца. — Продал? Мою дочь продали? Мою. Дочь. ПРОДАЛИ?! — взревел он, вскакивая на ноги. — Урою! И щенка, и его гнусного покровителя!!! Можешь окружить своего внука вооруженной охраной, но клянусь честью, я доберусь до него и вырву его гнилые потроха! Но сначала я верну своего ребенка.

Лоет поднялся на ноги и, чеканя шаг, направился к выходу. Его сиятельство поднял брошенный сыном листок бумаги и пробежал его глазами, заметив то, что не увидел Вэйлр: «*P.S. Умоляю, защитите Ланса. Мерзавец Марк угрожал мне жизнью брата*». Сжав в ладони браслет, граф Мовильяр последовал за сыном. Он нагнал Вэя уже на улице. Лоет стоял, подняв лицо, и глубоко дышал, пытаясь взять себя в руки. Отец остановился рядом с сыном, подумывая сказать о приписке, но решил с этим разобраться лично, как, впрочем, и...

— Я сам займусь Марком, — сказал он. — Нарыв следует удалять, если не вышло исцелить. Он тля на нашем древе. Моему терпению пришел конец. Ищи Тину, а я надену зеленые одеяния врачей. Пришла пора вспомнить методы предков.

Лоет посмотрел на отца, затем вновь поднял лицо к небу.

— Почему ты не убрал меня, когда объявил мертвецом?

— Потому что ты не забыл, что такое честь, — ответил граф. — Не каждый пират — мерзавец, и не каждый дворянин благороден; ты это знаешь лучше, чем кто-либо.

Лоет, понявший, что хотел ему сказать отец, кивнул и вновь посмотрел на него:

— Прикажи своим людям прочесать окрестности; если найдешь Тину раньше, отправь посланника. Я еду назад. Далеко она не могла уйти, должны нагнать.

— Хорошо. Но не спеши, давай вернемся, может, еще что-нибудь узнаем, — предложил граф.

Вскоре мужчины получили сведения, что пропали сапоги одной из воспитанниц и что пансионное платье Тины осталось в гардеробной. Вэй вновь осмотрел саквояж и усмехнулся:

— Бесенок, — сказал он. — Все-таки утащила одежду Сверчка. Двойное дно. Итак, — решил он подвести итог. — При ней была мальчишеская одежда, потому и сапоги стащила, туфельки к штанам никак не подходят. Повар дал ей сыр, как узнал Самель, ушла с провиантом. Денег у нее, правда, нет...

— Есть, — прошептала Лери, стоявшая рядом. — Тина через Гиля продавала наши кружева и брала процент за посредничество.

— От шельма, — восхищенно хмыкнул Кузнечик. — Огонь, а не девка.

Граф потерял дар речи, воспитатели схватились за сердце, а Вэй уловил другую информацию.

— Кто такой Гиль?

— Сын садовника, Тина его учила с ножом обращаться, — подала голос еще одна из сокурсниц мадемуазель Лоет, а Самель скромно потупился и отошел в сторонку.

Кто-то из воспитателей упал в обморок.

— Да что тут такого, гарпун мне в печень? — поразилась третья благовоспитанная девица.

— Я привез в храм чистоты исчадие преисподней, — потрясенно прошептал его сиятельство и расхохотался: — Боюсь, Вэйлр, твоя дочь никогда не исправится.

— Черт с ними, с манерами, нашлась бы только, — отмахнулся Лоет и отправился искать Гиля.

Паренька он нашел в саду. Гиль сидел, прислонившись спиной к дереву, и кидал ножик в землю между разведенными в стороны коленями.

Вэйлр некоторое время наблюдал за юношей, подозрительно шмыгающим носом. Наконец парень протяжно вздохнул, и Лоет решил обнаружить свое присутствие.

— Хозяйство не отрежь, — грубовато произнес мужчина.

Гиль подскочил от неожиданности, заметил случайного свидетеля своего уныния и отвернулся, резко проведя по щекам кулаком. Бровь Лоета поползла вверх:

— Эй, парень, ты никак сопли на кулак мотаешь?

— А вам-то что? — буркнул Гиль, поднимаясь на ноги.

— Ничего, — пожал плечами Вэй. — Узнаю у тебя, что хочу, и ной дальше. В бабьи страсти я не вмешиваюсь.

— Я мужчина! — возмутился юноша.

— Оно и видно, — усмехнулся Лоет. — По какому поводу хоть страдаешь?

— А вам-то что? — повторил Гиль и метнул нож в дерево.

Острие вошло в древесный ствол, как в масло, и юноша невесело усмехнулся:

— Получилось, а она не видит.

Господин Вэйлр Лоет прищурил зрячий глаз, делая шаг в направлении паренька. О ком тот говорит, мужчина понял сразу. Достаточно было сопоставить слова воспитанницы про то, чему мадемуазель Лоет обучала Гиля, но Вэй сопоставил не только это. Он отметил горечь в голосе юноши, его несчастное лицо, и мозаика сложилась.

— По Тине страдаешь, значит. Не ты первый, парень. В Кайтене по ней другой ее дружок убивается и врет, что пыль в глаз попала. — А затем с неожиданной гордостью произнес. — Я отец этого чертенка в юбке.

Гиль широко распахнул глаза, рассматривая одноглазого мужчину. Сейчас он увидел схожесть в чертах незнакомого мужчины и Тины, отметил, что дочь унаследовала глаза отца, да и было что-то знакомое в том, как держался и смотрел на него господин Лоет. Юноша вновь вздохнул и поник.

— Это я виноват, что она сбежала, — сказал Гиль. — Это я ей показал калитку и сказал, что замок не закрывается.

— Покажи мне эту калитку, — потребовал Вэйлр.

Паренек махнул рукой, показывая идти за ним. Возле калитки он замешкался, снимая большой тяжелый замок, распахнул ее, и Лоет первым покинул пределы пансиона. Он посмотрел вниз и на рыхлой земле увидел след каблука. Бросив взгляд на башмаки юноши, Вэй сделал вывод: сапоги. Тина действительно вышла здесь. Оглядевшись, Лоет направился в обход

высокой белой стены.

— Приехали они с дедом с той стороны, то есть Тина должна была направиться по тому же пути, зная, что дорога ее выведет на тракт. Деньги были, значит, могла сесть в дорожный экипаж.

— Дорожный экипаж делает большой крюк, — оказалось, что Гиль все это время шел за ним. Он указал пальцем на землю. — Вот еще ее след.

— Угу, — промычал Вэй. — А где останавливается экипаж?

— Далекo, в Моргани, — юноша встал рядом с Лoетом. — Возьмите меня с собой.

Вэй усмехнулся и щелкнул паренька по носу.

— Не за чем, — ответил бывший пират. — И не вини себя. Если Тина решила сбежать, она бы это сделала в любом случае. Можешь поверить тому, кто уже отлавливал ее и возвращал домой. — Затем задумчиво посмотрел в сторону дороги и протянул: — Моргани-и-и. Хорошо, я знаю, куда она подалась.

Глава 10

Шхуна с красивым названием «Алиани» отчалила от берега вскоре после того, как ее пассажир с двумя слугами поднялся на борт. Перед отплытием он зашел к начальнику порта и внес изменения в прежнюю запись о фрахте, добавив имя Эмила Мулера в список сопровождающих его лиц, как велел закон. Тина, стоявшая на носу шхуны, блаженствовала. Ветер трепал ее распущенные волосы. На шее красовался платок, а башмаки были и вовсе оставлены в каюте за ненадобностью.

Более того, она успела заскочить в ближайшую лавку с готовой одеждой, где купила себе бриджи, жилет и мужское нижнее белье на смену. Пара чулок также имелась в ее заплечном мешке, но сейчас они были без надобности. Матросы с интересом посматривали на смазливую щенка, едва не скулившего от радости, когда поднялся на борт. Преображение мальчишки они встретили с добродушной насмешкой, но пониманием. Паренек явно мечтал попасть на корабль, потому и оделся как матрос.

— Знаком с морем, малец? — спросил один из матросов.

— Я из Кайтена, — горделиво ответила девушка. — Батя брал меня с собой несколько раз.

— Твой отец моряк? — заинтересовался второй.

— Угу, — кивнула Тина. — Работает на Вэя Лоета.

— На Одноглазого? — оживился первый. — Слышал про него. Говорят, был славный малый, когда ходил под парусом. Один из немногих, кто сумел зажить по-человечески.

— Таким и остался, — важно сообщила Тина и поспешила перевести разговор подальше от скользкой темы. — Можно мне будет помогать вам? Я много чего могу. Могу на мачты забираться, узлы могу вязать. Дерусь, как черт, только фехтовать не умею. Зато ножом как иглой владею.

— Ты не в пираты ли решил податься, малец? — рассмеялся второй матрос. — Мы честные люди, ни на кого не нападаем, не грабим.

— А на вас? — прищурилась Тина.

— Пока Всевышний миловал, — усмехнулся первый. — Когда корабль идет с грузом, с ним сопровождение, а пустое судно пиратам без надобности. Они ведь знают, где можно пожить. Так что, парень, подотри слюни и иди к своему хозяину. Мы уж как-нибудь сами.

Мадемуазель Лоет обиженно насупилась и решила дождаться момента, когда сможет быть полезной. Матросы, послушные окрику капитана,

занялись своим делом, а Тина осталась стоять на прежнем месте, зачарованно глядя на волны. В это мгновение она была счастлива до щенячьего визга.

Здесь своего нового слугу и нашел Альян Литин, решивший выйти на воздух.

— Вот ты где, — отметил молодой человек, вставая рядом. — Впредь предупреждай, если уходишь. Если ты мне понадобишься и я не найду тебя, то могу рассердиться.

— Рени один хорошо с вашими вещами справлялся, — ответила Тина, не сводя взгляда с горизонта.

— И тем не менее.

— Я понял, — чуть ворчливо произнесла девушка и покосилась на своего хозяина.

С тех пор, как она увидела Литина при дневном свете, мадемуазель Лоет старалась избегать прямых и долгих взглядов, — молодой человек ее смущал. Правда, после первого дня, проведенного со своим нанимателем, Тина более-менее привыкла к нему, но... Но черт возьми! Он был хорош. Девушка даже залюбовалась чертами спящего мужчины напротив, а когда он открыл глаза и взглянул на нее пронзительными синими глазами, Адамантина Лоет и вовсе потеряла дар речи. Длилось ее онемение недолго — ровно до того момента, как черная изящная бровь молодого человека недоуменно изломилась, мадемуазель Лоет очнулась и отвернулась к окну, пробормотав:

— У вас на щеке пятно.

К правильным, аристократичным чертам сына простого коммерсанта девушке пришлось привыкать еще пару дней, стараясь не засматриваться, но Пьен все расставил на свои места. Несмотря на то что Альян Литин был все так же широкоплеч и статен, несмотря на то что волосы его остались черными как смоль, что глаза его не сменили цвета и все еще могли спорить своей синевой с небом, порт полностью захватил Тину. Она уже не чувствовала смущения, которое приходилось прятать под бравадой, потому что море, ожидавшее их, дарило привычный восторг, наполняя грудь беглянки знакомыми запахами, будоражившими кровь.

Здесь она была как дома, легко ориентируясь в разнообразии кораблей. Она быстро определила, где стоят торговые суда, уверенно указав Литину, куда им стоит направиться. И «Алиани» она нашла первой, потому что ее наниматель еще ни разу не видел зафрахтованной шхуны. Наймом занимался представитель компании «Литин и сын». В общем-то, и в море Альян выходил впервые. До этого дня он занимался делами своего отца

исключительно на берегу и желание отправиться в путешествие выказал сам.

— Вам нравится? — спросила Тина, поглядывая на профиль своего нанимателя.

— Еще не понял, — пожал плечами молодой человек. — Мы только вышли. Отец говорил, что с непривычки может мутить, но я себя чувствую хорошо, что не может не радовать.

— Ваш отец бывал в море? — живо заинтересовалась мадемуазель Лует.

— Он три года служил в чине лейтенанта на королевском флоте. Шхуна, на которой проходила его служба, называлась «Королева Анжель», — охотно ответил Альен.

— А почему ваш отец покинул службу?

— Отец не особо любит говорить об этом, — молодой человек взглянул на паренька, теперь смотревшего на него, а не вперед. Тот тут же отвернулся, но опять скосил глаза в ожидании ответа. — Кажется, была стычка с пиратами, отец попал на рынок рабов. Я об этом мало знаю. Отец обычно отвечает неохотно, говоря, что все закончилось благополучно и он вернулся домой, в Льено...

— В Льено?! — глаза Тины округлились. — У меня в Льено живут бабушка с дедушкой... Ой.

Девушка осеклась и теперь вовсе не смотрела на господина Литина. Зато не нее смотрел он, и в глазах его все больше разгоралась ирония.

— Как любопытно, — насмешливо произнес молодой человек. — Юноша, и как вас понимать? До этой минуты вы были едва ли не сиротой на попечении дальней родственницы, и вдруг такие открытия. Я почти рыдал над историей твоей несчастной жизни, а у нас, оказывается, имеются родственники?

Да, Тина очень старалась, врал с необычайным одухотворением, расписывая жизнь у «жестокой тетки». Сколько души было вложено, сколько фантазии! И вдруг такая досадная оплошность...

— Ну есть дед и бабушка в Льено, — проворчала она. — Так до Льено далеко, да и старенькие они совсем, бедные.

Новая история уже выплеталась в ее голове, обрастая подробностями с каждой секундой, но Альен поднял руку и все так же насмешливо ответил:

— Уволь. В твоей богатой фантазии я уже имел честь убедиться. Расскажешь о себе правду?

— Я вообще никогда не вру, — заносчиво произнесла Тина, задирая нос. — И вам бы следовало допрашивать и подлавливать меня, когда

нанимали. Вы можете продолжить путь или приказать вернуться в Пьен, выплатив мне деньги за несколько дней работы на вас, и остаться наедине с Рени. И когда в следующий раз на вас нападут, надеяться, что он убежит не дальше ближайшего леса.

Литин несколько мгновений изучал нахала, затем хохотнул, но вновь напустил на себя серьезный вид.

— Ты маленький пройдоха, Сверчок, тебе известно об этом? Начать с того, что ты сейчас меня нагло шантажируешь...

— Всего лишь факты, хозяин, — осклабилась Тина.

— И о какой работе на меня ты говоришь? Пока ты и пальцем не шевельнул...

— Я спас вашу зад... э-э-э... жизнь, господин Альен, — не согласилась мадемуазель Лоет.

— А я спас твою зад... э-э-э... жизнь, господин Сверчок, — передразнил Литин.

— Когда это?!

— Когда разбойник чуть не насадил тебя на свою шпагу, как фазана на вертел, — ответил молодой человек. — И что ты на это ответишь?

— Что вам палец в рот не клади, — скривилась Тина.

Альен потрепал ее по волосам, услышал недовольное фырканье и покровительственно положил руку на плечо.

— Ты ведь очень хочешь продолжить плавание? — спросил он.

— Да! — жарко кивнула девушка.

— Ты мне нравишься, парень, — улыбнулся молодой человек. — И тратить время на возвращение в порт мы не будем. Наше путешествие продолжается.

— О, да! — восторженно воскликнула мадемуазель Лоет и машинально потерла зад, представляя, что ждет ее, когда она все-таки вернется домой.

Тина покосилась на мужскую ладонь, покоившуюся на ее плече. От этого дружеского объятия ей было не по себе. Хотелось повести плечом и стряхнуть руку Альена, но девушка этого не сделала, опасаясь, что ее жест покажется пренебрежением и неблагодарностью. Однако Литин сам убрал ладонь с плеча юного слуги и облокотился о борт, отчего мадемуазель Лоет почувствовала себя спокойней и уверенней.

Молодой человек некоторое время молчал, рассматривая небольшие волны, после взгляд его переместился на одинокий маяк, над которым кружили чайки. Он умиротворенно вздохнул и произнес:

— Успокаивающая картина.

— И только?! — изумление Тины было столь сильным, что она не смогла сдержать его.

Альен, развернувшись, с интересом посмотрел на нее.

— Я вижу прелестный пейзаж, — сказал он. — Одинокий маяк на скалистом острове на фоне солнечного неба. Над ним летают чайки, под ним неспешно бегут невысокие волны. А что видишь ты, Эмил Мулер?

Мадемуазель Лует устремила взор к горизонту, вдохнула полной грудью и ответила:

— Силу.

— Силу? — переспросил Альен.

— Силу, — кивнула девушка. — Силу и мощь. Вы посмотрите, господин Альен. Вы думаете, это просто вода, в которой живут рыбы? О, нет! Это величайшая сила, которую только мог создать Всевышний. Море может подарить жизнь, вынеся утопающего на берег, может накормить, обласкать, а может и наказать, уничтожив в одно краткое мгновение. Что такое человек в сравнении с этой первородной силой? Песчинка, букашка, ничто! Сегодня есть, завтра нет, а море будет всегда. Его волны будут накатывать на берег, даже если все люди вымрут. Оно будет все так же величаво и прекрасно. И дьявол меня задери, если я не преклоняюсь перед этой силой! Если бы у меня была такая возможность, я отрастил бы жабры и хвост, чтобы жить в море. Но я всего лишь человек и не устану возносить хвалу Всевышнему за то, что даровал нам это чудо из чудес.

— Да ты поэт, Сверчок, — улыбнулся слушавший девушку молодой мужчина.

— Я певец моря, — задорно рассмеялась Тина и смущенно покраснела под чуть ироничным взглядом своего нанимателя. — Моя самая большая мечта — выйти в море под парусами своего корабля.

— Однажды она непременно исполнится, — Литин вновь встрепал волосы девушки.

— Ах, кабы так, — тяжело вздохнула она.

— Главное — идти к своей мечте, не сворачивая, — усмехнулся Альен.

— А о чем мечтаете вы?

Теперь Тина с интересом смотрела на мужчину. Он пожал плечами и, повернувшись, взглянул на матросов.

— Даже не знаю, Сверчок, — ответил молодой человек. — Наверное, мне хотелось приключений, поэтому я и вызвался сам отправиться в это путешествие. Моя жизнь подчинена интересам моей семьи. Несмотря на доступные мне увеселения и развлечения, мое существование достаточно пресно и однообразно. Мне двадцать два года, и я хочу перемен. Да, хотя

бы одно маленькое приключение не помешало бы. Пожалуй, я помечтаю об этом.

— Держитесь меня, господин Альен, и приключения сами найдут вас, — важно произнесла Тина.

Молодой человек весело рассмеялся.

— Если учесть, с чего началось наше знакомство, то могу охотно в это поверить, — сказал он. — До нашей встречи на меня никто и никогда не нападал. Должно быть, разбойники ждали именно тебя?

— Вот только не надо перекладывать на меня ответственность за свои приключения. Напали они как раз на вас, я лишь подросел вовремя, — проворчала девушка, и ее наниматель вновь рассмеялся.

— С этим не поспоришь, — наконец ответил Альен. — Выходит, у меня уже было одно маленькое приключение? И что же, мечте конец? Пожалуй, тогда я хочу приключений побольше, чтобы, сидя в кресле у камина, когда вокруг будут бегать мои внуки, я мог усадить их рядом и рассказать, как...

— Как один сражались против трех разбойников? — улыбнулась Тина. — Действительно маловато. Думаю, ваши внуки будут бежать от вас, боясь слушать одну и ту же историю по сотому разу.

— Согласен, с одной историей я превращусь в старого зануду, — хмыкнул господин Литин и, прищурившись, вновь посмотрел на слугу. — Малыш, ты слишком смышлен для тринадцатилетнего паренька-сироты, который воспитывался в церковной школе.

Мадемуазель Лует насторожилась, почуяв разоблачение. Она шмыгнула носом, утерев его тыльной стороной ладони, в подступающей панике ища выход. Нашелся он легко и быстро.

— Да жил по соседству один чудак, — ответила она, глядя на мужчину честными глазами. — Одинокий лекарь. Он иногда занимался со мной. Ну, речь там, этикет, чтоб его. Книжки давал всякие. Ну, стало быть, ума вложил.

— Легко переключаешься на упрощенную речь...

— Лекарь затрещинами учил, когда забывался.

— Драться тоже он учил? А с ножом обращаться?

Досадливо поморщившись, Тина мысленно послала любопытного нанимателя к морскому дьяволу, но решила в этом быть честной, посчитав, что это придаст больше веса ее простому происхождению.

— Драться учил сынок одного бывшего абордажного матроса. А как ножом пользоваться, объяснил один затейник по прозвищу Мясник. Я еще с вором одним подружился, так замки разные могу открывать, — гордо добавила Тина и тяжело вздохнула. — Только фехтовать не умею. Иначе бы

вам и спасти меня не пришлось после того, как я вас спас. — Она искоса взглянула на Альена и произнесла, добавив голосу восхищения: — А у вас вон как ловко получается. Мне бы так...

Господин Литин поднял лицо к небу, прикрыл глаза и блаженно вздохнул.

— Один сантал, — произнес он, не глядя на своего слугу.

— Чего?

— За обучение один сантал и никаких соплей, я учитель нервный, могу и по шее дать, если плохо понимать будешь, — пояснил молодой человек.

Мадемуазель Лует задохнулась от возмущения.

— Ну вы и жук, хозяин! — воскликнула она, но решительно протянула руку и кивнула. — Я согласен.

Альен открыл глаза и посмотрел на мальчишку взглядом сытого кота, затем сжал протянутую ладонь и произнес.

— Итого шесть с половиной санталов я выдам тебе в конце путешествия.

— Жадничаете? — прищурившись, спросила Тина.

— Экономлю на лечение нервов. Выражаясь твоими словами, чувствует моя трюха, что ты мне их еще попортишь. Чем больше узнаю тебя, малыш, тем сильнее их чувствительность.

— На кишках гадаете? — усмехнулась мадемуазель Лует, не спеша заверять своего нанимателя в том, что будет хорошим мальчиком. Она и девочкой-то хорошей была редко. — Когда начнем? Сейчас?

— Э, нет, — отрицательно покачал головой Альен. — Я зверски хочу есть. Рени сейчас позаботится об обеде, потом нужно передохнуть с дороги, там вечер... Завтра начнем.

— Так нечестно!

— Два сантала.

— Эй!

— Три.

— Гарпун мне в печень, хозяин, у вас нет ни стыда, ни совести! Хорошо, завтра, — сдалась девушка и проследила взглядом удаляющуюся спину Литина. — Ничего-о, я еще подберу к тебе ключик, шантажист несчастный, — проворчала она и поспешила за нанимателем, позвавшим ее.

До вечера для Тины так и не нашлось занятия. Альен Литин после обеда завалился на узкую койку с книгой и велел его не беспокоить. Прямаявшаяся бездельем мадемуазель Лует, обиженная на команду

«Алиани» за их недоверие и шуточки, получившая подзатыльник от ревнивого Рени и отвесившая ему в ответ пинка, решила направить свои стопы туда, где всегда лучше и быстрее всего удавалось завести дружбу, — на камбуз.

Коком на шхуне работал мужчина, являвший собой полную противоположность дядюшке Самелю. Кроме того, что он был мелким и тщедушным, кок оказался еще и желчным малым, встретившим Тину колючим взглядом и вопросом:

— Что надо, сопляк?

— Да так, — пожалала плечами мадемуазель Лоет. — Решил, может, помощь моя нужна? Я могу порезать что-нибудь, почистить, там. Все равно пока без дела, скучно.

Кок снова оглядел мальчика и указал на полное ведро:

— Выкини эту дрянь за борт.

Тина подхватила ведро с помоями и поспешила прочь с камбуза. Ей очень хотелось быть полезной. Еще больше хотелось быть причастной к работе на корабле, и для начала и ведро с помоями тоже дело. Выполнив повеление кока, она вернулась на камбуз и замерла в ожидании новых указаний, но на нее не обращали внимания, и Тина решила быть напористой.

— Господин Барту, я могу еще что-нибудь сделать.

— Можешь? — кок задумчиво посмотрел на приставучего мальчишку и усмехнулся. — Можешь прогуляться в зад к морскому дьяволу, я не против.

Мадемуазель Лоет почувствовала себя уязвленной. Она ответила Барту взглядом исподлобья.

— Могу, конечно, — не стала спорить девушка. — Но вас он ожидает раньше.

— Что? — кок обернулся, изумленно взирая на наглеца.

— И слух подводит? Понимаю, года уже не те, — издевательски хмыкнула Тина. — То-то в нож вцепились, хозяйство, небось, уже из рук выскальзывает, так хоть за что-то подержаться надо. Да, господин Барту?

— Что?! — неожиданным басом взревел кок, удобней перехватывая нож, которым разделывал рыбу. — Щенок! Уши отрежу!

Тина с писком вылетела с камбуза, когда мужчина ринулся на ней. Девушка захлопнула дверь, но она тут же распахнулась от удара ногой, и взбешенный Барту вылетел за ней следом.

— Стоять, сопляк! — продолжал бушевать кок, даже не думая прекращать преследование. — У рою!

— Барту! — крикнул капитан.

Но мужчина не слушал. Он размахнулся и метнул нож, воткнувшийся в мачту, рядом с которой бежала Тина. Мадемуазель Лоет громко икнула и помчалась дальше. Барту не отставал. Он почти нагнал Тину, ухватил за жилет, и девушка полетела на палубу, но лягнула кока, попав ему в живот. И пока мужчина стоял, согнувшись, ухватилась за снасти и полезла наверх под гогот команды.

— Там и будешь сидеть, щенок! — заорал с палубы Барту, грозя ей кулаком.

— Я просто хотел быть полезным! — обиженно закричала она в ответ.

— Лучше не спускайся, или я тебе уши точно отрежу, — снова крикнул кок, вытащил нож из мачты и вернулся на камбуз.

Капитан Верта, следивший за происходящим, усмехнулся и указал на Тину:

— Малец ловок и явно знаком с морским делом. Дай ему швабру, пусть драит палубу. Хочет поработать — пусть работает, иначе он еще кого-нибудь допечет.

Старший помощник кивнул и позвал боцмана, передавая ему слова капитана. Боцман поднял голову и махнул рукой, подзывая мадемуазель Лоет, обиженно взиравшую вниз.

— Слезай, парень, есть работенка! — крикнул боцман.

— Так бы сразу, — проворчала Тина и спустилась обратно на палубу, с обожанием глядя на господина Лериа.

Боцман отвесил ей легкий подзатыльник и гаркнул:

— Быстро взял швабру, и чтобы морской дьявол ослеп от блеска палубы!

— Будет сделано, — просияла Тина, вытягивая руки по швам.

Господин Лериа придал пареньку ускорения коленом и усмехнулся, покручивая рыжий ус.

— Забавный малец, как бы не хлебнули мы с его прытью.

Глава 11

«Алиани» резво бежала по волнам, подгоняемая ветром. Жизнь на борту шхуны шла своим чередом. Пассажиры быстро приспособились к условиям жизни в море и развлекали себя, как могли. Впрочем, вряд ли можно назвать развлечением стенания Рени, проводившего дни в сражениях с морской болезнью. Из-за того, что первый слуга не мог сейчас обслуживать своего хозяина, вполне успешно приспособившегося к качке, его обязанности пришлось исполнять второму. Но страдала из-за навалившейся на нее работы только Тина.

Нет, если быть откровенными, то работы у нее было немного, но девушке приходилось проводить больше времени со своим нанимателем, вместо того чтобы, затесавшись среди матросов, слушать их байки, приправленные иногда таким жгучим перцем, что благородной девице было впору краснеть и падать в обморок. И Тина непременно бы так и поступила, если бы была благородной девицей. Но она и наслаждалась бранными словечками, впитывая новые выражения, как губка, и залиvisto хохотала с остальными, и готова была целые дни проводить на палубе, исполняя все, что ей говорил боцман, взявший «смышленного мальчишку» под свое крыло.

Однако всякая попытка улизнуть приводила к сурово сведенным к переносице черным бровям Альена Литина, и звучало жуткое слово — штраф. Штраф мог выражаться и в денежном эквиваленте, и в отмене занятий по фехтованию; последними мадемуазель Лоет жертвовать не хотела. Уроки, которые давал ее наниматель, Тина ждала столь же сильно, как и возможность приобщиться к жизни команды «Алиани». Первые пару дней Альен ее хвалил, отчего щеки девушки пылали от удовольствия. А потом она провинилась...

Начиналось все прекрасно. Небосвод осветился солнцем, море радовало невысокими волнами. С палубы доносились голоса матросов, разбавляемые бранью господина Лериа. Тина открыла глаза и потянулась, широко улыбаясь, — наступал очередной замечательный день. Выбравшись из гамака, девушка воровато огляделась и, не заметив никого рядом, быстро привела себя в порядок. После этого она поспешила на палубу, чтобы поприветствовать прекрасное утро и поздороваться с командой.

— О, вот и Сверчок, — с добродушной улыбкой приветствовал ее самый старый матрос, когда-то плававший на военном корабле, Мартель по

прозвищу Колченогий.

— Доброе утро, господин Мартель, — ответила Тина, радостно улыбаясь. — Как ваше здоровье?

— Живой, как видишь, — ответил тот, хрипло рассмеявшись.

— Таким и оставайтесь, — сказала девушка и поспешила дальше, услышав голос боцмана.

Потом она сунула нос к канонирам, потом поболтала с рулевым, поклонилась капитану, договорившись с ним о беседе, вновь вернулась к боцману — и даже не заметила, как прошел час. Затем Тину занесло в капитанскую каюту, где она зорко следила за тем, как господин Верта колдует над картой, задавала ему вопросы, крутила в руках секстант и просила ее научить им пользоваться. Так прошел еще один час, и только вопрос:

— Хозяин уже проснулся? — вернул мадемуазель Лоет с небес на землю.

— Ой, — охнула девушка и поспешила к каюте Альяна Литина.

Однако своего нанимателя Тина в каюте не нашла. Растерянно оглядевшись, она отметила, что койка его аккуратно застелена, что на стуле, ножки которого были прикручены к полу, лежит вчерашняя рубашка господина Литина. Таз был полон воды, кувшин же, напротив, опустел. Значит, Альян уже умылся, оделся и вышел, должно быть, подышать свежим воздухом. Обрадованная, что она вновь свободна, мадемуазель Лоет вернулась на палубу, готовая искать боцмана и выслушать его задание.

— Малец, — позвал ее Колченогий Мартель, — ты все носишься? Небось, еще не завтракал.

Ответить Тина не успела — вместо нее заговорил желудок.

— То-то и оно, — Мартель поднял палец. — Сходи на камбуз, Барту накормит.

— Угу, — промычала Тина. — Отрежет мне уши и запихнет в глотку. Нет уж, спасибо.

— Да он отходчивый, — усмехнулся Колченогий. — Вспыльчивый, конечно, но быстро успокаивается. Ты же для своего хозяина еду у него брал, живой остался.

— Так я поднос схватил и сбежал побыстрей, — вздохнула мадемуазель Лоет.

— Ой, что это? — неожиданно округлил глаза старый матрос. — Сверчок, что с твоей головой?

— Что? — насторожилась Тина, ощупывая голову.

— Уши заячьи растут, вот что, — засмеялся Мартель. — Поди и хвост

уже имеется.

Он совсем уж зашелся в каркающем смехе и закашлялся, а Тина вспыхнула и сжала кулаки.

— Я не трус! — воскликнула она. — Сейчас схожу и скажу: «Давай жрать!». И поглядим, кто кого.

— Прыгай, зайчик, прыгай, — подбодрил ее Мартель.

— Я не заяц!

Развернувшись на пятках, Тина решительно направилась на камбуз. Перед дверями она вздохнула и оглянулась. Колченогий, поймав ее взгляд, приложил ладони к голове, показывая заячьи уши, вновь хрипло смеясь. Мадемуазель Лоег насупилась и открыла дверь.

— И вот скажите мне, господин Барту, — донесся до нее знакомый голос. — К чему тратить деньги на слуг, когда одного рвет так, что душу от жалости выворачивает, а второй носится целыми днями по палубе и снастям, как обезьяна? Что в них проку, когда я могу сам себя прекрасно обслуживать?

— Обоих за борт, — со смешком ответил кок.

— Признаться, подобная мысль посетила меня сегодня, когда я проснулся, — согласился с ним Альен Литин. — Рени — чтоб не мучился, а Сверчка — чтоб не мучиться самому.

«Ой, маменька», — подумала Тина, слушая этот разговор. Она развернулась на цыпочках и хотела тихо исчезнуть, когда...

— Стоять! — рявкнул господин Литин, так и не повернувшись в ее сторону.

— Глаза у него на затылке что ли, — проворчала себе под нос егоза, направляясь к своему нанимателю, повинно склонив голову.

Сюжет выволочки был Тине знаком до самой крайней мелочи, потому она не стала отступать от линии привычного поведения. Девушка встала перед Альеном, ссутулилась, ковырнула ногой доску пола и шмыгнула носом, выдавливая из себя слезы, чтобы подчеркнуть самую глубину своего раскаяния. Теперь на нее должны были накричать, отчитать, возможно, надрать уши и отпустить на все четыре стороны, по неопытности поверив ее заверениям в том, что подобного не повторится.

Однако кричать и отчитывать ее никто не стал. Господин Литин спокойно закончил завтрак, продолжая разговаривать с коком, так же не обращавшим на Тину никакого внимания.

— Когда мы прибудем в Порт-Дайон? — спросил молодой человек у Барту.

— Ближе к вечеру, господин Литин, — ответил тот.

— Капитан спросил меня, не имею ли я ничего против, если «Алиани» на сутки пришвартуется у местного берега. Я не стал отказывать, но, признаться, меня терзает любопытство, для чего нужна эта стоянка? Запас питьевой воды мы еще не могли израсходовать, — продолжал беседу Альен, а Тина наострила уши. Об этой остановке она ничего не знала, что было крайне странно, потому что девушка успевала, казалось, услышать все!

Кок усмехнулся и покачал головой.

— Мне капитан приказал прогуляться на рынок и закупить побольше свежих продуктов для вас, — сказал он. — Но там другая причина.

— Какая? — вскинула голову мадемуазель Лоет, за что тут же получила затрещину от Барту и обиженно засопела, потирая затылок.

— Какая, уважаемый господин Барту? — словно не заметив возгласа своего слуги и подзатыльника, отвешенного ему, спросил Альен Литин.

— Так зазноба у него там и ребяенок, плод страсти, как говорится, — Барту снова хмыкнул. — Капитан сына проведать хочет и денег оставить. Он всегда, если идем куда-нибудь, заворачивает в Порт-Дайон. Так-то он женат, и детишек трое, но кровь родную бросать не хочет, хоть и на стороне прижитую. Вы уж не сердитесь, господин Литин.

— Сутки меня не задержат, — улыбнулся молодой человек. — К тому же мне будет интересно прогуляться по городу. — Тина вновь вскинула голову, сияя радостной улыбкой, но ее наниматель закончил. — В одиночестве. Рени слишком слаб, чтобы сопровождать меня.

— А я?! — возмутилась мадемуазель Лоет.

Альен наконец повернул голову в ее сторону, некоторое время рассматривал незнакомым Тине ледяным взглядом, а после отвернулся и спросил:

— Полсантала или одно занятие?

— Что? — не поняла девушка.

— Я спрашиваю, какой штраф выбираешь: деньги или занятие?

— За что?!

— Сантал или два занятия?

— Я вам деньги за занятия плачу!

— Прекращаем занятия вовсе?

— Хорошо! Заберите себе несчастные полсантала, переживу, — буркнула Тина.

— Значит, занятие, — кивнул Альен.

— Почему? Я выбрал штраф в полсантала! — возмутилась мадемуазель Лоет.

— Именно поэтому. Занятием ты дорожишь, значит, это наказание быстрее достигнет цели, — спокойно пояснил молодой человек. — Касаемо же прогулки по Порт-Дайону, то ты не покинешь палубы. Радуйся, я оставляю тебя там, где тебе больше всего нравится находиться. Хочешь носиться по кораблю — носись, я не буду навязывать тебе свое общество и мозолить глаза. Да, еще. — На губах Альяна мелькнула насмешливая улыбка. — Перестирай мои вещи. Когда я вернусь, хочу увидеть их чистыми и сохнувшими. Господин Барту, вы же поможете моему мальчику найти горячую воду и мыло? — Кок весело кивнул. — Отлично. Стало быть, ты сегодня отдыхаешь, парень. Никакого фехтования, только стирка, а дальше можешь облазить весь корабль, я не против. — Закончив свою речь, Литин поднялся и кивнул Барту. — Благодарю вас, было очень вкусно.

— Не стоит, господин Литин, — широко улыбнулся кок.

Тина растерянно хлопала глазами, глядя вслед мужчине, не зная, что ей делать дальше. Заставил ее очнуться еще один подзатыльник, несильный, но обидный.

— Жрать пришел? — грубовато спросил Барту. — Садись. И не вздумай открыть рот.

— Как же я буду есть? — пробурчала мадемуазель Лоет.

Барту приблизил к ней свое лицо и пугающим полупшепотом спросил:

— Ты знаешь, Сверчок, что умников никто не любит?

— Знаю, — поморщилась Тина и села на освободившийся стул, еще теплый после ее хозяина.

— Тогда не умничай, — отчеканил кок, отворачиваясь от девушки.

Позавтракала мадемуазель Лоет быстро и в полной тишине, а после побыстрее сбежала, чтобы найти Альяна Литина и обрушить на него всю мощь своего актерского таланта. Однако в каюте его опять не было. Нахмурившись, Тина скрестила руки на груди и постучала босой стопой по полу, раздумывая, куда запропастился этот несносный хозяин, когда он так нужен. Да к чертям! Она должна попасть на берег!

Тряхнув головой, девушка поспешила на поиски Литина. Впрочем, долго искать не пришлось: она подняла голову и заметила Альяна. Он стоял рядом с капитаном, они вели оживленный разговор. К ним с явным интересом прислушивался рулевой. Мадемуазель Лоет поспешила к нему, успев услышать:

— Конечно, господин Литин, вы совершенно правы.

— Благодарю вас, капитан Верта, — улыбнулся молодой человек.

Тина встала за его спиной и демонстративно покашляла, но ее

наниматель протянул руку в сторону капитана:

— Позвольте?

— Безусловно, — ответил тот, протягивая своему пассажиру подзорную трубу.

Альен раскрыл ее, повернулся лицом к Тине и приставил трубу к глазу, глядя вдаль поверх ее головы. Мадемуазель Лоет помахала руками, привлекая внимание господина Литина, и он тут же повернулся к ней спиной, глядя в противоположную сторону. Однако юное создание не привыкло легко сдаваться, поэтому скользнуло вперед, встав перед Альеном, поднялось на цыпочки и потянулось вверх, уткнувшись носом в линзу подзорной трубы.

— Всевышний! — вскрикнул Литин, отпрянув. — Капитан Верта, что за дьяволы дыры на горизонте?

Господин Верта, сохраняя на лице каменное выражение, приблизился к пассажиру, забрал у него из рук подзорную трубу и посмотрел вдаль.

— Должно быть, вам почудилось, господин Литин, — заметил он, — горизонт чист.

— Да как же?! — возмутился Альен, снова забрал трубу и целенаправленно ткнул ею Тине в нос. — Вот! Вот они, смотрите сами!

— Действительно... — задумчиво протянул капитан, припадая глазом к окуляру удерживаемой Альеном трубы. — Дьяволы дыры. Из них идет пар, даже стекло запотело. Извержение?

— Вполне возможно, — важно кивнул Литин. — Чувствую, приближается взрыв. — Он вновь посмотрел в трубу, склоняясь вслед за Тиной, пытавшейся увернуться. — Быть может, это морское чудовище? Я слышал, в этих водах водится одна особь...

— Довольно! — заорала Тина, вырывая из рук нанимателя подзорную трубу.

— О, — невозмутимо отозвался Альен. — Так вот ты какое, морское чудовище.

— Простите, господин Литин, — произнес капитан Верта, чье лицо сейчас напоминало по цвету свеклу. — Я покину вас ненадолго.

Он спустился на палубу, и уже оттуда до Тины и ее нанимателя донесся взрыв хохота, тут же загоготал рулевой, а господин Литин мило улыбнулся. Только мадемуазель Лоет было не до смеха. Она заскрежетала зубами, сжала кулаки и выпалила:

— Сами вы чудовище, хозяин! — и бросилась прочь.

— Ты мне льстишь, Сверчок, — крикнул ей вслед Альен и наконец тоже рассмеялся.

Зарычав, девушка потрясла кулаками и стремительно исчезла, бормоча проклятья и посылая работодателя так далеко, что сам он вряд ли бы догадался, что туда может попасть человек. Горя жаждой мщения, Тина направилась в каюту Литина, еще сама не зная, что бы такого сотворить, чтобы душа ее успокоилась. Это же надо! Нет, вы только подумайте! Чтобы ее... Ее — дочь самого Вэя Лоета — унизили на глазах всей команды! Да как он вообще смел?! Береговая крыса! Хлыщ! Гарпун ему в печень и якорь в холеный зад! Нет, какова наглость! Чтобы так обращаться с девицей...

— Дьявол меня дери, — проворчала Тина, останавливаясь у дверей пассажирской каюты.

Несправедливость собственных возмущений смутила мадемуазель Лоет. Какая, к чертям, девица? Она же юноша, и обращаются с ней соответственно. Хочешь, чтобы перед тобой расшаркивались и исполняли капризы, — надевай платье. Но этого-то Тина делать и не собиралась. Меньше всего ей хотелось, чтобы с ней обращались соответственно ее полу. Все затрецины она сносила спокойно, принимая их как должное. Как говорил мэтр Мулер, отец Сверчка, парню ум только хорошей оплеухой и можно вложить, чтобы он запомнил: глупость и самоуверенность наказуемы. Вот Тина и воспринимала все, что перепало ей на борту «Алиани», как часть мужского воспитательного процесса. Захотела быть мужиком — будь им.

Обдумав все это, мадемуазель Лоет пришла к выводу, что мстить — себе вредить. Значит, нужно не лезть в бутылку, напрашиваясь еще больше на неприятности. Нужно дружить с нанимателем. В конце концов, она сама согласилась работать на него, вот и стоит начать отрабатывать хлеб. Подумав еще немного, Тина все-таки вошла в каюту, чтобы найти себе дело.

Вскоре она вытащила на палубу вторую пару туфель и дорожные сапоги господина Литина, ваксу, щетки и принялась за дело, не обращая внимания на подтрунивания команды, уже знавшей обо всем, что произошло со Сверчком.

— Никак через дьяволовы дыры ветер мозги мальцу прочистил, — и еще много чего, в том же духе.

Однако мадемуазель Лоет, отключившись от всех этих шуточек, продолжала чистить сапоги, ожидая, когда ее заметит Альен. Но молодой человек не спешил увидеть стараний своего слуги, он вновь разговаривал с капитаном и его старшим помощником.

— Сверчок, ты сотрешь башмаки хозяина до дыр, — хохотнул Длинный Эйб. — Сапоги ты чистишь уже пятый раз.

Тина сердито посмотрела на него, но остервенело тереть сапог не перестала.

— Боюсь, ты так прощения не получишь, — заметил Колченогий Мартель, останавливаясь рядом с девушкой. — Если ты хотел, чтобы твой хозяин заметил, что ты чистишь его обувь, то он заметил уже давненько. Пора бы уж переходить к другим делам, иначе он не поверит, что ты усвоил урок.

— Чтоб его рогатый забрал, — проворчала Тина, подхватила обувь Альена Литина и убралась с палубы.

Мадемуазель Лоет вернулась в каюту нанимателя, размахнулась, собираясь запустить обувь куда подальше, но все же аккуратно поставила ее на прежнее место и огляделась, отыскивая себе новое дело. Обнаружив вчерашнюю рубашку, так и лежавшую на стуле, хотела взяться за нее, но вовремя опомнилась и поспешила отмыть руки от ваксы. Затем собрала белье, которое требовало стирки, кривясь и фыркая. Никогда еще ее руки не знали подобного занятия. Бывало, конечно, что Тина пыталась в речке убрать пятна со своих платьев, но от головомойки это не спасало, и девушка бросила это дело, предпочитая отдать испачканное платье Лисси. А тут, здрасти вам, бери и стирай.

Неожиданная мысль пришла в голову выдумщицы. Она запихала одежду хозяина в свой заплечный мешок и поставила у входа, решив поговорить с Альеном, когда он появится. Настроение как-то сразу приподнялось, и Тина, напевая одну из папенькиных песен, занялась стиранием пыли, помыла пол в каюте, затем оценила результат и осталась довольна.

— Время обеда, — услышала она, когда собралась передохнуть.

Господин Литин прошел в каюту и взял в руки кусочек душистого мыла, выжидающе глядя на своего слугу. Отставив швабру, Тина подняла кувшин, вспоминая, что вылила остатки воды на свои руки.

— Воды нет, господин Альен, — сказала она.

— Куда же она делась? — полюбопытствовал молодой человек.

— Она утекла, — с философским спокойствием констатировала мадемуазель Лоет. — Должно быть, вода нашла иную цель, другие длани.

— Как любопытно, — Альен отложил мыло и вытер руки о полотенце. — Чьи же длани показались воде более... подходящими для утекания?

— Сдается мне, что вы имеете честь смотреть на них, — Тина отставила кувшин и скромно потупилась.

— Правда? — оживился молодой человек, схватил ее руку за запястье

и поднес к глазам. — Пять пальцев, под ногтями чернота... — затем приставил свою руку рядом с изучаемой пятерней Тины. Она вздохнула и отвела глаза, но тут же вновь скосила их, рассматривая изящные пальцы молодого человека с аккуратно подстриженными ногтями. — Впрочем, понятно. Вода предпочитает те длани, которым она нужней.

— Должно быть, так, — согласилась девушка.

Альен Литин отпустил ее, взял в руки кувшин и ткнул им в живот мадемуазель Лоет:

— Истратил воду — принеси снова, — отчеканил он. — Эмил, неужели даже такую мелочь нужно объяснять?

— Я не успел! — возмутилась Тина.

— Ты об этом даже не подумал, — усмехнулся Альен. — Скажи мне, Сверчок, неужели за все свои тринадцать лет ты все еще веришь, что мир существует лишь для твоего удовольствия? Эта демонстрация усердия, когда ты чистил мою обувь, вся эта уборка — хочешь сказать, что ты исполнял свои обязанности? Нет, Эмил, ты всего лишь хотел, чтобы я отпустил тебя на берег, и завтра ты вновь обо всем забудешь. Ты делаешь только то, что считаешь нужным, стараешься, когда это касается тебя. Тебе плевать на тех, кто окружает тебя, тебе безразличны чужие чаяния. Эгоизм недопустим, и нам придется над этим работать. Занятия по фехтованию откладываются до тех пор, пока я не увижу, что ты взялся за ум.

— Но... — мадемуазель Лоет потрясенно смотрела на своего нанимателя. — Я же старался!

— Разовая акция меня не впечатляет — отмахнулся Альен.

— Я хотя бы могу отнести ваши вещи прачке, когда мы придем в Порт-Дайон? — нервно спросила Тина.

— Конечно, — широко улыбнулся господин Литин и закончил, рывкнув, — нет! Все, что необходимо, тебе предоставят на «Алиани».

— Вы... вы... — Тина едва сдерживала слезы обиды. — Катитесь дьяволу в зад! Я больше не работаю на вас! Я перехожу в команду «Алиани»!

Она развернулась и выбежала из каюты, утирая кулаками злые слезы. Посмотрите на него! Да что он о себе возомнил? Тоже еще, нашелся воспитатель. Да от этих воспитателей уже не продохнуть! Папенька воспитывал, дед воспитывал, в пансионе воспитывали, еще какой-то Альен Литин будет воспитывать?! Ну уж нет!

— Капитан Верта! — закричала Тина, выйдя на палубу. — Я хочу поговорить с вами!

Капитан с вежливой улыбкой кивнул и замер, ожидая, пока

мадемуазель Лоет подойдет к нему.

— Это серьезный разговор, — важно начала девушка.

— Разумеется, господин Мулер, — не менее важно кивнул мужчина. — Что вы хотели?

То, что капитан перешел на «вы», Тине не понравилось. Еще более ей не понравилось, что уголки его губ то и дело подрагивают. Девушка привычно шмыгнула носом, и мужчина с пониманием заметил:

— Сквозняк.

— Что? — опешила Тина.

— Я говорю, в дьяволовых дырах бывают сквозняки, — пояснил капитан, и губы его скривились в попытке удержать ухмылку.

— Р-р-р, — отчетливо зарычала мадемуазель Лоет.

— Неужто проснулась особь? — забеспокоился капитан Верта.

— Какая, к чертям собачьим, особь?! — взвилась Тина.

— Как же, господин Мулер, то самое морское чудовище, что живет в дьяволовых дырах, — на лице мужчины появилось фальшивое возмущение.

— Хватит! Хватит повторять глупости! — заорала взбешенная девушка. — Единственное чудовище, которое есть в этом море, сейчас сидит в своем логове и упивается самолюбованием!

— Отчего же, — послышался за ее спиной насмешливый голос. — Оно покинуло логово, желая, чтобы им любовались все. Стоит заметить, чудовище совсем мелкое, вы не находите, капитан Верта?

— Да, особь могла бы быть и крупней, — охотно поддержал капитан. — Так что ты хотел, дружок? — с улыбкой спросил он у побагровевшей Тины, из ушей которой уже шел пар.

— Дружок желает работать на вас, господин Верта, — вместо нее ответил Альен Литин, скрестивший руки на груди. — Что вы ответите этому ветреному созданию?

— Отвечу, что моя команда в полном составе и господин Мулер нам не нужен. Слишком молод, слишком непостоянен. У меня нет доверия человеку, который не сумел честно отработать свой хлеб однажды.

Мадемуазель Лоет хватала ртом воздух, пылая от возмущения.

— Но я же хорошо исполнял все, что мне говорили! — воскликнула она.

— Не спорю, — согласился капитан. — Но это отвечало твоим желаниям, парень. Как только ты найдешь занятие поинтересней, нас постигнет участь господина Литина. Нет, меня не устраивает такой матрос. — Мужчина потер подбородок, раздумывая о чем-то, затем вновь

вежливо улыбнулся и добавил: — Господин Мулер, хочу предупредить вас. Если вы не работаете на господина Литина, и я отказываю вам в найме, то вы должны знать, что вам необходимо внести оплату в размере пятидесяти санталов. Вам предоставлено место, вы получаете завтрак, обед и ужин, и наша компания предоставляет вам услуги перевозки. Вы готовы оплатить ваше путешествие на «Алиани»? Если нет, то мы ссадим вас в Порт-Дайоне, и вы вольны выбирать способ, которым вернетесь назад. Решать вам.

Тина охнула и беспомощно взглянула на Альена. Он развел руками:

— Прости, но ссудить эти деньги я тебе не могу, у меня нет уверенности, что они вернутся ко мне. Единственное, что я могу для тебя сделать, — это выплатить жалование за те дни, что ты служил мне. Если у тебя есть остальная сумма, то твой вопрос будет решен тотчас. Если же нет...

— Чтоб черти жрали вашу печень, — всхлипнула Тина.

Она отвернулась от мужчин, некоторое время справляясь со слезами. Позволить оставить себя на чужом берегу будет величайшей глупостью. Это мадемуазель Лоет понимала. Верта не возьмет ее, это уже ясней ясного. Скорей всего, и в фехтовании ей откажут. Остается одно... Молча развернувшись, Тина покинула палубу. Вскоре она уже несла кувшин с водой. Затем принесла обед, накрыла на стол и вернулась на палубу.

— Господин Альен, обед подан, — бесстрастно произнесла девушка.

— Иду, мой мальчик, — так же бесстрастно ответил Литин.

— Кажется, мы на время усыпили чудовище, — усмехнулся капитан Верта. — Любопытно, надолго ли?

— Сдается мне, сон этого чудовища краток, — заметил боцман, покручивая ус.

Капитан усмехнулся и покинул палубу вслед за своими пассажирами. До Порт-Дайона оставалось не так уж много времени.

Глава 12

Моргани — большой, но неухоженный город — встретил господина Лоега заунывным криком точильщика:

— Точу-у ножи-и, косы, точу-у-у.

Трое мужчин проехали мимо него, морщась от завываний.

— Точу-у-у, — вновь протянул точильщик, и Кузнечик обернулся, запуская огрызком недозрелого яблока работяге точно в лоб.

— Гори-и в преиспо-одне-ей, — не меняя интонации, отреагировал точильщик. — Точу-у ножи-и-и...

Вэйлр Лоег свернул за угол, разыскивая остановку дорожного экипажа. Он мчался сюда во весь опор, надеялся перехватить дочь если и не перед посадкой, то догнав экипаж в пути. Он рассчитал время, которое понадобилось Тине, чтобы добраться пешком до Моргани, и пришел к выводу, что быстро догонит ее, передвигаясь верхом. Однако по дороге дочь ему не попала, как и ее следы. То Самель, то Кузнечик отставали от своего капитана, наводя справки о милостивом пареньке лет двенадцати-пятнадцати, но только в Пиррете такого паренька вспомнила харчевница, в харчевню которой заглянул Самель, решив купить готовой еды в дорогу.

Больше никто Тину не видел. Это угнетало и пугало ее родителя. Вэйлр уже тысячу раз поклялся открутить ей уши, выпороть так, чтобы мясо сошло с седалища, и столько же раз поклялся не обижать дочь и баловать ее так, как еще ни один отец не баловал своих детей. То ему хотелось задушить ее от злости, то в объятьях от любви. Несчастный отец, никогда и ничего не боявшийся, теперь умирал от страха, что с его сокровищем могло случиться что-то нехорошее. Тем более он узнал, что в этих местах разбойники нападают на путников, и отловить негодяев никак не удастся.

— Гольми руками порву, — мрачно решил Лоег.

— Башку через задницу вырву, — не менее мрачно добавил Самель.

— Вспорю брюхо и станцюю на их потрохах, — закончил Кузнечик.

Если бы разбойники знали, что их ждет, пожалуй, они сами бы сдались на милость полиции. Но пока они пребывали в счастливом неведении, а капитану Лоегу и двум членам его старой команды было не до лихих людишек. Они все еще надеялись найти Тину и вернуть ее домой живой и невредимой.

— Здесь останавливается дорожный экипаж? — спросил Вэй мужчину

в форме стационарного зрителя.

— Здесь, милостивый государь, — кивнул мужчина, снял фуражку и протер платком лоснящуюся от пота лысину. — Только он прибудет не раньше, чем через три дня, поломался в дороге. Пока ремонтировали, кучер запил, так что ждем.

Лоет переглянулся со своими людьми и спешился.

— Где те, кто ожидают прибытия экипажа? — спросил он.

— Те, кто с ним ехал, сидят в Мальяре, а нашенские пассажиры — на постоялом дворе, кто не из Моргани, — зритель вновь утер пот и шумно выдохнул. — Ну и жарыща, скажу я вам.

— К чертям жарыщу, — отмахнулся Вэйлр. — Здесь появлялся мальчишка лет тринадцати? Глаза карие, волосы по плечи, на меня похож. — Лоет повернулся к зрителю здоровой стороной.

— Нет, мальчишки точно не было, — мотнул головой мужчина. — Со вчерашнего дня только женщина приходила, противная такая, крикливая. Были еще хромым старик да кузнец из соседней деревни, он частенько к брату в Кольетт ездит.

— Где этот постоялый двор? — закипая, спросил Лоет.

— Так вон он, на той стороне, — узловатый палец ткнулся в старое строение с грязной вывеской. — Далеко от станции никто уходить не хочет. Мало ли, пропустят экипаж. Папаша Бузо неплохой барыш с проезжих имеет. У него и харчевня тут, и спальня комнаты...

Вэй уже не слушал зрителя, стремительно направляясь на постоялый двор. Но и там его ждало разочарование: про Эмила Мулера никто не слышал, как и про Сверчка. Приметы паренька были никому неизвестны, и осмотр окрестностей утешительных новостей не принес, Тина словно растворилась.

— Вашу мать, — протяжно вздохнул Лоет, оседая на ступени одной из лавок, куда мужчина заглянул, уже ни на что не надеясь. — Какого дьявола мне понадобилась послушная дочь? Что мне до ее ответственности, если ребенок неизвестно где и что с ней происходит — сказать невозможно?

— Найдем, капитан, — попробовал поддержать его Кузнечик и тут же спрятался за Самеля, когда Лоет зло взглянул на него.

— Да какого дьявола?! — сорвался вдруг Вэй, вскакивая со ступеней. — Меня никто и никогда не мог упрекнуть в том, что в моей голове свищет ветер! Ада — разумнейшая из женщин. Мальчишки уродились с головой. Одной Тине плевать на всех! Куда ее унесло? Во что ввязалась? Сколько можно вдалбливать ей, что мы переживаем за нее, что дорожим ею? Сколько можно издеваться над родителями? И хоть уши ей дери, хоть

задницу, ей море по колено... — Он вскинул голову и посмотрел на Самеля. Из-за кока высунулась голова Кузнечика.

Великан гулко сглотнул и произнес:

— Пьен.

— До него дней пять пешего хода отсюда, — добавил Кузнечик.

— Пьен, — повторил Лоят. — Эта мартышка могла свернуть с дороги, если шлея под хвост попала. У нее же благие мысли в голове дольше трех минут не держатся. Вернуться под домашний надзор или исполнить мечту детства?

— Маленький ангел всегда выберет то, что интересней, — улыбнулся Самель.

— Что ты лыбишься? — ядовито спросил Вэй. — Закрой хлебало, слепишь. Маленький ангел, — мужчина фыркнул. — Да ей сам дьявол в подметки не годится. Если есть в мире человек, который может обуздать это исчадие преисподней, я готов отдать ему всю свою компанию и дочь в придачу. Вот это и будет счастливой старостью. Что рты пораскрывали? Вперед! — рявкнул капитан Лоят, первым взлетая в седло. — Найдем и... Даже не знаю, что с ней сделаю.

Вскоре трое всадников покидали Моргани, мчась в сторону Пьена. Теперь несчастного отца обуревали мысли, что его дочь может пролезть на какой-нибудь корабль тайно, и, когда ее обнаружат, может произойти что угодно. Если капитан не законченный мерзавец, то девчонку не выкинут за борт, но, узнав, что мальчишка вовсе не мальчишка, что ждет девушку, которая оказалась в море одна среди такого количества мужчин? От этих размышлений Вэйлр передергивал плечами, пугая Самеля и Кузнечика зубовным скрежетом. Руки сами сжимались в кулаки, и капитан Лоят молил Всевышнего, чтобы он не позволил Тине совершить глупость раньше, чем до нее доберется ее единственный защитник — родной папенька.

Дорога до Пьена превратилась в пытку. Лошади не могли бежать быстрее, чем бежали. Более того, пришлось их сменить, потому что бедные животные уже не выдерживали заданного темпа. До порта трое всадников добрались всего за три с половиной дня. Они валились с ног от усталости, но останавливаться дольше, чем требовалось времени для очередной смены лошадей и короткого перекуса, не хотели.

Первым напряжения не выдержал великан Самель, вдруг начавший причитать, что маленький ангелок попал в беду и они не успеют ее спасти, за что получил в глаз от взбешенного капитана, который уже сам успел вообразить всякие ужасы. После этого Самель замолчал, зато нервный чес

начался у Кузнечика. Он чесался столь усердно, что в Пьен въезжал с царапинами на щеке, синяком под глазом и изодранными руками. Синяк ему поставил раздраженный Самель, должно быть, не желая сверкать таким украшением в одиночку.

Добравшись до порта, Лоет отправил своих матросов проверять причалы и суда, сам же поспешил к начальнику порта. Если на один из кораблей был принят новый член команды, то у него должна была иметься об этом запись, тем более если взяли совсем юного паренька. Однако начальника не оказалось на месте, и Вэйлр готов уже был взвыть и выломать дверь в его кабинет, чтобы посмотреть книги, но мужчину остановил секретарь, сказав:

— Если вам нужны сведения о каком-то из кораблей, то я готов вам помочь за небольшое вознаграждение.

Лоет со всей силы припечатал банкноту достоинством десять санталов к столу и спросил:

— Ну? Хватит?

Секретарь, оценив свирепый вид мужчины весьма бандитской наружности, сглотнул и убрал деньги в стол, жарко кивнув:

— Что вас интересует?

— За последние дни кто-нибудь нанимался на корабли, стоящие у вас в порту?

— Одну минуту, — мужчина открыл дверь в кабинет начальника порта и вскоре вернулся с толстой книгой. — Был нанят новый матрос на «Сокол», ищут кока на «Беспощадного», также взяли двух канониров на «Бурю». Кто из них вас интересует?

— Матрос с «Сокола», — решил Вэй. — Имя, возраст.

— Эльен Кортен, возраст — двадцать пять...

— Не то, — тут же мотнул головой Лоет. — Мальчишка появлялся в порту? Клянчил место на каком-нибудь корабле?

Секретарь задумался, после уверенно покачал головой.

— Хорошо, — проскрежетал Вэйлр. — За последние дни какие-нибудь корабли покинули гавань?

— Да, — теперь секретарь вновь кивнул. — Военные корабли... — заметив досаду на лице посетителя, мужчина исправился. — С торгового причала отошли пять судов. Последней была шхуна «Алиани», зафрахтованная для посещения Тарвана. Остальные в море уже около шести дней. — Он вдруг задумался и просиял. — Подождите! На «Алиани» прибавился один пассажир, как раз юноша тринадцати лет, сейчас-сейчас...

Мужчина вновь исчез в кабинете своего патрона, а вернулся с другой

книгой. Он полистал ее, отыскивая нужную страницу.

— Да вот же. Эмил Мулер, тринадцать лет, — сопровождающее лицо представителя компании «Литин и сын», зафрахтовавшей «Алиани»...

— Кто? — переспросил Лоет, потрясенно падая на стул для посетителей. — Кто зафрахтовал?

— К...компания «Литин и сын», — повторил мужчина, глядя на то, как на глазах бледнеет странный посетитель.

— Не стоит забывать о прошлом, оно еще вернется и станет будущим, — глухо повторил капитан Лоет, разом вспоминая предсказание старого друга. — Литин... Уму непостижимо... Дамиан?! — в его голосе прорвались рычащие нотки, и это окончательно испугало секретаря.

— Уходите, пожалуйста, — проблеял тот.

— Я спросил, Дамиан Литин на борту «Алиани»?! — навис над столом разъяренный Вэйлр. Сейчас он даже готов был поверить в запланированную месть за прошлое. После всего, что несчастный отец пережил, разыскивая свою дочь, он поверил бы даже в дракона, похищавшего прекрасных принцесс, и плевать, что Тине до принцессы, как Самелю до танцовщика из королевского балета.

— Нет, его сын — Альен, — прошептал бледный как снег секретарь. — Он сказал, что в дороге нанял мальчика к себе на службу и внес его в реестр...

Лоет вновь упал на стул. Литин! Всевышний, как?! Как такое возможно? С тех пор как Литин отделился от тестя и перебрался в столицу вместе с семьей, о нем не было слышно уже, почитай, лет десять. Услугами «Вэйлады» он больше не пользовался. Оно и понятно, Пьен гораздо ближе и доставка товаров выходит дешевле. Но, дьявол его задери! Как могли вновь переплестись дороги судьбы четы Лоет и семейства Литин?

Так-так, спокойно! Вэйлр встрепал себе волосы и снова посмотрел на книгу, лежавшую на столе. Он внес Тину в реестр как мальчика, значит, может думать, что она — мальчик. Девчонка так поднаторела в уличных премудростях, что и в платье порой напоминала парня, особенно когда сутулилась. Сложение ее еще не сильно развито, да и Ада никогда не имела выдающихся форм, будучи миниатюрной даже сейчас, родив троих детей. А мадемуазель Лоет находится все еще на стадии взросления, значит, может продержаться в выбранной роли достаточно долгое время, если сама себя не раскроет. Сейчас ее манера браниться казалась даже необходимой, как и сплевывать и лезть в драку.

Что дальше? Нанял в дороге? Возможно. Они вполне могли встретиться. Тина, узнав о том, куда направляется младший Литин, должна

была из кожи вон вылезти, но попасть с ним на корабль, такой возможности она упустить не могла. Мальчишка записал мадемуазель Лоет у начальника порта, а это говорит о том, что он не авантюрист, по крайней мере, законы блюдет, что не может не радовать. Путь следования известен, местонахождение Тины также. Остается догнать и вернуть дочь домой. Вэй посмотрел на секретаря.

— Я хочу нанять быстроходный корабль, — сказал он. — Мне нужно нагнать «Алиани».

— Боюсь, это невозможно, — вздохнул мужчина, уже предвидя новую вспышку гнева. — На торговом причале сейчас стоят всего три корабля, но один из них зафрахтован, второй на ремонте, а капитан с третьего слег с лихорадкой. Он не встанет раньше, чем выздоровеет полностью. Рыбацкие суда вас вряд ли устроят, они не рассчитаны на погоню. Военные корабли вам никто не сдаст. Почтовый бриг... он вернется дня через три. Если вы подождете...

— К дьяволу! — мотнул головой Лоет. — Беру рыбацкое корыто до Кайтена.

— Кайтена?! — изумился секретарь. — Но, позвольте, зачем вам Кайтен? Вы же намеревались...

— У меня там свой собственный маленький флот, — усмехнулся Вэй. — Мое имя — Вэйлр Лоет, думаю, вы слышали его.

— О-о, — протянул секретарь. — Разумеется! — Мало кто из людей, чья жизнь была связана с морем, не знал о пирате, которого король простил за разбой на море. Более того, Его Величество даровал прощение и тем, кто пошел к Лоету на службу. Правда, даже сам пират не знал, что прощение он получил стараниями своего отца, и поэтому прошлое, о котором время от времени говорили, ни разу не сыграло против удачливого судовладельца, теперь жившего честно и приносившего королевской казне положенную часть своих доходов в виде налогов. — Вы правы, господин Лоет, по морю вы доберетесь до Кайтена гораздо быстрее, чем по суше. Идемте, я сам провожу вас.

— Благодарю, — процедил сквозь зубы Вэйлр, поднимаясь со своего места. Сейчас его мысли были уже далеко от Пьена.

Выйдя на улицу, он оглушительно свистнул, и вскоре в ответ прилетел такой же свист, заставивший понервничать секретаря. Но еще больше перепугался несчастный работник порта, когда в их с господином Лоетом сторону направился великан, под глазом которого сиял фингал. Такое украшение делало бандитскую наружность здоровяка еще более устрашающей. Впрочем, сам великан не обратил на секретаря никакого

внимания. Он подошел к Лоету, коротко качнув головой.

— Она на «Алиани», — ответил Вэйлр. — Зараза поступила на службу к младшему... Литину, — фамилию он произнес сварливо, влив в голос яда.

— К кому?! — проревел Самель, и секретарь начальника порта города Пьен громко икнул.

Ответ Лоета и вовсе заставил мужчину покраснеть, словно стыдливую девицу.

Второй спутник уважаемого судовладельца, хоть и не пугал ростом и мощностью, зато вызывал душевный трепет расцарапанной небритой физиономией, украшенной таким же синяком, как и у великана. Он вынырнул не пойми откуда, окинул секретаря колючим взглядом, вынудив того невольно прижаться к господину Лоету.

— Что вы третесь об меня? — рявкнул Вэй. — Я жене не изменяю.

Когда смысл его слов дошел до мужчины, тот вновь покраснел и пролепетал:

— Даже в мыслях не было...

— Не знаю, что у тебя в мыслях, но жмешься ко мне, как баба.

— П-простите, — сдавленным шепотом ответил секретарь, стремительно вырываясь вперед.

До причала рыбацких лодок он бежал почти бегом, вытирая пот со лба и отчаянно ругая себя за желание заработать. Столько нервов за какие-то жалкие десять санталов! Бывший пират... Посмотрите на него и его людей, и вы сразу поймете, что бывших пиратов не бывает! Разбойничью суть ничем не вытравишь. О том, что господин Лоет почему-то сказал «она» о слуге молодого Литина, секретарь даже не задумался. От страха он этого попросту не заметил. И, когда троица перебралась на рыбацкий баркас, хозяин которого охотно взялся за перевозку пассажиров до Кайтена, секретарь начальника порта шумно выдохнул и даже помахал им рукой вослед, счастливо улыбаясь.

Не менее счастливо улыбался и хозяин баркаса, когда нервные пассажиры сошли на берег в Кайтене. Столько угроз и брани он не слышал еще ни разу в жизни. И хотя сам он считался лихим малым, который ни за словом, ни за зуботычиной в карман не полезет, но к концу перехода, занявшего два с половиной дня, мужчина неожиданно понял, что всю жизнь был добродушным парнем. Особенно после того, как громадный бородач тряс его за шкуру, как котенка, и грохотал, что выкинет за борт, если «проклятое корыто» не отрастит крылья. И хвала Всевышнему, что окрика одноглазого:

— Мясник, порву! — хватило для того, чтобы великан угомонился и ворчал себе под нос всякие гадости, но больше не приставал.

— Самель, готовь провиант. Кузнечик, мчи к Даэлю, пусть собирает всех, кто еще не заплыл жиром, — чеканил приказы капитан Лоет. — Пусть подберет команду. К дьяволу, до конца дня я желаю сняться с якоря.

— Ангелка не будете звать? — робко спросил Самель.

Лоет остановился и свирепо взглянул на него:

— Во-первых, у нас нет времени. А во-вторых... Ты считаешь, что у меня есть лишнее хозяйство? — едко спросил Вэй. — Если Ангел узнает, что наша дочь пропала, она сначала отрежет мне добро под корень, а следом башку. Это же была моя идея отправить Тину к деду. Нет уж, я желаю дожить свой век в полном вооружении. К возвращению Ады мелкая проныра должна уже сидеть дома вся в кудряшках и с бантом на голове. Что рты раззявили? Вперед, сукины дети!

Самель и Кузнечик сорвались с места, спеша выполнить приказание капитана. Сам Лоет отправился в контору, чтобы дать распоряжения на время своего отсутствия, после чего собирался вернуться в особняк и приготовиться в путь. До Тарвана было не так далеко, и «Счастливчик», конструкция которого претерпела не одно усовершенствование еще во времена своего славного прошлого, должен был долететь до него меньше чем за три недели.

В канторе судовладельческой компании «Вэйлада» царила привычная суэта. Клерки скрипели перьями, приказчики и агенты заключали сделки, и появление хозяина прошло бы почти незамеченным, если бы Эмил Мулер-младший, отчаянно скучавший рядом с отцом, не выбежал навстречу Лоету с главным вопросом:

— Вы привезли Тину?

— Угу, ветер легче поймать, чем мадемуазель Лоет, — проворчал мужчина, лохматя волосы паренька.

— Доброго дня, капитан, — вслед за сыном вышел Красавчик. — Что-то случилось?

— Хватай свою саблю и тащи зад на «Счастливчик», — последовал ответ. — Мы отправляемся в погоню за моим сокровищем.

— Дьявол меня дери, — присвистнул Красавчик. — Все-таки дала деру?

— Хлебало закрой, — зашипел Вэй. — Еще не хватало, чтобы по городу поползли слухи.

— Когда вас беспокоили слухи, капитан? — ухмыльнулся мэтр Мулер.

— Начнут, когда доползут до моей жены, — ответил Лоет и

проследовал в кабинет к своему помощнику. Но обернулся и спросил. — Ардо вернулся?

— Вчера, — кивнул Красавчик.

— Отлично.

— Я с вами! — воскликнул Сверчок.

— Второго Сверчка море уже не выдержит, — проворчал Вэй, скрываясь за дверями, оставив обоих Мулеров удивленно переглядываться.

А к вечеру на «Счастливишке» уже всюду суетились матросы, готовясь к отплытию. Господин Даэль, изрядно постаревший, но все с той же выправкой и зычным голосом, следил за их работой. Господин Ардо, служивший капитаном на одном из кораблей, входивших в небольшую флотилию Лоета, вновь стоял с ним рядом, заняв место старшего помощника. Самель благоговейно поглаживал небольшой разделочный стол. Мельник и Красавчик в бриджах и свободных рубашках подначивали друг друга, выясняя, кому в подмышках жмет больше, пока не появился господин Даэль, мрачно оглядевший двух матросов, и не гаркнул:

— Давно рожей в дерьмо не окунались, я вам устрою. Подобрали свои филей и занялись делом, сосунки.

— Красавчик, ты не Красавчик, ты теперь Филей, — загоготал Мельник.

— Тогда ты Сало, — весело ответил ему Красавчик, и с причала до них долетело:

— Батя-а, ну скажи-и-и...

— Брысь домой! — рявкнул грозный отец, глядя на страдающего сына.

— Я мадам Аде все расскажу, — решил на шантаж Сверчок.

— Урою, — пообещал ему отец.

— Тину как своих ушей не увидишь, — добавил Лоет, останавливаясь рядом. — Не подпущу.

— Гады-ы-ы, — провыл Сверчок и, понурившись, побрел прочь.

Лоет похлопал Красавчика по плечу и повернулся спиной к берегу. Он с шумом втянул в грудь воздух, выдохнул и произнес:

— Отходим.

Зазвучали команды, загремела цепь якоря, распустились паруса, и тросы, удерживавшие бриг у причала, были убраны.

— Понеслась, — негромко выдохнул Вэй, сжимая пальцами плечо рулевого.

Глава 13

— Порт-Дайон на горизонте!

Тина сидела на палубе и чистила ногти острием ножа, когда услышала заветные слова. Она вскочила на ноги и устремила взгляд вдаль. Там уже виднелась не просто узкая полоска земли — сейчас можно было различить силуэты башен с острыми шпилями. Они остались от древней крепости, которая стояла на берегу моря. Теперь на ее месте вырос Порт-Дайон. Про эти башни девушке рассказал Мартель, казалось, знавший обо всем на свете. Он любил и умел рассказывать свои истории так, что у слушателя открывался рог и дыхание замирало в груди. Столько всего интересного, наверное, не знал даже учитель истории, которого нанял для дочери мэтр Лоет.

Тяжко вздохнув, девушка обернулась и скривилась, наблюдая, как по палубе шествует ее надсмотрщик, тиран и сатрап... то есть наниматель, конечно. Взгляд пронзительных синих глаз был устремлен в сторону суши, ветер трепал черные волосы, и Тина вдруг представила Альяна Литина в той одежде, в которой папенька отправлялся в их маленькие морские путешествия. Воображение дополнило этот образ саблей и парой пистолетов, и картина вышла до того впечатляющей, что мадемуазель Лоет облизала губы и замотала головой, отгоняя видение, от которого почему-то быстрее забилось сердце и кровь обожгла щеки.

— Привидение увидел? — насмешливо спросил боцман, останавливаясь рядом с Тиной.

— Почти, — севшим голосом ответила девушка и откашлялась, окончательно приходя в себя.

— Ты в своем хозяине дыру протрешь, — усмехнулся господин Лерия. — Не переживай, парень, Порт-Дайон — обычная дыра. Там нет ничего, что бы могло поразить твое воображение, и мы не так давно вышли в море, чтобы ты уже истосковался по земле. Не нарывайся, и на следующей стоянке господин Литин будет добрей.

Тина сузила глаза, тут же вспоминая, что это вот... видение испортило ей настроение, что оно запретило ей покидать борт «Алиани» и что руки просто чешутся от желания заехать ему в ухо. Она вновь повернулась лицом к приближающейся земле и сжала пальцами перила, венчавшие борт. Девушка смотрела на Порт-Дайон, все более преисполняясь негодования. Он, значит, будет гулять по городу, а она — стирать ему

штаны? Не нанималась! «Нанималась, — напомнил внутренний голос. — За семь с половиной санталов минус сантал за уроки фехтования».

— Гарпун мне в печень, — тихо прошипела мадемуазель Лоет.

И ведь что удумал, подлец?! Этот... господин Литин решил подстраховаться, и Рени, пусть и изможденный морской болезнью, с радостью согласился следить за «мальчишкой», чтобы он с честью выполнил всю работу и не сбежал на берег. Рени! Этот ревнивый собачий потрох! Ну ничего-ничего... Впрочем, господин Лериа прав и нарываться не стоит. Нужно все как следует продумать. Постирает она белье, ничего, переживет, а потом...

Хотя, что будет потом, мадемуазель Лоет еще и сама толком не знала, решив сначала оглядеться. И все-таки Тина была зла. Ее бесил Альен Литин, бесил капитан, который полностью принял сторону ее и своего нанимателя, а еще бесила команда «Алиани», изводившая девушку своими шуточками. «Дьяволы дыры» стали для Тины проклятием. Будь ее воля, она бы каждому заехала по роже, но злить тех, в чьих руках сейчас находилась ее судьба, мадемуазель Лоет не стала, решив, что ее час еще придет.

Тем временем «Алиани» приблизилась к берегу настолько, что можно было рассмотреть и башни, и силуэты кораблей, покачивавшихся в гавани, и низкие здания складов, стоявших в порту. Тина с жадным любопытством смотрела, как их шхуна входит в гавань, слушала, как загрела якорная цепь, проследила с легкой завистью, как на воду спустили шлюпку и капитан, вместе с Альеном Литином, перебрались в нее по веревочной лестнице. Девушка, перегнувшись через борт, прожигала взглядом молодого человека, все же отдавая должное его сноровке.

— Гад, — проворчала она себе под нос.

Вскоре шлюпка направилась к берегу — нужно было получить разрешение на швартовку у причала Порт-Дайона и оплатить стоянку. Не зная, чем себя занять, Тина рассматривала другие корабли. Ничего нового или примечательного она по началу не увидела, пока Колченогий Мартель не указал пальцем в сторону дальних кораблей и не произнес:

— А вот и местная Лига свободных мореплавателей.

— Где? — голова мадемуазель Лоет сама собой повернулась в указанную сторону, и она даже перебежала на нос «Алиани», чтобы лучше рассмотреть настоящие пиратские суда.

Бывшие пираты, работавшие на ее папеньку, и их корабли, служившие сопровождением торговым караванам и отдельным судам, Тине были привычны. Она их всех знала по именам, и суровые морские волки

казались ей обычными людьми. В них не было ничего примечательного, кроме их прошлого. Но о прошлом говорить было не принято, а настоящее Тина и сама прекрасно знала.

А вот те корабли, что застыли у дальнего причала, обособленно от остальных, — вот там было на кого посмотреть и что послушать! Однако девушка была под арестом и не могла покинуть борт «Алиани», да и здравый смысл нашептывал, что любоваться кораблями Лиги лучше со стороны. И Тина любовалась.

— Какой красивый, — охнула она, заметив бригантину, выделяющуюся на общем фоне бордовым цветом бортов и золотой отделкой, сплетавшейся в причудливую вязь.

— Это «Красная заря», — мрачновато произнес Мартель. — Ее капитан — самый отъявленный сукин сын, про которого я когда-либо слышал. Если увидишь когда-нибудь рыжего мужика, которого будут называть Ржавый, беги от него не оглядываясь. Запомнил, малец?

— А чем он так страшен? — с любопытством спросила мадемуазель Лует. — Он же не бросается на людей на улице, правда?

— На людей на улице не бросается, — усмехнулся Колченогий. — Но он жестокий, очень жестокий. Говорят, когда он убил своего врага, то танцевал на его теле до тех пор, пока то не превратилось в кровавое месиво. Но с первого взгляда кажется вполне приличным человеком, даже вежливым. Галантный, бабы его любят.

— Так он с врагами жесток? — поняла Тина.

— Если бы, — на лице Мартеля появилась кривая ухмылка. — Про него ходит много жутких историй, и я тебе их как-нибудь расскажу, если захочешь пощекотать себе нервы. Но мое предупреждение помни.

— Угу, — промычала Тина, продолжая изучать бригантину.

И сколько бы она ни пыталась рассматривать другие корабли, взгляд ее все время возвращался к «Красной заре», которая теперь казалась девушке загадочной и пугающей, но безумно интересной. Нет, она вовсе не собиралась испытывать судьбу и приближаться к причалу Лиги, а уж к бригантине тем более, но это не уменьшало любопытства. Тина решила во что бы то ни стало узнать истории про капитана Ржавого или как там его зовут на самом деле.

Пока она продолжала рассматривать причал, к шхуне подошла шлюпка с капитаном Верта; Альяна Литина с ним уже не было.

— Нам разрешили суточную стоянку, — услышала мадемуазель Лует.

— Вот лучше б запретили, — пробубнила она. — А Литин, дьявол его дери, уже где-то шляется.

— Что ты там ворчишь? — Девушка обернулась на голос и скривилась: за ее спиной стоял Рени, бледный до зелени.

Мужчина кутался в плед, несмотря на жару, на лице его застыло мученическое выражение, но взгляд цепко держался за второго слугу его хозяина. Тина закатила глаза и отвернулась. Рени ее раздражал даже больше, чем Альен Литин и капитан Верта вместе взятые.

— Отблевался, огузок? — мрачно спросила она.

— Паршивец, — тут же ответил мужчина, замахиваясь для подзатыльника.

Однако он не входил в число тех, от кого Тина собиралась терпеть подобные «ласки», потому девушка легко увернулась и наградила Рени пинком. Тот, не удержав равновесия, полетел вперед под чей-то негромкий смех.

— Гаденыш! — выругался мужчина. — Попадешься ты еще, ох, попадешься.

Они оба знали, что счастье Рени не за горами, но спуску ему давать Тина не собиралась. Во-первых, она не могла уважать труса, а во-вторых, ни жизнь, ни судьба ее не зависели от этого человека. К тому же его поведение сразу настроило девушку воинственно. Тина всегда жила по принципу «не тронь меня, и я тебя не трону». А он тронул, решив, что может командовать парнишкой на правах старшего. Самоуверенность Рени тут же вызвала желание поддаться ему, в чем мадемуазель Лует не стала себе отказывать. А окончательно первый слуга Литина настроил ее против себя тем, что слег с морской болезнью, и Тина лишилась не только возможности свободно передвигаться по «Алиани», когда вздумается, но и сойти на берег. Вот крутился бы пчелой вокруг хозяина, и девушке бы не перепало.

— Сверчок, — Тина повернулась к капитану Верта. — Тебе предоставят лохань с горячей водой и мыло. Развлекайся, парень, — и он удалился, посмеиваясь себе под нос.

Мадемуазель Лует скорчила рожицу, передразнивая капитана, вздохнула и тут же охнула от того, что на затылок обрушилась чья-то длань.

— Не передразнивай старших, это невежливо, — высокомерно произнес Рени, заставший Тину врасплох.

— Ну все, огузок, молись, — взъерилась и без того злая девушка. — Я тебя на лоскуты порву.

Но не успела она врезать своему обидчику, как руку Тины перехватили за тонкое запястье.

— Не балуй, сынок, — строго велел боцман.

— Ну хоть разочек, господин Лериа, только пара зубов, и я буду

удовлетворен, пожа-а-алуйста-а-а, — проныла мадемуазель Лоет, приплясывая от досады, что акт мщения был прерван.

— Силенок-то хватит на зубы? — усмехнулся боцман.

Хватит, силенок хватит и на большее, но бахвалиться Тина посчитала дурным тоном. Она так же, как и ее папенька, считала, что за словами должно идти действие. Хочешь наказать — накажи, но не засоряй воздух пустыми угрозами, чтобы не было насмешек после. Однако доказывать свою удасть Лериа она не собиралась, как и ввязываться в пустой спор, потому девушка ответила коротко:

— Придет время — увидите.

— Ну-ну, — хмыкнул господин Лериа. — Там лохань принесли, сейчас заполнят водой, и можешь приступать. — Мужчина немного помолчал, но все-таки закончил: — Капитан дал приказ следить за тобой. Не наделай глупостей, иначе от насмешек не избавишься до конца плавания. Парни только и ждут развлечения, потому с радостью втянутся в игру «Поймай щенка». Не давай им повода поиздеваться над собой.

— Я буду хорошим мальчиком, — с благодарностью улыбнулась Тина.

— Молодец, — боцман провел рукой по ее волосам и удалился, оставив мадемуазель Лоет наедине с прачечным делом.

— В обиду не дам, — шепнул ей Мартель, умевший всегда оказаться рядом в нужный момент. — Не переживай, Сверчок. — Тина улыбнулась и подмигнула ему, получив заговорщицкую ухмылку в ответ.

Натянув на лицо маску невозмутимости, девушка решительно направилась за вещами своего нанимателя, чтобы, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу. К тому же у нее имелась и собственная одежда, которая требовала стирки, ее Тина тоже прихватила. Вскоре она уже стояла перед лоханью, исходившей паром. Осторожно потрогав воду пальцем, мадемуазель Лоет деловито указала Рени:

— Полезай, огузок. В кипятке живо покраснеешь, а то от твоей бледной рожи тоска берет.

— Ты сейчас договоришься! — взревел мужчина.

— Воду пусть холодную тащат, говорю, — усмехнулась Тина. — Хозяин велел постирать, а не свариться заживо.

— Так стирай, — мстительно фыркнул Рени.

— Хорошо, — пожала плечами мадемуазель Лоет. — Обварю руки, а ты будешь блевать и служить господину Литину. Представляешь, подаешь ему обед, и тебя выворачивает прямо в его тарелку; вот забавная шутка будет. Думается мне, что после такого он тебя лично за борт выкинет. Хотя... я даже полюбуюсь на это, сидя без дела с перевязанными руками.

Рени поскрежетал зубами и обернулся к матросам, с интересом наблюдавшими за развитием событий.

— Принесите холодной воды, — повелительно произнес он.

Мартель, стоявший неподалеку, перевел взгляд на Тину и подмигнул ей, ответив мужчине:

— Порты твоего хозяина, ты и тащи воду. Мы сделали все, что нам приказал наш капитан, дальше сами разбирайтесь.

Рени открыл рот, уже собираясь отправить за водой саму Тину, но она со скучающим видом скрестила руки на груди, заметив:

— Мне нельзя сходить на берег.

— Но мне же плохо! — возмутился мужчина.

— На затрещины мальцу здоровья хватило, на пару ведер тоже найдется, — опять вмешался Мартель, и остальные матросы поддержали его дружными кивками.

— Сердца у вас нет, — жалобно произнес мужчина.

Взяв ведра, на которые ему указал Мартель, Рени побрел к сходим. Дождавшись, пока ее надсмотрщик скроется, девушка взяла мыло, первую рубашку и с невозмутимым видом принялась за стирку под изумленными взглядами матросов.

— Эй, парень, ты же сказал, что там кипяток.

— А я не нежная девица, — усмехнулась Тина. — Пускай разомнется, ему полезно. Нечего над душой сидеть.

— Ну ты и типчик, Сверчок, — хохотнул один из матросов.

Мадемуазель Лует, ни разу в жизни не стиравшая сама, но много раз видевшая, как это делает мадам Мулер и их собственная прачка, споро взялась за дело, напевая одну из папенькиных песен, далекую от приличий. И когда стонущий Рени вернулся на борт, таща два полных ведра воды, Тина одобрительно хмыкнула и молча указала на палубу.

— Ставь сюда, огузок, пригодится.

Ошеломленный мужчина некоторое время смотрел на девушку, все более багровея от злости. Когда из ушей Рени уже чуть не валил пар, он сорвался с места и понесся к Тине, горя жаждой мщения. Мадемуазель Лует дала приблизиться к себе, затем скользнула в сторону и, сопроводив мужчину очередным пинком под зад, с радостным оскалом полюбовалась его полетом в лохань с мыльной водой. Но как только голова фыркающего слуги показалась над лоханью, мстительная Тина положила ладонь на его затылок и вновь окунула в воду.

— Не фыркай, грязнуля, — приговаривала она под гогот матросов. — Столько дней пролежал в блевотине, от тебя уже смердит. Мойся, огузок,

мойся. Ты мне потом еще спасибо скажешь.

— Сверчок, довольно, — господин Лериа, прятая улыбку, остановил девушку, раз за разом окунавшую Рени в мыльную воду.

Тина отпустила свою жертву и отошла в сторону, невинно глядя на боцмана.

— Господин Лериа, этот свин мне всю воду испортил, как мне теперь стирать? — спросила она.

— Я тебя убью, Сверчок, — выл беснующийся Рени, выбираясь из лохани. — Я тебя своими руками...

— Рискни, — пожалала плечами мадемуазель Лоет и вновь перевела честный взгляд на боцмана.

Услышав ее слова, матросы, как по мановению руки невидимого волшебника, исчезли с палубы. Кто-то вспомнил, что его отпустили на берег, у кого-то нашлись свои дела, только Мартель все так же стоял, опираясь локтем о перила борта, с добродушной усмешкой следя за происходящим. А события развивались. Рени снова кинулся на своего обидчика, но был перехвачен боцманом за шкуру.

— Остынь, — рявкнул Лериа, хохотнув, — от тебя пар идет. — Затем, усмирив смех, мужчина велел первому слуге пассажира: — Смой мыло и переоденься, мы тут без тебя разберемся. — После обернулся к Колченогому. — Мартель, бери своего мелкого дружка и таскайте воду, пока парни выльют грязную.

— Мне же на берег нельзя, — прищурилась Тина.

— Сбежишь — накажу Мартеля, — усмехнулся боцман.

Мадемуазель Лоет понятливо кивнула и первой устремилась к сходням, радуясь хотя бы такой прогулке. Горячую воду пришлось таскать из портовой прачечной, находившейся не так уж и близко к «Алиани». Ей, как и старику-матросу, пришлось несколько раз мотаться туда и обратно уже с полными ведрами — лохань была вовсе не маленькой.

— Ты уж постирай все, малец, — кряхтя, попросил Мартель. — Еще один такой поход мои старые кости не выдержат.

— Мои молодые тоже, — пыхтя, ответила Тина, представляя, как завтра будут болеть руки.

Теперь прогулка казалась ей наказанием, а боцман перестал выглядеть в глазах девушки добрым малым. Однако эти размышления мадемуазель Лоет оставила при себе. Когда они с Колченогим в последний раз поднялись на борт, Рени, похожий на нахохлившегося воробья, уже сидел рядом с лоханью, снова кутаясь в плед. На Тину он не смотрел и гадостей говорить не спешил, но девушка все равно решила не расслабляться.

Единственное, что сделал мужчина, — это бросил все оставшееся белье в лохань, буркнув:

— Пусть отмокает в мыльной воде, лучше постирается.

— Угу, — ответила мадемуазель Лоет, устремив на Рени удивленный взгляд.

Подвох обнаружился позже. Когда Тина стирала, уже не обращая внимания на то, что ей попадается под руки, по лицу Рени скользнула торжествующая ухмылка. Мадемуазель Лоет подняла на него взгляд, затем посмотрела на то, что только что стирала, и разразилась бранью. Рени подсунул ей и свою одежду.

— Я твои портки за борт выброшу, огузок, — возмутилась девушка.

— Я тогда выкину одежду господина Альена и скажу, что ты лентяй и неблагодарный щенок. Зная тебя, как думаешь, кому он поверит? — расплылся в издевательской улыбке Рени. — Лучше помалкивай, заморыш, и три старательней. Тебе еще все это выполоскать надо и развесить.

— Да, мамочка, — пропищала Тина, скрипнув зубами. Мужчина явно напрашивался на новую оплеуху. Однако свой гнев девушка решила придержать, найдя в словах огузка долю правды. После того как она старательно избегала работы на нанимателя, Альен Литин может поверить своему старому слуге, а Мартеля рядом нет, чтобы подтвердить слова Тины. На остальных матросов девушка не полагалась, этим будет только новое развлечение.

Вычерпывать мыльную воду пришлось самой Тине. Мерзавец Рени исчез с палубы к этому моменту под предлогом жажды. Едкое предложение мадемуазель Лоет — хлебать из ведер, которые он сам принес, — мужчина проигнорировал. Матросы также не спешили помочь ей, и девушка взялась за дело. Когда закончилась холодная вода, а несколько вещей все еще оставались в мыле, на Порт-Дайон опустился вечер.

Устало вздохнув, Тина вытерла бежавший по лицу пот и отправилась искать боцмана. Господин Лерия обнаружился в своем гамаке, он дремал, и девушке пришлось расталкивать его.

— Что? — спросил боцман, зевнув.

— Мне нужна еще вода, — угрюмо ответила мадемуазель Лоет.

— Сверчок, ты же стирал на одного человека, а не на гарнизонный полк, — мужчина поднялся на ноги и потер глаза.

— Несколько дней в пути и несколько дней по морю; господин Альен меняет рубашки и белье каждый день, — проворчала Тина. — Чистоплюй несчастный. Мне холодная вода нужна.

— Так сходи и набери, — отмахнулся Лерия. — Скажешь, я разрешил.

Колодец видел?

— Видел, — кивнула девушка. — Может, в помощь кого дадите?

— Мартеля не дам, пусть лежит старик, остальных заставлять не буду. Если кто сам вызовется, пусть идет с тобой, — ответил боцман и первым поднялся на палубу.

Но никто не вызвался, и Тине пришлось одной идти к колодцу, находившемуся недалеко от прачечной. Бурча себе под нос, девушка брела за водой, уже даже не помышляя о том, чтобы выбраться в город. Сейчас ей хотелось только набить брюхо и завалиться в свой гамак. Спина ныла, стертые руки щипало, плечи болели от дневного таскания полных ведер. Настроение было рвать и метать, особенно хотелось придушить Рени, который вновь сидел на своем месте и злорадно следил за мальчишкой, уныло тащившимся с ведрами на берег.

— Ничего, — мстительно ворчала Тина. — Я тебе еще насыплю перца под хвост, потрох свинячий. Ты еще побегаешь у меня, еще попляшешь.

У колодца девушка ненадолго присела прямо на землю, давая себе отдых. Мимо нее прошли двое, не заметив Тину. Она проследила взглядом за двумя тенями, скользнувшими по земле, вздохнула и поднялась на ноги. Нужно было наконец закончить со всей этой гадской стиркой до возвращения господина Литина. Она наполнила ведра, поставила их у колодца и решила чуть пройтись, оттягивая мгновение, когда придется тащить воду на «Алиани».

Мадемуазель Лоет приблизилась к строению, черневшему невысоким силуэтом недалеко от колодца. Пройдясь вдоль стены, Тина разглядела в свете одинокого фонаря, что это сгоревший склад. Оконный проем зиял чернотой провала, и девушка сунула в него любопытный нос. Из-за стены потянуло запахом табака, там кто-то курил. Тина отпрянула назад и прижалась к стене, напрягая слух. Вскоре до нее донеслись приглушенные голоса.

— Это я нашел чертову карту, Ржавый, — негромко чеканил хрипловатый мужской голос на балорском языке. — Этот проклятый клад старого пса Ларса Биглоу косит всех, кто берется за его поиски. Давай хоть мы с тобой избежим такой участи. Я даю тебе и твоей команде сорок процентов, почти половина, не жадничай.

— Лени, мне плевать на проклятья и всю ту муть с морскими стражами, про которую чешут языками пустомели вроде тебя, — ответил второй собеседник глубоким низким голосом. — Ты же понимаешь, что я заберу все.

— Кто бы тебе еще позволил, — усмехнулся Лени. — Урсус, ты меня

знаешь, я тоже не щенок. Или ты принимаешь мое предложение, или я вспорю тебе глотку.

От тихого смешка у Тины мороз пошел по коже. Она уже подумывала, что неплохо бы мчаться отсюда со всех ног, но волшебное слово «клад» пригвоздило девушку к месту, как булавка бабочку.

— Мне не нужна твоя подачка, Лени, — ответил Ржавый. — Я возьму все.

Мадемуазель Лоет услышала, как за стеной началась возня, затем шорох неровных шагов приблизился к пустому оконному проему, и из него вылетело что-то темное, упав недалеко от ног девушки. Она машинально наклонилась и подняла кожаный футляр.

— Где? — услышала она низкий голос, принадлежавший Ржавому.

— Ищи, — сипло ответил Лени, рассмеявшись.

Смех его перешел в кашель, а затем в бульканье, и из оконного проема свесился лысый мужчина, заливая стену кровью, обильно сочившейся из перерезанного горла. Тина сдавленно вскрикнула и попятилась, зажимая себе рот обеими руками. Из окна выглянул мужчина, но рассмотреть того, кто находится за стеной, он не смог, и вскоре мертвец, мешавший пирату, полностью вывалился на сторону, где все еще пятилась Тина. Сообразив, что ее сейчас увидят, девушка отмерла и нырнула в темноту, прижимая к груди то, что выкинул убитый Лени. Она еще успела увидеть, как из оконного проема выбрался мужчина. Он оглядывался, прислушиваясь к доносившимся до него звукам. Тина, плюнув на ведро, на цыпочках побежала в сторону «Алиани».

— Сверчок! — услышала она. — Сверчок, маленький мерзавец, ты куда пропал?

Обернувшись, Тина поняла, что и Ржавый тоже услышал, как ее звали. Он проследил взглядом направление, откуда слышались крики.

— Да он никуда не сбежал, господин Альян. Он за водой пошел, сейчас вернется.

— Уроды, — сдавленно прошипела мадемуазель Лоет. — Заткнитесь же, заткнитесь-сь.

Однако Ржавый ее не преследовал. Он присел возле покойника и осматривал его, разыскивая то, что уносила мадемуазель Лоет. Но скоро он дойдет до колодца и увидит брошенные ведра, тогда будет несложно догадаться, кто стал свидетелем ссоры и убийства и кто мог взять то, из-за чего отдал жизнь некий Лени.

Поскуливая от возбуждения и страха и беспрестанно оборачиваясь, Тина не заметила того, кто появился впереди. Ее плечи оказались в капкане

мужских рук. Вскрикнув, девушка едва удержалась от того, чтобы ударить поймавшего ее, но узнала своего нанимателя и остановилась, нервно переступая с ноги на ногу.

— Сверчок, — строго начал Альен, и на этом терпение Тины иссякло.

Она отбила захват, но тут же вцепилась в руку молодого Литина и потянула его за собой, отчаянно повторяя:

— Ходу, ходу, ходу...

— Что...

— Дьявол вас дери, шевелите задом, или его у вас не станет, — выругалась мадемуазель Лоет.

Молодой человек поспешил за ней, бросив:

— На корабле ты мне все объяснишь.

— Угу, — промычала Тина, вновь оборачиваясь.

Колодец остался далеко за спиной, и она уже не видела, как Ржавый рассматривает ведра с водой, брошенные ею.

Глава 14

Альен Литин вышагивал по своей каюте, время от времени бросая гневные взгляды на своего второго слугу. Тина сидела на стуле, втянув голову в плечи, и хлюпала носом. По щекам ее текли совсем не фальшивые слезы. Девушку все еще била нервная дрожь, и стакан с ромом, который ей принес господин Лерия, застучал о зубы, как только мадемуазель Лоет поднесла его ко рту. Обжигающая жидкость огнем неслась по гортани, опалая ее; истерику девушки удалось остановить, и теперь Тина только тихо поскуливала и всхлипывала, кося взглядом на опустевший стакан.

— Мал еще, — буркнул Альен, заметив взгляд Тины. Молодой человек снова прошелся туда-сюда и остановился, сверля девушку пристальным колючим взглядом. — Как, Сверчок, скажи мне на милость, как ты умудряешься находить неприятности там, где их можно легко избежать?!

— Судьба-а, — протяжно вздохнула Тина.

— Судьба, — передернул плечами мужчина. — Тебе же нужно было просто постирать несколько вещей, и всё. Всё! Как ты умудрился вляпаться в такое? — Альен мотнул головой и снова прошелся туда и обратно. — Нет, нужно все-таки береговой службе сообщить, что произошло убийство и что мы знаем, кто убийца.

— Нет! — вскрикнула мадемуазель Лоет, вскакивая со своего места. — Нельзя! Это же Урсус Ржавый! Господин Альен, он пират. Думаете, он так легко даст арестовать себя? А если он ускользнет, то мы выдадим себя. Мартель рассказывал, как он сапогами своего врага по палубе размазал, как масло по хлебу. Такой не отвяжется, пока не отомстит. Да у Колченого спросите, он вам скажет!

— Да и убил он другого пирата, вряд ли начальник порта кинется арестовывать одного разбойника за смерть другого, — задумчиво произнес Альен, в душе соглашаясь со своим слугой.

— Он меня не видел, — снова заговорила Тина, садясь на стул. — Только услышал прозвище. Но ведь никто не знает, на каком корабле есть Сверчок. И хорошо, что до утра стоим. Если сейчас рвануть, то он поймет, у кого находится... Дьявол!

— Находится что? — Литин сделал шаг в сторону девушки. — Сверчок, ты не все мне рассказал? Что еще ты натворил? Говори!

Чертов ром, это он лишил осторожности и развязал язык, не иначе. Мадемуазель Лоет надавала себе мысленных пощечин, оказавшись перед

дилеммой: рассказать правду или же начать изворачиваться? Заметив досаду на лице юного слуги, Альен Литин подошел вплотную к Тине, ухватил ее за подбородок и задрал голову вверх, пытливо заглянув в глаза. «А глаза и правда, как небо, синие-синие», — не к месту подумала девушка, зачарованно глядя в глубину мужского взгляда.

— Говори, Эмил, что там произошло, — сдерживая раздражение, потребовал Альен.

— Полное дерьмо, — ответила Тина, скользя взглядом по лицу своего нанимателя.

— Поясни, — Литин отпустил подбородок девушки из захвата и присел на краешек стола. — Сверчок, я должен знать, во что ты ввязался за то короткое время, что ходил за водой.

Тина перевела дыхание, все еще зачарованно глядя на своего хозяина, затем утерла пот, выступивший из-за жара, неожиданно охватившего тело. «Точно ром», — подумала она.

— Ну же, — теперь Альен не скрывал раздражения.

Рука девушки нырнула за пазуху, и она вытащила плоский кожаный футляр. Затем потянула за шнурок, скреплявший края футляра, и вытащила старую пожелтевшую бумагу. Альен следил, с каким благоговением мальчишка разворачивает бумагу, с каким трепетом разглаживает ее на столе, после поднимает засиявший взор и шепотом произносит:

— Сокровища, господин Альен. Клад старого пса Ларса Биглоу, мир праху его, кто бы он ни был.

— Это...

— Карта, хозяин, карта! — сдавленно воскликнул малец, не сводя с молодого человека горящего взора. — Я не хотел брать, это вышло случайно. Все было так, как я сказал, только ругались они вот из-за этого. И перед тем, как Ржавый вспорол глотку Лени, тот выкинул в оконный проем этот футляр. Я ни за что бы не взял, это вышло случайно. А когда Лени, упокой дьявол его душу, вывалился на мою сторону, я бросился прочь, прихватив с собой и карту. В ту минуту я ни о чем не думал, правда. Если бы вернуться назад, я бы не стал к ней прикасаться и вообще не пошел бы к сгоревшему складу. Но коли уж случилось, что карта у нас...

— Дьявол тебя пожри, Сверчок, — мрачно ответил Альен, не разделивший восторга паренька. — Ты ввязал нас в крупные неприятности. Нужно избавиться от этой дряни.

Тина тут же дернула на себя карту, стремительно сворачивая ее и пряча обратно в футляр. Она мотнула головой и встала со стула, глядя исподлобья на своего нанимателя.

— Не отдам, — ответила она.

— Это глупо, парень, — сурово произнес Литин, вставая со стола. — Лучше избавиться от карты. Пока она у нас, мы в безопасности.

— Будет она у нас или нет, Ржавый все равно кинется на поиски корабля, на котором имеется Сверчок. А если он услышал и ваше имя, то не так уж и сложно будет узнать, какой господин Альен оплачивал стоянку. Ваше имя стоит в реестре?

— Черт, — выдохнул мужчина, падая на стул. — И что ты тогда в лесу мимо не прошел?

— Судьба, — развела руками Тина и неожиданно бесшабашно улыбнулась. — Господин Альен, вы же хотели приключений, о которых не устанут слушать ваши внуки, так? Посудите сами. Теперь у нас есть карта пиратского клада, есть корабль, на котором мы можем отправиться за ним...

— И кровожадный пират, который хочет вернуть карту и заполучить клад, — криво усмехнулся Литин. — Иногда мне хочется придушить тебя собственными руками.

— Вставайте в очередь, — рассмеялась девушка. — Вы не единственный.

— Уступлю тебя Ржавому, — нацелил на нее палец молодой человек.

— Вам двадцать два года...

— Прекрасный возраст, жизнь только начинается.

— Ваша жизнь скучна и однообразна.

— Спокойна и приятна.

— Вы хотели приключений.

— Но жить я хочу больше.

— Трусите?

— Имею опасения.

— Разумно, но лучше один раз позволить себе безрассудство, чем всю жизнь потом жалеть, что не попробовали. Если он нас найдет, то нам всем хана, в любом случае. Так почему бы не рискнуть?

— У меня есть дело...

— После Тарвана. Клад никуда от нас не уйдет.

— Это...

— Это сокровища, и никто теперь не знает наверняка, где карта, ведущая к ним.

— Пират...

— Лишь слышал о том, что она у Лени, но он не видел, когда тот избавился от нее. Думаю, он вообще не видел этой карты.

— Сверчок...
— Господин Литин.
— Опасно!
— Смертельно опасно.
— Мы можем все погибнуть.
— Все когда-нибудь умирают.
— Но хочется пожить подольше.
— Точней не скажешь. Пожить скучно, однообразно или же...
— Ты маленький искунитель, Сверчок!
— Я ваш проводник в мир приключений.
— К дьяволу! — воскликнул Альен. — Мне нужно подумать. А ты пока не смей никому ничего рассказывать, даже своему другу Мартелю.

— Я нем, как клад, — ослабилась Тина и покинула каюту нанимателя, сияя улыбкой.

Прохладный ветер ее немного отрезвил, охладив горящие щеки. Девушка припала спиной к переборке и прошептала:

— Ох, маменька, что же я натворила? Что теперь будет? Ой, что будет-ет.

Она растерянно оглянулась, вспомнив вдруг, что не все вещи успела прополоскать, а то, что успела, не развесила, но рубашками занимался Рени, и девушка облегченно вздохнула. Тина собралась доплестись до гамака, однако ее остановил тихий свист.

— Эмил, — кок поманил к себе мадемуазель Лует. — Иди сюда, накормлю.

Удивленная таким обращением, Тина направилась на камбуз. Барту поставил перед ней миску с кашей, сунул в руку кусок свежего пшеничного хлеба и подмигнул.

— Лопай, балбес, лопай.

— Спасибо, — кивнула девушка, вдруг ощущая, что голодна, как сам дьявол.

— Вроде и не глупый ты парень, но все время находишь на свой тощий зад приключения, — усмехнулся Барту, присаживаясь рядом.

— Вы тоже знаете? — угрюмо спросила Тина.

— Новости на корабле разлетаются быстро, — ответил кок. — Нас старший помощник собрал и велел называть тебя по имени, пока не выйдем в море. Ну и наворотил же ты дел. Как умудрился в самое пекло влезть, да еще уйти целым и невредимым?

— Меня не видели, — жуя, ответила девушка. — Только прозвище этот гад услышал.

— Понятно, — Барту протянул руку и потрепал Тину по голове. — Ладно, утром снимемся с якоря и уберемся отсюда, не бойся.

— Угу, — промычала мадемуазель Лоет, впиваясь зубами в сдобную булочку, после запила ее чаем. — Фкуфно.

— Фкуфно ему, — передразнил кок. — Балбес ты, Сверчок, как есть балбес.

Тина тяжело вздохнула, соглашаясь с женщиной, и больше от еды не отвлекалась. Барту еще с минуту наблюдал за «парнишкой», набившим полные щеки, как бурундук, затем усмехнулся и вышел с камбуза. Тина проводила мужчину взглядом, откинулась на спинку стула и осоловело посмотрела на опустевшую кружку.

— Ой, — сыто икнула девушка и поплелась прочь с камбуза, предвидя, что завтра получит от Барту нагоняй за то, что не убрала за собой посуду.

Втянув ночной воздух полной грудью, мадемуазель Лоет подумала о том, что сейчас могут делать маменька с папенькой и как там сиятельный дед. Наверное, с ног сбились, разыскивая блудную дочь, а она тут вляпалась в приключения похлеще, чем мозгляк Марк и его покровитель герцог. Тут вам не изнеженные негодяи, это целый пират. Кровожадный и злой... какой ужас!

— Эй, приятель, — донеслось до девушки. Кто-то звал вахтенного с берега.

— Что тебе? — лениво отозвался матрос.

— Слушай, приятель, я тут Сверчка ищу, мне с ним нужно поговорить по делу. Позови его.

Голос не принадлежал Ржавому, но это вовсе не означало, что искавший Сверчка не был посланцем пирата. Тина чуть не рванула обратно на камбуз, чтобы закрыться там и держать оборону до победного конца, когда вахтенный, все так же лениво позевывая, почесал бок и отрицательно покачал головой:

— Нет здесь никаких сверчков. Колченогий есть, Сухопарый есть, даже Пентюх есть, а Сверчков нету. Если кого из этих позвать, так и скажи, а то придумывают тут не пойми кого. Сверчок, — фыркнул матрос, усмехаясь.

— И ты даже не слышал такого прозвища? — спросили с берега.

— Почему же, — пожал плечами вахтенный. — Слышал. Орали вроде не так давно какого-то Сверчка, только откуда, не знаю.

— Может быть, может быть, — не стал спорить невидимый Тине мужчина. — А господин Альен на месте?

— Ну и странный же ты, приятель, — вахтенный снова почесался. —

Может, тебе сразу Всевышнего позвать? Он тоже вроде есть, только его никто в глаза не видел. Где я тебе еще и Альена какого-то возьму?

— Нет его, значит? — вздохнул собеседник вахтенного. — Ну и дьявол с ним, пойду искать дальше. А вы долго в Порт-Дайоне стоять-то будете?

— Еще пару дней, — соврал матрос, не моргнув глазом. — Не меньше.

На этом разговор закончился, и Тина осторожно выглянула из-за перил борта, рассматривая в спину коренастого мужчину на деревянной ноге, глухо постукивавшей о деревянный же настил причала. Девушка шумно выдохнула.

— Иди спать, Эмил, — хмыкнул вахтенный. Не став спорить, мадемуазель Лоет все-таки добралась до гамака и моментально уснула.

А вот Альену Литину не спалось. Он лежал поверх одеяла на своей койке, не удосужившись раздеться. Мужчина подложил руки под голову и смотрел в потолок, раз за разом прокручивая разговор с мальчишкой. В чем-то паренек был прав, жизнь молодого человека, несмотря на недостаток и приметную внешность, унаследованную от отца, не блистала разнообразием. Характер ему достался от матери, женщины серьезной и прагматичной, сдерживавшей порывы отца, которым он был подвержен. Впрочем, дедушка Литин говорил, что мэтр Дамиан Литин с возрастом стал именно таким, каким его всегда мечтал видеть его отец. Еще дед рассказывал, что это тяготы пленения сделали Дамиана более серьезным. Сам же отец Альена говаривал, что жизнь умеет преподносить сюрпризы, которые вышибают воздух из груди, и тогда приходится многое переосмыслить, но изменить что-то после бывает уже поздно. Этому он учил и своего сына, радуясь, что Альен нравом пошел в мать.

Однако сам Альен порой тяготился собственной серьезностью. Желая угодить родителям, он взвалил на свои плечи половину забот компании, и мэтр Дамиан изменил ее название на «Литин и сын». Юноша быстро втянулся в дела. Он умел многое подмечать, умел делать выводы и самостоятельно принимать решения. Альен лично брался за многие поручения отца, разъезжал по королевству, заключал договоры с партнерами. Ему это нравилось и не нравилось одновременно. Молодому человеку не хватало того простора, который так необходим молодости. Альен не участвовал в шумных попойках, редко посещал светские собрания, почти не бывал на охотах. Дела компании занимали почти все его свободное время.

Несмотря на внешнюю красоту и жадный женский интерес к его персоне, молодой человек предпочитал постоянство, не порхая мотыльком между влюбленными женщинами. Молодой Литин заводил

продолжительные отношения с одной женщиной, расставался по той или иной причине, после начинал встречи с новой любовницей. Его подругами становились уже опытные женщины, знавшие, что они хотят, и способные дать Альену то, что ему нужно. Это были молодые вдовы, иногда замужние дамы, чьи мужья мало интересовались своими женами. Первые довольствовались его подарками и периодическими визитами. Вторые с радостью делились своим теплом, принимая в ответ внимание и заботу молодого человека. Ни первые, ни вторые никогда не намекали на свадьбу, не устраивали сцен. Отпускали молодого любовника неохотно, но все же без скандалов.

И вот в эту устоявшуюся упорядоченную жизнь вдруг ворвался маленький ураган, столь непохожий на всех, кого Альен знал раньше. Талант Сверчка вляпываться в истории забавлял и раздражал одновременно. Как он там сказал? «Держитесь меня, и приключения сами вас найдут»? И ведь не обманул, паршивец! Вот тебе и готовое приключение. Только разум, привычный анализировать и просчитывать наперед последствия, вопил во весь голос, требуя не ввязываться в сомнительную историю. А молодая кровь и капля отцовского авантюризма нашептывали рискнуть.

Альен сел на койке и потер лицо ладонями.

— Чертов Сверчок, — проворчал молодой человек и вышел из каюты, надеясь, что свежий воздух его успокоит и опасные размышления сами покинут голову.

— Не спится? — спросил вахтенный.

— Нет, — вздохнул Альен.

— Тут кое-кого искали, — понизив голос, сообщил матрос.

— И? — встрепенулся господин Литин.

— Не нашли, — усмехнулся матрос.

Молодой человек хлопнул вахтенного по плечу и направился туда, где спал его маленький слуга. Конечно, можно было подождать до завтра, но успокоение никак не приходило, будоража воображение и зажигая кровь возможностью почувствовать что-то новое, что-то необыкновенное. Потому Альен решил сейчас растолкать паренька и поговорить, и дать тому завтра время отоспаться.

Альен остановился рядом с гамаком, где тихо посапывал Сверчок, и ненадолго замер, рассматривая его. Рука паренька свесилась с края гамака, и Литин краем сознания отметил, что кисть руки Сверчка изящная, несмотря на неопрятный вид ногтей. Взгляд мужчины переместился на лицо слуги, и в голове возникла мысль, что он хорошенький, как девчонка.

Нежный овал, аристократичные черты лица, по-девичьи нежная кожа... Сейчас, в свете зажженной свечи, паренек казался совсем женственным и даже старше названного им возраста. Нахмурившись, Альен скользнул взглядом ниже, туда, где распахнулся жилет, и ворот рубахи чуть разошелся, открывая...

— Хозяин? — Сверчок столь резво попытался вскочить, что гамак перевернулся, и он полетел на пол.

Альен растерянно смотрел, как парень вскакивает, поспешно затягивая ворот рубахи и застегивая жилет. Затем Эмил выпрямился и напряженно взглянул на молодого человека. Теперь он совсем не напоминал девушку. Лицо помято со сна, глаза немного шальные, волосы взлохмачены, потирает ушибленное колено. Альен тряхнул головой, отгоняя наваждение, приложил палец к губам и показал идти за собой. Но через несколько шагов опять обернулся и испытующе взглянул на мальчишку.

— Что? — одними губами спросил тот.

Молодой человек отрицательно покачал головой и отвернулся, уговаривая себя, что то, что ему показалось, не может быть правдой, потому что девицы не бродят по дорогам, не кидаются на разбойников, не лезят по снастям и не бранятся столь мастерски, словно всю жизнь прожили рядом с разбойниками. «Если только они не Сверчок», — мысленно усмехнулся Альен и вошел в каюту, стараясь не думать о том, что навеяли ему ночные тени.

Как только двери за Сверчком закрылись, Литин обернулся и вновь приложил палец к губам, тут же указав на переборку. Паренек понятиливо кивнул и подошел ближе к столу, на котором сейчас стояла чернильница, лежали бумага и перо. Альен обмакнул перо в чернила и аккуратным почерком вывел: «Карта при тебе?» Сверчок кивнул и достал из-за пазухи кожаный футляр. Взгляд молодого человека помимо воли остановился на этой части мальчишеского тела, пытливо вглядываясь в район груди. И вновь ему показалось, что он уловил очертания, которых не могло быть на теле парня, как и вообще на любом мужском теле, если, конечно, мужчина не страдает крайней степенью полноты.

Тем временем Сверчок открыл футляр, развернул карту и положил на стол. Альен придвинул ближе подсвечник с двумя рожками, склоняясь над картой.

«Ты понимаешь ее?» — написал вновь Альен.

«Понимаю, но мне нужна большая карта, чтобы лучше разобраться, где это место», — написал в ответ «парнишка». Он немного подумал и приписал: «Вы хотите отправиться за кладом?»

«Я думаю, — досадливо поморщился молодой человек. — Ты пока молчи, а карту оставь мне».

Рука Сверчка взметнулась вверх, почти ткнув в нос хозяину фигой. Зрачки Альена съехались к переносице, оценивая сооруженную конструкцию из пальцев.

— Ой, — мальчишка покраснел и спрятал руку с фигой за спину, прошептав. — Извините, я нечаянно.

Альен погрозил ему пальцем и усмехнулся.

«Хорошо, пусть будет у тебя. Только не потеряй, возможно, она нам спасет жизнь...»

— Сомневаюсь, — прошептал Сверчок, и молодой человек закатил глаза. Как раз этого ему слышать не хотелось.

«Никому не показывай. Если я решу этот вопрос положительно, то сам поговорю с капитаном», — написал он; мальчишка кивнул, затем взял перо: «Я попробую узнать у Мартеля об этом Биглоу. И про Ржавого еще поспрашиваю. Нужно узнать про врага как можно больше».

Литин тут же слегка дернул «парнишку» за ухо.

«Это ты навязал нам врага».

«Я нашел нам сокровища», — не согласился Сверчок.

«Пока — только старый клочок бумаги и неприятности, связанные с ним», — возразил Альен.

Сверчок насупился, бросив на нанимателя воинственный взгляд. Молодой человек усмехнулся, взгляд его скользнул в район груди паренька, и неожиданная мысль пришла Альену в голову. Он окунул перо в чернильницу и вывел: «Тебе сегодня досталось, сильно устала?»

«Да, устала...» — Сверчок вспыхнул, сердито взглянул на мужчину и зачеркнул последнюю букву «а» в обоих словах «устала». — «Я — парень!»

«Разумеется, — кивнул Альен. — Я случайно сделал ошибку, ты просто повторил».

Сверчок горячо закивал, подтверждая этот вывод.

«Отдыхай. Утром обойдусь без тебя. Спокойной ночи, Сверчок».

— Спокойной ночи, — ответил парнишка.

Альен с интересом смотрел на то, как его слуга убирает карту и исчезает за дверями; после опустил взгляд на листок бумаги, рассматривая перечеркнутые буквы «а».

— Занятно, — негромко произнес мужчина. — Крайне занятно. Нужно будет понаблюдать за ним.

Мысли Альена наконец немного успокоились, перестав устраивать в

голове чехарду. И пусть он еще уговаривал себя, что нужно все хорошенько обдумать, однако в глубине души он уже знал, что решение принято. Засыпая, молодой человек представил себе на грани сна и реальности сундуки со старинными монетами, драгоценностями, а рядом — девушку с карими глазами, удивительно похожую на Сверчка, только в платье.

— Хорошенькая, — прошептал Альян и провалился в глубокий спокойный сон.

Глава 15

Вторая неделя плавания подходила к концу, не ознаменовавшись никакими событиями. На «Алиани» царили мир и спокойствие. Никто не пытался задержать шхуну, когда она покидала гавань Порт-Дайона, никто не гнался после, и бордовый корпус бригантины «Красная заря» ни разу не замаячил на горизонте. Тина и Альян, единственные понимавшие угрозу для команды «Алиани» в полной мере, через несколько дней отсутствия новостей успокоились и расслабились.

На следующий же день, когда шхуна покинула отныне опасный Порт-Дайон и вышла в море, Тина не стала тратить времени даром. Она выбрала момент, когда всезнающий Мартель сидел на палубе, отдыхая от работы, и покуривал трубку, и пристроилась рядом, заведя разговор о пиратах. Паренек стал свидетелем того, как один морской разбойник убил другого, потому не было ничего удивительного в том, что он заговорил на их тему. Мартель, любитель поговорить и поделиться своими историями, откинулся назад и блаженно прикрыл глаза.

— Это мое последнее плавание, — сказал он Тине. — Стар я слишком. Куплю себе рыбацкую лодку и займусь промыслом, на это сил еще хватит. А для всего этого, — Колченогий указал мундштуком трубки на других матросов, — я уже дряхлый. Внука себе в помощь возьму, он у меня работающий, смекалистый.

Девушка с пониманием покивала. Мартелю уже давно перевалило за семьдесят, он был немногим старше обоих ее дедов. Дедушка Ламбер тоже уже выглядел старым, но все равно был еще достаточно крепок и подвижен. А вот его сиятельство, несмотря на почтенный возраст, казался несокрушимой скалой. И трость в его руках выглядела, скорей, оружием, чем палкой для опоры. Он оставался грациозен и статен, продолжая нравиться женщинам. Впрочем, и папенька, который перешагнул уже полувековой рубеж, отнюдь не выглядел пожилым мужчиной. Подвижный, сильный, язвительный, с живым блеском в единственном зрячем глазу. Только седина, все более пробивавшаяся в волосах, да морщинки вокруг глаз оставались свидетельством его возраста.

А вот Мартель действительно казался древним, и на «Алиани» он был скорей пассажиром, чем матросом. Пусть господин Лерия и давал старику какую-то работу, но все мелкую и незначительную. Зато послушать истории Колченогого собирались многие. Порой даже капитан Верта

присаживался рядом и слушал старого матроса, недоверчиво покачивая головой и посмеиваясь.

— Дядя Мартель, а Ржавый — самый страшный пират? — спросила Тина, поглядывая из-под ресниц на струйку сизого дыма.

— Сейчас, наверное, да, — кивнул старик. — Еще та гнида.

— А раньше? Капитан Лоет был страшным пиратом? — этот вопрос мадемуазель Лоет задала просто из любопытства.

— Вэй Лоет? — Мартель усмехнулся. — Нет, он не был страшным пиратом. Но это был единственный пират с принципами. К нему в команду многие хотели попасть, он, хоть и жесткий мужик, но за своих глотку мог порвать любому. «Мои мальчишки», вот как он их называл, а они его — «Батя». И пусть Батя мог и порешить, но это всегда за дело. Хотя, говорят, тоже дури хватало. Мог пристрелить спяну, если кто не ко времени совался.

Тина скрыла усмешку. Про папенькину привычку палить по незванным посетителям она была наслышана. Дядюшка Самель рассказывал, что они всегда четко знали, где нужно встать, чтобы не задело шальной пулей.

— Мой бывший капитан называл Лоета «голубая кровь пиратства», — продолжал Мартель. — В нем порода была, манеры благородные знал. Женщин не трогал, верней, трогал, но только так, как им это нравится, — Колченогий хрипло рассмеялся, а Тина нахмурилась, оскорбившись за маменьку. — С мужиками всегда резкий был. Был у него враг закадычный — капитан Берк. На море запросто не расходились, корабли друг другу дырявили. На суше морды били, а на дело все одно вместе. Что Берк тащил свой зад к Лоету, что Лоет не отказывал Берку. А потом при дележе — опять драка. Жаден был Берк больно, а Лоет жадности не прощал. Сдох жмот вскоре после того, как Лоет в честные люди подался. Не с тем связался, характер свой гнилой показал, так его и прирезали. Черт его знает, почему Лоет щадил, но Берк всегда выживал после их схваток. А Лоет-то знатный рубака.

Про папеньку Тине нравилось слушать, и она бы еще послушала, но ее интересовал совсем другой пират.

— Дядя Мартель, а кто все-таки был страшным пиратом? — спросила девушка, возвращая старика на прежний курс.

— Страшный? Так они, малец, все страшные, — Мартель убрал трубку и сложил на животе руки. — Они же разбойники, чужое к рукам прибирают.

— И все-таки, — не желала отставать Тина.

Старик ненадолго задумался. Затем почесал щеку и оживился.

— Да, вот, например, Золотой. Жил такой разбойник лет сто назад. До золота страшный охотник был и украшал себя золотом, потому так и прозвали. Про него много жутких историй рассказывали. Он как-то свою зазнобу с другим застал... хотя, нет, тебе я не буду эту историю рассказывать, мал еще, да и воротит с нее. Так зверствовал, что даже его парни струхнули. Еще вот Одноногий Орс, у того забава была... В сеть кого-нибудь посадит — и за борт, а потом за кораблем сеть тянут. Выжил человек через линг — отпускал. Только разве там выживешь? Но многие соглашались, надежда — вещь такая.

— А еще?

— Еще... Ларса Биглоу. Вот уж тварь была, — Тина встрепенулась. — Кстати, тоже был с принципами, как и Лоет. Слов на ветер никогда не бросал, его пуще дьявола боялись. Самый удачливый пират своего времени. Говорят, золото из его карманов как горох сыпалось. Мог купить себе остров, но жаден был настолько же, насколько богат. Ни одной ржавой миты не оставил своим наследникам, а они у него были. Все спрятал. Спрятал и проклял то место, пролив там кровь своего брата. Говорят, место гиблое, туда не подобраться. А еще говорят, что тому, кто найдет сокровища Биглоу, перейдет его удача. Сколько народа уже голову сложили за этот клад, а ведь не сдаются. Ищут, ищут. Глотки друг другу режут, корабли топят, команды под корень изводят. Биглоу оставил карту, даже не прятал ее. Сказал: кому карта достанется, тот получит и сокровища. В первый же час после его смерти трое его сыновей умерли в попытке завладеть картой — каждый хотел быть первым. И понеслось. Как только карта попадает в чьи-то руки, так и расплата рядом. Правда, еще говорят, что было какое-то условие. Только я его не знаю. Вроде как он зашифровал свое послание на обратной стороне карты. Может, тому повезет, кто расшифрует? А как расшифровать то, чего нет? Враки это все.

— Враки, — задумчиво повторила Тина. — Это все враки. Ой, — она вскочила на ноги, — кажется, меня хозяин звал. Побегу, а то снова гадом станет.

— Беги, малец, — усмехнулся Мартель, снова набивая свою трубку.

Своего нанимателя Тина нашла в капитанской каюте, где тот разговаривал с капитаном Верта, потягивая вино из серебряного стаканчика. Мадемуазель Лоет остановилась на пороге, она приплясывала от нетерпения и делала жуткие рожи, показывая всю значимость своего визита. Альен приподнял брови в насмешливом изумлении.

— Мальчик мой, у тебя лицо свело, или же тебя мучит нужда, а ты забыл, как она справляется и пришел об этом спросить у меня? —

поинтересовался Литин.

— Гарпун вам в печень, хозяин, — от души ответствовала Тина.

— И тебе доброго дня, Сверчок, — усмехнулся молодой человек. — Что случилось?

— Вы мне нужны, господин Альян, — взяв себя в руки, произнесла мадемуазель Лоет.

— Приятно знать, что ты кому-то нужен, — Литин поднялся на ноги. — Оставляю вас, капитан Верта.

— Разумеется, — улыбнулся Верта. — И поспешите, а то эти дьяволы дыры сопят так, что способны разбудить морское чудовище.

— Чтоб вас черти полюбили, капитан, — с чувством пожелала ему Тина и первой направилась в каюту Альяна.

В каюте девушка схватилась за перо. Господин Литин остановился рядом и наблюдал, как подрагивает перо в нетерпеливой руке, как рождаются неровные прыгающие строки. Возбуждение Тины не давало усомниться в том, что она узнала что-то важное. Когда она поставила точку и сдвинула лист в сторону своего нанимателя, тот рассматривал уже не строчки, а саму мадемуазель Лоет. Тина подняла голову и застыла, пойманная внимательным изучающим мужским взглядом в ловушку. Щеки тут же опалило огнем, и неугомонное создание испытало сильнейшее смущение. А следом пришел страх, заставивший кровь отхлынуть от лица. «Он знает», — вдруг подумала девушка.

Однако Альян Литин не задал ни одного вопроса, которых Тина боялась как огня. Вместо этого молодой человек взял в руки исписанный лист и вчитался, все больше хмурясь. Пока Альян изучал новости, принесенные Сверчком, мадемуазель Лоет терялась в догадках, заподозрили в ней девицу или же испытующий взгляд нанимателя имел какое-то иное значение. Пока она размышляла, Литин взял перо, и вскоре Тина прочла: «Достань карту».

Она тут же полезла за пазуху, но опомнилась и отвернулась, на всякий случай. А когда вновь посмотрела на Альяна, он уже сидел на стуле и повторно перечитывал то, что написала Тина. Девушка не стала рассказывать про проклятье и то, что все хозяева карты непременно гибнут, решив, что это лишнее... пока лишнее. Зато рассказала про скрытое послание и про то, что клад Биглоу баснословен. Должно быть, Литин почувствовал подвох в том куске сыра, что ему подсовывала хитрая девица, потому лицо его вновь стало мрачноватым, и во взгляде появился огонек сомнения.

Забрав из рук своего слуги футляр, Альян сам достал карту и

перевернул ее обратной стороной. Желтоватые и бурые пятна на ней наводили на мысли о том, что карта много раз бывала в переделках. Молодой человек бросил на Тину скептический взгляд и постучал пальцем по бурым пятнам, давая понять, что ей не провести своего наниматели.

— Ты должен рассказать мне все, — негромко произнес Альян. — Твоя история пестрит белыми пятнами, как эта карта — пятнами крови. Пиши, что утаил.

— Хозя...

— Пиши, Сверчок, пиши, — не пожелал слушать слугу Альян.

Возмущенно сопя, мадемуазель Лоет все-таки решила рассказать все, что узнала от Мартеля. В общем-то, у сомнений господина Литина имелись основания, Тина это признавала. По карте было отлично видно, что путь ее оказался долог и тернист. И раз уж никто до сих пор не нашел сокровища Биглоу, значит, не все так радужно и просто, как пыталась рассказать об этом девушка.

— Это след от огня, — Альян указал на небольшое черное пятно. — Ее держали над свечой, пытаюсь увидеть скрытое послание. Похоже, оно так и не проявилось.

— Или исчезло вновь, — прошептала Тина, отрываясь от своего занятия.

— Проверим, — кивнул Литин, зажигая свечной огарок.

Он некоторое время держал карту над огнем, под встревоженным взглядом мадемуазель Лоет, а затем разочарованно задул маленькое пламя.

— Ничего. Может, нет послания? Или карта ненастоящая.

— Настоящая, — не согласилась Тина. — Там и подпись стоит. И вон какая старая.

— Не факт, — пожал плечами Альян. — Ты знаешь руку того, кто это чертил? Вот и я не знаю. Да, бумага старая, но подделку могли составить много лет назад и выдать за оригинал. Мог и сам... хозяин составить намеренную фальшивку, если уж он был такой скупердяй.

— Он был с принципами и всегда держал свое слово, — вновь возразила Тина.

— И все-таки, Сверчок, — молодой человек присел на край своей койки, — представь, что это все одна — большая шутка, и мы сейчас лезем в петлю из-за миража.

— Дьявол меня дери, хозяин, если я поверю в это, — жарко возразила девушка. — Это подлинник!

Альян усмехнулся и вернул Тине карту, забрав у мадемуазель Лоет ее небольшую письменную работу. Прочитав то, что написала девушка, он

окинул ее мрачным взглядом и кивнул на дверь.

— Иди, мне нужно все это обдумать.

— Много думать — голова разболится, — проворчала мадемуазель Лоет и направилась к двери, на ходу пряча карту.

— Ты, наверное, вообще головной болью не страдаешь, — усмехнулся Альен Литин, и Тина наградила его тяжелым взглядом перед тем, как скрыться за дверью.

Что бы тогда ни думал господин Литин, но картой после этого он интересовался еще несколько раз. А не так давно два заговорщика попросили разрешения у капитана посетить его каюту и посмотреть карты. Господин Верта был немного удивлен, но все-таки отказывать не стал. И Тина с Альеном углубились в изучение местоположения острова, таящего в себе несметные богатства Ларса Биглоу.

— Я ничего толком не понимаю, — признался Альен. — Ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Тина. — Ах, кабы сюда господина Бержара или па... пару других географов, — пробормотала девушка после небольшой заминки, которую Литин заметил, но не показал вида. — Так, значит, нам нужно сюда, — ее пальчик скользил по карте капитана, — потом... дьявол, нужна более подробная карта.

Пока они занимались просмотром еще нескольких карт, появился сам капитан, и Литин заговорил господину Верта зубы, рассказывая о том, что Сверчок пытается доказать, что он не неуч.

— Да, — подхватила Тина. — Хозяин не верит, что я знаю больше, чем местоположение соседней деревни.

— Устраиваете мальчишке экзамены, — понятиливо усмехнулся капитан. — И как?

— Названия по карте читает хорошо, — насмешливо ответил Альен. — А вот без карты... Можешь без карты?

— Могу, — насупилась Тина.

Но экзамен так и не состоялся. Капитана позвали на палубу, и пара авантюристов решила последовать за ним. Мадемуазель Лоет называла страны, какие ей приходили в голову, Альен кивал и кидал на спину капитана досадливые взгляды. Он рассчитывал, что Сверчок догадается назвать те государства, которые находятся рядом с предполагаемым местом нахождения острова Биглоу, и Верта сам найдет нужную карту для сверки, после чего маленький слуга мог бы сунуть в нее нос под любым предлогом.

Впрочем, Альена Литина занимали не только сокровища. Личность его второго слуги интересовала молодого человека не меньше. Наблюдать за

Сверчком стало одним из любимых занятий Альена. Ради этого младший Литин теперь проводил времени на палубе гораздо больше, чем в каюте, отложив в сторону книги. Перед ним был ребус куда как интересней.

Вскоре Альен отметил, что Сверчок никогда не посещает галльон на носу корабля, как другие матросы. Мальчишка приспособил себе для личных нужд ведро, честно украденное у команды в первый же день плавания. Справлял свои нужды Сверчок без свидетелей и выливал в море импровизированный горшок под смешки команды с невозмутимым видом.

Чистоту парень старался соблюдать, обзаведясь ковшом, который с вечера наполнял водой, но опять же старался приводить себя в порядок, когда команда была на палубе. Одевался неизменно в рубашку и наглухо застегнутый жилет, и даже в жару, когда команда обнажалась по пояс, не изменял своим привычкам. А однажды мальчик, не боявшийся высоты и обожавший море, отказался искупаться вместе с остальными, когда капитан разрешил своим людям освежиться. Парень с нескрываемой завистью смотрел на мужчин, прыгавших прямо с борта, но так и остался стоять на палубе. Более того, увидев, что двое матросов полностью обнажились, стыдливо покраснел и отвернулся, рассматривая горизонт.

Но самое примечательное произошло дней пять назад. Настроение мальчишки стало часто портиться, он сидел, болезненно морщась и поглаживая живот. На вопрос о самочувствии раздраженно ответил, что с ним все хорошо, а живот болит потому, что съел что-то не то. На возмущение кока огрызнулся и ушел с палубы, а на месте, где он сидел, осталось небольшое красное пятнышко. Альен тут же наступил на него, скрывая от случайного взгляда, и попросил Рени, немного оклемавшегося, принести вина. Получив желаемое, Литин «случайно» пролил его себе под ноги, виновато растер ногой, извинившись за свою неуклюжесть, а вечером Сверчок перебрался в отдельную каюту. Альен договорился об этом с капитаном, объяснив заботой о приболевшем мальчишке. Следующие несколько дней паренек не спешил выходить на палубу, пользуясь положением больного, а вчера появился как ни в чем не бывало, довольный жизнью и собой.

Нужны ли были еще доказательства мужчине, сложившему воедино все странности в поведении и в облике мальчишка? Нет, Альен окончательно уверился, что полукружье маленькой женской груди в вырезе расплзшегося ворота рубахи ему не почудилось. Его Сверчок был девушкой. Можно было припереть ее к стенке и добиться правды, кто она, откуда и зачем солгала, но молодой человек решил этого не делать. Хочет быть мальчиком, почему и не доставить девице такого удовольствия? Тем

более наблюдения за ней от этого стали лишь интересней.

Теперь, когда пол самозванного Эмила Мулера стал известен Альену, само их знакомство предстало в ином свете. Отважная девчонка бросилась ему на помощь, видя численное превосходство разбойников. Молодой человек не мог не признать, что восхищен ею. И все же свою линию поведения он менять не собирался. Во-первых, это раскрыло бы то, что он знает главную тайну Сверчка, а во-вторых, Альен по-прежнему считал, что девице нельзя давать спуску. Даже наказанная, она умудрилась перейти дорогу кровожадному пирату, а что будет, если дать ей волю? Поэтому только два изменения коснулись юной мадемуазель. У нее появилась каюта, и Рени получил от хозяина запрет на конфликты с мальчиком.

— Говори мне, я сам разберусь, — велел Литин, Рени деваться было некуда.

Сама Тина некоторое время терзалась подозрениями, что Альен догадывается об ее истинном происхождении, однако ничего не менялось. Молодой человек все так же посмеивался над ней, если девушка давала ему повод, и мадемуазель Лует успокоилась. Правда, каюта несколько смутила ее, но объяснение, что Сверчок, по сути, еще ребенок и что наниматель несет ответственность за свою прислугу, пришлось ей по душе, вновь успокоив всколыхнувшиеся подозрения.

— Доброе утро, — улыбнулась Тина солнечному зайчику на стене. — Сегодня будет чудесный день?

— Будет, если поднимешь свой королевский зад с постели и принесешь господину Альену завтрак, — послышался из-за двери голос Рени.

— Ты под дверями стоял? — изумилась девушка, глядя на дверь.

— Да, ваше величество, — язвительно ответил мужчина. — Всю ночь ждал, когда вы глазоньки откроете.

— Тогда принеси мне горячий шоколад и свежую булочку с клубничным джемом, — осклабилась Тина, не спеша откидывать одеяло.

— Живо вставай! — рявкнул Рени, и мадемуазель Лует услышала сердитые удаляющиеся шаги.

— Осел, — проворчала девушка, поднимаясь с койки.

Теперь ей не приходилось беспрестанно оглядываться, чтобы убедиться в отсутствии случайных свидетелей, и ухаживать за собой стало намного проще. Умывшись, одевшись и причесавшись, Тина поспешила на камбуз. Барту встретил ее неприветливой миной, он все еще обижался за пустой навет, а девушка не могла сознаться в истинной причине своей хвори.

— Доброе утро, господин Барту, — произнесла Тина.

— Завтрак для хозяина там, — не глядя на нее, указал кок на приготовленный поднос.

— Сегодня чудесный день, — попробовала подлизаться мадемуазель Лует.

Мужчина промолчал, и Тина решила не сдаваться. Она подошла ближе и поставила локти на стол, подперев щеки кулаками.

— Что готовите? — спросила она.

— Лично для тебя — добрую порцию яда, — едко ответил Барту. — Чтобы уж точно моя стряпня тебя в бараний рог скрутила.

Мадемуазель Лует виновато потупилась.

— Ну простите же меня, господин Барту, — заканючила она, шмыгая носом. — Должно быть, солнце мне напекло голову, вот живот и разболелся, а я брякнул по дурости...

— Вот-вот, по дурости. Этого у тебя по самую маковку, — проворчал мужчина.

— Я больше никогда не скажу про вас и вашу стряпню гадости, честно-честно, — клятвенно заверила его Тина, приложив руки к груди. — Пусть меня на дно утащит дьявол, а черти жарят на огромной сковороде, если я вру!

Барту скосил на парнишку глаза и усмехнулся.

— Неси завтрак хозяину, а то он тебя поджарит раньше чертей, — все еще ворчливо произнес кок, но было заметно, что он немного оттаял.

Тина чуть не поцеловала мужчину в щеку, но опомнилась, что она не девчонка, поэтому просто кивнула и протянула руку. Кок снова усмехнулся, но протянул руку в ответ, и мир был скреплен рукопожатием. После этого Тина схватила поднос и поспешила к Альену Литину, не желая попадать под новое наказание — до Тарвана оставалось меньше недели.

Мадемуазель Лует выскочила на палубу, сияя счастливой Улыбкой.

— Сверчок, где там притаились неприятности? — крикнул Рябой Жайон.

Тина повернула голову в его сторону, не заметила каната и полетела на палубу, грохоча посудой и опустевшим подносом.

— Они были под носом, — захохотал другой матрос.

— Да что же ты за ходячее бедствие?! — воскликнул за ее спиной Барту, выглядывая с камбуза.

— Сверчок, глаза нужно открывать, как только просыпаешься, — смеялся Рябой.

— Ими еще нужно уметь пользоваться, — усмехнулся боцман.

— Руки-крюки, — сплюнул в сердцах кок, отправляясь заново готовить завтрак.

Красная, как свекла. Тина вскочила на ноги, озираясь по сторонам. Кулаки ее сжались, и девушка топнула ногой, но тут же взвыла и запрыгала на месте.

— Да что ты с ним будешь делать, — всплеснул руками господин Лериа. — Теперь ногу осколком порезал. Прыгай сюда, недотепа, осмотрю.

От досады Тина готова была разреваться. Да что же это такое?! Теперь кругом виновата, еще и порезалась! На палубе появился Рени, он оглядел место происшествия и поспешил назад.

— Ябедничать побежал, — сварливо отметила девушка. — Огузок.

И действительно, вскоре на палубе появился Аьен Литин. Он подошел к своему маленькому слуге, перед которым присел боцман. Внимательный взгляд остановился на кровоточащей ране.

— И как ты это делаешь? — не без любопытства спросил молодой человек. — Похоже, чтобы не попасть ни в какую историю, тебе лучше всего сидеть в каюте. Горе ты мое.

Аьен поднял девушку на руки, отчего ее щеки вновь стали пунцовыми от смущения.

— Я сам, — почти шепотом произнесла она.

— Сам ты уже сделал все, что мог, — усмехнулся молодой человек и строго добавил, как только Тина попыталась избавиться от его помощи: — Не дергайся. Иначе сниму штаны и выпорю у всех на глазах. Глядишь, через зад добавится сноровки и разума.

— Меня уже пороли, не помогло, — проворчала мадемуазель Лует, но вырываться перестала — угроза оказалась действенной.

— Тебя пороли? Должно быть, пару раз ладонью хлопнули? — с улыбкой спросил Аьен, открывая дверь в свою каюту.

— Угу, — промычала Тина. — Чтоб вас так хлопали. Ремнем! Я потом неделю сидеть не мог.

— Врешь? — прищурился мужчина.

— Чтоб я сдох! — жарко заверила его девушка.

Аьен рассмеялся и усадил ее на стул. Тина удивленно наблюдала за тем, как ее наниматель открывает свой саквояж, достает свернутый бинт и какое-то лекарство. Мадемуазель Лует ничего не боялась, почти ничего, но перед докторами отчаянно пасовала и сбегала от них при каждом удобном случае. Ей было проще ввязаться в драку, чем выпить горькую настойку или помазать ранку шипучим лекарством. А как-то ей зашивали рваную рану на бедре, когда девушка неудачно спрыгнула с забора, напоровшись на

здоровенный гвоздь, вот тогда Тина устроила целое представление, и папенька, бранясь на трусиху, лично держал ее, не позволяя дать стрекача.

— Будет больно? — нервно спросила девушка, не спуская взгляда с флакона.

— Еще как, — без тени улыбки ответил Аьен. — Полноги сразу отвалится.

— Не на-а-адо, — жалобно заскулила Тина.

Однако это делу не помогло, только снова развеселило молодого человека.

— Как интересно, — заметил он с улыбкой, подставляя таз под ногу девушки, — значит, кинуться на разбойников в ночном лесу ты не боишься, а простая обработка раны приводит тебя в ужас?

— Докторов придумал дьявол, — уверенно заявила Тина.

Аьен рассмеялся, поднимая кувшин с водой и поливая на ногу мадемуазель Лоет. Девушка кусала губы, не зная, куда себя деть, пока ее наниматель собственными руками смывал кровь и грязь со ступни. Руки его оказались на удивление... приятными. Касался ступни мужчина бережно, стараясь не сделать больно, чем окончательно привел девушку в смятение. Аьен поднял голову, отметив страдальческую мину своей пациентки, и сразу же опустил глаза, пряча очередную улыбку. Ему было приятно смущение девушки, уверявшей, что она мальчик. «Любопытно, сколько ей лет на самом деле?», — подумал Аьен. — «Если учесть, что она девица, то на взгляд... лет шестнадцать-восемнадцать, хоть бы так». Последняя мысль смутила самого молодого человека, и он мотнул головой, отгоняя ее.

— Ай, — вскрикнула Тина.

— Прости, — пробормотал Аьен, сообразив, что сжал рану. — Это случайно.

Он все так же осторожно промокнул кожу ступни чистым полотенцем, затем взялся за флакон, бросив быстрый взгляд на Девушку. Теперь мадемуазель Лоет была белой как снег, взгляд ее оказался прикован к флакону, от бывшего смятения ни осталось и следа.

— Ох, маменька, — прошептала девушка, отчаянно жмурясь.

— Глупышка, — рассмеялся Аьен и поспешил исправиться, — какой же ты глупыш, Сверчок.

Тина всхлипнула, но, хвала Всевышнему, не позволила себе распустить нюни. А через пару мгновений облегченно вздохнула: лекарство не щипало. Литин перевязал ногу и поднял взгляд на мадемуазель Лоет.

— Вот и все. Ты выжил?

— Кажется, да, — прошептала Тина.

— Тогда будем завтракать, — весело ответил Альен, убирая таз и кувшин. — Рени!

Несмотря на то, что слова нанимателя вызвали в душе мадемуазель Лует странное волнение и она спрятала глаза под длинными ресницами, в душе Тина не могла не позлорадствовать, что Огузок лопнет от ярости, когда узнает, что прислуживать ему придется не только хозяину, но и Сверчку. «Не плюнул бы в тарелку», — забеспокоилась девушка. Она заерзала на стуле, чем привлекла внимание Литина. Он чуть приподнял брови, вопросительно глядя на Тину.

— Я, пожалуй, пойду, — неуверенно произнесла она. — Я не голоден, честное слово.

— Глупости, — отмахнулся Альен. — Ты недавно встал, еще не завтракал. К тому же сейчас ты не в том состоянии, чтобы мотаться по кораблю.

— Я вам баба, что ли?! — возмутилась Тина.

— Конечно, не баба, Сверчок, — улыбнулся молодой человек. — Какая же ты баба? — «Ты девица», — закончил он про себя, но вслух сказал иное: — Ты будущий мужчина, Эмил, а чтобы быть сильным мужчиной, тебе стоит хорошенько питаться сейчас, пока ты еще мальчишка.

В это мгновение раздался стук, и в каюте появился Рени. Он мазнул равнодушным взглядом по Тине, хранившей на лице не менее непроницаемое выражение, и склонил голову, едва ли не с обожанием глядя на хозяина.

— Вы меня звали, господин Альен? — пропел Рени.

— Да, идем, — коротко ответил молодой человек и подмигнул девушке, в изумлении округлившей глаза.

— Куда? — опешил старший слуга.

— На камбуз, Рени, на камбуз, — усмехнулся господин Литин, не скрывая иронии. — Сегодня ты обслуживаешь меня, а я — своего воспитанника.

— Кого?! — в один голос возопили Рени и Тина.

— Воспитанника, — ехидно повторил Альен.

Мадемуазель Лует поднесла два пальца к виску и с чистой совестью «застрелилась»: вот только воспитателя ей сейчас и не хватало. Молодой человек иронично хмыкнул, заметив «самоубийство» недавнего слуги, и первым вышел из каюты. Одарив паренька тяжелым мрачным взглядом, за

ним последовал вновь единственный слуга своего хозяина — Рени. И, как только дверь за мужчинами закрылась, Тина застрелилась еще три раза, затем удавилась на невидимой петле и, должно быть, для верности задушила себя собственными руками, от души сложив гневную тираду.

Воспитанник? Какой воспитанник? За что?! Что она такого сделала господину Литину, чтобы стать его воспитанником? Глаза девушки сузились. Она вдруг увидела коварный план. Конечно, каюта, стало меньше работы, эта неожиданная забота — да он считает ее, Адамантину Лоят, неженкой! Белоручкой! Слабаком!!!

— Я не слабак! — гневно воскликнула Тина и с силой ударила кулаком по столу, но попала по его краю и, взыв, отчаянно затрясла рукой. — Меня точно сглазили, — мрачно подвела итог всему произошедшему девушка. — Этот хмырь и сглазил. У-у-у, дьявол синеглазый. И смотрит еще так... так... — определения она не смогла подобрать, только вздохнула и повторила совсем тихо. — Он так смотрит...

Тина вспомнила, как Альян присел на корточки, опираясь одним коленом о пол, как осторожно, даже трепетно он промывал ее рану, вспомнила улыбку на губах молодого человека, когда он поднимал на нее взгляд. Что-то незнакомое и странное шевельнулось в груди, впервые вызывая желание не нестись куда-то сломя голову, а задержаться рядом. Сесть где-нибудь в уголке и понаблюдать оттуда за тем, как Альян Литин пишет или читает, просто послушать звук его голоса и увидеть эту улыбку. Не насмешку, не его ироничную ухмылочку, а именно ту улыбку, что была на его губах совсем недавно...

— Дьявол меня дери, что за сопли?! — потрясенно спросила себя мадемуазель Лоят.

На ум ей пришло прочитанное перед отъездом из отчего дома: «О, Алиная, как же я восхищен вашими чудесными волосами». Девушка машинально подняла руку, потрогала свои остриженные волосы и скривилась. «Они подобны водопаду в горах, а ваш смех так же хрустален, как его чистые струи». Тина вспомнила свой смех и преисполнилась сарказма. Папенька говорил, что она смеется заразительно и звонко, но когда мадемуазель Лоят расходилась, смех переходил в «возмутительные похрюкивания», как мог бы сказать его светлость. А порой ее смех напоминал вопли умирающей чайки, так ей говорил Сверчок, но это было дружеским подтруниванием, и девушка не обижалась на друга.

— Я восхищен вашими волосами, — кривляясь, вполголоса передразнила Тина. — Тут, вон, и восхищаться нечем. — Девушка застыла с непередаваемой гримасой на лице, как только до нее дошло осознание

происходящего кошмара — она позавидовала героине любовного романа. Любовного!

— Фу-у-у, какая мерзость, — с отвращением протянула мадемуазель Лоев.

Позор! Какой позор! До чего она докатилась?! Не-ет, нужно срочно это прекращать. С чего вдруг вспомнились эти бредни, написанные для таких дур, как кривляка мадемуазель Нири и ее подружки? Но додумать, почему она пала столь низко, Тина не успела, потому что открылась дверь, и в каюту вернулся Альен Литин. На лице он сохранял невозмутимое выражение, но в глазах вновь мелькнула ирония, стоило ему взглянуть на новоявленного «воспитанника». Альен поставил поднос на стол и нажал на подбородок Тины указательным пальцем, закрывая рот.

— Мух ловишь, Сверчок? — поинтересовался мужчина.

— Здесь нет мух, — ответила мадемуазель Лоев.

— Конечно нет, — покладисто кивнул Литин. — Ты же уже всех переловил. Наелся, или все-таки вкусишь и человеческую пищу, лягушонок?

Вот теперь всякие бредни из любовных романов покинули голову Тины. На нее смотрел уже не тот Альен Литин, от взгляда которого отчего-то пересыхало во рту и казалось, что сам воздух вокруг становится плотней и гуще. Сейчас на нее смотрел ее прежний хозяин, который изучал дьяволовы дыры. Вспомнив про этот казус, Тина хмыкнула. Сейчас ей выходка молодого человека показалась забавной. Мадемуазель Лоев попыталась успокоиться, но вместо этого представила, как должно было выглядеть произошедшее со стороны, и расхохоталась в полный голос. Хвала Всевышнему, не хрюкая, и не походя на умирающую чайку.

Рени, как раз вошедший вслед за хозяином, остановился на пороге и побагровел, пронзая Сверчка взглядом, как булавкой. Альен так же застыл, в недоумении рассматривая веселящуюся девушку.

— Дьяволы ды...дыры, — сдавленно выдавила Тина, сгибаясь пополам. Смех ее стал вовсе беззвучным, только тело сотрясалось в конвульсиях, и слезы градом катились по лицу. — Дь...дья...вол...ыры-ы, — вновь донеслось до замерших мужчин, и Альен расслабился, усмехнувшись.

— Спокойно, Рени, наш Сверчок только что посмотрел на старую историю с новой стороны, — пояснил он слуге, а Тина подтвердила:

— Стороны, — это было единственное, что она осилила, все-таки хрюкнула и замолчала, краснея и опуская глаза. — Простите, — произнесла девушка, попытавшись отдышаться.

Литин ничего не ответил. Он повернулся к слуге, решив забрать у него поднос и отправить мужчину восвояси, но столкнулся с неожиданным препятствием — Рени поднос отдавать не спешил.

— Я сейчас накрою, господин Альян, — заискивающе улыбнулся слуга.

— Сам накрою, ты свободен, — решительно отказался Альян, потянув на себя поднос.

— К чему вам утруждаться, — заупрямился Рени, потянув поднос в свою сторону. — Я сейчас все мигом сделаю.

— Да я и сам с руками, — возмутился молодой человек, пытаясь отобрать поднос.

— Вы с руками, а я со сноровкой. Кого вы лучше меня найдете? — возразил Рени, и господин Литин взорвался.

— Да ты ополоумел вконец?! Ты бы так на разбойников кидался, как с мальчишкой сражаешься! — воскликнул он.

— А на этого недомерка вы не кричите, — обиженно скривился слуга.

— Прости, дорогая, — издевательски склонил голову Альян, тут же сменив издевку на гневный блеск в потемневших синих глазах. — К дьяволу, Рени! Что за сцена ревности?! Ты себя с мальчишкой равняешь? Пошел вон!

— П-п-простите...

— Во-он! — заорал Альян и едва успел выхватить из рук Рени, резко повернувшегося к двери, поднос. — Дом безумных! — уже тише воскликнул он, ставя поднос на стол и глядя на ухмыляющегося Сверчка.

Тина тут же скромно потупилась, решив за благо промолчать, чтобы не попасть под горячую руку. Молодой человек покачал головой, проворчав нечто невразумительное, и выдохнул, приводя мысли в порядок. Составив с подноса свою порцию завтрака, Альян посмотрел на девушку. Начинать завтракать она не спешила: сидела, опустив голову, сплетая и расплетая пальцы.

— Ешь спокойно, к твоему завтраку я Рени не подпустил, — усмехнулся Альян.

— Благодарю, — кивнула Тина.

Она развернулась к столу, бросила быстрый взгляд на мужчину и рассердилась на себя. Да что такое, в конце концов? Она Лоят или мямля?! Лоят! Гордо расправив плечи, девушка взялась за еду, стараясь больше не обращать внимания на соседа по столу. Вести себя запросто Тине было отчего-то стыдно. Она убрала со стола локти, подняла взгляд на Альяна и произнесла:

— Приятного насыщения, господин Литин, — пожалуй, его сиятельство мог быть внучкой вполне доволен. Она не позволила себе ни единой вольности, не желая выглядеть поросенком в глазах своего нанимателя, но главное, это нисколько не злило ее. Напротив, мадемуазель Лоет вдруг захотелось показать, что ей тоже знакомо слово «манеры».

Завтрак проходил в тишине. Стоило начать есть, и Тина поняла, что сильно проголодалась, поэтому вопрос насыщения собственного желудка занял главенствующее место, что, впрочем, не позволило ей забыть о правилах хорошего тона. И, наверное, впервые девушка даже гордилась собой, что спокойно ела, а не пыталась по-быстрому натолкать пищу в рот и умчаться на поиски новых забав и развлечений. Она не томилась обязанностью сидеть подле своего нанимателя, в то время как без нее кипела жизнь на палубе. Можно сказать, что мадемуазель Лоет отдыхала.

Альен Литин так же не спешил начать разговор, он наблюдал за своей гостьей. Молодой человек отметил, что девушка умеет вести себя за столом, хотя при первом знакомстве ее, верней Сверчка, в этом было заподозрить затруднительно. К тому же, если откинуть в сторону брань и просторечные выражения, которыми мадемуазель не гнушалась, в ее речи проскакивали фразы, говорившие о том, что она отнюдь не из простой семьи. Это же подтверждали и другие детали, подмеченные Альеном. Почерк девушки был аккуратным, писала она без ошибок, значит, чистописанием с ней занимались много и часто. Также она имела предпочтение в книгах — об этом лже-Сверчок как-то обмолвилась, говоря о неприятии любовных романов. Также высказалась о нелюбви к стихам, но выразила восхищение по поводу известного приключенческого романа, сказав, что это одна из интереснейших книг. Были и иные увлечения у мадемуазель Таинственность, как именовал ее про себя Альен. Оказалось, что ее занимает астрономия, а география — один из ее любимых предметов. Весьма странные предпочтения для девушки... были бы, если бы не ее всепоглощающая любовь к морю и мореплаванию.

В результате господин Литин мог предположить, что девушка сбежала из семьи если не аристократической, то принадлежавшей к среднему сословию, где детям стремились дать благородное образование. Чтобы не просто полюбить море, а иметь представление о корабельных работах, она должна была жить рядом с морем. К тому же ее речь это подтверждала. Либо в ее доме работал бывший моряк, но эту версию Альен откинул, посчитав несостоятельной. Мадемуазель не просто слышала о жизни на кораблях, она явно была тому свидетелем. Значит, жила в городе, где есть порт. Девушка упоминала Кайтен... Вполне возможно, потому что это был

второй город, ближе всего находившийся к месту их встречи.

«Кто же ты, таинственная незнакомка? — в который раз задал этот невысказанный вслух вопрос господин Литин. — И сколько тебе лет?» Очень хотелось верить, что девушка если и не достигла брачного возраста, то близка к этому. Впрочем, уровень знаний, которые она иногда обнаруживала, давал практически уверенность, что возраст ее отнюдь не детский. «Мне-то это на кой черт?» — рассердился на себя молодой человек. Чтобы отвлечься от странных мыслей, Альен решил нарушить тишину.

— Нам вновь придется прервать наши занятия, пока не заживет твоя нога, — произнес он, поглядывая на заметно приунывшую девушку. — Но ты уже немало достиг за эти пару недель.

— Мало, — вздохнула мадемуазель Лует. — Мы очень мало занимались.

— А что ты хотел за сантал? — пожал плечами Альен.

— Что?! — возмущенно воскликнула Тина. — Да как вам не совестно, хозяин! Вы же меня по миру пустите!

— Тихо-тихо, — рассмеялся молодой человек, поднимая руки в примиряющем жесте. — Я пошутил. Могу и вовсе с тебя не брать плату... как со своего воспитанника.

— Идет, — согласилась девушка, улавливая в произнесенной фразе самое примечательное — бесплатно. — Вы мне должны семь с половиной санталов.

— Вот это хватка, — искренне восхитился Литин, весело поглядывая на мадемуазель, на чьем личике появилось выражение лица ростовщика, выгодно обтяпавшего дельце. — И ведь даже в душе не дрогнет, что его освободили от работы, дали пищу, кров...

— Семь с половиной санталов, — добавила Тина, и Альен расхохотался.

Мадемуазель Лует спрятала улыбку за салфеткой, промокивая уголки рта. Оказалось, что вот так сидеть и разговаривать с чужим, по сути, для нее мужчиной весьма легко и приятно, особенно когда не нужно стараться не наделать ошибок, чтобы не попасть под наказание. Кстати...

— Господин Альен, я хотел вас спросить, — сказала Тина, откидываясь на спинку стула.

— Спрашивай, — милостиво разрешил мужчина.

— Почему мы больше не посещали каюту капитана? Мы ведь так и не нашли, что хотели, — заметила мадемуазель Лует.

— Во-первых, после того единственного раза ты был нездоров, а во-

вторых, мы ведь можем обойтись и без набегов на обителище любезного господина Верта, — улыбнулся Альен. — Скоро мы прибудем в Тарван и там найдем все, что нам нужно. Ты ведь не откажешься составить мне компанию? — его глаза лукаво блеснули, и молодой человек испытал удовлетворение, заметив, как в глазах мадемуазель заискрилась радость. — Правда, в первый день мне придется заняться своими делами, но как только освобожусь, я буду в твоём распоряжении. Если готов терпеть нудные и малопонятные разговоры, то предлагаю сначала вместе отправиться по моему делу, а после уже по нашему.

— Я весь ваш с потрохами, — провозгласила Тина.

— Беру, — азартно воскликнул Альен и снова рассмеялся.

Зачем он позвал с собой девушку, молодой человек не мог ответить даже себе, но неожиданная идея пришлась ему по душе. И теперь оба — и Альен, и Тина — с нетерпением ожидали прибытия в Тарван.

Глава 16

Порт-Домасо оказался огромным городом, гавань же его не уступала, а даже превышала размерами гавань родного Тине Кайтена. Девушка не покидала палубу все то время, пока «Алиани» приближалась к тарванскому берегу. Она не сводила восторженных глаз с очертаний города, разраставшегося с каждой минутой все больше и больше. Девушка задрала голову, услышав крик чайки, и радостно улыбнулась. Оказывается, она уже успела соскучиться по этим крикливым и неприхотливым птицам, засиживавшим помойные ямы в Кайтене. В Пьене Тина даже внимания на них не обратила, в Порт-Дайоне была слишком увлечена желанием сойти на берег, а вот сейчас почувствовала, что соскучилась. Она помахала чайкам рукой и легко вздохнула. Как же хорошо. Что ни говори, но, проведя некоторое время вдаль от суши, даже приставая к чужому берегу, ты словно возвращаешься домой.

И все же море ее не разочаровало. Душа мадемуазель Лует жила вместе с волнами, пела вместе с ветром, наполнявшим паруса, расцветала вместе с зарей и умиротворялась, когда над одинокой шхуной зажигались звезды. Тина любила смотреть на ночное небо, отыскивая знакомые созвездия. По ним она училась ориентироваться, вспоминая уроки господина Бержара. Понимая, что ее знания пока скудны, девушка собиралась заниматься астрономией в будущем. Впрочем, теперь она знала точно, что всеми правдами и неправдами будет знакомиться и с морской наукой, потому что мечты — хорошо, но в действительности она себя чувствовала мадемуазель Нири, с умным видом рассуждавшей о том, о чем имела смутные представления. И пусть Тина кое-что уже понимала, но это были всего лишь жалкие крохи того, что она хотела знать и уметь.

На подходе к гавани «Алиани» остановил корабль прибрежной сторожевой охраны. Офицеры Тарванского королевства поднялись на борт шхуны. Они осмотрели корабль, людей, долго и нудно выспрашивали, кто, откуда и с какими целями прибыли на берег Тарвана. Наконец Альен Литин отозвал в сторону старшего офицера, и вскоре тот жизнерадостно улыбался, желая команде приятного пребывания на земле их славного королевства. Путь в гавань был открыт.

— Мздоимцы, — покачал головой Мартель, глядя на «сторожевик». — Тьфу, чтоб их дьявол драл.

Взятка офицерам не отменила уже знакомого Тине ритуала. «Алиани»

остановилась посреди гавани, и шлюпка, в которой сидели капитан Верта и Альен Литин, отчалила от шхуны, чтобы получить разрешение на стоянку и заплатить налог. В этот раз капитан опять вернулся один, отчего мадемуазель Лоет помрачнела, подозревая, что Альен уже отправился в город, забыв о ней. Однако переживала она зря.

Вскоре после того, как «Алиани» бросила якорь у причала, появился и господин Литин с парой свертков в руке. Их он бросил Тине, и девушка ловко поймала оба, удивленно глядя на молодого человека.

— Мы идем в приличный дом, переоденься, — пояснил тот, направляясь к себе в каюту. — С размером вроде угадал. Да, и не забудь надеть башмаки... и почисти их. Мой воспитанник должен выглядеть опрятно, грязнулю с собой не возьму.

— Обещаю пятерней не расчесываться, — хохотнула Тина и поспешила вслед за Альеном.

Молодой человек остановился, обернулся к девушке и с улыбкой встрепал ей волосы. Затем поддел кончик носа согнутым пальцем:

— Буду ждать минут через десять, не задерживайся.

— Еще кто кого ждать будет, — проворчала Тина и протиснулась мимо Литина, не глядя на него.

Мадемуазель Лоет закрылась в своей каюте, с любопытством и даже возбуждением, какого не испытывала от покупок новых платьев, раскрыла свертки. В первом она нашла белоснежную рубашку с кружевными манжетами, мужские чулки и шелковый галстук. Во втором лежали бордовые бриджи и жилет, составлявшие пару. Хмыкнув, Тина стянула с себя одежду, в которой ходила на корабле, как следует умыла руки и лицо, почистила ногти. Опомнилась и достала башмаки. Когда девушка закончила чистить обувь, ей пришлось снова мыть руки, и лишь после этого Тина приступила к одеванию.

Она стянула штанины бриджей внизу тесемками, завязывая кокетливые бантики, застегнула жилет, имевший прямой крой и хорошо скрывающий признак ее настоящего пола, расправила манжеты и, взявшись за гребень, тщательно расчесала волосы. После собрала их в короткий хвост. Вновь оправившись, Тина пожалела, что у нее нет большого зеркала, чтобы оценить себя со стороны. Единственное, что ей сделать не удалось, — это завязать галстук. Стук в дверь застал ее за решением возникших трудностей.

— Благородная девица, вы готовы? — насмешливо спросил Альен Литин.

— Сами вы девица, — проворчала девушка, открывая дверь и

показывая галстук. — Я не умею их красиво завязывать. Могу как платок...

— Дай сюда, — ответил мужчина. — Я так и думал, что с этим возникнут трудности, потому и пришел.

Пальцы Альена ловко справлялись с галстуком, завязав на нем франтоватый узел. Затем молодой человек воткнул в галстук жемчужную булавку, оглядел своего «воспитанника» и удовлетворенно произнес:

— Ну, вот, совсем другое дело: хороший мальчик, а не разбойник с большой дороги.

Тина решила оставить очередное ироничное замечание без ответа, скромно улыбнувшись в ответ, как и полагается хорошему мальчику.

— За мной, Эмил, — провозгласил Альен и первым направился прочь из каюты мадемуазель Литин.

Девушка последовала за ним, отмечая, что молодой человек тоже переделался в дорогой костюм, рука в светлой перчатке сжимала набалдашник модной нынче трости. Выглядел Альен респектабельно, вдруг став каким-то незнакомым. Мужчина, почувствовав ее взгляд, обернулся и весело подмигнул. Тина улыбнулась и расслабилась, минутная настороженность перед этим великолепным незнакомцем исчезла, будто ее и не было. Зато стало понятно, зачем ему понадобилось ее наряжать. Странно бы они выглядели рядом, если бы мадемуазель Лует осталась в своей серой рубаше, широких бриджах и жилете, на котором уже были заметны следы его каждодневной носки.

— Сверчок, да ты настоящий фронт, — добродушно рассмеялся господин Лериа. — Загляденье просто. Смотри, не разбей сердца местных девчонок.

— Ничего не могу обещать, — усмехнулась Тина. — Но на мое сердце они точно могут не рассчитывать.

— Жесто-окий, — протянул боцман, вновь рассмеявшись.

Недалеко от сходней их ждал экипаж, за которым успел сбегать Рени. Кучер приветливо улыбнулся, оценив опытным взглядом богатых пассажиров. Он подождал, когда в карету сядет мальчишка, пропущенный вперед молодым господином, затем заберется и сам господин. Рени закрыл дверцу, и экипаж тронулся с места, провожаемый сопением слуги, которого оставили заниматься делами.

Карета катила по мощенным булыжником мостовым Порт-Домасо. Тина с нескрываемым интересом рассматривала незнакомые ей улицы, людей, дома. Радостное возбуждение переполняло ее: девушка так давно мечтала увидеть страны, названия которых знала только по карте. Если не считать Тригара, папенька с маменькой никогда ее больше не возили, их

морские путешествия ограничивались только морем. И вот Тарван — и Тина может вдыхать его воздух, смотреть на жизнь на чужой земле и даже почувствовать себя ее частью. Это было... это было восхитительно!

Альен Литин, сидевший напротив девушки, наблюдал за ней. В его глазах так же легко читался интерес, только был он направлен не на город, а на соседку по экипажу. Молодой человек рассматривал профиль мадемуазель Таинственность, сейчас не скрытый волосами, и ему пришлось по душе то, что он видел. Нежные девичьи черты, подсвеченные изнутри огоньком азарта. Девушка не скрывала своих чувств, они читались на ее лице, словно оно было книгой, и эта открытость и непосредственность нравились Альену. Он любовался своей знакомой незнакомкой. Молодой человек больше не видел в ней ничего похожего на мальчика.

Даже в этом наряде, который помог скрыть любой намек на женственность, девушка оставалась девушкой, с присущей всему женскому полу мягкостью черт и нежностью кожи. А с цветом костюма он угадал, отметил про себя мужчину. Бордовый шел мадемуазель. Впрочем, она нравилась ему и в своем повседневном виде, придававшем облику нечто задорное, даже разбойничье. И это тоже умиляло Альена. С удивлением он понял, что становится равнодушен к ней. Литину вдруг отчаянно захотелось взять девушку за руку, провести ладонью по ее щеке, задев краешек губ...

— Дьявол, — с досадой прошептал молодой человек и тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Тина повернула голову, вопросительно взглянув на Альена. Он отрицательно покачал головой и отвернулся к другому окну, но вскоре вновь смотрел на девушку, уже забывшую обо всем и вновь любовавшуюся видами, которые проплывали за окошком наемной кареты.

— Смотрите, господин Литин, — встрепелась вдруг Тина, указывая куда-то.

Альен пересел на ее сторону и взглянул на то, на что показывала девушка. Там оказался всего лишь шарманщик, каких бродило множество по дорогам их родного королевства. Но перед ним танцевала девочка с большим бантом на кудрявой голове. Шарманщик держал в руках поводок, к которому была привязана обезьянка, обходившая зевак с небольшой красочной коробкой в лапах. Люди кидали деньги в коробку, гладили обезьянку, и она приседала в подобии реверанса, веселя местную публику.

— Хочешь посмотреть поближе? — спросил Альен, опуская взгляд на макушку мадемуазель.

— А можно? — она вскинула голову, и их лица оказались неожиданно близко.

— Можно, — ответил молодой человек, спешно пересаживаясь на прежнее место.

Он заметил, как заалели щеки девушки и она спешно вернулась к созерцанию шарманщика, девочки и смешной обезьянки. Альян дернул шнурок звонка, карета остановилась. Мужчина вышел первым, велел кучеру на тарванском ждать их. Тот понятливо улыбнулся — маленькое представление он тоже приметил.

— Идем, — позвал Литин, и Тина поспешила выбраться наружу.

Она первой направилась в сторону шарманщика, обогнав молодого человека. Мадемуазель Лует сунула руку в карман жилета и досадливо поморщилась, сообразив, что ее деньги остались на «Алиани», а так хотелось, чтобы обезьянка и ей поклонилась. Уголки губ девушки опустились вниз, но в это же мгновение перед ней появилась рука Альяна с несколькими монетами. Тина вскинула на него глаза, увидела улыбку и одобрительный кивок и взяла все монеты, забыв спросить, не хотел ли мужчина также поблагодарить шарманщика и девочку. Альян хмыкнул, глядя, как вновь расцветает личико его попутчицы.

— Эмил, — позвал он больше для того, чтобы проверить, будет ли услышан.

Девушка обернулась, рассеянно взглянула на Литина и тут же отвернулась, протягивая руку с первой монеткой. Альян негромко рассмеялся — о нем уже благополучно забыли, полностью сосредоточившись на забавной зверушке.

— Иди сюда, — позвала Тина, присев на корточки. — Смотри, что у меня есть.

Обезьянка поковыляла к девушке, вытянув губы.

— У, — произнесла она, останавливаясь.

Тина бросила монетку в коробку и, протянув руку, погладила животное.

— Какая ты красивая, — приговаривала мадемуазель Лует, — какая у тебя юбочка.

Поводок натянулся, чуть дернув обезьянку, и она послушно поковыляла к хозяину, чтобы отдать ему мелочь. Тина нахмурилась и вновь вытянула руку с монеткой.

— Мужик, — грубовато произнесла она, — я еще не закончил.

Альян повторил ее фразу на тарванском, и шарманщик поклонился, расплываясь в подобострастной улыбке. Обезьянка остановилась рядом с

ним. Шарманщик что-то сказал ей отрывисто и грубо, но животное не сдвинулось с места, показывая зубы и гримасничая.

— Что он говорит? — забеспокоилась девушка, бросив взгляд на своего спутника.

— Велит вернуться, — ответил тот.

Тина следила за тем, как шарманщик указывает пальцем обезьянке в ее сторону. Устав повторять одно и то же, мужчина пнул животное, и обезьяна выронила коробку, рассыпав в пыли монеты. Девочка поспешила их собрать, а в руках шарманщика появилась палка, которой он замахнулся на неловкое животное.

— Потрох свинячий, — прошипела мадемуазель Лует, срываясь с места раньше, чем Альен успел отреагировать.

Девушка подскочила к шарманщику и с ходу впечатала кулак в лицо мужчины. Он вскрикнул и покачнулся, закрываясь ладонями, из-под которых обильно сочилась кровь. Вырвав из рук мужчины палку, Тина ударила его в живот, затем обрушила удар на спину, заставляя шарманщика упасть в пыль лицом, и подняла ногу, собираясь нанести еще один удар. Но к ней с криками бросилась девочка, завизжала обезьяна, а руки Альена Литина подхватили подмышки, оттаскивая разъяренную девушку от скрючившегося на земле шарманщика.

— Он же бессловесную тварь! — задыхаясь от злости, кричала Тина, отчаянно вырываясь из рук молодого человека. — Он же ее палкой! Гнойный прыщ! Чтоб его дьявол драл в...

Ладонь Альена накрыла девушке рот, и молодой человек с силой встряхнул разгневанную мадемуазель.

— Хватит! — рявкнул он. — Прекрати, или мы вернемся на корабль, и я отправлюсь в город один.

— Только последняя дрянь обидит того, кто не может ответить, — зло бросила мадемуазель Лует, но вырываться перестала.

Альен разжал руки, отпуская ее, однако все еще готовый вновь преградить путь сопящей девушке, но Тина одернула жилет, бросила сердитый взгляд на своего нанимателя, затем швырнула оставшиеся монеты в шарманщика, успевшего сесть и теперь вытиравшего кровь, сочившуюся из разбитого носа.

— Эмил...

— Я спокоен, — мрачно провозгласила Тина и первая направилась к экипажу.

Они уже успели отъехать, когда появилась полиция Порт-Домасо. Трое мужчин в черных мундирах посмотрели на шарманщика, махнули рукой и

снова исчезли: ничего серьезного не произошло.

— Ты был прав, — сказал Альян после некоторого молчания. Девушка подняла на него взгляд. — Ты был прав: обижать того, кто не может ответить, — недостойно и мерзко. Шарманщик был слишком груб со своим животным. И все же не всегда стоит кидаться в драку. Тебе нужно научиться смирять свои порывы.

— Но увидеть и промолчать — подло! — воскликнула мадемуазель Лует. — Неужели вы не вступились бы, если бы заметили, что какой-нибудь негодяй избивает женщину, ребенка или немощного старика? Вы прошли бы мимо, качая головой?

— Нет, — вынужден был признаться молодой человек. — Я бы не смог пройти мимо.

— Вот и я не смог, — Тина отвернулась к окну, и больше они не разговаривали, пока наемный экипаж не остановился напротив ворот богатого особняка.

Альян открыл дверцу кареты, первым вышел из нее и обернулся, глядя на девушку. Тина, уже приподнявшаяся с сиденья, чтобы последовать за ним, села обратно.

— Если бы у тебя в руке оказался нож, ты бы убил человека за обезьянку? — спросил молодой человек. Мадемуазель Лует открыла рот, готовая ответить, но снова его закрыла, осознавая полный смысл вопроса. В ее глазах появилось сомнение. — Защищать ведь можно, не зверствуя, не так ли, малыш?

Тина вспыхнула, сердито сверкнула глазами и пулей выскочила из кареты, стремясь скорей спрятаться от мужского взгляда, в котором не было осуждения, лишь желание понять ее. Однако его слова вызвали у нее смесь возмущения и неловкости, от которой щеки пылали, словно спелые вишни, и никак не удавалось справиться с собой. Тине казалось, что она только что получила оплеуху. Было обидно, ведь она все еще считала себя правой и в то же время понимала справедливость слов своего нанимателя, но никак не могла принять их. В ней все еще шла борьба, когда на плечо девушки легла ладонь Альяна Литина, заставив ее вздрогнуть всем телом.

— Успокойся, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть, — мягко произнес молодой человек.

— Я не обиделся, — ответила Тина, стряхивая его руку.

— Ты — открытая книга, мой маленький друг, — едва заметно улыбнулся Литин. — Все твои чувства отражаются на лице и в глазах. Пока ты не научишься сдерживать порывы, ты не научишься владеть собой.

— Я умею притворяться и обманывать, — возмутилась мадемуазель

Лует.

— Ты сейчас хвастаешься тем, что притворщик и лгун? — усмехнулся молодой человек.

— Нет! — воскликнула девушка, снова краснея. — Я не это хотел сказать. — Она сжала кулаки и топнула ногой. — Хватит меня поддавливать, господин Литин!

— Разве я поддавливаю тебя, Эмил? Всего лишь делаю наблюдения и озвучиваю выводы, — ладонь вновь легла ей на плечо, и Альен несильно прижал к себе Тину. — Теперь покажи мне, как ты умеешь притворяться, и скрой свое недовольство за маской доброжелательности и приветливости. Сможешь?

— Смогу, — проворчала мадемуазель Лует, ослепляя мужчину широким оскалом.

— Чуть меньше, — хмыкнул он. — Глаза добрей и не скрежещи зубами, у меня мороз по коже от твоей... улыбки. Вот, это уже ближе к тому, что я хочу видеть. Теперь можем продолжить путь.

Они остановились у ворот, к которым сразу же приблизился привратник. Услышав имя посетителя, он распахнул створы и согнулся в поклоне. Альен чуть приподнял брови, осознавая, что его ждали. Это вызвало у него небольшое удивление. Когда господин Литин-старший говорил, что нужно отправиться в Тарван и он не знает, кому поручить доставку важного письма, Альен предложил себя на роль посланника. Ему пришла по душе идея отправиться в небольшое путешествие. Оно было спонтанным, так как сложности по общему делу с господином Нарсиа возникли неожиданно, поэтому обнаружить, что посланца ожидают, было несколько странным.

Тина шла рядом с молодым человеком, с любопытством озираясь по сторонам. Привратник, закрывший ворота, обогнал гостей и теперь вел их по аллее, усаженной с двух сторон красивыми розовыми кустами, наполнявшими воздух сладким ароматом. На изумрудных ухоженных газонах по обе стороны от аллеи стояли небольшие фонтаны, хрустальный звон которых манил приблизиться и опустить ладони в прохладную воду. Дальше начинались кусты, подстриженные в форме геометрических фигур; что пряталось за ними — мадемуазель рассмотреть пока не удалось.

Недалеко от большого трехэтажного особняка с зеленой крышей, украшенной по углам фигурами мистических созданий, аллея разделилась на две дороги, огибавшие дугами круглую клумбу. Они вновь сходились перед широкой парадной лестницей, ведущей к высоким стеклянным дверям, перед которыми стояли важные лакеи в алых ливреях. Тине

подумалось, что этот дом ничем не уступает дворцу в поместье его сиятельства — ее деда.

Стоило привратнику назвать имя гостя, как лакеи распахнули двери и склонились перед ним. Альен поджал губы, наблюдая столь радушный прием. Раздражение заворочалось в душе, но его причину он пока понять не мог. Молодой человек скосил глаза на свою спутницу, однако Тина была преисполнена любопытства и никаких странностей не замечала. Впрочем, она и не могла заметить. Девушке было невдомек, что Альен впервые в этом доме и о его приезде знать не могли. Единственное, о чем было известно мадемуазель Лоет, — это о партнерстве компании «Литин и сын» и компании владельца этого дома — Алонсо Нарсиа.

В особняке царила приятная прохлада. Гостей провели мимо изящных витых колонн по полу, выложенному черной и белой мраморной плиткой. Лакей указывал дорогу, они свернули в широкий коридор недалеко от лестницы с золочеными перилами. Тина крутила головой, с интересом разглядывая особняк изнутри. В отличие от нее Альен смотрел только вперед, на затылок лакея. Он думал, пытаясь понять, зачем отец разыграл перед ним озабоченность неожиданными сложностями в делах, если в Тарване Альена уже ждали. Значит, не вызовись он сам поехать, то отец бы все равно его отправил. Выходит так.

— Хм... — произнес он вслух.

— Что случилось? — Тина подняла взгляд на молодого человека.

— Меня терзают некие подозрения, — ответил он. — Однако не будем спешить с выводами, подождем, как будут развиваться события.

— Мне быть наготове? — совершенно серьезно спросила мадемуазель Лоет, поддергивая рукава.

Альен усмехнулся и отрицательно покачал головой:

— Сомневаюсь, что тебе сегодня удастся еще раз подраться. Ограничимся шарманщиком.

— Господин Литин! — возмущенно начала Тина.

— Что, господин Мулер? — изломил смоляную бровь молодой человек, с прежней иронией посматривая на девушку.

— Ничего, — проворчала она, поморщившись от досады.

Лакей остановился и открыл дверь, пропуская мужчину с мальчиком в уютную гостиную в светло-бежевых тонах. Он что-то сказал, и Альен кивнул.

— Сейчас хозяин спустится к нам. Ты хочешь пить? Нас спрашивают, не желаем ли мы чего-нибудь, — обернулся молодой человек к своей спутнице.

— Воды, — согласно кивнула Тина, облизав губы.

Литин ответил на вопрос лакея, тот поклонился и оставил их одних. Альен достал из внутреннего кармана сюртука запечатанный конверт и поднял его, рассматривая на свет. Мадемуазель Лует с интересом следила за его действиями. Очередное хмыканье она восприняла уже с любопытством — теперь и девушке стало интересно, что насторожило ее нанимателя.

— Думаю, мы здесь не будем особо задерживаться, — наконец сказал Альен. — Не дольше, чем того требуют приличия.

— Как скажете, хозяин, — кивнула Тина.

Она подошла к каминной полке, на которой стояли часы, постучала ногтем по стеклу, скрывавшему циферблат, и повернулась в сторону молодого человека. Он уже уселся в кресло, поставив рядом трость. Затем стянул перчатки, как показалось девушке, с раздражением и закинул ногу на ногу, уложив перчатки на колено.

— Что вас смущает, господин Литин? — заинтересованно спросила она. — Вы сердитесь.

— Очень заметно? — спросил Альен. — А так?

На губах его появилась вежливая улыбка, черты лица смягчились, и от раздражения, казалось, не осталось и следа.

— Знаете, дорогой наниматель, — задумчиво протянула Тина, — а вы притвора и лгун.

— Когда вынуждают обстоятельства, — парировал молодой человек.

— Совершенно с вами согласен, — важно кивнула девушка. — Когда вынуждают обстоятельства, мы все немного притворы и лгуны.

Она весело подмигнула, и Альен рассмеялся, погрозив ей пальцем. В это мгновение за дверью раздались шаги. Тина метнулась к Литину. На лицах обоих появились одинаковые невозмутимые выражения. На губах Альена заиграла вежливая светская улыбка, мадемуазель Лует просто замерла, сложив спереди руки. Воспитанный господин и хороший мальчик — хоть сейчас на полотно художника.

Как только дверь открылась и в проеме появился невысокий светловолосый мужчина с зелеными глазами, Альен сжал перчатки в ладони и поднялся навстречу хозяину дома. Тина склонила голову, приветствуя господина Нарсиа. Тот, скользнув слегка удивленным взглядом по пареньку, раскинул руки и, жизнерадостно улыбаясь, направился к своему гостю.

— Альен, — это было единственное, что поняла Тина.

Она чувствовала себя глупо, слушая чужой говор и не понимая ни

слова. «Нужно будет заняться языками», — решила про себя девушка. Господин Нарсиа усадил гостя на короткий диван и присел рядом, продолжая пожимать ему руку. Альян осторожно освободился из захвата. На его губах сияла улыбка, но мадемуазель Лоет уже хорошо знала, когда ее наниматель искренен — так вот сейчас его глаза не улыбались. Он наблюдал за хозяином дома и явно чего-то ждал. Оказалось, что он ждал, когда словоохотливый хозяин ненадолго прервется, и протянул Алонсо Нарсиа письмо от своего родителя.

Пользуясь недолгой тишиной, Альян указал мужчине на Тину, представляя ее. Девушка вновь поклонилась, но Алонсо лишь коротко кивнул и вновь сосредоточился на главном госте. Улучив очередную заминку, Литин обернулся к мадемуазель Лоет.

— Наш любезный хозяин приглашает нас присоединиться к нему за обеденным столом, — сказал он. — Обед будет накрыт в саду, в беседке, и нам предлагают выйти на улицу.

Тина пожалала плечами — ей было все равно. Подхватив гостя под руку, господин Нарсиа повел его к дверям; девушка послушно направилась за ними. В какой-то момент ей показалось, что спина Альяна напряжена, а когда он обернулся, чтобы удостовериться, что Тина идет следом, демонстративно закатил глаза, чем вызвал смешок мадемуазель Лоет. Однако развернувшись к хозяину особняка, ответил ему оживленно и с приветливой улыбкой.

Господин Нарсиа провел гостей через другую дверь, и они сразу оказались в саду. Здесь Алонсо остановился и повернулся к Тине.

— Юноша, вы не могли бы мне помочь? — спросил он с легким акцентом.

— Конечно, — опешила мадемуазель Лоет. — Все, что в моих силах.

— О, дорогой мой, это в ваших силах, — рассмеялся господин Нарсиа. — Идемте со мной, я дам вам чертежи, и вы принесете их вашему наставнику. Альян, друг мой, вы ведь позволите забрать у вас мальчика? Это совсем ненадолго. Мне придется немного задержаться, и вы сможете познакомиться с работой моего инженера, чтобы вам не было скучно.

— Да, разумеется. Эмил, я буду тебя ждать здесь, — ответил Литин.

— Зачем же! — воскликнул хозяин особняка. — Идите по этой дорожке — и вы выйдете к искусственному пруду, там чудесно, вам обязательно понравится.

Тина вновь заметила раздражение, мелькнувшее в глазах ее нанимателя, но он не стал спорить и вздохнул как-то обреченно. Господин Нарсиа подтолкнул Тину обратно к дверям, зашел следом и обернулся,

довольно потирая руки и что-то говоря на родном языке. Но вдруг замолчал и бросил настороженный взгляд на «воспитанника» молодого Литина. Тина, следившая за мужчиной, прохладно улыбнулась в лучших традициях старого графа Мовильяра.

— Идем за мной, — бросил ей Алонсо, направляясь к лестнице.

Нарсиа шел неторопливо, словно и не ждал его никто в саду, даже остановился ненадолго, о чем-то разговаривая с лакеем, попавшимся ему навстречу. В кабинете долго рылся в столе, потом смотрел в окно, задумчиво погладил подбородок, и у мадемуазель Лует мелькнуло подозрение, что мужчина просто тянет время. Она кашлянула, напоминая о себе. Господин Нарсиа обернулся и указал ей на стул.

— Присаживайся, мальчик, — сказал он. — Как твое имя? Я запомнил.

— Эмил Мулер, господин Нарсиа, — ответила Тина, укореняясь в своих подозрениях.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Хозяин дома побарабанил пальцами по столу, переложил две бумаги с места на место, зачем-то заглянул в чернильницу и откинулся на спинку своего стула.

— Как давно господин Литин взял тебя на воспитание? — спросил мужчина без особого любопытства.

— Недавно, — уклончиво ответила Тина. — Господин Нарсиа, господин Альян бывает недоволен, когда я нерасторопен.

— Торопиться некуда, — улыбнулся Алонсо. — Альян не будет скучать. Думаю, у него найдется более приятное занятие, чем разговаривать с воспитанником. Хочешь лимонада? Может, пирожное? Ты ведь любишь сладкое?

Тина чуть сузила глаза, пытаясь понять, чем таким приятным сейчас может быть занят ее наниматель. Господин Нарсиа ждал ее ответа, и девушка решительно покачала головой.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Господин Литин запрещает мне перед основными блюдами есть сладости. Он говорит, что я должен питаться так, чтобы вырасти сильным мужчиной.

— А мы ему не скажем? — заговорщически подмигнул Алонсо.

— Он заметит, — возразила Тина. — Господин Литин наблюдательный, сразу поймет, что я что-то ел перед обедом. Простите великодушно, но получать нагоняй от моего наставника совсем не хочется.

— Строгий? — живо заинтересовался мужчина.

Его вопросы не нравились девушке. Тина понимала, что ей всего лишь заговаривают зубы, чтобы задержать подольше в доме. Думать, что на Альяна здесь нападут, было глупо. Хотя... Мадемуазель Лует откинулась назад, по-новому оценивая хозяина особняка. Респектабелен, богат. Такой вряд ли стал бы пачкать свое жилище кровью. Да и ее бы уже отправили к Всевышнему, а не предлагали сладкое, значит, другое. Сад, приятное занятие... Что можно делать приятного в саду? Посидеть в жару в тени? Несомненно, но это было бы невежливо. А Нарсиа из кожи вон лез, чтобы оказать радушный прием. К тому же Литина отправили по определенной дорожке, а не предложили просто погулять по саду, стало быть, там что-то должно произойти. Тревога вновь подняла голову.

— Господин Нарсиа, — беспокойно заерзала Тина. — Если вы не собираетесь искать чертежи, то я, пожалуй, поищу своего наставника.

Она уже поднялась со стула, но мужчина рявкнул:

— Сядь!

Мадемуазель Лует нахмурилась. Она не спешила выполнять приказ хозяина особняка. Вместо этого девушка сделала несколько шагов к двери.

— Вы пытаетесь меня задержать, это наводит на неприятные подозрения, — заметила она.

— Ты на что намекаешь, паршивец?! — возмущенно воскликнул Алонсо. — Альян Литин — сын моего доброго друга и желанный гость в моем доме.

— Однако вы ведете себя странно, — не сдалась Тина.

— Сядь, мальчик, — снова велел мужчина. — Пусть твой наставник немного отдохнет от тебя.

А вот это было даже обидно, и девушка заподозрила, что Альян пожаловался на ее компанию, ведь из беседы двух мужчин она не поняла ни слова. Щеки ее слегка покраснели, осадок от слов Нарсиа оказался неприятным. Даже подозрения в том, что она утомляет своим обществом молодого человека, были болезненными, что весьма удивило саму Тину.

— Давайте поищем чертежи, — глухо предложила она, по-прежнему не возвращаясь на свое место. — Господин Литин не одобрит моего долгого отсутствия.

В конце концов, никто не заставлял Литина тащить за собой своего воспитанника, мог ведь и на «Алиани» оставить, прекрасно отдохнув без него. Однако он взял Тину с собой, значит, не утомлен ею. Эти соображения немного успокоили девушку и придали ей твердости и уверенности в себе.

Мужчина выругался и снова устроил долгие поиски. Наконец он

добыл из шкафа рулон бумаги и подал его мадемуазель Лоет.

— Неси, — проворчал Алонсо, не спеша проводить ее до двери.

Впрочем, это было лишним: девушка схватила свернутые чертежи неведомо чего и поспешила в обратном направлении. Она быстро нашла выход и отправилась на поиски искусственного пруда и своего нанимателя. Много времени это не заняло. Тина шла по пути, который указал Альену хозяин дома, поэтому дорожка привела ее к небольшому водоему. Она огляделась, но не заметила молодого человека. Хмурясь, девушка побрела вдоль берега, пиная ногой маленький камушек.

Неожиданно ее слуха коснулся негромкий женский смех. В груди мадемуазель Лоет появился неприятный холодок. «Приятное занятие» как-то сразу сопоставилось с этим смехом явно молодой девушки. Прижав к себе чертежи, Тина поспешила в ту сторону, откуда доносился звук голосов. По дорожке, уводящей от пруда, шла пара. Своего нанимателя мадемуазель Лоет узнала сразу. Под руку его держала невысокая белокурая девица.

Не привлекая внимания, Тина последовала за ними, прислушиваясь к разговору, он велся на ее родном языке. И если Нарсиа говорил на нем достаточно чисто, то акцент девицы был более заметен.

— Ах, господин Альен, — говорила она, — вы так милый человек. Мне приятно вас знать.

— Госпожа Лусита, если вам сложно говорить на моем языке, давайте перейдем на ваш, — любезно произнес Литин, и Тина сжала кулаки.

— Нет-нет, — покачала головой девушка. — Я хотеть учить ваш язык. Кто лучше говорить на нем, чем вы?

— Как вам будет угодно, — склонил голову молодой человек.

Шедшая чуть позади них Тина с пристрастием разглядывала девичью фигурку, отмечая ее стройность. Светлые локоны струились между лопаток, и мадемуазель Лоет уже не в первый раз подумала о своих коротких волосах. Голос мадемуазель Нарсиа был приятным, нежным, и это взбесило Тину. Имя девушки ей тоже не понравилось. Мадемуазель Лоет состроила гримаску и беззвучно передразнила Луситу.

— Я очень любить стихи, господин Альен, — его имя девушка произносила чисто. Тренировалась, поняла Тина. — А вы любить?

— Любить, — как-то задумчиво повторил Альен, но опомнился и ответил прежним учтивым тоном: — Да, я люблю стихи.

Тина досадливо поморщилась — она стихов не любила. И волосы у нее были короткие, и одежда на ней была мужская. А еще она бранилась, как сам дьявол, и дралась, как уличный мальчишка. Тут же вспомнилось,

как она избивала шарманщика, и краска бросилась в лицо юной мадемуазель. Как же глупо, должно быть, она выглядела! Дьявол... то есть о, Всевышний! Конечно, представить, что вот это вот белокурое воздушное создание будет кому-то чистить рыло, было просто невозможно. Скорей, она бы повалилась в красивый обморок.

— Эмил, ты здесь! — Тина вздрогнула и подняла голову.

Оказалось, что в своих размышлениях девушка перестала слушать беседу и не заметила, как Альен обернулся и увидел ее. На губах молодого человека тут же появилась приветливая улыбка, но ее Тина не заметила, потому что устремила испытующий взор на спутницу Литина. Рассмотрела и готова была заскрежетать зубами. Эта Лусита была просто прелестна!

На свежем юном личике играл милый румянец, яркие зеленые, как у отца, глаза были полуприкрыты золотистыми ресницами, но даже они не скрывали радостный блеск. Пухлые розовые губы обнажали в улыбке белоснежные зубки. В руках Лусита сжимала небольшой томик. Должно быть, Альен застал ее за чтением, разумеется, «случайно». От этой мысли Тина почувствовала незнакомую обжигающую волну. Она пробежала по телу и заставила пылать ее щеки, далеко не от стыда. Мадемуазель Лует была в бешенстве.

— Какой милый ма-альчик, — протянула Лусита, стараясь произнести слово верно. — Почему он красный?

Тина едва не зарычала. Альен поджал губы, внимательно следя за метаморфозами, происходившими с его мадемуазель Таинственность. То, что она злится, молодой человек заметил сразу; это немного удивило его. Он понял, что девушка готова ответить на вопрос Луситы, и поспешил заговорить первым:

— Госпожа Нарсиа, позвольте представить вам моего воспитанника — Эмил Мулер. Эмил, познакомься с дочерью нашего любезного хозяина — госпожа Лусита Нарсиа...

— Мамзель, — прервала его Лусита, — зовите меня мамзель.

— А кто это? — насмешливо спросила Тина.

— Мадемуазель, Эмил, — чуть досадливо пояснил Альен.

— Почему он быть красный? — решила настоять на ответе мамзель.

Тина открыла рот, но Литин опять оказался быстрее.

— Эмил смущен, — ответил он с улыбкой. После бросил быстрый взгляд на мадемуазель Лует и закончил: — Он никогда не видел столь красивой девушки.

— Чего? — опешила Тина.

— О-о, — протянула Лусита и кокетливо стрельнула глазками в

сторону мадемуазель Лует, едва не вызвав этим нервный смешок последней.

— Разумеется, — серьезно продолжил Альен. — Эмил прожил большую часть своей жизни при мужском монастыре, и я решил спасти мальчика от суровой жизни среди братьев. Бедняжка был совершенно изможден тяжелой работой.

— Вы очень добрый, — восхищенно произнесла легковерная Лусита, а мрачная Тина подняла взгляд на молодого человека и увидела, что он веселится. — Ты должен быть благодарен свой наставник, мальчик.

— По гроб не забуду, — пообещала мадемуазель Лует, не сводя многообещающего взгляда с Альена.

Мужчина отвернулся и закашлялся, пряча смех. Это окончательно выбило Тину из колеи. Она подошла к нему и с силой ударила свернутыми чертежами по спине. Литин резво обернулся.

— Муха, — изрекла Тина. — Назойливая.

Она помахала рулоном, задев по носу мамзель Луситу. Та вскрикнула и отпрянула в сторону.

— Эмил просто пытается быть вежливым, — поспешил заверить госпожу Нарсиа Альен.

— Он не осторожность! — воскликнула белокурая девушка, коверкая слова от возмущения еще сильнее. — Идемте одни, Альен. Идемте от этот нехороший Э-эмил.

— Простите, но я несу за него ответственность, — развел руками молодой человек. — Эмил пойдет с нами. Не волнуйтесь, прелестная Лусита, он не помешает нашей с вами беседе.

— Дьявол меня дери, если я пророню хоть слово, — заверила Тина.

Лусита схватилась за сердце, а приступ кашля у Альена был в этот раз дольше и громче. Когда мужчина успокоился, он обернулся к обеим дамам, осмотрел их и протянул руку, предлагая ее Лусите, но та не успела воспользоваться любезностью господина Литина, потому что между ними уже стояла Тина, угрожающе помахивая чертежами. Альен закусил губу, фальшиво вздохнул и снова развел руками на возмущенный взгляд зеленоглазой блондинки.

Они некоторое время шли в молчании. Лусита злилась, Тина хранила на лице каменное спокойствие, а Альен раздумывал над странным поведением своей таинственной мадемуазель. Ее агрессивность была необъяснима и необоснованна. Такое поведение напоминало... ревность. Литин тут же взглянул на «воспитанника», отыскивая новые признаки своего открытия, но девушка была все так же невозмутима, и Альена

посетила шальная мысль.

Он обошел Тину и снова подал руку Лусите, глядя на свою кареглазую спутницу. Глаза Тины полыхнули злостью. Бумага в ее руке зашуршала, сминаемая пальцами, но девушка быстро взяла себя в руки. На своего нанимателя она не смотрела. Карие глаза не отрывались от торжествующего гордого личика Луситы Нарсиа. Альену вдруг показалось, что сейчас чертежи обрушатся на белокурую голову, даже приготовился перехватить их, но мадемуазель Лоет уже отвернулась и ушла вперед, зло чеканя шаг.

— Наконец-то мы одни, — с облегчением произнесла Лусита. — Мы говорить о стихах. Прочтите мне ваш любимый стих, Альен.

— Да-да, разумеется, — кивнул молодой человек, следя за спиной в бордовом жилете, почти скрывшейся за поворотом дорожки. — Конечно, стих.

— Альен! Вы бежать!

Он остановился, рассеянно глядя на девушку и понимая, что прибавил в шаге, спеша за другой девушкой, исчезнувшей из его поля зрения, и госпожа Нарсиа почти бежит за ним.

— Простите, — пробормотал Альен, освобождаясь от пальцев Луситы, сжимавших его руку. — Мне нужно узнать, что с моим воспитанником. Кажется, он нездоров.

Молодой человек вновь устремился вперед и успел заметить, как Тина скрывается за деревьями. Чертежи валялись на траве, брошенные ею. Сверху красовался след от башмака, припечатанного с явной злостью. Альен подобрал смятый рулон, и на губах его появилась улыбка.

— Дикарка ты моя, — прошептал он и поспешил за расстроенной девушкой.

Тина нырнула за густой кустарник и села на траву, уткнувшись лицом в колени. Обуревавшие ее чувства были для мадемуазель Лоет совершенно новы. Ей хотелось надавать по лицу Альену Литину, еще хотелось проредить локоны мамзель, но, не имея возможности выплеснуть свою ярость, Тина страдала, не зная, как избавиться от кома в горле и желания что-нибудь, а лучше кому-нибудь сломать.

От этих мыслей девушка перешла к другим, ужаснувшись, насколько она, должно быть, проигрывает на фоне белокурой Луситы. И хорошо, что она «мальчик». Если бы ее наниматель знал, что она такая же девица, как и госпожа Нарсиа, то пришел бы от нее в ужас. Он такой правильный, такой воспитанный, такой аккуратный и безупречный — конечно, ему должны нравиться такие же, как он, а не бранящиеся девицы с повадками матроса,

которые бросаются на людей с кулаками.

— Да какого дь... — начала Тина и осеклась, делая страшное открытие: Альен Литин ей нравился.

Нравился так, как еще не нравился ни один мужчина. Он нравился ей совсем по-особенному. И сознание, что она заведомо проигрывает какой-то Лусите, приводило ее в бессильную ярость.

— Сопливые бредни, — сердито пробурчала Тина.

— У тебя насморк? — услышала она и подскочила на месте. Альен стоял напротив и пристально смотрел на нее. — У тебя красные глаза, ты хлюпаешь носом, ты явно нездоров. Должно быть, это лихорадка. Мы уходим.

— Я зд...

— Ты очень и очень болен, — прервал ее Литин, сокрушенно вздыхая и качая головой. — Мы же не хотим, чтобы чудесные обитатели этого дома заболели? Мы уходим, — уже твердо повторил он, и в синих глазах заискрились смешинки. — Если твой вид станет еще более несчастным, ты будешь просто великолепен. Ну же, Сверчок, ты же умеешь лгать и притворяться.

Смысл его слов наконец дошел до изумленной Тины.

— Мне очень плохо, — прошептала она совершенно искренне, даже не притворяясь, и посмотрела на Альена.

— Мой бедный глупенький мальчик, — улыбнулся ей молодой человек. — Бегает быстро, а думает медленно.

Ответить девушке мужчина не дал. Он положил ей руку на плечо и уверенно повел обратно на дорожку, где уже ждала Лусита. Тина чуть не выругалась, заметив, что та не сводит взгляда с Литина.

— Альен...

— Простите, прелестнейшая, — остановил ее жестом молодой человек. — К сожалению, я вынужден покинуть вас, моему воспитаннику совсем нехорошо. Похоже, лихорадка. Вы не представляете, как мне жаль, что я не могу остаться. Извинитесь за меня перед вашим отцом. Я постараюсь найти возможность и посетить вас еще раз, если, конечно, здоровье Эмила позволит мне это сделать. Скажите, что чертежи я обязательно верну, как только ознакомлюсь с ними. Идем, Эмил, — строго велел Альен, так и не дав Лусите ответить.

К воротам они почти бежали, причем спешил именно господин Литин, шипя на Тину:

— Шевелись, шевелись.

— За нами черти гонятся? — не удержалась мадемуазель Лоят.

— Почти, — кивнул молодой человек.

Недалеко от ворот они замедлили шаг, лицо Альяна стало мрачноватым, и рука вновь легла на плечо «воспитанника», поддерживая его.

— Откройте ворота, — со вздохом произнес он, глядя на удивленного привратника. — Где у вас в городе хороший доктор?

— Господин Дарсито, на улице Медников живет, — растерянно ответил тот.

— Благодарю, — кивнул господин Литин и вывел Тину на улицу.

— Знаете, — задумчиво произнесла девушка, — я только что получил урок по мастерскому вранью.

— Ложь во благо не считается, — усмехнулся мужчина и увлек ее за собой, сбегая подальше от опасного особняка.

Глава 17

Паруса «Алиани» наполнял ветер, провожая ее из гавани Порт-Домасо. Шхуна покидала Тарван после трех дней стоянки. Оплачена была неделя, но капитан Верта отдал приказ сниматься с якоря раньше срока. И все дело было в двух пассажирах, утащивших капитана в город и не отпускавших от себя на протяжении всего дня. Они окружили господина Верта сладкими речами, весомыми увещеваниями и посулами несметных сокровищ.

— Что вы теряете, дорогой мой господин Верта? — говорил Альян Литин, откинувшись на спинку скамейки в городском саду Порт-Домасо. — У нас есть карта, нам известно местонахождение острова, где Биглоу припрятал свои богатства. Время, потраченное на поиски клада, я оплачу вашей компании. А вы и ваши люди получите неплохую прибавку к жалованию. Вы сможете выкупить «Алиани» в свою собственность или же купить поместье, где будете жить в тишине и покое. Вам видней, на что пустить эти деньги.

— Сокровища Ларса Биглоу превышают десять миллионов санталов, — как бы между прочим заметил мальчишка, глядя прищуренными глазами на верхушки деревьев. — Это примерные сведения. Люди из его команды уверяли, что сумма в несколько раз больше.

— Откуда вы все это знаете? — сглотнув, сипло спросил капитан Верта.

— Вчерашний день оказался богат на открытия, — с улыбкой ответил Альян Литин. — Архив в Порт-Домасо содержит много полезных сведений.

— Я слышал о кладе Биглоу, — немного придя в себя, снова заговорил капитан. — Говорят, он проклят. А еще говорят, что подобраться к острову почти невозможно. Морские стражи...

— Вы верите в сказки, капитан? — округлил глаза Сверчок. — Даже я уже не верю в болотных троллей и радужных фей.

— И все же...

— Вы можете отказаться, — пожал плечами Литин. — Это всего лишь продлит ожидание, но не отменит нашего похода. Мы найдем другой корабль, и его команда обогатится.

— Вы рискуете...

— Эта затея — в любом случае риск, — Сверчок, сейчас менее всего напоминавший подростка, потянулся и поднялся на ноги. — Однако Удача

любит решительных и смелых. И только наш выбор — выиграть золотой билет или всю жизнь сокрушаться, что даже не попробовали.

— В конце концов, если добраться до острова будет действительно невозможно, мы всегда можем признать поражение и повернуть, — заметил Литин.

— Зато мы будем знать, что сделали все, что от нас зависело, — важно кивнул мальчишка, соглашаясь со своим нанимателем.

— Вы бесы, — хрипло выдохнул Верта. — Мне нужно выпить.

— Неплохая идея, — поддержал Альен.

К концу дня, ошалевший от свалившихся на него известий и от разыгравшегося воображения, разбуженного языкастым мальчонкой, капитан «Алиани» сдался. Хмельной от вина и предвкушения, Верта поднял свой бокал и провозгласил:

— Пусть ветер наполняет наши паруса, а Ржавый сдохнет, получив свинец между глаз. За удачу!

— За удачу, — отсалютовал в ответ Альен своим бокалом, а Тина потрясла жареной куриной ножкой, уже надкушенной с одной стороны.

По возвращении на шхуну уже трое кладоискателей закрылись в капитанской каюте и зависли над картами. Верта с благоговением смотрел на пожелтевшую бумагу, в нижнем углу которой красовался росчерк самого Ларса Биглоу. Трепетно погладив старую карту, капитан достал карту новую и развернул ее. Альен и Тина стояли рядом, зная, что сейчас скажет Верта, потому что они вчера уже столкнулись с этим:

— Здесь нет никакого острова.

— Нет, — согласно кивнул Литин. — На нашей карте его тоже нет. И в архивных картах нет... кроме одной, составленной неким господином Саларо. Мы смотрели его дневники. Так вот, господин Саларо уверяет, что в указанном Биглоу месте остров есть, и он видел его собственными глазами. Однако когда он возвращался по тому же пути, достигнув цели своего путешествия — берега Нартании, острова уже не было. Но один из трех кораблей Саларо потерпел крушение, напорвшись на подводные скалы как раз в том месте, где до этого они видели остров.

Верта потер подбородок и усмехнулся:

— К дьяволу, Биглоу был коварнейшим человеком. Значит, остров появляется с отливом.

— Выходит, так, — кивнул молодой человек.

— Но тогда подойти к нему может быть сложно, мы совершенно не знаем, что будет ожидать «Алиани» под водой, — капитан посмотрел на своих пассажиров.

— Шлюпки, — отозвалась Тина. — Придется идти на шлюпках.

— Да, мы думали над этим, — опять кивнул Альян. — Дно там не изучено.

— Так мы много не возьмем, — расстроился капитан Верта.

— Но мы сможем вернуться, — подмигнула мадемуазель Лоет. — Терпение всегда было в числе любимых добродетелей Всевышнего.

Капитан поднял на нее взгляд и впервые присмотрелся, улавливая первые намеки на несоответствие между созданным образом непоседливого мальчишки и тем, кто сейчас стоял перед ним. И хоть возраст Сверчка вряд ли сильно разнился с названным, но в карих глазах теплилось нечто большее, чем азарт от предстоящего приключения. Вопрос «Кто ты?» едва не сорвался с языка господина Верта, но вмешался Литин, полностью завладев вниманием капитана, и личность Эмила Мулера осталась неразгаданной.

Утром Верта отдал приказ отчалить. Часть команды, отпущенной на берег, уже вернулась, вторая часть так и не успела сойти, остановленная словами капитана. Под удивленным взглядом начальника порта, смотревшего в окно своего кабинета, «Алиани» подняла паруса и покинула гавань. Мужчина пожал плечами: деньги за оставшиеся дни стоянки можно было положить себе в карман, за ними никто не пришел. Шхуна просто ушла, не выстояв оплаченного срока.

Тина застыла у борта, сжав пальцами до побелевших костяшек венчавшие его перила. Взгляд девушки был устремлен вперед, туда, где ее ждали уже не просто приключения. Опасная затея больше не казалась ей легкой забавой, как в тот момент, когда она уговаривала Альяна, а после, уже вместе со своим нанимателем, и капитана «Алиани». Они не все рассказали господину Верта. Пара авантюристов умолчала о длинной веренице кладоискателей, сложивших свои головы, так и не добравшись до сокровищ Ларса Биглоу. К тому же тайна завещания старого пирата все еще оставалась неразгаданной.

Альян Литин, пока Тина просматривала документы, связанные с самим пиратом и тем местом, где он спрятал свой клад, занимался поисками способов чтения шифров и сокрытия их на бумаге. Познания в этой области у молодого человека имелись, и весьма неплохие, но сейчас он оказался бессилён. Возможно, он бы смог что-то найти, но времени у них было не так много. Задерживаться в Порт-Домасо дольше пары-тройки дней молодой человек не желал ни под каким видом. И виной тому стала мамзель Лусита, из-за которой и мадемуазель Лоет успела едва ли не разругаться в прах со своим нанимателем. И пусть она твердила себе, что

поведение ее глупо, но язык молот раньше, чем его хозяйка успевала что-либо обдумать. Как Альен не задушил ее за ту порцию яда, что девушка вылила на его голову, Тина до сих пор не понимала.

После особняка Нарсиа пара отправилась немного пройтись по улицам чужого города, прежде чем засесть в архиве. Альен Литин шел молча, казалось, совсем не обращая внимания на девушку, бредущую рядом. О чем думал молодой человек, Тина не знала, но успела увериться, что он вспоминает прелестную Луситу. И чем больше мадемуазель Лоет накручивала себя, тем быстрее портилось ее и без того невеселое настроение.

— Ты похож на злого чертенка, — неожиданно произнес Альен, все так же не глядя на Тину.

— Такой же уродливый? — мрачно спросила она.

— Я бы так не сказал, — с легким удивлением ответил Литин, все-таки взглянув на девушку. — Скорей, такой же взъерошенный.

— Зато у меня не такой длинный нос, как у вашей прелестнейшей, — ядовито заметила Тина.

— У Луситы нос небольшой, — не согласился молодой человек. — Такой... очаровательный курносый носик.

— За ее большими ушами не заметил, — парировала мадемуазель Лоет.

— И уши маленькие и аккуратные, — усмехнулся Альен, уже с интересом наблюдая за бесившейся спутницей. — Она вся такая...

— Похожа на жабу, — перебила его девушка. — И голос у нее противный, писклявый.

— Нежный голосок, Эмил, приятный.

— Да?! — Тина почувствовала, что сейчас задушит своего нанимателя. — Вот и возвращайтесь к ней, она же любить стихи, и вы любить стихи — отличная пара стихолюбцев.

Она топнула в сердцах ногой и поспешила вперед. Литин быстро догнал девушку, пристроился рядом и положил ей на плечо руку, не давая снова вырваться вперед.

— Эмил, нет такого слова — стихолюбцы, — заметил мужчина, весело поблескивая глазами.

— Слова нет, а пара уже есть, — мрачно провозгласила Тина, скидывая его руку.

— И слова нет, и пары нет, — невозмутимо заметил Альен.

— Мне плевать, — отмахнулась мадемуазель Лоет, но убежать вперед перестала.

Они какое-то время молчали. Тина немного успокоилась, но настроение так и не вернулось. Город перестал радовать ее, больше раздражал, и девушка решила, что в Тарван она никогда в жизни не вернется. Альен посматривал на свою спутницу и не мог не признать, что ее ревность ему приятна. С того мгновения, как молодой человек открыл в себе не простой интерес к таинственной девушке, а нечто более глубокое и трепетное, его мучил вопрос, что она испытывает к нему. Сейчас мадемуазель во всей красе продемонстрировала ответ. Теперь Литина занимало другое — как подвести ее к признанию своего истинного пола; загонять девушку в угол мужчине совсем не хотелось.

Они перебрасывались отдельными короткими репликами, пока обедали в ресторации. Ничего не изменилось и во время прогулки по набережной. В архиве мужчина и девушка также говорили только по делу. Эта напряженность не нравилась обоим. То Тина, то Альен поднимали глаза, отыскивая взглядом друг друга, но никак не могли разрушить отчуждение, вдруг возникшее между ними.

Теперь и Литин стал хмур. Ему нравилось, что рядом с девушкой можно чувствовать себя свободно, что она не пыталась кокетничать и очаровывать. Не было утомительных светских игр. И вот теперь она смотрит едва ли не волчком, то отвечая спокойно, то вновь говоря гадости. Нервы молодого человека начали сдавать, но он держался изо всех сил, не позволяя себе обнажить раздражения.

Уже покидая архив, Альен решил, что с него хватит и стоит все вернуть на свои места.

— Лусита Нарсиа — невеста, выбранная для меня моей семьей, — произнес он, заметив, как шумно выдохнула Тина, но больше ничем не показала своего отношения к его словам. — Когда я отправлялся в Тарван, то был уверен, что всего лишь везу важные бумаги, не больше. Я не догадывался, что это смотрины. Должно быть, мой отец полагал, что, увидев невесту раньше, чем о ней скажут, я буду очарован и сам решу жениться. Подозрения о коварстве родителя у меня появились еще у ворот особняка. В доме знали о визите и ждали моего прибытия. — Девушка слушала его внимательно, не перебивая, и Альен улыбнулся, удовлетворенный тем, что она больше не огрызается. — Когда господин Алонсо отправил меня прогуляться к пруду, я уже знал, кого там встречу. Она сидела на берегу, красиво сидела, задумчиво глядя в книгу. Это было романтично и... фальшиво. Как и удивление, и разыгранный испуг от того, что Лусита обнаружила мое присутствие. Ее напряжение я заметил, только увидев это очаровательное создание. Намеренное желание говорить

на языке, который она плохо знает, улыбки, кокетливые взгляды... Знаешь, Сверчок, это утомляет. Особенно когда сталкиваешься с бомбардировкой женским очарованием достаточно часто. Когда ты появился, я был счастлив до невероятности. На тебя мне смотреть во сто крат приятней.

— Правда? — Тина недоверчиво взглянула на него.

— Чтоб я сдох, — серьезно ответил молодой человек и рассмеялся. — Правда. Лусита — прелестная девушка, и, желай я жениться, я выбрал бы ее, но в моих планах на будущее не было женитьбы...

— Вот и правильно! — воскликнула Тина, чувствуя огромное облегчение. — Женитьба — это чертов якорь. Я тоже не хочу за-а...разу какую-нибудь, которая будет стрелять глазами направо и налево. Я точно никогда не женюсь, — искренне закончила девушка.

— В этом я уверен. Такие, как ты, не женятся, — развеселился Альян.

— Да, — кивнула мадемуазель Лует, вдруг ощущая, что вечер прекрасен и зажигающиеся на небе звезды великолепны.

— И если я соберусь жениться, то невесту я выберу по собственной склонности, и это будет не мамзель Лусита. — Тина вновь подняла на него настороженный взгляд. — Я не особо люблю блондинок. Мне по душе больше темноволосые девушки.

— Правда?! — воскликнула мадемуазель Лует, но опомнилась и продолжила со скучающим видом: — Да, темноволосые гораздо интересней.

— Гораздо, — важно согласился Альян и рассмеялся, заставив мадемуазель Лует покраснеть и отвернуться. Прежний мир был восстановлен.

Но это было несколько дней назад, а теперь «Алиани», распустив паруса, все более удалялась от берегов Тарвана. Тина скосила глаза на молодого мужчину, стоявшего рядом с ней. Губы девушки тронула едва заметная улыбка. Альян был сейчас невероятно серьезен и задумчив. Почувствовав ее взгляд, Литин обернулся. Он протянул руку, и Тина вложила в его ладонь свои пальцы.

— Что мы с тобой сотворили? — негромко спросил Альян.

— Ввязались в опасную авантюру, — ответила мадемуазель Лует. — Даст Всевышний, выберемся.

— Очень на это надеюсь, — усмехнулся молодой человек.

Они обменялись пытливыми взглядами, вновь устремляя взгляд вперед, когда за их спиной послышалось:

— Неизвестный бриг по правому борту! Требуют остановиться!

Альян и Тина слаженно обернулись к правому борту. Их нагонял

двухмачтовый корабль, летевший по волнам необычайно быстро. Пушечные порты были открыты, и дула выкаченных пушек недвусмысленно нацелились на шхуну.

— Не вижу ни флага, ни названия, — заметил Альян.

— Капитан, они будут стрелять, если мы не бросим якорь.

— Что это еще за дьявольщина? — воскликнул капитан Верта, и Тина выдохнула, сползая на палубу:

— «Счастличик».

Альян Литин перевел на девушку вопросительный взгляд и нахмурился, отмечая, как она побледнела. В карих глазах плескались самые настоящие страх и обреченность.

— Кто это? — спросил он Тину, но ответ получить не успел, потому что бриг, уже почти поравнявшийся с «Алиани», дал залп из одной пушки, показывая серьезность своих намерений.

Ядро упало недалеко от кормы шхуны, взметнув фонтан брызг, окативших водой всех, кто находился на палубе. Верта отдал приказ, и якорь был брошен в воду. Неизвестный корабль поравнялся со шхуной. Высокий одноглазый мужчина, окинув свирепым взглядом матросов «Алиани», крикнул сильным уверенным голосом:

— Никаких глупостей, и вы вернетесь в Пьен целыми и невредимыми.

— Кто вы, и что вам от нас нужно? — крикнул в ответ капитан Верта.

Однако одноглазый уже не обращал на него внимания. Он оперся ладонями на резные перила и выкрикнул:

— Адамантина Лоет, или ты тащишь сюда свой вертлявый зад, или я пущу это корыто ко дну! Считаю до трех! Один...

— Лоет? — зашептались матросы. — Вэй Лоет?

— Адамантина? — Тина опустила взгляд и виновато вздохнула.

— Два!

— Мне конец, — простонала она, поднимаясь на ноги.

— Он сделает, как сказал? — спросил Литин.

— Папенька слов на ветер не бросает, — хмуро кивнула Тина и закричала. — Папенька, не надо! Я иду.

— Маленький ангелок! — возопил бородатый великан, кидаясь к борту.

— Мое сокровище, — с мрачным предвкушением изрек Вэйлр Лоет, и рука его легла на пряжку широкого ремня, что не осталось не замеченным молодым Литином, тут же вспомнившим слова девушки, что ее пороли. Это молодому человеку не понравилось.

— Гарпун мне в печень, — повторно простонала девушка, направляясь

к правому борту под ошарашенными взглядами всей команды «Алиани».

— Сверчок — девка?..

— Дочка Лоета...

— Дьявол меня задери...

— А я ж ее за ухо таскал...

— На абордаж, — усмехнулся Лоет и успокоил команду шхуны: — Мне нужна только моя дочь.

Тина смотрела, как за борт шхуны цепляются крючья, как матросы натягивают тросы, подтягивая корабли друг к другу. Затем с борта «Счастливчика» протянулся мостик, и Вэйлр, скрестив на груди руки, кивнул дочери:

— Живо!

— Упадет же, — сокрушенно всплеснул руками Самель, и Лоет взревел:

— Мясник! Или закроешь пасть, или ее закрою я! — это было единственное, чем отец обозначил обуревавшие его волнение и злость.

Команда «Алиани» притихла, наблюдая за происходящим, и только один вздохнул:

— Плакали наши денежки.

Альен Литин тоже смотрел на то, как Тина забирается на мостик и перебирается на отцовский бриг. Он увидел, как девушка спрыгнула на палубу, виновато опустив взгляд, как убирают мостик, и очнулся:

— Какого черта? — отчеканил он, забрался на борт, держась за снасти, оттолкнулся и перескочил на «Счастливчик» под изумленными взглядами обеих команд и вскрик Рени:

— Хозяин, вы куда?!

Альен мотнул головой, откидывая с глаз прядь волос, и направился к капитану Лоету, изучавшему его единственным глазом. На лице молодого человека не дрогнул ни один мускул, губы оставались поджаты, и весь облик его дышал решимостью. Только на что он решился, было пока неясно. Тина переводила испуганный взгляд с папеньки на нанимателя и обратно.

— Папенька, — несмело начала она, вставая перед Литином и загоразивая его собой, ладони Альена легли ей на плечи, и он мягко отодвинул девушку со своего пути.

— Господин... — попыталась продолжить Тина.

— Помолчи, — одновременно произнесли Вэйлр и Альен, один чеканно, второй почти ласково, но взгляды обоих мужчин выражали непреклонность.

Тина закрыла рот и насупилась, наблюдая исподлобья за развитием событий. Сзади к ней подобрался Самель и сгреб в любящие объятия, едва не раздавив от радости ребра маленького ангела. Тина пискнула, и Вэй с Альеном на мгновение оторвались от изучающего созерцания друг друга, вновь одновременно бросив:

— Осторожней.

— Да я... — смущенно начал кок, но его уже не слушали.

Взгляды синих и карего глаз скрестились. Тина гулко сглотнула и тесней прижалась к Самелю: ей показалось, что воздух на палубе стал гуще и тяжелей, потрескивая от накалявшейся обстановки. Еще мгновение, и полыхнет...

— Добрый день, господин Лоет, — наконец заговорил Альен, склоняя голову в вежливом поклоне. — Позвольте представиться: Альен Литин, коммерсант.

— Что дальше? — чуть насмешливо спросил Вэй, продолжая изучать сына первого мужа своей супруги.

— Продолжим, — усмехнулся Альен, не растерявшись. — Хотелось бы узнать, на каком основании вы собираетесь забрать моего работника.

— Не понял, — мотнул головой капитан Лоет.

— Хотелось бы узнать, на каком основании вы собираетесь забрать моего работника? — невозмутимо повторил Литин.

— Я собираюсь забрать свою дочь, — отчеканил Вэйлр.

— Это я понял. Но на каком основании вы собираетесь ее забрать, я желаю получить ответ на этот вопрос, — молодой человек оставался все так же спокоен, даже расслаблен, словно вел беседу в Благородном собрании, а не на палубе некогда пиратского корабля с его капитаном.

Лоет чуть склонил голову к правому плечу. Ему вдруг стало любопытно, чем закончится этот разговор.

— На том основании, что я ее отец, — ответил он.

— Мы все чьи-нибудь дети, — отмахнулся Альен. — Вы все еще не привели внятного довода, на каком основании вы пытаетесь забрать нанятого мной работника, не отслужившего оговоренный срок.

Вэйлр Лоет на мгновение потерял дар речи. С такой вопиющей наглостью ему еще не приходилось встречаться. Кто-то из команды «Счастливого» вздохнул с благоговейным ужасом и отшатнулся. «Алиани» также не спешила отходить, и теперь команды обоих кораблей не отрывали глаз от двух мужчин, замерших друг напротив друга. Лоет мотнул головой, отгоняя оторопь.

— Господин Литин, а не кажется ли вам, что ваш вопрос лишен

основания, хотя бы в связи с возрастом моей дочери? — заметил Вэй.

— Каков возраст мадемуазель Лоет? — живо заинтересовался Альян.

— Два дня назад исполнилось восемнадцать, — ответил отец, и его дочь охнула:

— Дьявол меня дерит, точно!

— Как видите, существуют два условия, благодаря которым я могу ее забрать. Первое — она девица. Второе — девица может принимать самостоятельные решения не ранее, чем в девятнадцать лет.

На губах Литина расцвела улыбка, скорей, коварная, чем добродушная.

— Господин Лоет, вы не можете не знать, что в нашем королевстве существует закон, говорящий: «Если наниматель принимает на работу лицо, не являющееся самостоятельным за недостижением возраста, считающегося порогом взросления, то наниматель становится опекуном такого лица и несет за него ответственность до тех пор, пока договор о найме не истечет». Таким образом, на данный момент я являюсь законным опекуном мадемуазель Адамантины Лоет, и, как ее опекун, я не могу позволить вам забрать ее, так как срок договора о найме не окончен.

Глаз Лоета, не скрытый повязкой, налился кровью. Ладонь капитана легла на рукоять кортика, сжала его, но тут же пальцы соскользнули вниз, и Вэй заставил себя расслабиться. Он протянул руку и потребовал:

— Договор. Господин Литин, вы не можете не знать, — ехидно повторил он фразу молодого человека, — что в нашем королевстве родители имеют право ознакомиться с договором, заключенным между их чадом и нанимателем, как и расторгнуть его...

— Через суд, господин Лоет, исключительно через суд, — подметил Альян.

— Несомненно, господин Литин, несомненно, — согласно кивнул Вэй. — Итак, вы заключали письменный договор? Или же устный?

— Разумеется, письменный, — соврал Альян, не моргнув глазом. — Мой слуга Рени засвидетельствовал договор о найме мадемуазель Адамантины Лоет. Все было сделано, как велит закон. Договор действует до тех пор, пока мы не вернемся.

— Так покажите мне его, — сухо повторил Лоет.

Молодой человек развел руками и сокрушенно вздохнул:

— К моему великому сожалению, договор находится на борту «Алиани», закрытый в шкатулке, ключ от которой находится у меня. Я бы отправился за ним, но не могу доверить вам свою подопечную. Или же вы отдаете мне Адамантину и мы с ней вместе идем за договором, или вам придется поверить мне на слово.

Вэйлр хмыкнул и покачал головой, отдавая должное упорству и смелости сына Дамиана Литина. Он вновь скрестил руки на груди, на губах его появилась почти издевательская улыбка: ход мыслей молодого человека он угадал.

— К моему великому сожалению, я также не могу доверять вам, юноша, — произнес Лоет. — На данный момент, пока я не увижу договора, составленного по всем правилам, имеющего подписи обеих сторон и одного свидетеля, я имею полное право считать вас похитителем моей дочери. Одно дело, если вы приняли ее за мальчика и наняли на работу, другое — вы знали, что она девица, но потащили за собой, рискуя ее жизнью и честью. Правда, тут вновь заковырочка. Если договор составлялся на имя Эмила Мулера, то ему и опекунствуйте, кстати, тут находится отец настоящего Сверчка, и он, думаю, будет крайне раздосадован, узнав, что его сын обзавелся опекуном.

Альен поджал губы, отыскивая брешь в словах бывшего пирата. Пока он ее не видел, однако и сдаваться не собирался.

— И что же нам делать, господин Лоет, если мы не доверяем друг другу? — со скучающим видом поинтересовался молодой человек.

— Предлагаю вместе отправиться на «Алиани», — любезно ответил Вэйлр. — Ах, да, вот еще нюанс. И я, и капитан шхуны, как представители нашего королевства на борту своих кораблей, вполне можем заменить суд и расторгнуть договор...

— Боюсь вас огорчить, — не без иронии улыбнулся Альен, — но ни вы, ни капитан Верта не можете являться судьей, способным вынести решение о расторжении договора. Капитан Верта нанят мной, значит, он заинтересованное лицо с моей стороны. А вы отец Адамантины — и, как ее родственник, также считаетесь стороной заинтересованной.

— Тогда остается одно — вместе отправиться на борт шхуны и посмотреть договор, чтобы убедиться в его законности, — губы Вэя исказила кривая усмешка, далекая от любезной.

— Гарпун... — начала Тина.

Альен посмотрел на нее, и девушка вдруг смутилась и поправилась:

— Я хотела сказать: о, Всевышний.

— Идемте, мадемуазель Лоет, — Альен протянул к ней руку.

Бросив на отца вороватый взгляд, девушка метнулась под защиту молодого человека, сжала пальцами его ладонь и вопросительно взглянула на него.

— У меня еще есть водящая карта, — шепнул ей Альен. — Не бойся.

— Папенька вас убьет, — одними губами ответила Тина.

— Не напугала, — ответил ей Литин, поддев кончик ее носа согнутым пальцем.

— Руки, — зло гаркнул Лоет, свирепея от происходящего. — Тина, живо иди сюда!

— Не могу, папенька, пока я подчиняюсь своему нанимателю и опекуну, — ответила девушка, дурея от собственной смелости.

Матросы «Счастливого» вновь приготовили абордажные крючья, готовые пустить их в дело, но... Неожиданный залп прогремел подобно небесному грому. Ядро влетело в борт шхуны, пробивая в его верхней части дыру.

— Какого дьявола?! — крикнул Лоет.

Тина и Альян устремили взгляд на приближающийся на всех парусах корабль. Его красные борта с позолотой не оставляли сомнения в том, кто настиг свою дичь.

— «Красная заря», — ахнула мадемуазель Лоет.

— Ржавый, — откликнулся Литин, и Лоет бросил на них свирепый взгляд.

— Ржавый?! Во что вы влезли, дети? — рявкнул он, отворачиваясь от них. — Канониры, готовьте пушки!

Глава 18

Тина, вскинув голову, посмотрела на Альена; тот следил за приближающейся бригаантиной, поджав губы. После бросил взгляд на девушку и уверенно повел ее в сторону кают. Лоет обернулся, чтобы велеть дочери и ее защитнику убираться с палубы, но лишь усмехнулся, видя, как Литин, крепко держа Тину за руку, уводит ее подальше от разворачивающихся действий. Они уже почти скрылись, когда девушка вдруг вырвала руку и устремилась в сторону отца, но короткое чеканное:

— Тина! — остановило ее. Альен вновь протянул ей руку. — Если не хочешь наделать новых глупостей, не лезь под ноги тем, кто больше твоего понимает в морском сражении.

— Но я... — начала было мадемуазель Лоет, однако кивнула, признавая справедливость слов молодого человека, и последовала за ним.

Вэй, увидевший эту сцену, обернулся к Даэлю и возмущенно спросил:

— Нет, ты это видел? Я ее порол, и никакого толка, а он отчитал — и она уже смиренной овцой идет за ним, как на аркане.

— Дело молодое, — философски заметил боцман.

— Я им такие дела покажу, — фыркнул Лоет, вновь поворачиваясь в сторону «Зари». — На «Алиани», что вы мечетесь, как бараны?!

Альен открыл дверь первой попавшейся каюты и втолкнул в нее Тину.

— Сиди и не вздумай вылезать на палубу, — велел он девушке.

— А вы? — тут же обернулась к нему мадемуазель Лоет.

— Посмотрю, что там происходит, — ответил Литин, собираясь вернуться на палубу.

— Я тоже хочу!

— Иметь желания нам дозволил Всевышний, — усмехнулся молодой человек. Он сделал шаг к двери, но обернулся и добавил: — Увижу на палубе — буду превозносить прелесть Луситы, пока ты не взвоешь.

— Подумаешь!

— И стихотворения буду читать, большие стихотворения.

— Выдержу.

— Заберу карту, тебя отдам отцу и один отправлюсь искать сокровища.

— Вы так не поступите!

— Спорим?

— Альен!

Молодой человек приблизился к ней, обнял ее лицо ладонями, несколько мгновений смотрел Тине в глаза и велел:

— Клянись, что будешь сидеть здесь, пока за тобой не придут.

Неожиданно задохнувшись от его прикосновения и взгляда, державшего, словно в ловушке, девушка рассеянно кивнула.

— Клянусь, — прошептала она.

— Если нарушишь клятву, я буду считать тебя лгуньей и больше никогда не сделаю этого.

— Чего не сделаете? — все так же рассеянно спросила Тина, и ее губы оказались в кратком, но томительном плену мужских губ.

Усадив окончательно сбитую с толку девушку на койку, Альен направился к двери. Тина некоторое время ошалело смотрела прямо перед собой, затем дотронулась до своих губ и сдавленно всхлипнула:

— Гарпун мне в печень.

«Я буду считать тебя лгуньей», — пронеслось в голове мадемуазель Лует, и она попыталась рассердиться, даже встала с койки, но опять упала на нее, схватившись ладонями за пылающие щеки.

— Я не лгунья, — прошептала она. Мысли Тины никак не желали сосредоточиться на этих словах, они разбегались в разные стороны, оставляя только воспоминание о первом в ее жизни поцелуе, о котором она втайне мечтала, но даже не могла предположить, что это произойдет. И чтобы там до этого ни собиралась делать девушка, сейчас она вцепилась в край койки пальцами и дала себе слово, что останется сидеть здесь, даже если они будут тонуть. Вот пусть прибегает и спасает, раз сомневается в ее честности. «Я больше никогда не сделаю этого». — Ой, маменька-а-а...

Альен же сейчас о поцелуях не думал. Пригвоздив неутомимую в поисках неприятностей мадемуазель к месту, он очень надеялся, что сумел усмирить ветер хотя бы ненадолго. Молодой человек вернулся на палубу в тот момент, когда капитан Лует отдавал приказы своим людям.

Якорь на «Алиани» был уже поднят, и шхуна постепенно увеличивала расстояние между «Счастливым» и «Красной зарей», все более набирая ход. Альен приблизился к бывшему пирату и, оставив прежний тон, уверенно позвал:

— Капитан Лует.

— Что? — Вэйлр обернулся. — Какого дьявола ты делаешь на палубе, мальчик?

— Вы должны знать, почему «Заря» напала на «Алиани». Им нужна Адамантина, точнее, Сверчок, — молодой человек перешел сразу к делу. — Я не буду объяснять долго, не время, но у нее в руках оказалась одна вещь,

ради которой Ржавый убил другого пирата. Тина стала тому свидетелем. Он не видел ее, но слышал, как с корабля позвали Сверчка. Также слышал мое имя. Не думаю, что в Порт-Дайоне за стоянку платили много Альенов.

— Что за вещь? — с ледяным спокойствием спросил Вэй, скрипнув зубами.

— Карта клада Ларса Биглоу.

— Дьявол меня дери через колено, — сдавленно произнес еще неизвестный Литину седой мужчина. — Проклятый клад проклятого Беса.

— Я знал, Даэль, что она не сможет не вляпаться в очередное дерьмо, — хрипло произнес Лоет. — То ее продают, то ее хотят выпотрошить... — Затем последовала витиеватая брань, и Альен невольно восхитился словесными оборотами, настолько гладко одноглазый мужчина совмещал несовместимое. Однако успел уловить про продажу, но отложил все вопросы на потом.

Вэй посмотрел на бригадину.

— Может, ну их, им же не мой бриг нужен, — рассеянно усмехнулся он.

— Догонят шхуну, узнают про «Счастличик», капитан, — заметил хмурый мужчина. — Не отвяжемся.

— Знаю, господин Ардо, — скривился Лоет и заорал: — Что рты раззявили, по местам! Пора надрать задницу зарвавшемуся щенку. — Скосил глаза на Литина и буркнул: — Затем второму. И еще одной мартышке. Как же я зол!

Больше он не отвлекался. Альен отошел в сторону, цепляясь за снасти и стараясь не мешать. Но уходить с палубы он не хотел. И дело было не в том, что его захватило происходящее или душа рвалась в драку. Молодой человек ничего не понимал в морском деле, он мог оказать сопротивление, но не в схватке двух кораблей. Молодой Литин чувствовал ответственность за разворачивающиеся события, а прятаться от ответственности он не привык.

Тем временем «Красная заря», огрызнувшись по неизвестному бригу парой ядер, не долетевших до него, уже мчалась за удаляющейся «Алиани». «Счастличик» помчался следом. На лице Лоета появилась шальная улыбка, словно у мальчишки, задумавшего проказу.

— Как же я по всему этому соскучился! — вдруг воскликнул он и добавил гораздо тише, возведя глаза к небу: — Ангел мой, я всего лишь разочек... может, парочку, и сразу домой.

Услышавший его слова, Альен подумал, что, наверное, и мадемуазель Лоет говорит себе точно так же перед тем, как влезть во что-нибудь. А

вскоре молодой человек уже ни о чем не думал, следя за тем, как впереди появляются паруса двух кораблей. Лоят поднял к глазу подзорную трубу:

— Тарванские сторожевики. Должно быть, возвращаются из рейда. Скажи канонирам, пусть дадут залп из одной пушки, привлечем внимание, пусть подберут шхуну, — велел он одному из матросов.

Тот сорвался с места, и вскоре одна из пушек выстрелила. Лоят потерял руки. Шхуна начала разворачиваться в сторону тарванских военных кораблей, также привлекая их внимание выстрелом. Бригантина начала замедлять ход, и «Счастличик» нагнал ее, зашел с правого борта, и капитан скомандовал:

— Залп!

Бриг содрогнулся, откинувшись на правый борт, и Альян крепче ухватился за снасти, кашлянув от порохового дыма. Он услышал, как затрещало дерево, как огрызнулась «Заря», и «Счастличик» вновь содрогнулся под матерую брань капитана Лоета. Бриг вырвался вперед, закладывая на правый борт. Дым рассеялся, и Альян увидел суету на «Красной заре», а через мгновение понял и причину суеты: правый борт украшали две пробоины. Остальные повреждения не казались столь значительными.

Молодой человек посмотрел на Вэя. Одноглазый капитан скалился, показывая бригантине неприличные жесты.

— Чтоб тебя вздернули, Ржавый, — напоследок в сердцах пожелал Лоят и повернулся к тому, кого называл Даэлем: — Что там у нас?

— Снесли верхнюю часть левого борта, — весело ответил тот. — Задели корму, но мы, в отличие от «Зари», можем уйти.

— Еще бы, — криво усмехнулся Вэйлр. — Все как в старые добрые времена: сделал гадость, успел дать деру. Курс на Лаифу, будем лечиться.

— Лаифа? — хмурый господин Ардо вопросительно взглянул на Лоета, Альян также поднял на капитана изумленный взгляд.

— Это ближайшая гавань, — ответил Вэй. — Только егозу мою надо будет привязать... Кстати, где она? Почему я еще ни разу не наорал на нее?

— Странные у вас развлечения, — усмехнулся Альян. — Мадемуазель Лоят сидит в каюте и ждет, когда она сможет подняться на палубу. Думаю, ее уже можно позвать.

— Сидит? — округлил глаза мужчина приятной наружности, судя по одежде — матрос.

— Ждет? — недоверчиво спросил господин Ардо.

— Моя Тина?! — воскликнул Лоят.

Альян пожал плечами и направился в сторону каюты, слыша, как за

спиной раздается задумчивое:

— Может, ее опоили? — Литин усмехнулся и покачал головой.

Вэйлр проводил взглядом удаляющегося молодого человека, передернул плечами и направился следом. У него было много вопросов, и откладывая их капитан Лоет не желал. Он догнал Альена возле каюты, в которую тот уже собирался войти. Вэйлр придержал дверь, не давая ей закрыться, и вошел следом. Его дочь действительно сидела на койке, скрестив руки на груди и задрал нос. Она заносчиво посмотрела на Литина, но при виде отца сникла, уже предвидя выволочку.

Однако Лоет уселся на стул, скрестил руки на груди и вытянул ноги. Альен Литин перевел взгляд с отца на дочь, отметив схожесть в их позах, в их лицах и в поведении. Сохраняя на лице невозмутимость, молодой человек присел на угол стола, уцепился пальцами за его край и остановил взгляд на одноглазом мужчине.

— Прежде чем вы начнете выражать свое негодование, — заговорил Альен, — я хотел бы заметить, что за время сражения ничего не изменилось. Мадемуазель Адамантина по-прежнему под моей защитой. К сожалению, «Алиани» теперь вне нашей досягаемости, и договор проверить не предоставляется возможным. Вам придется поверить мне на слово. Мадемуазель Лоет была принята ко мне на службу и в целях безопасности взяла имя Эмил Мулер по прозвищу Сверчок. Все это оговорено и подписано тремя сторонами.

— И кем же служит у вас моя дочь? — насмешливо спросил Лоет.

— Секретарем, — вновь соврал Литин, а Тина примерила на себя новое назначение. — К чему я вновь заговорил об этом? Как человек, несущий ответственность за вашу дочь, я прошу вас не орать на нее и тем более не применять к Адамантине физической силы.

— И что будет, если я вас не услышу, любезный господин Литин? — заинтересовался Вэйлр.

Это была самая неприятная часть для молодого человека. Угрожать силой глупо, помехой делам компании «Вэйлада» — низко. И все же фраза «меня пороли» не давала Альену покоя. А то, что дочь могла попасть под горячую руку отца, он даже не сомневался, понаблюдав за обоими родственниками.

— Во-первых, мне придется ограничить ваше общение с моей подопечной, во-вторых, мы покинем ваш корабль при первой же возможности, — заговорил Литин. — А в-третьих...

Лоет, уже готовый с негодованием спросить: «Так я, по-твоему, жестокий тиран?», подавил приступ гнева и с мрачным интересом ждал

продолжения. Альен продолжил:

— А в-третьих, чтобы освободить дочь из-под власти отца, я женюсь на ней.

— Что?! — дочь и отец вскочили со своих мест.

— Женюсь, — повторил Альен.

— Через мой труп! — ударил кулаком по столу Вэйлр.

— Я не хочу замуж! Пока не хочу, — поддержала отца Тина.

— Тогда сядьте и успокойтесь, — сухо велел Альен. — Раз мы выяснили, что для вас самое страшное, значит, об остальном можем поговорить уже спокойно. Сели! — неожиданно гаркнул он, и Тина первая упала обратно на койку, глядя на своего нанимателя со священным ужасом.

Вэй чуть помедлил, но последовал примеру дочери. Если молодой человек хотел добиться того, чтобы взбесить капитана сильнее, чем бесила Тина, то он смог достигнуть своей цели. Гнев Вэя на беглянку поутих, сменившись тихим, пока тихим, раздражением на Альена Литина. Впрочем, того, казалось, не волновали новые чувства господина Лоета. Альен протянул руку и коротко велел:

— Карту. — Девушка округлила глаза, но молодой человек остался тверд и все так же спокоен. — Карту.

Лоет наблюдал, как Тина отворачивается, достает из-под рубашки кожаный чехол и послушно передает его Литину. Ее почти безоговорочное послушание какому-то проходимцу тоже вызывало раздражение. Если бы он гнал дочь в каюту, она непременно оказалась бы на палубе. Если бы он потребовал карту, Тина обязательно разыграла бы целое представление со слезами и жалобным взглядом. Довела бы его до белого каления, а потом сидела надутая, как мыльный пузырь, нарываясь на новый взрыв отцовского гнева. Этот же хлыщ увел Тину в каюту, и они нашли вертлявую девицу там, где он ее оставил. И пока нес свою наглую ересь, девчонка внимала ему с открытым ртом и нескрываемым восхищением в глазах. Теперь же она только фыркнула и подчинилась односложному требованию. Как он это делает?! Может, и правда опоили...

Тем временем Альен Литин начал рассказ о том, как к ним попала карта Биглоу. В прошлом и сам Вэй безуспешно разыскивал этот клочок бумаги, еще в те славные времена, когда у него в жизни не было ни Адалаис Литин, урожденной Ламбер, ни даже желания сойти на берег. От мысли, что его Ангел могла стать матерью этого мальчишки, Лоет испытал новый прилив гнева и ревности, но снова задавил ярость, велел себе думать о злключениях дочери, а не о несостоявшемся будущем своей жены.

— Мы подозревали, что Ржавый может настигнуть нас, и я,

признаться, рад, что вы появились вовремя, — говорил Альян.

— Если его не вздернут тарванцы, то он снова будет искать вас, — ответил капитан Лоет. — Более того, он будет искать и мой бриг. Не думаю, что ему составит большого труда узнать, кто мы и откуда. Он еще придет, и у вас не выйдет заговорить ему зубы, господин Литин. С этого дня жизнь моей дочери и ваша не стоит и медной миты. Впрочем... если отдать ему карту... Нет, к дьяволу! Он не поверит, что вы не знаете, где искать сокровища Беса.

Альян кивнул, соглашаясь.

— Более того, капитан «Алиани» знает, что нам известно местонахождение острова, на котором Биглоу спрятал свои богатства. На карте указано, как к ним подобраться, капитан помнит только координаты. Значит, «Красная заря» все равно пойдет по нашему следу.

— И что же вы предлагаете, господин Литин? — ядовито поинтересовался Лоет.

— Не бегать от него, это бесполезно. Я предлагаю отправиться к острову Биглоу и забрать клад, — ответил Альян и улыбнулся широко, по-мальчишески задорно, отчего Вэйлр потерял дар речи. — В самом деле, господин Лоет, тут, как ни крути, — либо под саблями команды Ржавого с куском бумаги в руках, либо с золотом в карманах. Во втором случае умирать будет уже не так обидно.

— Папенька, господин Литин прав, — ожив, важно кивнула Тина.

— Уши надеру, — привычно пригрозил Лоет.

— Ни в коем случае. Эти уши под моей защитой и, напоминая, вполне могут оказаться под вуалью, стоя вместе со своей обладательницей рядом со мной в храме, — возразил Альян.

— Как же вы оба меня бесите! — все-таки сорвался Вэй и вскочил со стула. — Чтобы оба не смели покидать каюту. Одного выкину за борт, вторую выдеру так, что спать будет стоя.

Издав грудное рычание, он устремился прочь из каюты. Молодые люди обменялись взглядами, и Альян усмехнулся:

— И это мы еще не обговорили наших с тобой занятий фехтованием. В конце концов, я привык выполнять взятые на себя обязательства.

Тина протяжно вздохнула, уже предвидя бурю протеста со стороны папеньки. Затем бросила быстрый взгляд на Литина, вспомнила поцелуй, после — слова о женитьбе и вспыхнула, не зная, как ко всему этому относиться. С одной стороны, ей нравился Альян, даже, наверное, больше, чем просто нравился. Недаром же ее сны и мысли наполнены этим молодым человеком не первую неделю. Более того, впервые мысль о

замужестве не вызвала в ней столь сильного негодования, как обычно, и все же...

Неожиданная догадка пришла в голову мадемуазель Лоет. Она была настолько ошеломляющей, что девушка вскрикнула почти испуганно:

— Господин Литин!

— Что, мадемуазель Лоет? — не без иронии спросил Альен, глядя на изумленное лицо Тины.

— Вы же не выказали изумления, узнав, что я девица! Вас только заинтересовало мое имя. Что все это значит?

— А что это может значить, по-вашему, мадемуазель Лоет? — насмешливо спросил молодой человек.

— Вы... — она понизила голос и со священным ужасом закончила: — ...Знали, кто я? — Ответом ей была знакомая до зубовного скрежета улыбка. — Знали! Вы знали, что я девица!

— Знал, — не стал спорить Альен. — После Порт-Дайона понял, что вы не Сверчок. Скорей, Стрекоза.

Он рассмеялся, глядя на замешательство Тины, все более перерастающее в возмущение. За спиной молодого человека вдруг фыркнули:

— Стрекоза. Мартышка она. Тоже мне, стрекоза. Хорошо еще, что не бабочка, — проворчал себе под нос Лоет, возвращаясь на недавно покинутое место.

— Папенька! — возмущенно воскликнула девушка и закончила, насупившись: — Я не мартышка.

— Ты хуже, — согласно кивнул Вэйлр, успев поймать укоризненный взгляд Литина. Лоет послал ответный взгляд, подразумевавший «поучи еще», однако заострять внимания не стал. Теперь он был совершенно расслаблен, успев за короткое время взять себя в руки. — Значит, вы догадались, что с вами рядом находится девица. И что же? Судя по удивлению Тины, она даже не подозревала о разоблачении.

— Он обращался со мной как с мальчишкой! — возмущенно воскликнула девушка.

Оба мужчины повернулись в ее сторону, одинаково вздернув брови в насмешливом изумлении, и мадемуазель Лоет, густо покраснев, отвернулась. Альен поправил манжеты рубашки, покрутил пальцем на столе карту и усмехнулся:

— Ты хотела быть мальчиком, я не стал тебе в этом отказывать. К тому же, обнаружь я свою осведомленность, рано или поздно это заметил бы кто-нибудь из команды, и могли возникнуть ненужные вопросы. Я, как

смог, облегчил тебе пребывание среди мужчин, поселив в отдельную каюту и назвав воспитанником, освободив таким образом от обязанностей.

Лоет неожиданно откинул голову назад и расхохотался, оценив поступок молодого человека. Пока его дочь всех обманывала, что она мальчик, Альен Литин тоже обманывал ее, уверяя в том... что она мальчик. И вновь Вэйлр признал за молодым человеком наличие разума, предусмотрительность и благородство. Он не воспользовался одинокой девицей, зная, что ее некому защитить, и сам стал ей защитником.

Капитан, собиравшийся осадить наглеца, решил пока понаблюдать за ним. У него было двойственное чувство. С одной стороны, Вэю совершенно не нравилось, что мальчишка изо всех сил старается не допустить заслуженного наказания беглянки. Не нравились его самоуверенность и наглость, с которой тот упорно играл с огнем. К тому же он был Литином, а к этой фамилии у капитана Лоета уже много лет была полнейшая антипатия.

Дамиан Литин бывал в конторе «Вэйлады» по делам их совместной с тестем компании, даже виделся с Адой, но ни разу не пытался сблизиться с ней. Однако Вэй выносил его с трудом. Он заставил себя разделить дела и личную жизнь, однако забыть о том, что старший Литин стал причиной его переживаний, не мог. Память о той буре, которая рвала душу пирата в клочья, когда юная мадам Литин разыскивала пропавшего мужа, не оставляла и шанса на перемирие между семействами Лоет и Литин.

Но была и другая сторона. Молодой человек не жеманничал, не пытался заигрывать и льстить разгневанному отцу. Напротив, он упорно гнул свою линию, совсем не заботясь о последствиях для собственного здоровья. Альен Литин стал защитником для Тины, Вэя бесило лишь, что не только на борту «Алиани». К тому же мальчишка не казался восторженным романтиком, как его отец, который легко увлекался сиюминутными желаниями. Умел владеть собой и... он приструнил мадемуазель Лоет. Как он это сделал, Лоет совершенно не мог понять.

— Однако вернемся к нашему прошлому разговору, — отмахнулся от своих размышлений Вэйлр — для них еще будет достаточно времени. — Карту я забираю, никаких споров и возражений! — Тина сверкнула глазами, Альен поднял руки, не препятствуя капитану Лоету сделать то, что он хотел. Глядя на Литина, промолчала и девушка, однако взгляд ее, направленный на молодого человека, был подобен огромному бульжнику. — Я подумаю на досуге, что нам со всем этим сделать, и сообщу вам об этом на Лаифе. Сейчас вас накормят. Бородатый слон уже всех допек своими причитаниями. И как он может одной рукой резать

глотки, а второй утирать свой вечно хлюпающий от умиления нос?

Покачав головой, Вэй направился на выход, убирая карту в кожаный чехол. Как только за отцом закрылась дверь, Тина вскочила со своего места и бросилась к Альену, пылая возмущением.

— Зачем вы отдали карту? — прошипела она.

— У тебя есть корабль? — с добродушной усмешкой спросил молодой человек. — Нет? А у твоего отца есть. К тому же кому стоит больше доверять: родному папеньке или чужому капитану Верта и его команде? Пусть подержит в руках, поглядит, проникнется, а мы подождем, согласна?

Девушка поджала губы, обдумывая его слова, и хмыкнула, в который раз признавая правоту своего добровольного защитника.

— Нужно сказать папеньке про скрытое послание Биглоу, — заметила она.

— Решится — тогда и скажем, — подмигнул Альен. — Или же подкинем загадку, если господин Лоет будет колебаться. Исследовательский интерес — вещь великая, но вызванный в нужное время. Не стоит подавать десерт перед главным блюдом, чтобы не испортить аппетит.

— Вот так я и сказала, когда господин Нарсиа пытался меня напичкать пирожными, чтобы не пустить в сад, — хохотнула Тина и нахмурилась, вспоминая белокурую Луситу. Это воспоминание вызвало новую мысль, и мадемуазель Лоет не удержалась: — Вы говорили, что не хотите жениться. Тогда к чему были ваши слова о... нашей свадьбе?

Она смутилась и опустила глаза.

— На что не пойдешь, чтобы спасти своего секретаря от порки, — весело ответил Альен.

— И только?! — воскликнула Тина и, заметив любопытство в глазах молодого человека, отчеканила: — Никогда не собиралась выходить замуж. И вы последний, на ком я бы остановила свой выбор. Мне ваших благодеяний не надо.

Сказав это, девушка покинула каюту, а Альен улыбнулся, глядя на закрывшуюся дверь.

— Это мы еще посмотрим... Стрекоза, — и он снова рассмеялся, легко и радостно.

Глава 19

За двадцать пять лет с момента, когда «Счастливец» в последний раз входил в гавань Лаифы, остров мало изменился. У причала дремали все те же корабли без флагов, принадлежавшие Лиге свободных мореплавателей, и лишь четвертая часть судов имела опознавательные флаги своих стран. Как бы ни боролись королевства и империи с пиратством и открытой торговлей людьми, Лига выживала, продолжая творить свои набеги и разорения. Правда, теперь на невольничьем рынке все чаще встречались рабы с экзотической внешностью: чернокожие, белые, но с узкими глазами, жуткие дикари, чьи тела покрывали татуировки. Особенно ценны стали иноземные женщины, чья непривычная внешность пришлась по вкусу пресыщенным развратникам из соседних королевств.

Прежних же пленников, которыми беззастенчиво торговали еще каких-то лет пятнадцать-двадцать назад, держали, пока не получат выкуп, или же убивали сразу, понимая, что платить за них некому. Если же на рынке обнаруживали хотя бы одного раба из известных государств, военные суда открывали охоту за кораблями Лиги. Худо-бедно, но приструнить ее немного сумели. Что касалось иноземцев, то блистательным цивилизованным правителям до них не было никакого дела.

И теперь на Лаифу частенько заходили корабли из дальних стран, которые искали своих соплеменников и не менее часто находили их именно здесь. Вот и сейчас в гавани пиратской вотчины покачивались на волнах иноземные суда. Стояли они обособленно, команды держались так же, не вступая с жителями острова в разговоры и перепалки, и их никто не трогал. Кто же будет нападать на покупателей?

«Счастливец», так и не поднявший флага своего королевства, вошел в гавань Лаифы. Встретивший их корабль береговой охраны пропустил беспрепятственно, и капитан Лоет, как в старые добрые времена, сам определил себе место стоянки. Бригу никто не препятствовал бросить якорь у причала. Несколько любопытных взглядов коснулись его бортов, заметили «боевые раны» и больше внимания не обращали. Где еще было подлатать кормильца, как не на этом берегу? Здесь не будут задавать лишних вопросов и лезть в душу. Если ты имел отношение к Лиге, на Лаифе ты был всегда своим.

Перед тем как подойти к острову, капитан Лоет выдержал небольшой бунт своего сокровища, осознавшего, что ее на известный пиратский

остров брать не собираются. Однако отец был неумолим, и Тина потеряла дар речи, услышав, как заколачивают дверь ее каюты. Даже увещевания Альена Литина в этот раз не возымели действия. Напротив, оглядев молодого человека, Вэйлр поцокал языком и покачал головой, задумчиво произнеся:

— Уж больно смазлив, как бы не приглянулся кому.

— Вы на что намекаете? — осторожно спросил Альен.

— Оденься попроще и возьми у парней оружие, да и один от брига ни на шаг, — все так же задумчиво продолжал бывший пират.

— Я не девица, за себя постоять сумею, — сухо произнес молодой человек. — К чему эти предосторожности?

— Так вы же, любезный мой, в зятя мне набиваетесь, — ехидно ответил Вэй.

Альен прищурился и не менее ехидно поинтересовался:

— Обговорим день свадьбы, дорогой тесть?

— Нет! — рявкнул Лое. — Тесть, бр-р, — он передернул плечами, отошел на несколько шагов и обернулся, вновь окинув Литина задумчивым взглядом. — А впрочем, оставайтесь как есть.

— Пожалуй, я воспользуюсь вашим первым советом, — усмехнулся молодой человек, и Вэйлр вздохнул:

— А зря.

Оставив Альена, криво усмехнувшегося вслед «дорогому тестю», Вэй вышел на палубу, щурясь от яркого солнца. Он вдохнул полной грудью, оглядел стоявшие рядом корабли Лиги и шумно выдохнул:

— Как же хорошо! Ардо, я прогуляться, присмотри за парочкой авантюристов, — велел мужчина, направляясь к сходням.

— Думаете, Тина просочится под заколоченной дверью? — усмехнулся старший помощник.

— Эта все может. Тем более у нее теперь опекун есть, — ядовито ответил Лое и легко сбежал на причал.

Он уже сделал несколько шагов, чтобы направиться в город, шумевший за пределами порта, когда заметил странного мужчину, стоявшего чуть в стороне. Свободная одежда иноземного покроя скрывала фигуру незнакомца, лицо прикрывала широкополая шляпа, но одна деталь в облике мужчины показалась знакомой. Лое медленно развернулся всем корпусом в сторону незнакомца и нацелил на него палец, пророкотав:

— Ты!

Мужчина поднял голову, открывая взору капитана лукавую улыбку. Его узкие раскосые глаза хитро блеснули, и пальцы знакомо потянулись к

большому пауку, эполетом застывшему на плече.

— Бонг, — ухмыльнулся Вэйлр Лоет. — Бонг, чертов колдун. Бонг! — заорал он, бросаясь к старому другу. Схватил его за плечи и встряхнул, затем прижал к груди, стискивая в крепких объятьях. — Не верю своему глазу, не может быть! Бонг, это же ты, Бонг!

— Я, мой друг, — рассмеялся Тин Лю Бонг и похлопал бывшего пирата по спине. — Я тебя ждал. Утром, глядя на море, я понял, что пришло время нашей встречи.

Лоет отступил назад, выпуская из объятий давнего знакомого, осмотрел его и положил руку ему на плечо, разворачивая в сторону города.

— Идем, — сказал Вэй. — Мой бриг получил рану, нужно вызвать ему лекарей. Ты же еще не научился латать корабли? — Бонг улыбнулся и отрицательно покачал головой. — А зря, весьма полезное занятие. Ты же пропустишь со мной по стаканчику доброго вина?

— Вэй, твое прошлое все больше захватывает тебя в свои руки, — прищурился лекарь с Тригара.

— Пояснишь? — поинтересовался бывший пират.

— Ты и сам все видишь, — невозмутимо ответил Бонг и устремился в сторону портовых ворот.

— Ох уж мне эти твои недосказанности, — усмехнулся Вэйлр, и мужчины покинули порт.

Тина Лоет, закрытая в своей каюте до отплытия «Счастливица» с острова, пребывала в полном унынии. Может быть, отец и не был бы так суров с ней, но юное создание, забыв всякую осторожность, пригрозило сбежать при первой же возможности и доказать, что способно само себя защитить. И скорей всего, именно эти слова стали причиной тому, что Альен, слушавший спор отца с дочерью, развернулся и покинул каюту, закончив увещевать капитана Лоета, обещая, что Тина будет под его присмотром. Обдумывая все это, девушка страдала.

Во-первых, ссора с отцом была неприятна, а его решительные действия вызвали живейший протест. И вроде хотелось попросить прощения, но фамильное упрямство не позволяло открыто признать раскаяние. А во-вторых... вот тут было все еще сложнее. Тине было ужасно стыдно... перед Альеном Литином, в чьих глазах она увидела укор и, как показалось Тине, разочарование. Это было еще неприятней, чем ссора с папенькой. Даже после размолвки Вэйлр Лоет оставался любящим родителем, отходя и прощая свою взбалмошную дочь. А вот Альен Литин был посторонним человеком, принявшим в судьбе мадемуазель Лоет живейшее участие. В отличие от папеньки, он мог охладеть к девушке,

разочаровавшись в ней, и тогда он уже точно никогда не поцелует... К дьяволу поцелуй! Тина боялась потерять в лице Литина друга. Хотя и поцелуй терять не особо хотелось...

— И что я за человек такой, — тяжело вздохнула Тина и, завалившись на койку, зарылась лицом в подушку.

Из вязкого омота переживаний девушку вытащил стук в дверь. Она приподнялась и охнула, когда в дверь каюты вонзилось лезвие топора.

— Альян? — подпрыгнула Тина, вдруг решив, что это молодой человек решил освободить ее из заточения.

Однако это оказался всего лишь Мельник. Матрос деловито проделывал в двери окошко, орудуя плотницкими инструментами. Он подмигнул узнице, заметив ее внимательный взгляд.

— Зачем? — хмуро спросила девушка.

— Для пайки, — весело ответил Мельник.

— Я есть не буду, — буркнула мадемуазель Лоет и повернулась к мужчине спиной. — Передайте папеньке, что я объявляю голодовку до своего освобождения.

— Мясник удавится на собственной бороде, — хмыкнул матрос. — Он уже помчался на местный рынок, чтобы порадовать маленького ангела. Обидишь Самеля?

Тина только вздохнула, но не ответила. Есть ей совсем не хотелось. Хотелось, чтобы в окошко заглянул Альян и сказал, что не злится на нее, но молодой человек не спешил успокоить страдальцу, и мадемуазель Лоет совсем сникла, уже ни на что не обращая внимания. Девушка лежала, повернувшись лицом к стене, и выводила пальчиком невидимую букву «А», представляя себе лицо господина Литина, вспоминая его проникновенный взгляд и тот единственный поцелуй, который он подарил ей. И душу щемило от страха, что он уже никогда, никогда-никогда не посмотрит на нее с той теплотой, с которой столько раз рассматривал сначала своего «воспитанника», а теперь ее настоящую. Вскоре защипало не только душу — перед глазами размылись очертания каюты, и слезы солеными ручейками побежали по вискам, промочив подушку.

Когда появился Самель, Тина уже успокоилась и лежала с закрытыми глазами, ругая себя за свое прежнее поведение. И за шарманщика в Порт-Домасо, и за непослушание на «Алиани», и за ревность к Лусите Нарсия, и, конечно, за сегодняшние угрозы собственному папеньке. Мадемуазель Лоет представила, как безобразно выглядело все это со стороны, и ей так отчаянно захотелось обнять отца, уткнуться в его грудь лицом и попросить прощения за все-все-все... И за позор перед всем городом на ее

пятнадцатилетие, и что не оправдала его чаяний, не став благородной девицей, за свою брань и попытку побега. За то, что заставила его нервничать, и за то, что наговорила опять кучу нехороших слов. Тине так хотелось оказаться в теплых и любящих объятьях. Что может согреть лучше них, когда на душе так тяжело и горько?

Девушка поднялась с койки и подошла к дверям. Ответом на ее стук стали приближающиеся шаги. Окошко открылось, и в каюту заглянул Кузнечик.

— Что, лапа? — спросил он с улыбкой.

— Вернулся ли папенька? — спросила мадемуазель Лоет.

— Капитан прислал плотников, но сам он еще не вернулся, — последовал ответ. — Ты хочешь чего? Может, есть? Пить?

— Я хочу к папеньке, — всхлипнуло несчастное юное создание и вернулось на койку, вытирая вернувшиеся слезы.

— А поесть? — удивился Кузнечик. — Лапа, тебе надо...

— Ничего мне не надо, я папеньку видеть хотела, — ответила девушка и снова спрятала лицо в мокрой подушке.

Самель появился с подносом после Кузнечика. Он шумно вздыхал у открытого окошка, но так и не смог добиться от своей любимицы внимания. Великан сокрушенно покачал головой, поставил на крышку, закрывавшую окошко, то, что принес, и оставил Тину наедине с ее переживаниями. Девушка посмотрела на окошко; теперь ей стало стыдно и перед коком. Добрый дядюшка Самель старался, а ей кусок в горло не лез, даже из вежливости. Тина еще не помнила, чтобы в жизни ей было так тоскливо, как сейчас.

— Все из-за этого Литина, — проворчала мадемуазель Лоет. — Чтоб ему пропасть.

А уже через минуту Тина испуганно просила Всевышнего не слушать ее. Лаифа, Ржавый, море — ее желанию так легко было сбыться!

— Не хочу, — замотала головой мадемуазель Лоет, рывком садясь на койке. — Не надо!

— Чего не надо? — услышала она и обернулась к двери.

На нее смотрел Альен Литин, живой и невредимый. Молодой человек глядел на нее внимательным взглядом и хмурился.

— Ты плакала, — заметил он.

— Вот еще, — фыркнула Тина, пряча покрасневшие глаза.

— А я принес тебе пирожные, ореховые, — с улыбкой произнес Альен. — Ты любишь ореховые пирожные? У них тут примечательная кондитерская, даже не ожидал.

Волна необоснованного возмущения неожиданно сменила всю прежнюю тоску. Она тут страдает, переживает за него, а он... он по кондитерским ходит?!

— Тина, — позвал ее Альян, — мне было скучно без тебя. Поужинаешь со мной?

— Как? — спросила мадемуазель Лоет, рассматривая дверь.

— Очень просто, — подмигнул Литин. — Только сначала заberi пирожные, руки занимают.

Заинтригованная девушка подошла к двери, забрала красивую коробочку, перевязанную красной лентой.

— Никуда не уходи, я скоро вернусь, — сказал он Тине, усмехнувшейся на его просьбу, и исчез.

Мадемуазель Лоет высунула голову в окошко, пытаясь увидеть, куда направился ее «опекун». Только сейчас до нее дошло, что исчезла еда, принесенная до этого Самелем, а она даже не заметила, как кто-то подходил к дверям. Ждать оказалось недолго. Вскоре вернулся Альян, ведя за собой Самеля, несшего новый поднос. Великан с невозмутимым видом остановился за спиной Литина. Тот снял с руки кока небольшую скатерть и велел Тине накрыть ею стол, после передал блюдо, накрытое крышкой, столовые приборы и вазу с фруктами. После накрыл салфеткой свой импровизированный стол, состоявший из откинутой крышки, закрывавшей окно в двери, поставил свою тарелку, взял вилку с ножом и втянул носом запах.

— Невероятно аппетитно пахнет, господин Самель, — отметил он.

— Это что, вы не пробовали то, что я готовлю на кухне, господин Литин, — ответил великан, с обожанием глядя на молодого человека. — Не буду вам мешать.

Кок незаметно подмигнул и удалился, оставив Альяна и Тину наедине. Однако через несколько шагов обернулся и умиленно вздохнул. Маленький ангел будет есть, и уже за одно это Самель полюбил сына того, к кому когда-то относился с неприязнью. Еще раз вздохнув, великан хмыкнул своим мыслям и окончательно ушел.

— За тебя, — провозгласил Альян, поднимая вилку, наполненную гарниром, тут же поясняя: — За неимением вина.

Тина присела на стул и скромно потупилась. Она совершенно терялась в присутствии молодого человека, и чем дальше, тем больше. Особенно когда он был вот такой... и снова у мадемуазель Лоет не нашлось определения для Литина.

— Ты не поддержишь мой тост? — чуть вздернул брови Альян в

притворном изумлении.

— За вас, — тихо ответила девушка, поднимая свою вилку.

Молодой человек отправил вилку в рот, задумчиво пожевал, наблюдая, как Тина ест, удовлетворенно улыбнулся и снова подцепил гарнир.

— Мне тут подумалось, — произнес Аьен, — если я обращаюсь к тебе на «ты», почему бы тебе не перестать мне выкать?

— Хорошо, — согласилась девушка, рассеяно ковыряясь вилкой в своей тарелке.

— Тогда за это стоит... съесть еще вилочку этого удивительно вкусного блюда. Тина, я тебя жду.

Мадемуазель Лует спрятала улыбку и отсалютовала полной вилкой. В третий раз они подняли вилки за успех мероприятия, в четвертый — за здоровье славного капитана Луета, а дальше Тина поняла, что голодна настолько, что тостов больше не потребовалось. Когда снова появился Самель, неся чашку с ароматным чаем для своей любимицы и бокал вина для молодого человека, тарелки оказались пусты, и великан едва не прослезился, несильно хлопнув Аьена по плечу. Литин вскинул руку, упираясь в косяк двери ладонью, чтобы удержаться на ногах от неожиданного проявления дружеских чувств кока. Самель виновато посмотрел на него, но встретил только добродушную улыбку.

— Открывай пирожные, я хочу знать, угадал ли я, — попросил Аьен, когда великан снова ушел.

— Только если вы... ты попробуешь со мной, — потребовала ответ Тина.

— С удовольствием, — не стал спорить молодой человек.

Девушка потянула красную ленточку за концы, откинула крышку и достала одно из пирожных, лежавшее в бумажной корзиночке с резными краями. Аьен протянул в окошко ладонь, но прежде, чем Тина положила на нее пирожное, мягко сжал ее запястье.

— Мне тебя не хватало, — сказал он, не сводя с лица мадемуазель Лует серьезного взгляда.

— Правда? — вскинула на него глаза Тина. — И ты не сердишься на меня за то, как я вела себя сегодня?

— Твое упрямство было неразумным и неприятным, — признал молодой человек, поглаживая девичье запястье большим пальцем. — Тебе стоит извиниться перед отцом, он всего лишь оберегает тебя. Лаифа не то место, где стоит разгуливать девице, даже такой отчаянной, как ты. — Девушка потупилась и кивнула, уже сама понимая, что была неправа. — Здесь торгуют людьми, а зная тебя... Кстати, что это еще за история с твоей

продажей? Мне хотелось бы узнать и об этом твоём зловещем. Расскажи.

Тина на мгновение вспыхнула, отрицательно мотнула головой, но все же решила и кивнула. Мужские пальцы еще раз скользнули по тыльной стороне ее ладони. Затем Альтен наконец забрал пирожное, и отпустил мадемуазель Лое. Она немного разочарованно вздохнула и вернулась на свое место.

— Все началось еще в Кайтене. Мы со Сверчком сбежали в порт, чтобы посмотреть выгрузку зверинца. Папенька жутко рассердился на меня, — начала свою историю Тина...

Вэйлр Лое сидел в кабаке напротив Бонга и слушал его. Они уже опустошили половину заказанной бутылки, и благостное настроение наполняло тело вместе с теплом от выпитого вина. Бонг, по своему обыкновению, довольствовался овощами и зеленью, Вэй с наслаждением ел мясо, время от времени поглядывая на посетителей кабака.

В отличие от самого острова, над которым время было не властно, местная публика сильно изменилась. Преведних представителей Лиги практически не было, их сменили более молодые и горячие головы. Женщины, прогуливающиеся между столов, также давно сменили тех разудалых красоток, которых знал Лое. Воспоминания ненадолго отвлекли бывшего пирата от беседы. Бонг замолчал, видя, что его друг сейчас далеко, и понимающе улыбнулся.

Вэй вернулся лет на тридцать назад. Тогда за стойкой этого кабака стоял папаша Лебо, отец нынешнего владельца. Папаша Лебо был скупердьяем, каких не видывал свет. Без денег у него невозможно было выпросить даже черствой корки хлеба. И если кто-то был возмущен этим фактом, то появлялись братья-близнецы Олер и Толь, получившие почти одинаковые прозвища: Молот и Кувалда. Огромные, похожие сложением на Самеля, с бородами, заплетенными в косу с неизменным кокетливым бантиком на конце, они лупили своими кулаками, не вступая в долгие препирательства, вышибая дух из возмущенных одним ударом. Папаша Лебо обожал их, и они платили ему собачьей преданностью.

При кабаке имелся дом увеселений, и, когда душное нутро заполнялось моряками, девки, кто остался не у дел в борделе, выходили в зал. Они точно так же, как и нынешние женщины, бродили между столиками, усаживались на колени к мужчинам, соблазняли, просили заказать им выпить. Зачастую, получив свой заказ, девицы испарялись, возвращая папаше Лебо выпивку. Папаша обожал своих девочек, девочки

уважали папашу.

Была среди шлюх одна наиболее запомнившаяся Лоету. Нет, она запомнилась ему не по тому, как могла ублажить мужчину, он и не был никогда с ней. Длинная Мэл орудовала ножом, как иная швея иглой, и могла вспороть брюхо любому, кто не готов был считаться с ее «нет». Мэл могла за вечер обойти почти весь зал, принеся папаше Лебо немалую прибыль, приласкать каждого, обещая жаркую ночь, и уйти, так и не подпустив никого близко.

Как-то несколько пьяных скотов, посчитавших себя оскорбленными, подловили женщину, когда она покинула кабак и оказалась вне бдительного ока Кувалды и Молота. Вэй в тот день как раз зашел на Лаифу после не очень удачного рейда. Он был зол, он был трезв — и он желал исправить оба данных недоразумения. Те четверо мерзавцев стали ему подарком небес. Лоет не прошел мимо. Он влез в заварушку, и они вдвоем с Длинной Мэл сначала вырезали скотов, а потом вдвоем же и надрались у нее в комнате в борделе.

— Бесплатно! — ревела Мэл, как только кто-то пытался намекнуть, что ее гость задержался.

Заснули они на одной кровати, но даже и не подумали предаться утехам. Когда Лоет уходил утром, Мэл похлопала его по плечу и сказала:

— Вэй, здесь ты всегда найдешь приют.

И через год он вспомнил об этих словах, когда в драке получил ножом в живот. Единственным местом, где Лоет успел скрыться, был дом увеселений.

— Мэл! — прохрипел он, ползя по лестнице.

Удивительно, но женщина услышала. Она выгнала своего клиента, кинув управляющему собственные деньги взамен потерянных. После оттащила к себе раненого Вэя, прежде метнув нож в первого же головореза, сунувшего нос в двери борделя. Он так и упал навзничь с рукоятью, торчавшей из горла. Затем сама выхаживала, пока Лоет не смог подняться и уйти. А когда мужчина вернулся на Лаифу еще через полгода, узнал, что Мэл зарезал один из клиентов ее же собственным ножом. Кто это был, Вэйлр так и не смог выяснить, сколько он ни искал, стремясь поквитаться за смерть своей подруги.

Воспоминания о Длинной Мэл неожиданно всколыхнули старые чувства, злость, сожаление и боль утраты друга, которого знал не так долго, но запомнил на всю жизнь. Лоет поднял свой стакан и провозгласил:

— За Мэл. Пусть кости ее покоятся в мире, и дьявол не тревожит ее.

— За Мэл, — поднял стакан Бонг. — Кто бы она ни была.

Вэйлр залпом допил вино и налил снова. Он повернул голову, рассматривая совсем юную блондинку, хохотавшую на коленях какого-то молодчика. Тот заметил и нахмурился, явно не одобряя неожиданного внимания к своей даме. Его ладонь по-хозяйски легла на грудь девки. Вэйлр усмехнулся и вернул свое внимание старому другу.

— Значит, вы ведете переговоры с властями острова? — переспросил он.

— Ведем, — кивнул лекарь-колдун. — Мерзавцы заламывают такую цену, что впору продавать императорский дворец. Пока дядя принца думает, меня отпустили. Им сегодня переводчик не нужен, а мне хотелось увидеть тебя.

Лоет откинулся на спинку стула и, прищурившись, криво усмехнулся.

— Ты хитрец, Бонг, — сказал он, погрозив пальцем. — Я тебя знаю. — Лоет снова подался вперед и уже не сводил пытливого взгляда с раскосых глаз господина Тина. — Тебе нужна моя помощь. И не говори, что ты просто соскучился по моей роже.

Теперь лекарь откинулся на спинку своего стула. На его губах появилась улыбка, и мужчина покачал головой.

— Ты угадал, мой друг, но вместе с тем обидел меня. Прежде всего, я был рад увидеть тебя, Вэй. И когда я понял, что судьба нам дарит еще одну встречу, я возблагодарил Небо. Но ты прав, я не только вижу то, что было и будет, я умею понять и настоящее. И раз уж судьба решила нас свести сейчас, значит, мы можем быть полезны друг другу. Ничего на этой земле не происходит просто так, у всего есть причина и следствие.

— Неплохо моя Ада поднатаскала тебя в нашем языке, — хмыкнул Лоет. — Хорошо, возможно, ты и прав. Возможно, Ржавый продырявил мой бриг именно для того, чтобы я подставил свой зад твоим неприятностям. И я даже могу согласиться на это, потому что ты всегда знаешь, что мы выберемся из заварушки, сохранив зад неприкосновенным. Но, дьявол тебя дери, Бонг, на борту «Счастливого» — моя дочь, и ею я рисковать не могу, ты понимаешь?

Тин кивнул. Он знал о том, что Тина сидит закрытой в каюте, как и о том, из-за чего мучается ее отец.

— Я понимаю, и я не прошу тебя о многом. Нужно всего лишь помочь, но об этом не здесь, — прервал сам себя Бонг.

— Согласен, — кивнул Лоет. — Уходим?

— Не сейчас, — чуть скривился лекарь.

— Почему? — поинтересовался Вэйлр.

— Не получится, — широко улыбнулся Бонг и указал взглядом в

сторону двери.

Лоет неспешно обернулся и с любопытством рассмотрел немолодого мужчину в линялом жилете и грязных штанах. Неряшливый вид мужчины показался Вэю знакомым, вызвав в душе бывшего пирата протест. Сам он не переносил грязи, ни на одежде, ни на теле, если, конечно, к тому не вынуждали обстоятельства. Если приходилось спать на земле и не было возможности помыться и переодеться, Лоет от этого не приходил в дурное расположение духа, воспринимая неудобства и лишения философски. И все же...

Мужчина чуть наморщил лоб, напрягая память.

— Грязнуля? — задумчиво спросил он у самого себя. — Дьявол меня задери, он... Вот же дерьмо собачье, — от души выругался Вэйлр и перевел взгляд на Тина. — Ты знал?

— Друг мой, даже я не могу знать все, что произойдет в следующую минуту, — покачал головой колдун. — Но когда дверь открылась, и я взглянул на того, кто вошел, то увидел... — мужчина усмехнулся и закончил, — как ты его мыл.

Вэй скривился и ответил Бонгу укоризненным взглядом.

— Из твоих уст это прозвучало как-то совсем неприлично.

Лекарь улыбнулся в ответ и подмигнул. Лоет снова обернулся к Грязнуле, который успел усесться за одним из свободных столов и подозвал к себе жестом одну из девок, однако идти к нему никто особо не спешил. Пират нахмурился и огляделся. Вэйлр отвернулся еще до того, как его заметили. Нет, он не опасался старого знакомого. Он не был опасен в молодости, не стал опасней и сейчас. Впрочем, подленько из-за угла ударить мог и даже пытался это сделать после того, как Лоет выставил его на посмешище. Однако все закончилось тем самым мытьем, когда взбешенный капитан «Счастливого» окунул недруга с головой в грязный городской фонтан, сопроводив сие действие глумливыми присказками, повеселевшими собравшихся зевак. Вэй мог бы даже помахать рукой Грязнуле, но связываться с недоумком не хотелось.

Сейчас, пока Лоет сидел спиной к пирату, тот, меньше всего ожидая увидеть старого недруга, не обращал на него внимания. Вэйлр посмотрел на Тина.

— Собственно, не вижу особой помехи для нашего ухода, — сказал он.

— Узкоглазый, а ты что забыл в приличном обществе? — тут же послышался голос Грязнули. Голос этот всегда раздражал Лоеа скрипучими нотами. — Кто пустил сюда эту обезьяну? Лебо, кого ты

привечаешь под своей крышей?

— Урою, — констатировал Лое, но Бонг поднял руку, останавливая его.

— Эй, я к тебе обращаюсь, сучий выbleвок, — не унимался старый пират. — Повернись и смотри на меня.

— Точно урою, — сам себе кивнул Вэйлр.

— А кто это там сидит рядом с узкоглазой обезьяной? Слышишь, ты, обернись!

На них стали посматривать, и это было нехорошо, потому что там, где появляется один недоумок, всегда находится второй.

— Идем отсюда, — спокойно произнес Вэй, вставая со своего места. Тин поднялся следом.

— Труссы, — хохотнул Грязнуля, — в штаны наложили. Уже бежите? Лебо, ты с них денег взять не забыл?

Хозяин кабака взглянул исподлобья на разошедшегося пирата, не спеша отвечать ему или заткнуть рот, не желая провоцировать драку. Но этого желания не разделяли ни Грязнуля, ни Лое, чье раздражение достигло предела. Он неспешно развернулся в сторону старого недруга и жизнерадостно улыбнулся:

— Грязнуля, а ты еще не сдох! Какая неприятная неожиданность. — И, сморщив нос, обмахнулся ладонью. — Я бы даже сказал, смрадная такая неожиданность. Извини, обнимать не буду, я брезгливый, а ты мылся, наверное, последний раз в том самом фонтане.

Пират привстал, протер глаза и снова упал на лавку, сипло выдохнув:

— Лое. Дьявол меня пожри, одноглазый выродок!

— Ты тоже рад меня видеть, — просиял капитан «Счастливого».

— Но откуда? — все так же недоуменно спросил Грязнуля.

— Приплыл на запах. От тебя несет до самого Кайтена, — усмехнулся Лое.

Тин положил ему руку на плечо и слегка подтолкнул к выходу. Старые друзья почти дошли до двери, когда кто-то позади громко переспросил:

— Лое? Это Лое? Его уроды испортили мой корабль!

— Нечего руки тянуть к чужому, — бросил на ходу Вэйлр, взявшись за ручку двери, и тут ожил Грязнуля.

— Лое, ублюдок, ты совсем опустился, водишься с узкоглазыми! Обернись и ответь, если ты мужчина!

— К свиньям не оборачиваюсь, — сухо произнес Вэйлр, открыв дверь.

— Он нас свиньями назвал, вы слышали, господа?! — снова подал голос тот, кто пытался напасть на один из торговых кораблей «Вэйлады»,

охраняемый кораблями сопровождения.

Неожиданно проход закрыл неизвестный Вэю пират и вперил в него взгляд.

— Ты назвал нас свиньями, одноглазый?

— Проще, говоришь, станет настоящим? — задумчиво спросил Вэйлр, покосившись на лекаря. — Хорошо, считай, уговорил, — и удар кулака обрушился на челюсть пирата, мешавшего пройти.

Кабак взорвался. Пираты вскакивали с мест, девки потянулись к двери, ведущей из кабака в бордель, хозяин заведения делал знаки своим людям и орал:

— Пошли все вон! Режьте глотки друг другу на улице! Кто сломает хотя бы стул, в эти двери больше не войдет!

А вот это-то как раз было сделать сложно. Проход все еще закрывал детина, только покачнувшийся от удара Лоета и сплюнувший кровь тому под ноги.

— Не понял, — озадачился Вэйлр. — Не падает.

— Вэй, — укоризненно покачал головой Бонг.

— Ладно-ладно, — проворчал Лоет.

Пират заревел, срываясь с места, но напоролся причинным местом на колено капитана «Счастливого». Тоненько пискнув, громила упал на колени, сверля Вэя еще более укоризненным взглядом, чем взгляд господина Тина пару секунд назад, и окончательно сник, теряя сознание от второго удара ногой неучтливой бывшей графини. Бонг, стоявший спиной к другу, следил за приближающимися пиратами.

Та самая блондинка, сидевшая на коленях ревнивого кавалера и не пожелавшая уйти со своими подругами, залезла на стол, жадно рассматривая происходящее. Взгляд ее остановился на лекаре, и хорошенькое личико скривилось.

— Фу-у, что за дрянь сидит на плече у этого мужика? Убейте это кто-нибудь, — брезгливо потребовала она. — Ненавижу пауков, бр-р-р.

— Сейчас все сделаем, куколка, — ощерился ее ухажер и первым ринулся к Бонгу.

Тин резко выкинул руку в его сторону, и пират, так и не успевший заметить стремительного жеста, упал на пол.

— Не жалеть, — рявкнул Лоет, утягивая за собой друга. — Добивай, иначе потом напорешься на саблю.

— Да я и не жалел, — пожал плечами Бонг, мазнув взглядом по бессознательному телу.

Не медля далее, мужчины выбежали на улицу. Пытаться скрыться не

имело смысла, Вэйлр это знал. Погоня только привлечет больше внимания, вовлекая в драку новые лица. Также он знал, что противников у них с Бонгом будет не так уж и много. Законы кабацких побоищ Лоету были известны давно. Добрая половина завсегдатаев кабака папаши Лебо ничего не имели против бывшего пирата и его иноземного друга. Им просто нужен был повод размять кости, и они его получили, насев на того, кто оказался ближе. К тому же в таких драках парни часто вспоминали, на кого и за что имеют зуб, поэтому старые обиды толкали их не на зачинщиков.

Возможно, назови Лоет свиньями всех, кто находился в кабаке, пираты бы встали дружной стеной и тогда можно было в панике вспоминать, все ли успел указать в завещании. Но пираты ведь не дураки, а Грязнуля никогда не был в чести у представителей Лиги свободных мореплавателей, поэтому, несмотря на то что почти все посетители кабака высыпали на улицу, драка закипела раньше, чем до Вэя и Бонга успел добраться хоть кто-то.

Свара разгоралась на глазах. В пьяные драки зеваки влезали лишь тогда, когда нужно было самим выпустить пар, кидаясь на первого попавшегося противника. Потому-то Лоет и предпочел драку бегству. Они с Бонгом вновь стояли спина к спине, как много лет назад. Кровь, казалось, уснувшая давным-давно, яростно вскипела в жилах капитана «Счастливчика», разносясь по телу бурлящей лавой. Улыбка его была наполнена детской радостью, словно родители угадали с подарком на день рождения. Единственный здоровый глаз отражал все чувства, что сейчас наполняли мужчину, и Лоет пребывал в предвкушении уже забытого развлечения.

На него бросились сразу трое. Вэйлр отбил первый удар, увернулся от второго и скривился от мазнувшего по челюсти кулака. Сплюнув кровь с разбитой губы, Лоет ухватил ударившего его пирата за грудки и впечатался лбом тому в переносицу. От следующего удара второго пирата Лоет увернуться не успел и согнулся, когда воздух в одно мгновение покинул его легкие.

— Славный удар, — просипел он, боднув головой в живот своего противника, намеревавшегося довести дело до конца.

Тот согнулся рядом, и Вэй ударил его снизу, опрокинув на землю. После чего выдохнул и тут же полетел на землю, встретившись с кулаком третьего пирата, но сбил того ногой и стремительно оседлал, как только противник упал рядом. Лоет от души припечатал пирата кулаком по лицу второй раз и едва успел заметить занесенную над ним ногу. Ее Вэйлр успел перехватить, без жалости унизив ударом кулака еще одно причинное место. Тело вспоминало все прежние уроки, которые ему преподавали в давних

драках.

Бонг легко и грациозно, словно на его плечах не лежали прожитые годы, уходил от попыток достать его, нанося привычные точечные касания, валившие с ног каждого, до кого он дотягивался. Вскоре азарт захватил толпу. Драка с Бонгом стала похожа на забаву «достань узкоглазого». Наконец кто-то не выдержал и схватился за нож.

— Бонг! — рявкнул Лоет, успевший заметить из своей мешанины, как мелькнул клинок, и лекарь перехватил руку убийцы, без жалости ломая ее.

— Это же капитан! — неожиданно раздался голос Красавчика.

— Точно. Развлекается, и без нас, — ответил Мельник.

— Хватит сопли жевать, — рявкнул услышавший их Лоет. — Урою!

— Умеет Батя уговаривать, — хохотнул Красавчик.

Красавчик и Мельник вклинились в драку, подобно волнорезу, тут же с упоением берясь за дело. Постепенно народа в побоище прибавилось. Теперь уже никто не выискивал определенной цели, драка все больше напоминала свару, и Лоет, улучив мгновение, дернул Бонга.

— Вот теперь пора валить, — сказал он. — Парни!

Красавчик, выбивавший дурь из своего противника, бросил на капитана взгляд обиженного ребенка, но кивнул. Мельник оказался несколько занят. Его держали двое, третий планомерно выколачивал из матроса душу.

— Мельник! — гаркнул Лоет.

Тот прохрипел нечто невнятное, резко дернулся, освобождаясь, и снес молотившего его в живот пирата. Четверо мужчин выбрались из драки и свернули в ближайший переулок. Здесь они остановились, чтобы немного отдышаться. Лоет оцупал языком зубы и удовлетворенно кивнул. Бонг стряхнул пыль, матросы обиженно сопели.

— Как дети, — покачал головой Вэйлр. — Возвращаемся на «Счастличик», дело есть.

Мельник и Красавчик переглянулись, осклабились и поспешили за капитаном и его другом обратно на бриг.

Глава 20

Сумерки опустились на Лаифу, приглушая звуки дневной жизни. Закрывались лавки и магазины. Затихали корабли, команды которых сошли на берег или вели неспешные разговоры на палубах. Притих и «Счастличик». Плотники закончили на сегодня работу и покинули борт брига. Капитан пока еще не вернулся, не вернулись и те, кто ушел подышать шальным воздухом воли. Господин Ардо читал, сидя под зажженным фонарем на палубе, господин Даэль дремал в гамаке, оставшиеся матросы играли в кости, устроившись на капитанской бочке, прозванной так из-за нежной к ней любви Лоета. Вэйлр любил расположиться на «троне» и следить за жизнью своего корабля, подставив лицо дневному солнцу. Но сейчас «Счастличик» стоял на приколе, капитан пропал в городе, солнце скрылось за горизонтом, и бочка оказалась бесхозной.

Время неспешно текло, увлекая за собой людей, и только двое не замечали быстротечный бег стрелок на циферблате. Альен Литин все еще не покинул мадемуазель Лоет. Он присел прямо на пол, опираясь спиной на дверь, и слушал девушку. Тина сидела точно так же, но со стороны каюты. Она уже давно закончила рассказ о своих злоключениях, которые привели ее к встрече с Альеном. Молодой человек слушал ее внимательно. Усмехаясь, когда звучал эмоциональный пересказ путешествия Тины с его сиятельством. Смеялся, слушая о том, как проныра наладила продажу кружев прямо из закрытого пансиона. Но когда мадемуазель Лоет дошла до визита своего кузена, смеяться он перестал. Негодование, охватившее молодого человека при упоминании предложения младшего графа еще в поместье деда Тины, вернулось с удвоенной силой. Но Альен продолжал слушать с непроницаемым видом, сжимая и разжимая кулак, невидимый девушке из-за двери.

Житель столицы, Альен знал Маркэля Мовильяра. Аристократия зачастую развлекалась там же, где проводил время средний класс. Более того, дворяне часто сходились с коммерсантами и банкирами, считая это полезными связями. Сколько раз Альен наблюдал, как сын банкира поил высокородных дружков, поднимавших бокалы с шипучим вином за щедрого друга. Сам господин Литин, больше занятый своими обязательствами, редко появлялся на подобных собраниях. Но там он встречал кузена мадемуазель Лоет. Пару раз они недолго разговаривали, а

предложения присоединиться к веселой компании Альен вежливо отклонял. Шальные забавы молодых людей ему не нравились.

Пока Тина рассказывала, как сбежала из пансиона, Альен думал о том, как можно достать мерзавца Мовильяра, сохранив при этом свое имя незапятнанным. Затем он вспомнил о невольничьем рынке Лаифы и усмехнулся, решив, что Марк неплохо бы смотрелся прикованным к столбу рядом с живым товаром или же в клетке с другими пленниками. Идея неожиданно понравилась Литину, и он решил обдумать ее наедине с собой, вновь вернув свое внимание девушке, дошедшей до их встречи.

Потом Альен спрашивал Тину о ее жизни в Кайтене. Ему хотелось знать о ней все, и это немного удивляло молодого человека. Впервые его мысли были настолько поглощены понравившейся ему женщиной... девицей. Она была для него загадкой. И вроде понимал девушку, казалось, разгадал, как она вновь удивляла: то взрослым высказыванием, то детской непосредственностью, то неожиданной выходкой. Альену нравилось смотреть на нее в мальчишеском одеянии, как нравилось представлять Тину в женском платье. Ее личико с живым взглядом карих глаз в обрамлении коротких, взъерошенных ветром волос умиляло молодого человека. Порывистость и страстность природы восхищали, непосредственность веселила, а открытость души влекла с каждым днем все сильнее. И все же самым примечательным были ее глаза, в которых можно было прочесть все те чувства, которые обуревали его в этот момент, и видеть в них свое отражение оказалось невероятно приятно. Обо всех остальных девичьих прелестях Альен не позволял себе думать, понимая, что не смеет сейчас мечтать ни о прикосновениях ее ловких пальчиков, ни о чистых устах, к которым сам прижался всего один раз, поддавшись порыву. Зато голос слушал с удовольствием, сейчас не столько вникая в слова, сколько наслаждаясь его звучанием.

— Альен, — услышал он и чуть повернул голову назад. — Ты здесь, Альен?

— Здесь, — ответил он с улыбкой.

За дверью послышалось движение, и молодой человек понял, что девушка поднимается на ноги. Он поднялся вслед за ней и встретился со смущенным взглядом мадемуазель Лует.

— Я хотела спросить, — она замялась, вдруг заливаясь краской.

— Спрашивай, — кивнул Альен.

— Когда нас догнал Ржавый и ты отвел меня в каюту... Дьявол, неважно, — досадливо отмахнулась Тина и сделала шаг в сторону, прячась от внимательного взгляда молодого человека. — Забудь.

Литин понял, о чем хотела спросить девушка. Что такого могло случиться в тот день, что теперь щеки невинной девицы пылали огнем?

— Мне хотелось это сделать, — ответил Альян на невысказанный вопрос.

— Почему? — тут же откликнулась Тина, вновь появляясь в окошке. Глаза ее горели неподдельным любопытством, но, лишь взглянув на Литина, она снова спряталась, повторив: — Почему?

«Потому что ты мне очень нравишься», — хотелось ответить Альяну, но он не произнес ни слова.

— Капитан на борту! — донесся до молодого человека голос вахтенного.

— Твой папенька вернулся, — вместо ожидаемого ответа сказал Альян, и через несколько мгновений капитан Лоет, сопровождаемый неизвестным мужчиной, приблизился к нему.

Альян не мог разглядеть в темноте спутника Вэя, как не видел и его самого, но ясно почувствовал винный запах и коротко усмехнулся. Лоет остановился, припал спиной к стене и посмотрел на молодого Литина, на чьем лице играли отсветы огонька свечи из каюты Тины.

— Бунтует? — коротко спросил Вэйлр.

— Нет, — Альян пожал плечами. — С чего?

— Папенька, — лицо дочери появилось в окошке в двери, — папенька, мне надо с вами поговорить. Очень надо.

— Пока мы на Лаифе, не выпущу, — коротко ответил Лоет.

— Да я не о том...

— Все потом, — отрезал мужчина и прошествовал в свою каюту. Его спутник, на мгновение задержавшись рядом с Альяном, что-то произнес на неизвестном тому языке и последовал за капитаном.

Молодой человек проводил силуэты мужчин взглядом и повернулся к Тине, вопросительно глядя на нее. Девушка пожалала плечами и попыталась высунуть голову из окошка, чтобы разглядеть гостя. Альян чуть заметно улыбнулся и прижался к щеке мадемуазель губами. Она дернулась, ударилась головой о верхнюю часть окошка, пискнула и подалась назад, но оступилась и бухнулась на пол, ошалело глядя на растерявшегося мужчину.

— Всегда думал, что выражение «от поцелуя подкосились ноги» — скорей, приукрашивание действительности, — задумчиво произнес он.

Щеки Тины вновь залились краской, теперь больше от досады. Она вскочила на ноги, сердито взглянула на Альяна и воскликнула:

— Никогда больше не смей так делать!

— А если посмею? — улыбнулся Литин.

— Зубы выбью, — буркнула Тина, совершенно забывая, что собиралась измениться.

— Поглядим, — прищурился Альен.

— Посмотрим.

— Проверим.

— Даже не сомневайся!

— Сомневаются неуверенные в себе.

— Самоуверенные остаются без зубов.

— Зато с поцелуем, — хохотнул Альен и отошел от окошка.

Мадемуазель Лоет сжала кулаки и в сердцах топнула ногой, но очнулась и испуганно воскликнула:

— Альен!

Она поспешила к окошку, снова высунула голову, и ее губы опять оказались в ловушке упоительно трепетного поцелуя, без напора и попыток углубить соприкосновение уст, превращая касание губ в нечто более откровенное. Длилось это недолго; Альен вновь шагнул назад и лукаво улыбнулся:

— Поцелуй, и зубы при мне.

Онемевшая от произошедшего Тина очнулась и воскликнула:

— Так нечестно!

— О чести мы не говорили, только о зубах и поцелуях, — рассмеялся Литин.

— Я скажу папеньке!

— Говори, — покладисто кивнул Альен. — Жениться я уже обещал.

Тина смотрела на него во все глаза, хватая ртом воздух то ли от возмущения, то ли от изумления, но ответа она так и не придумала. Девушка смотрела, как Альен подходит к дверям капитанской каюты.

— Куда? — приглушенно спросила она.

— Обговаривать дату свадьбы, — снова осклабился молодой человек.

— Нет!

Альен ничего не ответил. Он постучался и, услышав разрешение войти, открыл дверь. Лоет бросил на молодого человека недружелюбный взгляд, и тот остановился, глядя на капитана в немом изумлении. На лице того красовался наливающийся чернотой синяк, из разбитой брови сочилась кровавая струйка, губы также были разбиты. Лоет поправил прядку волос, и Литин заметил, что кожа на костяшках пальцев у него сбита.

— Не вздумай сказать Тине, — проворчал Вэй, отворачиваясь. — Чего тебе?

— Добрый вечер, — отмер Альян, здороваясь со вторым мужчиной, на плече которого сидел огромный паук, вызвавший у молодого человека смесь отвращения, любопытства и толики восторга: он еще никогда не видел таких больших пауков.

— Добрый вечер, — приветливо ответил незнакомец, почесал спинку паука, отчего тот пискнул.

Мужчина обмакнул тряпку в таз с водой и занялся Луетом.

— Так что ты хотел, мальчик? — тон Вэя так и остался недружелюбным.

— Я хотел просить об освобождении Тины. Обещаю, что она не сойдет...

— Нет, — отчеканил Вэй. — Пока мы не выйдем в море, она будет сидеть в каюте. Так надежней.

— И все-таки...

— Нет! — Лует мотнул головой, освобождаясь от ловких пальцев своего друга, занимавшегося его ссадинами, и посмотрел на Альяна. — Может, хочешь рискнуть и снова рассказать мне про свое опекунство?

— Сейчас не хочу, — усмехнулся Литин.

— Умный мальчик, — проворчал Вэй. — Что-то еще?

— Кто вас так? — спросил Альян, не удержав любопытство.

— Тот, кто меня так, лежит мордой в пыли и размазывает сопли, — заносчиво ответил Вэйлр.

— Драка в кабаке, — хмыкнул незнакомец, и Лует подарил ему хмурый взгляд. — Мое имя — Тин Лю Бонг, но ты можешь называть меня просто Бонг.

— Очень приятно, господин Бонг, Альян Литин, — склонил голову молодой человек. — А ваш паук...

— Не имеет значения, — рявкнул Вэй. — Идите, господин Литин, у нас важный разговор.

— Пусть останется, — возразил Тин.

Лует одарил друга очередным тяжелым взглядом, Альян же, напротив, смотрел на лекаря с нескрываемым любопытством. Он подошел ближе и сел на второй стул, не дожидаясь приглашения. Вэйлр тяжело вздохнул, но все-таки сдался. Он признавал, что его злость на молодого человека не имеет под собой никакого основания. Напротив, Вэй был даже благодарен Альяну за то, что тот развлекал его дочь, не дав ей впасть в уныние и задумать очередную гадость от скуки. Но в то же время, когда он увидел Литина перед дверями каюты Тины, кровь, еще не остывшая после драки, вновь вскипела. Впрочем, со своим отношением к новому другу дочери

Лоет решил разобраться позже. Одно радовало несомненно: Литин не Сверчок, и он не будет потворствовать ее сумасбродству, как и втягивать в авантюры.

— О чем со мной хотела поговорить Тина? — спросил Вэйлр, не глядя на молодого человека. — Задумала понуть и выпросить себе свободу?

— Думаю, мадемуазель Лоет хотела извиниться, — ответил Альян, разглядывая паука. — Тине неприятно ее поведение, она искренне раскаивается.

— Знаю я ее раскаяния, — буркнул Лоет. — «Папенька, я больше никогда не сбегу от Лисси, честно-честно. Папенька, я никогда-никогда не буду больше ввязываться в драки, вы должны мне верить», — пискляво передразнил мужчина дочь. — И сбегала, и дралась. Нет ей веры.

Альян перевел взгляд на капитана и спрятал улыбку, рассматривая взъерошенного мужчину со следами драки на лице.

— Она очень похожа на вас, господин Лоет, — произнес молодой человек. — И не только внешне.

— Много ты понимаешь, мальчик, — Вэй передернул плечами. — В моей голове ветер не свищет.

— Вам и не восемнадцать лет, — усмехнулся Альян.

Бонг негромко рассмеялся и покачал головой. Лоет повернулся к нему, соорудил гримасу, но промолчал. Однако не смог не ответить Литину:

— Я и в восемнадцать был более ответственным.

— Тина сказала, что вы когда-то служили на королевском флоте, — чуть помолчав, заговорил Альян. — На вашем поясе кортик, такие носят офицеры. Значит, в восемнадцать вы обучались в военном училище. А раз так, то у вас не было возможности позволять себе вольности. Вы оказались оторваны от семьи, находились под опекой старших офицеров и могли полагаться только на себя. Мадемуазель Лоет — девица. Она под опекой своей семьи, любящих родителей. Что бы Тина ни сделала, она знает, что вы любите ее, потому верит, что всегда простите. Однако, когда ей пришлось отправиться из приюта в Кайтен, девушка вела себя вполне осторожно и разумно.

— И об этом уже слышал? — бросил на него взгляд Лоет, усмехнулся, но тут же его голос наполнился ядом. — Я не знаю подробностей, а ему все известно! Какого дьявола?!

— Вы так были поглощены своим гневом, что не удосужились просто поговорить с дочерью...

— Дьявол меня дерит, мальчик! — Вэйлр вспыхнул, готовый уже наорать на зарвавшегося щенка, дать ему отповедь, но вдруг нахмурился и

сник.

Они ведь и правда толком не разговаривали. Отец оставался с дочерью сух и холоден, показывая всем своим видом, что недоволен ею. А Тина, уловив настроение родителя, старалась держаться ближе к Литину, который не орал и не хватал ее за уши. Она слушала мальчишку, словно он был для нее авторитетом; с родным же отцом либо самозабвенно клялась в том, что будет хорошей, либо обиженно сопела, либо, как сегодня, топала ногой и шла наперекор, доказывая свое право на собственное мнение.

— Что ты понимаешь? — уже тише спросил Вэй. — Я отец троих детей, но пусть меня пожрут черти, если я понимаю, как справиться с этим бесенком. Ей не нужно образование, ей не нужен этикет, ей плевать на правила, а такая вещь, как совесть, Тине просто незнакома...

— Она любит географию и астрономию, — перебил Аьен. — Ей интересна история, а романы предпочитает те, где есть приключения. Тина живо соображает и обладает богатым воображением. Если дать ей то, что она хочет, то мадемуазель Лоет в ответ даст то, что хотите вы. Но ограничения вызывают в ней протест. Тина не терпит несправедливости. Вспыльчива, может ударить, чтобы защитить себя. Встанет на защиту другого, если считает, что ему нужна ее помощь. Не будет молчать, если ее оскорбили, стремясь защитить свою честь. Не любит быть неправой и старается делать то, что ей хочется.

— Откуда тебе все это знать?! — вновь вспыхнул Вэй.

— Я наблюдал за ней, я разговаривал с ней, я стараюсь узнать и понять ее! — чуть повысил голос Аьен, но быстро взял себя в руки. — Тина — очень необычная и интересная девушка.

— Я узнаю в этом описании тебя, мой друг, — мягко улыбнулся Бонг, вмешиваясь в разговор двух мужчин.

— Ты со мной или с ним, Бонг? — возмущенно воскликнул Лоет.

— Я с правдой, Вэй, — ответил господин Тин.

— Идите оба к дьяволу! — сердито рявкнул Вэйлр и стремительно покинул собственную каюту. Лекарь и молодой Литин обменялись понимающими взглядами.

Лоет чеканным шагом прошел мимо каюты дочери, на мгновение задержался и заглянул в открытое окошко. Тина сидела за столом, подперев щеки кулаками. Она вскинула голову на звук шагов, но Вэй уже прошел дальше. Он не знал, что сказать Тине. Пока еще в нем пылало возмущение и гнев. Какого черта какой-то сопляк отчитывает его? Что он может понимать в воспитании детей, когда ему самому только перестали подтирать соплю? Он, Вэйлр Лоет, вырастил троих, троих детей! Он держал

в железном кулаке команду отъявленных головорезов, а потом — целую компанию, которая процветает с каждым днем. Он знает, как надо управлять!

Ночной ветер мягко обнял мужчину, охладив пылающее лицо. Вэй прикрыл глаза, пытаясь успокоиться. «Вы не удосужились поговорить с дочерью», — пронеслось в голове Лоета, и он снова скривился, с силой сжимая перила, венчавшие борт. Не удосужился... Да о чем там было говорить?! Маленькая поганка едва не довела отца до разрыва сердца своим побегом! Он же мчал как ненормальный, боясь опоздать. Сколько всего надумал, что только не представил! Что может понимать этот мальчишка?! Да если бы он сел разговаривать, то дошло бы до порки!

«Вспыльчива...» Девчонка просто взбалмошна, и хорошая затрещина живо вправит мозги на место! «Не любит быть неправой...» «Я узнаю в этом описании тебя, мой друг». Черта с два! Он, Вэйлр Лоет, умеет признавать свои ошибки, и он всегда думает о тех, кто рядом...

— Да что за на... — начал Лоет, но осекся и дернул головой, ослабляя узел платка, повязанного на шее.

Ему вдруг вспомнилось все, что он творил, когда дочь уехала с дедом по его же желанию. Как разогнал слуг, как самодурствовал, чем довел жену до того, что она сбежала от него в Льено. О чем он сам думал в тот момент? Лишь о том, что ему тошно в затихшем особняке, что тоскует по маленькой егозе, но даже не обратил внимания на то, что Ада, его любимый ангел, тоскует по Тине не меньше него. Но бывший пират упорно хлестал вино, палил по дверям из пистолета, закатывал небольшие истерики, исходил на яд, измучив себя и окружающих. Вэйлр Лоет тихо выругался и понял, что ему стыдно. Ему! Стыдно!

«Старается делать то, что хочется...» Теперь мысли Лоета переместились на Лаифу. Он вспомнил сегодняшнюю драку и признал, что мог уйти спокойно. Грязнуля не побежал бы следом, выйди Вэй из кабака молча и не обрати на него внимания. Так нет же, надо было глумиться над ничтожеством, нарваться на драку и изойтись на щенячий восторг от того, что есть куда выплеснуть свою дурь.

«Я наблюдал за ней, я разговаривал с ней, я стараюсь узнать и понять ее...» Значит, этот мальчишка пытается понять Тину, а ее отец — нет?! «Вы не поговорили с ней...»

— К дьяволу, он прав, — прошептал Лоет.

Когда девчонка была еще маленькой, Вэй часто и помногу говорил с ней, разжигая в душе малышки то, что сейчас пытался погасить и вытравить. Она так внимательно слушала... Лоет понял, что ему не хватает

того времени, что ему хочется сесть и, как прежде, поговорить с Тиной, увидеть блеск в ее глазах. Чтобы она сидела не ощетилившимся ежиком или заливалась фальшивыми слезами, а смотрела с искренним интересом, приоткрыв рот, и слушала его, рассказывала о своем, чтобы опять доверяла. Чтобы она была с отцом такой же, как с Альеном Литином.

— Я ревную? — удивленно спросил сам себя Вэйлр. — Чепуха!

Мотнув головой, мужчина направился обратно. Он подошел к каюте дочери, мгновение смотрел на деревянный крест, которым была заколочена дверь, на окошко — и рассвирепел. Да что же это, когда он стал не отцом, а надзирателем? Ведь не бежала же Тина на палубу, когда Литин велел ей сидеть в каюте! Так с чего он, Вэйлр Лоет, так уверен, что дочь непременно сбежит на опасный остров?

— К дьяволу! — воскликнул Вэй, ухватываясь за первую доску.

Доска не поддавалась, и тогда Лоет с силой ударил по ней ногой. Вскрикнула Тина, вышел из капитанской каюты Альен, за ним выглянул Бонг, прибежал вахтенный. Вэйлр ни на кого не смотрел, продолжая пробивать себе дорогу к дочери. Ему хотели помочь, но Вэй гаркнул:

— Все прочь!

Наконец вошел в каюту, с грохотом захлопнул за собой дверь.

— Папенька, — испуганно пискнула Тина, попятившись от отца.

Лоет поймал ее за руку и рывком дернул на себя, заключил в объятия и уткнулся носом в дочернюю макушку. Девушка затихла, прислушиваясь к происходящему. Руки ее стиснули отцовскую талию.

— Папенька, — всхлинула Тина. — Простите меня, я не хотела оскорбить вас. Я вас очень сильно люблю-у-у, — признание перешло в тихое подвывание, и мадемуазель Лоет разревелась.

— И ты меня прости, — прошептал Лоет, еще крепче обнимая дочь. — Я тоже тебя люблю, сильно-сильно.

Альен и Бонг снова переглянулись и вернулись в капитанскую каюту. Когда к ним присоединился Лоет, мужчины мирно разговаривали и потягивали вино из личных капитанских запасов. На плече Литина уютно расположился паук, и молодой человек поглаживал его без всякой гадливости. Вэй в очередной раз подумал, что синеглазый проныра его раздражает, но промолчал. Только отнял свое вино, уселся на койку и сделал большой глоток из горлышка.

— Что надумали? — спросил он. Вэю не нужно было спрашивать, чтобы понять, что Бонг оставил Альена в каюте со своим умыслом. Значит, тот, скорей всего, уже был в курсе их намерений.

— Как Тина? — вместо ответа спросил Литин.

— Твоими молитвами, — едко ответил Лует. — Спать легла Тина. Из-под ареста девчонка освобождена, поклялась не высовывать носа на палубу.

— Что вы ей за это пообещали? — улыбнулся Альең, и в его глазах появились веселые искорки.

— Отцу незачем подкупать свою дочь, — высокомерно ответил Вэйлр, однако сразу скривился и ворчливо закончил: — Сокровища Биглоу.

— Как все удачно складывается, — просиял Бонг. — Так вот, к чему мы пришли...

Глава 21

Прежде чем мы перейдем дальше, стоит отклониться в сторону и рассказать историю Бонга, благодаря которой вновь переплелись дороги лекаря и бывшего пирата. Итак... Двадцать три года минуло со дня, когда в далеком и таинственном Горастане был свергнут тиран, захвативший когда-то императорский трон и лично казнивший отца нынешнего императора. Волна убийств, казней, притеснений и насилия прокатилась по стране, свергнув цветущий некогда край в скорбь. И началась долгая и кровопролитная война, унесшая многие жизни. В том числе и жизнь старого учителя Тин Лю Бонга. Он отомстил и бежал от гнева новых властей, унося в своей душе боль утраты и непроходящую любовь к своей далекой Родине.

Теперь во дворце восседал на троне законный император. Когда вести о победе армии принца достигли Тригара, Бонг не колебался ни мгновения. Он вернулся туда, где увидел когда-то свет, где вырос и обучился всему тому, что знал. Удача любила Тина, и он стал личным лекарем одного из сановников. Весть о кудеснике докатилась и до императорского дворца. Вскоре Бонг стал лекарем императорской семьи.

Дворец покорила странника своей красотой. Первые дни он даже говорил почти шепотом, опасаясь нарушить величие древних стен. Но вскоре пообвыкся и стал своим. Особенно на половине его императорского высочества, принца Шэн Ли Дина. Видевший другие страны, познавший приключения, Тин Лю Бонг мог долго и интересно рассказывать о них своему будущему господину.

Дин, чье рождение совпало с днем победы его отца над тираном, обожал истории лекаря. Особенно любил историю про Ангела и отважного капитана Лоета. Про Вэя Лоета Бонг знал много историй, рассказывал их весело, и юноша проникся настолько, что его мечтой стало побывать на землях того славного королевства, где обитал его кумир. Должно быть, это и сподвигло его императорское высочество отправиться с посольством в Маранту, упросив императора отпустить его.

То, что случилось далее, повергло Горастан в печаль: на корабль принца напали пираты. Разбойники, узнав, кого пленили, отправили одного из императорских воинов, охранявших Дина, к его отцу с требованием выкупа. Разгневанный император казнил воина, не сумевшего защитить своего господина. Бушевал горастанский властитель долго, пытаясь найти

виновного в случившемся. Еще бы! Единственный наследник, любимый сын, надежда своего отца и всего Горастана, Дин был истинной ценностью императора.

Однако ярость его императорского величества полыхала ровно один день. А на следующее утро брат императора Шэн Ли Дана — его высочество Шэн Ли Чон — отправился к далекой Лаифе, где сидел в заточении принц Дин. Бонг казнил себя за то, что произошло с его высочеством. Он считал, что это его истории привели молодого господина в пиратский плен. И, чтобы искупить свою вину и исправить ошибку, сам вызвался сопровождать принца Чона. Знание Бонгом языка и нравов, царивших на Лаифе, оказалось как нельзя кстати. Император, оглядевший лекаря мрачным взглядом, ответил:

— Это ты отравил моего сына сказками о благородстве разбойников. Если вы вернетесь без Дина, я лично лишу тебя жизни.

— На все воля моего господина, — низко склонился Тин и поклялся сделать все, чтобы принц вернулся на землю Горастана.

Бонг любил паренька царственных кровей как родного сына и его пленение принял как собственное горе. И спасти его лекарь хотел не ради сохранения собственной жизни. Бонг не мог даже допустить мысли, что с Дином может случиться беда и что Горастан потеряет будущего императора. Он готов был умертвить себя сам, если это спасет молодого наследника.

Горастанское посольство встретили на Лаифе с высокомерием, выкуп заломили настолько высокий, что принц Чон чуть не набросился на губернатора пиратского острова. Сумма, взятая с собой, оказалась недостаточной. Выхода дядя Дина не видел, опасаясь, что путешествие до империи и обратно до Лаифы слишком затянется. Посольство пыталось договориться, но разбойники были непреклонны.

Бонг искренне переживал за принца. Оставлять его надолго в лапах пиратов никому не хотелось. Да и само его пребывание под стражей казалось унижением всего Горастана. Потому-то, предвидя скорое свидание со старым другом, Тин Лю Бонг почувствовал облегчение. Он часто вспоминал Вэя Лоета, даже скучал по нему. За долгие годы жизни на чужбине по-настоящему подружиться у него вышло именно с этим аристократом-пиратом. Лекарь нашел в нем родственную душу и проникся к пирату искренней симпатией. У кого же было искать помощи Бонгу, как не у Лоета — кумира принца Дина. Рассудив, что это перст судьбы и никак иначе, Тин поспешил на встречу с Вэем.

— Мальчишку лучше не впутывать, — покачал головой Лоет, глядя на

то, как Альен прячет зевок.

— Господин Лоет, может, я и не участвовал ранее ни в чем подобном, но, можете поверить, малодушие не в числе черт моего характера, — Литин поднялся со стула и прошелся по каюте, ожесточенно растирая лицо. — К тому же моя роль не так уж и сложна, я вполне с ней справлюсь. Сегодня прогуляюсь по тем переулкам, где должен буду вести его высочество.

— Вот именно, ты хороший мальчик, — Вэй усмехнулся. — Говорливый, но порядочный. Тебе бы на балах расшаркиваться с дамами да по городскому парку вышагивать. Это не шутки, парни на острове вообще шутить не умеют. Ты мне не нравишься, но лучше я придушу тебя сам, чем доверю эту радость местным головорезам.

Альен обернулся к нему и широко улыбнулся.

— Вы все-таки меня цените, Вэйлр, — произнес он.

— С чего это? — опешил капитан.

— Честь моего удушения вы не доверите никому, — хмыкнул молодой человек. — Признаться, я тронут.

— Или ты закроешь рот, или я тебя осчастливлю прямо сейчас, — мрачно пообещал Лоет.

Литин прикрыл рот ладонью, но в глазах его по-прежнему играли смешинки. Бонг, слушавший их пикировки уже не в первый раз за прошедшую ночь, покачал головой и поднял руку, обращая на себя внимание.

— Альен справится, Вэй, я уверен, — сказал он. — Ради сохранения тайны мы не можем ставить в известность всю твою команду. Он умен, силен, в смелости мальчика я не сомневаюсь. Противостоять тебе — для этого нужна отвага...

— Или глупость, — фыркнул Вэйлр.

— Я уже отметил его ум, стало быть — отвага, — улыбнулся Бонг, и Литин поклонился.

— Вечно ты торопишься, — сварливо отметил Лоет. — Хорошо, тогда отдыхаем и встречаемся вечером. А ты, — он посмотрел на Альена, — чтобы один не вздумал бродить по острову.

— Вчера я с этим справился вполне успешно, — возразил Альен.

— Я все сказал, — отчеканил капитан и нацелил палец на молодого человека. — Запомни, ты мой.

— Я предпочитаю дам, господин Лоет, — невозмутимо ответил Литин. — Но для вас готов сделать исключение.

— Что?! — взревел Вэйлр, вскакивая на ноги.

— Всего доброго и приятного отдыха, — все так же невозмутимо

произнес Альян и покинул каюту.

— Он меня бесит! — гаркнул Лоет, а Тин снова улыбнулся, отметив:

— Замечательный молодой человек. Пожалуй, я тоже пойду, — и лекарь ретировался, оставив друга наедине с собой.

— Гады! — от души произнес Вэйлр, падая на койку. Немного поворочавшись и послав пару едких выражений в адрес друга и молодого Литина, капитан «Счастливица» уснул с чистой совестью.

Солнце уже всю сияло на небосводе, когда Тина сладко потянулась и открыла глаза, приветствуя новое утро счастливой улыбкой. Вечерний разговор с папенькой вышел столь душевным, что, вспоминая его, девушка и стыдилась своего прежнего поведения, и готова была вновь расплакаться от умиления и любви, переполнявшей юное сердечко. А потом ее мысли переметнулись на другого мужчину, и бедное сердце вновь отозвалось сладкой мукой и смятением.

— Альян, — прошептала Тина, мечтательно улыбнувшись. — Мадам Адамантина Литин...

Она попробовала это сочетание слов на вкус, посмаковала, и щеки мадемуазель Лоет вспыхнули. Она сердито фыркнула и села на койке, ворча себе под нос:

— Какова глупость. Он куражится, а я тут... Вот уж нет. Ни за что и никогда. Даже думать не буду. Не буду, и все тут. Вот еще...

Решительно поднявшись на ноги, девушка прошла к тазу и кувшину, умылась, причесалась и высунула нос из каюты. Папенька велел не торчать на палубе, и Тина не собиралась нарушать данное обещание, но очень хотелось есть. Решив, что не против позавтракать в компании отца или Альяна, а лучше — обоих сразу, мадемуазель Лоет подошла к капитанской каюте. Постучавшись, она открыла дверь и нахмурилась: папенька спал. Это было столь непривычно и возмутительно, что Тина сердито засопела, подошла ближе, намереваясь растолкать отца, но посмотрела на его лицо, украшенное следами славной драки, и устыдилась, передумав его тревожить.

Теперь она стояла под дверями каюты Альяна Литина. Здесь решительность и смелость Тины немного померкли. Осторожно стукнув в дверь и не дождавшись ответа, девушка заглянула внутрь и фыркнула, обнаружив молодого человека также спящим.

— Сговорились они, что ли? — проворчала мадемуазель Лоет, уже собираясь удалиться, но вдруг передумала и вошла в каюту.

Несмело приблизившись к койке, Тина остановилась, с интересом рассматривая Альяна. Черты лица его были спокойны, грудь мерно

поднималась от глубокого ровного дыхания, и девушка залюбовалась. Она сделала еще один шаг к молодому человеку, нагнулась и поджала губы, борясь с неожиданным желанием. Мгновение, и она все-таки решилась. Протянула руку и коснулась умиротворенного лица, ощущая под пальцами небольшую щетину на скуле.

Литин вздохнул, и Тина отпрянула, готовая дать стрекача, если он откроет глаза. Но молодой человек вновь затих. Мадемуазель Лоет немного помялась, однако вернулась назад. Несмело провела кончиками пальцев по черным волосам, убрала с высокого чистого лба челку и нагнулась, совсем уж осмелев. Губы ее коснулись чуть приоткрытых губ Альена. Он улыбнулся во сне, и Тина поспешила к дверям, пока он не застал ее за столь возмутительным делом, как рассматривание его спящего без дозволения. Уже у дверей девушка обернулась, бросая последний взгляд на спящего мужчину, и прошептала:

— Адамантина Литин... Глупости какие, — фыркнула и покинула каюту.

Почему-то улыбка сама собой кривила губы, не желая сходить с лица, на душе было светло и радостно. Обуреваемая своим маленьким счастьем, Тина выскочила на палубу и охнула, сообразив, что нарушила данное обещание. «Тогда уж позавтракаю», — решила мадемуазель Лоет и поспешила на камбуз, не привлекая к себе внимания.

Самеля она нашла там, где и рассчитывала. Услышав шаги, кок обернулся и расплылся в добродушной улыбке.

— Маленький ангелок, — произнес он, раскидывая руки.

Тина нырнула в объятия великана и уткнулась носом ему в грудь. Кок неловко потрепал девушку по голове и звонко поцеловал в макушку.

— Деточка моя, — умиленно произнес Самель, отступая на шаг, но продолжая удерживать Тину за плечи, — проголодалась.

Мадемуазель Лоет кивнула и тут же была водружена на стул. Перед ней появились миска с кашей и кусок свежего хлеба.

— Специально в пекарню пораньше сбегал, — сказал Самель, усаживаясь напротив. — Совсем осунулась, отощала. Ничего, дядюшка Самель откормит своего ангелочка.

Тина подняла на мужчину взгляд и впервые задумалась, почему великан не женился за все те годы, что провел в особняке Лоетов. Она некоторое время мучилась от желания задать об этом вопрос, но не решалась, опасаясь задеть Самеля. Мужчина между тем подпер щеку тяжелым кулаком и умиленно вздохнул.

— Дядюшка, — поерзав, не выдержала Тина, — ты только не

обижайся...

— Что такое, ангелочек? — оживился кок.

— Почему ты не женился?

Мужчина усмехнулся, протянул руку и погладил девушку по волосам.

— Отчего же, женился, — ответил он. — Еще до того, как попал к пиратам, женился. Через два года вернулся домой, это я уже у капитана служил на «Счастливице», а жена моя снова замужем. На сносях, живот такой, что издалека видать, я и не полез к ним. Что уж, пускай живут себе. Должно быть, уже и внуки есть. Я назад вернулся, с тех пор с твоим папенькой рядом.

— Но если она за другого вышла...

— Так ведь я же живой, никто нас не разводил, просто в мертвых числился. Но я-то знаю, что живой и жена имеется, как же я на другой-то? Всевышний такого не позволяет. А постреленок есть у меня, десять лет уж парнишке. Мать его булочную на углу Зеленой улицы держит, от мужа ей осталась. Я помогаю им так, чтобы никто не знал. Иногда навещаю.

Ложка выпала из пальчиков Тины. Она открыла рот и похлопала ресницами. Самель хмыкнул, глядя на изумление своей любимицы.

— Дядюшка, но почему ты никогда не говорил?! — воскликнула девушка.

— Мать его против. Никто не знает, что я его отец, — ответил кок. — У нее муж тогда помер, а я... ну вроде как утешил, так вышло... Все думают, что она от мужа до смерти его понести успела. Так все чинно и благородно, вроде и не прижила на стороне. Но от помощи не отказывается, видется с парнем дает, только он думает, что я его дядя. Здоровый уже такой, на все четырнадцать лет тянет.

— Так есть в кого, — улыбнулась Тина. — Ты у меня, дядюшка, настоящий великан.

Самель смущенно махнул рукой и встал, чтобы подать чаю. Мадемуазель Лоят все еще пребывала в растерянности от таких новостей. Она решила обязательно повидать сына их повара, как только вернется в Кайтен. Это надо же... А Самель-то, Самель! Усмехнувшись, Тина вернулась к завтраку.

— Расскажи про своего сына, — попросила мадемуазель Лоят.

Кок скромно улыбнулся, вновь сел напротив нее и с явным удовольствием начал свой рассказ. В мальчишке он души не чаял, это Тина поняла сразу и даже немного поревновала. Великан всегда был только ее дядюшкой Самелем, большим и любимым дядюшкой. Ну, еще немного дядюшкой братьев, но в основном ее, Тинин. Правда, вскоре девушка

устыдилась этого детского чувства. Одно другому не мешало.

За разговорами время бежало быстро, а ни папенька, ни Альен так и не объявились. Сообразив это, Тина решила, что пора навести порядок на корабле. Что такое? Она уже и обедать готова, а эти лежебоки все еще сопят в свои подушки. Пылая праведным возмущением, девушка поспешила разобраться со сложившимся положением. Кивнув Самелю, мадемуазель Лоет покинула камбуз.

Но каково же было ее изумление, когда она не нашла ни одного из мужчин. Выглянув на палубу, она поманила к себе одного из матросов.

— А где папенька и господин Литин? — спросила девушка.

— Так ушли, — ответил матросов. — Почитай, четверть часа уже, как ушли. Красавчика, Мельника и еще пару матросов с собой прихватили и ушли, а вам велели держать данное слово.

— Ушли... — растерянно повторила Тина и вернулась к себе, сердясь на отца и на Альена.

Пусть ушли, но ведь даже слова не сказали! И тут дьявол раскалил под мадемуазель Лоет свою сковородку. Она подпрыгнула на месте, ослепленная догадкой: они что-то затевают.

— А я ничего не знаю! — возмущенно воскликнула девушка. Уже вскочила на ноги и хотела выбежать из каюты, но вспомнила разговор с папенькой, и упала обратно на стул и, смиряясь с происходящим, трагично прошептала: — Сокровища Биглоу. — Плата за слушание была велика.

Вэйлр Лоет покинул порт в сопровождении Альена Литина. Мужчина с некоторым сомнением поглядывал на молодого человека. Тот был невозмутим и молчалив. Впрочем, разговоров сейчас и не требовалось. Альен знал свою роль, потому просто рассматривал улицы Коласа, запоминая дорогу, чтобы не заплутать ночью.

— Справишься? — спросил наконец Вэйлр.

— Не вижу ничего сложного, — пожал плечами Литин.

— Ну да, — усмехнулся Лоет. — Небось, бабы сами под ноги стелются? Многим головы дурил?

— Не вижу смысла в этом разговоре, — спокойно ответил Альен.

— А я вижу, — сварливо произнес капитан «Счастливица». — Любовницы есть?

Молодой человек повернул голову к господину Лоету и смерил его взглядом, в котором читалось негодование.

— Что вас интересует? Знаю ли я, как обращаться с женщинами? Знаю, — отчеканил Альен. — Что еще? Количество, имена? Об этом

забудьте, не в моих правилах оглашать имена женщин, доверившихся мне. Да и выносить на всеобщее обозрение свою личную жизнь также. Уймите уже ваш сарказм и давайте займемся делом. Эта улица?

Теперь остановился Вэйлр, с интересом разглядывая молодого человека. Он в задумчивости потер подборок, задел синяк и скривился.

— Скромный, стало быть? Молчаливый?

— Молчание сильно облегчает жизнь, знаете ли, — раздраженно ответил Литин.

— Да-а?! — едко протянул Лоег. — Тогда что же ты такой говорливый?

— С тех пор, как я познакомился с вами, желание поговорить стало нестерпимым, — усмехнулся Альян. — Так мы будем готовиться к нашему делу или же продолжим пикироваться?

— Займемся делом, — согласился Вэй. — Значит, так...

Следующий час они прогуливались по Коласу, нигде не задерживаясь. Со стороны смотрелось так, будто двое любопытных, впервые оказавшиеся на острове, просто рассматривают главный город Лаифы. После зашли в харчевню, решив там пообедать. Харчевник лично обслужил посетителей — днем в заведении было мало народа. К тому же новые люди не могли не вызвать интереса.

— Какое примечательное у вас лицо, — усмехнулся он, поглядывая на Лоега.

— Лицо как лицо, — пожал плечами Вэй. — Подправили немного, потом я подправил. Все по доброму согласию, все на равных.

— Вот это правильно, — хмыкнул харчевник.

Он ненадолго отошел, оставив посетителей одних. Альян откинулся на спинку стула, задумчиво барабанил пальцами по серой скатерти со следами, оставленными предыдущими гостями харчевни. Молодой человек поглядел в окно, затем скосил глаза на капитана, так же думавшего о чем-то, а затем произнес скучающим тоном:

— Нет, отец, что ни говори, а лучше вдовушек баб не найти.

— Чего? — опешил Лоег, поворачиваясь к самозваному отпрыску.

— Говорю, что нет толку в женитьбе. Я птица вольная. Уж лучше пристроиться к какой-нибудь сочной вдовице да пожить в тепле и уюте, чем выносить причитания скандальной бабы, на которой по глупости успел жениться, как вы считаете, любезный? — и он повернулся в сторону подошедшего харчевника.

Мужчина поставил на стол тарелки, положил ложки и нож, затем присел напротив и усмехнулся.

— Есть прок в твоих словах, парень, — ответил харчевник. — Жена что, она вроде как право на тебя имеет, плешь своими капризами протрет. Со шлюхи тоже толку мало, разве что постель, да и то ты там не первый и не последний. А вдовушкам мужика хочется, заботы, помощи какой-никакой. И в постель пустит, и накормит, и согреет, и приласкает.

— Слышал, отец? А ты все женись да женись. А проку жениться, если через несколько месяцев уйдем отсюда? — усмехнулся Альян, глядя на Лоета, насмешливо изломившего бровь. — Вот коли бы найти такую уютную вдовушку на это время, я был бы доволен. И тебе бы забавляться не мешал, и сам бы не скучал. Батя мой, — Литин повернулся к харчевнику, доверительно понизив голос, — мужик еще справный, так курочек топчет, аж пищат, спать невозможно. — Со стороны Вэя послышалось то ли хрюканье, то ли фырканье, и молодой человек одарил его веселым взглядом. — Вот и пытается меня сплавить с глаз долой. Мамка-то у меня знаете какая, и второго глаза запросто лишит может, еще и подчистую хозяйство отрежет и в пироге запечет. Потом этим пирогом и накормит. Батя опасается, что я про его веселье расскажу.

Лоет перегнулся через стол и от души отвесил Альяну затрещину. Литин едва не ударился лбом о столешницу, схватился за затылок и возмущенно взглянул на мужчину.

— Хватит языком молоть, — проворчал Вэйлр. — Ничего я не боюсь. О тебе, дурне, забочусь.

— Суров отец-то, — подмигнул харчевник. — Оно и верно, нечего взрослому-то сыну у отца под боком сидеть. И жениться не дело, коли на время прибыли.

— Так, может, посоветуешь вдовушку какую? — подмигнул Альян.

— Отчего же не посоветовать? — усмехнулся харчевник. — Вон, — указал он на дом напротив, — хотя бы Аника, бедовая штучка, горячая. Мужик ее уж, почитай, лет пять как сгинул в пучине, так горюет баба. То один к ней похаживает, то другой, а недавно опять без дружка осталась. И пусть постарше тебя будет, зато в самом соку. Хочешь, познакомлю?

Альян бросил взгляд на Лоета, но тот едва заметно покачал головой.

— А еще? — чуть помявшись, ответил Литин. — Хотелось бы к разным присмотреться.

— Есть еще, — важно кивнул харчевник и продолжил перечисление вдовиц.

Спустя еще час молодой человек стоял напротив двери из темного дерева, рядом с которой висела цепочка от звонка. Он протянул руку и подергал цепочку, слушая, как из-за двери несется мелодичный перезвон.

Затем послышался звук приближающихся шагов, и на пороге появилась опрятная женщина лет сорока. Она с удивлением рассмотрела необычайно красивого синеглазого молодого мужчину, на чьих губах появилась чуть нагловатая ухмылка, когда взгляд серых женских глаз спустился на широкую грудь незнакомца, остановился на распахнувшемся вырезе рубашки, и женщина вдруг покраснела.

— Что вам угодно? — пролепетала она.

Молодой человек ухватил ее руку, лежавшую на ручке двери, поднес к губам и сделал шаг навстречу хозяйке дома, вынуждая ее шагнуть внутрь. Взгляд пронзительных глаз не отпускал взволнованную женщину.

— Доброго дня, очаровательная, — проникновенно произнес незнакомец, — мне сказали, что вы сдаете комнату внаем.

— Я? — сипло переспросила женщина, кашлянула и, отрицательно мотнув головой, ответила: — Да, я сдаю... — «Зачем я так сказала?» — пронеслось в голове одинокой вдовушки. — Вам надолго?

— Надеюсь на это, — и тыльную сторону женской ладони вновь опалило прикосновение мужских губ.

Женщина чуть слышно всхлипнула, отводя глаза от красивого незнакомца.

— Я могу посмотреть комнату? — спросил молодой человек, приобняв хозяйку за талию и вынуждая направиться вглубь дома.

— Т-т-там, — пролепетала она, ощущая ладонь незнакомца на своей талии.

Спустя еще четверть часа, когда открылось окошко, выходящее на улицу, и в оконном проеме появился Альен, Лоет усмехнулся и направился в место оговоренной встречи с Бонгом.

— Охомутил дамочку, — усмехнулся Красавчик. — Ловок, однако.

— Своего почуял? — насмешливо спросил Вэйлр.

— Этот не бабник, — отмахнулся матрос. — Был бы бабником, к девочкам бы заглянул еще вчера, а он от вашей дочки не отходит. Просто подход к бабам знает. Да и много ли одинокой-то надо? Она же изголодавшаяся, а тут красавец такой, да нахрапом.

— Давно ли начал в людях разбираться? — ядовито спросил Лоет.

— Так не несмышленьш уже вроде, — заметил Красавчик. — Зря вы на парня рычите, капитан. Может, он и Литин, а мне нравится, толковый.

— Точно, — важно поддакнул Мельник. — Его папаша-то раздражал, а сынок ничего, не заносчивый, нос не задирает. Свой парень.

— Рты закрыли! — рявкнул Вэй, передернув плечами. — Защитники, тоже мне.

Матросы переглянулись за спиной капитана и обменялись кривыми ухмылочками.

— Урою, — тут же долетел до них ледяной голос Лоета, и мужчины скрыли усмешку за непроницаемым выражением на лицах.

Трое мужчин вышли за пределы города и расположились в небольшой роще, ожидая тех, с кем собирались встретиться. Вэй вытянулся на траве, подложил руки под голову и блаженно вздохнул:

— Хорошо.

— Ага, — согласился Красавчик, жмурясь на солнце, зависшем невысоко от земли. — Но грустно.

— С чего бы? — Мельник бросил в приятеля маленький камушек.

— Да что-то о доме вспомнилось, — ответил Эмил Мулер-старший. — Жена, сын... Даже и не знаю, что лучше: иметь якорь на берегу или быть свободным, как ветер.

— Иметь якорь, — усмехнулся Мельник. — Когда есть, куда возвращаться, на душе теплей. Я по моим тоже скучаю. Парни наверняка уже мать довели. Приеду — пороть буду.

— А я, пожалуй, дочку со своей соображу, — улыбнулся Красавчик. — Сверчок скоро уж из дома подастся, даже не сомневаюсь, что в море усвищет. Будем с Геритт цветочек растить и радоваться. А если и пацан, то тоже не худо.

— Цветочек, — хмыкнул Вэйлр, слушавший их. — Главное, мой мальчик, никогда и ни за что не учи ее любить море. Я свою научил на собственную голову. Не дочь выросла, а сорвиголова.

— Аьен Литин укротит вашу своевольницу, — рассмеялся Красавчик и дернулся от оплеухи. — Дьявол!

Лоет вновь улегся на траву, а Эмил остался сидеть, обиженно потирая затылок. Больше разговоров ни о Тине, ни об Аьене не заводилось. Матросы тихо переговаривались, Лоет же ушел в свои мысли. Он тоже скучал по дому, скучал по жене, по своим мальчишкам, которых не видел уже больше года, лишь получал время от времени от сыновей письма, в которых те рассказывали о своих успехах.

Сыновьями Вэйлр гордился и даже радовался, что они выбрали судьбу, не связанную с морем. Оказавшись на берегу и получив в подарок от Всевышнего семью, господин Лоет научился бояться потерять все это. Море бывший пират любил не меньше, чем в шестнадцать, но отдавать ему дань своими близкими не желал. Потому-то и благословил сыновей, когда она покинули отчий дом, чтобы обучиться: один — государственной службе, второй — банковскому делу. Тем невероятней было осознать, что

дочь больна той же болезнью, что и ее отец. Больна настолько, что ей недостаточно просто жить рядом с морем, недостаточно разговоров и историй, что ей нужны не крохи — ей необходимо все.

И Вэй даже мог признать, что Альян Литин сможет обуздать вольный ветер и подарить нечто большее, чем метания в поисках новых приключений, которые проще назвать неприятностями. Но... Но! Он был Литином! Да, плевать, что Литин, но зарвавшийся, наглый, языкастый мальчишка раздражал. Он, ОН, Вэйлр Лоет, время от времени терялся и не знал, как ответить нахалу! Но самым большим грехом Альяна было то, что Тина прислушивалась к нему, а не к своему отцу. Дочь в присутствии мальчишки утекала меж пальцев родителя, как морская вода. И в такие мгновения Вэю хотелось обрушить на голову молодого Литина всю свою ярость и обиду. Нет, нет и сто тысяч раз нет! Никаких больше Литинов в жизни Лоетов. Ни за что. Точка!

— Капитан, — негромкий окрик Мельника заставил Вэя открыть глаз и сесть, отыскивая взглядом приближающегося Бонга.

Рядом с лекарем шел незнакомый мужчина, чуть ниже ростом, чем Тин, но на лице его лежала печать властности, и капитан «Счастливица» понял, что это принц Шэн Ли Чон. За ними шла охрана принца, молчаливые и строгие воины в непривычном одеянии. Ступали они мягко, словно стая диких кошек. Зрелище оказалось завораживающим настолько, что Лоет, любовавшийся охраной, упустил момент, когда перед ним остановился его высочество, потому остался сидеть на земле.

Двое воинов отделились от оставшихся четырех и метнулись к бывшему пирату. Матросы Лоета среагировали, тут же закрыв собой капитана и положив ладони на эфесы сабель. Принц Чон поднял руку и коротко качнул головой, после чего воины вернулись к своим товарищам. Вэйлр поднялся на ноги, отряхнул зад от травы и склонил голову, приветствуя вышестоящую особу.

— Приношу извинения за неучтивость, — без особого раскаяния произнес мужчина. В конце концов, не он просил об этой аудиенции. — Парни.

Мельник и Красавчик отступили назад, замерев за спиной Лоета. Бонг заговорил на родном языке, что-то объясняя своему господину. Тот кивнул и ответил, после чего Тин снова повернулся к другу:

— Вэй, его высочество приветствует тебя. Он знает о том, что мы решили, и дает согласие. Освобождение принца Дина — дело чести для всех нас, и мы готовы на любой шаг, даже пожертвовать собой, если это спасет будущего императора. Куан!

От охранников отделился один воин. Он подошел к принцу и склонился, ожидая его приказа.

— Куан пойдет с вами, — вместо принца заговорил лекарь. — Он походит ростом и строением на принца Дина. У вас все готово?

— Да, — кивнул Лоет. — Литин уже окопался в доме вдовушки, он будет заговаривать ей зубы, пока не произойдет подмены. Красавчик. — Матрос вытащил из мешка, который лежал у его ног, два одинаковых плаща. Вэй протянул оба плаща Бонгу, тот передал один из плащей воину. — Мы будем страховать по пути, но носа не высунем, чтобы не засветиться. Учтите, если вас возьмут, мы не подойдем. Я Тину под ножи не подставлю. «Счастливец» выйдет из гавани завтра в полдень.

— Принц Чон будет ждать вас в условленном месте, — кивнул Бонг.

— Если ему дадут ждать, — усмехнулся Вэй. — Если вас не будет на месте встречи, принц отправится с нами. Держи, — он вытащил из кармана сложенный лист бумаги. — Это наш дальнейший курс. И еще, у нас на хвосте может висеть один потрох; если догонит, будет жарко. Готовы рискнуть?

— Мы готовы, — снова кивнул Бонг. — Пираты обещали, если денег не будет в течение месяца, мы получим голову его высочества. За месяц мы не успеем собрать требуемой суммы.

— Тогда объясни все этому Ху... э-э-э, Куану, что ему придется делать, и мы отчаливаем до оговоренного часа, — Лоет перевел взгляд на принца Чона, которому Тин переводил весь разговор. Тот кивнул, протянул руку, дотронувшись до плеча Вэя, и что-то сказал бывшему пирату.

— Его высочество желает вам милости богов, — пояснил Бонг.

— И вам не хворать, — кивнул в ответ Вэйлр, дожидаясь, когда воину объяснят его задачу.

Горастанец снова поклонился, снял с себя камзол незнакомого кроя, отдал узкий меч, оставив себе лишь кинжалы, и накинул на плечи плащ, тут же скрыв под капюшоном свое лицо.

— Выйдет ли... — с сомнением пробурчал Лоет, но махнул рукой и указал воину следовать за собой.

Когда они вернулись в Колас и добрались до узкого проулка, примеченного заранее, из маленького трактира вышел Альен Литин, ожидавший возвращения капитана и его людей. Он кивнул воину, протянул ему тряпку и указал на лицо.

— Пусть Хейли думает, что у моего брата Черная зараза, тогда меньше совать нос будет, — пояснил он. — Я еле отвязался от нее.

— Толково, — согласился Лоет. — Приголубил вдовушку?

— Господин Лоет, моя постель вам покоя не дает? — усмехнулся Альен. — Поверьте, очаровать женщину я могу и без... эм, близкого знакомства.

Более не говоря ни слова, он поманил горастанца за собой. Вэй проводил взглядом молодого человека и усмехнулся, признавая, что несколько перегибает в своей неприязни, но больно уж хотелось найти изъян у Литина. Матросы благоразумно промолчали. Лоет махнул рукой, и они направились туда, где остались еще двое его людей, поставленных следить за губернаторским домом. До ночи их сменили Мельник с Красавчиком, и капитан вернулся на «Счастливец».

Не успел Вэй подняться на борт и дойти до каюты, как на него налетел небольшой ураган, оглушая голосом любимой дочери:

— Наконец-то, папенька! Где вы были? Где Альен? Он не вернулся? Вы уходили вместе! Что вы затеваете? Скажите-е-е! Я хочу знать, папенька! Папенька, у вас нет ни стыда, ни совести, ни сердца, я же вся извелась! Я сижу тут и ничего-ничего не знаю, ничегошеньки! Что происходит? Папенька, не молчите! Я требую ответа! Это связано со вчерашней дракой? Нас нашел Ржавый? У вас тут есть враги? Папенька, почему Альен знает, а я, ваша дочь, нет? Папенька, вы не можете держать меня в неизвестности, это же возбуждает воображение! Не поступайте со мной так! Это жестоко, папенька! Скажите же хоть что-нибудь! Ну пожа-а-алуйста-а-а...

— Молчать! — гаркнул Вэй, и Тина наконец закрыла рот, преданно глядя на него широко распахнутыми глазами. — Дьявол тебя дерит, дочь, ты сведешь меня с ума.

После этого зашел в каюту и закрыл дверь перед носом Тины.

— Папенька! — мужчина поморщился от возгласа дочери, тут же объявившейся на пороге. — Это бесчестно! Гарпун мне в печень, если я отвяжусь от вас.

В это мгновение Лоет пришел к неожиданному выводу: что эта речь Тины содержала брани на несколько порядков меньше, чем прежде. Еще недавно она могла выдать: «Папенька, дьявол вас дерит, я хочу знать, в какое дерьмо окунулись наши задницы», но обошлась выражениями, за которые впору было похвалить, если бы... «Лити-и-и-ин», — мысленно протянул Вэй, преисполняясь новой порцией яда. Ну, конечно, девчонка из кожи вон лезет, чтобы понравиться ему, даже перешла на человеческий язык, вряд ли сама осознавая это. «Или просто взрослеет, дорогой?» — насмешливо поинтересовалась в его голове Ада. Ну, да, она же утверждала, что на Тину влияет окружение. Теперь Сверчка рядом не было, зато был Альен Литин, оказавшийся неслабым малым. Девчонка уважает силу и неосознанно

тянется за ним. «Ангел мой, все равно все вернулось к мальчишке!» — возразил также в голове Лоет своей супруге и посмотрел на дочь.

— Папенька, — Тина уселась на стул, копируя любимую позу отца это немного успокоило раздраженного родителя. — Расскажите.

— Хорошо, завтра все тебе расскажу, — кивнул Вэй. — Твоя задача — держать слово и не лезть, куда тебя не просят. Ясно?

— Па...

— Клад Беса.

— Ла-а-адно, — с досадой протянула мадемуазель Лоет и протяжно вздохнула.

— Сокровище мое, горжусь твоим послушанием и сговорчивостью, — усмехнулся Вэйлр, подходя к дочери и целуя ее в лоб.

До ночи ему пришлось выдержать осаду ее любопытством еще несколько раз. Тем более что Литин так и не вернулся на борт и Тина начала заметно переживать, то со страхом прислушиваясь к звукам, доносившимся с палубы, то вспыхивая и сжимая кулаки, словно ее головку посещали неприятные подозрения. Лоет, наблюдавший за дочерью, пришел к неутешительному выводу: Альен Литин не просто друг для его дочери, девчонка влюбилась... Но почему именно в Литина?! С этой минуты молодой человек начал раздражать Вэя на порядок сильнее. Задаваться вопросом, как бы он отнесся к другому мужчине, которому Тина могла отдать свое сердечко, Лоет не стал. Подобных мыслей он всегда избегал, страшаясь той минуты, когда какой-нибудь хмырь попросит руки непоседливого сокровища. И бравада о том, что он с радостью отдаст дочь какому-нибудь идиоту, оставалась бравадой.

— Папенька...

— Все с ним в порядке, — рявкнул Вэйлр, предугадав вопрос дочери, заданный ею уже десять раз. — Греет постель какой-нибудь кумушке, а ты мне мозг выжираешь. Уймись и иди спать.

— Что? — глухо спросила девушка, и отец устыдился.

— Иди, — проворчал Лоет. — Я ему дал поручение, скоро вернется. Я же сказал, что завтра все узнаешь.

Когда за дочерью закрылась дверь, Вэйлр выругался и закатил глаза.

— Что на меня нашло? — спросил он себя. — Надо быть осторожней в словах, еще настрою против себя дочь. Влюбленная девка — совсем дурная. Ну... Литин.

Мотнув головой, Лоет покинул каюту, заглянул к Тине, удостоверившись, что она легла спать, и после этого сошел на берег, прихватив тех, кто был посвящен в заговор. Вахтенный проводил капитана завистливым взглядом

— ему бы тоже хотелось сходить в кабак и пропустить стаканчик-другой крепкого рома. Матрос зевнул и отвернулся, успев заметить тень, скользнувшую в сторону сходней.

— Стоять, — рявкнул он, перехватывая за локоть Тину.

— Пусти, — потребовала девушка.

— Капитан велел глаз не спускать, — мотнул головой вахтенный и потащил мадемуазель Лует в сторону кают.

— Пусти! — взвилась девушка, уже готовая к драке. — Пусти, потрох, или я тебе все зубы пересчитаю!

На палубу выскочили Самель, господин Ардо и Даэль. Скрутив разъяренную девицу, ее утащили обратно в каюту и оставили под присмотром кока, закрывшего собой выход.

— Ну что ты рычишь, как бешеная кошка? — укоризненно покачал головой великан.

— Я ему кадык вырву! — выкрикнула Тина. — Кишки выпущу! Я его выпотрошу!

— Да кого, деточка? — изумился Самель.

— Этого гада Литина, — всхлипнула мадемуазель Лует, падая на койку. — Потрох бесчувственный... — Кок усмехнулся, подошел к своей любимице, присев рядом и заключив в теплые, но крепкие объятия.

Сам виновник переживаний юного создания сейчас сидел в комнате вдовушки по имени Хейли и расслабленно потягивал ароматный чай из красивой фарфоровой чашки, слушая рассказ женщины о ее жизни. На призывные несмелые взгляды молодой человек отвечал благожелательной улыбкой и находил новую тему для продолжения беседы. Он уже знал о детстве, юности и молодости Хейли. А с мужем вдовы, казалось, был знаком лично.

Его «больной брат», ставший для мадам Хейли неприятной неожиданностью, засел у входных дверей, посматривая в приоткрытую дверь. Они с Альеном обменялись всего несколькими знаками, но друг друга поняли. Хотя сложно не понять того, что уже было оговорено. Когда на улице стемнело, Литин перебрался в комнату мадам, отвлекая ее душевной беседой, а воин, выждав немного, занял свой пост у входных дверей.

Лует и его люди рассредоточились по улицам, ведущим от особняка губернатора до дома, где сейчас находился Альен. Дальше своих страховать должны были горастанцы. Вэйлр прислонился плечом к дереву, стоявшему в густой тени, куда не доходил свет уличного фонаря. Он толком не видел происходящего, просто знал, что императорские воины должны проникнуть

в особняк, убрать охрану, вытащить принца и устремиться с ним по строго оговоренному пути. В общем-то, горастанцы могли обойтись и без помощи бывших пиратов, но рисковать жизнью принца не хотели, понимая, что погони не миновать.

Лоет широко зевнул, потер глаз и сжал пальцами рукоять ножа, готовый воспользоваться им; пистолет оставался заткнутым за пояс. Было решено стрелять лишь в крайнем случае. Выстрелы привлекли бы внимание, и определить, откуда идет нападение, стало бы просто, а обнаруживать себя марангийские моряки не желали. Во-первых, им предстояло спрятать у себя беглеца, а во-вторых, что для капитана было самым главным, — они не желали рисковать жизнью Тины.

Рядом с Вэем застыл Кузнечик со своей духовой трубкой. Отравленные дротики были его излюбленным оружием. Конечно, это могло стать прямой наводкой на «Счастливчик», но уже мало кто помнил о матросе, полюбившем оружие дикарей с далеких берегов, откуда Вэйлр привез прозвище Лоетте, ставшее впоследствии его фамилией — Лоет, а Кузнечик — науку пользоваться смертоносными жалами. Помнил о дротиках Грязнуля, но... после вчерашней драки он был столь плох, что имел все шансы встретиться с дьяволом в ближайшее время.

— Капитан, — шепнул матрос, привлекая его внимание.

— Угу, — промычал Лоет, уже успевший заметить три тени, перебиравшиеся через ограду губернаторского дома.

Один из них был в знакомом плаще, и бывший пират удовлетворенно хмыкнул. Следом послышались шум и выстрелы. Беглецы побежали вниз по улице, Кузнечик поднял свою трубку, Вэй приготовился бросить нож. Верный кортик висел на своем почетном месте, его в дело пускать Лоет не собирался.

— Они побежали туда! — крикнул один из охранников, целясь вслед беглецам. — Это узкоглазые!

— Давай, — шепнул Вэй, и охранник упал, схватившись за шею, так и не успев выстрелить. — Снимешь еще двоих, и уходим.

— Понял, — кивнул матрос, не оборачиваясь.

Лоет бесшумно отошел от дерева, наблюдая за тем, как падают еще двое охранников, успевших выбежать из ворот особняка. Кузнечик опустил духовую трубку и поспешил за капитаном. Они добрались до Мельника, Вэйлр хлопнул мужчину по плечу и отправился дальше. Кузнечик остался рядом с Мельником, державшим конец веревки, обмотавшей древесный ствол. Когда послышался цокот лошадиных копыт, матрос натянул веревку.

Тут же крики и лошадиное ржание заполнили ночной воздух. Те

лошади, которые не успели налететь на преграду, встали на дыбы, сбрасывая своих седоков.

— К дьяволу! — заорал один из всадников, умудрившийся не вылететь из седла, как остальные преследователи. Ему помог упасть Кузнечик, и матросы поспешили за капитаном, исчезая в ближайшем проулке.

Лоет приблизился к Красавчику. Тот кивнул капитану и указал жестом, что беглецы убежали дальше. Прислушавшись к звукам ночного Коласа, Вэй оглянулся, увидел Мельника с Кузнечиком и поманил их за собой. Четверо мужчин последовали дальше, придерживаясь тени. Вскоре уже должен был появиться дом вдовы. К мужчинам присоединились остальные матросы, их помощь больше была не нужна. Дальше ждали горстанцы, которые должны были наделать шуму, чтобы отвлечь на себя погоню и дать марантийцам вернуться на корабль.

Воин, засевший у двери, услышал тихий свист и выскочил из дома вдовы на улицу. Он бросился к трем бегущим фигурам. Один из беглецов отделился от своих сопровождающих, и его место занял воин, успев шепнуть:

— Наверх. Вторая дверь налево.

Его высочество исчез за дверью, случайно хлопнув ею, а троица беглецов поспешила дальше, где их уже ждали другие воины императора Шэн Ли Дана. Хейли, любовавшаяся своим постояльцем, пока он рассказывал ей очередную выдуманную историю, встрепенулась и поглядела в сторону двери.

— Кто-то вошел, — с тревогой произнесла женщина.

— Я посмотрю, — с улыбкой ответил Альян. Он поднялся на ноги, взял хозяйку дома за руку и поцеловал ее. — У вас теперь есть защитник, Хейли.

— О-о, — протянула в волнении женщина. — Только будьте осторожней, Мартель, прошу вас.

Литин вышел в коридор, плотно закрыв за собой дверь. На лестнице остановился незнакомец. Он скинул капюшон и напряженно посмотрел на Альяна. Тот указал пальцем на комнату, занятую им еще днем, и принц, кивнув, поспешил в указанном направлении.

— Все в порядке, Хейли, — беззаботно произнес Литин, возвращаясь в комнату вдовушки. — Это всего лишь мой брат. Он проснулся и искал меня. С тех пор, как забота о нем легла на мои плечи, мы стали очень близки. Не переживайте, несчастный не разнесет заразу, его тело хорошо скрыто. Пожалуй, я пойду к нему, парень нервничает. Спокойной ночи, — он вновь прижался губами к руке женщины, — милая Хейли. Мне будет

приятно снова увидеть вас утром.

— Спокойной ночи, Мартель, — чуть разочарованно ответила вдовушка, в душе посылая проклятья больному братцу.

Альен покинул комнату хозяйки дома, устало выдохнул и вошел в комнату, которую ему сдали. Принц, стоя у окна, глядел на улицу.

— Ну что ты разнервничался, братец, — громко произнес Литин. — Я здесь, ложись спать.

После этого подошел к его высочеству, с интересом рассматривая его, и поклонился. С улицы доносился шум. Горастанцы затеяли небольшую драку с выстрелами, задерживая преследователей и давая своему кораблю поднять паруса.

— Все получится, — шепнул Альен и опомнился. — Вы же не понимаете.

— Я понимать, — прошептал в ответ принц. — Мой имя Дин, не надо высочество.

— Альен, — протянул руку молодой человек. — Вы можете...

— Я хотеть просто. Говорить «ты», — попросил Дин.

— Ты можешь лечь, — улыбнулся Альен. — Мы уйдем перед рассветом. Хозяйка не войдет, я сказал, что мой брат болен Черной заразой. При этой болезни тело покрывается язвами, человека выедаёт медленно и болезненно, лечения нет. Она просто побоится. Я поклялся, что брат будет всегда в одежде и перчатках и пользоваться личной посудой, Хейли согласилась.

— Ты быть очень убедителен, — весело улыбнулся принц.

— Очарователен сверх всякой меры, — негромко рассмеялся Альен. — Ложись.

— Я буду ждать рассвет, — покачал головой его высочество.

Литин пожал плечами и уселся в кресло. Теперь нужно было запастись терпением, он это и сделал. Принц еще какое-то время смотрел в окно, затем сел напротив и все-таки закрыл глаза. На улице еще некоторое время было шумно, после все стихло, и Колас погрузился в сонную дремоту.

— Ален, — Альен приоткрыл один глаз и посмотрел на принца. — Пора?

— Почти, — кивнул молодой человек.

За окном еще было темно, но небо уже начинало светлеть. Альен потянулся и встал на ноги, после подошел к столу и взял в руки небольшую чашку. Он поманил к себе принца.

— Будем рисовать язвы, — усмехнулся он. — Я не мастер грима, но выглядеть должно жутко.

Дин с сомнением рассмотрел чернеющую смесь, хотел спросить, что там, но махнул рукой и послушно замер, позволяя Литину нанести себе на лицо смесь ваксы и песка. Альян нарисовал пальцем несколько «язв», потер подбородок, рассматривая уродливые пятна с коростой из песчинок, удовлетворенно кивнул и протянул маску, кусок ткани с прорезями для глаз, свободно спадавший на грудь, чтобы не задеть «язвы» и не стереть их раньше времени. Затем подал другой плащ, собрал в мешок все следы их пребывания и оставил записку для Хейли, где говорил, что брату стало хуже и он вынужден оставить свою приветливую и милую хозяйку, боясь подвергнуть ее опасности заражения.

Молодые люди спустились вниз, вышли за двери, и Альян, приобняв «брата» за плечи, повел того в сторону порта. Лоят, наблюдавший за домом, махнул своим людям рукой, и они направились следом за двумя мужчинами, неспешно двигавшимися по освещенной части улицы. Они успешно прошли половину пути, когда дорогу «братьям» преградил ночной патруль.

— Куда идете? — спросил старший, разглядывая принца.

— В порт, — ответил Альян.

— С какого корабля?

— С «Черной звезды», — уверенно врал Литин.

— Это кто? — старший ткнул пальцем в сторону Дина.

— Брат мой. Что-то случилось? — в голосе молодого человека явно читался интерес.

— Пусть покажет рожу, — вместо ответа потребовал мужчина.

— Вам вряд ли понравится то, что вы увидите, — вздохнул Альян. — У брата Черная зараза.

— Покажи, — старший ночного патруля придвинулся ближе, его люди подались назад, а капитан «Счастливого» и его матросы, прятаясь за домами, приготовились напасть на патруль.

Литин укоризненно вздохнул и приподнял край маски «брата», обнажая его подбородок, щеки, нос...

— Довольно! — старший отпрянул, закрывая рот ладонью. — Уводи отсюда эту дрянь. Завтра же ваше корыто покинет Лаифу, губернатор не позволит держать здесь всякое дерьмо.

— Больного человека всякий может обидеть, — проворчал Альян и вновь обнял принца за плечи. — Идем, брат, идем.

Патруль посторонился, крикнув кому-то:

— Не останавливайте!

Члены команды «Счастливого» переглянулись, осознавая, что

впереди засада. Лоят указал на соседний переулок, и матросы поспешили за ним; по прежнему пути пошли только Мельник и Красавчик. Теперь они вышли из своего укрытия, пьяно покачиваясь и напевая разудалую песню. Патруль проводил их взглядом, старший махнул рукой, и пираты последовали дальше.

В порту Лоят догнал Литина и принца, к ним подоспели Мельник и Красавчик. Они привлекли к себе внимание вахтенных, громко споря и хохоча. Альтен подтолкнул к сходням Дина, тот быстро взбежал на палубу. Ардо тут же увел его в сторону капитанской каюты. Литин поднялся следом. Он уже хотел войти в свою каюту, когда открылась дверь каюты мадемуазель Лоят. Девушка вышла к нему, мгновение рассматривала, а затем ее кулак взметнулся вверх. Альтен успел перехватить его уже перед своим лицом, изумленно глядя на Тину.

— За что? — спросил он.

— Ненавижу тебя, — дрожащим голосом ответила она, и колено мадемуазель Лоят влетело в самое слабое мужское место.

После чего она скрылась в каюте, а Альтен, болезненно кривясь и упираясь в переборку ладонью, сипло выдохнул:

— Что я сделал?

Вэйлр Лоят протиснулся мимо него, воздев глаза к небу. В это мгновение ему даже стало стыдно... немного.

Глава 22

Утро началось с моральных терзаний. Тина ворочалась с боку на бок и никак не могла найти себе место. Кажется, скоро почувствовать стыд станет для нее привычным состоянием. Девушка легла на спину, с силой припечатала одеяло кулаками по бокам своего тела, и издала шумное:

— Пуф-ф...

После этого перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Перед глазами до сих пор стоял изумленный взгляд Альена, а в ушах звучало: «За что?» За что, за что... За то! А за что именно? Что пропал на целый день и всю ночь? Или за то, о чем папенька сообщил ей в словах, брошенных в сердцах, когда дочь допекла его? Впрочем, папенька сразу же поправился и сказал, что сегодня она все узнает. Так за что же тогда юная мадемуазель Лует обрушила на того, кто занимал ее мысли, столь унижительный удар?

И Самель уговаривал не пороть горячку, но Тина вбила себе в голову, что такой красавчик не может остаться без женского внимания. Ее богатое воображение рисовало сцены, которые девушка несколько раз видела у портового борделя, мимо которого неоднократно лежал их со Сверчком путь. И это было столь ужасно, унижительно и мерзко, что Тина к рассвету дошла до полного неистовства. Потому-то и не сдержала своего бешенства, когда услышала шаги и поняла, что вернулся загулявший хлыщ.

— Гарпун мне в печень, — пробурчала мадемуазель Лует, вновь разворачиваясь на спину и закидывая руку за голову. — Он же не один пришел. Все пришли. Стало быть, было у них какое-то дело?.. Папенька!

Устав страдать в одиночестве, Тина вскочила с койки, спешно привела себя в порядок и бросилась в каюту родителя. Капитан еще спал, оно и не удивительно: явился на рассвете, до этого спал утром, значит, предыдущую ночь тоже провел без сна. И Альен вчера утром спал, значит, они с папенькой все-таки что-то затевали. Папенька и сказал про дело, а она...

— Ох, — вздохнула девушка и направилась в каюту Альена, решив сначала попросить прощения у него или хотя бы убедиться, что он не сильно злится на нее.

Мадемуазель открыла дверь, вошла на цыпочках внутрь, приблизилась к койке и застыла, изумленно глядя на незнакомца. Тот, кто спал, раскинувшись на узкой койке, также имел черные волосы, только черты лица больше напоминали давешнего знакомца папеньки, господина Бонга.

К тому же он был заметно ниже ростом и уже в плечах. Хотя под кожей, сейчас не скрытой одеждой, угадывались мышцы.

— Альен, — потрясенно прошептала Тина.

Она выбежала из каюты и снова бросилась к папеньке. В голове билась только одна паническая мысль: где Альен Литин? А что, если он обиделся на нее и покинул бриг, или же папенька довел его? А может, просто прогнал прочь? Папенька такой, он все может! Рванув на себя дверь капитанской каюты, Тина стремительно приблизилась к койке, на которой мирно почивал капитан Лоет, и истерично вскрикнула:

— Папенька! Папенька, вставайте!!!

— А?! — Вэйлр рывком сел на койке, дико озираясь вокруг себя. — Что? Тина? Кто напал?!

Он схватил саблю и стремглав бросился к двери, но дочь оказалась шустрой. Она закрыла собой проход и трагично возопила:

— Где Альен?! Что вы с ним сделали?!

Лоет короткое мгновение смотрел на дочь, осознавая происходящее, затем сплюнул, отшвырнул саблю и выругался столь витиевато, что щеки мадемуазель Лоет опалило краской смущения. Однако девица быстро справилась с собой и подступила к отцу.

— Не заговаривайте мне зубы! Что вы сделали с Альеном?

— Я? — Вэй упал обратно на койку и прикрыл глаза рукой. — Кроме тебя, никто и ничего господину Литину не делал. Это твое колено из него дух вышибло.

— Я нечаянно! — воскликнула Тина, краснея. — Это вы меня настроили!

Лоет покосился на дочь и тяжело вздохнул, раздумывая, удастся ему еще немного вздремнуть или нет.

— Я тебе сказал, что все сегодня узнаешь, — недовольно ответил родитель. — Это у тебя в голове черти в кости на щелбаны играют. Что бы ты там себе ни напридумывала, я за это ответственности не несу.

— Папенька, где Альен? — решила девушка не заострять внимания на своих поспешных выводах. — Куда вы его дели, и кто спит в его каюте?

Капитан тихо выругался, сел на койке и пристально посмотрел на Тину: она стояла, скрестив руки на груди и упрямо глядя на отца. Отступать она не собиралась. Мужчина почувствовал легкое раздражение.

— Дочь, ты не спала всю ночь, я тоже не спал всю ночь, и твой Альен не спал всю ночь, давай мы хотя бы утром немного отдохнем, у нас сегодня выход в море...

— Я не сдвинусь с места, пока вы мне не скажете, куда делся господин

Литин, — мотнула головой Тина. — И пусть меня задерут черти, если я вру. Где Альен?

— К дьяволу, дочь! — рыкнул Лоет. — Твой Литин сейчас сладко спит в гамаке в кубрике!

— Что?! — воскликнула девушка. — В кубрике? Какой-то проходимец — в его каюте, а он — в гамаке?!

Вэйлр уже хотел съязвить по поводу его высочества Альена Неповторимого, но сузил здоровый глаз настолько, что он сравнялся со вторым ослепшим, а тот и вовсе превратился в щелочку, и уставился на наглое создание.

— А за каким чертом, дитя мое, вы шныряете по каютам, где спят посторонние вам мужчины? — с явной угрозой спросил грозный родитель, поднялся в полный рост и навис над дочерью. — Озверела, мартышка?! Ты за каким дьяволом таскаешься в каюту к Литину?! — Тина попяtilась, отчаянно ругая себя за столь неосторожные вопросы. Она пронаблюдала, как отцовская длань потянулась за широким ремнем, пискнула и сорвалась с места. — Стоять! — взревел Лоет. — Урою!

Но девица уже мчалась по палубе, уворачиваясь из-под ног матросов. Она спряталась за спину господина Даэля, когда следом показался капитан, сверкая гневным взором. В руке у него был сжат ремень. Лоет огляделся, заметил глаза Тины, испуганно следящие за ним из-за плеча боцмана, ослабил и двинулся в ее сторону. Господин Даэль попытался окончательно скрыть провинившуюся дочь от разъяренного отца, но Вэйлр предостерегающе покачал головой, и боцман отошел, виновато глядя на Тину. Девушка попяtilась, огляделась и кинулась к камбузу.

— Дядюшка, спасите! — возопило наглое создание.

Самель высунулся из своей вотчины, сжимая в руках любимый большой нож, оценил происходящее и втянул Тину внутрь. Лоет рванул в их сторону, но дверь захлопнулась перед его носом, и капитан зарычал:

— Посыпай голову специями, Мясник, я сегодня твою тушу лично поджарю!

— Ой, мамочки, — тоненько простонал кок, подпирая собой дверь.

— Ой, — согласно кивнула Тина.

— Что ты опять натворила? — зашипел Самель.

Мадемуазель Лоет потупилась, ковырнула ногой доски пола и привычно шмыгнула носом.

— Мясник! — бесновался под дверями папенька. — Верни мне мартышку, сейчас же!

— Зачем, капитан? — спросил великан, и Тина возмущенно

посмотрела на него, буркнув:

— Я не мартышка.

— Ребенок... — начал кок.

— Это исчадие преисподней, а не ребенок, — чуть спокойней прервал его Лоет и коротко велел: — Топор.

Тина и Самель переглянулись. Великан гулко сглотнул, девушка обреченно вздохнула, потерла зад и позвала отца.

— Не надо, папенька, я выхожу.

— Маленький ангел, — остановил ее Самель.

— Не надо, — тяжело вздохнула Тина.

Она отодвинула от двери кока, повторила, что выходит, прислушиваясь и подглядывая сквозь щелочку, а затем резко распахнула створку. Лоет едва успел увернуться от столкновения с дверью, он отпрыгнул, а Тина, воспользовавшись заминкой, шмыгнула мимо и исчезла с палубы, выкрикивая душераздирающее:

— Алье-е-ен!

— Обоих за борт, — сплюнул Вэй и устремился следом, отбросив в сторону поданный топор.

Альен Литин, обескураженный утренним происшествием и добровольно уступивший свою каюту высокорожденному пассажиру, мирно спал в гамаке, отдыхая за двое суток. Вчерашним утром они с капитаном проспали не более трех-четырех часов, а после того как покинули «Счастличик», молодому человеку не удалось расслабиться ни на мгновение: он то обдумывал и подготавливал безопасное перемещение принца на бриг, то заговаривал зубы скучающей вдовушке. Даже ночью, когда Дин был уже рядом, Альен просто сидел с закрытыми глазами, не позволяя себе задремать.

Литин не услышал крика мадемуазель Лоет и проснулся от того, что его гамак вдруг перевернулся, и спящий мужчина повалился вниз. Он тут же вскочил на ноги, ошалело моргая и пытаясь понять, что происходит, но семейство Лоет ему на это времени не дало. Тина вцепилась в плечи молодого человека, поворачивая его лицом к отцу и прикрываясь, как щитом. Капитан же попытался убрать его с пути. Альена мотало из стороны в сторону, в одно ухо причитала Тина, во второе рычал Вэйлр, и молодой человек взорвался.

— Всем стоять! — заорал он. — Закрылись!

Отец и дочь замолчали, изумленно глядя на него. Альен отодвинул в сторону Лоета, вытащил из-за спины Тину и спросил:

— Какого дьявола тут происходит?

— Папенька хочет меня выпороть, — пожаловалась девушка, ненавязчиво прячась за спину Литина.

— За что теперь? — устало спросил молодой человек, оглядываясь.

Вэй прищурился, разглядывая лицо младшего Литина. Ременная петля задумчиво повиливала, постукивая по ноге капитана; наконец Лоет указал на Альена пальцем и сурово спросил:

— Как часто она заходит в твою каюту?

Изумление на лице молодого человека было неподдельным.

— Да когда ей туда было заходить? То заколочена, то меня нет на борту. Да и в море мы общались при вас, — Альен пожал плечами. — Что случилось?

— Ничего, — буркнул Вэйлр, разворачиваясь и поднимаясь назад на палубу. — Тина, за мной!

Но мадемуазель Лоет не спешила. Она вышла из-за спины своего защитника и бросила на него виноватый взгляд. Альен изломил бровь и скрестил руки на груди, ожидая, что скажет девица.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты меня опять защитил.

— Не кажется ли тебе странным, — насмешливо спросил мужчина, — что ты слишком непоследовательна? То ты ненавидишь меня, то ищешь у меня защиты. То бьешь, то извиняешься.

— Прости, — протяжно вздохнула девушка. — Я... погорячилась.

— Погорячилась? — Тина увидела, как губы молодого человека поджались в тонкую линию. Он некоторое время не сводил с нее непроницаемого взгляда, а после спросил незнакомым сухим тоном: — Если ты однажды отрежешь мне голову, даже не объяснив причины, ты тоже скажешь, что погорячилась?

— Альен!

— Прежде чем кидаться на людей с кулаками, неплохо бы объяснить, в чем они провинились, — отчеканил господин Литин и стремительно поднялся вслед за капитаном на палубу.

Доигралась... Эта мысль столь сильно потрясла Тину, что она некоторое время не могла сдвинуться с места. Затем все-таки поднялась наверх, нашла взглядом Альена, но он лишь равнодушно посмотрел мимо нее, и, слепо глядя перед собой, побрела назад в свою каюту. Однако так и не вошла. Вместо этого она направилась к отцу.

— Что? — не менее сухо, чем Альен, спросил папенька.

— Чем вы занимались вчера днем и ночью, папенька? — спросила Тина. — Вы обещали рассказать.

— Потом, — отмахнулся Вэйлр. — Мы покидаем Лаифу.

— Уже? — удивилась девушка, зная, что они тут должны были простоять не менее недели.

Лоет не удостоил дочь ответом. Он указал ей на стол, где уже стоял завтрак, и ушел на палубу. Тина упала на стул, не спеша притронуться к еде. Слезы сами собой побежали по ее щекам. Девушке было стыдно, ей было горько и до невозможности жалко себя. Она вспоминала, как смотрел на нее Альен еще пару дней назад, когда провел половину дня под дверями, развлекая узницу, как он лукаво улыбался, целуя ее, и каким чужим казался сегодня утром. В который раз вспомнилось, как она избивала шарманщика и как был ошеломлен ее поведением господин Литин.

— Ой, маменька, — заикаясь, всхлипнула мадемуазель Лоет. — И почему же я такая глупая...

Она не слышала, как в каюту кто-то вошел, только вздрогнула, когда ей на плечи легли теплые ладони. Решив, что это вернулся папенька, зарыдавшая в голос девушка порывисто обернулась и прижалась щекой к чьему-то животу. Руки мужчины на мгновение замерли, а после пальцы зарылись ей в волосы. Неожиданно Тина поняла, что талия, которую она стиснула, вовсе не принадлежит папеньке. Вскинув заплаканный взор, девушка охнула и отстранилась. На нее смотрел молодой мужчина с раскосыми глазами и мягкой улыбкой на приятном, немного плоском лице. Тот самый незнакомец из каюты Альена.

— Вы кто? — спросила мадемуазель Лоет, утирая нос тыльной стороной ладони.

— Дин, — улыбнулся незнакомец и присел напротив. — А вы?

— Э-э-э, — и вот тут Тина растерялась. Как представиться, девушкой или юношей?

Спас ее сам папенька, заглянувший в каюту и пропустивший другого мужчину. Молодой незнакомец обернулся, глаза его скользнули по сидящему соплеменнику и остановились на капитане «Счастливого». Столь неподдельного восхищения Тина не видела, пожалуй, никогда.

— Капитан Лоет, — с благоговением выдохнул Дин.

— Сейчас принесут завтрак, — неожиданно смутился Вэйлр. — Бонг, присмотри за детьми, особенно за этой... мадемуазель.

Он исчез, а Тина распахнула глаза. Бонг? Бонг! Это же тот самый господин с Тригара, которого они несколько раз навещали с родителями. Но как?! Здесь! Лекарь негромко рассмеялся и подошел ближе. Он поклонился Тине и погладил по голове, чуть надавливая пальцами, и мадемуазель Лоет почувствовала себя намного лучше. Она глубоко вздохнула и подняла взгляд на Бонга.

— Добрый день, — поздоровалась она.

— Добрый, — улыбнулся лекарь-колдун. — Ты помнишь меня, маленькая мадемуазель?

Девушка кивнула, затем перевела взгляд на молодого человека.

— Это мой воспитанник Дин, — произнес Бонг, и по лицу принца скользнула тень благодарности. — Дин, а это дочь капитана Лоета, мадемуазель Адамантина.

— Тина, — ворчливо поправила девушка.

— Дочь? — молодой человек широко улыбнулся и взял ее за руку. — Для меня большой честь знать вашего отца и вас... Тина.

Мадемуазель Лоет чуть нахмурилась, сопоставляя вчерашние подозрения в том, что папенька и господин Литин что-то затевают, и появление двух иноземцев. То, что Дин спал в каюте Альена, а он сам — в гамаке рядом с остальными матросами, вспомнила его изумление и сегодняшнюю холодность и готова была снова хлюпнуть носом. Значит, дело касалось Бонга и этого восхищенного Дина. Оставалось узнать подробности, но лекарь удержал девушку за руку, не давая ей выйти к отцу.

— Позже, — сказал он. — Сначала «Счастличик» должен покинуть Лаифу.

Вэйлр Лоет стоял на палубе, скрестив руки на груди, широко расставив ноги, и смотрел на берег, где неспешно прохаживалась губернаторская охрана, присматриваясь к кораблям. Вэй задумчиво пожевал губы, прищурился и подозвал к себе двух матросов. Пошептав им что-то на ухо, капитан отвернулся, а матросы легко сбежали по сходням, прихватив у боцмана небольшой мешок. Они неспешно скрылись за невысоким складом, но вскоре один вернулся, показав Вэю, что все в порядке.

— Готовимся к отплытию, — негромко велел Лоет, как только увидел второго матроса, возвращавшегося к бригу с зеленым яблоком в руке.

Не успел он дойти до сходней, как грянул оглушительный взрыв, вынудив матроса упасть на землю, и одноэтажное здание взлетело на воздух, заполняя пространство порта едким дымом, огнем и людским гамом. Губернаторская охрана бросилась к складу, команды других кораблей припали к бортам. Кто-то кинулся на помощь, кто-то спешно вытягивал якоря, потому что огонь все более разрастался, приближаясь к причалу, и рисковать своими кораблями капитаны не желали.

Суета на «Счастличике» не отличалась от суеты, поднятой на палубах соседних кораблей. Лоет криво ухмыльнулся, наблюдая хаос, устроенный его матросами. Он кивнул обоим, чьи довольные физиономии светились от удовольствия. Бриг снялся с якоря, поднял паруса и устремился на выход из

гавани Лаифы, затерявшись среди других кораблей.

К капитану подошел господин Ардо.

— Зачем шум? — поинтересовался он.

— У губернаторских псов в руках был дротик Кузнечика, и искали они нас, — ответил Лоет. — Какая-то падаль все-таки вспомнила о пристрастиях моего матроса.

— Уверены, капитан? — нахмурился и без того вечно хмурый старший помощник. — Если они узнали про «Счастливчик», то вашим судам прохода не будет.

Лоет скосил глаз на Ардо:

— А не пора ли положить конец пиратству, как вы считаете, господин Ардо? Думаю, мой брат сможет поднять этот вопрос в королевском совете. Что-то Лаифа слишком долго правит бал на торговых путях.

— Я давно это говорил, — склонил голову старший помощник, едва заметно усмехнувшись.

Капитан ничего не ответил, но по его губам скользнула легкая улыбка. Пора было вспомнить о корнях. Затем Вэйлр повернул голову в сторону Альена Литина, тяжело вздохнул и приблизился к нему.

— Ты хорошо потрудился, мальчик, — сказал он, не глядя на молодого человека, застывшего у борта.

— Благодарю, — с легкой иронией ответил Альен, но Лоет пропустил выпад Литина мимо ушей.

— Как это ни странно, но я хочу извиниться, — сварливо произнес капитан. Молодой человек повернулся к Лоету и с интересом посмотрел на него. — То, что моя дочь благословила тебя коленом... Тому виной мое неосторожное высказывание. Девчонка просто накрутила себя. По глупости она.

Альен снова отвернулся и посмотрел на корабль, идущий впереди «Счастливчика».

— Однако ей хватило сообразительности, чтобы все осмыслить после и извиниться. Тине пора научиться прежде думать, потом делать, — ответил молодой человек.

— Ты злишься, — усмехнулся Вэй.

— Нет, — Альен улыбнулся и снова повернулся к Лоету.

— Но не спешишь ей сказать об этом?

— Не спешу, — соглашаясь, кивнул Литин. — Когда Тина понимает, что прощена, она быстро забывает о том, за что извинялась.

— Вполне возможно, что ты прав, мальчик, — Вэйлр задержал на нем свой взгляд. — Должен признать, что ты успешней меня подбираешь к ней

ключики. Только она моя дочь, и, если девчонка будет много плакать, я тебе сердце выну. — Лоег сделал несколько шагов прочь, но обернулся и нацелил палец на Альена. — И помни: несмотря ни на что, ты меня бесишь по-прежнему, и я сделаю все, чтобы близко не подпустить тебя к ней.

— За что вы меня так не любите, Вэйлр? — спросил его в спину молодой человек.

— Наглый больно, — проворчал Лоег.

Альен некоторое время смотрел вслед Вэйю и вдруг весело крикнул:

— Вы лжете, капитан, я вам нравлюсь! Но вы слишком упрямы, чтобы это признать!

— А еще — слишком умный, — буркнул Лоег и больше не оборачивался.

Глава 23

К вечеру «Счастливи́чик» достиг небольшого островка, где была условлена встреча с горастанским кораблем. Островок этот имел форму, напоминавшую древнюю руну, означавшую «счастье», за что сам остров получил высокопарное название Остров Счастья. Правда, счастливая у него оказалась только форма; в остальном это был пустынный островок, почти лишенный растительности. Пройти его вдоль и поперек можно было всего за час, и населяли Остров Счастья только чайки, но толк от них был разве что в пустом галдеже.

Капитан Лоет стоял на мостике, уперев руки в бока, и осматривал остров мрачным взглядом единственного здорового глаза. Рядом с ним стоял не менее мрачный Бонг. Мужчины обменялись понимающими взглядами: императорский горастанский корабль здесь не появлялся. Это могло означать только одно: уйти от погони принцу Чону не удалось. Скорей всего, «Краса Горастана» лежал на дне, а его команда находилась в плену у пиратов или же погибла вместе с кораблем. Ни то, ни другое не могло радовать.

— Быть может, ушли? — задумчиво спросил Вэйлр.

— Возможно, — без особой уверенности протянул Бонг. — Но в плен его высочество не позволит себя захватить. Если «Краса» не смогла оторваться, значит, принц Чон покончил с собой, как и все его люди. Это закон. Свита умирает вслед за своим господином.

— Дикость какая, — буркнул Лоет и сбежал на палубу.

— Традиция, — пожал плечами лекарь и спустился следом.

Он нашел взглядом своего паука. Тот уютно расположился на ладони Альена Литина и наслаждался почесыванием мохнатой спинки. Паук Хон, праправнук паучихи Олиги, жившей когда-то у Бонга, неожиданно воспылал нежной привязанностью к Литину и теперь большую часть времени проводил у него на плече, на спине, на голове, на ноге и даже груди, изображая жутковатую брошь. В общем, всеми силами не желал возвращаться к своему хозяину, предпочитая молодого человека, ничего не имевшего против паучьей любви.

Бонг укоризненно покачал головой, произнеся что-то на родном языке, но Хон остался глух, продолжая млеть в руках Альена. Недалеко от Литина стояла мадемуазель Лоет, бросавшая на молодого человека тоскливые призывные взгляды, сопела и пару раз прошла мимо, «случайно» задев его

локтем.

— Ох, прости, — оба раза восклицала она.

— Ничего страшного, — с улыбкой отвечал Альен и возвращался к разговору с Красавчиком, который что-то оживленно втолковывал молодому человеку.

Наконец Тина раздосадованно фыркнула и переключила свое внимание на отца. Однако и тому было не до нее, и тогда девушка поймала взгляд принца Дина. Правда, смотрел он, скорей, сквозь нее, но это нисколько не помешало девушке приветливо улыбнуться и подойти к его высочеству. Заметив внимание к своей персоне, Дин рассеянно улыбнулся.

— Они нет, — произнес принц, и в его голосе прозвучала тревога.

— Они нет? — переспросила озадаченная Тина.

— Они здесь нет, — повторил Дин.

Девушка потерла подбородок и просияла:

— Их здесь нет!

— Их нет, — согласно повторил его высочество. — Быть беда.

Мадемуазель Лует, которой еще никто не рассказал всех тонкостей дела, все-таки знала, что они помогли сбежать Дину из плена и что его должны ожидать именно здесь, у Острова Счастья. Кстати сказать, Тину разрывали противоречивые чувства. Во-первых, ее угнетало то, что Альен с ней по-прежнему вежлив и холоден, во-вторых, ей хотелось знать подробности освобождения Дина, а их ей мог сообщить именно господин Литин, а в-третьих, девушка чувствовала жгучую обиду, что молодой человек ни слова не сказал ей о готовящемся освобождении. Ни полсловечка!

Тина обернулась в сторону Альена и успела заметить, как он спешно отвернулся. Девушка поджала губы, насупила брови и вспомнила все-все-все. Это она ему рассказала про карту Биглоу! Ну и что, что без Литина ей было не найти корабль, который бы отвез ее к Исчезающему острову или, как его назвал папенька, к Острову Беса. Главное, что она рассказала! Могла ведь не рассказывать? Могла. Но рассказала, показала карту и взяла в долю. А он! И тут грехи Альена посыпались на мадемуазель Лует щедрым дождем. Он знал, что Тина девица, знал и даже не намекнул, что знает. Ну и что, что это все только бы усложнило. Умолчал? Умолчал — раз! Про освобождение горастанца умолчал? Умолчал — два! Выдал папеньке их секрет и карту Биглоу — три! Родители нашли ему невесту — четыре! Целовал без разрешения два, нет, три раза — это пять! Воротит нос и продолжает ничего не рассказывать — шесть! Но главное, он заставляет ее, Адамантину Лует, чувствовать себя виноватой даже за то, что она

сейчас думает. А это неправильно. Стало быть — семь! Вывод напрашивался сам собой: Альен Литин — ужасный человек. Чудовище! Да просто гад.

Девушка развернулась на пятках, окинула уничтожающим взглядом того, по кому страдала еще утром, и решила, что больше никогда, никогда-никогда не подойдет к Альену Литину. И пусть он теперь кусает себе локти, а она найдет себе другого друга. Ну хотя бы... А хоть и его! Взгляд юной мадемуазель остановился на его высочестве. Тина быстро оценила знакомый блеск в глазах, преклонение перед ее папенькой и разговоры о славном прошлом четы Лоев. Девушка мысленно потеряла ладошки: кажется, она нашла себе нового Сверчка. Ну и что, что этот старше, зато готов к приключениям, не то что брюзга Литин.

Однако Дину сейчас было явно не до игр, и Тина не стала наседать на него. Она осталась стоять рядом, молча рассматривая остров. Дин скосил глаза на дочь своего кумира, чуть заметно улыбнулся и негромко сказал:

— Я хотеть, пусть дядя быть живой, но далеко. Пусть он ехать домой, а я остаться с вами, хоть немного. Хо... Хо-чу приключений, — почти по слогам произнес он, глядя на мадемуазель Лоев.

Тина вскинула глаза на принца, подмигнула и шепнула, ощущая на языке сладкий привкус мести:

— Держись меня, и приключения сами тебя найдут.

Затем обернулась в сторону Литина и осклабилась. Да-да, она то же говорила и Альену. И пусть в первый раз это было сказано по наитию, в искреннем порыве, а сейчас, скорей, из желания хоть так потешить свое самолюбие, но стало немного легче. Альен обернулся, с ироничным удивлением приподнял брови, и Тина, вздернув нос, отвернулась. Если бы она сейчас увидела, как на красивом лице молодого человека появилась тень легкого недоумения, а после — и вовсе задумчивости, из-за чего его взгляд задержался на девушке дольше, чем ему хотелось показывать свое внимание, то, пожалуй, мадемуазель Лоев испытала бы торжество. Особенно в то мгновение, когда задумчивый взгляд синих глаз остановился на его высочестве, также исподволь наблюдавшем за Тиной.

Альен поджал губы и отвернулся. Ему не понравилось это внимание со стороны принца. И вроде бы ничего не происходило, они даже не разговаривали, но этот взгляд, в котором легко угадывался интерес, неприятно кольнул господина Литина. Молодой человек понадеялся на то, что Тина просто успела сказать нечто, что заинтересовало впечатлительного Дина. Альен снова бросил взгляд в сторону мадемуазель Лоев и Шэн Ли Дина, но они теперь оба смотрели на волны, омывающие

каменистый берег Острова Счастья.

— Уходим, — услышал молодой человек и повернулся к капитану Лоету.

Дин, также услышавший слова Вэя, подошел к нему.

— Ждать смысла нет, — не глядя на принца, пояснил Лоет. — Ваш дядя увел за собой разбойников. Они не попались нам на пути сюда, мы не видели обломков корабля, значит, сюда «Краса Горастана» не приближалась. Скорей всего, они мчат на всех парусах в другую сторону, стремясь увеличить разрыв между нами. Решение разумно и понятно, однако в наших планах совсем не увеселительная прогулка, и ваша жизнь может быть подвергнута опасности.

— Я сумею постоять за себя, — в голосе принца послышалось возбуждение, смешанное с упрямством.

— Один раз уже постоял, — усмехнулся Вэйлр.

Дин смутился, но глаз не отвел. За спиной принца появился Бонг. Он хмыкнул и что-то сказал его высочеству на родном языке. Дин заметно расслабился, и на лице его просияла улыбка.

— Вы на территории Марантийского королевства и будьте любезны уважать наши обычаи и наш язык, — сухо заметил Лоет. — Извольте изъясняться понятно, иначе я и мои мальчишки можем подумать, что вы говорите про нас гадости. Особенно когда ваши физиономии выглядят до отвращения счастливыми.

— Друг мой, территория Маранты начинается там, где есть ее флаг, у вас же флага нет, — невозмутимо ответил лекарь.

— Литин, — капитан повернулся к Альену, — скажи, что ты знаешь об умниках.

— Вы меня не любите, Вэйлр, — усмехнулся молодой человек.

Лоет снова посмотрел на горастанцев.

— Вот, — назидательно произнес он. — Вы хотите, чтобы я вас тоже не любил?

— Нет, — Дин снова смутился. — Мы говорить на языке Маранты.

— Хороший мальчик, — одобрил Вэй. — А ты, колдунишка? Ты будешь испытывать мое терпение?

— На территории Маранты — ни в коем случае, — широко улыбнулся Бонг.

— Змей, — обличил его Лоет и величаво удалился.

«Счастливчик» снялся с якоря и, набрав полные паруса ветра, отправился к другой стоянке в порту городка Алгардт, принадлежавшего соседу Тригара. Бриг все еще нуждался в ремонте, который прервали из-за

принца Дина, и Лоет посчитал, что это будет самая безопасная для них сейчас гавань. Алгардт являлся маленьким рыбацким городком, из останавливающихся в котором самым большим судном был почтовый бриг. Иногда в Алгардт заходили корабли Лиги, когда им нужно было переждать облаву или же, как сейчас, встать на небольшой ремонт. Доков для больших кораблей в Алгардте не имелось, а вот подлатать борт вполне могли.

Местные жители относились к свободным мореплавателям спокойно. Вели себя здесь пираты обычно мирно, драк не затевали, ни с кем не скандалили, платили вовремя и полностью. Такие тихие местечки у Лиги всегда ценились, и с горожанами отношений старались не портить. Сам Лоет бывал в Алгардте дважды. В первый раз — еще вместе со старым Анселем, пиратом, который оставил «удачливому щенку» свой бриг и знания, которыми обладал сам.

А второй раз «Счастливчик» прятался здесь от «охотников». Такие корабли имелись у каждой морской державы. «Охотники» отличались скоростью, вооружением и командами, считавшимися отличными моряками и воинами, иначе сказать — каратели. Называли эти команды еще и сворами, потому что хватку они имели мертвую. Если такой «охотник» сел на хвост, то будет идти до конца. Их поднимали, когда Лига особо разрасталась в размерах и сильно нагнала. Впрочем, «охотники» использовались и во время войн. Но войны случались не так уж и часто, а пираты встречались каждый день.

Вот в такой рейд «охотников» Лоет как-то и попал. Встреча вышла до чрезвычайности странной. «Псы» мчались за «Счастливчиком», но, приблизившись настолько, чтобы стало видно название брига, потеряли к нему всякий интерес и сменили курс. Вэй все же решил отсидеться в Алгардте, где команда около недели изнывала от скуки. А когда бриг вышел в море, то снова встретился с карателями. История повторилась. «Охотник» подошел, рассмотрел и потерял всякий интерес к пиратскому кораблю.

Капитан Лоет посчитал себя... оскорбленным. Его собратьев выкашивало, словно косой, а «Счастливчика» будто не существовало.

— Мы для них слишком маленькие, что ли?! — возмущенно восклицал Лоет. — Совсем озверели? Мы же пираты, пираты!

Будь на его месте Тина, она бы обязательно еще и ногами потопала, но Вэйлр Лоет был мужчиной, поэтому ногами не топал, только грязно бранился да и от переполнявших его чувств сцепился с одним из таких же пиратских кораблей. Немного успокоившись, Вэй взял курс на Маринель, а по пути встретил еще одного «охотника». Просияв, словно ему сделали лучший подарок в жизни, Лоет ринулся карателям наперез.

Команда тихо молилась, уговаривая Всевышнего вернуть капитану разум. Всевышний не внял, и «Счастличик» первым напал на «псов». Те вяло огрызнулись парой ядер и ушли на полных парусах. Наверное, это был первый и единственный раз в истории, когда пиратский бриг преследовал «охотника» с намерениями потребовать равного с другими к себе отношения. Догнать не догнали, но самолюбие Лоета было успокоено.

— Они просто боятся с нами связываться, — заявил он. — В Маринель.

Команда вознесла хвалу Всевышнему, утерла пот и повернула в сторону родного порта. Вряд ли Вэйлр Лоег догадывался, что своей жизнью в тот рейд обязан родному отцу, вытребовавшему для сына королевской защиты. «Счастличик» стал невидимкой для карателей, а Вэй, успокоившись, решил больше со смертью не играть в догонялки. Команда повторно вознесла хвалу Всевышнему.

С тех пор прошло лет тридцать пять, и, сказать по правде, Лоег не особо интересовался обычаями, ныне царившими в маленьком рыбацком городке. Он не знал точно, принимают ли еще алгардцы корабли Лиги столь же спокойно, потому приказал поднять флаг родного королевства и торжественно взглянул на Тина. Тот склонил голову, принимая собственные условия об отказе от родного языка на территории, где есть флаг Маранты, и весело рассмеялся, глядя на старого друга.

— Вэй, ты не меняешься!

— Ты тоже, — ответил с улыбкой Лоег.

Бонг опять поклонился и подошел к его высочеству, после чего увел его с палубы. Оставшись в одиночестве, Тина заскучала. Она огляделась и заметила Альена. Он наконец остался без собеседников, и девушка, помявшись, все-таки подошла к нему. Молодой человек развернулся при ее приближении, оперся локтями на перила борта и приветливо улыбнулся. Не ожидавшая столь радушного приема, Тина немного опешила, забыв, что хотела сказать. Вместо заготовленной фразы, которую мадемуазель Лоег собиралась произнести с ленцой, как бы между прочим, она встала рядом с Альеном, скрестила на груди руки и желчно спросила:

— А вы, господин Литин, как я погляжу, совсем не спешите выполнять взятые на себя обязательства?

Теперь опешил Альен.

— Поясни, — потребовал он.

— Деньги, значит, за обучение взяли, а о том, что с учениками стоит заниматься, совсем забыли?

Сказать, что Тина была изумлена собственными словами, — ничего не

сказать. Она ведь даже не вспомнила ни разу за это время, что хотела научиться фехтовать. Слова вырвались сами собой, немало ошарашив девушку, произнесшую их. Альян был ошарашен не меньше. Он действительно забыл о том, что еще не так давно мадемуазель Лоет брала у него уроки фехтования. Столько всего произошло за это недолгое время. Молодые люди одновременно повернулись лицом друг к другу, глядя широко распахнутыми глазами.

— Гарпун мне в печень, — дружно произнесли они.

— Удивительное единодушие, — сварливо заметил Вэй, проходя мимо. Он сделал еще несколько шагов и остановился, с подозрением рассматривая дочь и ее покровителя. — Что задумали?

— Господин Лоет, — тут же отмер Альян, — могу ли я попросить у вас дозволения на продолжение занятий с вашей дочерью фехтованием? Мы начинали еще на «Алиани»...

— Нет, — прервал его капитан.

— Я так и думал, — склонил голову Литин. — Тогда я снова ее опекун.

— А если — да? — прищурился Вэй, с любопытством ожидая ответа.

— Я буду счастлив получить одобрение на наши занятия от папеньки мадемуазель Адамантины.

— То есть мое дозволение здесь никому особо не нужно, и вопрос был формальностью, — усмехнулся Лоет.

Альян поклонился и весело улыбнулся:

— Мадемуазель Лоет заплатила мне за занятия, и я должен выполнить взятые на себя обязательства. Сами понимаете, я, как честный человек, собираюсь придерживаться данного слова.

— И сколько же вы, господин Литин, содрали с моей дочери? — Лоет сам не мог себе объяснить, почему с таким энтузиазмом влился в новую словесную пикировку с молодым человеком. Но он вдруг почувствовал удовольствие от происходящего и отойти уже не смог.

— Папенька, он содрал с меня целый сантал, — наябедничала Тина, решив напомнить, что она тут тоже стоит не для красоты.

— Подумать только, с ребенка, да сантал, — поцокал языком Вэй. — Так вы еще и жулик, господин Литин? Дочь, я готов заниматься с тобой бесплатно...

— Нет! — чересчур поспешно и громко воскликнула девушка, замотав головой и отступив ближе к Альяну. — Папенька, вы уже учили меня плавать, ездить на лошади и танцевать. Умоляю, не учите меня ничему больше, я вас боюсь!

— Что?! — возмутился Вэйлр. — Ты обвиняешь меня в том, что я

плохой учитель?!

— Ужасный, папенька! Хуже всех-всех-всех. Вы тиран!

Альен закашлялся, ненавязчиво задвигая искреннюю Тину себе за спину. Лицо Лоета вытянулось, он несколько мгновений переваривал откровения своего дитя, затем прищурился и побагровел.

— Я тиран?! — взревел оскорбленный отец. — Я?! Даэль, ко мне, живо!

Боцман близко подходить не стал, он остановился на расстоянии и осторожно спросил:

— Что случилось, капитан?

Лоет развернулся к нему и сварливо спросил:

— Я тиран?

Господин Даэль кивнул, но тут же округлил глаза и истоиво замотал головой.

— Та-ак, — протянул Вэйлр и оглядел команду. Команда ответила капитану преданными взглядами и поспешила исчезнуть из его поля зрения. — Озверели, гады? — изумился Лоет. — Ардо!

— Вы тиран, мой капитан, — невозмутимо ответил старший помощник, глядя в подзорную трубу.

— Это черт знает что, — возмутился Вэй и снова посмотрел на дочь, выглядывавшую из-за плеча Альена Литина. — Тиран, значит, да? — Тина кивнула и совсем спряталась. Голос Лоета наполнился ядом, и он не преминул его выплеснуть. — А раз я тиран, то я против занятий фехтованием этой юной особы. Увижу с саблей в руках — заколочу в каюте до самого Кайтена. А тебя, — палец Вэя уперся в грудь Альена, — я ссажу с моего корабля в ближайшем порту, и добирайся до Маранты, как знаешь. Я все сказал.

Развернувшись на каблуках, Лоет заложил руки за спину и уже хотел отойти, но ему на плечо легла ладонь Литина. Мадемуазель Лоет испуганно пискнула и закрыла лицо руками, команда «Счастливчика» забыла о срочности своих дел и дружно уставилась на капитана и смелого паренька, рискнувшего лезть под горячую руку, и не сказать, что в глазах их не мелькнула жажда зрелищ. К тому же жертва для выплеска дурного настроения капитана нашлась сама.

Лоет демонстративно уставился на руку, лежавшую на его плече, и Альен убрал ее.

— Вэйлр, у меня к вам деловое предложение, — произнес молодой человек.

— Я сказал нет, — отчеканил Вэй.

— Не спешите, господин Лоет, — отмахнулся Литин. — Вы же коммерсант и не можете отказываться от сделки раньше, чем услышите ее условия.

— Ну и? — бровь капитана насмешливо изломилась.

— Я прошу вас стать моим учителем фехтования, — широко улыбнулся Альен.

— Нет.

— И вновь вы спешите. Вэйлр, как вы ведете дела? — не без ехидства поинтересовался молодой человек. — Вы не дослушали меня. А меж тем я добровольно отдаю себя вам на заклятие. Ваш характер мне уже известен: судя по испугу мадемуазель Лоет, меня ожидает отнюдь не лучшая пора моей жизни. И все-таки я готов быть вам послушным учеником, не роптать и не возмущаться. Как компенсацию за все, что я претерплю от вас во время обучения, я прошу всего лишь не мешать мне выполнять взятые на себя обязательства. Если же я позволю себе спорить с вами, быть несдержанным или же пожалуюсь на ваш метод обучения, вы вольны привести свою угрозу в исполнение. Я сам безропотно покину ваш корабль. Что скажете, Вэйлр?

Кто-то из матросов покрутил пальцем у виска, Красавчик посмотрел на Литина с сочувствием. Тина, кусая губы, шагнула к нему и зашептала:

— Альен, ты не понимаешь, во что ввязываешься.

Услышав ее слова, молодой человек бесшабашно подмигнул девушке и улыбнулся. Лоет, хотевший уже вновь отказать, кровожадно ослабил и протянул Альену руку:

— По рукам. И никаких соплей.

— Никаких, — кивнул Литин, сжав протянутую ладонь.

— Ой, маменька, — протянула Тина.

— Впервые вижу того, кто готов лезть дьяволу в пасть, — покачал головой Кузнечик.

— Второй раз ты такого видишь, — буркнул Мельник. — И оба они перед тобой, жмут друг другу руки.

Глава 24

Алгардт встретил «Счастливого» и его команду вялым течением жизни, и Лоет выдохнул с облегчением: ничего за несколько десятков лет здесь не изменилось. Разве что обновили причал да появился новый склад, а на месте старого, с унылой серой стеной, сейчас красовалось пепелище. Вот и все новшества. У причала все так же покачивались рыбацкие лодки, почтовый бриг отсутствовал, и места для стоянки имелось предостаточно.

Как и в старые добрые времена, Лоет не удосужился дожидаться одинокого портового смотрителя, который наверняка сейчас находится, где угодно, только не в своей конторе, и велел бросить якорь на облюбованном местечке. Рыбаки с вялым любопытством рассмотрели чужой корабль, зевнули и потеряли к нему всякий интерес.

Лоет первым сошел со сходней, остановился, притопнул ногой и глубоко втянул носом знойный воздух. Затем посмотрел на бриг и усмехнулся, заметив пританцовывающую от нетерпения дочь. Вэй махнул ей рукой, и девица помчалась к нему на всех парусах. Остальные остались на корабле, ожидая, когда все формальности будут улажены, и все, кроме вахты, смогут пройтись по городку, заглянуть в трактир и в единственный на весь Алгардт дом увеселений, если он еще остался, конечно.

Матросы, те, кто был здесь с капитаном в их последнюю стоянку в рыбацком городишке, подначивали друг друга, весело предполагая, что девки остались все те же. Мужчины расписывали достоинства престарелых красавиц и хохотали, когда собеседник кривился и посылал острослова дьяволу под хвост. Новички и Красавчик с Самелем, попавшие на «Счастливого» позже остальных, с интересом слушали байки и посмеивались.

Альен, Бонг и Дин стояли, облокотившись о перила борта, и смотрели вслед удалявшимся отцу с дочерью.

— После качки будет приятно ощутить под ногами твердую землю, — произнес Литин.

— Да, — кивнул Дин. — Но мне нравится море.

Бонг скосил глаза на принца, затем на Альена.

— Сегодня ты будешь лишь смотреть на землю, — в излюбленной манере недоговоренности сказал лекарь.

— Почему? — удивился Литин.

Тин улыбнулся и не ответил. Вместо него заговорил Дин:

— Бонг видеть прошлое, видеть будущее. Он колдун.

— Колдунов не бывает, — пожал плечами Альен. — По крайней мере, я их не встречал.

— Теперь встретить, — улыбнулся его высочество. — Бонг, ты расскажешь, что видишь?

— Пусть Хон нашепчет на ухо Альену, — неожиданно сварливо и очень похоже на Лоета произнес лекарь и покосился на паука, не спешившего покидать плеча молодого человека.

Литин почесал пальцем мохнатую черную спинку и усмехнулся:

— Ревность не красит мужчину.

— Запомни эти слова, мой юный друг, — лукаво блеснул глазами Тин, загадочно продолжив: — Это должны помнить все юноши.

Дин и Альен некоторое время смотрели на Бонга, но тот больше ничего не говорил. Молодые люди пожалы плечами и снова перевели взгляды на берег. Лоет и Тина пока не появились, и мужчинам оставалось лишь ждать. Литин осторожно снял паука со своего плеча, приподнял на ладони на уровень глаз и проворковал:

— Хон — красавец. — Лекарь состроил гримасу, глядя на мохнатого изменника, принц негромко рассмеялся, а за их спинами кто-то от души сплюнул, выразив свое резкое несогласие со взглядами Альена на красоту.

В это время семейство Лоет взирало на большой висячий замок, на который была заперта дверь в контору начальника порта города Алгардта. Судя по запыленным окнам и шикарной паутине, оплетавшей дверь и часть замка, здесь давно никого не было. Тина недоуменно посмотрела на папеньку, папенька прожег взглядом замок и завертел головой, пытаясь найти хоть одну живую душу. Душа нашлась быстро, но оказалась собачьей. Огромный черный пес лежал рядом с будкой, в которой запросто мог бы жить один человек, и наблюдал за гостями. Пес, наверное, решив вспомнить, для чего был здесь положен, издал короткое трубное:

— Буф.

На этом его энтузиазм и служебное рвение иссякли, и псина, громыхнув цепью, вытянулся на боку, потеряв к Лоетам всякий интерес.

— Приплыли, — философски изрек Вэйлр.

— Угу, — промычала его дочь.

— Это черт знает что, — покачал головой Лоет.

— Да, — важно поддакнула Тина.

— Это ни в какие ворота! — возмутился капитан «Счастливица».

— Гарпун им в печень, — выразила свое полное согласие с отцом мадемуазель Лоет.

— Дитя, ты невероятно прозорлива, — Вэй потрепал дочь по волосам, обнял за плечи, и мужчина с девушкой отправились на поиски начальника порта.

В общем-то, порта в Алгардте как такового не было. Имелись причал и несколько хозяйственных построек, но все это носило гордое звание Алгардтский порт. Только вот начальник исчез в неизвестном направлении, контора непонятно когда открывалась в последний раз, а документация и архив, закрытые внутри, должно быть, уже превратились в прах. Когда Лоет был здесь в последний раз, начальник нашелся быстро, в общем-то, его даже искать не пришлось. Томные женские вздохи в ближайших кустах указали направление для поисков. Теперь же самым томным, что раздавалось рядом с конторой, было сопение пса, но вряд ли начальник порта сидел в собачьей конуре.

— Что будем делать, папенька? — спросила Тина, глядя на отца снизу вверх.

— Найдем эту сволочь, — доходчиво ответил Лоет.

— Дьявол его дери, — поддержала родителя мадемуазель Лоет.

— Не выражайся, — строго велел Вэй, огляделся и вздохнул. — Чтоб его в преисподней вместо дешевой девки...

— Папенька, как это грубо, — сморщила носик Тина и закончила, подражая деду-аристократу: — Вы же Мовильяр, как-никак.

— Ах, простите, ваше сопливое сиятельство, — насмешливо поклонился Вэйлр, — виноват, исправлюсь.

— Смотрите мне, — важно кивнула мадемуазель Лоет, погрозив родителю пальчиком.

Вэй беззлобно хмыкнул и слегка дернул дочь за ухо, наградив ласковым эпитетом:

— Мартышка.

— Я не мартышка, — проворчала Тина, и они вышли на городскую площадь, такую же спокойную и малолюдную, как и порт, находившийся почти сразу за нею.

Оглядевшись заново, Вэйлр направил свои стопы в сторону мужчины в затертом мундире, дремавшего на лавочке. Страж алгардтского порядка сидел, откинув голову назад, челюсть его отвалилась, и из глотки несся могучий храп. Лоет некоторое время рассматривал мужчину, то ли пытаясь и на нем найти пыль и паутину, как на двери конторы начальника порта, то ли раздумывая, стоит ли прерывать столь праведный сон. Наконец, придя к выводу, что полицейский доспит после, Вэйлр ткнул соню кулаком в плечо и спросил, перейдя на международный язык:

— Как служба? Все ли тихо в славном Алгардте?

Полицейский подскочил на место, издал горловое бульканье и уставился шальным взглядом на одноглазого господина, рискнувшего потревожить его покой.

— Добрый день, — мило оскалился Лоет. — Великодушно прошу прощения за то, что помешал вам нести службу, но у меня есть к вам дело.

— Кто вы есть? — с могучим акцентом, но от того не менее грозно, спросил страж порядка.

— Мы есть подданные его величества короля Маранты, — охотно просветил Лоет полицейского. — Только что причалили у вашего прекрасного берега и хотели бы увидеть начальника порта.

Полицейский натужно поскрипел мозгами, побагровел, должно быть, от усилий, и наконец сдался.

— Моя не понять, — признался он.

— Начальник порта, — медленно повторил Лоет. — Где найти начальника порта. По-о-рт.

— Порт здесь, — указал пальцем полицейский.

— Мне об этом известно. Порт здесь, а начальник порта где? — все еще стараясь сохранить дружелюбие, снова спросил Вэй.

— Порт, — страж алгардтского порядка потыкал пальцем в обратную сторону. — Порт.

— Дьявол тебя дери, дубина, — ощерившись в оскале совсем уж запредельного счастья, воскликнул Лоет. — Порт там, а начальник где?!

— Моя не понять. Порт здесь, — насупился полицейский.

Из груди капитана «Счастливого» вырвалось негромкое рычание. Он взглянул на дочь, Тина скромно потупилась.

— Я только нахамлю, — ответила она на немой вопрос отца.

— Ай, — Вэйлр махнул на нее рукой и показал следовать за собой.

Они уже дошли почти до другого конца площади, когда вслед им понесся возглас полицейского:

— Порт здесь!

— Катись к дьяволу под хвост, — буркнул Лоет.

— Начальник нет!

Капитан тут же остановился и развернулся на каблуках, крутанув за собой Тину. Девушка впечаталась носом в плечо родителя, зашипела, пробурчала нечто нечленораздельное, получила легкую затрецину и угомонилась.

— Начальник здесь! — палец полицейского теперь тыкал в переулок. — Идти! Идти-идти, — мужчина поманил за собой иноземцев и

первым направился к переулку. — Идти.

— Ладно, к дьяволу пока не катись, — смилостивился Вэй. — Ребенок, за мной.

Полицейский, явно довольный собой, уверенно вел их по узким улочкам Алгардта и вывел к другой площади. Одернул мундир и направился к широким деревянным дверям с потертой позолоченной ручкой, украшавшим фасад унылого здания из красного кирпича. Лует и Тина поспешили следом. Но стоило им войти, как стало ясно, что привели их в полицейский департамент, и если они и увидят начальника, то вовсе не порта.

— Мне нужен начальник порта, — процедил сквозь зубы Вэй, чувствуя первые признаки раздражения.

— Начальник, порт, пить, — ухмыльнулся полицейский и указал на дверь из темного дерева. — Много пить. Здесь.

— Оу, — изломил бровь капитан «Счастливчика». — Благодарю, любезный.

После чего уверенно направился к дверям, постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел в большой кабинет. Застоявшийся запах винного перегара мог сбить с ног и бывшего выпивоху — самого Луета. Вэй кашлянул, обмахнулся ладонью и велел:

— Дитя мое, жди за дверью. У меня есть основания полагать, что обратно тебя придется выносить мертвецки пьяной уже от одного запаха.

Тина осталась стоять у раскрытой двери, с интересом разглядывая двух мужчин. Один из них сладко спал на столе, подложив под голову стопку бумаг. Он причмокивал губами, морщил нос и издавал попискивание, перемежавшееся с бормотанием и тяжелыми вздохами. Второй спал под столом, издавая храп, которому мог бы позавидовать тот полицейский, который привел их сюда.

— И что делать с этим барахлом? — задал риторический вопрос Лует. — Кто из этого хлама является начальником порта?

— Папенька, тот, что на столе, в мундире синего цвета, — заметила Тина. — У господина полицейского тоже был синий мундир. Значит, на столе спит начальник полиции. А наш начальник храпит под столом.

— Логично, — одобрил отец. — Хвалю, дочь.

— Благодарю, папенька, — зарумянилась от удовольствия мадемуазель Лует.

Вэй закатал рукава и подошел ближе к столу. Затем ухватил пьяницу за ногу и дернул на себя, тихо бранясь и кривясь. Начальник порта издал рев раненого кабана, попытался лягнуть наглеца, нарушившего его честный

отдых, но получил по физиономии и снова сник. Лоет закинул мужчину на плечо, обозвав того дьяволовым отходом, и бодро зашагал прочь из кабинета начальника полиции, так и не потревожив его сон.

Вынос тела проходил в торжественной тишине и под умиленными взглядами нескольких полицейских, попавшихся навстречу капитану «Счастливчика». Никто не возмутился, не остановил и даже не попытался узнать, кто и куда выносит одного из старших чиновников города Алгардта.

— Пьют давно... очень давно, — понял Лоет.

Тина, семенившая за отцом, кивнула и прибавила шагу, спеша поравняться с ним. На лице девушки застыла маска гордости и превосходства, а в глазах ясно читалось: «Это мой папенька!» Она вышагивала рядом с родителем, задрав нос, и в эту минуту никто не мог сравниться с ним, даже Альен Литин, оставшийся на бригае. Хотя... Тина вспомнила, во что ввязался ради нее молодой человек, а еще — сколько раз он противостоял папеньке, и мужчины почти сравнялись. Почти. Потому что после всего того времени, что они провели в море вместе, и особенно сегодня, когда дочь увидела папеньку таким решительным, капитан Лоет был окружен ореолом ее искреннего восхищения.

Не подозревавший о том, что сейчас его возвели едва ли не до божественного ранга, Вэйлр выдохнул и скинул с плеча начальника порта.

— Сколько он в себя винища влил? Весит, как воз винных бочек, — проворчал Вэй.

— Устали, папенька? — заботливо спросила Тина.

— Ну что ты, дочь, просто решил полюбоваться видом, — усмехнулся Лоет, обводя рукой не слишком чистую улицу.

Начальник порта заворчал, завозился у ног капитана и сел, озираясь бездумным взглядом. Вдруг издал нечленораздельный рев и перевернулся на четвереньки. После чего боднул Лоета под колено плешивой головой. Вэй выругался, схватил начальника порта за шиворот и рывком поставил на колени. Пьяница воспользовался вертикальным положением, потянулся к ширинке своих брюк...

— Всевышний! — взвизгнула Тина, спешно отворачиваясь.

— Дерьмо собачье, тебя при родах повитуха на пол уронила! — гаркнул взбешенный Лоет, отбрасывая в сторону блаженствующего начальника порта.

— Молчать, сволочь, — четко изрек на марантийском чиновник и повалился лицом на пыльную мостовую.

— Урою, — решил Вэй.

— Папенька, разрешение на стоянку, — спешно напомнила Тина, пока

Лоет взводил курок пистолета, который успел вытащить из-за пояса.

— Что за жизнь?! — горестно вздохнул Вэй, убирая пистолет. — Благое дело и то сделать невозможно, все в бумаги упирается. Чиновников придумал дьявол! — патетично воскликнул капитан и, безглаголиво сморщившись, вновь вырубил гомонящего пьяницу.

— И докторов, — поддакнула мадемуазель Лоет со знанием дела.

Вэйлр вновь закинул начальника порта на плечо. Тина пристроилась рядом, и отец с дочерью продолжили свой бравый поход. Они прошли мимо полицейского на площади, свернули к порту, но даже не стали пытаться добиться от пьяницы того, что им нужно. Лоет скинул чиновника на землю, огляделся и указал на бочку, стоявшую недалеко от собачьей конуры.

— Тина, сбегай, проверь, что в этой бочке, — велел он.

Девушка кивнула и поспешила выполнить поручение родителя.

— Вода, папенька! — крикнула она, счастливо ощерившись.

— Великолепно, дочь, — ответил ей отец точно такой же ухмылкой.

Подхватив начальника порта, Вэйлр подтащил его к бочке, поставил на землю, ухватив за шиворот, и, кровожадно провозгласив:

— Ванная готова, ваше свинячество, — макнул пьяницу головой в бочку.

— Буль, — отвечивал чиновник.

Лоет тут же вытащил его, выслушал все, что проревел ему начальник порта, и снова сунул головой в бочку. После третьего макания капитан не выдержал и отвесил чиновнику несколько тяжелых пощечин.

— Трезвей, скотина, — раздраженно потребовал Лоет.

— Сам скотина, — в очередной раз обнаружил пьяница знание языков, закончив свой бунт в бочке высокопарным: — Буль-буль.

Преисполненная праведного негодования и желания помочь, Тина отвесила чиновнику пинка, за что удостоилась укоризненного взгляда родителя.

— Со спины не нападают, — поучительно произнес Вэйлр, добыл из бочки чиновника, снова надавал ему по физиономии и сунул обратно.

— Буль.

— Даже он возмущен, — продолжил отец наставлять свое дитя.

— Простите, папенька, — виновато вздохнула Тина.

— Кто ты такой, мерзавец?! — осмысленно заорал начальник порта, когда его снова вытащили на белый свет.

— Готов к диалогу? — осведомился бывший пират.

— Я тебе, собака, такой диа... бульк... В тюрьме сг... бульк. Ты у меня

на коле... бульк. Ты еще пожале... бульк. Ну, хватит! Я готов к диалогу.

— Наконец-то, — просиял Лоят и вежливо улыбнулся. — Мы подданные Маранты, прибыли в ваш славный город ненадолго и хотели бы встать на небольшой ремонт. Хотим получить разрешение на стоянку и заплатить налог.

— Так бы сразу и сказали, — проворчал начальник порта, потряхнув головой. — Что за манеры, в конце концов? Черт знает что. — Пес, наблюдавший за всем действием, широко зевнул, похваставшись здоровенными клыками, и ушел в свою огромную будку.

Дальше события развивались быстро. Поддерживаемый Лоем начальник порта, обнаружив замок на собственной конторе, изложил в доступной форме все, что думает о секретаре и помощнике. Он бранился столь громко и душевно, что капитан «Счастливчика» даже проникся симпатией к чиновнику.

— Хорошая трепка быстро учит подчиненных расторопности, — посоветовал бывший пират.

— Это уж непременно, — согласно кивнул начальник порта. — Нельзя отлучиться на недельку-другую, чтобы перевести дух, как все паутиной зарастает.

— И не говорите, — вздохнул Лоят.

На крики начальника прибежал портовый сторож. Увидев, кто поднял шум, сторож всплеснул руками и исчез в неизвестном направлении, но вскоре вернулся, ведя за собой секретаря. Начальник порта, пользуясь тем, что Вэй продолжал его поддерживать, отвесил своему подчиненному пару пинков. Секретарь, преисполнившись служебного рвения, вспомнил, что ключи от замка находятся у помощника, и умчался его разыскивать. Тина все это время сидела на земле рядом с собачьей будкой. Пес уложил ей на колени свою огромную голову, и оба зрителя наблюдали за происходящим с особым любопытством.

Помощника тоже нашли быстро. Секретарь гнал перед собой полуодетого мужчину, которого начальник встретил зуботычиной под уважительное хмыканье Лоега.

— Ни на кого нельзя надеяться! — орал начальник порта. — Я, устав от праведных трудов, удалился на несколько дней, чтобы исцелить душу и нервы, а вы мне тут nepотребщину устроили! Негодяи! Подлецы! Я, я! Вынужден оставить свой отдых и спешно вернуться к делам потому, что два мерзавца не в силах справиться даже с той пустяшной работой, которую им доверили!

— Так никто же не знал, что объявится...

— Молчать, мерзавец! Всех сгною!

Спустя четверть часа все дела были улажены. Пошлина упала звонкой монетой в пустой ящик, пыльную печать отмыли и оставили отпечаток на разрешении на стоянку и ремонт. После этого секретарь привел старшего плотника, и договор на ремонт брига был также заключен.

Лует, удовлетворенный и раздраженный промедлением одновременно, поманил за собой дочь. Они вернулись на корабль, где команда изнывала от скуки. Поднявшись по сходням, капитан бросил:

— Кому разрешено сойти на берег — проваливайте. Бесчинств не творить, драк не затевать, к бабам под юбки без спросу не лезть. Кто ослушается, рожу буду бить лично. Свободны, мальчики. А вас, — он развернулся и указал пальцем на Альена, — я попрошу остаться, юноша. Пришло время занятий.

— У-у-у, — издал кто-то неопределенное восклицание.

— Есть возражения? — проникновенно поинтересовался Вэй.

— Нет, Вэйлр, — склонил голову Литин, бросая быстрый взгляд на Бонга. Тот развел руками и улыбнулся. — Я буду счастлив получить первый урок.

— А как я счастлив — преподать тебе первый урок, — осклабился Лует и исчез с палубы.

— Держись, — с сочувствием шепнула Тина. — Это будет ужасно.

— Выдержу, — усмехнулся Альен.

Молодой человек еще какое-то время стоял на палубе, наблюдая, как мадемуазель Лует удаляется вместе с принцем и лекарем. Литин придирчиво оценил взгляды, которыми обменялись Тина и Дин, признал их дружескими и немного расслабился. Несомненно, ему бы сейчас хотелось самому прогуляться вдвоем с девушкой, но данное слово требовало, чтобы его держали, и Альен принял крушение надежд стоически и невозмутимо.

Тина, предвкушая прогулку, была преисполнена хорошего настроения. Она захлеб рассказывала, как они с папенькой искали начальника порта и как папенька приводил нетрезвого чиновника в чувство. Дин весело смеялся, Бонг улыбался и качал головой. День обещал быть чудесным, только вот чего-то не хватало... или кого-то. Девушка обернулась, но Альен уже покинул палубу, и мадемуазель Лует вздохнула, на мгновение подумав, что ожидает ее друга и покровителя, пока они будут наслаждаться жизнью. Столь придирчивого, язвительного, желчного и несдержанного учителя, каким был ее папенька, было еще поискать.

— Куда идти? — спросил Дин, отвлекая девушку от ее мыслей.

— Гуляем, — широко улыбнулась Тина, и троица устремилась куда

глаза глядят.

Члены команды покидали «Счастличик», оживленно переговариваясь. Вахтенные с легкой завистью смотрели им вслед, предвкушая, как их товарищи славно погуляют. Покинул борт и старший помощник капитана, господин Ардо. Они ушли в дружной компании с боцманом, решив найти ресторацию и побаловать себя старым изысканным вином, если такое найдется в Алгартте. Красавчик, Мельник, Кузнечик и Самель покинули бриг последними.

Они окружили Литина и наперебой давали ему наставления, то ли пытаясь поддержать, то ли напугать — этого Альен так и не понял.

— Капитан всегда был одним из лучших рубак, — горячо говорил Красавчик.

— Лучшим! — уверял Мельник.

— Башку с плеч сносит одним ударом, — важно подтверждал Самель.

— С саблей, как с бабой, танцует, — уважительно вздыхал Кузнечик.

— Но вы ж не насмерть драться будете, так что не трусь, обойдется, — хлопал по плечу Красавчик.

— Капитан вредный, но отходчивый. Покуражится маленько и отпустит, — успокаивал Мельник.

— Ты, главное, не пасуй, — подмигивал Самель.

— И не спорь, он от этого звереет, — наставлял Кузнечик.

Альен переводил взгляд с одного матроса на другого, затем усмехнулся и поднялся на ноги.

— Да что вы, право слово, будто на смертельный поединок меня отправляете. Меня фехтованию обучали с малых лет. Конечно, у капитана опыта больше, так я затем и иду к нему, чтобы перенять его мастерство. Выживу, — улыбнувшись, закончил молодой человек.

Мужчины поднялись со своих мест вслед за ним, скорбно вздохнули и направились к сходням. Самель рывком прижал к груди Альена, шмыгнув носом и прочувствованно произнес:

— Ну, ты держись, парень. Даже капитана можно пережить. Терпи, раз уж взялся. Он мозгляков не любит. Дашь слабину, и все — пиши пропало, век уважать не будет. Пусть лучше орет и жалит — значит, считает за равного, на прочность испытывает. Уж я-то его выучил.

— Спасибо, — улыбнулся Литин, хлопнув кока по спине ладонью.

Самель еще раз вздохнул, покачал головой и поспешил за товарищами. Альен прихватил саблю и поднялся на палубу. Лоет уже сидел на своей излюбленной бочке, подтянув колено к груди, и ехидно поглядывал на молодого человека.

— Что, дяденьки слезки утирали, Советы давали? Не бойся, мальчик, бить больно не буду.

— Порой знания и навык приходят через пот и боль, — усмехнулся Альян. — В любом случае упорство и трудолюбие всегда приводят к намеченной цели.

Вэйлр соскочил с бочки, одернул рубаху и скрестил руки на груди, с интересом разглядывая молодого человека.

— Сынок, запомни: я не люблю тех, кто бросает дело на полпути. Если решился связаться со мной, то придется идти до конца, пока я не признаю, что ты родился с саблей в руке. Иначе не стоит и затевать. Я готов дать тебе разрешение на занятия с Тиной, считай, что мне понравились твои слова...

— Вэйлр, я хочу учиться у вас, — прервал его Альян. — Я не привык бросать затеянное дело. Если вы передумали, я приму это, но сам отступить не намерен.

— Это был твой выбор, — нацелил на него палец Лоет. Затем указал на саблю, которую держал в руке Альян. — Это оставь на борту, она тебе пока не понадобится. Когда сможешь выдержать мою атаку, тогда разрешу взять игрушку поострей. А пока... — он ухмыльнулся и достал из-за бочки две палки. — Держи. Или это роняет твою честь?

— Вы считаете, мою честь так легко уронить какой-то палкой? — насмешливо спросил Литин. — Она устойчивей, чем вам кажется.

— Сейчас проверим, — осклабился Лоет и первым направился к сходням. — За мной.

Вахтенные подтянулись к борту, предвкушая представление. Рыбаки, еще не зная, что затевают иноземцы, пока просто поглядывали на двух мужчин, вооружившихся палками. Учитель и его ученик спустились со сходней и замерли друг напротив друга. Лоет молчал и не двигался с места, словно решал, что делать дальше. Альян ждал.

— Значит, так, — Вэйлр сделал шаг в сторону, — все эти поклоны и расшаркивания можешь забыть, я не сторонник «Кодекса поединков» и прочих церемоний. Кланяться будешь дамам, — говорил капитан «Счастливого», обходя по кругу Литина. — Это было первое правило. Теперь второе... — Лоет выкинул руку вперед, и Альян охнул, хватаясь за плечо, на которое обрушилась палка. Вэй обошел его, снова становясь спереди. — Правило второе?

— Нападаете без предупреждения, — немного хмуро ответил Альян, выпрямляясь.

— Поправка, — капитан постучал палкой по раскрытой ладони, — любое нападение происходит без предупреждения, кроме дуэли. Но такой

дурью в мире, куда ты попал, мальчик, никто не занимается. Учитывая, кто сидит у нас на хвосте, а Ржавый от нас не отстанет, тебе придется быть готовым в любое мгновение обнажить клинок. Ржавый же является единственной причиной, по которой я позволил тебе заниматься с моей дочерью. Я хочу, чтобы Тина могла постоять за себя не только на кулаках. И учить я буду тебя за вас обоих, ты меня понял?

Но прежде чем Альян успел ответить, Лоет сделал новый выпад. Молодой человек ушел в сторону, парируя удар.

— Понял, капитан, — произнес Литин.

— Неплохо, но...

Новая атака обрушилась на Альяна. Вэй не щадил, но и не нападал в полную силу, он приглядывался, оценивал, подмечал, а после...

— Дьявол, — охнул Альян, падая на одно колено и хватаясь за живот.

Удар палкой пришелся в солнечное сплетение, выбив воздух из легких молодого человека. Учитель не пожалел силы, вложенной в это выпад. Лоет опустил палку и усмехнулся:

— Убит.

— Еще трепыхаюсь, — сипло усмехнулся Альян и напал сам.

Контратака вышла стремительной, отчаянной и... закончилась новым ударом, теперь в бедро и снова в плечо. Литин упал на колени, шипя сквозь стиснутые зубы, и наградил учителя испепеляющим взглядом. Вэй присел рядом, опираясь на палку. На его губах играла кривая усмешка, но злорадства не было.

— Правило третье, Альян, — произнес Лоет. — Противника не жалеют, даже если он старше, твой учитель и отец девицы, на которую ты засматриваешься. Или ты работаешь в полную силу и показываешь все, чему тебя учили, или будешь ходить в синяках, потому что я не люблю жалость. Если мужик — борись до конца. Прочь вежливость, этикет, воспитание и манеры. Понял?

— Да, — кивнул Литин.

— Выругайся, — велел Вэйлр. — Давай, парень. Так, чтобы я покраснел.

— Зачем? — удивился Альян, поднимаясь на ноги. — Я поня... Дьявол вас дери, капитан! — вскрикнул он, вновь падая от нового предательского удара.

— Правило четвертое: я говорю, ты исполняешь, — ледяным тоном отчеканил Лоет, нависая над молодым человеком. — Выругайся.

Альян Литин никогда не злоупотреблял бранью. В общем-то, он совсем не бранился. Мог, конечно, в сердцах использовать нечто вроде

«черт знает что», но не больше. Со времени его знакомства с Тиной Лоет словарный запас бранных слов молодого человека несколько пополнился, но ими он также не спешил пользоваться. Такт Альен всегда считал одной из отличительных черт воспитанных людей. Однако... если надо:

— Дьявол вас дерит, — повторил господин Литин и едва успел увернуться от приближающейся палки. — К дьяволу, капитан, я выругался! — И вновь Лоет напал, не жалея ни сил, ни коварства. — Капитан, вашу мать, что вы от меня хотите?! Чтобы я обложил вас? — Выпад, выпад, выпад, удар. — К дьяволу, Вэй!

Очередной выпад закончился ударом по спине, и Альен взорвался, вкладывая всю душу в брань. С его языка потоком полились слова, которые он не употреблял даже мысленно. Молодой человек забыл про такт, этикет, воспитание. Забыл, что перед ним стоит человек, превосходивший его по возрасту в три раза, забыл, что этот человек является отцом Тины. И когда поток брани иссяк и Альен перевел дух, Вэйлр довольно ухмыльнулся:

— Запомнил это чувство? И чтоб только так и дрался. А вот теперь приступим всерьез.

— Всерьез? А до этого были шутки? — воскликнул молодой человек.

— До этого мы учили правила. Выдохнул? Вперед!

Никогда еще Альен не попадал под лавину. Его обучал один из лучших учителей фехтования в столице, дорогой и искусный. Он поделился со своим учеником всем, что знал сам, он был настоящим мастером, но... мастер никогда не участвовал в настоящих драках, и разница между мастерством дуэлянта и мастерством пирата оказалась невероятно велика. Альен ушел в оборону и, сколько бы он ни старался, контратаковать не выходило. Лоет, казалось, был разом в нескольких местах, и его короткое:

— Ранен. Ранен. Тяжело ранен. Убит. Убит. Убит. К дьяволу, Литин, мертвецы шевелятся быстрее тебя. А ты же уже трижды мертвец, тогда ползай дальше. Убит. Ранен. Ранен. Убит.

— Ч-щерт, — шипел молодой человек, получая удар за ударом. Вэй сделал обманное движение, снося с ног своего ученика, и Альен выкрикнул в сердцах: — Гарпун мне в печень!

— Всего лишь палку, мой мальчик, — расхохотался бывший пират и подал руку, помогая ему подняться на ноги. — На сегодня достаточно. Я увидел все, что хотел. Кто тебя обучал?

— Мастер Эберли, — хрипло ответил Альен, роняя палку и упираясь ладонями в колени. — Лучший учитель фехтования в столице.

— Для столицы, может, и лучший, — усмехнулся Вэй. — Но его школа годится только для дуэльных танцев. Больно?

— Жить буду, — скривившись, ответил Литин, выпрямляясь.

— Ты все еще хочешь у меня учиться? — полюбопытствовал капитан.

— Больше, чем раньше, — на губах молодого человека появилась кривая ухмылка. — Я почти разваливаюсь, но готов признать: я восхищен. Никогда не видел, чтобы так дрались.

— Дальше будет хуже, — пообещал Лоев. — Бонг облегчит твои страдания, когда вернется. Пока отдыхай, парень. Будем учиться сначала. Да, на оплеухи я скор, на слова невоздержан, так что не обольщайся. Добрым я был только сегодня.

Альен ничего не ответил, только усмехнулся и тряхнул головой, отбрасывая со лба влажную от пота прядь. Тело тут же возмутилось столь резкому движению, и молодой человек скривился, тихо зашипев.

— Можешь сходить в город, — невинно заметил Вэйлр, поглядывая на своего ученика.

— Благодарю, — кивнул Альен. — Пожалуй, сначала переведу дух.

— И то верно, — покладисто согласился капитан. — Если хочешь всплакнуть...

— Идите к черту, — беззлобно огрызнулся Литин, поднимаясь по сходням.

Лоев осклабился и последовал за ним под взглядами вахтенных матросов и рыбаков.

Глава 25

Алгардт ничем не поразил воображения мадемуазель Лоет. Сейчас, когда не нужно было никого искать, тащить и приводить в чувство, Тина вертела головой, пытаясь ухватить все и сразу. Но ухватывать было почти нечего. Город оказался пустым и скучным. Ни тебе ярмарок, ни уличных представлений, ни гомонящей толпы. Все было тихо, спокойно и сонно. Девушка даже зевнула. Однако на бриг возвращаться так быстро не хотелось, и Тина решила наслаждаться тем, что есть, не отыскивая приключений. Да и где их тут было искать? Тоска-а-а...

Радовало одно: не было не только развлечений, но и поучений. Папенька остался на «Счастливишке», не сопроводив дочь нравоучительными напутствиями, Альяна он также оставил на борту, Бонг и не думал читать нотаций, а Дин и вовсе готов был больше слушать, чем говорить. Это Тину вполне устроило. За последнее время она стала такой стыдливой и правильной, что это порой вызывало у нее самой если и не тошноту, то желание взбунтоваться. Ну, может, бунтовать хотелось несколько от иного. Мадемуазель Лоет часто вспоминала время, проведенное на «Алиани», когда рядом был только Альян Литин и когда он отдавал почти все свое время «Сверчку», особенно после Порт-Дайона. И пусть не вина Альяна, что он не может, как и раньше, быть рядом подолгу, но желание бунта и обида в душе Тины росли все быстрее, и девушка преисполнилась решимости показать, что не больно ей и нужен какой-то там столичный хлыщ.

— А не перекусить ли нам? — произнес Бонг, глядя на выгоревшую вывеску чайной и кондитерской в одном лице.

Тина подняла взгляд, оценила изображение длинноносой дамы с чашкой в одной руке и пирожным в другой и кивнула. Почему бы и нет? Времени после завтрака прошло уже немало, до вечера она возвращаться не собиралась, а желудок уже подсказывал, что в него давно не отправляли ничего съедобного. Дин возражений также не имел, и лекарь первым поднялся по ступеням, открыл дверь под звяканье колокольчика и исчез в нутре кондитерской, откуда донесся запах ванили и шоколада. Дин улыбнулся мадемуазель Лоет, подал руку, как это было принято в цивилизованных странах, и Тина не стала отказываться от предложенной помощи. Правда, тут же руку она отдернула, представляя, как со стороны смотрится молодой человек, ведущий под руку мальчишку — мадемуазель

ведь так и оставалась в мужском наряде. Она замотала головой и шепнула:

— Я вроде как мальчик.

— А походить на девочку. Мои глаза ошибаться, — рассмеялся его высочество.

Девушка хмыкнула, легко взбежала по ступеням и вошла в чайную, отыскивая взглядом Бонга. Лекарь уже сидел за одним из свободных столиков и пытался разговаривать с официантом, не понимавшим ни слова из того, что говорил ему горастанец. Господин Тин перебрал уже несколько известных ему языков, но официант только грустно вздыхал и во все глаза рассматривал мужчину необычной наружности.

— Не понимает? — спросила Тина, присаживаясь напротив лекаря.

— Ничего не понимает, — сокрушенно вздохнул Бонг.

В это мгновение к ним присоединился Дин, и глаза официанта и вовсе разбежались от обилия посетителей с экзотической внешностью. Тина вытянула руку и пощелкала перед носом мужчины.

— Гарпун тебе в печень, любезный, — позвала она, — отомри, дьяволово семя.

Официант вздрогнул и перевел взгляд на мальчишку. Удостоверившись, что ее заметили, мадемуазель Лоет снова заговорила на марантийском:

— Вы меня понимаете? — затем повторила фразу на балорском.

Но официант растерянно улыбнулся и пожал плечами, вновь вернувшись к рассматриванию лекаря и принца. На мгновение у Тины мелькнула мысль, что было бы с официантом, если бы Хон не остался на «Счастливишке» с Альеном... Наверное, и вовсе отдал бы концы прямо на месте. Усмехнувшись, мадемуазель Лоет обернулась, отыскивая взглядом хоть кого-нибудь, кто бы их понял, но в чайной было пусто. Только возле окна сидели два господина, тихо переговариваясь о чем-то своем.

— Господа, вы меня понимаете? — повысила голос девушка.

Мужчины обернулись на ее голос, после обменялись взглядами и один из посетителей вежливо улыбнулся:

— Да, парень, мы тебя понимаем, — ответил он. — Что случилось?

— Доброго дня, — сообразив, что была невежлива, Тина поспешила исправить оплошность. — Вы не могли бы нам помочь сделать заказ, официант не понимает ни слова из того, что мы говорим.

— К твоим услугам, малыш, — мужчина встал со своего места и подошел к их столику, но, как и официант, пробежался внимательным взглядом по горастанцам. — Неожиданно увидеть здесь гостей с далеких берегов.

— Добрый день, — вежливо, но достаточно сухо ответил Бонг, Дин просто кивнул.

— Так вы поможете нам? — нетерпеливо спросила Тина.

— Да, конечно, — мужчина вновь обратил на нее внимание. — Что вы хотели заказать?

Вскоре трое путешественников получили легкие закуски, также входившие в список блюд заведения, пирожные и чай. Господин, столь любезно отозвавшийся на просьбу помочь, попытался завести беседу с Бонгом, но тот повернулся к нему, несколько мгновений смотрел в глаза, а затем негромко произнес:

— Тебя ждут.

Господин моргнул, прерывисто вздохнул и растерянно улыбнулся.

— Простите, меня ждут, — сказал он, поднимаясь со стула, который успел приставить к столику. — Не буду вам мешать, приятного аппетита.

— Благодарим, — прохладно ответил лекарь, едва склонив голову.

Тина с любопытством смотрела на то, как мужчина возвращается на свое прежнее место, после повернулась к Бонгу.

— Как вы это сделали? — спросила она.

— Разве я что-то сделал? — приподняв брови, с иронией спросил колдун. — Всего лишь напомнил этому господину о том, что он оставил своего друга.

— Ну да, ну да, — хмыкнула девушка и занялась своим сладким обедом.

Внимание мадемуазель Лует некоторое время было поглощено пирожным и не обращалось ни на ее спутников, ни на других посетителей чайной. Она аккуратно вынимала ложечкой ягодки из печеной корзиночки, отправляла их в рот и с наслаждением слизывала с губ крем, в котором пряталось лакомство. Только сейчас Тина поняла, как соскучилась по сладостям. И чем дольше она растягивала удовольствие, тем быстрее оно заканчивалось. Когда последняя ягодка исчезла во рту мадемуазель Лует, юное создание грустно вздохнуло и сжевало саму корзиночку, запив ее глотком ароматного чая, затем снова вздохнула и округлила глаза, когда перед ней появилось еще два таких же пирожных. Тина подняла голову и увидела улыбающегося Дина.

— Спасибо, — сказала она.

— Ты так вкусно ешь, — ответил принц, откидываясь на спинку стула.

— Обычно, — проворчала девушка, чувствуя смущение, и только поняла, что Бонг куда-то отошел. — А где господин Тин?

— Хотеть помыть руки, — ответил ей Дин.

И вот тут Тина поняла, что рано радовалась. Даже без папеньки и Альена Литина иноземцы, пусть и невольно, но подали ей урок. Дин убрал в карман жилета, который ему нашли на бриге, платок, закончив вытирать руки. Бонг отошел с той же целью, а она... она лопала как есть и даже не заметила, как горастанцы отходили от столика. Тина насупилась, сердясь на двух мужчин за то, что они заставили ее краснеть, стиснула в пальцах ложку и вернулась к своему лакомству. Правда, прежнее удовольствие куда-то исчезло, и для насыщения ей хватило одного из двух пирожных.

Вернулся Бонг. Он сел на свое место, неспешно и даже величаво принялся за свой заказ. Тина, не зная, чем себя занять, поглядывала на своих спутников. Время от времени она перехватывала взгляды Дина, которые он украдкой бросал на девушку, тогда Тина отводила глаза и переключала внимание на лекаря. После очередного короткого взгляда мадемуазель Лоет заметила, что горастанец поглядывает в сторону двух господ, один из которых любезно им помог. Наконец лекарь заметил, что Тина смотрит на него, улыбнулся и больше к мужчинам не оборачивался.

Зато теперь спокойно не сиделось мадемуазель Лоет. Ей до зубовного скрежета хотелось узнать, что так сильно привлекло внимание Бонга. Девушка решила рассмотреть двух мужчин получше. Однако она сидела к ним спиной и сделать это так, чтобы не пялиться хамски, было невозможно. Поэтому Тина решила тоже помыть руки, пусть и не перед едой, но ведь и после еды сделать это было не лишним.

— Где можно ополоснуть руки? — спросила девушка.

— Я проводить, — Дин поднялся было со стула, но Тина решительно мотнула головой, напомнив:

— Я мальчик.

Бонг, бросив взгляд на двоих мужчин, взял девушку за руку и потянул обратно на стул.

— Лучше это сделать позже, — сказал он.

— Почему? — спросила Тина, жадно глядя на колдуна.

— Нехорошие, — непонятно ответил Бонг.

— Почему нехорошие? — не пожелала довольствоваться таким ответом мадемуазель Лоет.

— Не нравятся, — пожал плечами лекарь. — Чувствую.

Если Бонг думал, что этого объяснения достаточно, то плохо знал Адамантину Лоет. Его недомолвки только разожгли интерес юного создания. Сообразив, что объяснять ей все равно ничего не будут, Тина без всякого выражения спросила:

— Насколько позже я смогу помыть руки?

— Когда они уйдут, — ответил Бонг и поднял взгляд на девушку. — Я знаю, что они скоро уйдут, вижу. Но не могу понять, что мне в них не нравится, лучше подождать.

Ага, подождать! А когда эти двое уйдут, она умрет от любопытства и досады, что даже не попыталась рассмотреть парочку подозрительных типов? Тина решительно поднялась со своего места.

— У меня липкие руки, и я хочу скорей избавиться от гадкого ощущения. Разговаривать с этими господами я не намереваюсь. Скоро вернусь. — И, пока ее никто не усадил обратно, поспешила в ту сторону, откуда пришел Бонг, скосив глаза на подозрительную парочку.

Что Бонгу могло показаться в них нехорошего, Тина не поняла, потому что оба господина были опрятно одеты, гладко выбриты, вели себя прилично, не повышая голосов и не сквернословя. Вполне себе благообразные мужчины, которые зашли не в кабак, между прочим, а в чайную. Они не обращали внимания на остальных посетителей, коих на этот момент и было-то всего пять человек, включая их самих, только периодически посматривали в окно, но и это нельзя назвать подозрительным, ведь они расположились рядом с ним, так почему бы и не выглянуть на улицу? Недоумевающая девушка бросила взгляд туда, где остались ее спутники, заметила, что Бонг опять глядит на пару мужчин. Дин же наблюдал за самой Тиной, и на лице его было такое выражение, словно мысли молодого человека сейчас находятся далеко отсюда.

Свернув за угол, мадемуазель Лоет увидела узкий полутемный коридор. Не найдя иного пути, она направилась по нему и увидела приоткрытую дверь, за которой на табурете стоял таз. Над ним возвышалось устройство, которое наполняла водой девушка-служанка. Она повернулась на звук открываемой двери, сурово сдвинула брови и что-то сказала на родном языке.

— Не понимаю, — покачала головой Тина.

Служанка опустила ведро и указала взглядом на дверь, затем на себя, на Тину и отрицательно покачала головой.

— Дьявол тебя дери, — вздохнула мадемуазель Лоет. — Ни черта я не понимаю из твоей пантомимы.

Служанка тоже вздохнула, взяла Тину за руку и вывела в коридор, затем проводила до конца коридора, толкнула другую дверь и указала жестом войти. Мадемуазель Лоет послушно вошла, дверь за ней закрылась, и Тина огляделась. Здесь стоял такой же таз, над ним — такое же устройство для мытья рук. Девушка видела подобные бачки с носиком, но в доме у них был водопровод, они могли себе позволить это удовольствие,

для многих остававшееся все еще недоступным. Однако принцип работы данного устройства мадемуазель знала.

Она подошла к рукомойнику и только собралась взять в руки кусочек мыла, как открылась не замеченная ею ранее дверь и оттуда вышел дородный господин в белом переднике, оправляя на ходу одежду. Господин сопел, хмурил густые лохматые брови и всем своим видом показывал, что мальчишка ему мешает. А мальчишка стоял и густо краснел, потому что вдруг осознал, что скрывается за той дверью и что ему, то есть ей, пыталась сказать служанка. Здесь была уборная для мужчин.

Господин что-то сипло буркнул и оттеснил девушку бедром в сторону, занимая место у рукомойника. Тина охнула, срываясь с места, но в панике перепутала двери и влетела в следующее помещение, оказавшееся той самой уборной. Неприятный запах нечистот ударил в нос, окончательно приведя Тину в смятение. Однако выйти она теперь не решилась. Стараясь глубоко не вдыхать, девушка пыталась прийти в себя, чтобы вернуться к рукомойнику с невозмутимым видом, как и полагается юноше из уборной для мужчин.

Постепенно сердце перестало грохотать в ушах, кровь отлила от лица, и дыхание выровнялось, насколько это было возможно в смрадном воздухе. Тина даже собиралась рискнуть и выйти, когда услышала, как негромко хлопнула дверь в уборную, и к тому месту, где она пряталась, приблизились чьи-то шаги. Девушка в панике посмотрела на дверь и только сейчас заметила крючок, который тут же накинула в скобу. Дверь дернулась, затем открылась соседняя. Мадемуазель Лоет облегченно выдохнула.

— Дерк так и не явился, — услышала она говор на балорском.

— Мы не одни, — предостерегающе ответил второй мужчина.

— В этой дыре языков не знают, — ответил приглушенный голос первого. — Эй, кто там? Приятель, у тебя есть бумага?

Тина стиснула зубы и застыла, не издав ни звука.

— Вот видишь, — снова заговорил приглушенный дверями голос, который девушка узнала. Это был тот самый любезный господин. — А может, там и вовсе никого нет, а дверь закрыта хозяином. Так что будем делать?

— То, что и собирались, — донеслось из-за стены. Это был второй тип, его голос звучал громче, словно он находился с Тиной в одной уборной. — Ничего не меняется. Заберем девчонку и исчезнем из города. Затем отправим ее папаше письмо с суммой, которую хотим за его чадо. Через два часа он уедет, а девчонку повезут гулять в местное подобие парка, там и возьмем ее.

— Но Дерк...

— Дерк слишком много знает, за эти два часа его нужно найти и закрыть ему рот. Если он испугался, то оставлять за спиной его нельзя.

— Согласен, — ответил любезный господин. — А что насчет узкоглазых? Мы можем на них заработать...

— Нет, — ответил тот, кто находился за стенкой, — не гневи дьявола, Ольсен. Даже он не любит жадных. Берем девчонку, как хотели, а эти пусть отправляются хоть в преисподнюю, хоть к своему богу, нам до них дела нет.

— Жаль, они нынче в цене, — вздохнул с сожалением любезный господин.

Тина сжала кулаки, едва удерживаясь от желания высказать негодяям все, что думает о них, но благоразумие победило гнев.

— Гольдардт точно уберется из города? — снова заговорил «любезный».

— Точней не бывает, — усмехнулся его товарищ. — Дуреха, которую я водил за нос все эти дни, не могла ошибиться, она уверена, что я приду к ней, когда хозяин уедет.

— Любят тебя бабы, — рассмеялся «любезный».

Потом их голоса стихли, дверь хлопнула снова, и Тина опрометью выскочила из уборной. Она ожесточенно мыла руки, словно пытаясь смыть грязь прошедших мгновений, покоробивших девушку больше зловония уборной. Ах, вот, значит, как бывает: с виду такие приличные и милые люди, а внутри — гнилые потроха. Насколько же могут обмануть внешность и поступки. Помог разобраться, улыбался, а сам прикидывал, какой барыш слупит за горастанцев?! Вот же... мразь!

Оскорбленная за своих новых знакомых, мадемуазель Лует покинула уборную, но тут же остановилась и задумалась о той, кого эти разбойники хотят выкрасть и стребовать с ее отца выкуп. Как они там сказали? Гольдардт? Ага, точно, Гольдардт. Интересно, кто это? Банкир, торговец, аристократ, чиновник?

— Уроды, — пробормотала Тина. — Я вам устрою, я вам так выкуплю...

Первой ее мыслью было сейчас же бежать на «Счастличик» и обо всем рассказать папеньке. Мысль казалась разумной, но ведь папеньке эта неведомая девица никто, и будет ли он влезать в дела местных головорезов? Скорей всего, папенька отправит кого-нибудь сообщить в полицию. Тоже хорошая идея... была бы, если бы они находились в Кайтене, но в Алгардте полицейские ее пока ничем не впечатлили. Стоило только вспомнить

храпящего на площади стража покоя и порядка, который еще и долго разбирался с тем, чего от него хотят иноземцы. Да и начальник полиции, спящий на столе в собственном кабинете, доверия как-то не вызывал.

Можно было предупредить самого господина Гольдардта, но ведь нужно еще найти, где он живет. И вроде бы несложно, но в этом дурацком городишке никто толком не понимает ни марантийского, ни языка, который используют другие государства для общения. Начальник порта! Наверное, уже снова пьян, и папенька его не будет приводить в чувство ради того, чтобы узнать, где живут неизвестный господин и его дочь-бедняжка, которую собираются похитить два негодяя.

— Ах, как все это сложно! — в сердцах воскликнула Тина, делая еще несколько шагов.

Господин Тин Лю Бонг! Нужно рассказать ему, ведь и их с Дином хотели украсть... А вдруг он знал? Знал и поэтому не хотел, чтобы дочь его друга шла в уборную именно в это время? Что, если он своим странным и непонятным чутьем уловил планы этих мерзавцев и не пожелал ничего предпринять? Тогда он не позволит Тине действовать, но ведь это нельзя так оставить! Бедной девочке нужно помочь, это даже не обсуждается!

Раз нигде не найти помощи, значит, нужно сделать все самой... Что они там говорили? Повезут на прогулку в парк? Вот его найти будет проще. Идея родилась сама собой: нужно тоже пойти гулять в городской парк. Да, именно так. За это время можно будет изучить, где и что там находится, тогда заметить мерзавцев и не дать им совершить их гадкий поступок окажется значительно легче. Девушка будет спасена, и Тина сможет с чистым сердцем и спокойной душой вернуться на отцовский бриг. Настроение мадемуазель Лоет тут же поднялось, и она, тихо напевая одну из папенькиных песен, вернулась к своим спутникам, уже беспокоившимся из-за ее долгого отсутствия.

— Все хорошо? — спросил Дин, глядя на девушку с заметной тревогой. — Ты долго.

— Все отлично, дьявол деря мои потроха, — жизнерадостно ответила Тина, исподволь оглядывая чайную, но пара разбойников уже исчезла.

— Я не всегда понять, что вы говорить с капитаном, — улыбнулся принц. — Но мне нравится слушать.

Бонг пристально рассматривал Тину, но она вдруг вспомнила, как они со Сверчком соревновались в знании ругательств. Тогда так никто и не победил, потому что ругательства они употребляли одни и те же и сквернословили одинаково лихо. Лекарь нахмурился, качая головой.

— Очень много плохих слов, — сказал он непонятно к чему.

Мадемуазель Лоет удивленно округлила глаза, а Бонг больше ничего не сказал об этом. И если в первую минуту, Тина подумала, что лекарь услышал ее мысли, то затем вспомнила, что Дин говорил о ней и о папеньке. Должно быть, Бонг решил, что на «Счастливице» звучит много брани, так решила Тина и выкинула из головы всякие мысли на этот счет. Если бы она узнала, что смогла скрыть от колдуна произошедшее в уборной благодаря воспоминаниям, девушка была бы очень удивлена.

Они вышли из чайной, и Тина уже собралась открыть рот, чтобы сказать о своем желании посетить городской парк Алгардта, как произошло то, что никто не мог предвидеть. Послышался громкий крик, и улицу заполнил цокот копыт мчавшейся лошади. Пегая кобылка понесла, и всадник никак не мог образумить свое животное. В это мгновение из-за угла выехала коляска, запряженная двойкой, в которой сидел наемщик, явно спешивший, потому что коляска ехала слишком быстро, чтобы кучер успел что-либо сделать, и кобылка налетела на лошадей в упряжи.

Дальнейшее слилось в ржание, треск и человеческие крики. Тина охнула и зажмурилась, Дин что-то воскликнул на родном языке, а Бонг сорвался с места, спеша к раненым. Дин последовал за ним, ухватив девушку за руку, но лекарь обернулся и что-то крикнул принцу.

— Бонг говорить, чтобы мы не шли туда, — пояснил Дин.

Мысли пронеслись в голове юного создания стремительным табуном.

— Скажи, что мы возвращаемся на корабль, — велела Тина. — Чтобы Бонг не волновался.

Дин кивнул и выполнил ее поручение, после чего девушка поспешила прочь, оставив лекаря делать свое дело. Принц пристроился рядом и с некоторым удивлением посматривал на мадемуазель Лоет.

— Порт там, — указал он подбородком направление, в котором должны были находиться порт и ожидавший их «Счастливик».

— А городской парк я видела там, — указала Тина в сторону, где они проходили витиеватые решетки.

— Парк? Мы же сказать...

— Сейчас все объясню, — деловито отмахнулась мадемуазель Лоет и начала свое повествование, умалчивая лишь о том, где она слушала разговор двух головорезов. — Если бы мы сказали, что идем в парк, Бонг мог прийти не вовремя и все испортить, он же не знает, что там будет происходить. А мы можем выследить и помочь бедной девочке, — закончила свою речь Тина, стараясь говорить как можно уверенней и веселей. — Согласен?

— Нет, — покачал головой Дин. — Но я иди с тобой и спасать

девочку.

— И не будешь взывать к моему разуму и увещевать? — опешила девушка.

— Нет, — широко улыбнулся принц. — Я хотеть... хочу спасти прекрасный дама.

— Вот это по-нашему, дьявол меня дери, — Тина протянула его высочеству руку, и Дин крепко сжал ее.

Парочка благородных спасителей уверенно направилась к городскому парку, но была остановлена зрителем на входе. Что он говорил, было и так понятно. Мальчишка — подросток в коротких штанах и простых запыленных башмаках, как и молодой человек экзотической внешности, одетый так же просто, никак не подходили на звание благородной публики.

— Черт знает что, — ворчала в сердцах Тина. — Если в бриджах, то и не человек? Гарпун ему в печень, пес плешивый.

Дин ничего не говорил, он шел вдоль ограды, поглядывая по сторонам. Конечно, Тина знала правила посещения подобных публичных мест. Сверчок не раз был вынужден лезть через ограду, чтобы добраться до своей подруги, потому что в воротах его встречали зрители. Из-за ободренных коленей и простенькой одежонки, которая зачастую пестрила прорехами, его не пускали в городской парк Кайтена. Однако сама Тина на месте приятеля не оказывалась ни разу. Мадемуазель Лоет требовалось срочно излить желчь. И, пока она занималась выплеском яда, Дин тихо свистнул, привлекая внимание сообщницы, и первым перебрался через ограду. Тина мгновение смотрела, как легко и ловко горастанец преодолевает преграду, одобрительно выругалась и последовала за ним.

Пригибаясь и прячась за кустами, словно вор, горастанский принц, наследник престола и единственная надежда своей империи, спешил вглубь парка в сопровождении внучки марантийского графа и дочери судовладельца. Примечательная парочка удалились подальше от взглядов зрителей. Они огляделись и уселись прямо на траву, скрывшись за пышным кустом сирени, обменялись взглядами и повалились на землю, давась от беззвучного смеха. Спасение неизвестной госпожи Гольдардт превращалось в развлечение.

— Что теперь? — спросил Дин, как только успокоился и снова сел.

— Теперь нам нужно найти другие калитки, — подумав, решила Тина. — Не потащат же они ее мимо зрителя. Если решили украсть ради выкупа, значит, горожанин богат и известен.

— Согласен, — кивнул его высочество, поднимаясь на ноги. — Идти?

— Идти, — весело кивнула мадемуазель Лоет, вкладывая свою

ладошку в услужливо подставленную ладонь принца.

Оглядываясь и стараясь оставаться незамеченными, два авантюриста отправились искать остальные входы в парк. К счастью, городской парк Алгардта оказался невелик, и входов, через которые сюда попадали служители, обнаружилось всего три. Один из них был заколочен, и на калитке висел проржавевший замок. Вторая калитка вела в служебный дворик, где сидел сейчас сторож, а вот третья выводила в глухой переулок. Подумав, добровольные спасители неизвестной девицы пришли к единодушному мнению, что отсюда юную мадемуазель вывести... или вынести проще всего.

— Будем ждать здесь, — решила Тина. — Девицу мы не узнаем, даже если пройдем мимо нее.

— И увидеть, как явиться потроха, — козырнул его высочество знанием одного из любимых словечек своей подруги.

— Свинячьи потрохи, — важно уточнила мадемуазель Лоет.

Они опять устроились на траве. Тина растянулась во весь рост, блаженно прикрыв глаза, но сразу же повернулась на бок, подперла щеку кулаком и умиротворенно вздохнула. Наконец-то происходило что-то интересное, и она была непосредственным участником событий, а не узнавала все после того, как участвовать уже не в чем. Дин скрестил ноги, накрыл колени ладонями и смежил веки, подставив лицо солнечным лучам, пробивавшимся сквозь листву деревьев.

— Что ты делаешь? — спросила Тина больше ради того, чтобы нарушить молчание.

— Моюсь, — ответил Дин.

— Чего? — не поняла мадемуазель Лоет. Она даже села, продолжая смотреть на принца, округлив глаза.

— Мыть голову, — немного подумав, пояснил его высочество. — Нет. Мыть в голове... как это говорить... Мыть мозг.

— Пусть дьявол боднет меня рогами в зад, если я поняла, что ты имеешь в виду, — мотнула головой Тина. — Моешь мозг? Дин, гарпун тебе в печень, какого черта ты пытаешься мне сказать?

Принц мучительно скривился, подбирая нужные слова, затем вдруг радостно просиял и произнес:

— Я вынимать мозг.

Тина приложила к виску два пальца и «застрелилась», проворчав:

— Мой мозг ты уже вынул.

Тяжко вздохнув, Дин снова закрыл глаза и попытался расслабиться. Тина тоже вздохнула, хотела уже снова вытянуться, когда послышался

мужской голос. Она вскинула голову и увидела двух зрителей, направлявшихся к ним с Дином. Один из мужчин выкрикнул что-то грозное, второй подтянул рукава вверх. Принц обернулся к зрителям, затем посмотрел на Тину.

— Бежать? — спросил он.

— Может, поймут? — с сомнением протянула девушка.

Она поднялась на ноги и открыла рот, чтобы попытаться объяснить с работниками парка, но один из них схватил ее за шиворот.

— Эй, мужик! — возмущенно воскликнула Тина, переходя на марантийский. — Я ведь могу тебе и причиндалы отбить, как своей бабе утрату объяснять будешь?

Дин, поднявшийся с земли одним текучим плавным движением, вдруг резко выкинул вперед руку, и зритель повалился на траву, хватаясь за шею.

— Бежать, — повторил принц.

Тина встретила коленом причинное место второго зрителя, добила его сцепленными ладонями по спине и от переговоров решила отказаться. Благородные спасители, только что наподдавшие парковым зрителям, сорвались с места и помчались прочь. За спиной послышался противный высокий звук свистка.

— Уроды иноземные, — ядовито бурчала на ходу мадемуазель Лоет. — Мы им тут девчонку спасаем, а они непотребства творят.

— Гады, — подтвердил оскорбленное высочество.

Неожиданно из-за деревьев на них выскочил огромный мужчина в форме зрителя. Он с ходу снес кулаком принца и зацепил Тину, сильно сжав ей плечо. Дин прошипел что-то на своем языке, явно выругавшись. Он вскочил на ноги, но снова полетел на землю, потому что на голову ему обрушился новый удар второго громилы. Пока принц тряс головой, приходя в себя, его скрутили и потащили следом за бранящейся Тиной, которую уже волок к выходу первый охранник, а в том, что громилы не зрители, а охрана парка, девушка уже не сомневалась.

— Уроды! — извивалась она. — Придурки! У вас же девку тут украсть собрались! Ну хоть кто-нибудь поймайте меня!

Ее не поняли, и мадемуазель Лоет взвыла от бессилия. Их с Дином тащили к парадному входу. То ли ради того, чтобы показать, что служители и охрана не зря едят свой хлеб, то ли из желания наказать нарушителей правил прилюдным унижением, но двух оборванцев даже и не думали прятать от прогуливающейся публики. И не сказать, чтобы публика была возмущена нарушением своего покоя. Господа останавливались, провожали

взглядом охрану, сжимавшую в мощных кулаках свою добычу, шептались и хихикали.

Мимо упирающейся Тины прошла девица примерно того же возраста, что и мадемуазель Лоет. Она проводила любопытным взглядом охрану с нарушителями и что-то сказала пожилой женщине, следовавшей рядом с ней.

— Гольдардт! — заорала Тина. — Мадемуазель Гольдардт!

Ее подозрения оказались верны, девушка тут же обернулась, удивленно глядя на мальчишку, выкрикивавшего ее имя.

— Уходите отсюда! Вы меня понимаете? Уходите! — продолжала надрываться Тина. — Вас хотят украсть! Уходите!

В это мгновение взгляд Дина зацепился за двух мужчин, прогуливавшихся по другой аллее.

— Они, — бросил он Тине.

— Уроды! — продолжала бесноваться мадемуазель Лоет. — Вот те хлыщи хотят украсть ту девчонку! У-у-у! Я вам кишки выпущу, в глотку засуну и через зад вытащу! Да смотрите же!

Но никто не смотрел, не слушал и, кажется, не понимал. Мужчины из чайной бросили быстрый взгляд на Тину и исчезли среди деревьев. Девица, которой угрожала опасность, обернулась в ту сторону, куда указывал мальчишка, прокричавший ее имя, пожала плечами и продолжила свою прогулку, а двух незадачливых спасителей вытащили за ворота, где их уже ждали полицейские.

Альен Литин повязал галстук и приколот булавку, купленную еще на Лаифе на те деньги, что оказались при нем, когда молодой человек перепрыгнул с «Алиани» на «Счастличик». Затем накинул сюртук и протянул руку к столу, на котором сидел паук. Хон тут же деловито зашевелил лапками, заползая на плечо Альена.

— Спасибо, дружок, — улыбнулся ему молодой человек, почесав спинку.

Альен уже успел столкнуться с необычной способностью паука исцелять раны, когда порезал руку пару дней назад. Хон накрыл собой ранку, после чего появилось неприятное жжение, но скидывать необычного друга Литин не стал, опасаясь навредить ему. Когда паук вернулся на плечо, порез стал алым и был покрыт липковатой слизью. Бонг запретил смывать следы паучьего врачевания, и через час, когда краснота сошла, Альен увидел на месте ранки свежую кожу.

Вот и сегодня, после первого занятия, когда молодой человек снял

рубашу, чтобы осмотреть синяки, Хон поспешил на выручку. После его суетливого ползания по телу, покусываний на местах, где наливались чернотой следы капитанской науки, боль прошла, двигаться стало легче, а чернота перешла в желтизну.

И на прогулку Альен решил взять Хона с собой, потому что заметил, что паук не терпит, когда его оставляют одного. Пока шла учеба на берегу, паук метался по борту, а после полз за Литином, но в руки не давался. Однако стоило ему почувствовать состояние Альена, как обида исчезла. После этого оставить Хона в одиночестве молодому человеку не позволяла совесть.

Поднявшись на палубу, Альен заметил капитана, сидевшего на любимой бочке и подставившего лицо вечернему солнцу.

— Оклемался, сынок? — чуть насмешливо спросил Лоет, не открывая глаз.

— Стараниями Хона, — усмехнулся Литин.

— Да-а, его бабка тоже была знатной докторицей, — губы Вэя растянулись в улыбке. Он открыл глаз и наконец посмотрел на молодого человека. — Красавец мужчина. Такому жену надо искать на светских собраниях...

— Благодарю вас за заботу о моем будущем, — усмехнулся Альен, — но даже отцу я не позволю сделать за меня выбор.

Лоет тут же подобрался и ответил молодому человеку колючим взглядом.

— И что же? — с подозрением спросил капитан «Счастливого». — Есть ли уже кто-то на примете?

Ален приподнял брови, изображая недоумение, и, напустив на себя таинственный вид, направился к сходням, так и не ответив на вопрос Вэя. Лоет прыгнул с бочки.

— А я тебе сразу говорю: нет! — крикнул он в спину Литина. — Ты меня слышал?

Молодой человек, уже спустившийся на берег, сделал несколько шагов, когда вслед ему полетел рев:

— Литин!

— Вы что-то мне говорили, капитан? — поинтересовался Альен, оборачиваясь.

— Ты наглый пройдоха, — палец Лоета нацелился на него. — Но у тебя ничего не выйдет. И если ты это не поймешь, то я объясню на следующем занятии.

— У меня есть Хон, — ответил Альен.

— Он будет у тебя после занятия, а я — во время, — Вэйлр перегнулся через перила борта.

— В эти минуты я буду жить мыслями о Хоне, — на лице молодого человека появилась широкая улыбка.

— Я спрячу паука! Велю Бонгу закрыть его и не пускать к тебе! — грозно пообещал капитан, но было заметно, что он уже просто развлекается. Затем, заметив неспешно бредущего к кораблю лекаря, Вэй осклабился. — Кстати, зачем откладывать. Бонг! Друг, забери у этого мальчишки паука...

Лоет осекся на полуслове. Брови его съехались к переносице, и вопрос:

— Где Тина? — прозвучал одновременно с таким же вопросом Альена.

Лекарь остановился, переводя недоуменный взгляд с Литина на Вэя и обратно. Взгляд молодого человека уже исследовал одежду Бонга, остановился на засохших пятнах крови, и тревога сменила удивление.

— Что случилось? На вас кровь. Где Тина?

— Кровь? — Лоет сбежал по сходням, приблизился к другу и навис над ним. — Где моя дочь?

— Лошадь налетела на коляску, мне пришлось помогать раненым, — ответил Бонг. — Тина и Дин не вернулись? Они сказали, что идут на корабль.

— Ты их отпустил? — взвился Вэйлр. — Отпустил своего принца с моей мартышкой? К дьяволу, Бонг! Это же мелкое безобразие способно отправить в преисподнюю весь занюханый Алгардт и твой Горастан в придачу.

— Где вы с ними расстались? — вмешался Альен.

— Без меня не ходить! — крикнул Лоет и вернулся на борт своего брига. Но вскоре вновь спустился на берег, затыкая за пояс два пистолета. Там же у него уже висела сабля. — Черт его знает, во что могла втянуть твоего подопечного моя оторва, — буркнул капитан и раздраженно закончил: — Да шевелитесь же!

И мужчины поспешили на поиски пропавшей парочки искателей приключений.

Глава 26

Мир несправедлив, Всевышний слеп, а дьявол горазд на злые шутки. Эта истина открылась мадемуазель Лоет, когда их с Дином вели в департамент полиции, находившийся на соседней улице, в нескольких минутах ходьбы от городского парка. Когда Тина приходила сюда с папенькой, ей было не до парка, и с Дином они пришли с другой стороны. Зато теперь стало ясно, как так быстро появились полицейские.

Самым обидным оказалось то, что преступление можно было предотвратить еще до его свершения, но никто не мог понять выкриков Тины, в своем возмущении переходящей с одного языка на другой. Даже когда взяла себя в руки и начала объяснять полицейскому, который вел ее, причину их с Дином проникновения в городской парк, мужчина ее не понял. А ведь вот они — преступники, вот жертва, и скоро они обстрипают свое дельце, а Тина получит от папеньки нагоняй, увидит очередной укор в пронзительных глазах Литина, и, может быть, даже Бонг будет смотреть на нее обвиняюще, потому что девушка втянула в свои выдумки его воспитанника. И ладно бы они с Дином успели помешать свершиться черному делу, тогда можно было бы стоять, задрав подбородок, и гордо отвечать: «Мы не позволили украсть несчастную девицу», так ведь теперь опять везде виноватая. Последнее соображение казалось вовсе невыносимым, и Тина не удержалась и захлопала от обиды носом.

В департамент двух незадачливых спасителей вводили под любопытные взгляды нескольких зевак и двух скучающих полицейских, о чем-то беседовавших у входных дверей. Рядом с департаментом стояла карета с зарешеченными окнами, и три лошади меланхолично жевали траву с газона, ставшего уже почти лысым.

— Да послушайте же вы меня! — воскликнула Тина в очередной попытке привлечь внимание к скорому происшествию, но ее грубо подтолкнули в открытые двери, и девушка от отчаяния завывала.

Дин оставался внешне невозмутим. Он с достоинством нес на плечах голову наследника Горастана, поглядывая свысока на зевак и полицейских. Вот сейчас, несмотря на то что его вели под руки, как преступника, принц Шэн Ли Дин совсем не напоминал того, кто крался на полусогнутых через кусты в алгартском парке. По улице рыбацкого городка шел сам его высочество, полный величия и гордости. И вряд ли кто-то догадывался, что в голове принца проносились мысли о том, что ему скажет Бонг, которому

он клялся блюсти честь династии Шэн. Но он не мог позволить себе уронить достоинство в глазах дочери его кумира.

Впрочем, сейчас до достоинства принца Тине не было никакого дела. Мадемуазель Лоет отчаянно страдала от глупого провала затеи, будущего наказания и того, что у парочки негодяев теперь развязаны руки. Единственные, кто мог помочь девице Гольдардт, схвачены, и их сейчас сунут за решетку до тех пор, пока не явится взбешенный папенька, который будет разыскивать свою непутевую дочь, а потом... У-у-у, об этом потом думать вовсе не хотелось.

Неожиданно до слуха Тины донесся голос, показавшийся ей знакомым. Девушка вскинула голову и увидела, как по лестнице спускаются два начальника: проснувшийся начальник полиции и вернувшийся начальник порта. Беда была лишь в том, что мужчины были вновь пьяны до крайней степени. И все же Тина не могла упустить такой возможности. Перед ней замаячила надежда, что ее не только поймут, но и отпустят двух иноземцев восвояси.

Воспользовавшись тем, что хватка тащившего ее полицейского ослабла, как только они вошли в департамент, мадемуазель Лоет скинула его руки и бросилась к лестнице.

— Господин начальник порта! — выкрикнула она. — Вы меня узнаете? Мне нужна ваша помощь!

— Что-о? — взревел чиновник, повисая на плечах товарища. — Ты кто?

— Мой папенька макал вас сегодня в бочку, помните? Ну, капитан Вэйлр Лоет, бриг «Счастличик». Помните?

Мужчина задумался и расплылся в широкой пьяной улыбке:

— Достойный человек. Друг мой, я тебе сейчас про него расскажу, — обратился он к начальнику полиции. — Ах, ты же у меня невежа. — И он перешел на родной язык. Начальник полиции слушал, бессмысленно ухмыляясь, затем нагнулся, ухватил Тину за щеку и потрепал, что-то суюкая.

После этого мужчины обошли замершую девушку и продолжили спуск. Мадемуазель Лоет мотнула головой, повернулась вслед двум начальникам и, пробормотав:

— Что это было? — рванула следом, вновь взывая к знакомому чиновнику. — Господин начальник порта! Подождите! Помогите нам, тут такое недоразумение...

Мужчины вновь остановились, начальник порта обернулся и приветливо помахал рукой.

— Папеньке мои наилучшие пожелания, — произнес он, увлекая за собой начальника полиции.

— Да какие пожелания, дьявол вас дерит! — в сердцах воскликнула Тина, едва сдерживая слезы. — Помогите... — но мужчины уже вышли за дверь, и девушка всхлипнула. — Пьянь кабацкая, гарпун ему в печень.

Полицейский, притащивший девушку в департамент, подступил к ней снова, что-то насмешливо говоря, ухватил за локоть, пытаясь утащить в камеру, но в это мгновение Тина поняла: с нее хватит. Пропадать ни за что девушка не собиралась. И если уж получать, то получать не за благие намерения, а за дело. Она утерла нос тыльной стороной ладони, одарив полицейского свирепым взглядом. В следующее мгновение каблук ее башмака впечатался в ногу полицейского, мужчина взвыл, невольно склоняясь, и локоть мадемуазель Лоет влетел ему в нос.

— Дин, уходим, — отчеканила Тина, готовая встретить нового стража алгартского порядка, уже спешившего на выручку своему товарищу.

Принца не пришлось уговаривать ни секунды. Короткий удар ребром ладони по шее полицейского, державшего его, — и его высочество оказался на свободе. В сонном и пустом на первый взгляд департаменте на удивление оказалось много людей. На шум открылись двери нескольких кабинетов. К двум бунтарям спешили люди в штатском, в форме и явно один из задержанных.

Однако остановить разъяренную несправедливостью и непониманием юную девицу и горастанского императорского наследника это не смогло. Тина и Дин пробили себе путь на волю и выбежали из дверей. Дин уже хотел свернуть за угол, но наглость мадемуазель Лоет росла на глазах, и она крикнула:

— Лошади!

Принц тут же оценил идею своей подруги. Они кинулись к лошадям. Двое полицейских, так и разговаривающих перед дверями, с некоторым изумлением смотрели на творившееся беззаконие. Наконец первый отмер и поспешил к Тине, уже отвязавшей одну из лошадей и взлетающей в седло, но получил пяткой в лицо и осел на землю, мотая головой. Второй бросился на помощь своему товарищу, однако благоразумно не добежал, потому что лошади уже мчались на него, понукаемые двумя конокрадами, и теперь глядел вслед исчезающим за углом скакунам, чихая от поднятой их копытами пыли.

То ли Всевышний решил, что благие дела должны быть доведены до конца, то ли дьявол еще не отсмеялся, но лошади вынесли двух искателей приключений опять к городскому парку. Они обменялись взглядами и, не

сговариваясь, помчались вокруг к той самой калитке, у которой их поймали. Тина представила размер неприятностей, в которые они с Дином попали, издала тихий стон и пришпорила свою лошадь, спеша за принцем, вырвавшимся вперед.

В голове девушки невидимый метроном отсчитывал количество ударов ремня по любимому седалищу, отмеряя по удару за каждый проступок: обманула Бонга — один, втянула в свои проделки Дина — два, влезли в городской парк и попались — три, разгромили полицейский департамент — четыре, украли лошадей у полиции — пять, опять лезут в спасатели — шесть... И ведь это еще не конец!

— Маменька, — с ужасом выдохнула Тина, натягивая поводья вслед за Дином.

Лошади замерли в проулке, из которого хорошо была видна калитка, но пока никто никого не тащил, не нес и не выводил под благовидным предлогом. Мадемуазель Лует продолжала думать о скором будущем. Теперь ей мерещились синие глаза, в которых застыло разочарование. Тина сама до конца не осознавала, насколько сильно боится увидеть именно это чувство на лице Альена Литина, еще ни разу не отказавшего ей в помощи, даже когда он был недоволен ею. «Нужно возвращаться», — мелькнула в голове девушки благая мысль, и она даже готова была открыть рот и сказать Дину, что они едут в порт, но принц прервал ее намерения коротким словом:

— Открыто.

— Что? — не поняла Тина.

— Быть закрыто, стать открыто. Щель, — и палец будущего императора указал на калитку.

Девушка вгляделась и охнула. Действительно! Когда они находились в парке, калитка была закрыта на щеколду, а теперь оказалась приоткрыта. Мысли о возвращении в порт в одно мгновение выдуло из головы мадемуазель мощным порывом ветра, оставив только открытие того, что похищение, похоже, состоялось.

Тина бросила поводья Дину, спешила и приблизилась к калитке. Она осторожно приоткрыла ее и прислушалась. Ветер донес до нее далекие женские крики, между деревьев мелькнула форма зрителя, и девушка метнулась назад.

— Дельце обстряпано, — мрачно возвестила она. — Упустили.

— Они поехали туда, — указал принц на соседнюю улицу.

— С чего взял? — подобралась Тина.

Дин указал на бесхозный зонтик, который как раз поднял какой-то

мальчишка и теперь с интересом вертел в руках. Мадемуазель Лоет напрягла память и вспомнила, что девица Гольдардт действительно держала в руках зонтик. Кровь в одно мгновение забурлила в жилах юного создания, и Тина вернулась в седло.

— В погоню! — крикнула она, срываясь с места.

Где-то за спиной слышались крики и приближающийся цокот лошадиных копыт.

— Погоня за погоней? — усмехнулась Тина. — Почему бы и нет? Выведем это дурачье прямо на похитителей.

— Отлично, — кивнул Дин. — Если они нас найти.

— Найти, — усмехнулась девушка. — Моя коняга там наложила знатную... э-э-э, в общем, ладно. Найдут по запаху. — И спасители невинной девицы скрылись из виду незадолго до появления стражей порядка...

Трое мужчин стремительно шли по Алгардту. Одноглазый мужчина, превосходивший в росте своих спутников, производил устрашающее впечатление. Мало того, что из-за пояса этого головореза торчали рукояти пистолетов, — он еще время от времени издавал рычащие звуки, явно бранясь. Второй мужчина, имевший экзотическую внешность, хранил на лице печать невозмутимости. И хоть он не открывал рта, однако взгляд раскосых глаз, останавливаясь на встречных горожанах, вынуждал их шарахаться с дороги, шепча про себя молитву. Третий мужчина, наиболее молодой и привлекательный настолько, что даже мужчины не могли не заметить этого, оглядывался с заметной тревогой в глазах. Он не бранился и не пугал взглядом, но рука, сжавшаяся в кулак, говорила о том, что расположение духа молодого человека далеко от доброго.

— Бонг, ты их видишь? — уже раз в двадцатый вопрошал капитан Лоет.

— Нет, — качал головой лекарь. — Но слышу шум.

— Где? — Альен снова оглядывался, но никак не мог уловить никаких звуков, кроме сонного течения вечернего города.

— Если шум, значит, Тина там побывала, — мрачно отозвался Вэйлр.

Неожиданно мимо них пробежали мальчишки, о чем-то возбужденно перекрикиваясь. Затем проковыляла старуха с зонтиком, изъеденным молью, за ней стремительно прошел мужчина в жилете. Трое мужчин переглянулись, и Лоет вскинул руку:

— Нам туда!

— Взбаламутить сонный омут — это по части мадемуазель Лоет, — согласился Альен.

— А ведь принц был примером каменного спокойствия и выдержанности, — как-то тоскливо протянул Бонг.

— А нечего его было оставлять с моей занозой, — ядовито ответил Вэй, сделал еще несколько шагов и добавил: — И кормить сказками о жизни пиратов тоже.

— Уж кто бы говорил, — усмехнулся Бонг. — Ты, мой друг, своими рассказами пробудил в дочери вольный дух.

— Я пробудил, я же его и усыплю... навечно, — с мрачной решимостью ответил капитан.

— Силой вы ничего не добьетесь, — заговорил Аьен. — Тине нужно давать подумать...

— То-то у нее голова пухнет от усиленной работы мысли, — сварливо воскликнул Вэй. — Если учудила, выпорю так, чтоб кожа с задницы полезла. Опекуны и защитники идут за борт.

— Сначала закончите обучение, затем и топите, — усмехнулся Литин, и Хон на его плече воинственно пискнул.

— Ты вообще молчи, мохноногое, — ткнул в паука пальцем Лоет и вскрикнул, когда Хон цапнул его. — Дьяволово отродье!

— Не слушай его, мальчик, ты очень милый, — успокоил паука Аьен, а Бонг тяжело вздохнул, укоризненно глядя на мелкого предателя. Предатель стыда явно не испытывал.

Вскоре мужчины вышли к городскому парку, у ворот которого причитала немолодая женщина. Рядом с ней стоял полицейский с подбитым глазом и что-то выспрашивал. Еще двое полицейских, со следами драки на лицах и в дурном расположении духа, разговаривали с парковыми зрителями и охранниками.

— Она точно была здесь, — торжествующе произнес Лоет. — Узнаю руку Красавчика на их рожах.

— Красавчика? — не понял Аьен.

— Он научил своего сына драться, Сверчок научил Тину. Маленькие негодяи участвовали, наверное, во всех уличных драках. Головорезы, чтоб их дьявол... а, — Вэй махнул рукой и врезался в толпу зевак.

На его попытки узнать, что произошло, ничего не вышло, только один из зрителей, взглянув на Бонга, о чем-то закричал, указывая на него пальцем, затем сузил пальцами себе глаза, и троица иноземцев сделала закономерный вывод: говорили о его высочестве. Полицейские сразу обернулись в сторону Бонга, затем посмотрели на Лоета, скривились и отвернулись. Аьен, оставшийся без внимания, решился тоже попытать счастья.

— Что произошло? — спросил он на тарванском.

Черноволосый смотритель вскинул голову и просиял, быстро заговорив в ответ:

— О, какое счастье услышать родную речь! Вы из Тарвана? Хотя нет, я слышу акцент, но все равно, это так хорошо, что я могу с кем-то разговаривать на языке моей великой Родины! Вы знаете, здесь живут одни невежи...

— Стоп! — Альен вскинул вверх руку, останавливая смотрителя. — Любезный, я рад не меньше вашего, что могу с кем-то здесь поговорить, но мне важно узнать, что здесь произошло.

Смотритель ухватил Литина за локоть и потащил в сторону. Бонг и Вэй последовали за ними.

— Знаете, дорогой чужестранец, — смотритель прижал к груди сцепленные ладони. — Это просто ужасно. В Алгардте никогда и ничего не происходит, самое крупное преступление — это кража медяков из чаши для подаваний, и вдруг такое. Сначала в парк пробрались двое оборванцев, их выдворили и сдали полиции, но потом... Потом украли дочь нашего уважаемого мэра. Такая милая девушка...

— А что оборванцы? Они сейчас в полиции? — прервал его Альен.

— В полиции? Ну что вы! Наша полиция способна только обирать рыночных торговков. — Отмахнулся мужчина. — Оборванцы сбежали. И не просто сбежали, они избили полицейских. Говорят, у них были сообщники, и как раз те, которые похитили госпожу Гольдардт. Иначе как два сопляка могли сотворить такое? — он указал на избитых полицейских. — Оборванцы украли лошадей у департамента и бросились догонять своих сообщников. Они ведь в парке специально внимание отвлекали, это же понятно. И, когда их увели, люди были так заняты обсуждением поведения мальчишки, похожего вон на того господина, — теперь смотритель указывал на Лоета, — что не заметили, когда к милой девушке подкрались разбойники. Они ударили по голове ее няньку и увели бедняжку — госпожу Гольдардт. Ну и оборванцы помчались следом. Полицейские скакали за ними, но негодяи успели скрыться. Шайка воссоединилась, и где теперь их всех искать — ведает только Всевышний.

— Как?! — в сердцах воскликнул Альен. — Как она это делает? Как можно вляпаться в дерьмо на чистой улице? Простите, — буркнул молодой человек и вернулся к своим спутникам.

— Она? — изумленно спросил смотритель. — Кто? Госпожа Гольдардт?

Однако Литин уже не обращал на мужчину никакого внимания,

пересказывая все, что смог узнать. По мере его рассказа лицо Лоеа перекашивалось все больше, Альен даже попытался смягчить краски, насколько это возможно, но добился лишь краткого:

— Все выкладывай!

— Похоже, все считают, что Тина и принц были в сговоре с похитителями, — сдался молодой человек.

— А какого черта они так считают?! — взревел капитан «Счастливого». — И где их искать?!

Альен обернулся, отыскивая взглядом зрителя, снова подошел к нему и поинтересовался:

— Скажите, любезный, оборванцы отправились за похитителями? — Литин уже даже не сомневался, во что ввязалась Тина.

— Ну конечно, — живо кивнул тот. — Госпожу Гольдарт вывели через заднюю калитку, и эти двое промчались на лошадях в ту сторону. Недалеко от калитки нашли лошадиный навоз, а мальчишка, у которого в руках увидели зонтик бедняжки, сказал, что два всадника поскакали в ту сторону, куда уехала черная карета, в которую садилась девушка, потерявшая зонтик. Все сходится...

— Ни черта ни сходится, — зло отчеканил Литин. — Эта парочка полезла спасать вашу бедняжку.

Он вдруг осекся и отметил, как скребануло где-то внутри короткое слово — «парочка». Следующий вывод и вовсе рассердил: Тина нашла себе товарища для чудачеств, а совместные приключения сближают.

— Да какого дьявола?! — воскликнул Альен, мотнув головой. — Где можно взять лошадей?

Словоохотливый зритель объяснил, затем добавил еще немного из того, что знал. Выслушав его и не поблагодарив, взбешенный известиями и собственными догадками и выводами, молодой человек вернулся к спутникам.

— Они умчались спасать девицу, — кратко бросил Альен. — Я знаю улицу, по которой они поехали. Полицейские отправились следом... К дьяволу, похоже, уже вернулись. — Он указал на четырех стражей порядка, подъезжавших к парку.

Оставив капитана и лекаря, Литин в который раз вернулся к зрителю, подталкивая его в сторону полицейских, и вскоре махнул рукой своим спутникам, подзывая их.

— Они потеряли след за городом, — пояснил хмурый Альен. — Предлагаю забрать лошадей у полицейских. Пока добудем наемных, только время потеряем. — Немного помолчав, Литин вдруг воскликнул. — Черт

знает что, а не девица! Порой мне хочется ее задушить!

— Теперь ты меня понимаешь, мальчик, — криво усмехнулся Лоет и сунул кулак под нос Альену. — И не говори про мою дочь «черт знает что» — урою.

— А вы перестаньте называть ее мартышкой, — огрызнулся Литин, отбивая кулак капитана.

— Вы идете? — спросил Бонг.

Вэйлр и Альен испепелили его взглядами и поспешили к полицейским, прихватив знакомого зрителя. Посредством тарванца им удалось объяснить полицейским, что они знают тех, кого сегодня задержали. Что к разбойникам они не имеют никакого отношения и что их вмешательство было не чем иным, как желанием помочь девушке, о похищении которой молодые люди узнали в чайной. Этот вывод сделал Бонг, сложив свои ощущения, долгое отсутствие Тины в уборной и ее бегающий взгляд лихорадочно блестящих глаз. А также уверяли, что вернут девушку, если им дадут лошадей и не будут преследовать юношей за их порыв помочь невинной девице.

Полицейские внимательно слушали, покивали, даже согласились, что иностранцы могли желать помочь. Уж больно один из них кричал и тыкал пальцами в разные стороны. Однако согласиться, что молодые люди не разбойники, отказались наотрез, указывая на избитых товарищей. И все же желание вернуть мэру его дочь раньше, чем разбойники затребуют выкуп, было сильным. Полицейские одолжили лошадей почти безоговорочно. Впрочем, возможно, причиной быстрого согласия стало золото, которое Лоет сунул в нос одному из стражей алгардтского порядка. Так или иначе, вскоре три всадника уже мчались в указанном направлении, спеша успеть до наступления темноты. Времени у них оставалось все меньше.

В это время Дин и Тина, благородные горе-спасители, стояли на развилке, решая, по какой из дорог скрылись похитители. Парочка вполне успешно вела преследование, даже нагнала карету, но она уже была пуста. За городом разбойники пересели на лошадей, бросив экипаж. Они опередили принца и мадемуазель Лоет совсем ненамного. Задержка случилась уже за городом. Тина и Дин, почти догнавшие похитителей, были вынуждены смотреть вслед удаляющемуся экипажу из-за стада коров, которых гнал флегматичный пастух.

Девушка и молодой человек еще успели увидеть, как карета скрывается за поворотом дороги, и, как только стадо наконец прошло, помчались следом. За поворотом они обнаружили только карету и лошадей,

запряженных в нее, неспешно бредущих в том направлении, в каком их бросили. Объединенная трава в стороне от дороги показала, что здесь стояли лошади, за которыми кто-то приглядывал, его следы тоже нашли. Похитители вместе со своей жертвой поскакали дальше.

Дин некоторое время осматривал дорогу, затем вернулся в седло и указал направление:

— Туда скакать.

Результатом скачки стала та самая развилка, на которой застыли молодые люди. Дин вновь долго сидел на корточках, рассматривал следы в пыли, неспешно передвигаясь то в одном, то в другом направлении. Наконец он поднялся на ноги и без особой уверенности указал налево.

— Много следов, — немного виновато произнес он.

Он вернулся в седло, и искатели приключений пустили лошадей неспешной рысцой. Тина уже даже особо не рвалась ни спасти девицу, ни возвращаться на «Счастливчик». За этот день она устала, была раздражена и уже почти уверена, что вся эта затея является настоящей глупостью. Да, безусловно, нельзя оставлять без внимания похищение, но вот так вот ввязываться в освобождение девицы — не лучшая идея. Сейчас Тина понимала, что при них нет оружия, кроме пары ножей, которые не успели найти полицейские, потому что не успели обыскать. Правда, Дин утверждал, что он сам оружие, и девушка в это могла даже поверить, потому что выбрались из департамента они в основном благодаря мастерству молодого человека. И все же чем больше проходило времени, тем сильнее становились сомнения.

Принц никак не выказывал сожалений. Впрочем, мадемуазель Лует успела заметить: он отлично умел прятать свои чувства за маской невозмутимости. А спросить его, что он думает, или признаться в одолевающих ее сомнениях Тина не решалась. Во-первых, это она зажгла молодого мужчину энтузиазмом, она убедила идти в парк, а не на корабль. А во-вторых, что папенька, что Альен говорили одинаково: нельзя останавливаться на половине пути. А раз нельзя, то мадемуазель Лует оставит свои сомнения при себе и доведет дело до конца.

Когда над землей сгустились сумерки, молодые люди увидели небольшую деревушку. Переглянувшись, они направили к ней уставших лошадей. Почуввав близость человеческого жилища, скакуны приободрились; принц и мадемуазель Лует, впрочем, тоже.

— Если мы ошибаться дорогой, надо будет ехать в город, — сказал Дин, и Тина вознесла благодарственную молитву Всевышнему, что ее спутник сказал то, о чем она думала столько времени.

— Как скажешь, — с печальной миной согласилась девушка.

— Мы обязательно помочь, — уверил ее Дин. — Мы сказать Бонг, твой отцу, они идти в полицию, мы показать дорогу.

— Да, наверное, ты прав, — вздохнула Тина.

Они въехали в деревню и сразу спешили, разминая затекшие тела. Собаки подняли лай, привлекая к ним внимание жителей, уже собиравшихся спать. Из ближайшего дома выглянула женщина. Она что-то крикнула, погрозила кулаком и опять скрылась за крепкими дверями. Из дома напротив вышел мужчина с ружьем в руке. Он оглядел незваных гостей, опустил ружье и что-то спросил. Без особой надежды на успех Тина произнесла:

— Мы чужеземцы, и вы вряд ли нас поймете.

— Я понимаю, — кивнул мужчина, и у искателей приключений округлились глаза. — Матрос. Бывал много стран.

— О-о-о, — выдохнула восхищенная Тина, стремительно приближаясь к забору. — Мы ищем мужчин. Они хорошо одеты, выглядят как приличные люди, но скоты. С ними должна быть девушка...

— Девушка не знай, — мотнул головой бывший матрос. — А чужаки есть. За деревня дом. Ста-арый. Плохой дом. Месяц живут. С нами не говорят, только покупай еду. Дом плохой, чужаки плохой. Не нравятся. Там. Не ходи. Ты матрос, маленький, но матрос, я вижу, — мужчина указал на одежду. — Иди в порт, иди на корабль. В дом не ходи.

— Благодарим, — склонила голову Тина. — Мы будем осторожны.

— Молодой, глупый, — покачал головой мужчина, махнул рукой и хотел уйти, но вернулся и сунул Дину ружье. — Пусть будет.

После этого бывший матрос вернулся в дом, а искатели приключений, ободренные известиями, направились к старому дому. Ружье на плече Дина придало им уверенности, сразу и ножи показались неплохим оружием для нападения, и вообще, горастанец — сам оружие. Живем! Все эти мысли пронеслись в голове юного создания, почувствовавшей, что конец их погони близок.

Старый дом вынырнул из сумерек неожиданно. Деревня уже осталась позади, собаки все еще лаяли, но на них два освободителя уже не обращали внимания. Они спешили, привязали лошадей к дереву и направились к дому. Волнение, возбуждение и капелька страха все сильнее захватывали Тину. Она поглядывала на серьезного Дина, и в это мгновение он казался ей необычайно мужественным и красивым. Принц, почувствовав взгляд девушки, едва заметно улыбнулся и прижал палец к губам.

— Я смотреть, ты ждать, — прошептал он и жестом остановил

подругу.

Мадемуазель Лоет смотрела, как горастанец крадется к дому. Походка его стала плавной и тягучей, напоминая движения кота, выслеживающего дичь. Дин подошел к освещенному окну, заглянул в него и поманил к себе Тину. Мадемуазель Лоет быстро приблизилась.

— Там, — шепнул Его Высочество.

Девушка осторожно заглянула в окно и увидела девицу. Госпожа Гольдард сидела на стуле и горько плакала. Ее не связали, но в этом не было смысла. Девушка была явно сильно подавлена и о побеге даже не думала. К тому же у дверей стоял незнакомый мужчина. Один из тех, кто был в чайной, сидел у стола, разговаривая с невидимым собеседником, скорей всего, с тем, кто помог сделать заказ. Как его назвал второй? Ольсен, кажется. Да к дьяволу, какая разница? Мразь, он и есть мразь.

Дин дотронулся до плеча Тины и, когда она обернулась, показал три пальца. Девушка еще раз заглянула в комнату и кивнула. Похоже, похитителей было всего трое. Двое увезли девушку, третий ждал с лошадьми. Вот они, все тут. Трое против двоих? Ерунда! На стороне освободителей — внезапность, ружье, два ножа, наглость и стремительность.

— Идем, — шепнула Тина.

— Я первый, — остановил ее принц. — Ты за мной. Вперед не лезть.

— Угу, — вполголоса промычала девушка, добыла из глубокого кармана нож, вытащила его из ножен и почувствовала, что может захватить мир.

Дин подобрался к дверям, открыл их почти беззвучно и исчез в темноте. Тина, подумав, сняла башмаки и оставила их у входа. Она прислушалась и шагнула в темноту. Тут же ее взяли за руку.

— Это я, — шепнул Дин. — Идти.

Они подобрались к квадрату света, обозначавшему дверь. Дин скинул с плеча ружье, снова ободряюще сжал руку мадемуазель Лоет и ударил ногой по двери. Стоявший за ней мужчина от неожиданности полетел на пол. Принц шагнул в комнату, придавив ногой горло упавшего головореза, не давая ему подняться, нацелился на двух мужчин за столом и коротко бросил Тине:

— Девица.

Мадемуазель Лоет метнулась к пленнице, но та, испугавшись, заголосила, вскочила со стула и бросилась в угол, что-то крича сквозь слезы и мотая головой.

— Глупая, мы же хотим спасти тебя! — воскликнула Тина. — Мы

отвезем тебя в Алгардт.

— Мальчик из чайной, — услышала мадемуазель Лоет, на мгновение обернулась, но этого хватило пленнице, чтобы в порыве паники и страха кинуться на свою спасительницу.

Она вцепилась Тине в одежду, отчаянно тряся ее. Мадемуазель Лоет рванулась в сторону, послышался треск, и пуговицы с жилета осыпались на пол.

— Дура! — в сердцах вскричала девушка, отвесив девице Гольдардт жгучую пощечину.

— Ого, да у нас еще одна девочка, — донесся голос Ольсена.

— Сидеть! — рявкнул на марантийском принц.

— Лежать, — усмехнулся еще один знакомый голос. Послышался звук удара, и Дин полетел на пол, теряя сознание.

Тина, стягивавшая расползшийся ворот рубахи, обернулась и увидела второго господина из чайной. Ее взгляд метнулся к столу, там сидели Ольсен и совершенно незнакомый мужчина. В своем возбуждении девушка совсем не обратила внимания на то, что в комнате нет второго разбойника. За ее спиной скулила девица Гольдардт. Тина сжала рукоять ножа, снова убранного в карман, закрывая собой пленницу. Однако подумала, что не стоит одной кидаться на четверых обозленных мужиков, и поздравила себя с первой здоровой мыслью за день. Затем вспомнила папеньку и подумала, что дико соскучилась по нему и по Альену Литину. «Если мы выберемся, я больше никогда не буду совершать глупостей», — подумала девушка и подняла руки, показывая, что сдается...

Темнота все-таки опередила трех мужчин, уже успевших проехать до кареты, замершей недалеко до развилки двух дорог. Полицейские свернули назад вскоре после того, как выехали из города.

— Уроды, они просто не захотели догонять, — сплюнул Лоет. — Дорога одна, им некуда сворачивать.

— Не захотели связываться, — раздраженно отозвался Альен. — Их четверо, похитителей сколько — неизвестно.

— Труссы, — повторно сплюнул капитан «Счастливого».

— Скоты и лентяи, — поддержал Литин.

— Они тут были, — сказал Бонг, прищпоривая лошадь. — Я вижу.

— Наконец-то, — с мрачной радостью провозгласил Вэйлр.

Мужчины помчались дальше. Теперь впереди скакал Бонг, уверенно указывая дорогу. Карету, из которой уже кто-то выпряг лошадей, они увидели, когда сумерки стали настолько густыми, что все цвета слились в

серый и черный. Колдун ненадолго задержался возле кареты.

— Они проехали еще засветло, — сказал горастанец. — Туда.

К развилке мужчины приблизились в полной темноте. Раздражен был даже вечно невозмутимый Бонг. Лоят уже не ругался, он хранил молчание, которое могло напугать больше, чем угрозы.

— Куда? — спросил Альен.

Бонг спешился. Он отошел немного в сторону и присел на корточки, приложил ладони к земле. Через минуту лекарь поднялся на ноги, вернулся в седло и коротко бросил:

— По этой.

Около деревни они спешили. Лоят вел двух лошадей, свою и Бонга, сам колдун шел впереди, что-то шепча себе под нос. У дома бывшего моряка он свернул, подошел к забору, и до его спутников донеслось:

— Дом плохой... чужаки... ты матрос... плохой...

— Ну что там? — не выдержал Вэй.

— За деревней дом, там появились чужаки. Принц и твоя дочь отправились туда, — ответил Тин.

— Убью, — глухо произнес Лоят, но было непонятно, к кому конкретно сейчас относится его угроза.

— Лишь бы не опоздать, — пробормотал Альен. — Дьявол!

Ему не ответили: мысли у всех троих были похожими. Темнота усилила страхи, скрывавшиеся внутри. И если Бонг переживал за наследника, то Лоят и Литин думали о Тине. Девчонка, возомнившая себя равной опытным мужчинам... Что еще могло прийти ей в голову? До чего она могла додуматься в своем стремлении быть похожей на своего отца и его команду? Ввязалась в драку с разбойниками, которые превосходят ее по силе? А если они поняли, что мальчик вовсе не мальчик? Чем обернется для нее встреча с разбойниками? За дочь мэра попросят выкуп, горастанца сохранят для продажи, если поймут, что он ценный товар, а что сделают с девчонкой в мужской одежде?

— Дьявол, — выругался Литин. — Да чтоб их.

— Не дергайся, — сухо велел Вэй. — Держи лучше.

Он сунул Альену пистолет, как только показался дом со слабо освещенными окнами, и всадники спешили.

— Бонг?

— Не надо, — ответил тот. — Справлюсь.

Они приблизились к дому. У дерева фыркнула одна из лошадей.

— Они в доме, — уверенно прошептал Литин.

— И уже давно, если развилку проезжали еще при свете, — ответил

Вэйлр. — А если лошади здесь, а они в доме, значит...

— Их взяли, — закончил Альен.

— Умный мальчик, — невесело усмехнулся капитан. — Мы с Бонгом берем на себя уродов, ты ищешь Тину и Дина. И будь осторожен, ты же помнишь: ты мой.

— Как можно об этом забыть, — ответил Литин.

Бонг уже подобрался к окну и заглянул внутрь. Лоят и Альен тоже приблизились. Они увидели двух разбойников, но в это мгновение открылась дверь, и третий втолкнул в комнату Тину. Девушка была бледна, но настороженный взгляд зверька, готового броситься на любого, кто попытается приблизиться к ней, говорил, что без боя мадемуазель Лоят не сдастся. Тот, кто привел ее, подошел сзади и отвел в сторону прядь коротких темных волос, затем палец мерзавца прошелся по девичьей шее, и Альен дернулся в сторону двери.

— Стоять, — шепотом рявкнул Лоят. — Ты слышал, как будем действовать. Сделаешь по-своему — разобью твою красивую рожу.

— Они...

— Вижу, — ледяным тоном прервал Вэй. — Сдохнут. Бонг, я вхожу, ты ждешь. Альен, ищешь принца. Вперед.

Капитан, не особо заботясь о сохранении тишины, стремительно ворвался в дом, выхватывая на ходу пистолет. Бонг скользнул за ним и замер в темноте перед дверями, которые выбил ногой Лоят. Прозвучал выстрел, послышался человеческий вскрик и надрывный вопль:

— Папенька!

Вэйлр перешагнул труп того, кто посмел притронуться к его дочери, вытащил саблю и отчеканил:

— Тина, ко мне.

— Папенька...

— Сопли на борту, сейчас отойди к стене и закрой глаза. Откроешь, когда позволю. Папеньке есть что сказать этим нехорошим дяденькам.

Тина прижалась к стенке, зажмурилась и даже заткнула уши. Лоят криво усмехнулся, когда за спиной упало тело еще одного разбойника, прибежавшего на звук выстрела, — Бонг был настороже.

— Позвольте взять оружие? — спросил Ольсен.

— Если успеешь добежать, — кивнул Лоят и метнулся наперерез.

Альен, прислушиваясь к тому, что творится внизу, поднимался по лестнице. На первом этаже никого, кроме тех, кто находился в комнате, не было. Он держал в руке пистолет, готовый пустить его в дело при первой же опасности, но пока было тихо. Никто не спешил напасть на него. Литин

остановился, снова прислушиваясь. До него донеслись приглушенные голоса: женский и мужской. Альян не понял ни слова, но слезы в голосе хорошо различил.

Молодой человек, стараясь ступать как можно тише, приблизился к двери, из-за которой слышались голоса, выдохнул, чтобы унять ярость, все еще клокотавшую в нем, и открыл дверь. Альян увидел девушку, забившуюся в угол, недалеко от нее лежал связанный Дин с кляпом во рту. Единственный охранник стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Литина. Его спокойствие показалось Альяну подозрительным.

Дин замычал, извиваясь всем телом. Литин сделал шаг, но не в комнату, а назад. Он понял, почему горастанец так упорно дергает ногами, словно указывая на что-то, — там стоял еще один разбойник. Сообразив, что добыча не спешит в капкан, тот, кто ждал в засаде, выскочил в дверной проем. Альян нажал на курок, и похититель сполз на пол. Из слабеющей руки выпал кинжал. Тут же снова грянул выстрел, пуля прошла совсем близко от Литина, разорвав ткань сюртука на предплечье. Альян почувствовал, как под одеждой стало тепло от крови. Он на мгновение сжал ладонью небольшую рану, стиснул зубы и стремительно подхватил кинжал своего несостоявшегося убийцы.

Более не медля, он бросился в комнату, навстречу второму разбойнику. В руке того блекло сверкнул нож. Альян не умел драться на ножах, этой премудрости его никто не обучал. Он видел, как перехватил свое оружие разбойник, и понял, что противник знает, что делать. Поэтому, наплевав на всякие условности и кодексы, Литин уклонился от полоснувшего по воздуху клинка и сделал то, что когда-то считал подлым приемом, — со всей силы ударил по причинному месту разбойника, следившего за кинжалом, ногой... Тот охнул и повалился на колени. «В этом мире, куда ты попал, бьют без предупреждения и идут до конца», — вспомнил слова Лоета молодой человек. И тогда он сделал второй поступок, который считал недостойным еще не так давно, — воткнул кинжал в шею разбойника. Тут же вытащил его и стремительно приблизился к Дину, развязывая веревки.

— Молодец, — услышал он и резко обернулся. В дверном проеме стоял Вэйлр Лоет. — Я боялся, что сглупишь и оставишь за спиной живого убийцу. Таких надо добивать.

— Где Тина? — спросил Альян.

— Внизу с Бонгом. Я пока держусь от нее подальше, иначе изобью, — ответил Вэй, подходя к нему.

— Ясно, — кивнул Альян. — Они не успели?

— Если бы успели, я бы убивал медленно, — Лует помог подняться на ноги Дину. — Займись девицей, а я отведу вниз парня.

Литин повернул голову к девушке, дрожавшей в своем углу, изобразил на лице вежливую улыбку и протянул руку. Девушка некоторое время испуганно смотрела на него, затем все-таки протянула ладонь. Аьен помог ей встать, но ноги девушки так дрожали, что ему пришлось взять ее на руки. Молодой человек уже почти вышел из комнаты, но обернулся и вернулся. Он взял горящую свечу и бросил на соломенный тюфяк. Мгновение смотрел, как почернело пятно от огня, как занимается солома, и наконец вышел, унося с собой девицу Гольдардт.

Его спутники стояли недалеко от той комнаты, куда разбойники привели Тину. Свет от горящих свечей едва освещал трех мужчин и одну девушку, взиравшую на приближающегося Литина широко распахнутыми глазами. Аьен скользил цепким взглядом по лицу и фигурке мадемуазель Лует, убеждаясь, что с ней все хорошо. Только после этого напряжение немного отпустило молодого человека.

Спустившись по лестнице, он поставил на ноги пленницу, вопросительно глядя на нее. Госпожа Гольдардт осмотрела всех, кто ждал их, затем повернулась к своему спасителю, картинно закатила глаза и «лишилась чувств», прижимаясь к его груди.

— Вот дьявол, — пробормотал Аьен, и дом сотряс громовой хохот.

— А девица-то не промах, — капитан Лует стоял согнувшись, упираясь рукой в стену, и тело его содрогалось от истерического хохота. — Литин, выбирай ее.

— Предпочитаю настоящие чувства, — сухо ответил Аьен, невольно бросив взгляд на Тину, теперь не сводившую взгляда с ушлой девицы.

— Ну и дурак, — от души припечатал его Вэй, распрямляясь, но тут же снова согнулся, заходясь в новом приступе смеха.

Напряжение отпускаяло, у застывших в немом молчании людей начали подрагивать уголки губ, вскоре хмыкнул Дин, улыбнулся Бонг, криво ухмыльнулся Аьен, лишь только Тина хмурилась все больше, продолжая испепелять взглядом девицу Гольдардт. Казалось, еще мгновение — и она оттащит «бесчувственное» создание за волосы. Расплата сейчас стала менее важна, чем то, что Литин снова подхватил девушку на руки, и ее пальцы сцепились на его шее, а голова доверчиво прижалась к плечу.

— Идемте, — немного раздраженно произнес Аьен. — Дом горит.

— Девица руки оттягивает? — усмехнулся Вэй, окончательно успокоившись.

— Не перышко, — ответил молодой человек, делая шаг.

В это мгновение волосы его зашевелились, и по лицу прошлись мохнатые лапки. Незаметный до этого в черных волосах паук спешно спускался на плечо, а затем на руку. Хон прошелся через тыльную сторону ладони госпожи Гольдардт, отчего та дернулась и подняла голову, разглядела, кто так усердно работает лапками, и дом огласил теперь женский визг.

— Ранен? — отмер Бонг.

— Царапина, — отмахнулся Альен. — Пуля просто задела. Но я бы хотел скорей избавиться от своей ноши.

— Ты ранен?! — вскрикнула Тина, следя взглядом за Хоном, замершим на предплечье.

Она хотела подойти к молодому человеку, но Лоет ее опередил, забрал из рук Литина визжащую девицу и первым направился на выход. Девица перестала визжать. Теперь она что-то говорила, возмущенно, даже с негодованием. Не нужно было знать язык, чтобы понять, что она требует вернуть ее красивому молодому мужчине.

— Тихо! — рявкнул Вэйлр, и девица замолчала, испуганно глядя на одноглазого и грозного человека.

Зато мадемуазель Лоет, чувствуя необъяснимое торжество, наконец подошла к Альену, на чьей руке сердито перебирал лапками паук, который не мог пока добраться до раны. Бонг развернул принца и несильно подтолкнул его к дверям. Тот попытался что-то сказать, но лекарь лишь отмахнулся и указал на дверь. Глаза принца исследовали невозмутимое лицо колдуна пытливым взглядом, но тот снова указал на дверь. Бонг был зол, и Дин это понял. Он виновато потупился и вышел из дома.

— Тебе больно? — спросила Тина, заглядывая в глаза Альена.

Его ладони мягко сжали скулы девушки, молодой человек мгновение рассматривал ее, а затем порывисто склонился, накрывая девичьи губы своими губами. Поцелуй был коротким и даже злым, но руки Тины мгновенно затряслись. Она прижалась к Альену и пробормотала:

— Прости.

Литин отстранил от себя девушку, удерживая за плечи.

— Адамантина Лоет, какое же ты еще, в сущности дитя, — неожиданно сокрушенно произнес он.

— Я не дитя, — возмутилась Тина.

— А ведешь себя как маленькая девочка, которой Всевышний забыл подарить разум, — отчеканил мужчина.

— Ну, знаешь! — воскликнула мадемуазель Лоет, вырываясь из рук Альена. — А ты готов лапать все, что падает в фальшивый обморок, лишь

бы оно было в юбке!

— Да ты тоже не слишком разборчива, — яда в голосе вечно спокойного мужчины прибавилось. — Лишь бы был Сверчком и поддерживал твои безумные затеи.

Тина округлила глаза. Сжатые кулаки уперлись в бока, ноздри гневно раздувались, и девушка чуть склонилась вперед, глядя в глаза Литина.

— А ты Сверчка не трогай, — прошипела она.

— А ты не трогай девиц, которые хотят быть девицами.

— Так и катись к своей лживой притворщице!

— С удовольствием, — сердито ответил Альен и направился к двери.

— Попутного ветра! — желчно воскликнула мадемуазель Лоет.

Молодой человек помахал ей, не оборачиваясь, и вышел за дверь, столкнувшись на пороге с капитаном Лоетом. Вэй посторонился, пропуская взбешенного Литина. Затем заглянул в дом и увидел дочь, ударившую кулаком правой руки по сгибу левой.

— Отца посылаешь? — осведомился Лоет.

— Ой, — пискнула Тина.

Отец поманил к себе дочь, она послушно поплелась к дверям, где Лоет перехватил ее за шиворот, вытаскивая из деверей, и придал ускорение коленом.

— Папенька!

— Иди-иди, мартышка, — отцовское колено повторно врезалось в дочерний зад, и Тина поспешила к лошадям, которых держал Дин.

Альен приблизился к Бонгу, сидевшему с девицей Гольдардт на своей лошади, протянул руки и потребовал:

— Отдайте мне это.

— Рука, — возразил лекарь.

— Все еще на положенном ей месте, — сердито отмахнулся молодой человек.

Тина, уже собравшаяся сесть на коня, заметила, как Бонг помогает пленнице слезть с его лошади. Совершенно счастливая девица Гольдардт протянула руки, скользнув в объятия Альена.

— Ах ты ж хлыщ, — прошипела Тина. — Вот ты как? Ну хорошо-о-о...

— Что ты говорить? — спросил Дин.

Мадемуазель Лоет вскинула на него взгляд, оттолкнулась от земли, но тут же скользнула обратно, охнув и кривясь.

— Нога, — простонала она. Стон Тины оказался не менее фальшивым, чем обморок пленницы, но Дин поверил и поспешил на помощь.

Альен подсадил госпожу Гольдардт и обернулся на вскрик мадемуазель Лоет. Глаза его сузились, когда он смотрел, как принц бережно обнимает Тину за плечи, о чем-то негромко спрашивая. Затем присел, потрогал ногу и помог забраться в седло. В свете разгорающегося пожара глаза Тины и Альена встретились. «Съел?» — спрашивал взгляд мадемуазель Лоет. Литин отвернулся, забрался в седло, прижимая к себе бывшую пленницу; девушка обняла его за шею, устраиваясь удобней и с опаской глядя на Хона, вновь спрятавшегося в черных волосах молодого человека.

— Как же вы все меня бесите! — гаркнул Лоет, наблюдавший за происходящим. — Мартышка, ко мне! Живчик, к Бонгу. Альен, не увлекаться. К дьяволу, здесь только три разумных взрослых мужика: я, колдун и Хон. Вперед!

Всадники поскакали прочь от горящего дома, уничтожавшего в огне тела шестерых разбойников. За всю дорогу никто не проронил ни слова, кроме спасенной девицы. Она время от времени что-то говорила Альену, кокетливо поглядывая на него. Молодой человек вежливо улыбался, но не понимал ни слова, да и не хотел понимать, бросая украдкой взгляды на Тину, скакавшую рядом с папенькой. Мадемуазель Лоет, пару раз обернувшись в сторону Литина, услышала тихий отцовский рык и больше головой не вертела.

Остановились всадники только возле полицейского департамента. Их ждали. Лошадей забрали, намеревались забрать еще и Тину с Дином, однако кулак Лоета, сунутый под нос ближайшему стражу порядка, вкуче с госпожой Гольдардт, отодранной от Альена и горестно рыдавшей по этому поводу, успокоили кровожадность мстительных полицейских. Пропажу забрали, Тину и Дина оставили в покое, и дверь департамента снова закрылась.

До порта брели уже неспешно, храня прежнее молчание. Только Дин решил его нарушить. Однако Бонг ответил отрывисто, переходя на родной язык. Принц, выслушав его, высокомерно задрал нос, величаво ответил, но получил совсем непочтительную затрещину и сник. Тина испытывать судьбу не стала.

На «Счастливице» Лоет втолкнул дочь в ее каюту, проследил, как принц заходит в свою, и коротко объявил:

— Арестованы до выхода в море.

Бонг и Альен согласились с таким решением. Трое мужчин обменялись усталыми взглядами и разошлись: Лоет — к себе, Бонг увел Альена, чтобы заняться его рукой, после чего ушел к принцу. А ночью

принц выскользнул из своей каюты, постучался в дверь каюты Тины и, заглянув, счастливо просиял и выпалил:

— Чистить разум!

— Чего? — не поняла девушка.

— Не мыть мозг, чистить разум, — пояснил принц.

— К дьяволу твой разум и мой мозг заодно, — буркнула девица, падая обратно на подушку.

Глава 27

— Где она?

— Там.

Вэйлр проследил за указующим перстом своего рулевого и сокрушенно покачал головой.

— Мартышкой была, мартышкой останется, — вздохнул отец, глядя, как дочь карабкается по снастям вслед за матросами.

— Она молодец, — улыбнулся рулевой. — Высоты не боится, ловкая. Была бы парнем...

— Вот! — палец Лоет поднялся вверх. — Была бы парнем, я бы изошел на гордость. А сейчас мое старое больное сердце разбито вдребезги неугомонным сокровищем.

— Да бросьте, капитан, — рядом встал господин Ардо. — Дайте ей хлебнуть то, чего девчонка хочет, она сама угомонится.

— Это точно, — Даэль задрал голову и смотрел на мадемуазель Лоет, уже добравшуюся до парусов. — Запретное всегда слаще. Дайте ей волю, хотя бы пока мы в море. Хочет быть матросом — пусть будет.

— Ага, — Лоет осмотрел по очереди всех трех защитников. — А если ей понравится? Аппетит, говорят, во время еды приходит. Вам с девчонки поумиляться, а у меня за нее сердце болит. Море — не место для женщины. И мне вовсе не хочется, чтобы однажды она вернулась к родным берегам такой же, как я, — он указал на свой шрам, затем гулко сглотнул и закончил севшим голосом: — Или вообще не вернулась.

Ардо скрестил на груди руки, задрал голову, прищуриваясь от яркого солнца.

— Так выдайте ее замуж.

Здоровый глаз Вэя расширился от возмущения. Он издал невнятное восклицание и покрутил пальцем у виска.

— Вот это — замуж? — спросил капитан. — Не отдам. Рано.

Даэль хохотнул и повернулся к Лоету.

— Со всем моим уважением, Вэй, но девица по законам Маранты считается вошедшей в брачную пору с шестнадцати лет. Девятнадцать — это возраст, когда девушки официально признаются взрослыми. Сейчас самое время озаботиться супругом для мадемуазель Лоет. Или через год она поднимет паруса и снимется с якоря, уже не спрашивая вашего разрешения. Прикуйте ее к берегу брачными узами, дети заставят ее

повзрослеть.

— Какие дети, Даэль?! — воскликнул Лоет. — У нее в голове ветер свищет! Она от мужа быстрее даст стрекача, чем из отчего дома.

— Ну, кое-кто способен обуздать этот ветер, — усмехнулся Ардо, глядя на Альена Литина, так же следившего с палубы за девушкой, приложив к глазам козырьком руку.

Лоет проследил за взглядом своего старшего помощника, усмехнулся, качая головой, но тут же нахмурился.

— Мальчишка непробиваемый, и моя мартышка млеет, как только он ей улыбнется. Это бесит. Однако я не могу не признать, что ее прыть утихает, когда он рядом. Но... Дьявол вас всех дерит, парни, он же Литин! — последнее капитан произнес слишком громко, и Альен повернулся в сторону разговаривающих мужчин, услышав свою фамилию. Вэй хмыкнул, глядя на него. — И все же кое в чем вы правы. Нужно загрузить Тину, чтобы ей некогда было страдать дурью. Я дам ей то, чего она так хочет. Альен!

Капитан сбежал на палубу, провожаемый взглядами старшего помощника, боцмана и рулевого. Он подошел к Литину, снова бросил взгляд на дочь и оперся рукой на перила борта.

— Мы второй день в море, а вы, господин Литин, пока так и не занялись со своей ученицей. Думаю, больше нет смысла затягивать. Мы с тобой обсудим, что тебе стоит ей дать из своей школы, а что — из моих уроков. Будете заниматься ежедневно; ротозеев уберу, чтобы не лезли со своими шуточками и подначками. Никаких послаблений, чтобы драл с нее три шкуры.

Альен внимательно выслушал, не спуская глаз с капитана. На губах его появилась улыбка.

— Что переменяло ваши намерения, Вэйлр? Еще вчера вы просили меня не спешить.

— Загрузим это вертлявое создание так, чтобы на дурь не осталось времени, — усмехнулся Лоет. — С сегодняшнего дня в моей команде новый матрос. — Он сделал шаг в сторону, но снова обернулся. — Говоришь, любит географию и астрономию? Загрузим и разум также.

Альен смотрел вслед удаляющемуся капитану, но оторвался от борта и догнал его.

— Вэйлр, не разожжем ли мы огонь еще больше? — с сомнением спросил молодой человек.

Лоет усмехнулся, и глаза его блеснули бесшабашным весельем:

— Тина — бочка с порохом, к которой тянется горящий шнур под

проливным дождем. Или порох все-таки рванет, или ливень затушит запал. Не угадаешь. Но попробовать стоит.

— Возможно, вы правы, — задумчиво ответил Альян. — Только она еще бесится после явления на причале пигалицы Гольдарт.

— Тебя это останавливает? — насмешливо изломил бровь Вэй.

— Нисколько, — ответил Альян, широко улыбнувшись.

— На abordаж, сынок, — хохотнул Лоет, хлопнув молодого человека по плечу.

Литин усмехнулся и вернулся на прежнее место, снова подняв взгляд на мадемуазель Лоет, продолжавшую убирать с матросами лишние паруса. Он представил, что ожидает нового члена команды «Счастливица», и сочувственно покачал головой. Судя по требованию капитана не щадить ученицу, мягким быть с ней он тоже не собирался. Впрочем, Тина проглотит папенькину брань и затрещины, раз он подпустил ее близко к тому, что девушке так хотелось делать.

Оторвавшись от созерцания своей сердечной слабости, тягу к которой Альян никак не мог объяснить, молодой человек отвернулся и оперся о перила, устремив взгляд на морские волны. Подумать только, сколько женственных и нежных красавиц его окружало, так и не затронув потайных струн мужской души. А девица, столь далекая от образа прелестницы, чья речь изобиловала грубой бранью, въедалась в кровь все сильнее. Сколько раз он пытался доказать сам себе, что Адамантина Лоет не та девушка, которая может составить счастье такого мужчины, как он, Альян Литин? Нет, молодой человек ни в коей мере не умалял достоинства Тины, просто признавал, что они слишком далеки друг от друга, с какой стороны ни взгляни. Слишком разные, слишком непохожие, слишком...

Она порывистая — он рассудительный. Она живет одним мгновением — он с уверенностью смотрит в будущее. Порой Альяну казалось, что они с Тиной — как ребенок и воздушный шарик на ниточке. Тина — шарик, рвущийся в небо, а он, Альян, — тот мальчик, что не даст шарику сорваться и умчаться в небеса, чтобы там лопнуть и исчезнуть. Он был для нее слишком уравновешен и обстоятелен, она для него — слишком непредсказуема. И все же... И все же сердце не слушало разум, и взгляд пронзительных синих глаз снова и снова искал тонкую фигурку Тины, чтобы украдкой следить за ней и находить новые необъяснимые прелести в девушке, так непохожей на всех, кого молодой мужчина знал раньше.

Альян устремил взгляд за горизонт, и на его лице появилась мечтательная улыбка. Молодой человек вспомнил, как за день до отплытия из Алгардта на причале остановилась коляска — богатый экипаж,

запряженный белоснежной четверкой. Альян как раз стоял на палубе, прислушиваясь к заунывному: «Папенька, ну хоть одним глазочком, ну хоть один глоточек воздуха, ну пожа-а-алуйста», — и улыбался, представляя лицо Тины Лует, живое в своей мимике, выразительное и хорошенькое настолько, что смотреть на него можно было долго, не отрываясь и не опасаясь пресытиться.

— Дитя мое, — последовал ответ капитана, — я до сих пор тебя не выпорол, оцени, какая выдержка. А уж если я держусь, то и тебе стыдно быть размазней. В конце концов, ты моя дочь. Завтра выйдем в море, там и надышишься.

— Как вы жестоки, папенька, — с непередаваемым трагизмом в голосе воскликнула девица, не обремененная совестью. — Ну хоть на мину-у-точку...

Дальше прислушиваться Альян не смог, потому что невысокий коренастый мужчина, приблизившийся к сходням, спросил на балорском языке:

— Могу ли я видеть капитана? Скажите, что господин Гольдардт желает поблагодарить его за спасение дочери.

— Одно мгновение, — ответил Альян.

— Господин Литин, я доложу, — вахтенный хотел отправиться к капитану, но молодой человек удержал его, желая воспользоваться возможностью увидеться с Тиной.

— Я сам, — сказал Альян и хотел уже отойти со своего места, как из коляски вышла девушка и поспешила к брига, указывая на молодого человека и что-то восклицая.

— Остановитесь! — тут же окрикнул его господин Гольдардт. — Вы тот, кто освободил мою дочь?

— Один из тех, кто освободил, — уточнил Альян.

Ему было неловко. Сказать по правде, мадемуазель Гольдардт интересовала молодого человека в тот день в последнюю очередь, потому что принимать благодарность не хотелось. Но мэр Алгардта не желал отпустить Литина, прося спуститься на берег. Матрос уже убежал за капитаном, пока Альян пытался отговориться скорым возвращением. Все это время с берега его пожирала взглядом спасенная девица.

Спустился на берег Альян только вслед за капитаном, хранившим на лице следы своего разговора с дочерью — гримасу раздражения. Он мрачно оглядел мэра, его дочь, затем Литина, прячущего ироничную улыбку, и сошел по сходням.

— Добрый день, господин капитан, — господин Гольдардт склонил

голову. — Я хотел выразить вам свою благодарность за спасение моей дочери. Это был отважный поступок...

— Бывали и отважней, — проворчал Лоет себе под нос.

— Что, простите? — недоуменно переспросил мэр Алгардта.

— Говорю, не стоит благодарности, — наконец натянул на лицо вежливую улыбку капитан «Счастливого». — У вас все? Мы готовимся к отплытию.

— К отплытию? — изумился Гольдардт. — Уже?! Но мы хотели пригласить вас завтра на обед.

Взгляд мэра метнулся к Альену, что не осталось незамеченным ни криво ухмыльнувшимся Лоетом, ни юной госпожой Гольдардт. Она встревоженно посмотрела на отца и о чем-то осведомилась у него. Услышав ответ, девица округлила глаза и... «лишилась чувств», удачно упав на руки предмету своей страсти. И надо было такому случиться, что Тина решилась послушаться папеньку именно в это мгновение. Она, поджав губы и сузив глаза, наблюдала, как Альен, вынужденный принять участие в спектакле бывшей пленницы, несет ее в коляску. А затем случилось то, от чего личико мадемуазель Лоет пошло красными пятнами. Литин как раз донес спасенную девушку до коляски и укладывал ее на сиденье. Девица Гольдардт, воспользовавшись тем, что молодой человек скрыл ее своим телом, обхватила его шею руками и поцеловала. Тина видела, как ладонь спасенной девушки легла на затылок Альену, как склонилась его голова ниже. И пусть он тут же отпрянул, снимая со своей шеи руки влюбленной девицы, но богатое воображение другой девицы уже успело нарисовать картину обоюдно желанного поцелуя.

— Альен Литин! — ее голос разнесся по причалу громом небесным, заставив вздрогнуть даже родного отца от неожиданности. — Ты мерзавец без стыда и совести! С этой минуты не смей приближаться ко мне, или я тебе разобью в кровь твою бесчестную смазливую физиономию!

— Адамантина Лоет! — ответным рокотом прогремел голос Вэя. — Кто дал тебе позволение выходить на палубу? Убирайся в свою камеру, тьфу, каюту! И если до отхода я увижу твой наглый нос вне ее пределов, твой зад превратится в лоскуты!

— И вот за каким дьяволом тебя сюда принесло? — с обреченным вздохом спросил Альен у кокетливо поглядывающей на него девицы Гольдардт.

Он оставил девушку в коляске и приблизился к ее отцу и капитану.

— Но, может, вы примете приглашение на сегодняшний ужин? — спросил мэр.

— Прошу прощения, — склонил голову Альян. — Но я не могу принять вашего приглашения, мне нужно помириться с невестой.

— С невестой? — переспросил господин Гольдардт.

— Какая еще невеста? — шипящим шепотом спросил Лоят.

— Странный вопрос, Вэйлр. Вы ее знаете лучше, чем кто-либо другой, — усмехнулся молодой человек и, поклонившись на прощанье, поспешил на борт.

— Не понял, — пробормотал капитан, а через мгновение в спину Альяну несся его закономерный рев: — Литин!

Досадное происшествие рассердило молодого человека. На следующий день после похищения и спасения девицы Гольдардт Тина, осознав, что грубость Альяна была вызвана вовсе не тем, что он злился на нее, а его тревогой и переживаниями, через Самеля затащила Литина в свою каюту. Великан повернулся к ним спиной и заткнул уши по просьбе девушки, потому что остаться совсем наедине с молодым мужчиной мадемуазель не решилась после той выволочки, которую ей устроил папенька.

— Я вела себя глупо, — сказала Тина.

— Не могу не согласиться, — сухо ответил Альян.

— Ты все еще злишься на меня? — девушка заглянула в глаза молодому человеку, и он не смог солгать.

— Нет, — покачал головой Альян.

Тина вздохнула, нервно подергала носовой платок, который вертела в пальцах, и снова подняла взгляд на молодого человека.

— А я еще злюсь, — сказала она со вздохом. — Как вспомню, что ты эту курицу таскал...

Альян поперхнулся и возмущенно взглянул на мадемуазель Лоят, опустившую голову, но бросившую на него пытливые взгляды.

— А что мне с ней было делать, когда она на ногах от страха не держалась? — спросил молодой человек. — Да ее все на руках перетаскали, почему я один виноват остался?

— Дин не таскал, — проворчала Тина.

— Зато ты Дина за собой таскала, — немного сварливо ответил Альян.

— А что мне было делать?! — воскликнула девушка, и Самель тут же приложил к губам палец, призывая говорить тише. — Ты бы не согласился.

— А ты пробовала у меня спросить? Ты даже не пыталась...

— Дин, в отличие от тебя, согласился сразу и не пытался читать мне нотаций и взывать к моему разуму, — шипящим шепотом чеканила мадемуазель Лоят.

— И к чему это привело? — Литин навис над ней. — Его связали и готовились продать, а тебя... К дьяволу!

Он отвернулся, стараясь справиться со своими чувствами. Тина шлепнула ладонью по лбу, мысленно обозвав себя ослицей. После едва слышно всхлипнула, глядя на Альена. Она сделала несмелый шаг к нему, протянула руки, но замерла на мгновение, не решаясь прикоснуться, и все-таки положила ладони ему на спину, прижалась щекой и прикрыла глаза, тихо вздохнув. Молодой человек замер от неожиданности. Он почти не дышал, боясь спугнуть это мгновение, когда Тина осмелела настолько, что проявила свои чувства не через ревность и обвинения, а прикосновение.

Он осторожно развернулся, поймал ее ладони, поцеловал сначала одну, затем вторую и положил их себе на плечи. После одной рукой обнял девушку за талию, вторую положил на затылок и склонился к ее лицу. Глаза Тины были широко раскрыты, взгляд таил испуг, робость, надежду, ожидание... Ее губы приоткрылись навстречу Альену, и теплое дыхание коснулось его кожи, настолько близко он сейчас был к ней.

— Бессовестная девчонка, — прошептал молодой человек. — Как же сильно ты вчера меня напугала.

— Прости, — едва слышно ответила Тина и отчаянно зажмурилась, пряча свой стыд и раскаяние.

И Альен преодолел то малое расстояние, что еще разделяло их, поймав губы девушки в упоительно нежный поцелуй. А через мгновение объятия стали сильнее, пальцы молодого человека зарылись в волосы девушки, сжимая их в несильном захвате, — впервые Тина отвечала на поцелуй. И пусть выходило еще неловко, но эта попытка наполнила душу Альена теплом и радостью. Неизвестно, сколько бы они могли так простоять, но оторвал их друг от друга всхлип Самеля. Великан смотрел на них и утирал слезы умиления.

— Это так... так трогательно, — снова всхлипнул кок.

А потом послышались шаги, и молодые люди едва успели отпрянуть друг от друга, потому что в каюту вошел суровый отец, оглядел смущенную дочь, хлюпающего кока и сияющие глаза Альена.

— Мясник, урою, — пообещал капитан. — Литин — за мной, пора позаниматься.

С того дня они мало виделись и еще меньше могли разговаривать, потому что к Тине зайти было невозможно, а при свидетелях молодые люди делали вид, что между ними ничего не происходит. Оставалось дожидаться выхода в море, чтобы арестантку выпустили на свободу. И надо же было случиться этому недоразумению со спасенной девицей всего лишь за день

до того, как «Счастливец» должен был покинуть Алгардт.

Выйдя на свободу на следующий день, Тина снова избегала разговоров с Альеном, упорно держась рядом с Дином, намеренно громко смеясь его шуткам. Сознала ли юная мадемуазель, что делает, или действовала интуитивно, но Литину становилось все сложнее сдерживаться. Порой хотелось подойти и встряхнуть Тину, крикнув ей: «Я ни в чем не виноват!»

С Дином Альен разговаривал в первый день после выхода в море немного, на второй почувствовал, что вид принца его раздражает, особенно когда рядом с ним стоит мадемуазель Лует. И пусть молодой человек понимал, что Тина просто злит его, но ревность от этого была не меньше. Потому словам Луета он обрадовался вдвойне сильнее. Во-первых, теперь злопамятной особе придется остаться с ним наедине и выслушать. Во-вторых, времени на общение с Дином у нее останется совсем мало, а в-третьих, они наконец смогут снова сблизиться.

Улыбнувшись своим мыслям, Ален скользнул взглядом по горизонту и заметил паруса.

— Там какой-то корабль, — крикнул он, оборачиваясь.

— Далеко еще, толком не видно, — ответил Вэйлр, подойдя к нему и глядя в подзорную трубу. — Следить за ним, — велел он одному из матросов и ушел с палубы.

Альен поднял голову, разыскивая взглядом Тину, но она уже слезла вниз и теперь весело улыбалась Дину. Литин закатил глаза, тряхнул волосами и направился к парочке, предвкушая скорый разговор. Он пристроился рядом с Тиной, встав спиной к борту и опершись локтями о резные перила.

— Добрый день, — поздоровался воспитанный молодой человек.

— Альен, — приветливо улыбнулся Дин, — добрый день.

Мадемуазель Лует повернула голову, скользнула ленивым взглядом по Альену и уже намеревалась отвернуться, но он жизнерадостно улыбнулся и продолжил беседу:

— Сегодня необычайно приятная погода, вы не находите?

— О, да, очень хорошо, — ответил принц, и Литин пожелал ему провалиться. Ответа он добивался от другой особы.

— А как вы находите нынче погоду, любезная мадемуазель Лует? — с живейшим любопытством поинтересовался молодой человек.

— Потею, как лошадь, — буркнула Тина.

— Вы очаровательны в своей искренности, — хмыкнул Альен, и девушка густо покраснела.

Она повернулась к молодому человеку, прищурив один глаз:

— Дорогой господин Литин, а не пойти ли вам?

— Куда? — заинтересовался Альян.

— Дин, заткни уши, — мило улыбаясь, попросила мадемуазель Лоет. — Мне нужно объяснить господину Литину, с какой стороны лучше подойти к заднице дьявола.

— Вы так хорошо знаете это направление, мадемуазель Лоет? — приподнял брови в насмешливом изумлении господин Литин. — Приходилось часто прохаживаться по нему? Очень любопытно услышать историю этого вашего приключения.

Тина испепелила взглядом наглеца, не желавшего сдаваться. Сжала кулаки, и из груди ее вырвалось тихое рычание.

— Знаешь что!.. — воскликнула она.

— Знаю, — важно кивнул Альян и снова широко улыбнулся. — Завтра у нас урок фехтования.

— Что? — мадемуазель Лоет осеклась на полуслове, так и не сказав, что собиралась.

— Твой отец наконец решил не препятствовать, — молодой человек склонил голову к плечу, с добродушной усмешкой наблюдая, как гнев в карих глазах исчезает, уступая место восторженному сиянию. — А еще ты теперь матрос в команде «Счастливчика». А еще... — Альян выдержал эффектную паузу, дождался, когда Тина начнет нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, не сводя с него выжидающего взгляда.

— Ну! — воскликнула она.

— Капитан займется с тобой навигацией и прочими морскими премудростями, — закончил Альян, и Тина со счастливым визгом кинулась ему на шею под хохот молодого человека.

Капитан Лоет, стоявший на мостике и наблюдавший за ними, махнул рукой и усмехнулся.

— Вот и вся гордость, — сказал он старшему помощнику. — Всего несколько слов — и она уже заходится в щенячем восторге. А Литин — негодяй, все ей выложил, ничего родному папеньке не оставил.

— В любви, как на войне... — начал господин Ардо.

— Я им покажу любовь, — раздраженно оборвал его Лоет, но большего сказать не успел, потому что Тина оторвалась от Альяна и уже мчалась к нему.

Девушка взлетела на мостик, прыгнула на отца, обхватывая его ногами и руками и звонко целуя в щеки под ухмылки команды и смех Литина. Вэй на мгновение прижал к себе дочь, затем отодрал ее от себя и проворчал:

— Ну, хватит, хватит. Даже не мечтай, что тебе будет весело, —

требовать буду, как с остальных.

— Хорошо, папенька, — жарко кивнула Тина и умчалась с мостика, спеша рассказать Самелю о решении отца.

Лоет проводил ее взглядом и покачал головой, пряча улыбку.

— Ну и кто она, если не мартышка? — спросил мужчина и поднес к глазу подозрную трубу, отыскивая паруса.

Корабль был теперь ближе.

— Неплохая скорость, — отметил Вэйлр. — Это шхуна, флаг Маранты... Э-э-э... Господин Ардо, скажите канонирам быть наготове; что-то мне все это не нравится.

Старший помощник отправился выполнять поручение, а капитан крикнул команде:

— По местам! У нас гости.

— Может, не по нашу душу? — спросил рулевой. — Море большое, у Маранты кораблей много?

Вэй вновь поднес подозрную трубу к глазу, посмотрел и усмехнулся:

— Но не все они носят название «Алиани».

На «Счастливице» не прибавилось парусов, капитан Лоет не пытался уйти от нагонявшей его шхуны, но и не собирался подпускать ее близко. Не нужно было быть ясновидящим, чтобы понять, что «Алиани» разыскивает бывший пиратский бриг, и Вэйлр хотел знать точно, что погнало за ними корабль, укрывшийся под защитой тарванских сторожевиков. Капитан предпочитал выяснить как можно больше перед тем, как принять решение, если оно не требовало спешности, конечно.

«Алиани» приблизилась почти на пушечный выстрел, и канониры дали предупредительный залп, не позволяя подойти ближе.

— Мы не собираемся нападать на вас! — прокричал капитан Верта, появляясь в поле зрения.

— За каким дьяволом вы тащитесь за нами? — спросил Лоет. — Вопрос-ответ и никаких расшаркиваний.

Рядом с ним встал Альен Литин и напряженно всматривался в людей на борту шхуны.

— Мы хотим получить свою долю из сокровищ Беса, — ответил Верта.

— Как интересно, — пробормотал Вэй. — С чего вы взяли, что мы пойдем к острову?

— Маранта в другой стороне, господин Лоет, — капитан «Алиани» немного расслабился. — Я могу подойти к вашему бригу на шлюпке?

Лоет повернул голову к Альену, заметил, что тот хмурится, и кивнул

на шхуну:

— Что смущает?

— Рени, — коротко ответил молодой человек, затем опомнился и пояснил: — Мой слуга. Он остался на «Алиани», сейчас я его не вижу. Он служит моей семье десять лет, и я достаточно хорошо его знаю, чтобы уверенно заявить, что он сейчас должен стоять у борта, махать руками и взывать к моей жалости и совести. Но, как видите, кроме капитана, никто не спешит заговорить с нами.

— Хм-м, — промычал Лоет. — Очень любопытно. — Он снова внимательно осмотрел «Алиани», затем негромко спросил: — Новые лица видишь?

— Нет, только команду шхуны... хотя Тина должна была их запомнить лучше, она облазила весь корабль и успела со всеми перезнакомиться. — Альен обернулся, отыскивая взглядом мадемуазель Лоет, которую удерживал за плечи кок.

Вэйлр кивнул своим мыслям и махнул рукой:

— Жду вас. На веслах не больше двух человек, иначе не подпущу.

— Я вас понял, — ответил Верта и обернулся к своим людям, приказывая спустить шлюпку на воду.

— Очень любопытно, — пробормотал себе под нос Лоет. — И очень подозрительно.

— Тогда почему вы согласились на переговоры? — спросил Альен.

— Хочу послушать его и сделать выводы, а не мотаться по морю, гадая и додумывая, — ответил Вэйлр и неожиданно щелкнул Литина по носу. — Нужно быть дальновидней, сынок.

— Учту, отец, — важно кивнул Альен и со смешком увернулся из-под карающей длани «папеньки», уже взметнувшейся к его затылку.

— Родственничек, — фыркнул Лоет, наблюдая за шхуной.

— Зять — тоже родственник, — невозмутимо ответил Литин, также наблюдая за суетой на «Алиани».

— Об этом расскажешь своему тестю, — усмехнулся капитан «Счастливого» и отправился встречать капитана «Алиани».

— Хорошо, поговорим позже, — пожал плечами Альен, последовав за Лоетом.

С борта брига скинули веревочную лестницу, но подняться Лоет разрешил только Верта и одному из двух матросов, сидевших на веслах. Он указал второму капитану следовать за ним, бросив Ардо как бы между прочим:

— Пушки не зачехлять.

— Мы не хотим нападать на вас, — поспешил уверить его капитан Верта.

— Да, но я еще не решил до конца, что не хочу нападать на вас, — насмешливо произнес Вэй.

— Добрый день, господин Верта, — вклинился в беседу двух капитанов Альян Литин.

Верта приветливо улыбнулся молодому человеку:

— Господин Литин! Как же я рад видеть вас в добром здравии! — воскликнул он, несильно сжав плечи Альяна. — А где же ваш Сверчок... ох, простите, мадемуазель Лоет, — поправился мужчина, скользнув взглядом по палубе, но Самель уже утащил Тину, повинувшись знаку своего капитана.

— Моя дочь в добром здравии, — сухо ответил вместо Литина Вэйлр. — У вас к ней какое-то дело?

Верта поднял руки, показывая, что к юной мадемуазель у него дел нет. Альян не отставал от них. Впрочем, Лоет и не думал его оставлять в стороне от переговоров. Более того, проходя мимо каюты Бонга, он постучал костяшками пальцев в дверь и направился к себе, не дожидаясь ответа. Лекарь вошел почти сразу после того, как за тремя мужчинами закрылась дверь. Хон, сидевший у него на плече, тут же поспешил вниз, дополз до Альяна, подставившего ему ладонь, и угомонился, как только кончики пальцев молодого человека прошли по его мохнатой спинке.

— Совсем от рук отбился, — сокрушенно вздохнул Бонг.

— Литин — центр мира, — фыркнул Лоет. — Пауки и мартышки виснут на нем гроздьями.

— В моем сердце найдется место и для вас, Вэйлр, — усмехнулся Альян и вскинул руки в примирительном жесте. — Не стоит лишних слов, капитан. Я и так уже ваш и помню об этом.

— Э-э-э, — подал голос Верта, переводя изумленный взор с одного мужчины на другого. — Вы не могли бы...

— Взять и вас в нашу тесную компанию? — раздраженно спросил Лоет. — Вас тоже тянет к этому столпу наглости и коварства?

— К какому столпу?! — воскликнул Верта, начиная терять терпение.

— На котором висят мартышки, пауки... — невозмутимо произнес Бонг.

— И капитаны, — деловито закончил Альян.

— Дьявол вас дерит, господа! — воскликнул капитан «Алиани». — Я думал, мы поговорим о деле, а вы изволите словесные дуэли устраивать.

Лоет и Литин переглянулись. Бонг обменивался взглядами только с

Хоном, но паук оставался глух к его призывам. Наконец лекарь отвлекся от созерцания мохнатого предателя и перевел взгляд на Верта. Мужчина заметно занервничал, отвел глаза и потер руки.

— Мне нужен Рени, — произнес Альян без всякого ехидства и иронии.

Трое мужчин не сводили взгляда с капитана «Алиани», и то, как он вздрогнул от неожиданности, не укрылось от них. Верта замялся, затем огляделся и попытался невозмутимо спросить:

— А где мой матрос?

— На палубе, мои мальчики развлекут его, — ответил Лоят, поблескивая здоровым глазом.

— Где Рени? — в голосе Литина отчетливо прозвучала металлическая нотка.

— Его нет на борту, — наконец ответил Верта. — Он сошел в Тарване.

— Он жив? — теперь к металлу прибавился гнев.

— Конечно! — возмущенно воскликнул капитан «Алиани», и Бонг едва заметно кивнул, подтверждая слова мужчины.

— Вы его насильно ссадили со шхуны, — уверенно произнес Альян. — И не уверяйте меня, что он сам этого захотел. Рени слишком труслив, чтобы решиться остаться одному в чужом государстве или отправиться с другим кораблем назад в Маранту, чтобы предстать перед моими родителями с известием о моем исчезновении. И он слишком щепетилен в отношении своих обязанностей, чтобы не использовать возможность найти меня. Почему вы его бросили в Тарване?

Верта вытер пот, вдруг выступивший на лбу. Капитан откашлялся, оттягивая мгновение ответа, но тут же просиял, ответив уже спокойно:

— Он не пожелал отправиться в опасное путешествие и отбыл по тому адресу, где живет господин, к которому вы ходили с визитом.

Альян ничего не ответил, но веры в его глазах не прибавилось. В каюте воцарилось молчание, действовавшее на нервы господину Верта. Он поерзал на стуле, снова откашлялся и перевел взгляд на Хона, застывшего эполетом на плече молодого человека. Лоят, сидевший до этого расслабленно, поднялся на ноги, прошелся по каюте и остановился перед капитаном шхуны, скрестив на груди руки. С минуту он нависал над мужчиной скалой, подавляя того своим ростом и изучающим взглядом, от чего Верта совсем сник и съежился на стуле, не зная, куда девать руки.

— Ржавый — на борту «Алиани»? — спросил Вэйлр.

— К-кто? — заикаясь переспросил капитан шхуны. — Не понимаю...

— Я тебе сердце вырву, — не повышая тона, пообещал Лоят, и Верта гулко сглотнул. — Все рассказывай.

— Мне нечего...

Мужчина даже не успел понять, почему он уже не сидит, а висит над полом, едва касаясь его носками сапог. Лоят, державший Верта за грудки, встряхнул его и, чеканя каждое слово, повторил:

— Рассказывай все. Сам!

Из горла капитана «Алиани» вырвался звук, больше похожий на скулеж. Верта кусал губы, но так и не проронил ни слова. Зато заговорил Бонг.

— Он боится за семью... за две семьи, — произнес колдун. Три пары глаз тут же обратились на него. — Ему обещали вырезать всех до единого и принести их сердца, если он выдаст рыжего мужчину и то, о чем они договорились.

— Откуда... — потрясенно начал капитан «Алиани», но не договорил и бессильно упал, отпущенный Лоетом, обратно на стул. Плечи его сгорбились, и мужчина обреченно махнул рукой. — На борту его нет, — заговорил Верта. — Есть его ближайший помощник. Ржавый ему доверяет больше всех... может, только ему. Это он остался на палубе «Счастливого». У меня треть команды с «Красной зарей», а мои — у Ржавого, как заложники. Если я не приведу вас в назначенное место, он всех убьет. А когда мы встретимся, «Алиани» должна атаковать ваш бриг вместе с «Зарей». Ему нужна карта...

— И не нужны вы, — холодно заметил Лоет, возвращаясь на свое место. — Будьте уверены, «Алиани» пойдет ко дну, как только вы выполните свою часть грязной работы. Не удивлюсь, если ваши матросы уже мертвы.

Верта вскинул голову и испуганно посмотрел на Вэя.

— Вы думаете...

— Предполагаю, — отмахнулся Лоет. Он помолчал немного, раздумывая над известиями. Затем сплел пальцы и уложил руки на стол. — Хотите вернуть себе корабль и выбраться из этой заварушки живым, сохранив хотя бы ту часть команды, которая у вас есть?

— Хочу, — невесело усмехнулся Верта.

— Тогда поступим так... — Капитан «Счастливого» откинулся на спинку стула, вытянул ноги и скрестил на груди руки. Трое мужчин устремили на него внимательные взгляды...

Глава 28

Очередной погожий денек на море казался Тине настоящим чудом. Сегодня у нее было столько дел, что глаза разбегались, хотелось заняться всем и сразу. Она спешно привела себя в порядок и помчалась на палубу. Смешно сморщив нос и прикрыв один глаз от слепящего света, Тина огляделась, решая, что сделать в первую очередь. Мадемуазель Лоет посмотрела налево — папенька, посмотрела направо — господин Даэль. Немного подумав, между капитаном и боцманом она выбрала капитана. Девушка приблизилась к нему и вытянулась по струнке, зычно доложившись:

— Мой капитан, я готова приступить к своим обязанностям.

Лоет смерил дочь насмешливым взглядом, затем заложил руки за спину и грозно свел брови:

— Что, Сопляк, спитесь сладко? Рожу хоть утюгом гладь, до сих пор мятая. Порядок на корабле для всех един. Будешь отлеживать бока — выкину за борт, мне ленивое барахло без надобности.

— Папень...

— Папенька остался на берегу, — отчеканил Лоет. — Будешь распускать сопли — напялю юбку и навяжу банты... дамочка.

— Я не дамочка! — обиженно воскликнула Тина.

— Тогда утри слюни и вали к боцману, — не глядя на нее, закончил Вэй и окончательно потерял к ее персоне всякий интерес.

— Да, капитан! — воскликнула мадемуазель Лоет, устремляясь к Даэлю.

Боцман стоял на носу, широко расставив ноги и заложив за спину руки. Нартан Даэль, рожденный в семье аристократов, как и его капитан, избрал когда-то стезю пиратства. Разобравшись в язвительном самодуре, каким капитан «Счастливчика» казался на первый взгляд, господин Даэль оценил благородство души бывшего графа и офицера. Нартан отказался от положения в общества, связей и дворянства, посчитав верную службу Лоету превыше клятв королю. Теперь же престарелый боцман, временами скучавший по прежней лихой жизни, наслаждался возможностью вернуться к своим обязанностям на борту полюбившегося корабля.

Старше всех на бригае, он словно помолодел за это плавание. В поблекших от возраста глазах сияли мудрость прожитых лет и задор, которому могла позавидовать молодежь.

— Что, сучьи дети, разжирели на берегу, зад перевешивает? А ну шевелись! Рябой, рыло начищу! — samozабвенно орал он на матросов.

— Господин Даэль, — позвала его Тина, дергая за рукав, потому что боцман на ее старательное сопение не обратил внимания.

Он резво обернулся.

— А-а-а, — почти издевательски протянул Даэль, — кто это у нас? Никак изволили от подушки оторваться, ваше величество. В следующий раз окачу из ведра, если не встанешь вместе со всеми. А ну живо на камбуз! Жрать и работать... Сопляк.

— А-а... — опешив, протянула Тина, глядя на спину боцмана, уже потерявшего к ней интерес. — Э-э-э...

Он тут же развернулся, приподнял брови, затем наклонился и проорал мадемуазель в ухо:

— Глухой, Сопляк?! Я сказал, иди жрать! — и, придав девице, вдруг официально ставшей юношей, ускорение коленом под зад, вернулся к прежнему занятию. — Рябой, у тебя хозяйство лишнее? Так я отрежу, если оно тебе мешает!

Повинуясь пинку, Тина отбежала в указанном направлении, обернулась и окинула быстрым взглядом матроса, носившего прозвище Рябой, который сейчас карабкался по снастям. Обиженно шмыгнув носом, девушка утерла его тыльной стороной ладони и поспешила к Самелю, надеясь получить у него пояснения происходящим переменам.

— Явился?! — грозно прорычал кок, оглушив Тину, но тут же добавил почти шепотом: — Проходи, деточка, я сейчас тебя накормлю. — И снова громко: — Садись жрать! Тощий, как цыпленок, брюхо уже к спине прилипло. В следующий раз будешь ходить голодным! — Шепотом: — Я тебя не сильно пугаю? Нам запрещено с тобой сюсюкать. — Трубным ревом: — Набивай брюхо и вали отсюда! — Шепотом: — Капитан сказал, раз девчонка хочет быть мужиком — пусть насладится своей мечтой в полной мере.

— Угу, — промычала Тина. — Понятно. А Альян? Он тоже так со мной будет разговаривать?

— Этот сам себе на уме, не знаю, — развел руками Самель, присаживаясь напротив и подпирая щеку кулаком. — Бедная девочка, о-ох.

— Выдержу, — деловито кивнула мадемуазель Лует, запихивая в рот блинчик. — Мы ефо пофотфим, угу...

— Ох, — снова вздохнул великан, протянул руку и погладил девушку по голове. — Худенькая, прозрачная, аж кости видно... Бедный ребенок.

— Я не ребенок, — проворчала Тина, спешно выхлебывая чай. И, уже

выбегая с камбуза, крикнула. — Я справлюсь, дядюшка!

— О-о-ох, — понеслось ей вслед.

Великан вышел на палубу, глядя на девушку, вытянувшуюся перед господином Даэлем, сокрушенно покачал головой, пробормотав:

— Не парень ведь — девица. Цветочек нежный.

— Угу. Чертополох, — буркнул Лоет, оказавшийся у него за спиной. — Репей на моем сидалище... А, — махнул капитан рукой на страдающего кока и удалился к себе в каюту, оставив Дочь на воспитание команде и бросив взгляд на «Алиани», которая послушно тащилась немного позади.

В каюте Вэя уже ждали. Бонг и Альен сидели за столом, вновь самочинно откупорив вино из капитанских запасов. Лоет, посверлив взглядом обоих, подошел к койке, прихватив по дороге бутылку со стола.

— А я смотрю, наглость-то меры не знает, — желчно произнес он, делая глоток из горла и закупоривая бутылку. — Кругом ворье.

— Прекрасное вино, мой друг, — посмаковав глоток, ответил невозмутимый Бонг.

— Изумительное, — деловито кивнул Альен.

— Этак вы вино сейчас стащили, а скоро и бриг мой к рукам приберете? — Лоет убрал вино в сундук и вернулся на койку, припечатав взглядом своих гостей. — Пираты.

Мужчины скромно промолчали, продолжая отпивать вино из стаканов, подчеркивая всем своим видом явное удовольствие. Вэй некоторое время следил за ними, наконец усмехнулся и вытянулся на койке, свесив одну ногу на пол.

— Когда закончите жрать мое пойло, сможем перейти к менее важным делам, — сказал он.

— Мы можем это делать, продолжая жрать, — заметил лекарь. — Доставай.

— Ага-а! — Лоет тут же сел и вытянул в его сторону палец. — Что, колдунишка, не терпится сунуть нос в заговоренное послание Беса? Зубы, небось, уже сводит, но как же признаться, что черти под задом огонь развели, нужно же мне нервы помотать!

— У вас нервов нет, — не глядя на него, произнес Альен.

— А еще у меня нет стыда и совести, чем и горжусь, — парировал Лоет.

— Вэй, дай карту! — воскликнул Бонг, отставив в сторону стакан. — Или мне тобой заняться?

— Вот только не надо лезть туда, где все прекрасно и без изъяна, — Вэйлр постучал себя пальцем по лбу. — В этом ларчике все как надо, и не

смей совать туда свой нос.

— Мой друг... — лекарь остановил на капитане многозначительный взгляд.

— Жжет, да, Бонг? Жжет, с-с-с, — зашипел, кривясь, Лоет, ерзая на койке. — Тлеют уже волосы на твоём хитромудром заде. Ещё немного, и хозяйство поджарится. Кстати, дикари Оджи не брезгуют данным блюдом...

— Вэйлр, в самом деле, — не без раздражения вклинился Литин.

Капитан потянул носом и поморщился.

— И от второго паленым потянуло. Что, сынок, тоже черти огонь разжигают, или мое вино боком вышло?

Бонг, не произнося ни слова, поднялся со своего места и демонстративно подтянул вверх рукава. Лоет вскинул руки, захохотав:

— Все-все! Я чувствую себя отомщенным, я удовлетворен! Держите этот проклятый кусок бумаги. — Вэй достал из-за пазухи футляр и бросил на стол. — Уверен, Биглоу в преисподней уже руки потирает, поджидая новых дураков, готовых сунуть головы в зад дьяволу. Вперед, мальчишки!

Удостоил его мрачного взгляда только Альен, обозначивший едва заметным кивком согласие с Лоетом. Бонг уже ни на кого не обращал внимания. Он открыл футляр и вытащил карту. Лекарь не в первый раз пытался разгадать, что написано на обратной стороне. Впрочем, если быть точней, он пытался проверить, действительно ли там что-то написано, или все это выдумки морских разбойников, порой чересчур суеверных для столь циничного отродья, коим многие являлись.

Альен Литин не мешал колдуну. Он уже давно махнул на карту рукой, отчаявшись что-либо найти на ней. Молодого человека больше занимало другое.

— Вэйлр, — позвал он капитана, нагнувшегося над плечом Бонга.

— Ты сопишь мне в ухо, — лекарь, не глядя, ухватил Вэя за подбородок, поднял его голову, вынуждая смотреть на Альена.

Лоет мотнул головой, освобождаясь от захвата, скривил гримасу, показывая, что думает о своем старом друге, и наконец уделил внимание Литину.

— Что? — спросил он.

Альен устроился поудобней, отодвинул стакан с остатками вина и снова посмотрел на Лоета.

— Что это за морские стражи? — спросил молодой человек. — В архиве мы с Тиной толком ничего не нашли.

— Выдумки, — отмахнулся Вэй. — Парни чего только не придумают,

чтобы почесать языками. — Лоет покосился на карту, но ладонь Бонга тут же недвусмысленно прижала ее к столу, и капитан проворчал: — Колдун, ты уже дымишься.

— Отстань, — отмахнулся господин Тин, вновь отключаясь от двух разговаривающих мужчин.

Вэй погримасничал над его затылком, после взял лист бумаги, грифель и поманил за собой Альена. Молодой человек послушно поднялся на ноги. Но в это мгновение «Счастличик» встретил волну побольше. Альена качнуло, он не удержался и снова упал на стул, задев стакан с вином и разлив его. Бордовая лужа потекла на карту.

— Дьявол! — воскликнул Лоет.

Бонг пробормотал что-то нелицеприятное на своем языке и, подхватив карту, поспешил к дверям, вынося ее на воздух. Литин виновато смотрел вслед колдуну, затем перевел взгляд на капитана и потупился, чувствуя себя чрезвычайно глупо. Вэйлр уже готовился съязвить, уколов «безупречного» Альена, однако дверь открылась снова, и в каюту вошел Бонг. Не глядя ни на кого, он подошел к сундуку капитана, достал вино, вынул пробку зубами и щедро плеснул на карту с обратной стороны.

— Мое вино! — воскликнул Лоет.

— Наша карта! — опешил Литин.

— За мной, — мотнул головой Бонг и снова вышел из каюты.

Переглянувшись, Альен и Вэйлр последовали за горастанцем. Они нашли Бонга на палубе. Он поднял карту навстречу солнечным лучам и ветру, просушивая ее. А когда двое мужчин приблизились, колдун повернулся к ним.

— Дьявол меня дерит через колено, — выдохнул Лоет, глядя, как ветер подсушивает бумагу, и на недавно еще чистом листе преступают строчки.

— Гарпун мне в печень, — хрипло произнес Альен. — У нас получилось.

— Как хорошо, что ты растяпа, — Вэй взлохматил волосы Литину.

— Это вышло случайно, — буркнул молодой человек, мотнув головой. — Как под руку толкнули.

— Угу, Бес — паскуда, — кивнул Лоет. — Давно кровавую жатву не собирал. Ну что там, Бонг?

— Я не знаю этот язык, — покачал головой лекарь.

Лоет отнял карту, некоторое время внимательно рассматривал письмена, даже повертел, пытаясь прочесть с разных сторон, но не преуспел, ругнулся и сунул лист Альену.

— Ты у нас Умник, ты и думай, а мне вредно. Могу попортить

идеальное содержимое своей головы лишней ерундой, — усмехнулся капитан.

Литин взял в руки карту, рассмотрел и улыбнулся. Он вдруг понял, что Лоет в своей излюбленной манере сделал ему комплимент, давая возможность проявить себя. То, что это шифр, было ясно с первого взгляда, а Альен как-то обмолвился, что его отец с детства увлечен составлением и разгадыванием шифров и сына пристрастил к своему увлечению. Они много раз оставляли друг другу послания, в которых никто другой не мог разобраться. Сначала — в виде игры, а после обменивались зашифрованными письмами по делам своей компании. Лоет, вроде бы не слушавший, о чем разговаривают его дочь и молодой человек, оказывается, запомнил.

— Я заберу это с собой, — сказал Альен, удаляясь в капитанскую каюту.

— Только не забудь, что тебе сегодня гонять Сопляка! — нарочито громко крикнул капитан, заметив, что дочь уже пару раз на них оглянулась.

— Мне больше нравится прозвище Стрекоза, — усмехнулся Литин.

— А ты мне больше нравишься за бортом, — фыркнул Вэй. — Но я же держу себя в руках.

Альен остановился и развернулся, глядя на Лоета с добродушной усмешкой.

— Вэйлр, как с вами уживается ваша жена? — спросил молодой человек.

— Любит без памяти, — тут же ответил капитан.

— А как вы сами с собой уживаетесь?

— То же самое, — важно кивнул Вэй и хохотнул, махнув на Альена рукой. — Займись делом, сынок, быть может, ты откроешь нам нечто важное. — Он некоторое время смотрел вслед удаляющемуся молодому человеку, затем нашел взглядом покрасневшую Тину, постигавшую науку работы на корабле уже без всякого баловства, усмехнулся и проворчал: — Стрекоза... — А затем вдруг добавил: — Зятек у меня тот еще выдумщик.

Опешив от сказанного, капитан «Счастливчика» округлил глаз, шлепнул себя по губам и ринулся на поиски жертвы, чтобы выместить на случайном бедолаге досаду от произнесенных слов.

Альен Литин вернулся в каюту Лоета, уселся за стол и погрузился в изучение шифра. Через некоторое время молодой человек заметил, что буквы, цифры и символы начали бледнеть. Поначалу он подумал, что ему это кажется из-за того, с каким тщанием он вглядывался в шифр, но, когда одна из строчек стала еле различима, Альен схватился за грифель и бумагу,

переписывая послание Ларса Биглоу. Молодому человеку казалось, что он еще никогда так быстро не писал. Однако, прежде чем успела исчезнуть последняя строчка на просохшей бумаге и обратная сторона карты стала вновь чистой, Литин успел даже перепроверить то, что переписал.

— Ох...ть, — произнес Альян, но прикусил язык, воровато оглядываясь на дверь, и усмехнулся. — Похоже, с нашими занятиями с капитаном я скоро начну браниться не хуже самого капитана. Выпусти зверя, сынок, — передразнил он Лоета и снова усмехнулся.

На плече молодого человека зашевелился Хон. Паук перебрался ему на голову, уселся там, и его лапки монотонно задвигались, даруя отдохновение и позволяя расслабиться. Альян прикрыл глаза и блаженно застонал, только сейчас заметив, что у него начинало ныть в висках.

— Ты лучший доктор, Хон, — сказал молодой человек. Затем снял с головы паука и усадил на стол. — И что ты об этом думаешь?

Хон пискнул и вернулся на плечо, замерев эполетом.

— Я с тобой совершенно согласен, полная бессмыслица, — кивнул Альян. — Однако если послание оказалось не сказками, то и смысл у него должен быть непременно. Понять бы только, какой ключ отпирает этот ларец. Ничего подобного я еще не встречал, но, как говорит мой отец, нет такого замка, к которому невозможно подобрать отмычки. — Паук снова пискнул, и Литин хмыкнул, словно поняв своего маленького мохнатого друга. — Нет, он не взломщик, он коммерсант, и я вас обязательно познакомлю... наверное. Если Бонг отпустит тебя со мной, то непременно познакомлю. И с Тиной отца познакомлю. Адамантина Литин — звучит?

— Не звучит, — раздалось от двери. — Хватит заговаривать пауку жвала. Что-нибудь понял?

Литин обернулся к двери и досадливо поморщился.

— А вы что-нибудь понимаете? — спросил Литин, пододвигая к капитану листок с выписанным шифром.

Лоет слегка нахмурился, затем перевел взгляд на карту, и глаз его округлился.

— Как? — только и спросил он.

— Карта высохла, послание исчезло, — пожал плечами Альян. — Едва успел переписать. Странная бумага, не находите, Вэйлр? Все с этим кладом странно. Местоположение, слухи, чрезмерное обилие крови в охоте за сокровищами. Есть хоть один владелец карты, кому она досталась без крови?

— Тина, — кивнул Лоет. — Она единственная, кто никого не убил за этот клочок мифических сокровищ. Значит, просохла, и каракули исчезли?

Забавно, — Вэй усмехнулся. — Выходит, мы можем быть не одни, кому повезло разгадать эту тайну Беса.

— Но мы будем единственными, кто расшифрует, — весело подмигнул Альян, поднимаясь с места. — Убирайте карту, мне хватит того, что я переписал. Выйду на воздух, проветрю голову.

Лоет кивнул. Он уже взялся за карту, но повернул голову вслед молодому человеку.

— Альян, — позвал капитан. — Послезавтра мы подойдем к одному милому островку. Мне нужно, чтобы ты на это время занял Тину, у нас с моими мальчишками будет небольшая работенка.

Литин понятливо кивнул и покинул каюту. Он знал, что готовится на послезавтра, и понимал, что Тину придется не просто занять — ее нужно будет увести с корабля, и это было приятным известием. Они уже давно не оставались наедине. Всегда что-то мешало: то ссора, то кто-то находился рядом, чаще всего Дин. Последнее злило особенно, потому-то Альян почувствовал радостное возбуждение и даже волнение, доселе несвойственное молодому человеку. Послезавтра они наконец смогут побыть одни! Оставалось сделать так, чтобы Тина, упрямая дочь своего упрямого отца, окончательно оттаяла и была готова выслушать то, что занимало мысли Альяна.

Молодой человек вышел на палубу, огляделся и направился к господину Даэлю. Боцман, заметив Литина, приветливо улыбнулся. Мужчина скосил глаза на Тину, возившуюся у снастей под бдительным оком еще одного матроса, затем вновь повернулся к Альяну и подмигнул.

— Пришел спасти девчонку, сынок? — спросил Даэль, хмыкнув.

— После обеда, — ответил Альян. — Сильно ей достается?

— При капитане — сильнее, — покачал головой Боцман. — Батя у нас зверь. Из девки парня сделал, уж мог бы быть и снисходительней. — Мужчина вдруг заметно вздрогнул и вытянул шею, заглядывая Литину за спину, но с облегчением выдохнул и усмехнулся. — Показалось. Уже везде капитан мерещится.

— Призрак капитана страшит сильнее самого капитана? — улыбнулся Альян.

— Одинаково, — махнул рукой боцман. — Что сам зараза, что его призрак. Ох, помяни дьявола.

Литин обернулся и увидел Лоета, появившегося на палубе. Невольный смешок сорвался с его губ. Высокий широкоплечий капитан, казавшийся незыблемой скалой, с повязкой на одном глазу и горящим умом и иронией во втором, со шрамом, проходившим через всю левую сторону волевого

породистого лица, Вэйлр Лоет производил устрашающее впечатление на тех, кто не знал его вовсе, и тех, кто знал слишком хорошо, как его команда. Упрямый, язвительный, жесткий, решительный — все это восхищало молодого человека, и он не чувствовал перед бывшим пиратом ни робости, ни страха, несмотря на все его угрозы и выпады. Литин уважал Лоета, и чем больше времени проходило, тем сильнее крепло это чувство, несмотря на ядовитые выпады бывшего пирата. Противостоять ему было сущим удовольствием.

И все же душа стремилась к младшей ветви славного семейства, к такой же упрямой, решительной, вспыльчивой, языкастой, но еще по-детски наивной и трогательной мадемуазель Лоет. Альян перевел взгляд на девушку, и на сердце у него потеплело. Тина распрямилась со вздохом, утерла тыльной стороной ладони пот со лба, и уста ее тронула светлая улыбка, не лишенная самодовольства. Чего бы ни желал показать ей отец, девушка была довольна тем, что теперь может жить полной жизнью вместе с командой, как мечталось ей когда-то, а не торчать у борта, не зная, чем еще заняться помимо болтовни с Дином или с кем-нибудь из матросов, чтобы убить время.

— Ну как? — полюбопытствовал Вэйлр, вставая рядом с Литином.

— Все отлично, капитан! — жизнерадостно воскликнула мадемуазель.

— Как это ужасно, — сокрушенно вздохнул Лоет. — Умник, на тебя вся надежда.

— Этот источник жизнелюбия перекрыть невозможно, — рассмеялся Альян и подошел к Тине, пользуясь тем, что новой работой девушку пока не озаботили.

Мадемуазель Лоет оглянулась, отыскивая взглядом боцмана, но тот разговаривал с ее папенькой, встав так, что капитан повернулся спиной к дочери, и сам оказался скрыт внушительной фигурой Лоета. Матрос, все это время стоявший рядом с Тиной, тоже исчез, и она осталась наедине с Альяном, не сводившим с девушки лучистого взгляда, от которого щеки юного создания в одно мгновение стали пунцовыми, и она опустила взгляд.

Молодой человек не спешил заговорить с ней, и Тина все-таки посмотрела на него, чтобы в следующее мгновение опустить даже голову, прячась за рассыпавшимися волосами.

— Ты на меня смотришь, — ворчливо заметила она, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Смотрю, — согласился Альян.

— Зачем? — Тина отвернулась, наваливаясь на перила борта и устремляя взгляд к горизонту. Так оказалось проще спрятать смятение.

— Любуюсь, — ответил молодой человек, вставая рядом с ней.

Он накрыл ладонью руку девушки, сжавшую резные перила. Тина судорожно вздохнула и бросила на Литина быстрый взгляд.

— Нечем тут любоваться, — все так же ворчливо продолжила она.

— Если я любуюсь, значит, есть чем, — возразил Альян. — Иначе я бы не любовался. Разве не так?

— Так-то оно, конечно, так, — кивнула девушка, не найдя, что возразить.

— Ты красивая, — улыбнулся молодой человек.

— Я?! — забыв о смущении, Тина вскинула на него взгляд, в котором застыло искреннее недоумение. — Я же одета как парень. И волосы у меня короткие. А еще я бранюсь и стихи не люблю.

Альян легко рассмеялся, отчего мадемуазель Лоет вновь поспешила отвернуться, пряча досадливую гримаску. Описав себя, девушка вдруг поняла, что вовсе не хороша и что не может понравиться такому мужчине, как Альян Литин, всерьез.

— Ты полагаешь, что одежда, длина волос, брань, даже твоя вспыльчивость могут сделать тебя менее привлекательной в глазах того, кто любовался тобой еще тогда, когда все считали тебя Эмилом Сверчком?

Тина вновь украдкой поглядела на молодого человека, но он сейчас не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен вдаль, на губах играла легкая мечтательная улыбка, словно Альян думал о чем-то приятном, и девушка не смогла отвернуться, в который раз думая, что в жизни не видела никого красивей и притягательней. Невольно в памяти всплыл поцелуй в каюте, еще в Алгардте, и мадемуазель Лоет отчаянно захотелось прижаться к груди Альяна, услышать размеренный стук его сердца, зарыться пальцами в черные, как ночь, волосы и потянуться губами к этой мечтательной улыбке, чтобы коснуться уголка мужских губ легким поцелуем. Собственные мысли вернули смущение. Тина вновь судорожно вздохнула и несмело накрыла руку молодого человека, все еще лежавшую поверх ее руки, второй ладонью. Он не повернулся, лишь улыбка стала более озорной. Его свободная ладонь, покоившаяся на перилах, вновь накрыла руку девушки, и Альян произнес:

Любуюсь я твоим несовершенством,
В одно мгновение становясь слепцом.
Твое мне имя кажется блаженством.
Нет, я не лгу, не чти меня лжецом.

Любуюсь я тобою, когда злишься,
Когда смеешься иль грустишь.
Любуюсь, когда ночью снишься,
Когда ты говоришь или молчишь.

Любуюсь я открыто и украдкой.
И даже когда думаешь, что злюсь.
Ты остаешься для меня загадкой,
Но разгадать тебя не тороплюсь.

Мне б ветром стать, чтобы игриво
Запутаться в коротких волосах.
Иль замереть, взирая молчаливо
На солнечные зайчики в глазах.

— Как красиво! — воскликнула Тина. Альян снова рассмеялся, а в пронзительных синих глазах отразилось лукавство.

— Не так уж ты не любишь поэзию, — сказал он. — Понравилось?

— Да, — неожиданно севшим голосом ответила девушка. — Кто их написал?

Молодой человек неопределенно повел плечом, усмехнувшись:

— Да так, поэт-бедолага, проглядевший глаза на одну своенравную особу. Она на него обижалась по всяким пустякам и вытворяла, что вздумается, не зная, что сердце несчастного готово разорваться от тревоги и переживаний. — Альян сжал пальцы Тины в своей ладони, поднес их к губам, целуя бережно и нежно. — После обеда у нас с тобой урок, Стрекоза.

Он отошел, а Тина еще какое-то время слепо смотрела ему вслед.

— Запутаться в коротких волосах, — прошептала она и охнула, но тут же отогнала догадку. Конечно, эти стихи не могут быть о ней, надо же такое придумать...

Вздохнув, девушка вновь отвернулась, глядя на далекий горизонт, даже не замечая, что на ее губах блуждает такая же мечтательная улыбка, какая была совсем недавно на устах молодого человека, и кончики пальцев поглаживают то место, которого коснулись губы Альяна Литина.

Глава 29

— Уходи, уходи! Умник!

— Капитан, покажите щенку, что такое настоящий мужик!

— Альен, не ведись, капитан — мастер обманок!

— Батя выколотит из мальчишки пыль...

— Щенок загоняет старого волка...

«Счастливчик» бурлил, как котел кипящей воды на кухне Самеля в особняке Лоетов. На палубе разгоралась нешуточная схватка, в которую перерос учебный бой. Вэйлр Лоет и Альен Литин, все еще вооруженные палками, уже не замечая никого вокруг, яростно атаковали друг друга.

— Литин, ты решил забегать меня до смерти? — скалился в кровожадной ухмылке капитан.

— Есть вероятность подобного исхода? — спрашивал в ответ Альен, сверкающий шальной улыбкой.

— Не надейся, — хохотнул Лоет, делая обманный выпад.

— Я так и думал, — кивнул молодой человек, взлетая над свистнувшей палкой в прыжке.

— На то ты и Умник, — Вэй вновь атаковал, но, наученный горьким опытом прошлых уроков, Литин легко ушел от выпада, контратакуя в ответ.

— Чем и горжусь! — воскликнул Альен, ткнув капитана палкой в живот и мстительно выкрикнув: — Тяжело ранен.

— Щенок! — возмутился капитан, нанося ответный удар.

— Я — лев! — расхохотался Литин, пропуская еще один укол палкой.

— Наглая самоуверенная сволочь, — желчно отозвался Вэйлр, получив ответную «любезность».

А началось все с того самого разговора, от которого так упорно бежал капитан Лоет. Альен, помня правило Вэя «доводить до конца начатое», знал, что их занятие не прервется, пока не выйдет установленное Лоетом время, а значит, и избежать разговора капитану не удастся, ссылаясь на срочные дела или занятость. И, пока Вэйлр в излюбленной манере издевался над своим учеником, Литин произнес:

— Вэйлр, я хочу просить у вас руки вашей дочери.

— Иди к дьяволу, я против, — ответил Лоет.

— Это временно, — уверенно заявил Альен.

— Постоянно и неизменно, как земная твердь, — парировал капитан.

— Земную твердь рушат землетрясения, — не согласился молодой

человек.

— То есть ты настаиваешь, — прищурился Лоет, останавливаясь.

— Именно так, — Литин отсалютовал бывшему пирату палкой.

— Бесишь, — констатировал Вэй, смеривая наглеца гневным взглядом.

— Это тоже временно. Главное, что я вам нравлюсь, — жизнерадостно осклабился Альян.

— Может, еще и обняться предложишь? — мрачно спросил Лоет.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Литин, добавив с нескрываемым ехидством: — Вы ведь уже предъявили на меня права.

— Я сейчас тебя приласкаю, — возвестил Вэйлр.

— Мои объятия открыты вам, дорогой тесть, — снова сверкнул счастливым оскалом Альян и едва успел парировать стремительный выпад капитана.

Наверное, впервые за те дни, что он делился с молодым человеком своим мастерством, Лоет столкнулся с достойной защитой, когда ученик и не думал проявлять хоть толику уважения к своему учителю, исполняя все его требования с особым тщанием. То есть дрался так, будто от этого зависела его жизнь.

Команда, жаждавшая развлечений, подтянулась ближе, заполнив все свободное пространство на палубе, оставив противникам небольшой пятак, после чего капитан, занятый Альяном, прорычал коротко, но доходчиво:

— Урою!

После этого места на палубе стало не в пример больше, и два дуэлянта разошлись в свое удовольствие. А то, что оба получали удовольствие, было заметно с первого взгляда. И пусть Литину, менее опытному в драках, доставалось раза в два больше, это не умаляло ни его азарта, ни прыти, ни дерзости, когда капитан Лоет получил весьма фривольный удар по седалищу, после чего взъярился и прогнал Альяна по всей палубе под хохот команды и писк Тины, удерживаемой Самелем за плечи.

Мадемуазель Лоет была в трюме, когда до нее донеслись выкрики и мужской смех. Некоторое время она занималась своим делом, уговаривая себя, что любопытство — это порок и что не стоит получать нагоняй от боцмана за свой длинный нос, но все-таки не выдержала и выбралась наверх. Представшее перед ней зрелище заставило сердце девушки забиться быстрее. Она охнула, глядя, как Альян согнулся от удара палкой в живот, и воскликнула:

— Ему же больно! Папенька, прекратите избивать Альяна!

Но в этот момент капитан, уже желавший закончить схватку, нанеся

сокрушительный удар противнику, получил подножку, опрокинулся на палубу и едва успел откатиться из-под приближающейся палки. Тина снова охнула и закричала:

— Альян, не смей бить моего папеньку! Он старше тебя, имей уважение...

— Захлопнись! — рявкнул вскочивший на ноги папенька.

— Не разговаривайте так с моей подопечной, — потребовал Литин.

— Она моя дочь!

— Одно другому не мешает.

— Не тебе меня учить. Это моя головная боль...

— И я вас непременно от нее избавлю.

— Лекарь...

— Самый лучший. Исцелю раз и навсегда.

— Не отдам.

— Заберу.

Дальнейшего Тина не слышала, потому что противники уже унеслись на другой конец корабля. Девушка хотела броситься за ними, но Самель, выглянувший из своих чертогов, поймал мадемуазель и уже не отпускал, чтобы она не попала ненароком под шальной удар. Так она и охала, когда деревянное оружие настигало то одного, то второго дорогого ей мужчину. В какой-то момент Тине показалось, что этот бой никогда не закончится, потому что сдаваться не желал ни один, ни второй противник.

— Господин Литин, так держать! Покажите пирату, как дерутся честные люди!

Альян и Вэйлр одновременно повернули головы и увидели, что «Алиани», чья команда была привлечена суетой на бриге, уже идет параллельно «Счастливику», и матросы повисли на снастях, с не меньшим интересом следя за схваткой капитана Лоета и его пассажира.

— Ардо! — зычно позвал Вэй, указывая взглядом на шхуну.

Старший помощник кивнул и теперь внимательно следил за вторым кораблем, но на «Алиани» были увлечены схваткой и дурных намерений не проявляли. Наконец Альян заметил, что капитан «Счастливика» начал выдыхаться. Воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы Лоета, и молодой человек подумал, что Вэйлр, пожалуй, загонит себя до того, что просто свалится на палубу на глазах обеих команд двух кораблей. Литин намеренно пропустил удар по корпусу, второй, третий — и полетел на палубу под оглушительный смех матросов:

— Парень, у тебя кишка тонка против нашего капитана!

— Ничего, в другой раз повезет!

— Ты и так долго продержался, Умник, можешь собой гордиться!

— Уделал-таки щенка Батя...

— Закрылись все! — гаркнул Лоят, подавая Альену руку и помогая подняться. Затем дернул на себя молодого человека и зашипел ему в ухо: — Я подумаю на досуге, оскорбиться или сказать спасибо за то, что ты поддался. — После хлопнул по плечу. — Отдыхай, сынок, держался отлично.

Капитан отпустил Литина и направился в свою каюту. Альен некоторое время смотрел ему вслед, затем нашел взглядом Тину и подмигнул ей. Девушка вырвалась из рук кока, устремляясь к молодому человеку. В ее глазах ясно читалась тревога.

— Как ты? — спросила она, испытующе глядя на Альена.

— Бодрюсь, — весело ответил он и получил кулаком в плечо, тут же скривился и охнул.

— Больно? Прости, — засуетилась Тина, виновато глядя на молодого человека. — Ах, Альен, прости, я не хотела...

— Мне бы прилечь, — простонал Литин, страдальчески морщась.

— Я помогу!

Мадемуазель Лоят подставила свое плечо Альену, тут же навалившемуся на нее. Он так усердно «умирал», что в глазах половины команды сочувствие сменилось недоверием. Господин Даэль и вовсе скрестил на груди руки, иронично усмехнувшись. Но ни Тина, ни Альен этого не видели. Они прошли к каютам, и, как только скрылись с чужих глаз, Альен прижал к себе девушку, впиваясь ей в губы. Опешившая Тина оплела его шею руками, доверчиво подаваясь навстречу, но неожиданно глаза ее широко распахнулись. Мадемуазель Лоят отпрянула назад и воскликнула:

— Альен Литин, ты коварный обманщик!

— Я избит до полусмерти, — не согласился молодой человек.

— Да чтобы все дохляки так выглядели, — возмутилась девушка.

— Ты дала мне силы, — восторженно воскликнул Альен, весело сверкая глазами.

— Уже не болит? — прищурилась Тина.

— Не-а, — мотнул головой мужчина.

— Я тебя возродила, я тебя и добыю, — с отцовской кровожадностью пообещала мадемуазель Лоят, впечатывая кулак в живот Альена.

— Мое сокровище! — с непередаваемой гордостью произнес Лоят, выглянувший из своей каюты.

— Наше, — просипел Литин, сползая по переборке на пол и глядя

вслед гневно чеканящей шаг девушке.

— И нужен тебе этот дьяволенок? — усмехнулся капитан.

— До зубовного скрежета, — совершенно серьезно кивнул Альян. Лоет вздохнул, покачал головой и снова скрылся в каюте.

Ближе к вечеру на горизонте показался небольшой остров, покрытый обильной растительностью. А когда подошли ближе, то стали заметны и крыши домов, притаившихся среди деревьев. На удивленный возглас дочери Лоет пояснил, что на острове живет небольшая община, покинувшая большую землю задолго до того, как родился сам Вэйлр.

— Они смиренные, — сказал капитан на вопросительный взгляд Альяна. — Если вести себя тихо, накормят, напоят, в дом пустят. К чужакам относятся спокойно, только дольше нескольких дней оставаться не разрешают — считают, что мы злим морского бога, который покровительствует им.

— Сектанты, — понятиливо кивнул Литин.

— Скорей, язычники, — усмехнулся Лоет, бросив взгляд на невозмутимого Бонга.

— Горастанцы пойдут с нами? — напряженно спросил Альян.

— Нет, иначе островитяне могут вас не принять, — ответил Вэй. — Они считают, что все, кто не похож на них, сотворен злым духом. Так что принц и лекарь побудут на бриге, пока мы будем заняты нашим делом. Вернетесь, когда услышите выстрел из пушки, не раньше.

— Я помню, — кивнул молодой человек, вновь расслабляясь.

Лоет усмехнулся, но ничего не сказал. Все свои напутствия и угрозы, расписывая с чувством и толком, что он сделает с Литином, если тот обидит Тину, Вэйлр уже огласил. Альян молча выслушал, покаивал и ответил на обещание достать его из-под земли:

— Да куда я от вас денусь, Вэйлр. Мы уже почти породнились.

— Бесишь.

— Ничего, скоро полюбите.

На том и разошлись, обменявшись колючими взглядами, на большее силы тратить не стали — обоим они были нужны вечером. Альян должен был приглядывать за Тиной и охранять ее от неприятностей, которые юное создание умело находить с завидным постоянством. А Лоету... Лоету предстояло исполнить то, о чем они договорились с капитаном Верта во время его памятного визита на «Счастличик».

В тихую маленькую бухту оба корабля вошли почти в сумерках. Тина уже приплясывала от нетерпения, ожидая, когда будет спущена на воду шлюпка, — о предстоящей прогулке она узнала еще днем, когда

передохнувший Альен занимался с ней фехтованием. Известие обрадовало и взволновало девушку. Вдвоем с Альеном — это было невероятно! Во-первых, Тина радовалась и трепетала одновременно, а во-вторых, она всерьез заподозрила, что Альен — или второй колдун на бриге, или же попросил Бонга повлиять на папеньку. Но, когда девушка увидела остров, всякие подозрения оставили ее, и душа ее наполнилась предвкушением прогулки.

К острову отправились сразу четыре шлюпки — две со «Счастливого» и две с «Алиани». Первыми берега достигли шлюпки Лоета. Он же первым и шагнул в воду, когда шлюпка ткнулась носом в песчаную отмель. Следом за ним выскочили Мельник, Красавчик и еще двое матросов, чтобы вытащить шлюпку на берег. Альен, не дожидаясь, когда они причалят, перемахнул через борт и протянул к Тине руки. Девушка фыркнула, всем своим видом показывая, что может обойтись без всякой помощи, но оказалась в крепком захвате рук молодого человека, и он направился к берегу, неся сопящую в молчаливом негодовании мадемуазель Лоет.

— Литин, — Альен поставил Тину на берег и обернулся к капитану. — Ты помнишь, где найдешь свое хозяйство, если обидишь мне ребенка?

— Я не ребенок! — топнула ногой мадемуазель и первая направилась к редким деревьям, росшим неподалеку.

— Ребенок, — буркнул Вэй. — Маленькая девочка, моя маленькая девочка.

— Оторвите уже дочь от груди, капитан, — усмехнулся Красавчик, получил по шее и насупился, больше не суюсь со своими замечаниями и советами.

— Литин!

— Вэйлр, ваши угрозы я знаю уже лучше любой молитвы, — усмехнулся Альен, махнул рукой и поспешил за Тиной.

Лоет проводил его взглядом, вздохнул и временно выкинул из головы. Сомнений в порядочности молодого человека у него уже давно не было, как и в том, что Литин удержит Тину от глупостей и будет защищать ее, что бы ни случилось. Сейчас у капитана «Счастливого» было занятие поважней, чем упражняться в острологии с претендентом на руку его дочери.

Дождавшись, пока обе шлюпки окажутся на берегу, Вэй мазнул равнодушным взглядом по капитану Верта. Мужчина держался вроде бы спокойно, но Лоет сразу заметил, что у него подрагивают руки, и Верта то сжимал эфес сабли, то поправлял шейный платок синего цвета.

Лихорадочный румянец на щеках также стал показателем того, что второй капитан волнуется.

Взгляд Лоета скользнул от Верта к матросу, стоявшему рядом с капитаном с невозмутимым видом. Вэй сразу узнал его: это был тот матрос, который прибыл с капитаном «Алиани» на борт «Счастливого». Высокий, жилистый, с жесткой линией рта, колючей щетиной на лице и глазами, слишком непроницаемыми, чтобы позволить себе повернуться к нему спиной. Такие становились либо преданными псами, либо врагами на всю жизнь. Внутренний голос требовал избавиться от него прямо сейчас, вспороть глотку и для верности добить ударом ножа в сердце, но...

Вэйлр Лоет продолжил свое неспешное, даже ленивое изучение команды со шхуны «Алиани». Людей Верта он узнал без всякого труда, и не только благодаря синим платкам, повязанным на шею или на голову, — просто опытный взгляд старого пирата без труда определил тех, кто привык убивать, и тех, кому было привычно отрабатывать свой хлеб честно, не ввязываясь в драки и сомнительные предприятия. Их лица были мрачными, у кого-то — и вовсе обреченными. Пара человек заметно боялись. Это было плохо, это значило, что что-то должно было вскоре произойти.

И дерганое поведение моряков с «Алиани» замечал не только Вэй. Люди Ржавого с подозрением посматривали на Верта и моряков с брига. За своих парней Лоет был спокоен. Красавчик с Мельником привычно посмеивались, разговаривая о чем-то и не обращая ни на кого внимания. Это создавало обманчивое впечатление, но мужчины умели убедить окружающих в своей равнодушии к ним. Остальные оглядывались и ждали, когда обе команды двинутся вглубь острова, чтобы набрать пресной воды. Именно такова была причина захода в маленькую бухту.

Матросы выгрузили бочки из шлюпок и покатали их вслед за Лоетом, по-хозяйски махнувшем рукой. Вэй шел впереди, чувствуя кожей въедливый взгляд прихвостня Ржавого. Его имени Лоет не знал, и ему оно было безразлично — хватало и оценки внешности пирата, показавшей, что перед ним опасный противник. Но Вэйлр ни разу не обернулся, зная, что его спина прикрыта от предательского выстрела или удара ножом. На остров капитан взял только тех, кто входил в его прежнюю команду, проверенных не в одной драке, тех, кому Лоет доверял безраздельно.

— Далеко идти? — слышался хрипловатый голос пирата с «Красной зари».

— Нет, — чуть сварливо ответил Вэй. — Здесь везде недалеко.

— Там поселение...

— И мы в него не войдем.

— А я бы вошел, — произнес еще один пират. — Жратва, бабы...

— Верта, — насмешливо произнес Лоет, — где вы набрали таких слюнтяев? Жратва, бабы — это все, что их интересует, когда впереди ловушки Беса и его несметные сокровища? Набить брюхо, взять женщину силой — предел мечтаний для куска дерьма, но не мужчины.

Он не обернулся, зная, что сейчас последует, и это вполне устраивало Вэя.

— Ты назвал меня куском дерьма, Одноглазый?! — взревел оскорбленный пират.

Лоет лениво развернулся и взглянул на крепкого мужчину, на голову которого был повязан синий платок. Верта едва заметно качнул головой, давая понять, что это не его матрос. Вэй поджал губы. Плохо, очень плохо. Теперь отделить команду «Алиани» от пиратов с «Зари» будет сложнее.

— Да, я назвал тебя куском дерьма, — кивнул Лоет. — Хочешь доказать обратное?

— Хочу!

— Закройся! — рявкнул приятель Ржавого, и Вэйлр насмешливо приподнял бровь.

— Верта, у вас на шхуне есть второй капитан?

Капитан «Алиани» утер ладонью пот, обильно выступивший на его лице, затем мотнул головой, но тут же пожал плечами и махнул рукой. Затравленный взгляд нескольких человек метнулся к нему, затем переместился на Лоета, кривившего губы в издевательской ухмылке.

Приятель Ржавого настороженно следил за бывшим пиратом, колючий взгляд метался от Лоета к его людям, ухмылявшимся на выпады своего капитана. Один, со смазливой рожей, и вовсе скалился, поглядывая на моряков с «Алиани».

— Мы идем за водой? — хмуро спросил пират.

— Идем, — пожал плечами Лоет и вновь зашагал в гущу леса, все дальше удаляясь от взглядов моряков, оставшихся на обоих кораблях.

Пират с «Зари» обернулся, бросая взгляд на товарищей, ответивших ему не менее настороженными взглядами. Беспокойство усилилось, когда несколько матросов с брига отстали, упустив пару бочек. А когда вернулись, оказались в хвосте всей процессии, перекрывая путь к отступлению. Лоет по-прежнему шагал впереди, не оглядываясь и больше ничего не говоря.

Вскоре он вышел к живописному местечку, куда вел свой небольшой отряд. С одной стороны от моряков высился каменный утес, за которым шумело море, с другой стороны в предзакатных солнечных лучах

поблескивало озеро. Еще чуть дальше имелся обрыв, и людям осталась только ровная площадка, поросшая травой. Лоет обернулся к своим спутникам, скрестил руки на груди, и губы его исказила кривоватая усмешка.

— Пришли, — сообщил он очевидное.

Люди Ржавого нервно оглядывались, понимая, что оказались в ловушке, дверцу которой захлопнули матросы с брига «Счастливики», встав стеной за их спинами. Лоет короткое мгновение рассматривал бледных матросов с «Алиани», невольно шагнувших ближе к своему капитану. Верта сжал эфес сабли, скорей, ища в нем поддержку, чем намереваясь нападать на кого-то. Затем внимательно осмотрел пиратов, следивших за происходящим, и коротко свистнул.

Звякнула сталь, вытаскиваемых клинков, послышался вскрик помощника Ржавого, схватившегося за свою саблю, и бой начался. Пираты дрались с яростью, не желая легко расставаться с жизнью, их противники нападали с мрачной решимостью. Они шли убивать, и ни один враг не должен был покинуть это живописное место, призванное стать их могилой.

Матросы из команды «Алиани» жались к утесу, так и не обнажив клинки, капитан Верта вытащил свою саблю наполовину, но снова отправил ее в ножны, чтобы через несколько мгновений снова вытащить и убрать назад.

— Не готовы вступить в схватку — не лезьте! — гаркнул ему Лоет, встречая на острие своей сабли одного из пиратов.

И все же морякам со шхуны пришлось обнажить оружие, когда двое пиратов бросились на них, желая отомстить за предательство. Верта, белый как снег, рванул саблю из ножен и с отчаянным блеском в глазах встретил одного из нападавших. Глядя на своего капитана, осмелели и остальные. Запах смерти и ярости, витавший в воздухе, будоражил кровь, пробуждая звериные инстинкты, сейчас вдруг вырвавшиеся из-под слоев многолетней спячки. Закричав, кинулся в бой один из матросов и тут же получил удар саблей в бок. Его одежда моментально разбухла, окрасившись кровью, но матрос снова поднял саблю, с остервенелым рычанием бросаясь на противника.

Его товарищи уже бились справа и слева от него, помогая команде «Счастливика», и пираты дрогнули. Они не хотели умирать, но, взойдя на борт «Алиани» и отправившись вслед за бригам капитана Лоета, они уже были обречены на гибель, потому что Вэй Лоет никогда не был ни слепцом, ни глупцом. Он прозрел еще в тот день, когда его отправили прогуляться по доске со связанными руками королевские офицеры, с которыми бок о бок

служил Маранте лейтенант королевского флота Вэйлр Мовильяр. А остатки романтической дури из него выбил старый пират Ансель, полюбивший щенка как родного сына и обучивший его всему, что знал сам. В сражениях, драках, предательствах и перипетиях судьбы был откован Вэйлр Лоет, такой, каким его знали его матросы, его враги и друзья. И Лоет не церемонясь приговорил пиратов с «Зари» к смерти в то же мгновение, когда узнал о них. Терпеливо вел их на место казни, чтобы уничтожить часть на берегу, сократив количество врагов перед тем, как его команда вторгнется на шхуну, чтобы вырезать пиратов, оставшихся на борту «Алиани».

Он знал, что отсюда им не выбраться живыми. И не только потому, что численный перевес был за ним и его командой, которой вдруг решились помочь моряки с «Алиани». Пиратам было не дано вырваться от его парней, которых Лоет подбирал по своему подобию. Они всегда шли за ним, шли до конца, даже если в конце их ждала смерть. Дрались как черти, превращаясь в хищников, готовых рвать зубами каждого, кто встанет у них на пути. Все эти ныне добропорядочные мэтры в душе оставались теми же разбойниками, и их суть в это мгновение нашла наконец выход — в бросках на противника. И Смерть, наблюдавшая с вершины утеса за короткой и кровопролитной схваткой, собрала павшие души.

— Готовы! — выкрикнул Мельник, вытирая саблю об одежду мертвого пирата.

— Наши? — не глядя на него, спросил Вэй.

— Десять раненых, трое убитых, еще двое вот-вот отойдут, — ответил Мельник.

Капитан едва заметно кивнул, и Мельник, вытащив нож, присел рядом с одним из своих товарищей, облегчая ему переход в иной мир. Затем поднялся на ноги и занялся вторым. Матросы мрачно взирали на происходящее, зная, что капитан принял наиболее верное решение, не желая продлевать агонии тем, чей путь на земле был уже окончен. Лоет не смотрел, как Мельник добивает его людей. Он огляделся, отыскивая капитана «Алиани».

— Верта. Верта!

Мужчина сидел на земле, держась за раненую руку. Он поднял на Вэя взгляд и криво усмехнулся.

— Выжил, — ответил Верта, рассеянно ухмыльнувшись. — Надо же... Лериа!

Боцман со шхуны, исторгавший содержимое своего желудка, поднял руку и распрямился.

— Посчитайте ваших людей, — велел капитан.

Боцман утер тыльной стороной ладони рот, выдохнул и огляделся, но тут же вновь согнулся, содрогаясь от новых спазмов.

— Осталось четверо, господин капитан, еще вы и боцман, — произнес один из матросов, вытиравший пот дрожащей рукой. — Пятеро мертвы, один вот-вот отойдет.

— Мельник, — отрывисто позвал Лоет.

— Понял, — ответил матрос, отыскивая взглядом мужчину, сжимавшего ладонями распоротый живот.

— Не надо! — вскрикнул Верта.

— Пустьдохнетмедленно? — спросил Вэй, и второй капитан опустил взгляд. — Нужно прибраться за собой. Незачем местному населению оставлять всю эту пададь.

Матросы кивнули и взялись за мертвецов — их было не так уж и мало. Лоет подошел к Верта, осмотрел его рану и хлопнул по здоровому плечу. Некоторое пренебрежение, которое бывший пират испытывал ко второму капитану, исчезло. Вэйлр уважал тех, кто мог преодолевать свой страх перед болью и смертью, а Верта смог, и его люди смогли.

— Никогда не попадали в заварушки? — спросил капитан «Счастливого», усаживаясь на землю. Верта отрицательно покачал головой.

— Никогда. Даже на стоянках, когда мои ребята ходили в трактир, дальше кулачной драки не шло.

— Ясно. Тогда с дебутом, — кивнул Вэй. — Дружка Ржавого подержим в шлюпке, пока все не закончится, потом поднимем к вам на борт. — Лоет пристально взглянул на Верта. — Вы уверены, что он вам нужен?

— Ржавый сказал, если не увидит на моей шхуне рожу своего приятеля, он перережет моих людей раньше, чем подойдет к нам на пушечный выстрел.

— Не нравится мне это, — покачал головой Вэйлр, поднялся на ноги и направился к своей команде.

Капитан «Алиани» проводил его взглядом и протяжно вздохнул: ему еще не приходилось терять своих людей. Это было... страшно. Мужчина думал, что скажет их родным, когда не сможет даже отдать тела мертвецов. Думал он и о том, что будет с той частью его команды, которая находилась на борту «Зари». За «Алиани» он уже почти не переживал, уверившись, что рядом с Лоетом он и его люди под защитой. Капитан «Счастливого» умел вызывать веру в его силу. Затем Верта подумал о владельце компании, которой принадлежала его шхуна, и снова вздохнул. Он еще в глаза не

видел проклятые сокровища проклятого пирата, а они уже принесли немало бед. А сколько еще впереди...

— Возвращаемся, — коротко приказал Лоят, как только с телами было покончено.

Темнота скрыла, сколько людей возвращаются с маленького острова, сохранив страшный секрет в тайне. Вновь короткий свист, и от «Счастливики» отчалила одна из освободившихся шлюпок, куда села та часть матросов, которые ждали возвращения капитана. С борта «Алиани» упала вторая веревочная лестница. Лоят ухватился за ступеньку, поднял взгляд наверх и решительно полез на борт. Недалеко от него карабкался Красавчик, ранение которого заключалось в разбитых губах и синяке на половину лица. Капитан и абордажный матрос обменялись коротким взглядом, сделали последний рывок и резво перебрались через перила, одновременно выхватывая сабли. Они вдвоем удерживали пиратов, осознавших, что команда брига пришла за их жизнями. А вскоре палуба «Алиани» уже кишела сражающимися людьми.

Матросы со шхуны ощутили близкое освобождение от гнета — пираты чувствовали себя на их корабле хозяевами. Страх утомил и озлобил людей, и, вдохновленные примером своего капитана, они отыскивали матросов с «Зари» и расправлялись с ними. И когда почерневшая в свете луны палуба стала скользкой от крови, Лоят вырвал свою саблю из тела последнего разбойника, вытер ее о жилет мертвеца и провозгласил:

— Конец! «Алиани» очищена от скверны.

— Ура! — заорали ликующие моряки со шхуны; только их капитан покачал головой и поднял голову, найдя взглядом полную луну. Впереди была еще встреча с «Красной зарей» и попытка освободить пленников, которых, возможно, уже нет в живых.

— Нужно забрать Литина и мою дочь, — устало произнес Лоят, опираясь ладонью на перила борта. — Пусть дадут залп, это сигнал для Умника...

Тина, скрывшаяся за деревьями, когда ее папенька напоследок угрожал Альеу, прибавила шагу, скрываясь за обильной растительностью. Она стояла, зажав ладошкой рот, чтобы не рассмеяться в голос, когда увидела, как появился молодой человек, в растерянности озирающийся вокруг.

— Тина, — позвал он, но девушка не покинула своего укрытия. — Тина!

Альен прошел дальше, а мадемуазель Лоят выбралась из-за кустов. Она крадась сзади, бесшумно ступая по мягкой траве.

— Тина, не смешно, — услышала она сердитый голос Альена и едва успела прижаться к дереву, когда он неожиданно обернулся. — Да что за неугомонное создание, — проворчал Литин, снова направляясь вперед. — Тина!

Беззвучно похихикав себе в ладошку, девушка поспешила за ним. Она уже подобралась совсем близко, собираясь прыгнуть на спину молодому человеку, когда под ее ногой хрустнула ветка, и Альен обернулся. Тело мадемуазель Лоет взвилось в воздух. Она налетела на мужчину, не успевшего встать ровно, и сбила его, наваливаясь сверху.

— Я тебя поймала, — гордо сообщила она, оседлав Альена. — Выследила и поймала. Ты моя добыча.

Молодой человек усмехнулся, поднял ладонь и погладил девушку по щеке. Она зажмурилась от удовольствия, позволяя мужским пальцам скользнуть по скуле, остановиться на подбородке, а затем добраться да ее губ. И, когда Тина почувствовала, как подушечка указательного пальца Альена бережно очерчивает ее нижнюю губу, мадемуазель Лоет открыла глаза и задыхнулась под взглядом синих глаз. Альен смотрел, не отрываясь и, кажется, не мигая. Это вызвало чувство неловкости, и девушка собралась встать на ноги, когда небо и земля вдруг поменялись местами, и лицо Альена нависло сверху, даря ей коварную ухмылку.

— Теперь ты моя добыча, — сказал он. — Я тебя поймал.

— Не поймал, — ответила Тина, пряча за ворчанием смущение. — Дичь не охотится на охотника.

Она попробовала вырваться, но оказалась окончательно придавлена к земле мужским телом.

— Я позову папеньку, — сварливо пообещала мадемуазель Лоет.

— Тогда я буду вынужден заткнуть тебе рот, — улыбнулся Альен и поймал ее губы своими.

Тина замерла, боясь пошевелиться. Ей вдруг расхотелось вырваться, расхотелось звать папеньку, даже открывать глаза не хотелось. Альен приподнялся, выпуская девушку из плена нежного поцелуя; он смотрел на нее с ласковой, чуть лукавой улыбкой, и Тина, почувствовав, что ее руки обрели свободу, потянулась к мужчине, оплела его шею и, всхлипнув:

— Ох, маменька, — сама прижалась к губам Альена, оказавшись сразу заключенной в тесные объятия.

А когда поцелуй вновь распался, он отвел с ее лица упрямую прядку, легко коснулся губами щеки и шепнул:

— Я люблю тебя.

Даже не смеявшая и мечтать об этом в своих самых смелых фантазиях,

Тина охнула. Голос ее разом охрип, и она спросила:

— Врешь?

Альен рассмеялся и отрицательно покачал головой. Он поднялся на ноги, подал девушке руку и помог ей встать.

— Не вру, — наконец ответил молодой человек.

Взяв мадемуазель Лоет за руку, Альен неспешно побрел с ней вперед, уводя все дальше от поселения и возможной встречи с моряками, направлявшимися к месту расправы над пиратами. Молодой человек поглядывал на свою спутницу, но не нарушал молчания. Конечно, он хотел услышать ответ на свое признание, однако уже успел достаточно хорошо узнать Тину, чтобы потерпеть до того, как отважная в своих порывах девица наберется смелости, чтобы открыть ему свои чувства. Сейчас Альену хватало и того, что он знал о них. Пока же молодой человек давал девушке освоиться с тем, что она услышала.

Они вышли на пологий берег. Здесь лежал ствол некогда могучего дерева, отжившего свой славный век и рухнувшего под давлением ветра. Тина забралась на него и прошлась от одного конца до другого, продолжая держать за руку молодого человека, шедшего рядом с деревом. Мадемуазель Лоет остановилась на середине бревна, посмотрела на Альена и взволнованно спросила:

— И что теперь будет?

Немного растерявшись от ее вопроса, Литин пожал плечами и улыбнулся:

— Например, свадьба.

— Чего? — опешила Тина.

— А почему нет? — улыбка Альена стала шире. — Ты уже взрослая девушка, я тем более взрослый мужчина. И раз уж мы оба такие взрослые, то почему бы и не навеститься в храм и не соединить наши судьбы?

— А-а-а, — протянула мадемуазель и едва не упала, но была подхвачена молодым человеком и бережно усажена на древесный ствол.

Тина некоторое время изучала улыбку своего спутника, все еще пребывая в растерянности. Вдруг вспыхнула и сжала кулаки.

— Ты смеешься надо мной?! — гневно воскликнула она, приведя теперь в растерянность Альена. — Думаешь, это весело? Думаешь, ты такой весельчак и умник, что можешь издеваться над глупой девчонкой? Это подло! Это бесчестно и бесчеловечно!

Тина вскочила на ноги и бросилась прочь. Недоуменно смотревший вслед девушке Альен опомнился и поспешил следом. Он увидел, как она зло стерла сжатыми кулачками с лица слезы.

— И что ты с ней будешь делать, — сокрушенно прошептал молодой человек, догоняя Тину.

Он поймал ее за локоть, рывком развернув к себе лицом, едва успев увернуться от кулака. Затем отскочил от взметнувшегося колена и вновь ее развернул, но теперь к себе спиной. Прижал к груди, крепко обхватив и прижав руки девушки к ее телу.

— Я не смеялся! — воскликнул Альян, прорываясь сквозь отчаянное сопротивление. — Глупая, как я могу смеяться над той, о ком мечтаю уже столько времени?

— Ты улыбался! — выкрикнула Тина, но вырывалась уже более вяло, прислушиваясь к тому, что ей говорит молодой человек.

— Да я просто радуюсь, что мы наконец наедине, — ответил он. — Тому, что твой отец не следит за нами, что рядом не болтается Дин, тому, что я могу сказать тебе о том, что у меня на душе. — Тина совсем затихла, и Альян развернул ее к себе лицом. — Я говорю правду.

— Но твоё предложение... — она взглянула на него исподлобья. — Разве так делают предложение? Если это шутка, то вовсе не смешная.

Молодой человек склонил к плечу голову и снова улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, опускаясь перед Тиной на одно колено. — Мадемуазель Адамантина Лоет, составите ли вы мое счастье и согласитесь стать моей до конца наших дней? Я прошу вас выйти за меня замуж.

— А папенька? — пролепетала девушка.

— Он против, — широко улыбнулся Альян.

— Угу, — привычно промычала Тина.

— Это временно. Я могу быть очень настойчив, — сказал Литин, глядя на девушку снизу вверх. — А что ответишь ты?

И Тина с чувством произнесла:

— Гарпун мне в печень.

— А по существу? — не удовлетворился ответом Альян.

Она все еще кусала губы, продолжая рассматривать молодого человека. Затем судорожно вздохнула и ответила:

— Я как папенька.

Освободив свою руку из захвата мужских пальцев, Тина отошла к воде, подбирая несколько камешков и с испугом думая, что она сейчас сделала. Альян поджал губы и поднялся с колена. Он подошел к девушке, остановился за ее спиной и спросил:

— Почему?

Вновь всхлипнув, мадемуазель Лоет сдержала ненужные слезы и бросила в воду первый камень. Она все еще была в растерянности, и в

голову лезло разом столько мыслей, что девушка в них путалась все сильнее. Альен все так же стоял за ее спиной, и его взгляд она чувствовала так ясно, как если бы он положил ей руки на плечи. Напряжение достигло своего предела, и Тина, с силой бросив второй камень, обернулась к мужчине и выпалила:

— А не слишком ли много тебе невест?! Мамзель эта Лусита, фифа из Алгардта, с которой ты целовался. К дьяволу! Ты целовался с ней! А может, и не только с ней! Может, у тебя и в Маранте еще целый пучок нареченных? Ты же красавчик, на тебя женщины сами вешаются...

— Но мне-то нужна всего одна, — спокойно возразил Альен. — И она сейчас несет чушь...

— Чушь? Да какая уж тут чушь, если ты целуешься при мне...

— Да не целовался я с этой фифой! — воскликнул молодой человек. — Она в меня клещом вцепилась, но если ты видела поцелуй, то не могла не видеть, что я тут же оторвал ее от себя и ушел на «Счастличик». Тина, к чему...

— Ты бабник! — топнула ногой мадемуазель Лует. — И я не доверяю тебе!

— Я бабник? Я?! — в голосе Альена появились нотки гнева. — Тогда ты вертихвостка!

Тина опешила настолько, что застыла, открывая и закрывая рот, не в силах найти ответа.

— Вертихвостка? — наконец отмерла девушка. — Это я-то?

— Ну не я же, — Литин отвернулся и отошел от нее.

Юное создание еще некоторое время смотрело ему вслед, но сорвалось с места, догнало и рывком развернуло к себе лицом.

— И перед кем же я верчу хвостом?! Отвечай!

— Перед горастанцем, — тут же ответил Альен. — Не отлипаешь от него. При первой возможности стоишь рядом и сияешь. Отвратительно.

Он вновь отвернулся, сделал несколько шагов, однако Тина обежала его и заступила дорогу.

— Дин замечательный! — воскликнула она. — Он веселый, он добрый, он принимает меня такой, какая я есть, и не воспитывает!

Молодой человек некоторое время молчал, силясь разглядеть выражение лица девушки в наступившей темноте, но смог различить лишь ее силуэт и услышать частое взволнованное дыхание.

— Значит, ты считаешь, — заговорил он, и голос прозвучал глухо, — что Дин лучше?

— Д-да, — почти шепотом с запинкой ответила Тина. — Он лучше,

потому что...

— Достаточно, — Альен остановил ее. — Я понял, не стоит перечислять заново его достоинства. Стало быть, ты отказываешь мне?

— Да, — уже совсем беззвучно ответила девушка.

— Да будет так.

Он обошел ее направился к бревну. Тина зажала рот ладошкой, наконец понимая, что только что наговорила. Она опять ударила его, но теперь неприятными и лживыми словами. «Я люблю тебя»...

— Альен, — позвала Тина, но он не ответил.

Мадемуазель Лует тяжело опустилась на песок и всхлипнула, прошептав:

— Я просто еще не хочу замуж... Не сейчас.

Альен Литин сел на поваленный ствол, поднял глаза к звездному небу и попытался себя уговорить, что ему не стоит сомневаться в том, чему он неоднократно видел подтверждение: Тина к нему равнодушна. И это Тина! Единственная девушка-ребенок, которой нужно время на взросление. Он и не собирался просить немедленного брака, не собирался настаивать на женитьбе сразу по возвращении в Кайтен. Молодой человек даже предвидел ее возможный отказ, но действительность оказалась слишком жестокой. И брошенные ему в лицо слова отозвались болезненным спазмом на сердце. Да, он сердился и ничего не мог сейчас с собой поделать. Ревность, задремавшая было за последние несколько дней, теперь подняла голову и набросилась на Альена с новой силой, добирая то, что упустила за время, наполненное покоем и невесомым счастьем.

— Дьявол, — тихо выругался Литин.

Подумать только, он ведь и не хотел именно сегодня говорить с ней о своих планах на их совместное будущее. Хотел показать то, что переписал с карты. Специально молчал эти дни, чтобы сделать сюрприз, а ее выходка, когда девушка прыгнула на него, такая веселая, игривая, сорвала с языка печать молчания. И вот. Она сидит в нескольких шагах от него, и неизвестно, что взбредет в эту непредсказуемую головку. Но начинать разговор о карте сейчас уже не хотелось.

Мотнув головой, Альен взгляделся в темноту. Он услышал, как шепчет песок под приближающимися шагами. Тина встала напротив и произнесла бесцветным голосом:

— Я хочу вернуться к шлюпкам. Папенька уже, наверное, обыскался нас.

Прикинув, сколько прошло времени, Литин кивнул и поднялся на ноги. Обратно они шли молча. Луна, взошедшая на небосвод, освещала

землю тусклым печальным светом. Тина украдкой посматривала на Альена, но так и не смогла поймать его взгляда. Как и он ее. Когда мужчина смотрел в сторону ссутулившейся девушки, она глядела прямо перед собой.

Пушечный выстрел прозвучал, когда молодые люди уже вышли к берегу, и Тина растерянно осматривала берег, с которого исчезли все шлюпки. Вскоре послышался плеск весел об воду, и к ним приблизилась одна из потерянных шлюпок, в которой сидел капитан Лоят. Он удивленно смотрел на хмурую молчаливую дочь и такого же мрачного и молчаливого Альена. Отчего-то Вэй не смог съязвить, почуяв, что молодые люди разругались. Как и не почувствовал злорадства. Он ощутил совершенно неожиданные расстройство и досаду. Размолвка дочери и нагловатого мальчишки, метившего ему в зятя, оказалась неприятной. Мужчина тяжело вздохнул, покачал головой и взялся за одно из весел.

На «Счастличике» Вэйлр увидел, как Тина посмотрела вслед молодому человеку, явно желая его позвать, но он не обернулся, и девушка направилась к каютам. И в это мгновение повернул голову Альен, провожая Тину долгим пристальным взглядом. Она скрылась из виду, и Литин отошел к борту, навалился на него и затих, глядя куда-то перед собой. Лоят неуверенно переступил с ноги на ногу, фыркнул, сердясь на себя за эту неуверенность, и ушел в свою каюту, буркнув:

— Пусть сами разбираются. Еще не хватало, чтобы я им сопли подтирал. — Вздохнул и спросил у Хона, оказавшегося в его каюте: — И что у них там произошло? — Паук пискнул, забрался на протянутую руку, и Вэй поднес его к дверям. — Иди, твой там на палубе страдает.

Хон тут же деловито засеменял в сторону палубы, будто поняв, что ему сказали, а Лоят закрыл дверь и повторил:

— Пусть сами разбираются.

Глава 30

Альен Литин сидел на палубе, вооружившись стопкой бумаги и грифелями, изъятыми из капитанской каюты. Отвлекаясь от невеселых мыслей, он углубился в зашифрованное послание Ларса Биглоу. И если поначалу Альен еще искал взглядом Тину, в хмуром молчании исполнявшую свою работу на бригае, то вскоре шифр настолько захватил молодого человека, что он уже не замечал ничего и никого вокруг.

Пробуя применить известные ему ключи, Литин записывал на чистые листы то, что у него выходило, понимал, что ошибся, и ожесточенно сминал лист, хватая новый. Рядом с ним остановился Лоят, заглядывая сверху на то, что писал молодой человек.

— И кто придумал эту дребедень? — проворчал Вэй. — В этих письменах сам черт ногу сломит, вторую вывернет.

Альен поднял голову, посмотрев на капитана отсутствующим взглядом, затем кивнул непонятно чему и снова углубился в шифровку. Исчеркав заковыристой схемой очередной лист, Литин скомкал его и возбужденно воскликнул:

— Ах, кабы сюда сейчас отца! Он бы непременно все понял быстрее, чем я.

— Вот только твоего отца на моем корабле и не хватало, — желчно отозвался Вэй. — Одного Литина за глаза и за уши.

— Вы что-то имеете против Литинов? — Альен поднял голову, прищуриваясь одним глазом от яркого света, и улыбнулся.

— Возможно, — проворчал Лоят, отходя от молодого человека.

— Я требую объяснений, Вэйлр! — крикнул ему вслед Альен. — Но потом, все потом.

Последнее прозвучало рассеянно, и, когда капитан обернулся, Литин уже был вновь погружен в свою работу, исчерчивая очередной схемой очередной лист. Лоят покачал головой и направился к дочери.

— Ну что, Сопляк, умаялся? — поинтересовался суровый папенька.

— Было бы с чего, — пробурчала Тина.

— Не слышу.

— Нет, капитан! — выкрикнула девушка, и Вэй поморщился, прочищая ухо пальцем.

— Глотка луженая, добротная глотка, как труба, — усмехнулся капитан Лоят.

— Мы одной крови, капитан, — ответствовала Тина, устремляя взгляд в сторону Литина.

Однако тут же передернула плечами и отвернулась, протяжно вздохнув.

— Причина скорби? — без всяких предисловий поинтересовался Лоет, мучимый любопытством по поводу причины размолвки.

Мадемуазель Лоет шмыгнула носом и снова горестно вздохнула.

— Голова, — жалобно произнесла она.

— Что голова? — недоуменно переспросил Вэй. — Болит?

— Как голос, — пояснила Тина.

— Э-э-э...

— Труба, — проворчала девушка. — Такая же пустая, разума нет и вряд ли появится.

Лоет почесал в затылке, затем положил ладони на плечи дочери, прижимая ее спиной к своей груди.

— Не все так плохо, дитя мое, — произнес Вэй и звонко поцеловал дочь в макушку. — Осознание недостатка — уже шаг по верному пути. Не останавливайся, и разум найдется.

— Вам бы все шуточки, папенька, — Тина развернулась и уткнулась лбом в отцовскую грудь. — А мне хоть вой.

— Да что случилось-то?! — воскликнул вконец заинтригованный Лоет.

— Очередная глупость случилась, — отмахнулась девушка и проворчала: — А этому хлыщу хоть бы что. Сидит себе, пишет что-то и даже не смотрит в мою сторону. Бездушный негодяй.

Капитан хмыкнул, встрепал дочери волосы и гаркнул:

— А ну утри сопли! Я брал себе матроса или слюнтяя? Подбери волосы и приведи мысли в порядок, все, какие есть. — А затем добавил тише и даже ласково: — Вот здесь, — палец отца постучал по лбу девушки, после переместился туда, где билось юное сердце, — и здесь должно быть согласие. Когда найдешь его и поймешь, что для тебя важно и нужно, тогда хлюпать носом будешь гораздо реже. И за работу! Нет работы — я найду. Вперед, Сопляк!

Тина сорвалась с места, а Альен, машинально следивший за их разговором, но чьи мысли витали далеко, повторил вполголоса:

— Здесь и здесь должно быть согласие... Согласие... Здесь и здесь, сверху и снизу, да! Дьявол меня дери, капитан! — выкрикнул молодой человек, вскакивая на ноги. — Идемте, вы мне нужны.

— И мою дочь ему, и самого меня ему... Как бы морда от жадности не

треснула, — ворчливо произнес себе под нос Лоет и отозвался громче: — Иду!

Литин первым ворвался в капитанскую каюту и схватился за первую попавшуюся карту, осмотрел и недовольно откинул ее в сторону. Вэй с некоторым возмущением наблюдал, как по каюте летают его карты, листки Альена, а когда досадливо отброшенный грифель едва не угодил в лоб приблизившемуся капитану, Лоет рявкнул:

— Хватит учинять бесчинства! Ты не умник, ты разбойник и разоритель!

— Что? — Альен посмотрел на него отсутствующим взглядом. — А, Вэй, вы здесь...

— Я? Здесь? — изумился бывший пират. — Ты же сам меня позвал!

— Может быть, может быть, — пробормотал молодой человек, раскатал на полу самую большую карту и удовлетворенно хмыкнул. — Ну вот, то, что надо.

Он шагнул на карту под фырманье капитана и уселся в ее центре, скользя пальцами по цифрам, указывавшим широту и долготу. Вэйлр подобрался ближе и уставился на алфавит, появившийся на одном из немногих оставшихся чистых листов бумаги. Затем присел на корточки, наблюдая, как Альен, сверяясь с посланием Биглоу, что-то высчитывает и записывает.

— Мало света, — нервно произнес молодой человек, вскочил на ноги, и Лоет еле успел отпрянуть, чтобы не получить макушкой Альена в подбородок.

Схватив карту, Литин обогнул недоумевающего капитана и устремился на палубу. Вэй покрутил пальцем у виска, но последовал за ним, преисполняясь исследовательским азартом.

— Все вон! — гаркнул он матросам, едва не топтавшимся по расстеленной карте.

— Угу, — кивнул Альен и углубился в шифр, уже ни на кого не обращая внимания.

Лоет так и остался рядом. Он опустил на колени и внимательно следил за манипуляциями Литина, постепенно начиная находить в них смысл. Отметив, как молодой человек отсчитывает буквы снизу или сверху алфавита, в зависимости от расположения координат на карте, Вэйлр выхватил у него лист с переписанным шифром, но тут же охнул, когда к его горлу прижалось острие ножа, висевшего на поясе Литина.

— Мое, — голосом законченного скряги произнес Альен, возвращая себе шифр.

— Жадина, — обозвал его Лоет и поднялся на ноги. — Тебя за жадность черти будут жарить.

— Угу, — кивнул молодой человек.

— Что — угу? Жмот ты, говорю, — усмехнулся капитан.

— Вэйлр, исчезните, не до вас, — отмахнулся Литин.

— Нет, каково хамство?! — обиженно воскликнул Лоет, озираясь вокруг в поисках поддержки у команды. — Меня, на моем же корабле — и к дьяволу под хвост послали!

— Угу, — промычал Альян.

— Негодяй, — с чувством отвечивал Вэйлр, передернул плечами и наконец отошел от молодого человека, тут же забывшего о его существовании.

Тина вошла в свою каюту, чтобы выполнить повеление папеньки. Она приблизилась к зеркалу, закрепленному на переборке специально для нее, остановилась перед ним и с пристрастием оглядела свое отражение. Волосы, выгоревшие от частого нахождения на солнце, взлохмаченные ветром и папенькиной дланью, казались похожими на паклю. Кожа приобрела совсем неблагоприятный темный загар. Взгляд девушки опустился вниз, она рассмотрела мозоли на своих ладонях, ссадины, обломанные ногти. Затем нагнулась, разглядывая босые ноги, открытые бриджами ниже колен. Снова подняла голову и взгляделась в лицо девушки, глядевшей на нее сквозь зеркало.

— Какой ужас, — сокрушенно вздохнула мадемуазель Лоет, никогда особо не думавшая о своей принадлежности к женскому полу. — И что тут можно любить? Нос обветрен, губы сухие, ресницы посветлели, волосы... Ох, маменька.

Неожиданно Тине пришло в голову, что Альян ни разу не видел ее в платье. Отчаянно захотелось, чтобы он взглянул на нее, когда мадемуазель выглядит как мадемуазель, а не как сорванец. Вдруг стало жаль обрезанных волос, густых и блестящих, жаль любимого нежно-голубого платья, и аккуратных туфелек с кокетливыми бантиками тоже было жаль. Схватив гребень, девушка с ожесточением запустила его в волосы, стремясь разодрать спутанные пряди.

Попискивая и бранясь, Тина привела волосы в порядок, затем собрала в хвост, подобрав волосок к волоску, скрепила ремешком и придирчиво оглядела себя снова. В одно мгновение она заметила, что рубашка криво заправлена в бриджи, на жилете осталось пятно от смолы, колени на штанах затерты. Покачав головой, мадемуазель Лоет достала запасной комплект одежды, переделалась, даже свежий платок на шею повязала.

Снова оценила себя и направилась к кувшину с водой, чтобы умыть лицо, забрызгала одежду и едва не расплакалась:

— Да что же за растяпа такая. Надо опять переодеваться.

И хорошо, что папенька позаботился о дочери! Тина переоделась во второй раз, опять причесалась и решила выйти на палубу, волнуясь так, будто ее везли в Благородное собрание на дебютный бал... Подумать только, у нее же даже не было дебютного бала! Девиц вывозили в свет в семнадцать лет, но Тина в это время умудрилась искупаться в реке и простудиться. Лежала дома, тряслась перед визитом их доктора и радовалась, что не придется кривляться вместе с мадемуазель Нири и ее подругами.

Юное создание вышло на палубу, нашло взглядом Альена и нерешительно приблизилось к нему, не зная, как завести разговор и как извиниться за то, что вчера ему наговорила. Неловко переминаясь с ноги на ногу, Тина потянулась и коснулась плеча молодого человека, как раз что-то писавшего в это мгновение.

— Альен, — позвала мадемуазель Лоет. — Альен, ты занят?

— Угу, — промычал он. — Да-да, от стакана воды не откажусь.

— Какой воды? — опешила девушка. — Ах, воды! Я сейчас!

Она сорвалась с места и метнулась к Самелю, схватила глиняную кружку, зачерпнула воды из бочки и поспешила назад на палубу.

— Твоя вода, — сказала она, протягивая кружку.

Литин взял кружку, не глядя на нее, и Тина досадливо поморщилась. Ей хотелось, чтобы он увидел, какая она опрятная, оценил и одобрил, что мадемуазель старается хоть как-то походить на девицу. Но молодой человек продолжал увлеченно выписывать буквы, зачеркивал и что-то высчитывал снова. Постояв за его спиной, мадемуазель все-таки решила присесть и повнимательней рассмотреть то, чем занимается Альен. Ничего не поняла и вздохнула.

— Альен, — он никак не отреагировал, и Тина подергала молодого человека за рукав. — Альен.

Литин обернулся, рассеянно оглядел девушку, но, кажется, так и не сообразил, что она рядом.

— Я вчера тебя обидела...

— Угу.

— Я не то хотела сказать.

— Что?

— Я сказала, что Дин лучше тебя...

— Дин-Дин-Дин...

— Но это неправда. Ты... ты такой... Аьен, ты необыкновенный. И ты мне очень...

— Угу, очень, да-да.

— Нравишься.

— Да, крайне миленько, но я пока занят. Чуть позже.

— Что позже?

— Все позже.

— И мои слова позже?! — возмущенно воскликнула Тина, поднимаясь на ноги.

— Угу.

— Вот так, значит, да?! Ты говорил, что любишь!

— Люблю... Нет, не люблю, это другое слово. Дьявол!

— Я — дьявол?! — девушка задохнулась. Кулачки ее сжались, и в глазах появилось явное желание крови.

— Да, точно: дьявол. Дьявол стоит на страже, во! — Аьен расхохотался и потер руки, бросаясь на расшифровку с новым энтузиазмом.

— Ты издеваешься, что ли?! — закричала Тина, и в голосе ее послышались слезы. Литин обернулся к ней, потер переносицу, пытаясь понять, что от него хотят. — Ты вообще меня слышишь? Аьен Литин!

Молодой человек некоторое время смотрел на нее, неуверенно кивнул, но девушка успела заметить, как глаза его то и дело косят в сторону карты и исписанных листов. В сердцах топнув ногой, Тина с силой ударила его ладонью по плечу и почти прошипела:

— Забудь все, что я до этого сказала. Дин действительно лучше тебя. Он меня хотя бы слушает. А ты... ты... ты — хлыщ и лжец! Ненавижу тебя!

И она стремительно удалилась, преследуемая недоуменным взглядом Аьена в спину. Молодой человек почесал макушку, спугнув примостившегося там Хона, осознал, что ему выговорила девушка, и протяжно вздохнул.

— Теперь еще и ненавидит. А что хоть произошло? — он снял с головы паука, посмотрел на него и спросил: — И почему из всех девиц этого мира меня угораздило потерять голову именно от мадемуазель Лоет?

— И-и-и, — ответил Хон и посеменил по руке вверх, устраиваясь на плече.

— Это судьба, сынок, — усмехнулся господин Даэль, остановившийся рядом.

— Дьявол ее дерит, — буркнул Аьен и вернулся к письменам Беса. Судя по все еще стиснутым кулакам, сейчас с Тиной разговаривать было

бесполезно. Оставалось вновь отвлечься на дело, нужное всем участникам этой экспедиции.

Когда на море стало смеркаться и глаза устали от напряжения, молодой человек откинулся на борт спиной и шумно выдохнул. Оказалось, что тело устало до невероятности, виски не ломило лишь по одной причине — Хон опять сидел на голове и перебирал лапками. Собрав все листы, Альен придавил ногой карту, чтобы ее не снесло ветром, и прикрыл глаза, блаженно втягивая носом нагретый за день воздух. Постепенно его слух уловил голоса и шаги, кожа ощутила дуновение ветра, Альен Литин возвращался в этот мир.

Он открыл глаза и огляделся. Оказалось, что недалеко от него стоит поднос, на котором красовалась тарелка с ложкой и давно остывшей едой. Имелась пустая кружка из-под воды, но вспомнить, когда и кто все это принес, не получилось. Как не получалось и уловить что-то, тревожившее сознание, словно за это время произошло нечто неприятное, только память пока не спешила подсказать, что именно. Размяв плечи, Альен сложил карту, поднялся на ноги, подхватив поднос с остывшей едой, и направился на камбуз.

Самель, протиравший стол, обернулся к молодому человеку и приветливо подмигнул.

— Так и не поел, Умник? — прозвище, данное Литину с легкой руки капитана Лоета, уже успело облететь «Счастливец» и намертво прирасти к молодому человеку.

— Я, когда разгадываю сложную задачку, увлекаюсь, и до меня невозможно достучаться, — улыбнулся Альен. — Что я пропустил?

— Совсем ничего не помнишь? — изумленно переспросил кок.

— Смутно... — уклончиво ответил молодой человек.

Великан хмыкнул, покачал головой и вернулся к своим делам, рассказывая о пропущенных событиях. Их оказалось совсем мало:

— Во-первых, мы скоро доберемся до западни Ржавого. Во-вторых, капитан решил тебя заменить и сам гонял маленького ангела с палкой в руках...

— Всевышний! — воскликнул Альен. — Как она?

— Выдержала, все-таки она родная дочь нашего Бати, — улыбнулся Самель. — Я бы сказал, что он был добр и мил, всего пару раз наорал на ребенка и один раз отгаскал за ухо. — Молодой человек недовольно покачал головой, решив поговорить с капитаном, чтобы он не брался за чужую работу. Для битья и измывательств у него уже есть ученик. Кок потрепал Литина по плечу. — Это еще не все. Девочка заходила ко мне

после и сказала, что ты с ней поругался. Она очень обижена.

— Я?! — удивлению Альяна не было предела. — Когда я успел?

— Пока сидел над картой и никого не видел, — усмехнулся великан.

— И что я сказал? — вопрос был насущным, и молодому человеку хотелось понять, чем он мог обидеть вспыльчивую девицу.

— Кажется, назвал ее дьяволом, больше я ничего не понял. Она пришла после занятий с папенькой, негодовала и ела одновременно. — Немного подумав, Самель поспешил исправиться. — Вообще-то Тина — девочка воспитанная, маменька ее, наш Ангелок, — знаток этикета и всех этих премудростей. Так что вести себя за столом маленький ангел умеет, это просто волнение.

— Ясно, — кивнул молодой человек, понимая, что вообще ничего не понимает. Хамства за ним даже в таком состоянии не водилось. — Пожалуй, схожу узнаю, что произошло. — И, уже выходя с камбуза, снова покачал головой и с чувством произнес. — Женщины!

— Баба — существо загадочное, — важно кивнул Самель ему в спину. — Того, кто их понимает, либо поцеловал Всевышний, либо проклял дьявол.

Альен хмыкнул и покинул камбуз. Тины на палубе не было, как не было «замечательного» Дина и Бонга. Зато имелся Вэй, и он поманил к себе молодого человека, как только заметил его.

— Ну? — с жадным любопытством спросил Лоет.

— Нужно довести до ума, — уклончиво ответил Альен. — Вэй...

— Или молчи, или прыгай за борт, — сварливо прервал его капитан. — Моя дочь. Что хочу, то с ней и делаю. Захочу и буду сам учить. — Постучал носком сапога по палубе и спросил: — Мясник сдал? Слюнтяй и сплетник.

Литин насмешливо изломил бровь.

— Вы занимались с моей ученицей, несмотря на все наши договоренности? — очень натурально изумился молодой человек. — Ну, знаете ли! Это уж ни в какие рамки!

Лоет пару мгновений глядел на молодого человека, потирая подбородок, понимая, что только что сам себя выдал, затем всплеснул руками и возмутился:

— Нет, ты погляди, что творят, паршивцы. Кузнечик, урою! — проревел Вэй и исчез из поля зрения Альяна так быстро, что тот только и успел прочистить ухо от гневного капитанского рыка, обернулся, но Лоет растворился где-то в недрах корабля.

— Я обожаю эту семью! — хмыкнул молодой человек, глядя вслед капитану, а через мгновение рассмеялся, качая головой.

Но быстро успокоился, вздохнул и отправился искать Тину, чтобы выяснить хотя бы причину, по которой его теперь ненавидит мадемуазель Лует. Ее вскрик он все-таки вспомнил после слов кока. Девушка нашлась в каюте Бонга. Дин приветливо улыбнулся, лекарь впился в лицо молодого человека любопытным жадным взглядом, ожидая разгадки. Только Тина осталась сидеть, заметно напряженная, и на просьбу выйти даже не отреагировала. Альян трижды попросил ее. Дважды она промолчала, а на третий повернулась к Дину, взяла его за руку и с преувеличенной радостью воскликнула:

— Дин, ты же обещал мне рассказать какую-то легенду! Идем на палубу, сейчас чудная погода, и я хочу услышать эту историю!

Альян поджал губы, смеривая девушку непроницаемым взглядом. Она поднялась на ноги, так и не выпустив ладони принца из своей руки, и устремилась на выход, толкнув плечом Литина, стоявшего в дверях. Бонг укоризненно покачал головой и поманил к себе Альяна, на чьих скулах заплясали желваки.

— Когда Смерть встанет за плечом, сердце и разум соединятся, — произнес колдун.

— Не понял, — молодой человек перевел на Бонга недоумевающий взгляд.

— Для каждой разгадки приходит ее время, — улыбнулся лекарь. — Пришло время и для разгадки тайны Беса, я чувствую. У тебя получилось.

— Да, — кивнул Альян. — Осталось разобраться с последовательностью слов, и я смогу прочесть послание. Ночью посижу над этим. Все равно не смогу уснуть. — Он бросил взгляд на дверь, затем потер подбородок и обернулся к горастанцу. — Дин увлечен Тиной?

Бонг откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки и хмыкнул. С ответом он не спешил, и это выводило из себя Альяна. Наконец лекарь заложил руки за голову и блаженно потянулся, крякнув с явным удовольствием.

— Не всегда наши желания исполняются. Некоторым желаниям и вовсе не суждено сбыться. Нас окружают преграды. Некоторые непреодолимы, некоторые можно сломить со временем, но невозможно изменить предначертанного, — ответил колдун в своей излюбленной манере.

Литин усмехнулся и признался:

— Право слово, Бонг, порой мне хочется хорошенько встряхнуть вас, чтобы все недосказанности сами выскочили наружу, не оставляя загадок. Что вы сейчас мне сказали?

— Ответил на вопрос, — широко улыбнулся горастанец. — И еще на несколько последующих, только и всего.

— Только и всего, — фыркнул Альен, поднимаясь с места. — Я в каюте Вэя; надеюсь, его капитанство не придет в ярость от моего самоуправства.

Бонг дождался, когда дверь за молодым человеком закроется, и улыбнулся.

— Тебе позволено намного больше, чем кому бы то ни было на этом корабле, мальчик. Вэй уже принял тебя как сына, но прошлое мешает ему смотреть в будущее. Однако ты сломишь и этот барьер, когда придет время... оно уже близко, я чувствую.

Дневная жара уже спала, воздух начал остывать, наполняясь приятной прохладой. На небе, хоть оно и не успело еще почернеть, уже были видны первые звезды, и диск луны просвечивал сквозь редкие облака. Это казалось настоящим чудом, потому что огненный диск солнца еще только коснулся морской глади, спеша нырнуть за горизонт. Волны встречали «Счастличик» неровными хребтами, прокатывались под ним, раскачивая бриг, и бежали дальше. Ветер вяло надувал оставшиеся паруса, неспешно гоня корабль к его цели.

Тина зачарованно взирала на красоту морского заката. Рядом с ней стоял Дин, выполнявший просьбу девушки. И хоть легенда оказалась красивой и закат придавал ей особое очарование, но, спроси мадемуазель Лоет, о чем рассказал горастанец, она бы не вспомнила ни слова. Мысли девушки витали вокруг Альена. Она терзалась любопытством. Что он хотел сказать? Тина ругала себя: к чему было проявлять упрямство? Ведь можно было выслушать, а не хватать Дина, чтобы утереть нос Литину. И как теперь узнать, зачем он приходил? Опять идти к нему и шмыгать носом? Но так она будет и вовсе тряпкой. А она не тряпка! Она дочь капитана Лоета, и этим все сказано!.. Но как же хотелось узнать, что собирался сказать ей Альен!!!

— Ты не слушать, — донеслось до девушки.

— А? Что? — Тина обернулась к принцу, взиравшему на нее с улыбкой и укором.

— Ты меня не слышать, — повторил он.

— С чего бы это? — не согласилась мадемуазель. — Я все слышала.

— Повторить? — Дин прищурился.

— В прекрасных горах, чьи снежные вершушки сверкают на солнце, жил великий и могучий дракон, — начала девушка, вспоминая то, что успела услышать и запомнить. — Чешуя его сверкала, как вода в чистых

горных озерах... А-а-а, — протянула Тина, понимая, что больше ничего не запомнила. — Ну-у-у...

— Ну-ну, — подбодрил ее принц, улыбаясь.

— Что ну? Жрал он много, — буркнула мадемуазель, краснея.

— Что жрал?

— Все, что не приколочено, дьявол его дери, — вдруг начала сердиться Тина. — Потом обожрался, раздулся и лопнул на сто тысяч ящериц.

— И какова же мораль сей поучительной истории? — послышался насмешливый голос папеньки, появившегося на палубе и некоторое время слушавшего разговор дочери и принца.

— Мораль такова: жрать нужно в меру, — проворчала Тина, не глядя ни на Дина, ни на папеньку.

Лоет встал с ней рядом, поглядел на солнце, почти исчезнувшее в море, и усмехнулся:

— Вот и Умник сегодня так же. Весь ушел в разгадку послания Беса. Ничего не видел и не слышал. Складного ответа добиться было невозможно. Вроде отвечает, а мысли далеко. Знал я такого господина. Пока до конца дело не сделает, подходить бессмысленно, все равно не заметит. Наверное, Умники все такие.

Капитан скосил на дочь глаз, сверкнувший лукавством, и покинул палубу. Тина некоторое время осмысливала слова папеньки, осознала и охнула.

— Так Альян даже не понял меня... — а через мгновение над палубой прокатилось восклицание: — Послание Беса! Он сумел увидеть его?

— Да, — кивнул принц. — В тот день, когда вы гулять с Альяном на острове, а капитан и его люди убивать пиратов Ржав... Ржа-вы-ва на «Алиани».

— Что? — сдавленным шепотом переспросила Тина.

И перед девушкой вдруг открылось страшное: вокруг нее заговор, в который вовлечены все. Все!!! И ведь никто даже не обмолвился о том, что происходило вокруг нее. Накидали конфет, чтобы ребенок был занят, а все интересное и важное осталось за бортом! Негодяи!!!

— И ты знал и молчал! — воскликнула Тина, с гневом взирая на его высочество.

— Ты не спрашивать...

— И папенька! И Самель, и Кузнечик, и господин Ардо, и Альян! Да как... как вы смели?! Вы... вы все... вы... Вы! Это же я нашла карту, это же я, все я! А вы! У-у-у, — потрясла девушка кулаками и сорвалась с места.

Она промчалась по брига, подобно урагану, испепеляя каждого встречного возмущенным негодующим взглядом. Наконец добралась до кают, открыла дверь в капитанскую и увидела того, кого искала. Альян сидел со своими листками и задумчиво выводил что-то на клочке бумаги. Мадемуазель Лоет стремительно пересекла каюту, бухнулась на свободный стул и успела увидеть, что клочок исписан ее именем. А в следующее мгновение Альян смял его и сунул в карман, вопросительно глядя на девушку.

— Альян Литин, ты негодяй, — возвестила мадемуазель Лоет.

— Как скажешь, — усмехнулся Альян.

— И я с тобой не буду разговаривать никогда в жизни. Никогда-никогда, хоть на коленях стой.

— Запомнил.

— И что бы ты ни сказал, я все равно тебя не прощу.

— Твое право.

— Как ты мог?!

— Мог что?

— Все! Как ты мог так поступить со мной?!

— Э-э-э...

— Да-да, я все знаю, и тебе нет оправдания! Ты ужасный, гадкий, отвратительный! Ты...

Девушка вдруг выдохлась и взгляд ее остановился на лице молодого человека, в глазах которого сейчас сплелись усталость и ирония.

— Я не буду с тобой разговаривать, — повторила Тина уже менее воинственно.

— Я понял.

— Рассказывай.

Альян изломил бровь, и девушка тыкнула пальцем в листы бумаги.

— Ты же со мной не разговариваешь, — напомнил Литин.

— Но это не мешает тебе разговаривать со мной, — пожала плечами мадемуазель Лоет. — Рассказывай. Как обнаружили послание, и что оно гласит... И почему ты сегодня был сам не свой... А ты меня совсем не слышал? То, что я говорила тебе, пока ты метался между картой и своими бумагами.

— Ты меня ненавидишь, — невесело усмехнулся Альян и потер лицо.

— Только это?! — изумилась Тина. — А то, что я сказала раньше? — Молодой человек отрицательно покачал головой. — Совсем-совсем?

— В такие минуты я свое имя забываю. Матушка пыталась бороться, насильно вытягивая меня из моего увлеченного состояния, но выходило

только хуже, и домашние меня просто оставляют в покое, пока сам не вернусь к ним. Вот такой я несовершеннолетний, — Альен развел руками. — А что ты мне говорила?

— Я с тобой не разговариваю, — тут же задрала нос мадемуазель Лует. — И не заговаривай мне зубы. Рассказывай все-все-все.

Альен спрятал улыбку, заметив, как расправились плечи девушки — похоже, ее удовлетворил первый ответ, но упрямство и вредность, присущие Луетам, никуда не делись. Молодой человек снова улыбнулся и начал свое повествование.

Глава 31

Ночь была... сказочной! Да-да, кто бы и что ни вкладывал в это выражение, но Тине прошедшая ночь показалась настоящей сказкой. Во-первых, папенька, заглянув в каюту и обнаружив неугомонную дочь в компании молодого человека, молча поиграл бровями, погрозил пальцем, пообещав обоих выкинуть за борт, и... ушел. Нет, он, конечно, еще появился после этого, и не раз, но спать не прогонял, надолго не задерживался, а если и задерживался, то только для того, чтобы перечитать те вариации послания Биглоу, какие выходили у молодых людей, и после уходил, усмехаясь себе под нос.

А во-вторых... Во-вторых, они с Альеном поругались за эту ночь, кажется, сто тысяч раз, ни разу всерьез не поссорившись. А все дело было в расшифрованном послании, в котором господин Литин пытался разобраться с порядком следования слов. Тина, выслушав повествование обо «всем-всем-всем», поворчав и пофыркав, замерла с благоговейным уважением, следя за возобновлением работы над шифром. Но, когда заметила, что Альен вновь погружается в то странное состояние исследовательского безумия, не пожелала с этим мириться.

Уж как бы там мадам Литин ни пыталась бороться с сыном, но Тина подошла к делу по-своему.

— Альен, — позвала она молодого человека.

— Угу.

— А-а-алье-е-ен...

— Да-да, чуть позже.

— Альен!

— Угу.

В общем-то, мадемуазель Лует в тот момент вела свою исследовательскую работу, развлекаясь, как это было возможно в данной обстановке. Она обогнула стол, нависла над Литином и гаркнула ему в ухо так, что он подскочил на стуле:

— Альен!!!

— Тина, проклятье! — воскликнул молодой человек, несильно дернув довольную девушку за ухо.

Она ненадолго угомонилась, понадеявшись, что добилась своего, но вскоре Альен вновь перестал ее замечать. Почесав подбородок, мадемуазель Лует опять встала за спиной мужчины и принялась отчаянно

трясти его, распевая разудалую пиратскую песню. Закончилось все тем, что девушку водворили на ее стул и погрозили ей пальцем, напоминая, что трудится господин Литин отнюдь не ради собственного удовольствия, а на пользу общего дела.

Отчего-то совесть не спешила пробуждаться в юном создании. Почесав теперь кончик носа, решительно шмыгнув и кровожадно улыбнувшись, Тина в который уже раз поднялась со своего места. Она мгновение полюбовалась сверху вниз на предмет своих вздыханий, а после завалилась на стол, разом скрывая всю работу Альена.

— Мадемуазель Лоет, имейте совесть! — возмутился молодой человек, лишенный своего занятия.

Он снял Тину со стола, вернул на стул, усмехнулся и ласково провел тыльной стороной ладони по ее щеке, но тут же вскрикнул, потому что мадемуазель ухватила его зубами за палец, прикусив так сильно, что на коже остались вмятины от ее зубов. Зашипев от боли, Альен опустил взгляд и обнаружил восхитительнейшую в своей чистосердечной наглости физиономию без единого следа раскаяния в карих глазах, смотревших на него с коварством, достойным самого капитана Лоеа.

Тяжело вздохнув, Литин вернулся на свое место, но не успел он сеть, как Тина вновь лежала посреди стола, скалясь в жизнерадостной ухмылке.

— Что ты хочешь, чудовище?! — воскликнул молодой человек, и девушка села на свое место сама, деловито сообщив:

— Хочу разгадывать вместе с тобой.

— Ты со мной не разговариваешь, — напомнил Альен.

— До утра я отменяю бойкот, — отмахнулась Тина. — Если опять замолчишь, я съем все, что лежит на этом столе.

— Не подавишься? — насмешливо спросил Литин.

— Ты меня спасешь, — самоуверенно осклабилась мадемуазель Лоет. — Объясняй.

— Ты просто невыносима, — улыбнулся Альен, а Тина горячо кивнула, подтверждая его слова.

С этой минуты они работали вместе. Сначала Альен норовил вновь углубиться в шифр и раздраженно ворчал на мадемуазель. Преисполнившись энтузиазма, Тина схватилась за дело, до конца не разобравшись в нем. Они огрызались друг на друга, фыркали, язвили и обменивались колкостями. Но когда у Тины сложилось первое словосочетание, от ее радостного визга, кажется, задрожал «Счастливчик». Девушка вновь навалилась на стол, притянула к себе Альена и покрыла быстрыми поцелуями его лицо, после этого Литин стал хвалить девушку

гораздо чаще, несмотря на ее ошибки. Визжать она больше не визжала, но поцелуями молодые люди обменивались по малейшему поводу, отмечая каждое продвижение в деле расшифровки послания Ларса Биглоу. И это настолько понравилось обоим, что участились и вовсе возмутительные случаи.

— Еще строчка! — восклицал Альен и подставлял щеку, получая звонкий поцелуй. Затем смотрел в бумаги и качал головой, фальшиво сокрушаясь: — Ах, нет. Показалось.

Тина укоризненно грозила пальчиком, возвращалась к делу, но вскоре вскрикивала:

— Нашла! — тут же получала свой поцелуй в румяную от смущения и удовольствия щеку и вздыхала: — Нет, ошиблась.

Когда за дверями раздавались шаги капитана, влюбленные, нависшие до этого над столом рядом друг с другом, рассаживались по местам. Господин Лоет, окидывал их подозрительным взглядом, отмечал румяные щеки дочери, невозмутимое лицо молодого человека и горящие глаза у обоих — парочка старательно прятала их, низко склонившись над бумагами.

— Ну? — грозно вопрошал строгий папенька.

Они скидывали головы, тут же выдавая себя, кивали и обещали скоро закончить.

— С рассветом разгону, — неизменно обещал Вэй.

— Угу, — хором мычали Тина и Альен, не споря с суровым родителем.

А потом все возобновлялось. Однако к рассвету, усталые, но довольные, молодые исследователи смотрели на лист бумаги, заполненный уже вразумительными предложениями.

— Это же стихи! — воскликнула Тина. — Экий затейник был Биглоу.

— Вот уж точно, — немного ворчливо ответил Альен, опять беря в руки грифель и последний чистый лист.

Он переписывал строки, тут же находя ошибки в прежнем расположении предложений. Немного подумав, молодой человек расставил слова согласно рифме и поднял взгляд на мадемуазель Лоет, прятавшую в кулачке зевок.

— Я готов восхититься этим человеком. Он был несомненно умен, талантлив и чрезвычайно коварен. Смотри сама, после всего, что нам пришлось открыть и понять, теперь предстоит голову поломать еще и над этим стихотворением, верней, над его смыслом. Воистину он заслужил свое прозвище.

Тина забрала у него лист и вчиталась в строки, написанные чуть

неровным от усталости и скудости освещения почерком.

Хвала тебе, слепец прозревший,
Узревший истину в вине.
В мученьях дни свои проведший,
Узнаешь, что известно мне.

Во глубине, средь древних стен,
Сокрыты в тайное хранение,
Заключены на вечный плен
Плоды прижизненного рвенья.

Но вот тебе предупрежденья,
Что дверь откроют пред тобой.
И коль добился ты прозрения,
Поймешь и их, само собой.

На глубине, не зная сна,
Скрывают лики стражи моря.
Они поднимутся со дна,
Судьбе жестокой дружно вторя.

Затем дракона пасть открыта,
Зубами острыми грозя.
Коль осторожность позабыта,
Сожрет без жалости тебя.

Когда невинные рыдают,
Будь осторожен, тайный друг:
Морские стражи поджидают
Тебя в свой смертоносный круг.

Когда потоки слез отхлынут,
Узришь тогда желанный путь.
Следы мгновенья быстро стынут —
Все это важно, не забудь.

Шагая каменной тропею,
Забудь о гордости, склонись.

Дракон, следит он за тобою,
Ты в пасть к нему не торопись.

Большое сердце громко бьется.
Удар десятый — твой конец.
Коль жадность в сердце не проснется,
На этом свете ты жилец.

Моих сокровищ не коснутся,
Те, кто отдался Пустоте.
Удача может улыбнуться
Тому, чьи руки в чистоте.

На страже дьявол поджидает
Тех, чья душа уже мертва.
В его объятьях умирают
Гнилые черные сердца.

Тина подняла на Альена изумленный взгляд и с негодованием воскликнула:

— Он издевается?! Неужели старому хрычу было мало загадок? Что он хотел сказать?

Молодой человек забрал у нее послание Ларса Биглоу, присел на край стола и приобнял девушку за талию, ненавязчиво привлекая к себе.

— Ну, смотри. Хвала тебе, слепец прозревший, узревший истину в вине. Тут все просто. — Мадемуазель Лоет доверчиво прижалась головой к мужскому плечу, устремляя взгляд на послание. Литин легко коснулся волос девушки губами и продолжил: — Вино помогло шифру проявиться, и мы его увидели. Дальше он немного издевается над тем, кто промучился над его задачей, называет скалу — древними стенами, а клад — плодами прижизненного рвенья. Биглоу всю жизнь занимался разбоем и пиратством, скопив несметные богатства, ты это сама помнишь. — Тина кивнула. — А вот дальше... Дальше сплошная шарада. Надо думать, но я уже не могу.

— Я то-оже, — зевнула девушка, прикрывая рот ладошкой. — Спать.

— Самое верное решение, — улыбнулся Альен, прижимая к себе Тину еще крепче.

Она подняла к мужчине лицо, и он склонился к губам девушки, но слышались хорошо знакомые шаги, и парочка вновь разлетелась по

своим местам. Дверь открылась, и в каюту вошел Вэйлр Лоет. Он оглядел пристальным взглядом дочь и молодого человека, отметил усталые, но довольные лица и насмешливо приподнял брови:

— И?

— Вот, — торжественно возвестила Тина, передавая папеньке лист с разгадкой.

Лоет недоверчиво посмотрел на дочь, затем на Альена, тот кивнул, улыбнувшись, и Вэй почти выхватил протянутую девушкой бумагу. Прочитал, после прочитал еще три раза и жажнул ладонью об стол, отчего молодые люди вздрогнули.

— Каков мерзавец! — от души воскликнул негодующий капитан. — Дохлятина — ан нет, все равно за свое золотишко цепляется, словно оно ему в преисподней кости греет. Вот что он тут понаписал, поэтишка недорезанный?

Тина откашлялась и важно начала:

— Если смотреть первые строки...

— Я одним глазом вижу лучше, чем вы четырьмя на двоих, — отмахнулся Лоет. — Опять эти стражи! Еще дракон какой-то, слезы... — Капитан вновь уставился в лист бумаги и хмыкнул. — А-а-а, пень трухлявый, аллегориями излагать изволите. Слезы — вода. Под водой — стражи. Пока их скрывает вода, они опасны, поджидают в свой смертоносный круг. Скалы! Подводные скалы. «Когда потоки слез отхлынут» — отлив. Верхушки скал обнажатся, и станет видно, как подобраться к пещере. Ладно, это понятно. На «Счастливишке» мы близко не подойдем, значит, только шлюпки. И успеть надо до прилива. «Следы мгновенья быстро стынут. Все это важно, не забудь». Запомнили, уяснили, дальше. Дракон... зубы... склони голову... Дурость какая-то! «Коль в сердце жадность не проснется...», хм...

— Возможно, время пребывания на острове ограничено, — предположил Альен. — Бери, что успеешь, и уходи.

— Да, скорей всего. Бес щедростью никогда не отличался, наслышан я про него всяких баек, — кивнул Вэйлр. — Кто отдался Пустоте, руки в чистоте... Это еще к чему?

Мужчины переглянулись, словно отыскивая ответ в глазах друг у друга, не нашли и задумались. Тина поерзала на стуле, вздохнула и потерла ладошку об ладошку. Альен проследил за ней и улыбнулся, вдруг вспомнив слова Лоета: «Тина единственная, кому карта досталась без крови».

— Руки в чистоте, — повторил молодой человек. — Чистые руки, не запятнанные. Бес хотел сказать, что удача будет на стороне того, кому карта

достанется без крови. Те, кто отдался Пустоте, — убийцы, разбойники... пираты. Те, кто убивал за возможность заполучить сокровища Биглоу.

Капитан сделал шаг к молодому человеку, встрепал ему волосы и сжал в кулаке густую черную челку, несильно потянув и вынудив Альена поднять к нему лицо. Затем взгляделся в него, поймал открытый честный взгляд синих глаз и выпустил волосы Литина, хлопнув того по плечу.

— И все-таки ты — Умник, Литин, — сказал он. — Молодец!

— А я? — насупилась Тина, ревниво взглянув на папеньку.

— А ты — мое сокровище! — воскликнул бывший пират, рывком поднимая дочь со стула и прижимая к себе. — Мое маленькое, но самое дорогое сокровище.

— Папенька, — растроганно всхлипнула девушка, прижимаясь лицом к отцовской груди.

— Убрать соплю! — привычно гаркнул Вэй, но на губах его играла улыбка. — Лает ты или какой-то там Сопляк?

— Лает, папенька, — ответила Тина, с гордостью и обожанием глядя на родителя.

— Так держать, мартышка, — рассмеялся Лает.

— Я не мартышка, — так же привычно возмутилась девушка.

— Это мы выясним днем, — Вэйлр обнял дочь за плечи. — А теперь живо спать. Оба! Или за борт.

— Спать, — со смешком сделал выбор Альен.

— Тогда вперед! — воскликнул капитан и, дождавшись, когда дверь за молодыми людьми закроется, с нескрываемой гордостью произнес: — Орлы мои!

Молодые люди покинули капитанскую каюту. Альен, воровато оглядевшись, порывисто прижал к себе девушку, заключая ее в объятия, и поцеловал в кончик носа. Мадемуазель Лает сморщила носик, фыркнула и без всякого стеснения подставила губы. Молодой человек заключил ее голову в ладони, зарываясь пальцами в волосы, и поцеловал, наполняя соединение губ тягучей нежностью и капелькой страсти, опасаясь напугать Тину напором. А когда он вновь поднял голову, взглянув на девушку, чуть затуманенным взором пронзительно-синих глаз, Тина сама прижалась к груди Альена и вздохнула:

— Ах, кабы никогда не разлучаться.

— Нам это подвластно, — ответил молодой человек. — Никогда не разлучаться и не опасаться, что кто-то увидит нас вместе.

— Это было бы чудесно, — прошептала Тина.

— Скажи «да», и все исполнится, — искушающе мурлыкнул ей на ухо

Альен.

Мадемуазель Лоет подняла голову и посмотрела ему в глаза. Она уже открыла рот, но вдруг насупилась и возмутилась:

— Ты опять, да? Опять?

— Так я от своих намерений не отказывался, — подмигнул ей Литин и получил несильный тычок в живот. — Дерешься? — грозно спросил он.

Неожиданно прижал руки Тины к ее телу, нагнулся и засопел в шею, щекоча губами и дыханием. Ответом ему было сдавленное хихиканье, фыркание и возмущенный писк извивающейся мадемуазель Лоет.

— Что за мышьяная возня? — слышался окрик из капитанской каюты. — Я сказал, по норам!

Тина ойкнула, и Альен снова накрыл ее губы коротким поцелуем.

— Добрых снов, Чертенок, — шепнул он.

— Добрых снов, — ответила девушка. Она отошла к своей каюте, уже открыла дверь, но обернулась и тихо произнесла: — Я говорила тебе сегодня, что ты...

— Что я? — молодой человек сделал шаг в ее сторону, но Тина показала язык и, снова задрал нос, проворчала:

— Я с тобой не разговариваю.

Она спешно закрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной и с улыбкой слушала негромкий смех Альена.

— Необыкновенный, — прошептала Тина, заканчивая то, что не договорила перед дверью каюты. — Лучше всех. И ты меня любишь! — Ликующе пискнув, девушка поспешила к своей койке, чтобы упасть на нее, зарыться лицом в подушку и снова пережить каждое мгновение этой волшебной ночи.

— Мой Чертенок, — с мечтательной улыбкой прошептал Альен, проведя ладонью по двери, за которой скрылась Тина. Он снова хмыкнул и отправился к себе, подозревая, что еще долго не сможет уснуть. Но не прошло и четверти часа, как влюбленные уже спали сном праведников, и на устах их блуждали невесомые, но счастливые улыбки.

Утро выдалось хмурым. Волны вздымали пенистые гребни, играя двумя кораблями, упорно плывущими к своей цели. Небо, затянутое серой пеленой, орошало палубы мелкими противными брызгами дождя. Они смешивались с солеными каплями, долетавшими до палубы, когда «Счастливчик», врываясь на очередной гребень, ухал вниз, чтобы тут же поймать следующую волну и забраться на нее. Ветер не рвал паруса, но сейчас большинство их было убрано.

Капитан Вэйлр Лоет стоял на капитанском мостике, пристально

вглядываясь в даль через подзорную трубу. Рядом с ним застыл бессменный старший помощник — господин Ардо. Его лицо, вечно хмурое и недовольное, как казалось тем, кто не знал мужчину, отражало непогоду, разыгравшуюся вокруг брига и шхуны, идущей параллельным курсом. На ее борту так же пристально вглядывался в горизонт через подзорную трубу капитан Верта.

Пушечные порты были открыты, канониры заняли свои места, готовые открыть стрельбу по первому же приказу своих капитанов. Команды обеих кораблей проверили сабли на остроту, зарядили пистолеты и заготовили абордажные крючья. И если люди «Счастливица» оставались спокойны, даже предвкушали то, что должно было произойти, то моряки с «Алиани» были взволнованы, однако полны решимости. Капитан Верта успел прочитать молитву, и его команда слушала его, впитывая священные слова с жадностью фанатиков.

Только связанный пленник, сидевший на палубе шхуны, презрительно кривил губы и сплевывал, глядя на моряков, прежде не знавших морских сражений. Он вывернулся, приподнимаясь на колени, и, взглянув на бриг, тут же нашел взглядом одноглазого капитана. Мужчина не врал себе, Лоят его впечатлил. Несмотря на возраст, он казался молодым и сильным. И, будь на то его воля, судовладелец мог бы снова поискать удачи на море, но для этого он жил слишком благополучно. Пират отметил, вспоминая все, что произошло на злосчастном острове, что Одноглазый не склонен размазывать соплю, как капитан с «Алиани», умеет скрывать свои чувства, но пленник все-таки успел заметить в коротком взгляде, которым его прожег Лоят, что тот готов вгрызться в глотку пирату за тех, кого потерял во время мясорубки. Они с Ржавым успели узнать о бывшем пирате, что Одноглазый вдальбивал своим матросам дисциплину, выбивая из них дух и зубы, но за каждого стоял горой, за что и получил прозвище от своей команды — Батя.

Оценил пират и то, зачем Лоят убрал свою девчонку подальше от предстоящего сражения. Предусмотрительный капитан не отказал людям с «Зари» в возможности победы и нападения на бриг. Уберег дочь, отправив ее погулять под луной с красавчиком-мальчишкой, слишком недвусмысленно смотревшим на девчонку, чтобы не понять, что там все не просто. Самоуверенный с виду, Одноглазый на поверку оказался осторожным, хитрым, жестким... опасным. Такой не отступится и пойдет на все, чтобы убраться с хвоста опасного противника.

— Сидеть, пес, — удар по голове вернул пленника в прежнее положение.

Пират проследил за удаляющимся матросом суженными глазами и снова сплюнул на палубу. Он просчитывал в голове все возможные варианты развития событий, но пока не видел ничего дельного. Два корабля против одной бригантины: на одном — опытные рубаки и канониры, ведомые не менее опытным капитаном, на другом — трусоватые, но озлобленные моряки, чьих товарищей держит на борту «Красной зари» Ржавый... держал. Вряд ли оставил даже половину в живых.

Судьба «Алиани» также была известна... пока не вмешался проклятый Одноглазый. Должно быть, дьявол дернул его девчонку дать стрекача, а красавчика — привести ее на борт шхуны. Если бы не эта вечно несущаяся куда-то сопля, то карта проклятого Беса уже была бы на борту «Зари», и они шли к острову, чтобы забрать несметные богатства мертвого скупердяя. Но все случилось так, как случилось, и теперь бриг превратился из дичи в охотника. Если хорошо вдуматься, то Урсус сегодня должен отправиться в Преисподнюю, где его давно заждались черти, а следом за ним — и его верный друг и помощник, сейчас сидевший связанным на палубе «Алиани». Пленнику такой расклад не нравился, и он продолжал думать.

Вдали показались очертания скалистого острова. Слишком маленького и безжизненного, чтобы кто-то мог на нем поселиться, но его величины вполне хватало, чтобы укрыть за ним корабль. Лоет вновь вскинул подозрную трубу, но морось скрадывала видимость, и Вэй ничего толково не смог разглядеть. Впрочем, ему особо это и не было нужно, потому что он прекрасно понимал: с одинокой скалы следит за их приближением кто-нибудь из людей Ржавого, и сейчас он спешит вниз, чтобы подать знак, что добыча спешит в расставленные для нее силки.

По словам Верта и собственному разумению Лоет успел составить картину боя, которая ожидала их. «Алиани» шла по правому борту, она должна была закрыть клещи, когда с левого высунет нос «Красная зоря». Верта говорил, что они должны были пристроиться у кормы и вырваться вперед, когда станет ясно, с какой стороны будет обходить остров «Счастличик», закрыв свободный борт, чтобы дать по нему залп. Остальное должны были доделать пираты Ржавого, взяв бриг на абордаж с двух сторон и вырезав всех, кто находится на борту, оставив в живых только капитана и его дочь, взявшую карту в Порт-Дайоне.

Сейчас план поменялся. Не сказать, чтобы сильно, смысл его остался прежним, только роль дичи досталась вчерашнему охотнику.

— Добавить паруса, — отрывисто отчеканил Лоет, и матросы, ожидавшие его команды, споро взялись за дело.

Бриг встряхнулся, словно охотничий пес, прибавляя скорости. Шхуна

последовала его примеру. Остров теперь рос и становился четче быстро и неотвратимо. Новая команда — и «Счастливчик» заложил на левый борт, «Алиани» ушла вправо.

— Пушки к бою!

Корабли выскочили с двух сторон, но «Алиани» оказалась проворней. Однако прежде чем прозвучал залп из пушек, пленник вскочил на ноги и заорал что было сил:

— Засада! Урсус, уходи!!!

Бригантина с кроваво-красными бортами, оцетинившаяся стволами пушек, дала залп по «Алиани», оказавшейся ближе. После выстрелил «Счастливчик» наконец, выбравшийся из-за скалы. Бриг откинулся на левый борт после одновременного залпа десяти пушек. Скатилась с койки спящая Тина, вскочил на ноги ошарашенный со сна Альен. Бонг невозмутимо потер переносицу и, прихватив взволнованного принца, отправился в каюту мадемуазель Лоет.

Грохот, запах гари, дым и отчетливый скрежет ломаемого дерева и рвущегося такелажа заполнили воздух. Бригантина вновь огрызнулась залпом, еще больше заволакивая пространство дымом, но так и не попав в бриг.

— Уходят! — гаркнул Лоет, когда новые ядра взметнули тучи водяных брызг. — В погоню!

«Заря» не успела далеко отойти, но паруса, выпущенные на свободу, уже наполнил ветер, и бригантина все больше увеличивала расстояние между собой и преследователями. Бриг, подобно псу, вцепился в хвост ускользящей добыче. «Алиани», почуяв охотничий азарт, неслась следом на оставшихся парусах, потому что одной мачты у нее уже не было.

— Абордаж отменяется, — мрачно возвестил Лоет. — Топим гадов, и чтоб ни одно дерьмо не всплыло.

Новый залп не принес результата. Это злило Вэя, и он очень надеялся, что пленнику на шхуне не вспорют глотку раньше, чем он до него доберется. А еще хотелось излить ярость на Верта, который оставил пирату рот свободным. Более того, капитан шхуны должен был появиться после, но вырвался вперед, дав возможность пленнику предупредить Ржавого, да еще и замешкался, не нашпиговав ядрами «Зарю», как только вылетел на нее.

— Потом урою всех, — принял решение Лоет, сосредотачиваясь на преследовании.

— Что происходит? — вскрикнула Тина, когда лекарь отловил ее в дверях каюты и втиснул обратно.

— Ловим Ржавого, — спокойно ответил Бонг и присел на стул, указав Дину на второй.

— Я хотеть на палубу, — воскликнул принц. — Я хотеть смотреть.

— Я тоже! — подскочила с койки Тина.

— Сидеть, — неожиданно рявкнул вечно спокойный Бонг, и молодые люди вернулись на свои места, прислушиваясь к звукам погони.

Альен Литин выбрался на палубу, рассмотрел происходящее и поспешил к Тине, понимая, что он сейчас абсолютно бесполезен и мешаться под ногами моряков глупо.

— Там Альен, — услышал он возглас девушки, подходя к ее каюте.

— Альен здесь, — ответил молодой человек, удерживаясь за переборку, чтобы не свалиться от качки, учиненной волнами и канонирами.

— Что там? — тут же подскочила на ноги Тина и полетела назад, когда раздался грохот очередного выстрела.

— Гонят Ржавого, — ответил Литин, пробираясь ближе и устраиваясь рядом с мадемуазель Лоет. — Или догоняют, толком не понял. «Алиани» позади, кажется, у нее сломана мачта. Похоже, что-то пошло не так. — Бонг кивнул, и все четверо замолчали, прислушиваясь к крикам на палубе.

«Счастливец» мог нагнать «Зарю», мог вырваться вперед, ему это было по силам, но Лоет, всегда азартный и загорающийся в подобных схватках, легко рискуя и выигрывая, сейчас осторожничал. На борту находилась его дочь, и рисковать ею любящий отец хотел меньше всего. И все же нельзя было упустить врага, который без жалости ударит в спину. Догнать и уничтожить — это было главной целью.

— К дьяволу, пора показать ублюдкам, на что способен этот кораблик, — пробормотал Вэй и заорал: — Вперед, сукины дети! Или сдохнем, или очистим мир от скверны. Лично я — за последний вариант, — добавил он тише.

Повинуясь действиям команды, бриг вновь набрал скорость, уже вырываясь на половину корпуса бригантини.

— Дятлы, готовь клювы! — проорал старший канонир. — Продырявим задницу мерзавцам! — Он повернул голову в сторону капитана, Вэй кивнул. — Долби!

Огонь вырвался из жерл нескольких пушек: первая, вторая, третья, четвертая, пятая. Из пяти ядер до цели долетели два, причинив бригантине небольшой урон.

— Урою, гады! — проревел Лоет. — Окосели вконец?! Тогда задницами цельтесь, глядишь, одним глазом лучше увидите!

«Заря» огрызнулась, но как-то вяло, больше добавляя дыма, как и в

начале погони, чем стараясь задеть противника. «Счастливец» сравнялся с бригантиной, канониры приготовились дать новый залп, но «Заря» завалилась на правый борт. Бригантина разворачивалась, закладывая крюк.

— Вашу драть через колено! — в сердцах гаркнул Лоят, уже понимая, что задумал Ржавый.

Пока бриг разворачивался следом, пока ловили ветер, «Заря» уже шла к «Алиани», сильно отставшей от двух кораблей.

— Верта, не подведи, — стиснул зубы Вэй. — Засади ублюдку по самое горло.

Он видел, как бригантина приблизилась к шхуне, но «Алиани» молчала. А в следующее мгновение с борта «Красной зари» посыпались тела убитых матросов, взятых заложниками. И только один мужчина, постоянно оглядываясь, залез на борт и бросился в воду. Неизвестный ожесточенно работал руками, то уходя под воду, то вновь появляясь на поверхности. Он греб в сторону «Счастливика», и через некоторое время до Лоята донеслось:

— Господин Альен! Гос... Это я, Рен... Аль... — он захлебывался, но продолжал бороться с волнами. — Рени...

«Заря» дала залп по «Алиани», затем второй и третий, разбивая борт в щепы. После раздался оглушительный взрыв, и шхуна из Пьенского порта Марантийского королевства перестала существовать. До моряков с брига донеслись крики гибнущих людей.

— Какого дьявола я связался с этими... — с нескрываемой горечью произнес Вэйр и махнул рукой. — Прекратить погоню, Ржавый сам нас найдет. Подбирайте всех, кто выжил, и этого крикуна, — он кивнул на мужчину, упорно не желавшего тонуть, — тоже. Если Верта выжил, сам удавлю, чтоб не мучился.

Капитану ответили мрачными взглядами. Столь бестолкового сражения у «Счастливика» еще не было.

— Даже Берк был лучшим напарником, чем эти щенки, — презрительно сплюнул Красавчик. — На черта с ними связались?

— Да, Берк был дельным малым, хоть и паскуда последняя, — согласился Кузнечик.

Первым добыли пловца. Он шлепнулся на палубу, как рыбина, вытащенная из воды, так же вылупив глаза и открывая и закрывая рот.

— Господин... Альен, — тяжело дыша, произнес мужчина. — Рени.

— Зови Умника, — махнул рукой Лоят. — Кажется, его слуга нашелся.

Бриг добрался до обломков «Алиани». На воду спустили шлюпку, и бывшие пираты отправились подбирать людей, выживших после взрыва

пороха, в запасы которого так удачно попали пираты.

Глава 32

На «Счастливице» уже четвертый день царила тишина. Бриг направлялся в порт очередного государства, чтобы высадить на берег остатки команды «Алиани». После того как всех живых выловили из воды и доставили на борт «Счастливика», Лоет, окинув двенадцать мужчин непроницаемым взглядом, нагнулся над капитаном Верта, сжавшимся в комок у мачты, но махнул рукой и ушел. Верта сейчас никого не замечал. Он сидел, закрыв лицо ладонями, и судорожно всхлипывал, повторяя:

— Всех... всех... мои парни, моя команда, что я скажу...

Немного погодя, когда на палубу позволили выйти Тине, девушка приблизилась к боцману, которого перевязывал Бонг. Она присела на корточки и дрожащим голосом позвала:

— Господин Лериа. — Боцман поднял на нее мутный от боли взгляд. — А Мартель, он...

— Разнесло на части, — без всяких эмоций ответил Лериа, закрывая глаза. А через мгновение до девушки, замершей каменным изваянием, донесся сиплый голос мужчины: — Почему дьявол притащил тебя именно на наш корабль?

— Не слушай, — велел Бонг.

Но Тина распахнула глаза, с недоверием глядя на мужчину, который когда-то дружелюбно подтрунивал над Сверчком, по-отечески трепал по плечу и относился с пониманием к желанию «мальчишки» освоить морскую премудрость.

— Я... — срывающимся голосом начала она.

Лериа повернул в сторону мадемуазель Лоет голову и смерил взглядом, которым, наверное, смотрит судья на преступника, чья вина доказана.

— Это все твой чертов неумный зад, — все так же сипло произнес боцман. — Ты притащила к нам на борт эту дрянь, ты втянула нас в гонки за сокровищами. Это твоими стараниями наши парни сейчас кормят рыб... если осталось чем кормить. Это ты...

Бонг коснулся шеи Лериа, и тот свесил голову набок, потеряв сознание. Лекарь вскинул взгляд на девушку, но она уже отошла от боцмана. Тина добрела до каюты, села на койку, подтянув колени к подбородку, обвила их руками, сцепив пальцы, и уставилась невидящим взглядом перед собой. Слова Лериа все еще звучали в ее голове. Душа

противилась им, ведь она не специально тогда оказалась у колодца, ее отпустили! И разговор подслушала случайно... или же сознательно?

— Чертово любопытство, — пробормотала она, не замечая, как первая слезинка скатилась по щеке.

А потом вспомнилось, как еще вчера она кричала Альену, что все это благодаря ей. Ей! ЕЙ!!! Она влезла туда, куда не стоило лезть, она схватила карту, она принесла ее на борт «Алиани» и уговаривала Альена, который не хотел ввязываться в сомнительное предприятие. Она уверяла, что терять им нечего. Она участвовала в уговорах капитана. До этого плавания шхуна не попала ни в одну переделку, пока на борту не появилась она! Все она, везде она, только она, Тина Лоят, виновата в том, что старый Мартель превратился в прах.

Перед глазами девушки встал старый моряк со своей вечной трубкой с длинным мундштуком, с забавной беззубой улыбкой и нескончаемыми байками. После вспомнился кок — господин Барту, вспомнились его брань и затрецины. И пробежка по палубе от взбешенного мужчины, оказавшегося на поверку славным малым. Лица команды «Алиани» проплывали перед внутренним взором Тины. Она вспоминала их имена и прозвища, кусая губы, пытаясь сдержать рвущиеся наружу рыдания.

— Это судьба... — попыталась уговорить себя девушка.

Однако тут же вспомнила другой случай, в Алгардте, когда ее затея привела к тому, что Дина ударили по голове, связали и хотели продать, Альена ранили и саму ее чуть не подвергли отвратительному насилию. И снова все сходилось на ней, и только на ней.

— Они погибли из-за меня, — простонала Тина. — Ах, зачем я только не потерпела один день? Папенька забрал бы меня из пансиона и ничего, ничего-ничего бы этого не было.

Тут же девушка вспомнила всю цепь событий, что привели ее на борт шхуны, начиная от безрассудного детского поведения семнадцатилетней девицы, лазающей по заборам и торчавшей среди матросов. Она столько времени мечтала о море и приключениях — и, получив их, погубила целый корабль. А «Счастличик» и его команда? А Альен? Дин? Бонг? Папенька?! Они ведь могли сейчас тоже лежать на дне, потому что, как и «Алиани», вступили в борьбу с тем, кого провела маленькая... мартышка.

— Мартышка и есть, — с горечью произнесла Тина.

«Ты притащила к нам на борт эту дрянь, ты втянула нас в гонки за сокровищами».

— Я, — прошептала она.

«Это твоими стараниями наши парни сейчас кормят рыб... если

осталось чем кормить».

— Они погибли из-за меня, — давясь рыданиями, произнесла мадемуазель Лоет. — Я убила их. Я... Я. Я!!!

Дверь в каюту распахнулась, и на пороге появился задыхающийся Альен, словно он бежал долго-долго. Плечи его судорожно вздымались и опадали, встревоженный взгляд синих глаз остановился на Тине, ничком лежавшей на койке и молотившей кулаками по подушке.

— Все из-за меня! — истерично выкрикнула девушка.

Альен пересек каюту, подхватил ее и прижал к себе, но Тина уперлась ему в грудь кулаками, отчаянно мотая головой и бессвязно выкрикивая, чтобы он не приближался к ней, потому что она зло.

— Я — гадина, ядовитая гадина! — надсаживалась девушка, вырываясь из рук Альена. — Мое дыхание отравляет воздух! Я несу всем только несчастья, уйди! — Она вдруг вцепилась в жилет молодого человека и заглянула ему в глаза. — Ты должен бежать от меня, иначе я погублю тебя.

— Да куда же я от тебя денусь, если в тебе моя жизнь? — ответил молодой человек, с силой прижимая голову мадемуазель Лоет к своему плечу. — Глупая. Твоей вины нет ни в чем произошедшем, слышишь? Тина!

— Все из-за меня, — снова выкрикнула она, выворачиваясь. — Это все я, одна я!

Молодой человек только крепче сжал девушку, пока ничего ей не говоря и не доказывая, давая выплакаться и затихнуть. Но Тина продолжала обвинять себя, умоляла забыть о ней, просила остановить ее как угодно.

— Мне нельзя жить, — хрипела она. — Я приношу одни несчастья. Я еще никого не сделала счастливой, только расстраивала. Маменьку, папеньку, дедушку Мовильяра, бабушку и дедушку Ламбер. Я наказание, а не сокровище. Я только разрушаю...

— Тогда почему я почувствовал себя живым только рядом с тобой? — тихо спросил Альен, зарываясь пальцами девушке в волосы. — Почему я чувствую себя счастливым, когда ты рядом?

— Ты ошибся, Альен Литин, — выдохнула Тина. — Выбирай Луситу, она больше подходит тебе. А я... я... — Голос ее вновь сорвался, и девушка разрыдалась с новой силой.

Вэйлр Лоет стоял с другой стороны, прижавшись лбом к двери, сжимая и разжимая кулак. Лицо его исказилось болезненной гримасой, пока он слушал выкрики и самобичевание дочери. Затем поджал губы и, чеканя шаг, вышел на палубу. Обвел взглядом тех, кто остался в живых

после гибели шхуны, и произнес спокойно, не повышая голоса, но его услышали все:

— Если еще хоть одна сволочь посмеет обвинить мою дочь в своей трусости, глупости и нерешительности, клянусь всем, что для меня свято, — я растерзаю его на куски и скормлю свиньям в ближайшем порту. Это же какими ублюдками надо быть, чтобы свалить на девицу вину за то, что вы не осмелились быть мужиками, когда пришло время? И за то, что, как слепые щенки на запах молока матери, полезли вперед, когда вам было сказано дать сначала атаковать «Счастливику» и лишь потом идти на подмогу? Вы, бараны, заporоли все — а виновата Тина?! Я не держал вас, и вы могли убраться в Пьен сразу, как только мы очистили шхуну от пиратов. Сохранили бы и корабль, и большую часть команды. Но вы повели себя как девица, которую вините в своих бедах, и потащились следом, решив, что вы герои. А вы слюнтяи, черт вас всех дерит!

— Они резали глотки парням и кидали их в воду, — глухо отозвался Верта.

— И вы побоялись задеть мертвецов? Моя дочь сильней, отважней и отчаянней вас. И мне не жаль ни вас, ни ваших людей, Верта, потому что в море выживает тот, кто может подышать, но цепляться за жизнь зубами, вгрызаясь до костей, и кто ударит первым, потому что... — Вэй невесело усмехнулся и закончил: — Потому что жизнь пирата такова: или ты, или тебя. Благодаря этому закону даже слабая женщина становится сильней самого сильного воина.

— Но мы не пираты! — закричал капитан Верта.

— Тогда сидите на берегу и не лезьте в игры Лиги, — рявкнул Лует и развернулся, чтобы уйти.

— Мы хотели спасти наших парней, — отозвался один из матросов с погибшей шхуны.

— В Алгардте, — Вэй остановился и ответил, не оборачиваясь, — Тина стала свидетелем сговора негодяев о похищении дочери мэра. Кто ей была та девчонка? Никто, пустое место, но моя дочь поспешила спасти ее, чуть сама не став добычей. Она повела себя глупо и наивно, но... Но я горд, что у моей девочки чистое благородное сердце. И я не позволю ни одному собачьему потроху растоптать это сердечко своими грязными сапогами! Я все сказал.

И он покинул палубу и вернулся к каюте Тины. На мгновение замер, слушая ее судорожные всхлипы, а после решительно вошел, забрал дочь из рук Альена и показал ему взглядом на дверь. Как бы ни хотелось молодому человеку остаться, но он кивнул и молча вышел, оставляя отца и дочь

наедине.

Закрыв за собой дверь, Альен прижался к переборке спиной и закрыл глаза, вслушиваясь в тишину, нарушаемую только всхлипами Тины и едва слышным воркованием большого, сильного и опасного мужчины.

— Хон и Вэй ее успокоят, — прошептал молодой человек.

Мадемуазель Лоет сидела на коленях отца, как в недалеком детстве, крепко обхватив его руками за шею. На голове ее усердно работал лапками паук, а теплая ладонь папеньки скользила по спине, все более погружая девушку в состояние странного покоя и апатии. Все произошедшее вдруг показалось страшным сном, только Тина знала, что ничего ей не приснилось. Была шхуна, на которой она провела столько увлекательных дней, были люди, с которыми она разговаривала, смеялась, здоровалась за руку. Был старый Мартель...

— Это было его последнее плаванье, — прерывисто вздыхая, произнесла Тина. — У него есть внук, с которым он хотел выходить в море рыбачить.

— Кто? — спросил Вэй, целуя дочь в висок.

— Мартель... Старик-матрос с «Алиани». Он был такой добрый, такой... — голос девушки сорвался, она вжалась лицом в плечо отца, тихо подвывая.

Лоет прикрыл глаза. Он всегда чувствовал себя беспомощным, если плакала женщина, раздражался и говорил гадости, но это было не по злобе, а от бессилия. А сейчас ему было просто тяжело и до крика жаль девчонку, искавшую в нем защиты. Его дочь, его чудо, его маленькое сокровище наконец столкнулась с тем, к чему она так стремилась. Увидела истинное лицо жизни Лиги, овеянного в девичьей головке духом романтизма и приключений, а он, такой опытный и мужественный, не мог найти слов, чтобы успокоить ее. И все-таки это был урок, жизненный, важный, необходимый девчонке урок. И они все, кто сейчас находился на «Счастливице», получили такой урок в свое время.

Он, Вэйлр Лоет, — когда столкнулся с предательством товарищей на королевской службе и шел связанным ко дну, читая молитвы и выпутываясь из веревок. Впрочем, сколько этих уроков и оплеух он получил за время своей насыщенной жизни? А сколько их еще получит его девочка, сотрясающаяся в рыданиях на отцовских коленях? И не оградишь, не спасешь, не защитишь. Как бы он ни старался, она отхватит все, что уготовила ей жизнь, и остается уповать только на то, что сегодня Тина получила самую сильную оплеуху.

— Если бы я не притащила эту проклятую карту...

Вэй отодвинулся, внимательно разглядывая дочь. Приподнял ее голову за подбородок, осторожно стер с покрасневшего личика слезы и сурово сдвинул брови.

— Так это ты притащила Ржавого и второго пирата к тем складам?

— Что? — опешила Тина.

— Не могла выбрать другого места? Вечно ты не думаешь, что творишь, мартышка пустоголовая, — продолжал Лоят, все больше издеваясь и ерничая. — Бедный Лени, ты рукой Ржавого зарезала его, а потом заставила подыхающего мерзавца выкинуть себе под ноги карту. А где ты вынудила покойника раздобыть эту карту? Тоже кого-нибудь пришила? Глотку вспоролла или брюхо? Хотя я знаю, с чего ты начала. Ты водила рукой милого Беса, когда он рисовал свою карту и шифровал послание на обратной стороне. Все сделала, чтобы сегодня потопить «Алиани». Даже бедолаге Верта рот ладонью накрыла, чтобы не отдал приказ палить в «Зарю» из всех орудий.

— Папенька, что вы такое говорите?! — воскликнула девушка, возмущенно глядя на отца.

— Правду, — пожал плечами Вэй. — Это же все ты. А кто еще? Если хорошенько порыться в истории, твои грехи возрастут стократно.

— Да как вы можете иронизировать?! Люди погибли...

— Они гибнут каждый день, — отчеканил Лоят. — На море отдать жизнь можно тысячами способов. Шторм, судороги, пираты, королевский флот. К дьяволу, Тина, это жизнь! Какого черта ты взваливаешь на свои хрупкие плечи непомерную тяжесть вселенской вины?

— Но если бы я не попала на «Алиани»...

— Отлично! Теперь еще и я виноват! — воскликнул Вэй.

— О чем вы, папенька?

— Если бы я не отправил тебя к деду, ты бы не попала на «Алиани», — буркнул мужчина, но тут же мотнул головой. — Хотя нет, во всем виновата маменька.

— Маменька-то как?! — вскричала Тина, хватаясь за голову.

— А кто еще? Если бы она меня отговорила, я бы не послал тебя к деду, и ты бы не оказалась на «Алиани». — Пояснил Лоят. — А что это мы так мелко плаваем? Давай углубимся. Тут все гнездо Мовильяров виновато. И Ламберы заодно. А что? Если бы в моей крови не было родового упрямства, если бы дед не казался последним оплотом, если бы Марк не оказался свиньей, если бы мой брат лучше воспитывал сына, если бы Дульчина и Ансель оказались иными людьми и иначе воспитали твою матушку... Ах, да, я еще кое о ком забыл. Литин! Во всем виноват Литин, а

не мы. Это ему вздумалось ехать по той дороге, где шла ты. И ведь, подлец такой, он тебя потащил на «Алиани». Да если бы не он...

— Довольно, папенька! — воскликнула Тина. — Альен тут ни при чем! Он не тащил меня силком, только предложил поработать на него.

— Значит, Мовильяры и Ламберы?

— Нет!

— Тогда виноватых нет, выходит, — пожал плечами Лоет.

— Я виновата...

— Адамантина Лоет! — гаркнул Вэй, и девушка невольно сжалась на его коленях, а Альен за стеной вздрогнул. — Хватит нести чушь! В чем ты виновата? В цепи случайных событий? В том, что ты такая, какая есть? Тогда вини нас с твоей матерью, потому что в тебе наша кровь и наше воспитание! Ты хочешь оскорбить меня, сказав, что мы дурные люди, раз вырастили такую дурную дочь?! Только попробуй, и я надеру тебе уши! — Мужчина сбавил тон и заговорил уже без сарказма: — Твоя единственная вина — в нежелании думать. Любой поступок — это ответственность. Что касается проклятого Беса, его карты и желания Лиги завладеть его золотом, то из-за этих сокровищ уже сто лет гибнут люди и тонут корабли. Сколько их? Тысячи, Тина! Команды выкашиваются одним махом. Да проклятый остров уже омыт кровью, и в этом ты тоже хочешь обвинить себя? Когда ввязываешься в игры больших мальчиков, будь готова сама стать, как они, или сложи руки на груди и покорно прими ядро, как это сделала команда «Алиани». Они позволили себя уничтожить без боя, подставили борт, даже не огрызнувшись. Ты им не дала влупить хотя бы пару ядер по бригадине? Ты задула фитили? Они погубили себя своей нерешительностью, а вину возложили на голову глупой девчонки, только узнающей жизнь. Да ко всем чертям! Ржавый ждал мой бриг, он хотел вырезать мою команду, и он нападет снова, мне тебя в этом обвинить? — Тина испугано молчала, жадно слушая все, что говорил ей отец. — Ржавый — это Ржавый. Он пират и живет по законам Лиги. Знаешь, что это за законы? Никаких законов, дьявол его дери. Он режет людей, как свиней, мстительный, злопамятный, жестокий. И это тоже твоя вина? Я знал, во что ввязываюсь, потому ответственность за это плавание — на мне. Я не бегу от нее и буду драть мерзавца под хвост при каждой возможности. Твоя же задача — извлечь урок из всего произошедшего и повзрослеть наконец. Все ясно, Сопляк?

— Я не Сопляк, капитан, я — Лоет, — слабо улыбнулась Тина.

— Вот именно, девочка, — подмигнул ей папенька. — Умник, я знаю, что ты там. Зайди.

Дверь через мгновение открылась, и на пороге появился Альен. Вэй

поманил его, поднялся на ноги и вручил Тину.

— Держи, доверяю, — проворчал он. — И чтоб без глупостей мне тут.

Вэйлр направился к двери, но на пороге обернулся и укоризненно покачал головой, видя, как колени отца сменяются коленями молодого человека. Вэйлр видел, как Литин заключает лицо мадемуазель Лое в ладони, поглаживает ее скулы большими пальцами и заглядывает в глаза. Видел, как дочь кладет ладони на плечи молодого человека, как жадно вглядывается в его глаза, и капитан отвернулся, стремительно покидая каюту. В другой раз Лое не преминул бы колко высказаться и согнать Тину с рук Альена, но сейчас он промолчал, как-то вдруг понимая то, что родительское время уходит и начинается взрослая жизнь, когда птенцам пора становиться на крыло и вить собственные гнезда. Детство самой младшей из его детей шло ко дну вместе с обломками шхуны, время делиться своим сокровищем было уже слишком близко. Слишком...

— Дьявол, — выдохнул Вэй и поднял лицо к небу, пряча единственную слезу, столь нежданно посмевавшую обнажить душу бывшего пирата.

Тина приходила в себя: она больше не рыдала, не винила себя, но на палубе почти не появлялась, только в сопровождении Альена или Дина, если Литин был занят. Своих занятий с последним Вэй не отменил, еще больше усилив напор. Теперь, когда Ржавый сумел вывернуться из ловушки, встреча с ним была неминуема. Рано или поздно, но он должен был объявиться, и Лое хотел, чтобы мальчишка мог защитить себя и Тину, если отца не окажется поблизости. Он был доволен своим подопечным, но это не мешало Вэю рычать, ворчать и выговаривать Альену за малейшую ошибку. Терпению и железной выдержке молодого человека не изумлялся только ленивый. А разгадка была проста. Литин понимал то, о чем думал капитан, как понимал, что противником его может оказаться вовсе не лесной разбойник или изнеженный столичный житель, повеса и любитель дуэлей.

После провала канониров бриг был весь поставлен на уши. Когда Лое не гонял Альена, упражнялись матросы, сменяя друг друга. Что касается канониров, то им пришлось выслушать настолько жесткую отповедь, что уши пылали даже у тех, кому довелось слышать брань и похлеще. Лое не жалел никого, он даже горастанцев заставил встать друг против друга, и все, кто находился на палубе, открыв рот, следили за их странными «танцами», настолько плавными были движения принца и лекаря. Порой они казались тенями, расплывавшимися в пространстве, и Красавчик, почесав подбородок, решил вслух:

— С этими я связываться не буду.

— Хорошо пляшете, — сухо заметил Лоят, — а теперь на саблях с моими парнями.

Дин оказался более слабым бойцом, Бонг легко и быстро справился с двумя противниками, выставленными против него капитаном.

— Принца нужно натаскать, слишком спешит, порывист и горяч. Азарт ему только мешает. Колдун, займись, — распорядился Вэй. — Если придется схлестнуться с пиратами, а нам придется, мальчишка встанет со всеми вместе. Одной девчонки на борту больше чем достаточно.

За всем происходящим в хмуром молчании следили матросы с погибшей шхуны. Они сбились в кучку, почти ни с кем не разговаривали, друг на друга тоже не смотрели. Слова Лоята об их трусости и нерешительности задели мужчин, но сказать против было нечего. Слишком оказались взволнованы предстоящей схваткой, вели себя бестолково и при виде своих товарищей, которым резали глотки на «Заре», и вовсе впали в ступор, заворожено глядя на полет очередного тела с борта бригантины в воду.

Не подходил к людям из бывшей команды только их капитан. Он перебрался к корме и о чем-то напряженно думал, вяло реагируя на Самеля, когда тот приносил ему еду. Верта не разговаривал со своими матросами, но следил пристальным взглядом за Лоятом. Мужчина не решился сказать того, что происходило на борту шхуны с того мгновения, как корабли разошлись. Хотя... это началось раньше.

— Ты думаешь, Одноглазый оставит вас в живых? — насмешливо спросил пленник, глядя на Верта, прищурив один глаз. Капитан отвернулся, не слушая его, но пирата это не остановило. — Что ты знаешь о нем? Честный коммерсант? На его счету таких, как ты, сотни. Использует и пустит шхуну ко дну. Думаешь, он захочет делиться с вами сокровищами Беса? Черта с два! Там столько, что у самого благородного человека проснется жадность. И даже если вы доберетесь до проклятого острова, вам не выбраться оттуда. Золото лишает разума всех, особенно когда его много, а там его очень много, уж поверь мне.

— Молчи, — отозвался Верта, и это было его ошибкой, потому что одним словом показал пленнику, что прислушивается к нему. Нужно было просто приказать заткнуть ему рот, а лучше выкинуть за борт, но капитан не заткнул и не выкинул, а пират продолжал говорить.

Пират говорил много и складно, расписывая, как в Лиге расправляются с неугодными компаньонами. И пусть Верта уговаривал себя, что Лоят — честный человек, но он был пиратом и остался им, сколько бы раз ни

назывался судовладельцем.

— Ржавый перережет нас еще быстрее, — буркнул капитан.

— Даже спорить не буду, — хмыкнул пират. — Урсус пустит вас ко дну при первой возможности, будь уверен. И людей твоих пустит в расход. У тебя нет выхода. Ты и твои парни — покойники при любом раскладе.

Верта кусал губы. Ему не хотелось верить, мужчина уговаривал себя, что пленник что-то задумал и нужно сейчас же прекратить этот разговор, но помимо воли продолжал слушать.

— Самым лучшим выходом для тебя будет обменять меня на своих задохликов и свалить, пока Ржавый и Одноглазый будут топить друг друга, — снова заговорил пират. — Опереди Лоета, предложи Урсусу обмен, скажи, что выполнил свою часть сделки. Потом появится Одноглазый, он нападет, и мой капитан будет вынужден сцепиться с ним. В это время твои люди успеют прыгнуть за борт. Ты подберешь их и уйдешь на полных парусах. Если бриг тебя опередит, то твоим людям вспорют брюхо.

— И какая выгода для тебя? — спросил Верта.

— Я тоже прыгну за борт и доберусь до своих. А там как дьявол рассудит. Что ты теряешь? Пропасть ни за что или спасти команду? К тому же что тебе мешает прикрыть своих парней огнем из пушек? Так ты и Лоету покажешь, что помогал, и соберешь команду, и имеешь возможность избавиться от Ржавого, иначе он избавится от тебя.

— Да, в плане Лоета есть пробел — мои парни, — пробормотал Верта. — Они либо погибнут от ножей пиратов, либо пойдут ко дну вместе с «Зарей».

Капитан «Алиани» принял то, что говорил пленник, с одним «но»: уходить он не собирался, желая помочь Лоету. Затем сказать, что шхуна уходит в Пьен. Сокровища Биглоу в тот момент интересовали Верта меньше всего. Теперь он знал: надежда на то, что его люди успеют прыгнуть за борт бригантины, была глупой. Но ему так хотелось вытащить из западни хотя бы часть пленников, что Верта не увидел тщетности всей затеи. Стоило довериться более опытному Лоету, а не слушать речи пленника. Но ему до зубовного скрежета хотелось спасти свою команду!

Вместо того чтобы сбавить скорость, «Алиани» вырвалась вперед, и пират, освобожденный от пут, заорал, предупреждая своего капитана, а затем попросту сиганул за борт и сильными гребками направился к острову, а не к бригантине. А дальше случилось то, что случилось... «Алиани» разлетелась на щепы, люди погибли, и он, капитан Верта, безупречно служивший своей компании не один год, потерял все и всех.

Нет, в отличие от боцмана, мужчина не винил девчонку, он винил себя. И теперь Верта сжирало чувство вины и ожидание того, что ждет его по возвращении в Пьен. Судовладелец потребует возмещения стоимости затонувшей шхуны, а гибель команды приведет его к аресту и судье, который, скорей всего, приговорит капитана к виселице, потому что утрата людей и имущества произошла не в связи с нападением пиратов или штормом, а из-за действий Верта, позволившего втянуть себя в гонку за сокровищами. У его семьи конфискуют имущество, жена и дети окажутся на улице. К его моральным терзаниям добавились поиски выхода из того капкана, в который он попал. Вэйлр Лоет казался Верта единственным, кто мог дать дельный совет, помочь избавиться от призрака виселицы, петлю которой мужчина уже чувствовал на своей шее. Только вот заговорить было сложно, и Верта продолжал следить за капитаном брига внимательным взглядом, опуская голову каждый раз, как только Лоет смотрел в его сторону.

Так прошли четыре дня. Если не считать учебных схваток, то остальное время люди на борту «Счастливого» оставались молчаливы и были напряжены. Вахтенные вглядывались в горизонт, следя за появлением кораблей, но пока никто не преследовал бриг и не пытался напасть, потому в порт города Фредо «Счастливчик» вошел без ущерба и потерь. Отсюда моряки с «Алиани» должны были отправиться в Маранту. Лоет собирался нанять для них корабль, тем самым освободиться и уже с чистой совестью идти к острову Беса, до которого осталось не больше недели пути. Затягивать не было смысла, и чем скорей они закончат начатое, тем быстрее вернуться домой, где уже наверняка появилась Адалаис Лоет. Что могла подумать мадам Лоет, не застав дома ни мужа, ни дочери, ни «Счастливого» у причала, Вэй даже боялся думать. Впрочем, по тем распоряжениям, которые он оставил, Аду должны были известить, что добрый папенька решил побаловать дочь морской прогулкой, но! Прогулка затянулась уже на два месяца, и сколько еще пройдет времени до возвращения — сказать было сложно. К тому же на пресловутую прогулку отправилась старая команда «Счастливого», а это пахло уж вовсе дурно.

— Ох, снимет с меня Ангел главное оружие, — как-то пожаловался Лоет Бонгу. — Срежет одним росчерком ножа.

— Твое оружие еще даст залп, — рассмеялся колдун.

— Уверен?

— Можешь мне верить, мой друг, — важно кивнул Бонг.

— А после залпа? Не снимет с борта? — насторожился Вэй.

— Тебе еще долго стрелять, — расхохотался господин Тин. — Я чувствую.

— У-у-уф, — с невероятным облегчением выдохнул Лоет, чем довел старого друга почти до истерики.

Изменились на бриге и вечера. Если до встречи с «Зарей» Вэйлр почти не занимался с дочерью, как обещал, ограничив ее только работой на корабле и занятиями с Литином, то вот уже четвертый вечер он проводил с Тиной. Лоет объяснял ей работу с картами, с навигационными приборами, а ночью выводил на палубу и указывал на созвездия, поясняя, как определить курс по звездному небу. Девушка слушала отца, затаив дыхание, жадно впитывая все, что он ей говорил.

Отец радовался тому, что дочь оживает во время их вечерних занятий, но днем поджимал губы, наблюдая за прохладой, появившейся между Тиной и Альеном. Лоет никак не мог понять, что же произошло. Он помнил, как они смотрели друг на друга совсем недавно, в тот злосчастный день, когда «Алиани» разлетелась на части. Но наутро Вэй почувствовал перемену в отношениях дочери и Литина. Единственный вывод, который смог сделать Лоет, понаблюдав за ними, — это то, что причиной охлаждения стала Тина: слишком хмуро выглядел Альен для того, кто мог дать задний ход в своих намерениях. Нет, девушка не отказывалась от его общества, не ругалась, не гнала, не играла в молчанку, но держала на расстоянии. А на четвертый день и вовсе старалась быть больше с Дином и Бонгом, находя благовидные предлоги, чтобы не оставаться с Альеном наедине.

Спрашивать дочь Лоет пока не решился, спрашивать Литина не стал тем более, не желая показать, что и его трогает то, что происходит между молодыми людьми. Подумать только, а ведь он, Вэйлр, уже почти был готов ответить согласием на просьбу молодого человека о браке с Тиной, но теперь не знал, что с этим делать. Идти против воли дочери Вэй никогда не собирался. Решив остаться в стороне и понаблюдать, до чего у них дойдет, Лоет немного успокоился, придя к выводу, что все не так плохо и девчонка еще побудет под родительским кровом. За свой эгоизм Вэю даже стало стыдно... немного. И мужчина успокоил себя тем, что настоящая любовь обязательно все преодолет, а если это пустая забава, то все происходящее — к лучшему.

А с рассветом пятого дня прозвучал крик:

— Земля!

«Счастливчик» уверенно шел к Фредо, своей последней стоянке перед переходом к цели этого путешествия.

Глава 33

Фредо мало чем отличался от тысячи других портовых городов. Та же суета, тот же гам, тот же запах моря, смолы и рыбы на предпортовых улочках, то же деление стоянок для военных, торговых, сторожевых кораблей и кораблей Лиги свободных мореплавателей. Они были везде, в каждой стране. Несмотря на то что «Черная зараза», как за глаза называли Лигу, уже давно сидела в печенках у остальных моряков, торговых и военных гильдий, а также правителей государств, искоренять ее не спешили. Только следили за тем, чтобы «зараза» не разрасталась до размеров эпидемии: топили корабли, отлавливали и вешали отдельных пиратов и целые команды, но никогда не истребляли их до последнего человека.

Правительства и военные беззастенчиво пользовались услугами Лиги, тайно содержали их и поддерживали, правда лишь до той поры, пока в них нуждались, но это не означало, что пираты, выполнившие королевское поручение, были защищены от очередного рейда «охотников». Они могли быть уничтожены так же, как и другие корабли Лиги, если только каратели не получали сообщение о королевской защите для конкретного корабля.

Зачастую братство выполняло тайную грязную работенку, для которой не могли быть привлечены корабли королевского флота. Вели исследовательскую деятельность, отыскивая новые земли, и наносили их на карту, отмечая как территорию, принадлежавшую королевству, нанявшему корабль. Отыскивали новые проходы и проливы. Это было дешевле, чем снаряжать официальную экспедицию. Если пираты не возвращались, о них благополучно забывали. Да и во время войн Лигой часто пользовались как пушечным мясом, но за это у них было право забирать все, что попадало к ним в руки, не отдавая процент в королевскую казну. Лихих парней, смотревших на жизнь скептически и обладавших изрядной долей цинизма, условия вполне устраивали. Их жизнь и так была постоянным хождением по краю бездны. Как подыхать — в нападении на торговый караван, неприятельский форт или болтаясь на виселице, — для них не было разницы. Жизнь пирата такова: или ты, или тебя...

«Счастливчик» не пошел на стоянку Лиги. Подняв флаг Маранты, Лоят оформил и оплатил стоянку в торговой части порта. И пусть на бриг косились с подозрением, капитану и его команде было на это глубоко наплевать. Впрочем, когда с Лоятом сошел на берег представительный

молодой человек, гладко выбритый, в безукоризненном костюме, пусть и не в идеальном состоянии, но явно недешевом, в подобранном со вкусом галстук и вычищенных до блеска ботинках, подозрения несколько поутихли. Да и капитан, несмотря на свой бандитский вид, казался человеком серьезным. Выражался прилично, знал себе цену, и у начальника порта, к которому зашла приметная пара мужчин, появились основания думать, что разговаривает он с аристократами — столько уверенности в себе и скрытого величия было в его посетителях.

Бриг был оформлен как корабль по найму, осуществляющий морское путешествие. Нанимателем оказался молодой человек с пронзительными синими глазами, назвавшийся именем Альен Литин. А вот имя капитана корабля вызвало у начальника порта недоумение. Во Фредо в данный момент находились три торговых корабля и два «охранника» из небольшой флотилии Вэйлра Лоега — владельца компании «Вэйлада», как раз из Маранты.

— Мой маленький каприз, — отмахнулся Вэй на вопрос, от которого не удержался начальник порта. — Альен — сын моего старого приятеля, с которым нас связывает прошлое. Я не мог отказать ему и не мог отказать себе в удовольствии прогуляться по волнам.

— Понимаю, — улыбнулся чиновник, вдруг вспоминая слухи о прошлом судовладельца.

Однако осознание, что перед ним стоит очень богатый и важный человек, преисполнили начальника порта благоговением, и он тут же забыл о пиратском прошлом господина судовладельца. Оплатив стоянку за два дня, мужчины покинули кабинет чиновника, оставив о себе приятное впечатление.

— Недурно, — хмыкнул Лоег и потер ладони.

— Что недурно? — покосился на него Альен.

— Здесь мои корабли. Даже фрахтовать судно для недотеп с «Алиани» не придется. Отправлю со своими. А, дьявол! — с досадой воскликнул Вэй, неожиданно останавливаясь.

Молодой человек обернулся к нему и вопросительно приподнял брови.

— Они же растреплют обо всем произошедшем, балаболы не преминут обсудить известия в Кайтене, и моя жена в конце концов все узнает раньше, чем я расскажу ей свою байку. И вот тогда мне конец, теперь уже точно.

— Вы опасаетесь своей жены? — новость была столь невероятной, что Альен не удержался от смешка.

Лоег округлил глаз, глядя на Литина возмущенным взглядом.

— Опасаюсь? Ну что ты, мальчик, разве такой человек, как я, может опасаться женщины? К дьяволу, я ее боюсь! — воскликнул он. — Моя жена превосходно стреляет, орудует ножом не хуже Мясника, дерется как черт, стреляет отравленными дротиками, а фехтовать я ее сам учил. Теперь понимаешь?

Альен отрицательно покачал головой. На его губах играла широкая улыбка, первая за последние пять дней.

— Что ты улыбишься, Умник?! — возопил оскорбленный Лоят. — Ты думаешь, Ангел — это милое прозвище, выражающее мое нежное отношение к жене? Черта с два! Это ее прозвище среди пиратов! Адалаис Лоят — самое невозмутимое существо на этом свете. Уравновешенная, образец воспитания... нежная. Невероятная! — Альен уловил восхищение, проскользнувшее в голосе бывшего пирата. — Но когда она в ярости... Бр-р-р.

— И все же она всего лишь женщина...

— Ты влюблен в ее дочь, — проворчал Вэй. — Можешь мне поверить, в Тине не только мои черты. — Капитан немного помолчал и улыбнулся каким-то своим мыслям. — Ада... Думаешь, она от нечего делать научилась всему тому, что я перечислил? Ей было девятнадцать, когда она попала на борт «Счастливого». Девчонка была изнеженным цветком. Упертая, язвительная, ядовитая, но ранимая и беззащитная. Она сама захотела научиться защищать себя. Красавчик учил Аду драться, Кузнечик — стрелять дротиками, Самель — обращаться с ножом, Даэль — стрелять из пистолета, я — фехтовать. И знаешь, кого первого подстрелила эта девчонка? Моего канонира. Зарядила ему прямо в зад, а потом со слезами на глазах выпрашивала у него прощения. — Лоят хохотнул. — За то путешествие Ада научилась убивать... Пришлось. Как я ни старался ее оградить от мерзости нашего мира, но однажды она обнажила саблю и выстояла. Девятнадцатилетняя девочка дралась с матерым разбойником и победила. И это была не единственная ее схватка. Для моих парней она стала своей. Наш Ангелок, — Вэйлр улыбнулся и добавил тише: — Мой ангел, мой чистый нежный ангел. Но я вовсе не хочу бегать от нее по особняку, пока эта бестия не успокоится. Убить не убьет, но продырявить может.

— Был опыт?

— Не твое дело, — огрызнулся Лоят, задрал нос, и Альен понял, что доводить супругу бывшему пирату уже приходилось. — Ты все еще хочешь войти в нашу, хм, веселую семейку?

— Мои намерения неизменны, — невесело усмехнулся молодой

человек и отвернулся, скользя рассеянным взглядом по двум пустым телегам, направлявшимся к воротам порта.

— А что думает Тина? — наострил уши Вэйлр.

Альен не спешил с ответом, он проводил взглядом телеги, тряхнул волосами и посмотрел на Лоета.

— Тина? — переспросил молодой человек. — Тина — это Тина, и ее мысли подобны переменчивому ветру.

— Так куда теперь ветер дует? — еще более осторожно спросил капитан.

— О-о, — насмешливо протянул Литин. — Это лучшее направление на свете, жаль, не в моем случае. Мадемуазель Лоет решила, что не может предложить мне больше, чем ее дружба. Правда, дружить ей со мной сложно. Смотрит тоскливым взглядом, но спряталась за своим решением, как за крепостной стеной, и продолжает воздвигать бастионы. Какого черта вы так упрямы, Вэй? — воскликнул Альен неожиданно сердито.

— А я при чем?! — возмутился Лоет.

— А кто? — развел руками молодой человек. — Ваша кровь течет в жилах Тины. Вы еще и наговорили ей...

— Что я ей наговорил? — опешил Вэй.

— Вашу речь об ответственности Тина восприняла по-своему и теперь уверена, что обязана держаться от меня подальше, потому что ее талант находить неприятности отражается и на мне. Да к дьяволу! Я так и не смог постичь до конца всех ее доводов! Такое ощущение, что она плутает в лабиринте собственных заблуждений, но вместо того чтобы искать выход, выстраивает новые тупики.

— Н-да... — пробормотал Вэйлр. — Похоже, она не до конца отпустила всю эту историю с «Алиани». Значит, все еще считает, что приносит несчастья?

— Похоже на то, — вздохнул Альен. — А я никак не могу подобрать нужные слова, чтобы ее переубедить. Более того, она даже не желает слушать. Теперь и вовсе сбегает, как только видит меня.

— Ох уж эти женщины, — вторя молодому человеку, вздохнул Лоет. — Пока ты собираешься поднять якорь, они уже успели дать залп из всех орудий.

Капитан положил руку на плечо Альена, сочувственно похлопал его и указал взглядом на бриг.

— Не желаешь выгулять мадемуазель Адамантину Лоет?

— Я-то желаю, но...

— Задержись на борту, — коротко ответил Вэй, первым поднимаясь по

сходням.

Тина, шагнувшая к отцу, увидела Альяна и тут же отступила ближе к Дину.

— Дитя, за мной, — коротко велел строгий папенька.

— Мы ждатель, — начал Его Высочество, но Лоет отмахнулся.

— Я вас не задерживаю.

Бонг лукаво улыбнулся и кивнул Дину в сторону берега. Принц растерянно посмотрел на Тину, но лекарь, бросивший взгляд на Альяна, потащил высокородного подопечного к сходням, что-то говоря на горастанском. Дин покорно пошел следом, а Литин облокотился о перила борта и застыл, раздумывая, зачем Лоет повел дочь в каюту.

Юное создание, преисполненное чувством ответственности через край и оттого хмурая и ссутуленная, вошла в капитанскую каюту и выжидающе посмотрела на отца. Вэй присел на край стола, любовно огладив ладонью его поверхность, указал дочери на стул и добавил для весомости:

— Садись.

— Что-то случилось, папенька? — спросила Тина, присаживаясь на край стула и складывая ладони на коленях, как самая воспитанная девица на свете.

— А это ты мне расскажи, — велел Лоет. — Что происходит между тобой и Умником?

— Зачем вам это? — девушка уныло вздохнула и уставилась себе под ноги.

— Спать не могу, любопытство мучает, — усмехнулся капитан. Тина упрямо промолчала, и тогда Вэй решил зайти с другой стороны: — Господин Литин просил у меня твоей руки, что на это скажешь?

Тина вскинула на отца взгляд, прижала ладони к груди и взмолилась:

— Не соглашайтесь, папенька! Ни за что не соглашайтесь!

— Почему? — недоуменно изломил брови Лоет. — Он мне нравится. Отличный парень. Умный, сдержанный, не слабак. К тому же явно влюблен в тебя. Не беден, опять же. И, если подходить к делу уж совсем пристрастно, то его не отпугнули твои выходки. Альян принимает тебя такой, какая ты есть. Мне, как твоему отцу, и желать больше нечего. Отличный зять. Он ведь и тебе по сердцу...

— Вот поэтому и откажите, — пробурчала Тина. — Он слишком хорош, чтобы портить себе жизнь с такой, как я.

Вэйлр даже застыл, изумленно глядя на дочь. Он откашлялся и с нескрываемым любопытством поинтересовался:

— Это с какой же?

— С такой, — ожесточенно ответила девушка и зло провела кулаком по глазам, смахивая непрошеную слезу. — Он красивый, добрый, умный, понимающий, заботливый. Ему нужна женщина, а не ее подобие. Посмотрите на меня, папенька. Посмотрите внимательно. Что вы видите? Разве вы видите девицу? Я сама не знаю, кто я, — Тина всхлипнула, но отвела в сторону руку отца, протянувшуюся к ней. — И даже я не уверена, что, когда пройдет время, вновь не стану такой, какой была при нашем знакомстве. Я притягиваю неприятности — и не хочу, чтобы они коснулись Альена. Уж лучше пусть женится на той, с кем сможет прожить спокойно и счастливо. К тому же, — мадемуазель стерла с лица слезы, успокаиваясь, — мы с ним совершенно разные. Сравните нас, папенька, что вы видите?

— Взя и Аду, — ответил Лует, криво усмехнувшись. — Только наоборот. Правда-правда. Когда мы познакомились с твоей маменькой, она была как Альен. Разве что совершенно неопытная, только получившая первый удар от жизни. И я — раздолбай, гуляка, пьяница. Да я дышать на нее боялся, Ада казалась мне хрупким созданием. И когда однажды она призналась, что хочет остаться со мной, знаешь, что я сделал?

— Что вы сделали, папенька? — почти шепотом спросила Тина, не сводя с отца широко распахнутых глаз.

— Я прогнал ее, — Вэй усмехнулся, услышав изумленный возглас дочери. — Я сказал ей, что она ошиблась с выбором, что такой, как я, не для нее и твоей маменьке стоит сделать иной выбор.

— И что же маменька? — спросила Тина, жадно глядя на папеньку.

— Она была оскорблена, конечно. Послала меня к дьяволу и уехала. Я, дитя, я сам отказался от любимой женщины, без мыслей о которой не проходило ни одного дня. Терять дорогого тебе человека всегда больно, но больнее, когда ты сам прогоняешь его, когда своими руками рвешь себе сердце. За четыре месяца, что прошли с того жуткого дня и до нашей встречи, я подыхал каждый день, вопрошая Всевышнего, куда он дел мой разум в минуту, когда я оскорбил и унизил Аду. Я ведь был уверен, что она не простит и не примет меня.

— И что сделала маменька?!

— Ну, судя по тому, что ты сейчас сидишь передо мной, простила, — хмыкнул Вэй. — Правда, для начала проучила и помучила. Я простоял на коленях перед воротами особняка Ламбер полдня и часть ночи, прежде чем она сдалась. И знаешь что, дочь? Я до сих пор не могу простить себя за то, что посмел отказаться от любящего меня сердца, за то, что посмел плюнуть в душу, открывшуюся только для меня. Я чуть не потерял лучшую из

женщин из-за глупых соображений, что недостойна ее. И я не могу представить, что бы случилось со мной, если бы Ада меня не приняла после всего, что я наговорил ей. Ты еще юна, твоя жизнь только начинается, и, возможно, Альян Литин — твоя первая, но не последняя любовь. Быть может, твоя судьба ждет тебя где-то впереди. Ты можешь отказаться от него и верить в лучшее. Тогда я буду молиться, чтобы этот мальчик не стал для тебя на всю жизнь сожалением об упущенном счастье. Что касается до твоих остальных измышлений, то все зависит только от тебя. Ты начала размышлять, это не может не радовать. Тебе по силам обуздать своих демонов, стать взрослей и умней. Только ты способна на это, и никто другой, сколько бы мудрых мыслей мы ни пытались до тебя донести. Я не буду тебя убеждать, чтобы ты вновь открылась Умнику, как не буду уговаривать этого не делать. Это твоя судьба, Тина, но я лишь попрошу тебя не спешить с решением, которое станет для тебя судьбоносным. Он ведь и правда может уйти. Разберись в себе, потом делай выводы. Времени у тебя предостаточно. — Тина кивнула и потупила взгляд. — Кстати, ты же собиралась сойти на берег. Альян ждет тебя.

— Папенька! — испуганно вскрикнула девушка.

— Ты обещала не бегать, — напомнил Вэйлр. — Иди и просто насладись земной твердью. Думаю, развлечения для тебя Умник придумает без труда. — И, глядя на нерешительно переминающуюся с ноги на ногу дочь, гаркнул: — Вперед!

Тина вылетела из отцовской каюты, и Лоет усмехнулся:

— Любо-овь у них, понимаешь. И как там мой ангел... Выжить бы.

На палубе царило ленивое затишье. Моряки с «Алиани» ожидали, что им скажет капитан Лоет, моряки со «Счастливого», которые не сошли на берег, потягивались и негромко переговаривались, чему-то посмеиваясь. У них был обычный день, каких они знали великое множество. Жизнь продолжалась.

Недалеко от сходней застыл Альян Литин. Он был задумчив и непривычно молчалив. Команда брига уже привыкла к улыбочивому молодому человеку, который никогда за словом в карман не лез и на подначки отвечал легко и быстро, не обижаясь и не задирая носа. Альян шумно втянул носом теплый воздух и обернулся, услышав негромкий перестук шагов. На палубе появилась Тина. Молодые люди смотрели друг на друга, не решаясь сблизиться или заговорить.

— Составишь мне компанию? — осторожно спросил Альян, отмерев первым.

Тина кивнула и направилась к сходням. В голове девушки все еще

звучали слова папеньки, испугавшие ее: «Он ведь и правда может уйти». Мадемуазель Лоет кусала губы, борясь с искушением остановиться и взглянуть в глаза молодого человека. После разговора с отцом Тина была растеряна. Она еще не отказалась от своих прошлых размышлений, но и то, что рассказал папенька, смутило ее и заставило задуматься.

Глядя на родителей, девушка даже подумать не могла, что они могли не быть вместе. Ей всегда казалось, что у родителей была любовь с первого взгляда и что, раз увидев друг друга, они уже никогда не разлучались. А выходит, капитан Лоет чуть не упустил своего счастья, и Адалаис Ламбер могла достаться другому. Тина тряхнула волосами. Глупость какая. Родителей свела сама судьба, это было видно по той нежности взглядов, которыми они обменивались, по объятьям и поцелуям, за которыми их иногда заставляли дети. Горничные не раз умилялись, глядя на хозяев. Как же папенька мог отказаться от маменьки? Это вовсе не укладывалось в Тининой голове. Как же славно, что он одумался.

— Куда хочешь сходить? — Тина вздрогнула и втянула голову в плечи.

— Мне все равно, — прошептала она.

— Тогда идем за зеленым, — решил Альен.

Девушка вскинула на него удивленный взгляд.

— Как это? — спросила она.

— Очень просто. — Молодой человек деловито огляделся. — Видишь мужчину в зеленом сюртуке? — Тина кивнула, и Альен продолжил: — Мы пойдем за ним, а если по дороге заметим кого-то еще в зеленой одежде, свернем в его сторону. Посмотрим, куда нас выведет зеленый. Если заметишь первая, говори. Увижу я — значит, идем за моим зеленым. Как идея?

— Зеленая, — улыбнулась мадемуазель Лоет, снова пряча взгляд.

— Смотри, он сейчас скроется из виду, бежим!

Молодой человек схватил Тину за руку, и они припустили за зеленым сюртуком. Мужчина свернул за угол, но молодые люди его быстро нагнали. Девушка освободила свою ладонь из руки Альена и плелась рядом, погруженная в свои невеселые размышления. Но не успела она в них сильно углубиться, как Литин воскликнул:

— Зеленый, — и дернул Тину через дорогу.

Она охнула, когда Альен протащил ее перед приближающимся экипажем. Они влетели в проулок, и девушка заметила женщину в зеленой юбке.

— Мы чуть не попали под лошадь, — проворчала девушка.

— Не было времени на раздумья, — отмахнулся Альен. — Наш

путеводитель мог исчезнуть.

— Глупая игра, — недовольно отозвалась мадемуазель Лоет.

— Зато увлекательная, если в нее играть вместе, — пожал плечами молодой человек. — Зеленый.

Он резко свернул в какой-то двор, где мелькнула девочка в зеленом платье.

— А если тупик? — прищурилась Тина.

— Придется обидеться на неправильный указатель и начать все сначала, — улыбнулся молодой человек.

Однако двор оказался проходным. Мимо девочки прошла женщина в зеленой блузе.

— Зеленый! — указала на нее Тина, видя, что Альен уже готов произнести это слово.

Неожиданно она почувствовала удовольствие от того, что сумела опередить Литина, и теперь сама с интересом осматривала взглядом улицу, не замечая, как втягивается в детскую забаву.

— Зеленый!

Первым увидел мужчину с зеленым картузом на голове Альен, схватил девушку за руку и потянул ее на противоположную сторону очередной маленькой улочки. Но не прошли они и десяти шагов, как Тина заметила девушку в зеленом платье.

— Зеленый, — мстительно осклабилась она и первая поспешила на прежнюю сторону улицы.

Девушка вывела их на широкий проспект, где появились богатые экипажи, нарядные прохожие, военные, но это еще не был район, где стояли дома местной аристократии, потому здесь сновали мальчишки-газетчики, трудился сапожник, что-то выкрикивала торговка сладостями, в толпе были заметны моряки, не имеющие отношения к королевскому флоту. Тина с любопытством оглядывалась по сторонам, рассматривая дома, людей и магазины с яркими витринами, которые располагались по той стороне, по которой шли молодые люди.

— Зеленый, — вырвал ее из созерцания Альен.

Тина охнула от нового рывка. Они вновь переходили на другую сторону, правда, более осторожно, чем на тихой улице. Полная женщина в зеленом платье царственно плыла сквозь толпу, подобно фрегату, величаво вспарывавшему волны.

— Такую заметить каждый дурак сможет, — сказала Тина.

— Но заметил я, — не согласился Альен.

— Я просто смотрела по нашей стороне, — соврала девушка.

— Я внимательней, я выигрываю, — ослабилась молодой человек.

— Так тут еще и победитель может быть? — удивилась мадемуазель Лует.

— Конечно, — важно кивнул Аьен. — А как же? Кто больше соберет зеленого до окончания игры, тот и выиграл.

— Ты гадкий шулер! — возмутилась девушка, стукнув Литина кулаком по плечу. — Ты... ты жила! Ты мне ничего про это не сказал!

— Не любите проигрывать, мадемуазель Лует? — подмигнул Аьен и торжествующе воскликнул: — Зеленый!

— Так нечестно, — фыркнула Тина. — Ты меня отвлек своими разговорами.

— Но мне же они не помешали смотреть по сторонам, — хмыкнул молодой человек, и пара свернула с проспекта за щуплым господином с зеленым зонтом, которым он пользовался как тростью.

— А когда будет эта цель? Как определить? — спросила мадемуазель больше для того, чтобы нарушить воцарившееся молчание, почему-то угнетавшее ее, несмотря на то что еще недавно Тина и сама не спешила заговаривать.

— Как увидим что-нибудь интересное и поймем, что нам туда надо, — беззаботно ответил Аьен. — Зеленый.

— Р-р-р, — прорычала девушка, чем вызвала смех Литина, и они опять свернули.

Молодые люди так увлеклись, что уже даже не смотрели, куда их заводит зеленый цвет. Теперь они старались опередить друг друга, порой отмечая два зеленых цвета на противоположных сторонах улицы, выкрикнув одновременно: «Зеленый». Тогда они останавливались и играли в очередную детскую забаву «камень, ножницы, бумага», выбирая, за кем бежать.

— Ножницы режут бумагу, — торжествующе восклицала Тина, награждая Аьена щелчком по лбу и первая устремлялась за целью.

— На щелбаны мы не договаривались! — возмутился Аьен и спешил за ней следом, но легко щелкнуть девушку по носу не забывал, если выигрывал он. Или же дернуть за хвост, если она успевала увернуться.

Остановились молодые люди, когда очередная зеленая юбка вывела их к набережной неширокой реки.

— Нашли! — возвестила Тина.

— Согласен, — сверкнул улыбкой Аьен.

Молодые люди еще какое-то время, уже по привычке, озирались и открывали рот, чтобы выкрикнуть в который уже раз «зеленый», но

спохватывались и смеялись, легко и беззаботно. Тина бросала украдкой на молодого человека взгляды, замечала его улыбку и тут же отворачивалась, пряча ответную улыбку. Она уже не чувствовала себя скованно, наслаждалась прогулкой и обществом Альена.

— Горячие вафли, — произнес Литин, указывая на торговца. — Хочешь? У него, кажется, и лимонад есть.

— Хочу, — отозвалась девушка, вдруг ощущая, что проголодалась.

— Или в ресторацию? Я тут заметил одну неподалеку, — предложил молодой человек.

— Как ты все успеваешь замечать? — изумилась Тина.

— Я внимательный, — горделиво ответил Альен. — А ты — ветряная мельница.

Тина даже остановилась, возмущенно хлопая ресницами.

— Кто я? Ну-ка рискни повторить, хлыщ столичный! — она насупилась, уперла руки в бока, но в карих глазах плясали чертики, и Альен повторил, ухмыляясь:

— Ветряная мельница. И ты выиграла, — быстро добавил он, глядя на то, как девушка засучивает рукава рубахи.

Она прищурилась и усмехнулась.

— Врешь. Ты выиграл.

— Ну, раз ты сама это признаешь, — скромно потупился Альен и тут же получил тычок в бок.

— Альен Литин, у тебя все так же нет ни стыда, ни совести, — укоризненно произнесла Тина. — Мог бы и уговорить меня, что я выиграла.

— Так ты же сама признала...

— Я девушка, я могу говорить что угодно, а ты отвечать — только то, что нужно. Это закон, мне нянька говорила, так что я все знаю, — важно ответила мадемуазель Лует и направилась к вафельщику.

— Наглешее создание, — насмешливо фыркнул Альен. — Ты должна мне побольше рассказать об этих ваших законах, хотелось бы быть в курсе. Не хочется попасть на нянькин суд.

— Второй женский закон: мужчина сам должен понять, что хочет женщина, без слов, — наставительно ответила Тина. — Если не можешь понять, то ты не мужчина.

— А вот это уже сурово, — не согласился молодой человек. — А женщина знает, чего она хочет?

Тина скрестила руки на груди и приподняла брови, взирая на Альена непроницаемым взглядом, однако через мгновение не выдержала и

рассмеялась — слишком уж задумчивый был вид у молодого человека.

— Что? — проворчал он. — Не хотелось бы попасть впросак и оказаться не мужчиной в самом расцвете лет.

— И что же ты надумал? — любопытствовала Тина.

— Ты хочешь вафель и лимонада, — растягивая слова, словно решаясь на ответ, произнес Аьен.

— Ты так проницателен, — восхитилась девушка, и Литин сделал жест, будто утирает пот, и шумно выдохнул, снова вызвав смех мадемуазель.

Вафельщик быстро понял, что от него хотят два иноземца, но долго рассматривал марантийское золото, которое умудрился сохранить для хозяина находчивый слуга, зашивший его в свой пояс. Торговец вафлями рассматривал монету с обеих сторон, скоблил ногтем, даже попробовал на зуб и расплылся в счастливой улыбке, разведя руками и показав, что сдачи у него нет.

Хмыкнув, Аьен махнул рукой, забрал вафли, завернутые в бумагу, пропитавшуюся их жиром, Тина подхватила стаканчики с лимонадом, и молодые люди огляделись, отыскивая, куда можно присесть. Скамейка нашлась на спуске к реке, у самой воды. Парочка расположилась там, с аппетитом уплетая остывающие вафли.

— Фкуфно, — заметила Тина.

— Угу, — промычал Аьен, отпивая лимонад. — И кисло, бе.

Девушка расхохоталась, глядя на сморщившегося молодого человека.

— Сама попробуй! — возмутился Литин, протягивая мадемуазель Лует второй стакан.

— Не буду, — замотала головой Тина. — Я тебе верю. Нет! Аьен, не буду!

Она завизжала и закрыла лицо руками, пытаясь увернуться от стакана, назойливо пихаемого ей молодым человеком. Наконец он отстал, и девушка успокоилась, раздвинула пальцы, подглядывая за Литином. Он поставил второй стакан на землю и снова отпивал лимонад из своего. Тина выдохнула, убрала от лица руки и... Рывок Аьена к ней был таким неожиданным, что девушка замешкалась, и он приник к ее губам, выливая в рот набранный только что напиток. Короткое мгновение Тина смотрела на Аьена широко раскрытыми от удивления глазами, а после в него полетел фонтан из лимонада, забрызгавшего лицо и часть одежды.

— Фу, Аьен, это было отвратительно! — возопила девушка. — Ты просто ужасен!

Он невозмутимо стирал с лица напиток.

— Освежающе, — произнес молодой человек. — Но слаще не стало.

Тина еще некоторое время гневно сопела, глядя на Альена, промакивавшего лицо и одежду, представила все произошедшее со стороны и согнулась пополам в приступе хохота.

— Альен, ты... ты такой... Не ожидала, — выдавила она. — Ты коварный, изобретательный тип!

— Я омовения тоже не ожидал, — проворчал молодой человек и хохотнул, качая головой.

Пока они боролись, остатки вафель оказались на земле, лимонада уже совсем никому не хотелось, а аппетит только разыгрался.

— Может, все-таки в ресторацию? — предложил Альен.

— Только ничего мне в рот не совать, не лить и не вести себя как невоспитанный дикарь, — погрозила девушка пальцем.

— Я уже и дикарем стал, — хмыкнул Литин. — Обещаю не чавкать и пальцами в тарелку не лезть, — заверил он Тину, поднимаясь со скамьи.

— Я возьмусь за твое воспитание, — угрожающе ответила она, и молодые люди поспешили подняться на набережную, продолжая подтрунивать друг над другом и беззаботно веселясь.

Глава 34

До ресторации двое влюбленных шли, держась за руки и бросая друг на друга быстрые взгляды. На губах их играли загадочные улыбки, какие могут озарять лица только тех, чье сердце очастливлено Всевышним любовью. Прохожие недоуменно поглядывали на странную пару: молодого мужчину и юношу, больше похожих на влюбленных, чем на приятелей. Но ни Тина, ни Альен не замечали косых взглядов и совсем не обратили внимания на дородного господина, брезгливо сплюнувшего себе под ноги. Как не замечали женских взглядов, касавшихся лица черноволосого красавца, затем скользивших на хорошенького юнца, на которого с заметной теплотой и трепетом взирал синеглазый мужчина, и дамские личики ревниво кривились. Впрочем, юнец мог оказаться братом или, к примеру, племянником, потому неприязни в глазах встречных женщин не было, и только мечтательный печальный вздох срывался с их уст и несся вдогонку необычной паре.

— Как же ты хороша, — негромко произнес Альен, залюбовавшись игрой солнечного лучика в коротких волосах Тины.

— Скажешь тоже, — смущенно ответила она.

— Скажу, — улыбнулся молодой человек. — Я так много могу тебе сказать...

— Не надо! — с неожиданным испугом остановила его девушка. — Не сейчас... пожалуйста.

— Хорошо, — легко согласился Альен, но взгляд его еще некоторое время не отрывался от нежного профиля упрямой девицы.

— Опять любишься? — ворчливо спросила мадемуазель Лоет.

— Наслаждаюсь, — сказал молодой человек в ответ, и щеки девушки вспыхнули.

— Прекрати, — охрипшим голосом попросила Тина.

— Наслаждаться? — уточнил Альен.

— И это тоже, — кивнула девушка. — Не смотри на меня так... пристально.

— Не могу, — вздохнул Литин. — Не смотреть не могу, и не говорить, сколь сильно ты мне желанна, тоже не могу. — И как только Тина хотела ответить, он вскинул руку и жизнерадостно возвестил: — Пришли!

Строгий привратник в ливрее зеленого цвета мгновение созерцал необычную пару, решая, открывать ли им дверь или нет. Альен насмешливо

изломил бровь, и привратник отмер. Он потянул золоченую створу двери и согнулся в поклоне, пропуская явно значительного посетителя и его мальчишку-слугу.

— Ты заметила, какого цвета была ливрея? — шепнул молодой человек.

— Перст судьбы? — хмыкнула девушка, радуясь, что Альен больше не смущает ее.

— Будем надеяться, что перст у судьбы на вкус будет недурен, — подмигнул Литин, оглядывая обеденный зал.

— Я пальцы жрать не буду, — намеренно грубо ответила Тина, шмыгая носом. — Мне бы мяса. А в пальцах мяса нет, только одно сплошное расстройство.

Альен негромко рассмеялся и подозвал управляющего. Тот оказался мужчиной представительным и образованным. Впрочем, что еще ждать от ресторации в большом портовом городе? Путешественники не всегда знали местный язык, а есть хотели все одинаково, особенно если путешественники были благородного рождения и воспитания и не желали посещать грязные трактиры и харчевни, расположенные ближе к порту.

Управляющий отвел посетителей на второй этаж, где имелись кабинеты. Впрочем, они не были совершенно закрыты, у кабинетов отсутствовала стена, выходящая на общий зал. Огорожены они были с открытой стороны перилами и казались, скорей, балкончиками, дарующими посетителям уединение, но позволяющими наблюдать за происходящим внизу и на улице, шумевшей за огромными окнами.

Управляющий помог им составить заказ и удалился, чтобы не мешать. Тина с интересом поглядывала вниз, рассматривая местную публику, Альен отстукивал по столу пальцами, о чем-то размышляя.

— Папенька сказал, что ты просил у него моей руки, — заговорила девушка, продолжая делать вид, что рассматривает посетителей в общем зале.

— Просил, — ответил молодой человек, скрестил руки на груди и выжидающе замер.

— Альен, — Тина обернулась к нему, отчаянно подыскивая слова, чтобы сказать в этот раз верно, не обидев молодого человека. — Твое предложение... это честь для меня. Но...

— Но?

— Я не готова, — выдохнула девушка. — Меня пугает само слово «семья». Это же так... — она помолчала, подбирая слово, — ...серьезно. И дети. Я еще не хочу.

— А что ты хочешь? — мягко спросил Альен. — К чему готова? Носиться по заборам со своим маленьким приятелем? Лезть в уличные драки? Или же вновь рвануть на какой-нибудь корабль, прикидываясь мальчишкой? Разве не пришла пора наконец выбраться из образа сорванца и стать женщиной не только по своему рождению, но и по сути?

Тина отвернулась и представила себе свою прежнюю жизнь, вспомнила Сверчка и их развлечения. Им всегда было весело, всегда интересно, но... Девушка вдруг так ясно поняла, что эти милые детские забавы остались где-то далеко, словно прошла целая жизнь... Она протяжно вздохнула и снова посмотрела на Альена, не спеша ответить. Девушка разглядывала его, будто заново изучая каждую черту. Уже, наверное, в сотый раз умилилась маленькой родинке на щеке, утонула в пронзительных синих глазах, скользнула взглядом по прямому носу, остановилась на губах правильной формы, вспоминая, как молодой человек целовал ее. Затем прошлась по широкой груди, остановилась на руках. Ей нравились руки Альена. Сильные, уверенные, но нежные, от касания которых, казалось, все внутри Тины трепетало и таяло. И представить, что Альен Литин исчезнет из ее жизни и вернуться прежние развлечения со Сверчком, было невозможно. Это показалось ей пробуждением после чудесного сна, когда мир вдруг начинает казаться плоским и серым, потому что все, что могло с тобой случиться замечательного, произошло в растаявшем сновидении. Только ведь она будет знать, что все было на самом деле!

— Я просто, — Тина вымучено улыбнулась, — не знаю...

Альен протянул руку и накрыл ладонью пальчики мадемуазель Лует, лежавшие на столе.

— Глупышка, я же не прошу тебя выйти за меня немедленно, — произнес он с улыбкой.

— А когда? — спросила девушка, и в голосе ее послышалась нотка возмущения.

— Через год, возможно, немногим больше, — ответил молодой человек.

— Год? Почему год? — заинтересовалась Тина.

Отметив, что девушка больше интересуется сроками, чем пытается настаивать на своем прежнем ответе, Альен чуть заметно улыбнулся и расслабился.

— Все просто. Во-первых, я хочу перебраться в Кайтен и открыть там отделение компании «Литин и сын». Возможно, открыть полностью свое дело. Во-вторых, нужно время на то, чтобы построить собственный

особняк, обустроить его, нам ведь нужно свое гнездышко? — Тина горячо кивнула, что молодой человек не оставил незамеченным. — Подготовить саму свадьбу. На все нужно время. Я не могу себе позволить сначала жениться, а потом обустраивать своей жене приятное существование, подвергая ее неудобствам в первые же месяцы нашего супружества.

— Ты хочешь перебраться в Кайтен? — чуть дыша, спросила Тина.

— Милейший город, давно мечтал поселиться рядом с морем, — улыбнулся Альян.

— И все это время мы сможем видеться?

— Ну, не все время, конечно, мне придется покидать Кайтен, пока все будет устраиваться, но в основном да. Я буду рядом. Оставить тебя наедине с твоими демонами? Не дожدهшься, — он рассмеялся, а девушка потупилась, проворчав себе под нос нечто непонятное.

В это время появились официанты, споро накрывая на стол. Молодой человек замолчал и выпустил пальцы мадемуазель Лоет из мягкого захвата, дожидаясь, пока их опять оставят наедине. Но заговорила первой снова Тина.

— Ты все так продумал, — почти шепотом произнесла она.

— Я привык подходить к любому делу, хорошо подумав, — Альян испытующе смотрел на девушку. — Тебе не понравилось, что я сказал?

— Понравилось, — растерянно произнесла мадемуазель Лоет, но очнулась и воскликнула: — Но я еще не согласилась! Я должна подумать. Это все слишком серьезно, чтобы бросаться с головой...

— Словно в очередную неприятность? — не удержался от ехидства Альян, и Тина смутилась. — Брак — не так весело, как искать приключений?

Девушка досадливо фыркнула и уткнулась в свою тарелку, принимаясь за обед, больше для того, чтобы прекратить неудобный разговор. Ей и правда хотелось подумать. Литин настаивать на продолжении не стал, времени у них было предостаточно. Главное, что Тина больше не бежала от него и не твердила, что может предложить молодому человеку только свою дружбу, чтобы затем, пряча собственные переживания, и вовсе не подпускать к себе. Их день еще не закончился, и возвращаться на бриг Альян не спешил, желая продлить время, проведенное наедине с дорогой ему девушкой.

— Ой, смотри, — Тина указала взглядом вниз. — Это же Дин и Бонг. Давай позовем их к нам.

— Зачем? — оцетинился Альян. — Они прекрасно обходятся без нас, а мы — без них.

— А может, я уже соскучилась, — буркнула девушка. — С ними весело...

— А со мной скучно? — прищурившись, спросил молодой человек.

Мадемуазель Лует поджала губы и упрямо посмотрела на Альена. Нет, ей не было с ним скучно, и она бы с радостью провела остаток дня в обществе молодого человека, но она побаивалась, что Альен возобновит разговор о свадьбе и она... согласится. Согласится, боясь потерять его. Но ведь это все серьезно, это взрослая жизнь, и папенька велел не спешить. Поэтому девушка не заметила или не пожелала заметить, как на скулах Альена заиграли желваки и чистые синие глаза вдруг угрожающе потемнели, превращаясь в предгрозовое небо.

— С тобой не скучно, но с ними будет веселей, — наконец, ответила Тина.

— С ними ли? — насмешливо спросил Литин. — Возможно, тебе хватило бы общества одного из горастанцев? Может, и твой упорный отказ...

— Дин, господин Бонг! — вскочив на ноги, позвала девушка, перебивая Альена, чьи глаза вдруг метнули молнии. — Идите к нам, нам вас очень не хватает!

— Даже так, — ледяным тоном произнес молодой человек, и Тина невольно втянула голову в плечи. — Возможно, я здесь лишний?

Мадемуазель Лует охнула, но ничего не ответила. Альен неспешно поднялся из-за стола, промокнув уголки губ, бросил на стол несколько монет и, метнув на Тину, вновь глядящую вниз, пристальный взгляд, направился к двери. Однако, уже взявшись за ручку, он зло воскликнул:

— Да какого черта?! — и вернулся на свое место.

В это мгновение дверь открылась, и в кабинет вошли горастанцы. Напряжение, витавшее здесь, было сложно не заметить. Бонг вопросительно приподнял брови, глядя на Литина, но тот лишь кивнул и отвернулся. Дин устроился рядом с Тиной, и девушка ему приветливо улыбнулась.

— Без тебя гулять не так весело, — сказал его высочество, даря Тине ответную улыбку.

— Теперь мы встретились, — ответила девушка, — и можем гулять все вместе.

— Вы разве уже собираетесь назад? — удивился Бонг.

— Почему? — мадемуазель Лует перевела взгляд на лекаря.

— Мы хотели пообедать и возвращаться на «Счастличик», — ответил мужчина.

— Нет, мы еще не собирались возвращаться, — произнес Альен. — Пока мы мало что увидели во Фредо.

— Мы тоже можем еще гулять, — отозвался Дин.

— Конечно! — воскликнула девушка, и они с принцем обменялись взглядами.

— Что скажешь, Альен? — Бонг выжидающе посмотрел на Литина.

— Р-разумеется, — рычание вышло произвольным, и молодой человек, приученный быть вежливым в любой ситуации, тут же исправился, кивнув. — Несомненно.

Горастанцы сделали свой заказ. Дин и Тина весело болтали, обсуждая город и сравнивая его с Алгардтом, где успели оставить свой след. Бонг негромко беседовал с Альеном, бросавшим время от времени изучающий взгляд на веселящуюся парочку.

— Мой юный друг, — Альен обернулся к Бонгу, — когда кровь кипит, пар поднимается к голове и часто застилает взор. Тогда так легко обмануться.

В чем именно обмануться, колдун, как всегда, не уточнил, посчитав свои слова исчерпывающими. Например, сейчас молодой человек видел, как расслабилась Тина, как легко и беззаботно улыбается принцу. Она была явно довольна встречей, и это его злило. Большую часть своего свободного времени девушка отдавала именно Дину. С ним же, с Альеном, была то в ссоре, навесив на него вину за проступки, которых он не совершал, то сближалась и вновь находила причину, чтобы отдалиться, и устремлялась к Дину. Сколько раз Альен вынужден был наблюдать издали их болтовню, смех, обмен взглядами, в которых Литину чудилось нечто большее, чем дружеское расположение. И даже сейчас, когда у них появилась возможность побыть вдвоем, Тина вновь не сводит взгляда с горастанца.

Быть может, ей действительно веселей с Дином? Быть может, он, Альен Литин, слишком пресен для такой девушки, какой являлась Адамантина Лоят? Возможно, он переоценил ее взгляды и трепет, когда Тина оказывается с ним наедине, а поцелуи с ее стороны — лишь желание познать еще неизведанное, а истинная симпатия и увлеченность находятся на стороне принца? Почему нет? Дин и Тина похожи нравом. Оба готовы ринуться навстречу приключениям... или неприятностям, это уж кому как угодно. Они быстро нашли общий язык, и девушка вовсе не смущается, когда Дин смотрит на нее. Легко позволяет ему брать себя за руку и уж совсем не кричит, что ненавидит горастанца, не называет мерзавцем без стыда и совести. Да и принц охотно проводит время с дочерью своего кумира. И пока Альен завоевывал расположение капитана Лоята, защищал

Тину, помогал в ее затее с сокровищами Биглоу, мадемуазель Лует уже увлеклась совсем другим мужчиной и теперь предложение Альена не могла принять, потому что «Дин лучше».

Неожиданно молодой человек подумал, что на его признание в любви Тина так ничего и не ответила, как ни разу не сказала даже, что он ей симпатичен. Так, может, и правда он обманул себя, выдавая желаемое за действительное, и его любовь безответна?

— Альен! — молодой человек очнулся и удивленно уставился на осколок бокала в своей ладони.

Багровое пятно, прикрытое прозрачными кусочками стекла лопнувшего бокала, расползлось по белоснежной скатерти, покрываясь сверху алыми каплями крови из порезанной ладони. Выругавшись, Литин поставил все, что осталось от хрупкого сосуда, слишком сильно сжатого в момент раздумий, взял чистую салфетку и замотал руку. Его личный лекарь — паук Хон — остался на борту, закрытый в каюте Бонга.

— Что с тобой? — Тина встревоженно смотрела на молодого человека. — Сильно поранился?

— Выживу, — сквозь зубы процедил Альен. — Раны бывают гораздо опасней.

Прозвучало это двусмысленно, и девушка потупилась, вдруг уловив в голосе молодого человека что-то недоброе, совсем не похожее на отношение того Альена, которого она знала.

— Если все сыты, мы можем покинуть это милое заведение, — буднично произнес Литин.

Оплатив счета, четверо путешественников покинули ресторацию. Бонг покачал головой, но больше ничего говорить не стал. Впрочем, это было бы лишним. Тина вновь щебетала с Дином, уйдя немного вперед. Отчего-то ей было страшно оборачиваться и встречаться с темным взглядом Альена, и девушка старалась держаться от него подальше, не до конца понимая, что с ним происходит.

А Альен продолжал думать. Дин — наследный принц. Даже если он и симпатизирует Тине, то все равно остается наследным принцем. И не во власти принца устраивать свою судьбу по собственному разумению. Если он еще и не женат, это не означает, что для него не подготовлена невеста. Альен мало знал о горастанцах, но не сомневался, что сын императора не может обзавестись супругой-иноземкой, к тому же не являющейся особой королевской крови. Значит, сердечко Тины может оказаться разбитым, когда их путешествие подойдет к концу... если, конечно, она влюблена в Дина. Хотя, глядя на них, такой вывод сделать было несложно.

— Пш-ш-ш, — вдруг услышал Альен и повернул голову к лекарю, лукаво сверкнувшему глазами. — Слишком много пара.

— А мне кажется, что я наконец прозрел, — невесело усмехнулся молодой человек.

— Пьяницы часто уверены, что трезвы, хоть и валяются с ног, — ответил Бонг.

— Вы думаете? — спросил Альен.

— Знаю, — важно кивнул колдун.

— Вы что-то видите, Бонг? — с интересом спросил молодой человек.

— Вижу. Вижу девушку, боящуюся своих желаний, и вижу юношу, который решил стать похожим на девушку-трусиху. Остуди кровь, и ты увидишь то же самое, мой юный друг, — ответил Бонг, глядя на небо. После передернул плечами, пробормотав: — Такое чувство, будто скоро разразится гроза. Не понимаю.

Альен тоже поднял взгляд на небо и пожал плечами: на безоблачном небосводе сияло яркое солнце.

— Странно, — задумчиво пробормотал колдун. — Очень странно.

Трое мужчин и одна девушка шли наугад, не имея никакой цели. Бонг теперь помалкивал, и Альен Литин постарался внять его совету и успокоиться. Ревность сегодня всколыхнулась особенно сильно, а затуманенный разум, как известно, — дурной советчик. Альен глубоко вдохнул, медленно выдохнул и тряхнул головой, отгоняя наваждение. Да, идут рядом, да, разговаривают, но разговор ни о чем. Нет попыток прикоснуться друг к другу, нет взглядов, в которых улавливалось бы, что между принцем и Тиной происходит что-то особенное. Просто два приятеля, и не больше. Да, именно так.

Дышать стало немного проще, и огненная змея, уже свившая в груди кольца и готовая к прыжку, начала таять, медленно и нехотя, но Альен умел подавлять в себе ненужные чувства, получилось и в этот раз. Пусть с трудом, но ревность, ворча и огрызаясь, спрятала свою уродливую голову.

— Смотрите, зверинец! — воскликнула Тина, указывая на вход в парк, откуда доносились запах животных и чье-то рычание. — Давайте туда зайдем. Пожалуйста, — девушка обернулась и посмотрела умоляющими глазами на Альена.

Он усмехнулся и произнес коротко:

— Зеленый.

На входе стоял смотритель в зеленой форме.

— Судьба, — со значением ответила Тина и улыбнулась.

На вопросительные взгляды горастанцев ни она, ни Литин не спешили

отвечать, оставляя игру только своей. Четверо путешественников свернули ко входу, и, в отличие от случая с Алгартским городским парком, их пропустили, не чиня препятствий. Они прошли по чистой ухоженной аллее, полюбовались на цветник, встретившийся им по дороге, рассмотрели деревья, подстриженные в форме зверей, и прошли к клеткам, возле которых стояли мужчины в зеленой форме, с готовностью рассказывая о каждом животном за прутьями клеток. Некоторых даже разрешалось кормить, и Тина надолго прилипла к клетке с потешными обезьянками, протягивая им яблоки, лежавшие в большом тазу.

Бонг прошел дальше и остановился напротив вольера с гадами, с интересом рассматривая их.

— Скоро вернусь, — предупредил Альян и отправился на поиски торговли орешками в сахаре, которую заметил по дороге сюда.

Тина обернулась, рассеянно кивнула и вернулась к обезьянкам. Молодой человек отошел на несколько шагов, но посмотрел назад, решая, стоит ли оставлять девушку наедине с принцем. Тихо рыкнув на себя, Альян заставил себя забыть о подозрениях и продолжил свой путь. В конце концов, насильно удержать подле себя того, кто не желает этого, невозможно. Да и устраивать сцены не к лицу мужчине. В это мгновение Альян вспомнил ревность Тины в Тарване и в Алгарте и усмехнулся. Можно было даже успокоить себя этим воспоминанием, но после тех событий прошло время, опять же проведенное с Дином, и чувства Тины могли поменяться...

— Да к дьяволу! — возмущенно воскликнул Альян. — Что я, в самом деле?!

На него недоуменно обернулась гуляющая пара, и молодой человек отвернулся, делая вид, что не говорил сам с собой только что. Он действительно был возмущен собственным поведением. Слишком уж были непривычны Альяну все эти душевные метания. Всегда уравновешенный и целеустремленный, обычно он не страдал терзаниями, а уверенно шел к своей цели. Нужно было брать себя в руки, чтобы не захлебнуться в измышлениях того, чего, возможно, нет и близко. Окончательно успокоившись, Альян заметил торговку и устремился к ней, тут же отметив рядом вторую женщину, державшую в руках корзину с маленькими трогательными букетами нежно-голубых цветов.

Наглядевшись на обезьянок, Тина и Дин побрели дальше. Они некоторое время постояли рядом с клеткой, за которой лежал грустный медведь, затем прошли мимо волка и остановились рядом с вольером, по которому метался белоснежный тигр.

— Красивый, — произнесла Тина.

— Как ты, — ответил принц, и девушка покосилась на него. — И так же хотеть свободу. Как и я, — его высочество вздохнул, — но нельзя.

— Ты не хочешь становиться императором? — удивилась Тина.

— Я хотеть иметь выбор, хотеть делать, что нравится, и... выбирать, кто нравится, — пальцы Дина коснулись щеки мадемуазель Лоет.

Девушка вздрогнула от неожиданности и обернулась, удивленно глядя на задумчивого молодого человека. Пальцы его высочества прочертили дорожку по скуле Тины, остановились у уголка губ, большой палец мягко скользнул по нижней губе, и мадемуазель Лоет сделала шаг назад.

— Ты что, Дин? — в изумлении спросила Тина.

— Я о тебе много думать, — улыбка принца вышла грустной. — Ты вот здесь, — и его ладонь прижалась к груди, накрывая сердце.

В глазах девушки отразился испуг, и она воскликнула:

— Зачем? Не надо, Дин! Ты сейчас говоришь лишнее. Альен...

— Я знать, — принц кивнул. — Он смотреть на тебя, злиться на меня. Ты смотреть на него и злиться за ту девушку в Алга... Ал-гардт. Я видеть и не мешать, потому что нет выбора. Жаль. Но судьба дать нам наш путь, и каждый идти туда, куда следует. Ты идти с Альеном, это ваш путь, мой ведет в Горастан, но я буду помнить это путешествие, капитана Лоета, Альена, «Счастличик» и тебя, девушка-ветер. Ты здесь, — повторил Дин с улыбкой, — и я буду всегда прятать тебя здесь.

— Ох, Дин, — Тина всхлипнула и подалась к нему. — Я тоже всегда буду помнить тебя.

— Я у тебя здесь, — Дин ласково провел ладонью по волосам девушки и указал на сердце. — Но не здесь, там уже жить другой. Я даже видеть, как на меня оттуда смотреть синие глаза.

Тина кивнула.

— Там Альен, — прошептала она. — Но я все равно буду тебя помнить. Ты хороший друг, Дин.

— И всегда им для тебя быть. Помнить это, девушка-ветер.

Растроганная Тина поддалась порыву, обняла принца за плечи, и потянулась к нему. Ладони Дина легли девушке на талию, привлекая ее ближе. Губы мадемуазель Лоет коснулись щеки горастанского наследника...

— Какая прелесть, — донесся до Тины ледяной голос Альена.

Она покраснела, сообразив, как все это выглядело со стороны, отпрянула от Дина и обернулась, но увидела лишь спину удаляющегося Альена. На лавочке, стоявшей неподалеку, лежал кулек с засахаренными

орешками, сыпавшимися на землю, а рядом с кульком лежал букет трогательных нежных цветов.

— Ох, маменька, — задохнулась Тина. — Он же все неверно понял.

— Мы ему объяснить...

— Я сама все объясню, — отмахнулась девушка и бросилась следом. — Альен! Да подожди же ты, Альен!

Он не ждал, стремительно направляясь к выходу. Сейчас меньше всего хотелось разговаривать. И даже не столько потому, что не хотелось слушать оправдания Тины, сколько из опасений наговорить слишком много. Нужно было успокоиться, потом разговаривать. Огненная змея, которая, казалось, уже стала пеплом, теперь вспыхнула с новой силой, яростно жаля молодого человека.

— Альен, да стой же ты! — выкрикнула Тина, догоняя его. — Подожди!

Она ухватила Литина за рукав, разворачивая к себе лицом.

— Это не то, что ты подумал, — задыхаясь от бега и волнения, произнесла девушка.

— Вы обнимались, вы целовались, даже не обращая внимания, что вокруг вас люди. Да, тут действительно все двусмысленно, — кивнул Альен. — А теперь вернись назад, потому что мне нужно уйти. Бонг и... Дин проводят тебя на корабль.

— Куда ты? — она заступила дорогу, не позволяя молодому человеку обойти себя.

— Мне нужно пройтись, в одиночестве.

— Я тебя не отпущу, Альен...

И он сорвался, выкрикнув:

— Ты можешь оставить меня в покое?! Уйди, Тина, уйди к дьяволу! Не могу я сейчас тебя видеть! Не понимаешь? — девушка отрицательно мотнула головой и сжала кулаки, упрямо глядя на молодого человека. Он зло рассмеялся: — Ну, конечно, о чем это я? Мадемуазель Лует понимает только себя и свои желания. Где уж ей услышать какого-то шута, над которым можно издеваться, ударить, оскорбить, поискать защиты, снова обвинить не пойми в чем. Какая разница? Этот дурак все равно всегда рядом, как верный пес. Но иногда и пес желает передохнуть от цепи и кости, которую ему бросают лишь для того, чтобы снова отнять. К дьяволу, Тина, я устал...

— Вот и отдохни, — низкий голос с легкой хрипотцой раздался за спиной Альена так неожиданно, что смысл слов дошел через мгновение, когда на молодого человека обрушился удар, и он упал, оглушенный

вероломным нападением.

Сквозь пелену Альен увидел, как двое мужчин схватили девушку и потащили к выходу.

— Тина, — прохрипел молодой человек, заставляя себя подняться на четвереньки, а после на ноги.

Перед глазами плыло, и земля норовила уйти из-под ног, но Альен упрямо тряхнул головой и, покачиваясь и оступаясь, побежал следом. Уже недалеко от ворот он заорал что есть мочи:

— Бонг!!!

Успел выбежать из ворот и увидеть, как бесчувственную Тину запикивают в экипаж. Сознание прояснилось, и Альен бросился следом. Карета сорвалась с места, но еще не набрала скорости, и Литин сумел значительно приблизиться. Он уцепился за дверцу, рванул на себя, и тут же прогремел выстрел, откинувший молодого человека на мостовую.

— Скажешь Одноглазому, что Урсус будет ждать его в трактире «Веселый черт», — выкрикнул все тот же голос, и карета исчезла из виду.

Альен попытался подняться, но пошатнулся и упал на одно колено, зажимая ладонью бок, где расплзлось кровавое пятно. Мимо пробежал Дин, но вскоре вернулся, зло ругаясь на родном языке. Бонг склонился над Альеном.

— Ржавый будет ждать капитана в трактире «Веселый черт», — глухо произнес молодой человек, стиснув зубы. — Добрался ублюдок, дьявол его...

Окончание фразы утонуло в хрипе, и Альен потерял сознание.

Глава 35

Лоет был зол, Лоет был в ярости, Лоет был в бешенстве. Именно так, по возрастающей. Когда Бонг поднял на борт Альена, чья одежда окрасилась кровью, капитан заскрежетал зубами, с силой ударил кулаком по перилам, отчего те жалобно скрипнули, и прорычал:

— Кто?!

Но уже через долю мгновения губы его побелели от ярости, глаз обвел взглядом троих мужчин, вернувшихся из города, и «Счастливчик» сотряс рев:

— Где моя дочь?!!

И тут же он все понял и пророкотал:

— Р-р-ржавый. Урою паскуду!!!

Взгляд бывшего пирата метнулся в сторону стоянки Лиги, и Вэйлр сбежал по сходням, бросив на ходу:

— Мальчишку оживить, я его сам задущу.

— Стоять! — столь повелительного раската от спокойного лекаря не ожидал никто.

Мгновенно притихли все, кто находился на борту и на соседних кораблях, Лоет вздрогнул и развернулся на каблуках. Бонг передал Альена на руки подоспевшему Красавчику и спустился к Вэю.

— Что? — зло спросил Лоет, нетерпеливо глядя на лекаря.

Бонг выкинул вперед руку, и капитан «Счастливчика» осел на землю, хрипя и задыхаясь. Тут же всполошились матросы, хватаясь за сабли, кто-то бросился на помощь Лоету, но у сходень стоял Дин. Он выбил ногой саблю из рук первого, кто попытался сбежать на берег, и с земли донесся хрип Вэя:

— Всем стоять. — Он все еще стоял на четвереньках. Взгляд бывшего пирата поднялся к лицу старого друга. — Говори.

— Ржавый ждет тебя в трактире «Веселый черт», — произнес лекарь. — Тина жива, я чувствую. Ее не тронут...

— Она теперь разменная монета, — все еще хрипло ответил Лоет, поднимаясь на ноги. — Еще раз так сделаешь — убью.

— Как скажешь, — пожал плечами Бонг. — Мальчик не виноват, он пытался их остановить.

— Знаю, — проворчал Вэй. — Вытащи его.

— Вытащу, — кивнул лекарь и вдруг криво усмехнулся. — Хон меня

не простит. Я запер паука в каюте, и его любимчика подстрелили.

— Он всего лишь паук, — отмахнулся Лоет. — Я в трактир. Мельник, Мясник, Кузнечик, за мной. — После снова посмотрел на Бонга, повторив: — Вытащи мальчишку; хороший мальчишка, он мне нравится. И плевать, что Литин.

Колдун проводил взглядом старого друга, которому Мельник передал его саблю и два заряженных пистолета, покачал головой и тихо произнес:

— Тебе давно плевать на то, кто он, потому что людей ты ценишь не по фамилиям. — И закончил ворчливо: — Просто паук... Араны — не простые пауки... дьявол их дерит. — После этого взбежал по сходням и, уже ни на кого не глядя, поспешил к Альену.

Лоет внимательно оглядывался, отыскивая взглядом хоть что-то, что напоминало бы трактир. То, что он должен быть недалеко от порта, Вэй не сомневался. Подсказкой тому служило уже одно название. К тому же вряд ли Ржавый решился бы устраивать «свидание» на другом конце города, понимая, что до своей бригантины может попросту не добраться. Лоет хоть и не был в числе тех, про кого говорят шепотом, со священным ужасом в глазах, но за дурака и слюнтяя его никогда не считали.

Трактир нашелся достаточно быстро. И не нужно было знать местный язык — достаточно было посмотреть на вывеску, где на бочке сидел черт, скалясь в широкой улыбке. Лоет уверенно направился к заведению, толкнул дверь и огляделся, рассматривая посетителей трактира. Впрочем, гадать и выспрашивать не пришлось: за дальним столиком сидел мужчина, поднявший руку, как только взгляд Вэя остановился на нем.

Лоет неспешно направился к мужчине, привлечшему его внимание, отмечая по дороге несколько человек, наблюдавших за ним. Прятать своих людей Вэй не собирался, и они шли следом, поглядывая по сторонам. Один из посетителей трактира усмехнулся, рассматривая тщедушного Кузнечика. Представить, что этот немолодой худощавый мужичонка может убить, даже не коснувшись, — такое просто не могло прийти в голову. Мясник и Мельник могли вызвать опасения, но возраст угадывался в грузном великане, чье достоинство казалось лишь в объеме его кулаков, и только его товарищи да те, кто познакомился с талантами кока с брига, но уже не мог о них никому рассказать, знали, что главная сила Самеля отнюдь не в кулаках. Пожалуй, самым опасным казался Мельник. Он был моложе Мясника и Кузнечика, высок, крепок, широк в плечах. И насчет него наблюдатели могли сделать верный вывод: дрался матрос отчаянно и умело, предугадывая ход противника и действуя на опережение. Это был главный дар бывшего пирата. О самом Лоете знали больше и легкой

добычей его не считали: самоуверенность могла стать последней ошибкой в жизни того, кто недооценивал одноглазого капитана.

Вэйлр уже почти дошел до того, кто сидел за последним столиком, но вдруг свернул и решительно приблизился к одинокому посетителю, потягивающему эль и, казалось, никого не замечавшему. Лоят приподнял стул напротив и с силой опустил его на пол, отчего кружка в руках мужчины дрогнула и несколько капель пенного напитка упало на темные доски стола.

— Где моя дочь? — спросил Вэй, усаживаясь на стул.

— А вы наблюдательны, — усмехнулся мужчина, чьи волосы имели цвет потемневшей меди. — Приятно иметь дело с умным человеком, так нам будет легче понять друг друга.

— Ты же понимаешь, что я хочу вырвать тебе сердце? — скрестив руки на груди и буравя взглядом Урсуса Ржавого, спросил Лоят. — Прочь славословие, к делу.

Тот с интересом разглядывал бывшего пирата, не спеша начать разговор. Вэй ничем не выдал своего нетерпения, сохраняя на лице каменную маску. Его взгляд так же скользил по лицу врага, запоминая каждую черточку. В пирате, прославившемся своей кровожадностью, ощущалась порода. И если он и не являлся аристократом, то кто-то из дворян был явно причастен к созданию Урсуса Варда, прозванного Ржавым за цвет волос. Пирата можно было смело назвать привлекательным. У него были располагающее лицо и открытая мальчишеская улыбка. На такую обычно хочется так же ответить улыбкой. Умные васильковые глаза в обрамлении густых длинных ресниц того же цвета потемневшей меди, прямой тонкий нос, четко очерченные губы, волевой подбородок и несколько задорных веснушек, так неуместно расположившихся на лице мстительного убийцы.

Ржавый поглаживал длинными изящными пальцами кружку с элем, поблескивая массивным перстнем с большим рубином. В нем чувствовалось знание манер. Аристократ, все-таки решил Вэй. Перстень фамильный, наверняка с обратной стороны можно найти чеканку родового герба. Возможно, обнищавший род, раз его представитель занялся разбоем на морских просторах, а не упражняется в островах в светских салонах. Значит, образован. Умен, видно сразу. Опасен, очень опасен. Но и Вэйлр Лоят, урожденный граф Мовильяр, не был сосунком. Он спокойно выдержал затяжное молчание, зная, что дергаться нет смысла, это только откроет его слабые стороны.

— Мне нравится ваша хватка, — с легкой улыбкой ответил Ржавый. —

И выдержка тоже. Надоели, знаете ли, простофили и дураки.

— К делу, — отчеканил Лоет.

— К делу так к делу, — вновь улыбнулся пират, продемонстрировав крепкие белые зубы, не испорченные гниением и курением табака. Вэю очень хотелось подправить эту слегка ироничную ухмылочку, но он пока оставил свои желания при себе. Ржавый сделал глоток, промокнул платком губы, отставил кружку и сцепил перед собой пальцы в замок. — Карту.

— Дочь, — не согласился Лоет.

— Она пока побудет с нами, — ответил пират. — Вам не о чем беспокоиться, малышке не причинят вреда, пока, по крайней мере. Видите ли, господин Лоет, у меня к вам деловое предложение. — Вэйл скептически фыркнул. — Не спешите, для начала выслушайте.

— Ну и?

— К острову Беса мы пойдем вместе, — Урсус Вард подался вперед, не сводя с Вэя вьедливого взгляда. — Залогом нашей дружбы станет ваша дочь.

— Отдай дочь, забери карту и оставь себе проклятые сокровища. Я иду туда только потому, что пообещал своей девчонке. Без нее мне этот чертов клад не нужен, — Лоет смотрел на своего противника не менее вьедливо. Они будто прощупывали друг друга, отыскивая все слабые места, пытаясь понять друг о друге как можно больше.

— Карту я возьму, — чуть растягивая слова, произнес Ржавый. — Думается мне, что вам она уже известна до мельчайших подробностей. Но ваша дочь останется на борту «Зари». Вы мне нужны, господин Лоет.

— Зачем? — прищурился капитан «Счастливчика». — Насколько я о тебе слышан, Урсус Ржавый, умение делиться не входит в число твоих добродетелей.

— Вы обо мне слышали, и это уже приятно, — усмехнулся пират. — В свою очередь могу сказать, что тоже слышан о вас, и мне импонирует то, что вы приверженец принципов. Один из немногих, кому можно довериться.

— Доверчивость — также не твое, — криво ухмыльнулся Вэй.

— Верно, но у меня есть гарантия вашей лояльности — мадемуазель Лоет, — Ржавый откинулся на спинку стула, прихватив со стола кружку, и сделал очередной глоток, глядя поверх нее на судовладельца, вновь поднявшего паруса своего брига. — Играем в открытую, господин Лоет. Мы оба знаем о скрытом послании старого ублюдка. Мне неизвестно, сумели ли вы отыскать его и прочесть, и вряд ли вы скажете. Но даже если скажете, у меня нет уверенности в том, что это будет правда. И все же вы

нужны мне. Так или иначе, вы станете моим проводником. «Счастливец» пойдет первым, «Заря» — следом. Гарантия вашего благоразумия — ваша дочь. Что касается до дележа, то, как вы сами заметили, вам нужна дочь, а не сокровища. Быть по сему. Когда мы доберемся до клада, я возвращаю вам девочку, и вы сможете убраться. Заметьте, я тоже лоялен к вам. Из уважения к вашим прежним заслугам и благородным сединам я даже сдержу слово. И выбора у вас нет.

— Зато у меня есть твоя шея, — ледяным тоном произнес Вэй.

— Но вам до нее не дотянуться, Вэйлр, — усмехнулся пират. — И вы это прекрасно понимаете. Отныне моя жизнь и жизнь вашей малышки переплетены столь плотно, что смерть одного повлечет смерть другого. Умру я — умрет она. Умрет она...

— Сдохнешь ты, — подтвердил Лоет.

— Об этом я и говорю. Поэтому мадемуазель Лоет неприкосновенна, и к ней никто не посмеет притронуться. Считайте, девочка под моей личной защитой.

— Я должен видеть ее ежедневно, Тина будет носить свою одежду. Одежда должна быть целой, как и моя дочь, — отчеканил Вэй. — Мои люди принесут ее вещи. Если на девочке появятся тряпки с чужого плеча, я буду подозревать тебя в вероломстве и причинении вреда моей дочери. Тина будет передвигаться свободно, никаких веревок. Находиться на палубе столько, сколько посчитает нужным. Если мне ее покажут и снова уберут, я буду подозревать тебя в вероломстве и причинении вреда моей дочери. Любая рана, ссадина, заплаканное лицо, синяки под глазами — я буду подозревать тебя в вероломстве и причинении вреда моей дочери. Если Тина хоть один день не появится на палубе, я буду подозревать тебя в вероломстве и причинении вреда моей дочери. И если у меня появятся такие подозрения, молись дьяволу, Урсус Ржавый, потому что за свою кровь я выжму тебя до последней капли. И не вздумай верить в то, что ты умен и изворотлив, потому что я сумею разуверить тебя в этом. — Лоет поднялся на ноги. — И еще. Ты должен знать, что врагов у тебя отныне вся моя команда, потому что каждый из моих парней готов перегрызть тебе глотку, Тина их любимица. Ах да, еще. К берегам Горастана тебе также не стоит приближаться, ты враг императорского дома. Ты все еще хочешь отправиться за сокровищами, удерживая мою дочь?

— Пожалуй, рискну, — сухо ответил пират.

— Твое право, — не менее сухо сказал Вэйлр. — Свои условия я огласил. Любое нарушение — и поводок, удерживающий меня, исчезнет. Отправляемся через два часа, время пошло.

Он развернулся и направился к выходу. Двое матросов и кок последовали за своим капитаном, продолжая удерживать в поле зрения пиратов с «Зари». Ржавый передернул плечами, ощутив тяжесть трех взглядов. Затем посмотрел в окно, проследил, как уходит Лоет со своими людьми, и потер подбородок.

— Любопытно, — произнес он задумчиво. — В итоге условия были выставлены мне, и ощущение, что меня отшлепали и оттаскали за уши, слишком стойкое, чтобы его не замечать. Действительно, Стальной Вэй. Однако время покажет, кто будет плясать на костях мертвеца. Убить вас, господин Лоет, будет для меня честью. Уходим. Через два часа у нас выход в море. — Он поднялся на ноги и направился на выход из трактира.

Четверо мужчин в молчании возвращались на «Счастличик». Лоету было боязно не то что сказать слово, но даже взглянуть на него. Плотнo сжатые губы выдавали внутреннее напряжение капитана, на лице застыла каменная маска, и только желваки, яростно двигающиеся под кожей, показывали, насколько Вэй взбешен. Уже поднявшись на борт, капитан обернулся к Самелю и отчеканил:

— Собери вещи Тины, не больше четырех смен. Я хочу, чтобы она чередовала свою одежду, так будет легче понять, что девчонка цела и невредима. — Затем обернулся, скользнул колючим взглядом по морякам с «Алиани». — За мной.

— Куда? — подал голос один из матросов, и Мельник непроизвольно втянул голову в плечи, потому что Лоет медленно обернулся, подошел к спросившему и рывком поднял его на ноги.

— Ты едешь домой, — прошипел Вэй, все еще сдерживаясь.

— С каким кораблем вы нас отправляете? — теперь заговорил Лерия.

Взгляд Лоета метнулся к нему, и матрос, до того удерживаемый за грудки, полетел на палубу. Вэйлр склонился к боцману с «Алиани», приблизил свое лицо к его лицу, так близко, что мужчина отшатнулся.

— Жить хочешь? — тихо и страшно спросил бывший пират.

— Да, — кивнул Лерия, гулко сглотнув.

— Тогда закрой хлебало, твою мать! — заорал Лоет. — Еще хоть одно слово — и я отправлю вас к дьяволу, а не в Маранту! Подняли задницы и пошли за мной, живо! — Затем обернулся к своей команде. — Готовьтесь к отплытию, скоро выходим в море. Собрать всех, кто на берегу; если кого-то не будет на борту к моменту отплытия, ждать не будем. Я все сказал.

После этого развернулся и направился к сходням. Моряки с «Алиани» потянулись за Вэем, боязливо переглядываясь, но уже не решаясь задавать вопросы. Даже после того, как попытка отправить «Зарю» на дно

провалилась, капитан «Счастливого» не был в такой ярости.

Никто не заметил, что на берег сошли одиннадцать человек из двенадцати: капитан Верта остался сидеть на прежнем месте, угрюмо глядя вслед остаткам своей команды. Лезть добровольно в петлю мужчина не собирался. Он все еще надеялся найти выход из той западни, в которую попал.

Лоет шел впереди: грозный, молчаливый, страшный. Сейчас особенно четко был заметен шрам, напоминавший, что язвительный капитан — вовсе не пушистый котенок. И звериный оскал, время от времени искажавший породистое лицо мужчины, вкуче со стиснутыми кулаками, пугал неимоверно. Понять, что бывший пират сейчас мысленно сворачивает кому-то шею, было несложно. Однако он вновь задавил свои чувства. Лицо Лоета стало непроницаемым.

Он остановился перед шхуной, носившей название «Ангелок», местом приписки которой значился город Кайтен Марантийского королевства. Вэй еще мгновение не двигался с места, с шумом втянув носом воздух и резко выдохнув, а после легко взбежал по сходням. Вахтенный преградил было путь хозяину, но тут же ошалело округлил глаза и выдохнул:

— Господин Лоет, это вы?

— Нет, задница дьявола, — рявкнул Вэй. — Где капитан?

— На борту, — неуверенно указал назад. — В ка-каюте, наверное.

— Отлично.

Вэйлр прошел в сторону капитанской каюты, а вскоре вернулся вместе с капитаном, указывая ему на моряков с погибшей шхуны.

— Доставите доходяг в Кайтен. Отдадите Серми записку, которую я написал. Он выдаст им небольшую сумму денег, чтобы могли добраться до Пьена. Они опытные моряки, так что в случае надобности можете задействовать в работе на корабле. Кормить, поить, доставить в целости и сохранности. У меня все.

— Да, господин Лоет, — кивнул капитан шхуны «Ангелок» уже в спину своему работодателю. Затем махнул рукой морякам, все еще топтавшимся на причале. — Поднимайтесь на борт.

Одиннадцать мужчин проводили Вэя все еще ошеломленными взглядами, и один из матросов решился крикнуть:

— Капитан Лоет, спасибо! Храни вас Всевышний!

— Идите все на х... — прилетел ответ Лоета, и он направился прочь, так и не обернувшись.

— И все равно спасибо, — пробормотал все тот же матрос. — Вы хороший человек.

Когда Вэй вернулся на борт своего брига, его встретили хмурыми лицами, уже зная от Кузнечика и Мельника все, о чем говорил капитан с пиратом Ржавым. Увидев Лоета, к нему шагнул Дин, но капитан вытянул руку, и принц остановился, так и не решившись приблизиться.

— Мясник где? — коротко спросил Лоет.

— Еще не вернулся, — ответил ему Даэль.

— Как вернется, сразу ко мне. — Боцман кивнул, но Вэй уже не видел этого, зная, что его распоряжение будет выполнено.

Он подошел к каюте лекаря, прислушался и толкнул дверь, входя внутрь. Бонг навис над койкой, откуда донесся приглушенный стон. Лоет приблизился, рассматривая восковое лицо Альяна, покрытое испариной. Молодой человек был в сознании. Он сжимал зубами свернутое полотенце, пока лекарь извлекал из него пулю.

— Почему не усыпил? — спросил Вэйлр.

— Он не захотел, — ответил Бонг и бросил в ведро пулю, гулко ударившуюся о дно. — Дальше лечить будет Хон. Он лучше справится.

— Может, заштопаешь? — Лоет заметил таз с водой. Смочил чистую тряпку и осторожно обтер лицо и шею Альяна.

— Хон справится лучше, — повторил горастанец и отошел.

Капитан присел на край койки, забрал уже ненужное полотенце и некоторое время рассматривал Литина.

— Держишься, парень? — спросил он.

— Тина, — прохрипел Альян вместо ответа.

— У Ржавого, — поморщившись, ответил Лоет. — Он ее использует как поводок для меня. Рыжая гнида хочет сделать из «Счастличика» пушечное мясо. Мы пойдем первыми, он за нами. Обещает отдать Тину, когда доберемся до острова. Врет паскуда, конечно. Он собирается нас там и оставить, но он ошибся с выбором жертвы на заклятие. Сучий потрох уже мертвец, я об этом позабочусь.

На Вэя взглянули синие глаза, затянутые пеленой боли. Альян рвано вздохнул и облизал пересохшие губы.

— Это я виноват, Вэйлр. Не оправдал доверия...

— Еще один великомученик, — скривился Лоет. — Ты Тину лично отдал Ржавому?

— Почти, — молодой человек прикрыл глаза, шумно втянул воздух и грязно выругался, кривясь и шипя. Хон уже сидел на ране, заполняя ее своим ядом. — Я... к дьяволу. Ч-щерт. Я слишком был занят своими... твою мать, Хон! Своими переживаниям... Невнимателен... Уберите на х... паука! — вдруг заорал он, и Бонг вновь сунул в рот Альяну полотенце,

теперь как кляп. Перехватил руки и ловко связал, оставляя их вздернутыми над головой. Затем привязал к койке ноги и отошел.

Лоет изумленно посмотрел на старого друга.

— Зачем мучаешь мальчишку? Он же сейчас съест полотенце! Бонг, просто заштопай...

— Хон его вылечит за несколько дней, — мотнул головой лекарь. — Араны — дыхание жизни. Я не смогу сделать того, что сделает паук. Он настоящий колдун.

— Бонг, мальчику совсем плохо...

— Жизнь не бывает без боли, только смерть дает покой. Вытерпит, Альен сильный, — отчеканил лекарь.

— Иди под хвост дьяволу, Бонг, — Лоет поднялся со своего места. — Не могу на это смотреть. — Он болезненно поморщился, стараясь не глядеть на искаженное лицо молодого человека. — Пусть Хон. Потеряешь мальчишку — я тебя удавлю. — Все же бросив еще один взгляд на Альена, Вэй направился к выходу, зло ворча себе под нос: — Дочь — у кровожадного ублюдка, Умник корчится, будто черти под ним огонь разожгли; где та падаль, что прокляла нас?..

— Жизнь не бывает без боли, — повторил ему в спину Бонг. — Однажды все это станет воспоминанием, а пока будем корчиться.

В назначенный час «Счастличик» покинул причал в порту города Фредо, направляясь на выход из гавани. Следом за ним двинулась бригантина с кроваво-красными бортами. Бриг вышел в море и остановился, ожидая «Зарю». И, когда бригантина приблизилась, Лоет выкрикнул:

— Где Тина?

— Папенька! — закричала девушка, бросаясь на нос. — Что с Альеном? Они говорят, что... — голос мадемуазель Лоет сорвался.

— Ты погляди на нее, — проворчал Лоет. — Я тут с разрывом сердца, а она об Умнике беспокоится. — После выкрикнул: — Живой! Они тебя обижают?

— Обещали не трогать, если я буду умницей! — прокричала в ответ Тина, покусала губы и решила: — Папенька, скажите Альену, что он все неверно понял, мы с Динном просто друзья!

— Еще и Дин?! — воскликнул Вэй. — Они меня с ума сведут, право слово!

— Папенька!

— Скажу! — Лоет опустил подзорную трубу, через которую с пристрастием рассматривал дочь, и коротко велел: — Вперед.

«Счастливчик» и «Красная Заря» возобновили движение, увлекаемые ветром и волнами по пути, который должен был стать для одного из кораблей дорогой в один конец.

Глава 36

Море было беспокойно, небо хмурилось, и моряки с тревогой поглядывали на волны, гребни которых венчали белоснежные шапки пены. Тина, примостившаяся у борта, чтобы лучше видеть взлетающий на волнах «Счастливчик», протяжно вздохнула и прикрыла глаза, подставляя лицо брызгам. Вот уже неделю она находилась на борту «Красной зари» и видеть папеньку и дорогих ей людей могла лишь издали.

Пираты поглядывали на девушку, но не трогали; кто-то даже пытался завязать разговор от нечего делать. Если Тина слышала пошлость и непристойные намеки, то отворачивалась, не удостоивая наглеца ответом. Несколько раз матросы пытались настаивать, но хватало окрика Ржавого или его старшего помощника, и от нее отходили, оставляя в покое. Так как почти все свое время мадемуазель Лоет проводила на палубе, вглядываясь в бегущий впереди бриг, то и все попытки завязать с ней разговор происходили на виду у моряков со «Счастливчика». Один раз, когда особо настойчивый пират схватил девушку за локоть, пользуясь отсутствием Ржавого на палубе, с брига раздался пушечный выстрел, и ядро упало недалеко от носа бригантины. Узнав причину недвусмысленного предупреждения, Ржавый избил матроса, и тот забыл о Тине, кажется, навсегда.

То, что с папенькиного корабля за ними постоянно наблюдают, наполняло душу мадемуазель теплом и благодарностью. Так было немного спокойней. Несколько раз ей удалось выпросить у Ржавого его подзорную трубу. Забравшись на нос, Тина долго рассматривала палубу брига, задерживаясь на каждом лице, которое попадало в кружок окуляра. Она увидела папеньку, что-то втолковывавшего господину Даэлю. Увидела Дина и Бонга, стоявших у перил и смотревших в сторону «Зари». За то время, что ей приходилось смотреть на дорогих ей людей издали, Тина поняла, что ужасно по ним скучает. Но особенно тосковала девушка по одному человеку.

Альена Тина видела каждый день; даже с расстояния ей казалось, что она различает каждую черточку его лица. Тину безумно огорчало, что они расстались, поругавшись из-за недоразумения. За эту неделю мадемуазель Лоет думала много, обо всем, что с ней происходило до встречи с Литином и после. Теперь для размышлений у нее было предостаточно времени. К работе на корабле девушку никто не приобщал, да ей и не хотелось: не тот

корабль, не те люди. Болтать с командой Тина также не стремилась, не видя достойных собеседников, зато думать выходило много и обстоятельно.

Девушка подолгу разбирала то, что привело к отъезду из отчего дома. Она не испытывала стыда, эту ступень мадемуазель Лоет прошла раньше. Нет, теперь Тина рассматривала свои побеги как бы отстраненно, словно не свои, а кого-то другого. Впрочем, ей так и казалось: словно она наблюдает через окно за девчонкой, живущей напротив. Она видела уличные драки, в которые с таким энтузиазмом кидалась соседка, видела, как она без жалости раздирает платье, влезая за яблоками в сад одного из горожан, не столько ради яблок, сколько из желания именно этого запретного и недозволенного действия. Перелезть через чужой забор, забраться на яблоню и грызть еще неспелые кислые плоды, затем ободрать еще одно дерево, навалив полный подол, и унести ради очередной забавы, закидать мальчишек из ватаги Заморыша. Всевышний! До Тины вдруг дошло, что Заморыш и его приятели, мальчишки, с которыми они со Сверчком воевали, повзрослели раньше самой Тины, несмотря на то что были младше на пару лет. Даже Сверчок. Только сейчас девушка поняла, что его взгляд изменился, стал... серьезней, что ли. Все взрослели, все развивались, и только Адамантина Лоет не желала выбираться из своих коротких платьев маленькой девочки.

Все ее поступки были, как те яблоки из чужого сада, незрелыми. Где-то бочок зарумянился, но на вкус все еще кислые. Вроде мелькала зрелая здравая мысль, но следовала ей Тина все еще по-детски. Даже если взять ту же девицу, которую она бросилась спасать вместе с Дином. Благородно, справедливо, но неразумно. Теперь Тина смело призналась себе, что все возражения, которые так складно выстроились в ее голове в тот момент, были вызваны лишь одним желанием — все сделать самой и доказать, что она тоже лихой малый и кое-что может. Глупая самоуверенность, и не больше. Как и все ее побеги от учителей и Лисси. Необоснованное баловство, оборачивавшееся каждый раз против нее же самой. И с каждым новым проступком Тина словно пыталась обхитрить судьбу: вчера попалась, сегодня сумею обойти расплату. Но не обходила, только все больше наживала себе неприятностей.

И эта цепь, сотканная из упрямства и нежелания остановиться и оглянуться на саму себя, привела ее к тому злосчастному вечеру, когда она ударила Марка. Здесь тоже была ее ошибка — опять самоуверенность. Она решила, что умней деда, дяди и родного брата. В результате мадемуазель скрыли в пансионе, а кузен продал ее герцогу. И вновь Тина совершила ошибку, решив положиться на себя, и только на себя. Зачем? Спасалась? В

общем, да. Но побег был продиктован очередной самоуверенной мыслью: «Я смогу». И она отправилась в дорогу одна, среди ночи. Лишь благодаря Всевышнему не встретив никого дурного.

Кто знает, что было бы с ней, если бы по дороге ей встретился не Альен Литин, а совсем другой человек. Ведь, принимая его предложение, девушка вновь была преисполнена излишней веры в себя. На что она надеялась, когда решила выдавать себя за юношу, оставшись одна среди множества мужчин? И вновь хвала Всевышнему, что о том, что она девица, узнал Альен. Сейчас ее обида на то, что он все понял и молчал, даже не намекнув ей, казалась глупой и надуманной. Следовало сказать спасибо, что промолчал, не воспользовался ситуацией и сделал все, чтобы никто кроме него не догадался, сумев позаботиться о недотепе, ввязавшейся в сомнительное предприятие.

Ради нее он прыгнул на бриг папеньки, не убоявшись остаться наедине с бывшей пиратской командой. И вновь встал на защиту, не позволив капитану Лоету по-свойски разобраться с блудной дочерью, которая, стоит быть честной с самой собой, заслуживала отменной трепки. И все же она ее не получила, потому что рядом всегда был Альен. Сколько колкостей и пренебрежения он вынес от папеньки, продолжая охранять ее? И чем отплатила Тина? Обидами, унижительными ударами, глупыми обвинениями и криком: «Я тебя ненавижу»? Что он сделал такого, чтобы она его ненавидела? Родился привлекательным, из-за чего в него влюбилась освобожденная девица, к которой его привела Тинина неразумность? Все ее обиды были продиктованы не чем иным, как ревностью.

И тогда Тина оценила все, что происходило между ней и Дином на глазах Альена, когда девушка в очередной раз находила повод для новой обиды. Мадемуазель Лоет представила себя на его месте, со всей отчетливостью понимая, что должен был чувствовать молодой человек. Да она бы не вынесла и сотой доли своих чудачеств! А он не отвернулся, не отказался... не разлюбил.

— И как же ты все это вытерпел, если я оскорбилась только из-за то, что ты нес на руках девицу, которая от страха не могла идти? — спросила тогда Тина. — Ох, Всевышний, как же глупо...

Обдумав все это, Адамантина Лоет, девица восемнадцати лет от роду, приняла себя. Она не ударилась, как обычно, в самобичевание, ее щеки не пылали от стыда. Нет, все это была она, и никто другой. Клясться измениться — пустое, потому что это попытка отказаться от себя. Это неверный путь. Нельзя отказаться от своей природы, потому что это ведет к бегу по кругу. Фундамент уже сложился, и от него никуда не деться. Она,

Тина Лоет, такая, какая есть. Такой ее принимают родные, такой ее принял и полюбил Альен, и девушка тоже приняла себя такой. Но фундамент уже сложился, и стоило строить дом дальше. Пора топтаться на месте миновала, и Тина знала, что она уже не станет прежней. Маленькая девочка, сидевшая на чужой яблоне, осталась в прошлом. Зарекаться, что в жизни мадемуазель Лоет еще будут спорные и даже безрассудные поступки, тоже было глупо, потому что даже они являлись кирпичиками в ее фундаменте. Но, как сказал папенька, все в ее руках.

Тина наконец постигла смысл наставлений отца и слов Альена. Ничто не научит ее лучше, чем собственные шишки. Ей дают советы, ей подсказывают, нужно просто научиться слушать и делать выводы, не опираясь на свою самоуверенность. Пора учиться различать, что в жизни важно, а что — всего лишь блажь. Пришла пора учиться на тех уроках, которые преподает жизнь. Папенька верно сказал, нужно учиться нести ответственность за свои поступки, дела и решения. И хватит прятаться за шорами детских фантазий — реальность оказалась намного жестче, чем рисовалась в байках папеньки и моряков. Это в историях все романтично и красиво, а в жизни умирают. И пусть пока смерть коснулась знакомых, но чужих ей людей, но Альен уже дважды был ранен за время этого путешествия.

Мадемуазель Лоет с дрожью вспоминала, как, очнувшись в карете связанной, она дрожащим голосом спросила:

— Что с молодым человеком, который был со мной? — Этот вопрос отчего-то оказался важнее, чем вопрос о том, где она и что с ней будет.

— Это она о том сопляке, которого ты подстрелил? — спросил один пират, и второй ответил:

— Да.

Мир в то мгновение померк перед глазами Тины. Она вдруг представила, что Альена больше нет, и в душе разлилась ледяная пустота, заморозившая даже ток крови по венам и артериям. Девушка не кричала, не пыталась кидаться на пиратов, не обвиняла, не оскорбляла, она просто застыла, глядя в одну точку, а в голове с назойливостью мухи крутился только один вопрос: «Как мне жить без него?»

Ее привезли в порт, развязали и пригрозили пристрелить, если она закричит или попытается бежать. Впрочем, бежать у нее бы и не вышло: оба пирата плотно сжали Тину с обеих сторон, кучер пристроился сзади, ткнув в спину дуло пистолета. Она послушно шла, слабо осознавая происходящее. Потом пришел Ржавый, сел напротив и что-то говорил, мягко и вкрадчиво, повторив несколько раз, что ей ничего не угрожает до

тех пор, пока девушка будет вести себя хорошо. Наверное, поэтому Тина и запомнила эти слова. И ожила она лишь в тот момент, когда услышала голос папеньки и Ржавый подтолкнул ее, велел:

— Покажись отцу.

Окончательно она пришла в себя лишь тогда, когда услышала волшебное и такое необходимое слово «живой». Живой! И мир опять заиграл красками. В то мгновение Тину даже не испугало то, что теперь она во власти одного из самых страшных пиратов их времени. А после бояться стало поздно. Тем более что обращались с ней вполне сносно, не позволяя обижать пленницу и давая ей определенную свободу. Девушку не связывали... в полной мере, но к ее ноге была привязана длинная веревка, примотанная к одной из мачт. С брига ее не видели, и веревка не мешала пленнице передвигаться, но прыгнуть за борт она не смогла бы, потому что тогда повисла бы вниз головой. Выполнить условия капитана Лоета капитан Вард не мог, это было слишком неосмотрительно. За тем, чтобы Тина не развязала веревку, следил один из матросов, а нож, который девушка носила с собой, забрали, пока она была без сознания, обыскав еще в карете.

— Мадемуазель Лоет, покиньте палубу, — услышала Тина и обернулась к Ржавому, стоявшему за ее спиной.

— Можно мне еще немного постоять? — спросила девушка.

— Нельзя, — жестко ответил пират. — Надвигается шторм.

Вздохнув, Тина бросила последний взгляд на «Счастливики», туда, где стоял Альян, с которого она не сводила взгляда все это время. Мадемуазель подняла руку, и молодой человек тут же ответил ей.

— Я не люблю просить дважды, — снова произнес пират, и Тина оторвалась от борта.

— Ухожу, — проворчала она.

Он посторонился, пропуская девушку, проследовал за ней до каюты, где разместили пленницу, пропустил внутрь и некоторое время смотрел, как она усаживается за стол.

— Нас сильно помотает, — наконец сказал Урсус. — Попадала уже в шторм?

— Нет, — ответила Тина, не глядя на своего тюремщика.

— Не визжать, на двери не кидаться, все равно не выпущу. Сейчас, — он ненадолго исчез, но вскоре вернулся с книгой в руке. — Держи, интересная. Будет выворачивать — ведро у тебя есть.

— Спасибо за заботу, — усмехнулась девушка.

— Пользуйся, — ответил ей такой же усмешкой Ржавый. — Моя

доброта дорого стоит, потому что большая редкость.

Дверь закрылась, и Тина услышала, как повернулся ключ в замочной скважине. Она откинулась на спинку стула, скрестила на груди руки и вытянула ноги, привычно повторяя любимую позу папеньки и дедушки Мовильяра. Это Тина успела заметить за время, проведенное в его обществе. Прикрыв глаза, девушка тихо запела:

Мотает корабль по черным волнам.
Добраться бы, братцы, нам с вами до суши.
Бушует и воет шальной ураган —
То дьявол приходит по грешные души.

Хей-хо, хей-хо,
То дьявол приходит по грешные души.

Взлетает корабль с волной в небеса
И падает с воем в ревущую бездну.
То черти свои подают голоса,
Врата преисподней пред нами разверзнут.

Хей-хо, хей-хо,
Врата преисподней пред нами разверзнут.

Мы жили как боги, не зная оков,
Гуляли на воле, как ветер и волны.
Мы пили и ели с господских столов,
Звенящей монетой карманы наполнив.

Хей-хо, хей-хо,
Звенящей монетой карманы наполнив.

Познали усладу прекрасных блудниц.
Удачей обласканы сукины дети.
Нам имя давали проклятых убийц,
И вот уж растянуты чертовы сети.

Хей-хо, хей-хо,
И вот уж растянуты чертовы сети.

Эту песню Тина услышала когда-то от Кузнечика. Он сидел у ворот их особняка, смотрел на небо, затянувшееся тучами, и напевал старую песню. Сколько тогда было лет мадемуазель Лует? Кажется, десять. Она присела рядом с мужчиной, чтобы послушать, как он поет. Кузнечик подмигнул дочке капитана, приобнял ее за плечи, и они вместе раскачивались в такт простенькой мелодии.

— Эта песня про шторм? — догадалась Тина.

— Почти, — усмехнулся Кузнечик, поддев кончик носа девочки согнутым пальцем. — Шторм тут как наказание. Расплата за грехи, понимаешь, лапа?

Тина важно кивнула, и бывший пират хрипловато рассмеялся.

— Ничего-то ты не понимаешь, чистое создание, — сказал он.

— Тогда объясните, — потребовала девочка.

— Да что уж тут объяснять, — Кузнечик усмехнулся и снова приобнял Тину. — За все в этой жизни нужно платить, лапа. И за свободу тоже. Хотя... какая это свобода? Это не свобода, маленький ангел, это только видимость. Ты творишь беззаконие и непотребства, нарушаешь законы Всевышнего, и вроде все легко и весело. Кажется, что тебе плевать на виселицу, на пытки палачей, на клинки и пули, на саму смерть плевать, а потом происходит то, что тебе не подвластно...

— Шторм?

— Да, лапа, тот же шторм. От людей можно сбежать, ранения заживут, пистолет врага даст осечку, а стихия — она не дает шанса. Тут как Всевышний решит: выберется корабль из ловушки ветра и волн или нет. Шторм чистит душу, Тина, получше какой-нибудь тригарской бани. Все нутро вывернет и даст тебе полюбоваться твоим же дерь... твоей сутью. Люди проходят через страх.

— Мой папенька ничего не боится.

— Все боятся. Нельзя не бояться; только дурак кричит, что ему не страшно. Перед стихией все равны: и король, и моряк. Она никого не выделяет. Захлестнет одинаково и потащит на дно. Шторм, малютка, — это страшно. Но когда рядом умелый и умный капитан, остается только не сгинуть по собственной дурости.

Девушка открыла глаза, глядя в сумрак каюты. Качка усилилась, и воющий ветер теперь казался особенно неистовым. Тина поднялась на ноги и, придерживаясь за переборку, побрела к лампе, висевшей на гвозде. Бригантину качнуло сильнее прежнего, и девушка едва удержалась на ногах. Упрямо поджав губы, она прихватила лампу и развернулась. «Заря» взлетела на волне, сильно накренилась, все-таки свалив Тину с ног.

Мадемуазель Лоят прижала к себе лампу, жмурясь от ощущения пустоты, вдруг разверзшейся в животе, когда корабль ухнул вниз.

— Ох, маменька, — выдохнула Тина. — Шторма не боятся только дураки.

Она поднялась на ноги, бригантину мотнуло, и девушка упала на стол. Цепляясь за его край, она добралась до стула и тут же упала на него.

— И вот уж растянуты чертовы сети, — шепотом повторила Тина слова старой пиратской песни и посмотрела на закрытую дверь.

Ей было страшно. Нет, паники не было, скорей, это больше походило на тревогу, волнение, но леденящего ужаса она почему-то не ощущала. Чтобы отвлечься, девушка попробовала представить, что сейчас происходит на «Счастливице». Скорей всего, то же самое, что на «Красной заре», и папенька непременно, как и Ржавый, отправил бы дочь в каюту, но не стал бы запирасть. И, наверное, пришел бы Альен, чтобы побыть с ней. Да, он пришел бы обязательно, и тогда можно было бы прижаться к нему и послушать, как бьется его сердце, живое горячее сердце, способное успокоить одними только размеренными ударами. Как бы было хорошо сейчас оказаться на «Счастливице»...

Бригантину снова сильно подкинуло, и лампа слетела со стола. Звон стекла смешался с ревом моря и ветра. Тина посмотрела вниз: масло из лампы растеклось темной лужицей.

— Вот и почитала, — хмыкнула девушка.

Вздыхнув, Тина взяла в руки книгу, которую ей принес пират. Пришлось напрячь зрение, чтобы рассмотреть ее. Переплет немного истрепался — похоже, ее часто читали. Ржавый поделился любимой книгой? Или же до него кто-то другой ее перечитывал? Какая разница? Никакой.

Оставшись без света, мадемуазель Лоят вновь поднялась на ноги, прихватив с собой книгу. Еще не хватало, чтобы она слетела в лужу масла. Тине не было стыдно перед пиратом, это было уважение к самой книге. Маменька часто говорила, что книги — величайшее изобретение человечества, и Тина, несмотря на нелюбовь к некоторым жанрам, была с ней полностью согласна. Подтянув к себе ведро, девушка разместилась на койке, крепко держась за ее края.

Книга лежала под Тиной, прижатая к койке ногой, и в голове девушки всплыло воспоминание, как старый Мартель говорил ей, сидя на бухте свернутого каната и потягивая табачный дым через длинный мундштук своей трубки:

— Огонь на корабле — зло, Сверчок, даже в море. В шторм все лампы

тушатся.

— Почему? — Тина сидела у его ног, откинувшись на руки, и щурилась, потому что солнце светило ей в глаза и седины Мартеля подсвечивались его лучами, создавая легкий ореол.

— Вот представь: упадет лампа, разобьется, горящее масло потечет по деревянным просмоленным доскам, вот тебе и нет кораблика. Смекаешь? — ответил старик, усмехаясь.

— Смекаю, — поняливо кивнула девушка и благополучно забыла об этом наставлении.

Тина приподнялась на локте, посмотрела на черную лужицу и поблагодарила стихию за то, что та разбила лампу раньше, чем пленница успела ее зажечь. Тут же пришла мысль, что Ржавый над ней поиздевался, сунув книгу. А потом подумалось, что это была попытка заботы и пират просто не подумал о том, как девушка будет сидеть в темноте, занятый мыслями о надвигающемся шторме.

А потом мыслей не было, ни одной, они все растворились в разрастающемся ужасе перед стихией, набравшей силу. До Тины уже почти не доносились мужские крики с палубы, только рев одичавшего ветра, хлесткие удары волн о борт бригантины и шум дождя, сливавшиеся в единый пугающий до леденящей паники голос шторма. Мадемуазель Лоет зажмурилась с такой силой, что темнота наполнилась цветными пятнами, и молилась.

«Зарю» мотало по взбесившимся волнам, словно щепку, и вместе с ней мотало Тину, уже несколько раз слетевшую с койки, несмотря на то что держалась она изо всех сил. У нее уже болели пальцы и мышцы от напряжения. При попытке встать на ноги девушку снесло очередным взлетом корабля, покорного воле ярящегося моря. Она ползком добралась до койки, чувствуя, что внутренности просятся наружу, но укатилось ведро и теперь гроыхало где-то в стороне от нее. Пришлось искать пропажу, сдерживая порыв невероятным усилием воли.

Ведро девушка нашла, но на койку уже не вернулась. Она сидела, держась за ножку стола, прикрученного к полу, сжав ногами ведро, и давала волю своему желудку, исторгавшему, казалось, саму душу.

— Ох, маменька, — сдавленно просипела Тина, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Как там папенька? Помоги им, Всевышний... и нам. Ох, выжить бы-ы-ы, — простонала она и снова согнулась над ведром.

Вопреки подозрениям Ржавого, мадемуазель Лоет ни разу не завизжала, не закричала, требуя ее выпустить, и на дверь не кидалась. На палубе ей было нечего делать, разве что дать волнам смыть себя, но это

было бы дуростью даже для порывистой Тины. Поэтому девушка терпеливо ждала, когда все закончится, продолжая молиться и давая Всевышнему клятвы, что больше никогда, никогда-никогда не будет сквернословить и поминать нечистого. А еще станет приличной молодой особой и забудет о море и приключениях навсегда, честно-честно.

И, когда болтанка уменьшилась и слышались шаги за дверью, Тина, измученная уже не столько штормом и страхом, сколько спазмами, подняла взгляд покрасневших глаз на звук отпираемого замка и просипела, глядя на мокрого насквозь пирата:

— Гарпун тебе в печень, Ржавый.

— Очень мило, — усмехнулся пират. — Я ей жизнь спас, а она меня гарпуном, да в святое.

— Дьявол тебя дерит, — закончила мысль мадемуазель Лоет.

— Мелкая хамка, — хмыкнул Урсус и прошел в каюту, с интересом разглядывая Тину, любовно обнимающую ведро. — Потроха на месте?

— Проверь. Если не плавают, значит, еще в брюхе, — она протянула ему ведро, и пират отшатнулся, насмешливо склонив голову.

— Благодарю покорно, но, пожалуй, я недостойн такой чести.

— Твое право, — прохрипела девушка, поднимаясь на ноги.

Ржавый успел придержать пошатнувшуюся мадемуазель за плечо.

— Я хочу на воздух, — откашлявшись, сказала Тина.

— Идем, выведу, — Урсус приобнял девушку за талию, но она скинула его руку, подняла ведро и гордо задрала нос.

— Не дитя.

Пират с интересом наблюдал, как пленница доковыляла до двери, тяжело вздохнула и продолжила свой путь, поскрипывая ручкой ведра. Ржавый последовал за ней. Уже на палубе, когда под рукой исчезла опора и бригантину подкинуло на невысокой волне, мадемуазель Лоет все-таки не устояла. Она непременно завалилась бы, расплескав содержимое своего ведра, если бы пират не успел поймать ее и утвердить в вертикальном положении. Тина полуобернулась и хотела сказать спасибо, но, должно быть, разум еще не до конца вернулся на прежнее место после пережитого страха и болтанки, и девушка изрекла:

— Хозяйство лишнее?

— Эм-м... — задумчиво протянул Ржавый.

— Что эм? Спасибо, говорю, — мадемуазель снова протяжно вздохнула, освободилась от хватки пирата и добрела-таки до борта, подняла ведро, и оно благополучно погубило в морской пучине, выпущенное ослабевшими руками. Тина проследила за его полетом и пробормотала: —

Хорошо пошло...

— По миру меня пустить решила? — невозмутимо полюбопытствовал Урсус.

— Да, нехорошо получилось, — согласилась девушка, подняла взгляд, оглядывая морские просторы, и тут же резко обернулась. — Какого дьявола?

Она бросилась к другому борту, забыв о собственной слабости и мути в голове. Вцепившись в перила, мадемуазель Лоет вертела головой и наконец воскликнула:

— Где «Счастливчик»?!

Она обернулась к Ржавому, оказавшемуся снова за ее спиной. Мужчина смотрел странным задумчивым взглядом, потирая гладкий подбородок.

— Где бриг папеньки? — дрожащим голосом повторила вопрос Тина.

— Штормом отнесло, наверное, — ответил пират равнодушно. — Не до брига было, знаешь ли.

— И что теперь делать? — мадемуазель Лоет смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых плескалась паника.

— Карта у меня, идем к острову, — пожал плечами Урсус. — Лоет сам нас найдет, он же знает, что ты на «Заре». А если не найдет... — Пират склонил голову набок. — Ты ведь скажешь мне, что написал Биглоу?

— Мы так и не сумели найти послание, — вздохнула Тина, привычно сутулясь, как делала это сотни раз, уверяя родителей в своем раскаянии. — Папенька говорил, что будем равняться на обстоятельства.

Ржавый поджал губы, оценивающе глядя на девушку. Мадемуазель Лоет поняла, что он отыскивает на ее лице следы вранья, но уж в показной невинности Тина поднаторела за восемнадцать лет своей жизни и теперь даже радовалась, что стала мастером в этом деле. Пока пиратам был нужен капитан Лоет и его бриг, девушка была в относительной безопасности. Но уверься они, что все, что им нужно, уже на борту, что стали бы они делать? Ценность пленницы, конечно, осталась бы, но исчезла бы потребность в «Счастливчике», как исчезли бы и договоренности, которые связывали Варда и Лоета. Тина хоть точно и не знала, но прекрасно понимала, что папенька не мог не опутать Ржавого своими условиями игры, поэтому выдавать секрет Беса не собиралась ни при каком условии.

— Жаль, — искренне расстроился Урсус. — Это могло бы сильно упростить дело. Значит, придется ждать Одноглазого.

— Папенька меня не оставит, — уверенно кивнула девушка.

— Отдыхайте, мадемуазель Лоет. Это ведь ваш первый шторм? — он

снова перешел на светский тон.

— Первый, — ответила Тина и вновь отвернулась, глядя на все еще беспокойное море.

Когда ушел пират, она не заметила, увлеченная вглядыванием вдаль. Тине так хотелось увидеть далекую точку, которая стремится в их сторону и вскоре превратится в очертания знакомого корабля... Но горизонт был пуст, и мольба мадемуазель Лоет осталась не услышанной. Скорбно вздохнув, девушка перешла к другому борту, еще какое-то время вглядывалась в море до рези в глазах, затем поникла и поплелась в свою каюту.

Зайдя туда, где теперь проходили ее дни и ночи, Тина обнаружила, что кувшин, разлившийся во время шторма, вновь полон воды. Это обстоятельство несказанно порадовало девушку. Она умыла лицо, прополоскала рот и почувствовала себя немного лучше. Затем оглядела себя и, брезгливо фыркнув, достала чистую одежду. После причесалась и хотела вновь выйти на палубу, но в дверь каюты постучали, и на пороге появился старший помощник Ржавого.

— Мадемуазель Лоет, — произнес он, — капитан Вард приглашает вас отужинать с ним.

— Вот уж чего не хочу, так это есть, — проворчала Тина.

— И все же... — несмотря на вежливый тон, взгляд пирата был вьедливым и колючим. Отчего-то он показался девушке опасным и... знакомым.

— Я ведь видела вас, не так ли? — спросила она. — Не на «Заре», раньше. Ваше лицо... оно мне знакомо.

Скорей, ей был знаком этот взгляд, похожий на стальные крючки. Он словно подцеплял, как рыбак рыбу, и держал, не отпуская, пока не изучит до самых потрохов. Старший помощник усмехнулся и склонил голову:

— Имел честь оказаться загнанным в ловушку вашим папенькой, мадемуазель Лоет, — ответил мужчина, — на том злополучном острове, куда он якобы сошел за водой. Вы еще отправились гулять с вашим дружкой. Потом меня держали пленником на «Алиани», но мне удалось покинуть борт шхуны незадолго до ее гибели. Урсус потом вернулся и подобрал меня. Исчерпывающе?

— Более чем, — Тина поджала губы, изучая пирата заново. Она слышала разговоры про то, как пленный пират предупредил Ржавого о нападении. Стало быть, выжил и даже вернулся на бригантину.

— Капитан не любит ждать и не терпит отказов, — с нажимом произнес мужчина. — Идемте.

— Совсем не терпит? — задумчиво поинтересовалась девушка.

— На дух не переносит, — услышался голос Урсуса Варда. — Просто зверею. Свободен, Рен, ты не умеешь разговаривать с дамами, я сам приглашу мадемуазель.

— Как будет угодно моему капитану, — насмешливо ответил старший помощник и исчез, освобождая проем для Ржавого.

Капитан Вард вошел в каюту, оглядел Тину и довольно хмыкнул, оценив ее внешний вид.

— Прошу, мадемуазель, — он подал ей руку.

Девушка мгновение рассматривала подставленный локоть и вспомнила все свои дурные привычки. Сейчас она им так же радовалась, как и умению врать. Тина шмыгнула носом, затем утерла его ладонью, протянув от кончика пальцев до запястья, и потянулась, чтобы положить ладонь на сгиб мужского локтя. Ржавый опустил свою руку, не позволив ей коснуться себя, и указал на дверь.

— Прошу.

— Ладно, — пожало плечами юное создание и направилось к дверям, чувствуя на себе внимательный взгляд капитана «Зари».

Она задавала себе вопрос: что от нее могло понадобиться пирату? За всю эту неделю он особого интереса к ней не проявлял. За день мог сказать всего несколько фраз; остальное время, кажется, вообще не замечал. Открывал каюту, чтобы выпустить на палубу, и закрывал, когда прогулка была закончена. Ну и когда приносили еду, тоже открывал и закрывал. Ключом от узилища Тины распоряжался только Ржавый, что было, в принципе, понятно. И вдруг это настораживающее приглашение. Странно...

Урсус обогнал девушку, распахнул перед ней дверь своей каюты и пропустил вперед. Мадемуазель Лоет не стала рассматривать внутреннее убранство, ее внимание привлек стол, на котором помимо еды стояла бутылка вина. Бокалы Ржавый поставил, когда Тина заняла один из стульев. Мужчина откупорил бутылку и разлил рубиновую жидкость по бокалам, вручив один из них своей гостье.

— Вам знаком вкус вина, Тина? — спросил пират.

— Случалось выхлебать рюмаху, — развязным тоном ответила девушка.

На самом деле после того единственного раза, когда пила разбавленное вино в доме его сиятельства, Тина не пила ничего крепче чая. Да еще кружка рома на «Алиани», после того как она стала свидетелем убийства некоего Лени тем, кто сейчас сидел напротив и продолжал с любопытством

наблюдать за ней. Урсус Вард улыбнулся уголками губ и поднял свой бокал.

— У нас есть повод выпить, — сказал он. — Ваш первый шторм и счастливое избавление от смерти моими стараниями.

— Любите похвалиться своими заслугами? — не скрывая иронии, спросила Тина.

Ржавый промолчал. Он поднес бокал к губам, но пить не торопился, ожидая, когда к нему присоединится девушка. Она не спешила пить, надеясь избежать хмеля.

— Выпей со мной, Тина, — в голосе пирата появились неожиданные бархатистые нотки. — Это был тяжелый день, вино поможет расслабиться.

— Мне в глотку ничего не лезет, — ответила она. — Так выворачивало, чуть кишки не выbleвала, дьявол их дери. Никогда не блевала от качки, а тут такое дерьмо.

— Да уж, — усмехнулся пират. — А ты, оказывается, забавная. Пока ты не высказалась, когда я открыл дверь твоей каюты после шторма, я думал, что ты скучная тихоня и зануда. Нужно было раньше подойти к тебе и пообщаться.

Тина поджала губы, понимая, что выбрала неверную линию поведения. Конечно, они же не на светском рауте, чтобы отпугивать кавалера нарочитым хамством и грубыми выходками. Перед ней сидел пират, привыкший к крепким выражениям. Но хотя бы брезгливый, отметила девушка, вспоминая, как он отдернул локоть после ее показательного вытирания носа. И раз уже поздно отпугивать портовыми замашками, можно было попробовать ударить именно по этой стороне Ржавого.

— Ну же, Тина, — он вновь поднял свой бокал, — всего глоточек. Мне хочется, чтобы ты оценила вкус этого напитка. Очень насыщенный букет. Я его не предлагаю всем подряд, — с намеком закончил мужчина. — Могу встать на колени.

— Не надо, обойдусь, — буркнула она и сделала глоток.

Прополоскав горло, погнав вино во рту, девушка огляделась, желая сплюнуть. Она нагнулась и услышала сухое:

— Не стоит.

Пират поднялся со своего места, приблизился к ней, и Тине пришлось выпрямиться. Тонкие длинные, но сильные пальцы ухватили мадемуазель за подбородок и приподняли ей голову, вынудив проглотить вино.

— Это употребляется внутрь, маленькая, — насмешливо произнес капитан Вард и, накрыв руку девушки, сжимавшую бокал, поднес его к губам Тины. — До конца.

— Сейчас назад полезет, — сдавленно сообщила она, изображая спазм.

— Не успеет, — усмехнулся пират. — За то, чтобы «Счастличик» скорей нашел нас. За это выпьешь?

— Выпью, — глухо ответила Тина и убрала от себя руку Ржавого. — Сама.

Он не возражал. Самолично наполнив тарелку гостьи нехитрой пищей, мужчина вновь разлил вино, и мадемуазель Лоет заметила, что себе он просто долил. То, что ее пытаются спить, Тина поняла практически сразу. Оставался вопрос: для чего? Надеется, что у девчонки развяжется язык, и она скажет все, о чем умалчивает? Зачем капитану «Зари» нужны эти посиделки и пьяная пленница?

— Как тебя занесло в море? — спросил между тем Ржавый. — Лоет, хоть и был пиратом, сейчас уважаемый судовладелец. Сбежала из дома, это я понял, когда поговорил с Верта еще в Тарване. Обижали дома? Лоет — мужик жесткий, это я уже понял, но за тебя трясется, из чего следует, что нелюбимым дитя ты не являешься. Навязывали выгодное замужество? Старика? Просто не понравился? Или же удрала вслед за дружкой? Любовник?

— Ты как-то однобоко мыслишь, — усмехнулась Тина, ощущая, что первый бокал на пустой желудок не прошел даром. В голове шумело.

— Тогда каким ветром тебя занесло в Порт-Дайон? И как ты пронюхала про карту?

— Ничего я не нюхала, — буркнула девушка, вздохнув и облизав губы. — Мне бы воды.

— Вино, — ответила Урсус, — сегодня только вино, маленькая. Так что с картой?

— Дьявол в спину толкал, — криво усмехнулась мадемуазель. — Просто решила пройтись к сгоревшему складу, прогулялась. — Она хохотнула и все-таки сделала большой глоток из бокала, тут же выругавшись. — Черт, забылась.

— Прошлась и...

— И услышала ваш разговор с Лени. Потом возню, и мне под ноги упал кожаный чехол, а за ним и половина Лени, — девушка снова хмыкнула. — То есть он свесился из окошка, после того как ты его, — она провела большим пальцем по горлу и передернулась. — Мерзкое зрелище. Карту я раньше подняла, а там уже дала стрелача. То, что бегу с футляром в руках, поняла, когда было поздно. С «Алиани» уже успели сдать меня с потрохами. Меня и Альена. — Глаза девушки вдруг подернулись

мечтательной дымкой, и она повторила: — Альян.

Протяжно вздохнув, Тина допила вино и взялась за вилку. Когда ее бокал наполнился в третий раз, мадемуазель Лоет уже не заметила, занятая своими мыслями.

— Провидение, — негромко усмехнулся пират, отпив немного из своего бокала, поставил его на стол и посмотрел на девушку, ковыряющуюся в тарелке. — Ничего в этой жизни не делается просто так, как считаешь, маленькая?

— Я большая, — проворчала Тина.

Урсус Вард усмехнулся и прошелся взглядом по плечам пленницы, скользнул к распахнувшемуся вырезу рубахи и на некоторое время остановился там. Прикусив нижнюю губу, мужчина продолжал наблюдать за девушкой. Она вздохнула, и пират очнулся.

— Альян — это твой приятель? — спросил он. — Рен говорил, что твой отец называл его Умником. Такой умный?

— Альян очень умный, — живо откликнулась Тина.

— Правда? И в чем же это выражается? — взгляд пирата стал более колючим.

— Просто умный, и все, — пожал плечами мадемуазель и добавила: — И очень красивый.

— Какой же он умный, если не смог отгадать загадку Беса?

Возмущенно полыхнув взором, Тина уже открыла рот, чтобы сказать, что как раз Альян-то и смог это сделать, но вовремя опомнилась и воскликнула:

— Никто не смог! Ни Альян, ни папенька, ни даже Бонг! А он, между прочим, колдун, настоящий.

— Хм, колдун? — переспросил Урсус. — Колдун бы смог. Значит, не настоящий. Знавал я одного колдуна. Он клялся, что может проходить сквозь стены и выпутываться из любых оков и пут. Так я его связал, и за борт. Через несколько дней достали уже поглodанного рыбами. Не выпутался. Вот и весь колдун.

— Ужас, — Тина передернула плечами. — Ты жестокий.

— Обычный, — он пожал плечами и встал со стула. — Выпей со мной, маленькая.

Девушка подняла на пирата взгляд, подернутый хмелем.

— За то, чтобы все закончилось благополучно, — с легкой улыбкой добавил Урсус.

— И ты отпустишь меня к папеньке?

— Отпущу, — кивнул мужчина, присаживаясь на корточки перед

мадемуазель Лоет. — И даже не буду вас преследовать. Мне до черта надоело мотаться по морю, разыскивая вас. Хочу бросить якорь в Порт-Дайоне и найти применение золотишку Биглоу. За удачу?

— За удачу, — согласилась Тина, поднося бокал к губам.

Капитан Вард смотрел на нее снизу вверх, не спеша пригубить вино из своего бокала. Он подставил палец под хрустальный кружок на ножке бокала девушки и слегка надавил, не давая ей остановиться. Тина поперхнулась, и красная струйка стекла с уголка губ, поползла по подбородку, добралась до шеи и скользнула в ворот рубахи, исчезая в ложбинке, приоткрытой расползшейся шнуровкой. Мужчина, следившей за каплей, гулко сглотнул и облизал губы.

— Не делай так, — хмуро попросила Тина.

— Как? — хрипло спросил он, поднимая взгляд к лицу юной мадемуазель.

— Не заставляй меня пить насильно, я чуть не захлебнулась, — пояснила она, отставляя бокал. — Больше не буду.

— А больше и не надо, — все так же хриловато ответил пират. Он отставил свой бокал в сторону. — Значит, Альен красивый?

— Очень, — смущенно улыбнулась девушка.

— А я?

Вопрос Варда застал Тину врасплох. Она некоторое время удивленно смотрела на него, но вино продолжало растекаться в крови, пьяня и туманя разум. Девушка заметила, как в полумраке поблескивают васильковые глаза пирата. Он улыбнулся, и улыбка вышла таинственной и притягательной.

— Я красивый, Тина? — повторил он вопрос.

— П-привлекательный, — запинаясь, ответила девушка.

— А так?

Урсус поднялся на ноги, поймав мадемуазель Лоет за руку и увлекая за собой. Она оказалась прижата к крепкому мужскому телу, голова пирата склонилась, и губы накрыли губы Тины. Девушка широко распахнула глаза, изумленно глядя на капитана Варда, все более увлекающегося поцелуем. Затем с силой наступила ему на ногу и, как только ошеломленный мужчина отпрянул, заехала ему кулаком в челюсть. Ржавый охнул, но, должно быть, от удивления остался стоять, накрывая губы ладонью и сверля Тину злым взглядом.

— Ты что творишь, потрох?! — заорала возмущенная девица. — Только сунься еще, и я тебя так приласкаю, что о бабах до конца жизни забудешь! Дерьмо.

Она сплюнула и опрометью выбежала из капитанской каюты. Вбежала

в свою и захлопнула за собой дверь. Вскоре послышались шаги, и ключ повернулся в замочной скважине, запирая пленницу.

— Будешь сидеть тут до острова Беса, — рявкнул из-за двери пират. — Голодная.

— Чтоб ты сдох, ублюдок, — пробормотала девушка и шумно выдохнула.

Сердце отчаянно колотилось в груди. Тина посмотрела на свои руки: они дрожали.

— Где вы, папенька? — всхлипнула девушка и упала на койку, отдаваясь своим переживаниям и страхам. Теперь она себя и вовсе не чувствовала в безопасности. Мадемуазель Лоет так и заснула, сжавшись в комочек поверх грубого одеяла.

А ночью тихо повернулся в замке ключ, дверь бесшумно открылась, и на Тину навалилась тяжесть мужского тела, вырывая ее из тяжелого сна. Девушка забилась, пытаясь скинуть с себя пьяного в дым мужчину. Ржавый поймал ее руки, завел за голову, раздвинул коленом ноги, не позволяя ударить себя, и навис сверху.

— Ты же не думала, что можешь безнаказанно меня бить? — пьяно усмехнувшись, спросил мужчина. — Это было глупо, и расплата за глупость неминуема. Я возьму что хочу и уйду.

— Паскуда, — прорычала Тина, продолжая извиваться. — Сучий потрох! Чтоб у тебя все отсохло!

— Какая горячая, — хрипло рассмеялся пират.

Он склонился, и губы заскользили по шее девушки, прокладывая влажную дорожку к вороту рубахи, повторяя путь винной капли.

— Мразь! — выкрикнула Тина. — Уйди, падаль!

— Альен ведь был еще в Порт-Дайоне, — Урсус Вард снова поднял голову. — До Лоета. Ты за ним сбежала? Все-таки любовник?

— Я девица, — прокряхтела мадемуазель Лоет, сумев вырвать одну руку из захвата.

— Поправимо, — насмешливо отозвался пират. — Минутное дело.

Он вновь перехватил руку Тины, сжал запястья одной ладонью, заскользив второй по телу пленницы.

— Всевышний, — выдохнула девушка, ощутив горячую ладонь через ткань штанов.

— Капитан! — крик раздался так неожиданно, что Ржавый вздрогнул, а Тина замерла, прислушиваясь.

— Урсус! — это уже крикнул Рен. Он распахнул дверь каюты мадемуазель Лоет. — Ах, вот ты где. Нас нагоняет корабль. Похоже, бриг

нашелся.

— Дьявол дери твоего папашу, — рыкнул Ржавый и поднялся на ноги, освобождая девушку от тяжести своего тела.

Пираты ушли, а Тина накрыла ладонями лицо и истерично хохотнула:

— Спасибо, папенька!

Глава 37

— Ардо.

— Да, капитан?

— Что на горизонте?

— Преисподняя, капитан.

— Отлично. Дошли.

Лоет сбегал с капитанского мостика, остановился, широко расставив ноги, упер кулаки в бока и залихватски свистнул. Все, кто был на палубе, обернулись в его сторону. Вэйлр неспешно обвел взглядом единственного здорового глаза свою команду, горастанцев и остановился на Альене Литине.

— Готовы надрать пиратам задницы? — спросил он, по-прежнему глядя только на молодого человека.

— Только об этом и мечтаю, — ответил Альен; его поддержал нестройный хор мужских голосов, гаркнувших:

— Да, капитан!

— Мальчики мои, возрадуйтесь, час расплаты пробил, — с умилением возвестил Лоет. — Утопим гадов в крови.

— Утопим, капитан!

— Утопим, — ожесточенно кивнул Верта, стоявший среди матросов «Счастливи́чика».

Капитан Лоет удовлетворенно кивнул и потер руки:

— О приятном поговорили, теперь о насущном. Ждем отлив, где-то здесь уже поджидают Стражи моря. Отдать якорь.

Литин отвернулся, посмотрел на Тину, стоявшую на своем обычном месте на бригантине, поджал губы и направился к капитану.

— Вэйлр, отлив начнется во второй половине дня?

— Да, придется подождать, — кивнул Лоет. По его лицу не было понятно, что он сейчас чувствует, но складка, пролеглая между бровей, говорила об усиленной работе мысли Лоега.

— Саларо писал о странностях этого места...

— Я помню, Умник, — чуть раздраженно отмахнулся Вэй. — Море ведет себя в этом месте странно, приливы и отливы не имеют обычной системы, и чем это вызвано, определить не удалось. Об этом не только Саларо писал, я встречал упоминания о подобном несколько раз. Известны по крайней мере три похожих места. Дьявольщина или природа — никто

еще не определил, только примерные расчеты. Ждем. Иного нам не остается. И будем надеяться, что отлив все-таки случится.

— Сил уже нет ждать, — проворчал Литин, возвращаясь на прежнее место.

Это было первое недовольство, проявленное молодым человеком за все время, что он провел на борту «Счастливого». Вэй проводил его взглядом и пробормотал:

— Можно подумать, он один тут в нетерпении. Сам готов дьяволу зад целовать, лишь бы все скорей закончилось.

Эти пятнадцать дней оказались пыткой для всей команды. Капитан ни словом не выразил то, что творится у него на душе, но это было и не нужно. Взрывной нрав выдавал Лоета с головой. Особенно тяжело команде становилось, когда наступали сумерки. Вэйлр цеплялся ко всем, раздавал зуботычины и оплеухи, рычал за малейшую оплошность и превратил дверь своей каюты в решето, продырявив ее пулями. Спокойней становилось, как только наступал день и Тина появлялась на своем излюбленном месте, махнув рукой в знак приветствия. Демон, живущий внутри Лоета, затихал, и команда облегченно выдыхала, проводя день в относительном затишье и подготовке к закату. Теперь у капитана появилось второе прозвище — Упырь, слишком сильна была аналогия. Бешеный кровопийца ночью и спокойный, но ядовитый в два раза больше, чем обычно, днем.

Впрочем, нервы сдавали у многих. Особенно у тех, кто знал Тину близко. К Самелю в эти дни без дела подходить было опасно, Кузнечик разговаривал исключительно бранью, находя синонимы едва ли не для предлогов. Если кто-то думал, что такое невозможно, то, столкнувшись с матросом, был вынужден признать, что на «Счастливице» родился новый язык, потому что порой в беседе с худощавым мужчиной требовался переводчик. Красавчик ходил мрачнее тучи, срывая зло на каждом, кто давал хоть малейший повод. Мельник замкнулся в себе, но его колючий взгляд то и дело скользил к бригадине, не обещая ничего хорошего. Стали часто переругиваться Даэль и Ардо, обычно жившие душа в душу. Скрипел зубами Дин, хмурился Бонг. Последний выглядел и вовсе непривычно, став желчным и дерганым.

— Не вижу, — шипел он. — Ничего не вижу, как будто глаза отводят.

Положил конец брожениям на бриге Альтен Литин, ни разу не сорвавшийся и не кинувшийся в безосновательную драку.

— Довольно! — гаркнул он однажды, с тихим раздражением наблюдая за тем, как все больше накаляется обстановка. — Прекратите вести себя, словно звери в клетке. Этак вы не пиратов, а друг друга перережете.

Вэйлр, — Аьен обернулся к капитану, покачал головой и сказал спокойно, даже равнодушно, всего одно слово: — Стыдно.

Отчего-то этот спокойный голос уравновешенного человека оказался подобен ледяной волне, окатившей людей, стоявших на палубе. Ни у кого не возникло ложного ощущения, что молодому человеку безразлична судьба мадемуазель Лоет и всей команды в скором будущем. Большую часть времени он проводил на палубе, застыв истуканом, и взгляд его всегда был устремлен в одну и ту же сторону. Не требовалось слов, чтобы понять, что творится на душе Аьена.

— К дьяволу, — изрек Мельник, молчавший уже несколько дней.

— Ага, — кивнул Красавчик и присоединился к приятелю, заведя разговор на привычные темы.

— Мальчик прав, — заметил Даэль и похлопал по плечу старшего помощника.

— Да, что-то мы разошлись, — согласился Ардо.

— Мясник, у тебя там пожрать не завалялось? — Кузнечик направился к коку.

— И куда в тебя лезет, дрищ? — усмехнулся великан, возвращаясь на камбуз.

Только Лоет некоторое время сверлил спину Литина сердитым взглядом, затем фыркнул и отвернулся, пробормотав:

— А вот и не стыдно, совсем-совсем, — но сам же и усмехнулся, обнаружив в своем голосе интонации дочери.

С того момента атмосфера на «Счастливице» немного разрядилась, и опасного взрыва не произошло. Даже Вэйлр усмирил свою натуру, став более сдержанным, но дергать его лишний раз все равно не решались, зная, как мало нужно для того, чтобы капитан начал бушевать.

— Эх, знать бы, где будет Тина, когда эта падаль пойдет за нами к острову, — вздыхал Лоет, глядя на «Зарю». — То, что он вынудит нас отправиться к пещере, я даже не сомневаюсь, осторожный ублюдок. Бонг?

Колдун, стоявший недалеко, передернул плечами и уже привычно ответил:

— Не вижу. Бесит.

— Ничего, — отмахнулся капитан, — обойдемся своими силами. Хвала Всевышнему, этот котелок еще варит. — Он постучал пальцем себе по лбу и задумался.

И котелок варил, потому к назначенному месту у Лоета было готово несколько запасных ходов. Все рискованные и небезопасные для Тины, но тут уж выбирать не приходилось: девчонка была в постоянной опасности и без

этого, находясь на корабле Ржавого. И то, что она казалась вполне здоровой, еще не означало, что придрататься не к чему. Отеческое сердце заходило от тревоги ежечасно.

Особо сильным потрясением стал шторм. Ребенок находился на чужом корабле, и отец совершенно ничего не мог сделать для ее спасения. А когда обнаружилось, что «Зари» нет рядом, Вэй завыл, как раненый зверь, и заметался по палубе, глядя на волны со страхом увидеть обломки корабля. Но обломков не было, зато оставалась надежда, что их просто отбросило в разные стороны. Мужчина молился Всевышнему, чтобы расстояние, разделившее его с дочерью, оказалось не слишком велико. И он сделал единственное, что было возможно, — направил бриг на прежний курс. А когда впереди замаячил силуэт корабля, Лоят расхохотался, потрясая кулаками, и воскликнул:

— Жив еще, Ржавая сволочь! Нашел! Нашел!!!

С облегчением выдохнули все.

— На все твоя воля, Всевышний, — прошептал тогда Альен, стоявший на носу корабля. — Хвала тебе, небесный покровитель и защитник.

— Сынок, нашли! — крикнул ему Вэй в экстазе истеричного счастья.

— Да, отец, — рассмеялся Литин, не глядя на него.

— Я сказал — нет, — грозно рявкнул Лоят, уже больше для того, чтобы хоть как-то выплеснуть напряжение.

— Посмотрим, — широко улыбнулся молодой человек, и на «Счастличик» опустилось недолгое умиротворение, словно моряки сделали нечто нужное и важное, даже не догадываясь, что это и в самом деле так.

Утром Тина стояла на своем месте. Личико ее было бледным, глаза покраснели, и под ними залегли синяки, словно она не выпалась или плакала. Но тут придрататься к чему-то конкретному было сложно, потому что был шторм, корабли разошлись, и на лице мадемуазель Лоят могли остаться следы ее переживаний. Недалеко от девушки остановился Ржавый. Она не обернулась в его сторону, пират не подошел к пленнице. Он невозмутимо махнул рукой людям на бриге и исчез из поля зрения, а Тина осталась. В последующие дни девушка выглядела обычно.

«Красная заря» остановилась на полкорпуса позади «Счастличика». Тина перебралась с носа к борту и встала напротив Альена. Теперь они могли лучше рассмотреть друг друга. Молодой человек сжал резные перила до побелевших костяшек, разглядывая девушку.

— Как ты? — крикнул он.

— Держусь, — ответила мадемуазель Лоят, вдруг закрыла рот ладонью

и расплакалась, надрывно всхлипывая и подвывая по-бабьи.

— Тина, что? — напрягся молодой человек, подавшись вперед. — Что случилось? Тебя обидели?

— Что случилось, дочь? — рядом с Литином уже стоял Вэй, сверля девушку пристальным взглядом. — Укажи мне на того смертника, кто посмел тронуть тебя.

— Маленького ангела обидели? — Самель, словно фрегат на всех парусах, уже несся к борту.

— Лапу тронули? — взревел тщедушный Кузнечик.

Грязно выругался Красавчик, прорычал нечто невразумительное Мельник, зашипел в ярости Дин, только Бонг молчал, оценивающе рассматривая Тину.

— Не тронули, — негромко сказал он. — Она скучает и хочет сюда.

— Точно? — с пристрастием спросил дочь Лоет.

— Да, папенька, — кивнула она.

— Да цела твоя дочь, Лоет, — усмехнулся Ржавый, появляясь рядом с девушкой. — Я слово держу.

Мадемуазель Лоет перестала плакать, зло стерла слезы, косясь на пирата, но промолчала... пока. Нажаловаться она решила, когда будет рядом с отцом и своими друзьями. Сейчас же это было пустым занятием. Они разозлятся, но сделать все равно ничего не смогут, пока Тина в руках пиратов. Урсус негромко хмыкнул, то ли оценив молчание девушки, то ли отгадав ее замысел.

— Что дальше? — спросил он, глядя на Лоета.

— Ждем, — коротко ответил тот.

— Чего ждем? Когда Бес сам укажет нам путь к сокровищам? — пират начинал раздражаться, понимая, что капитан «Счастливчика» знает гораздо больше, чем сказал.

Когда невинные рыдают,
Будь осторожен, тайный друг.
Морские стражи поджидают
Тебя в свой смертоносный круг.

— Что? — Ржавый изумленно уставился на Альена, чей взгляд был направлен на Тину. — Что он сейчас сказал?

— Стишок какой-то, — пожала плечами мадемуазель Лоет и мстительно осклабилась. — Умник умеет говорить загадками.

— Он — Умник? — пират подался вперед, рассматривая Литина, после усмехнулся. — Да, можно было догадаться. Умный и очень красивый. Так это твой дружок?

Тина не ответила. Она улыбалась, глядя на молодого человека, продолжая вместе с ним:

Когда потоки слез отхлынут,
Узришь тогда желанный путь.
Следы мгновенья быстро стынут —
Все это важно, не забудь.

Урсус Вард резко развернулся к ней, вцепился пальцами в локоть и прошипел:

— Что это? О чем вы говорите?

— Просто стишок, — отмахнулась мадемуазель, вырывая локоть из жесткого захвата. — Считалочка.

— Считалочка? — ледяным тоном переспросил Ржавый. — Отчего у меня чувство, что меня водят за нос?

— Не знаю, — усмехнулась Тина. — Может, у тебя просто чувствительный зад?

Пират скрестил руки на груди и недобро усмехнулся.

— Дерзишь, маленькая? Думаешь, что близость папаши и дружка тебя избавит от наказания?

— Я думаю, что глупо рушить шаткое доверие за несколько шагов от сокровищницы Ларса Биглоу, — невозмутимо ответила она. — Мой папенька не отличается долгим терпением и кротким нравом.

— Как и я, — с нажимом произнес Урсус и снова повернулся к бригау, с борта которого все это время следили за ним и мадемуазель Лоят. — Чего мы ждем, Одноглазый?

— Увидишь, — равнодушно ответил Вэй и отошел от борта.

Выбора не было, и вскоре обе команды разбрелись в разные части своих кораблей, предаваясь лени ожидания. Заметно нервничали только капитаны. И если Лоята выдавали только желваки, двигавшиеся на скулах, то Ржавый мерил палубу чеканными шагами, временами бросая настороженные взгляды на девушку, не сходявшую со своего места, и молодого человека, стоявшего напротив нее на втором корабле. И пусть они молчали, но ощущение диалога так и витало в воздухе.

Не выдержав, Вард приблизился к Тине и встал рядом, изучая

взглядом Альяна Литина. Затем повернулся к мадемуазель Лует и уверенно сказал:

— Он знает больше, чем ты мне сказала. Этот стишок, повтори его.

— Я не люблю стихи и не запоминаю их, — ответила она.

— Но ты говорила вместе с ним, — возразил Ржавый.

— Всего лишь повторяла за ним, — произнесла Тина.

Пират опять смотрел на Альяна исподлобья, покусывая губы.

— Умник, повтори свой стих, — потребовал он.

— Мы не представлены друг другу, — ответил Альян, — и ваш фамильярный тон мне не нравится.

— Что за салонная дурь в море? — скривился капитан Вард.

— И тем не менее, — упрямо повторил Литин.

— Повтори стишок, — снова потребовал пират, но молодой человек проигнорировал его. — А если я сверну ей шею?

— Тогда мне и вовсе не будет смысла отвечать вам, — ледяным тоном произнес Альян, впервые посмотрев на Ржавого.

Взгляды двух мужчин встретились, и Тине показалось, что воздух заискрился, словно скрестились два клинка.

— Дьявол, — первым сдался пират, желчно велел девушке: — Представь меня своему приятелю.

Мадемуазель Лует обернулась к нему, некоторое время рассматривала, поджав губы, и подвела итог:

— Вы не одеты для представления в приличном обществе.

Уже через мгновение девушка поняла, что затевать игры с тем, кого называют одним из самых жестоких пиратов столетия, большая ошибка. Губы Ржавого превратились в тонкую жесткую линию. Васильковые глаза потемнели, сузились, и взгляд их стал обжигающе холодным. Он сделал шаг за спину Тине, и в обнаженную шею ей уткнулось острое кинжала.

— Слушай, маленькая, — угрожающе тихо произнес капитан Вард, — если ты считаешь, что я позволю унижать себя какой-то сопливой дешевке, то ты глубоко заблуждаешься. И ни одно золото мира не стоит моего достоинства. Я не зарежу тебя насмерть, всего лишь сделаю так, что ты не сможешь двинуть ни рукой, ни ногой. И пока гибнут все, кого ты знаешь, мои парни будут пользоваться тобой прямо здесь, на палубе. Но сначала сдохнет твой молокосос. Рен!

— Да, капитан, — старший помощник встал рядом с ним.

— Этот сопляк мне не нравится, укрась его дырой промеж глаз, — с холодной насмешкой произнес Ржавый.

— Тина, что происходит? — встревоженно воскликнул Альян,

заметив, как побледнела девушка.

— Раз, — с издевкой начал отсчет пират. — Два...

— Альен, позволь представить тебе этого любезного господина! — вскрикнула Тина, с ужасом скосив глаза на Рена, который взводил курок. — Господин Урсус Вард, капитан бригаантины «Красная звезда».

— Свободен, — рявкнул Ржавый, убирая кинжал и вставая вновь рядом с девушкой с любезной улыбкой на губах.

Рен отошел, и Тина выдохнула.

— Господин Вард, позвольте представить вам моего хорошего знакомого — Альена Литина, — закончила она.

— Теперь я могу услышать тот стишок, господин Литин? — светским тоном поинтересовался пират.

— Что вы сказали мадемуазель Лует? — вместо ответа спросил Альен.

— Всего лишь привел разумные доводы, — все той же вежливой улыбкой ответил пират. — Итак, господин Литин, я жду.

Последняя фраза была наполнена слишком явной угрозой, чтобы ее не заметить. Молодой человек скользнул взглядом по Тине, улыбнулся ей и больше не томил противника ожиданием.

Когда невинные рыдают,
Будь осторожен, тайный друг.
Морские стражи поджидают
Тебя в свой смертоносный круг.

Когда потоки слез отхлынут,
Узришь тогда желанный путь.
Следы мгновенья быстро стынут —
Все это важно, не забудь.

Ржавый потер переносицу, затем прищурился и усмехнулся:

— Значит, не открыли скрытого послания, да, маленькая? — капитан Вард привалился бедром к борту. — О морских стражах не знают только глухие и младенцы. Когда-то Биглоу сам распространил слух, что нашел для своих сокровищ место, которое охраняют некие существа, именуемые морскими стражами. И кто же это? Что означает вся эта аллегория?

— Скоро узнаем, — ответил за девушку Альен, услышавший слова пирата. — Уже скоро, имейте терпение и прекратите терзать девицу, не сделавшую вам ничего дурного.

В это мгновение к Литину приблизился Лоет. Он кривил губы в недоброй усмешке, глядя на противника.

— Я ведь предупреждал тебя, — произнес капитан «Счастливого». — Любое твоё неосторожное движение — и сделке конец.

— И что же ты сделаешь? — изломил брови в насмешливом изумлении Ржавый. — Рискнешь девчонкой?

Вэй коротко свистнул, громыхнули деревом открываемые порты и в борт бригадины уставились черным зевом дула пушек. Из-за спины Лоета дружным строем шагнули матросы, нацеливая на пиратов ружья и пистолеты. Кузнечик поднял свою духовую трубку и выпустил дротик, впившийся в руку Ржавого, которой он сжимал перила борта.

— Следующий будет с начинкой, — предупредил Лоет. — Отойти от моей дочери и наберись терпения. К дьяволу, Вард, будь мужиком, а не истеричной бабой. Всегда не любил дерганых уродов, с такими дел иметь нельзя.

— Ты совсем не дорожишь дочерью? — почти прошипел пират.

— Ты полный глупец, Ржавый, только из-за нее я и стою здесь, ожидая, когда к острову откроется проход. — Вэйлр сокрушенно покачал головой и рявкнул: — Отошел от ребенка!

— Хор-рошо, — рыкнул Урсус, делая несколько шагов в сторону. — Подождем. Если бы сразу объяснил, все было бы спокойней и проще.

— Твою мать, — Лоет ударил ладонями по перилам. — Как меня бесит этот маленький ублюдок!

После этого развернулся и ушел, но матросы не спешили расходиться, продолжая напряженно наблюдать за пиратами, уже державшими в руках оружие. Атмосфера накалялась на глазах. Тина беспокойно оглядывалась вокруг себя. Альен смотрел ей за спину, но пистолета не доставал и с места не сходил. Однако напряжение росло так стремительно, что казалось, чиркни огнем — и бочка с порохом взорвется.

Неожиданно корабли качнуло. Прошло немного времени, и волна повторилась. Затем в третий раз, и Литин посмотрел вперед.

— Начинается, — выдохнул он.

Головы дружно повернулись в сторону взгляда молодого человека, а из груди Тины вырвался прерывистый вздох. Странное это было зрелище, несколько не похожее на то, что ожидали увидеть Вэйлр и его команда. На пол-линга впереди на поверхность поднялся большой пузырь, лопнул, и во все стороны побежали волны, образуя круг. Еще слабые, но они появлялись все чаще, становились выше и ощутимей, заставляя два корабля вздрагивать и покачиваться.

— Морские стражи поджидают тебя в свой смертоносный круг, — прошептал Урсус Вард, зачарованно глядя на странное и даже пугающее зрелище.

— Ко всем чертям, — привел его в чувство голос Лоета. — Нужно отойти подальше. Кто его знает, откуда начинается ловушка.

— Поднять якорь! — крикнул Ржавый, и обе команды засуетились.

Тина, Альен, Дин и Бонг замерли, наблюдая за сотворением чуда. Волны набирали силу, отгоняя два корабля дальше от места, где недавно была их стоянка, усилился ветер, но небо оставалось все таким же чистым и ясным. По-прежнему ослепительно светило солнце. То, что происходящее не имело ничего общего с приливами и отливами, стало ясно даже тем, кто раньше не бывал в море.

А вскоре над водой показалась острая вершина, еще мало приметная, но чем больше становились волны, тем быстрее она росла, лоснясь на солнце мокрыми выступами. Потоки морской воды стекали по неровным щербатым склонам подводного исполина, показавшего свою голову. И было страшно представить его истинную высоту. Осознание, какая мощь таилась рядом, все это время скрытая волнами, покрывало спину россыпью мурашек, подобных пузырькам пены, вившейся вокруг каменного гиганта. Следом за ним появлялись новые треугольные верхушки, пронзавшие своими тысячелетними телами водную толщу, отступавшую перед древней твердыней.

То, что Вэйлр Лоет принял верное решение и поспешил с отходом, стало очевидным очень скоро, когда на месте недавней стоянки проклюнулись вершины подводных скал.

— Храни нас Всевышний, — прошептал Верта, останавливаясь за спиной Альена Литина.

— Так вот они какие, морские стражи, — негромко произнес Урсус Вард, глядя на скалистую преграду, росшую на глазах из пенных брызг. — В свой смертоносный круг... Он не Бес, он настоящий дьявол.

Снова загремели цепи, и якоря полетели на дно, удерживая корабли на выбранном их капитанами месте. Теперь оставалось только ждать.

— Следы мгновенья быстро стынут, все это важно, не забудь... Времени у нас мало? — Ржавый вновь стоял у борта и глядел на Литина. Тот кивнул, не оборачиваясь. — Пора?

Альен отрицательно покачал головой и протянул руку, указывая на свод пещеры, появившейся над водой. Пират без слов понял, что это. Им открывалось то, ради чего столько людей сложили свои головы, ради чего терялись жизни в морских сражениях, трактирных драках и нападениях из-

за угла. Остров Беса оказался обычной скалой, вознесшей свою главу высоко в небо. Из отверстия пещеры бурным водопадом стекала вода, с грохотом падая в море. Зрелище было до того величественным и нереальным, что даже Вэй, никогда не страдавший излишней религиозностью, достал свой образок и поднес к губам, прошептал:

— Потрясающе до одури, дьявол меня дери.

Спустя часа полтора все стихло. Вялая рябь плескалась о борта двух кораблей, открыв людскому взору кольцо из подводных скал, почти в центре которого возвышалась самая широкая — с чернеющим провалом единственной пещеры. Теперь медлить не имело смысла.

— Лоет, твоя дочь отправляется со мной к острову, — крикнул Ржавый. — Спускайте шлюпки, мы за вами.

Вэй скрипнул зубами, но послушно отдал приказ своим матросам. Тина отправлялась к острову Беса, и это вполне устраивало ее отца. Лоет опасался, что девушка останется на бригантине, и любое действие команды «Счастливчика» могло оказаться для нее фатальным, но Ржавый выбрал лучший вариант развития событий, по мнению Вэя, и это убавило злость капитана брига, не терпевшего, когда им пытались понукать.

Уже готовый спуститься в шлюпку Лоет обернулся и посмотрел на господина Ардо. На лице старшего помощника сверкнула широкая озорная улыбка, которую было непривычно видеть на лице вечно хмурого мужчины. Вэйлр кивнул, поймал взгляд Альена и ободряюще подмигнул ему. Молодой человек ответил серьезным взглядом. Он дождался, когда капитан спустится по веревочной лестнице, и отправился следом. За Литином последовал мрачный и молчаливый Верта. Вскоре от борта «Счастливчика» отошли две шлюпки. Моряки налегли на весла, направляя свои маленькие суденышки к каменным исполинам, угрожающе топорщившимся острыми зубцами вершин.

Альен обернулся, глядя на подводный массив через плечо, и негромко произнес:

Но вот тебе предупрежденья,
Что дверь откроют пред тобой.
И коль добился ты прозрения,
Поймешь и их, само собой.

Лоет покосился на него, но ничего не сказал, сам вспоминая строфы послания давно умершего пирата, казалось, навсегда врезавшиеся в память.

Подгоняемые равномерными уверенными взмахами весел, шлюпки приближались к каменному кольцу.

— Смотрите, — Верта, правивший веслом с правого борта, указал в воду. — Не все вышли.

— Внимательней! — крикнул Лует матросам во второй шлюпке, но взгляд его был направлен на одну из двух шлюпок с бригантины. — Не все пики показались над водой.

Теперь продвигались медленней, стараясь идти за самой первой шлюпкой, чтобы не напороться деревянным брюхом на вершины каменного гребня, оставшиеся скрытыми водой. Наконец они оказались в кольце и теперь гребли уверенней, потому что внутри препятствий стало меньше. Альян огляделся:

На глубине, не зная сна,
Скрывают лики стражи моря.
Они поднимутся со дна,
Судьбе жестокой дружно вторя.

— Поднялись, — кивнул Красавчик. — Что дальше?

Затем дракона пасть открыта,
Зубами острыми грозя.
Коль осторожность позабыта,
Сожрет без жалости тебя.

Альян ненадолго замолчал, но вскоре снова заговорил:

— Предупреждения идут не по порядку, Биглоу и тут намудрил. Мы прошли «стражей», но я ничего не вижу, что могло бы напоминать драконью пасть.

— Тогда вспомним, что еще было в этом послании, — решил Лует и остановил Литина: — Я сам.

Шагая каменной тропой,
Забудь о гордости, склонись.
Дракон, следит он за тобою,
Ты в пасть к нему не торопись.

— Дракон упоминается после каменной тропы, — отметил Альян. — Значит, сначала отлив, стражи, каменная тропа, где надо зачем-то склониться, а после — драконья пасть. Тропа к пещере?

— Но тут не перед чем склоняться, — возразил Вэй. — Скорей всего, имеется в виду какая-то ловушка в пещере. Что там еще из предупреждений?

— Что-то о большом сердце, — подал голос Бонг.

— Точно, — кивнул Лоет.

Большое сердце громко бьется.

Удар десятый — твой конец.

Коль жадность в сердце не проснется,

На этом свете ты жилец.

— Эта часть совсем уж непонятна, — Верта перевел взгляд на пещеру. — Что за сердце? У камня нет сердца.

— Может, сердце дракона? — со священным трепетом спросил Кузнечик. — А что? Про дракона Бес сказал, про пасть сказал, стало быть, должно быть и сердце. И вообще вся эта махина похожа на свернувшегося дракона.

Мужчины дружно завертели головами, рассматривая вершины подводного каменного массива. Самель судорожно выдохнул и кивнул:

— Точно. А эта пещера, как разъявленная пасть, того и гляди, сожрет. А в пасть идти не велено.

— Ну как баба, право слово, — покачал головой Лоет. — Даром что огромный, страшный и Мясник.

— Женщины находят меня привлекательным, — обиженно насупился кок.

— Когда ты скалишься, и я готов признать тебя красавцем, — хохотнул Кузнечик.

— Хлебало закрой, — взревел Самель.

— закрылись оба! — рявкнул Вэй. — Тридцать лет покоя друг другу не дают.

— Это любовь, капитан, — расплылся в ухмылке Мельник.

Мясник и Кузнечик наградили его испепеляющими взглядами, затем хмыкнули и подняли весла: шлюпка подошла к скале Биглоу. Моряки задрали головы, рассматривая подъем. Он начинался от небольшой каменной площадки — верхней части выступа, торчавшего над водой.

Ширина тропы позволяла пройти только одному человеку.

— Умник, — позвал Вэйлр, — думаешь, та самая тропа? Если представить, что это голова дракона, а пещера — его пасть...

Альен выбрался из шлюпки, устремил взгляд назад, туда, где мерными взмахами весел пираты приближали шлюпку, в которой сидела Тина, после посмотрел на подъем и уверенно мотнул головой.

— Не сходится, — сказал он. — Во-первых, это единственная пещера; если есть с обратной стороны, то неверно четверостишие, где говорится об отливе и верном пути. Во-вторых, здесь не перед чем склонять голову, а это одно из предупреждений, значит, опасность. Пасть дракона должна ожидать после тропы. Получается, что она внутри пещеры. Тогда, если говорилось об этой тропе, значит, склонить голову стоит на входе. Но я склоняюсь к тому, что и тропа, по которой мы пойдём, тоже в пещере, как и остальные ловушки.

Почесав макушку, Лоят медленно кивнул, признавая правоту молодого человека. Он уже хотел начать подъем, когда послышался окрик Ржавого:

— Ждите нас. Я не хочу на входе получить по темени из-за излишнего рвения наших проводников.

— А было бы недурно, — тихо усмехнулся Литин. — Как думаете, Вэйлр, он потащит Тину с нами?

— Уверен, — кивнул капитан. — Она наш поводок. Оставить девочку в шлюпке — развязать нам руки в пещере. Точно потащит. Гнида. — Лоят сплюнул и замер, скрестив на груди руки.

Матросы с брига остались в шлюпке, ожидая, когда подойдет Ржавый со своими людьми и Тиной. Пират выбрался первым, за ним вышли еще два человека, вынудив Альена и Вэя подняться немного вверх по тропе.

— Оружие оставьте в шлюпке, — велел Ржавый и внимательно следил за тем, как разоружаются моряки с брига, увидел, как пистолеты, сабли и ножи капитана и молодого человека забирают его люди. — Идем вперемежку, — сказал Урсус, отправляя за двумя мужчинами одного из своих матросов.

Следом поднялся второй, и только после этого Ржавый вытащил из шлюпки девушку, чьи руки были теперь связаны за спиной. Пират подтолкнул Тину в спину, направляя к подъему, пристроился за ней, за ним направились еще двое его матросов.

— Теперь твои, Лоят, — велел Вард.

Он обернулся, отсчитал четверых человек из шлюпки «Счастливица» и махнул своим. Вэйлр неодобрительно скривился: он не терпел не только, когда пытались приказывать ему, он ненавидел, когда кто-то распорядился

его людьми, и особо зверел, если посторонний желал управлять его кораблем. Но взглянул на бледное лицо дочери, к спине которой прижимался Ржавый, удерживая у горла кинжал, и спорить расхотелось.

Матросы с брига, сидевшие во второй шлюпке, остались на месте. Уже поднявшись наверх, Урсус обернулся и нахмурился: все его люди поднимались следом.

— Вернуться в шлюпку, — велел он, кивнув на людей Лоета. — Свисток, следите за этими.

— Да, капитан, — кивнул нескладный лысый пират.

Лоет, уже стоявший в пещере, пренебрежительно фыркнул. Альен поймал взгляд Тины, но не сумел приблизиться к ней из-за двух пиратов, нацеливших на него пистолеты. Он подавил в себе раздражение и огляделся. Пока им хватало света, но дальше узкий коридор, уводивший куда-то вперед, погружался в темноту.

— Зажечь факелы, — приказал Вэй своим людям, топтавшимся на входе.

Все войти внутрь пока не могли, пространство оказалось небольшим, а идти во тьму было подобно самоубийству, потому что где-то там ждали «дракон» и что-то, перед чем стоило склониться, забыв о гордости. Капитану и Литину передали два факела, один из которых так и не дошел до марантийцев, Ржавый оставил один факел у своего человека, шедшего перед Тиной.

— Одного на двоих хватит, — сказал он.

— Тьфу, — выразил свое отношение к пирату Лоет и вытянул руку, останавливая Альена. — Куда? За мной пойдешь. И не забывай думать, Умник. Это у тебя отлично получается. Что у нас там?

Шагая каменной тропой,
Забудь о гордости, склонись.
Дракон, следит он за тобою,
Ты в пасть к нему не торопись.

— Что ты там бормочешь? — подал голос Ржавый.

— Помолчи хоть немного, — огрызнулся Вэй. — Мы пытаемся набить твою мошну.

Альен усмехнулся и произнес громко и отчетливо:

Во глубине, средь древних стен,

Сокрыты в тайное храненье,
Заключены на вечный плен
Плоды прижизненного рвенья.

— Это все было в послании Беса? — тут же откликнулся пират. — Он еще и в стихах написал... Ну, старый черт.

— Он это еще и зашифровал, — произнесла Тина, и Альен тут же обернулся на ее голос, но шедший за ним пират подтолкнул молодого человека в спину, и тот продолжил путь.

Вэйлр неспешно продвигался вперед, освещая узкий тоннель светом факела. Оранжевые блики выхватывали из темноты мокрые стены, идти тоже приходилось по воде, не полностью слившейся в море. Вскоре потолок уже почти лежал на голове капитана «Счастливи́чика», и он склонился, пробормотав:

— Забудь о гордости, склонись. Не ловушка.

— Еще неизвестно, — возразил Альен, так же согнувшийся.

Теперь выпрямившись шла только Тина, но и она вскоре была вынуждена наклонить голову, с сочувствием думая о том, каково приходится дорогим ей мужчинам. Первым не выдержал Лоят. Он нехорошо и витиевато выругался:

— Это чертова мышеловка, а не проход.

Но вскоре потолок вновь стал подниматься, и Вэйлр с блаженным стоном распрямылся. Дальше дорога сворачивала за угол. Лоят уверенно шагнул за поворот, и Альен отвесил мужчине затрещину. Тот вскрикнул, от неожиданности нагибая голову.

— Озверел? — прошипел капитан.

— Внимательней, — коротко ответил молодой человек.

Лоят осторожно повернул голову, прошелся взглядом по стене и увидел предательский выступ, на который он чуть не налетел. Выступ делил высоту тоннеля почти пополам, и Вэйлру пришлось практически проползти под ним на четвереньках.

— Как ты увидел? — спросил мужчина, на мгновение останавливаясь.

— Мелькнул в свете факела, пока вы смотрели под ноги, — ответил Альен.

— Угу, и ты решил меня избить вместо словесного предупреждения.

Молодой человек хмыкнул, но отвечать не стал. То, что капитан не успел бы отреагировать, было ясно и без слов. Вэйлр опять остановился, внимательно оглядываясь. Но с потолка больше ничего не свисало, из стен

не лезло, и он направился дальше. Прошел пару шагов и охнул, пойманный рукой все того же Альена, когда нога капитана провалилась в пустоту.

— Да чтоб ты сдох, Бес, — в сердцах сплюнул Лоят.

— Он уже, — усмехнулся за его спиной Литин.

— Так пусть сдохнет еще раз, — заупрямился бывший пират.

— Для начала ему придется воскреснуть, — возразил молодой человек. — Не уверен, что оживший мертвец — именно то, что нам сейчас необходимо.

— Как раз то самое, — Вэйлр кровожадно скрипнул зубами. — Удавил бы гниду.

— Что там? — спросил Ржавый.

Лоят осветил узкую тропу, превратившуюся в навес, с одной стороны которого шла каменная стена, а со второй начинался обрыв и тянулся дальше, исчезая во тьме, до которой еще не добрался свет факела. Пропасть была неглубока, падать казалось не особо высоко, но на дне виднелось множество острых наростов, похожих на клыки. Вэйлр обернулся к Альену, и они хором произнесли:

Затем дракона пасть открыта,
Зубами острыми грозя.
Коль осторожность позабыта,
Сожрет без жалости тебя.

— Держи Тину, Ржавый, — хрипловато произнес Лоят. — Как любимую невесту держи. Если она сорвется...

Договаривать капитан «Счастливица» не стал — и без слов было понятно, что жалеть пирата Лоят не будет. Вэй посмотрел на Альена и строго велел:

— Держись, сынок, неизвестно, сколько эта «пасть дракона» тянется.

— И вы будьте осторожны, Вэй, — серьезно ответил Литин, и Лоят фыркнул:

— Поучи отца на девок лазать.

Он повернулся боком, распластался по стене и неспешно направился вперед. Наверное, сейчас каждого терзала одна и та же мысль: «Как Биглоу сумел затащить сюда свои сокровища?» И в голову невольно лезло подозрение, что впереди ничего нет, и все это — лишь издевка пирата, известного своим коварством и хитростью, и незадачливых кладоискателей ждет очередная и последняя ловушка.

Неожиданно вскрикнула Тина, вынудив отца остановиться. Он вытянул голову, пытаясь увидеть, что случилось позади, но оказалось, что его дочь увидела на дне провала несколько человеческих скелетов. Они лежали так, будто их попросту свалили в кучу. В черепаках зияли дыры.

— Те, кто принес сюда сокровища, — догадался Ржавый. — Они не упали; их пристрелили и сбросили.

— Почему их не смыло? — спросила девушка, осторожно вытягивая шею и заглядывая вниз.

И ответ стал понятен, стоило еще нескольким факелам осветить мрак. Ржавые цепи, обмотавшиеся вокруг «клыков дракона», и камни на их концах удержали мертвецов в подводной могиле.

— Всевышний, — сипло выдохнула Тина. — А говорили, что он только брата принес в жертву.

— Вперед, — тихо рыкнул Лоет, возобновляя движение.

Навес снова расширился, превращаясь в тропу, и теперь по ней могли идти двое. Альян поравнялся с капитаном. Мужчины снова остановились, рассматривая каменный свод впереди. Переглянувшись, они дружно шагнули в темноту, разорванную светом чадящего факела. Вэй и Альян оказались в небольшой пещере, уставленной ржавыми металлическими сундуками. Сундуков было много, не менее тридцати штук. Высотой они доходили мужчинам до колена, длиной были в обхват обеими руками и шириной с локоть. Вместо замков сундуки имели защелки. Альян из любопытства дернул одну защелку — и она поддалась. С трудом, но поддалась. Молодой человек потянул вторую. Она не желала замечать усилий Литина, однако он подковырнул ножом, убирая ржавчину, и упрямец, издав щелчок, поднялась. Альян потянул тяжелую крышку, открыл и замер, глядя на золотые монеты, наполнявшие сундук доверху.

— С ума сойти, — прошептал он. — Плоды прижизненного рвеня... Богатый урожай, однако.

Постепенно пещера наполнялась людьми, но пространство, уставленное сундуками, не позволяло войти всем. Один из пиратов с сомнением оглядел сундук и покачал головой.

— Урсус, мы его не поднимем.

— Конечно, не поднимете, — отмахнулся Ржавый. — Наполняйте мешки и на выход.

— Дочь верни, — потребовал Лоет, наблюдая за тем, как пират тянет за собой Тину.

— Рано, — отчеканил тот.

Альян посмотрел на Вэя, но тот пока безмолвствовал, наблюдая, как

капитан «Зари», не выпуская девушку из рук, указывает на очередной сундук. Его люди послушно возились с защелками, открывали их, откидывали крышки, и Ржавый урчал, как довольный сытый кот.

— Шевелитесь, — велел он своим людям. — Времени, как я понимаю, у нас мало. Лоет, пусть твои матросы помогут. Вы сюда за другим сокровищем пришли.

— Обойдешься, — огрызнулся Вэй, и Тина вскрикнула, когда острое лезвие кинжала несильно разрезало ей кожу. — К дьяволу! Помогите ублюдкам, — прорычал мужчина, не сводя ненавидящего взгляда с Варда.

Мельник и Красавчик с готовностью поспешили исполнить приказ капитана, обменявшись шальными взглядами. К ним присоединились еще двое человек, больше пещера не вместила. И, когда содержимое сундуков начало наполнять мешки, позвякивая и лаская слух, послышался глухой удар.

Люди замерли, прислушиваясь.

— Что это? — насторожился Ржавый.

Но ответа не получил, Лоет и Литин напряженно вслушивались, ожидая, что будет дальше. Время шло, однако удар не повторялся, и Вэйлр криво усмехнулся, подозревая, что это начал действовать Ардо, выполняя свою часть работы.

— Что это?! — воскликнул пират, и ответом ему прозвучало повторное глухое: «Бух».

Тина дернулась, пользуясь тем, что хватка пирата немного ослабла, но он удержал девушку, поворачивая к ее отцу лицо, искаженное яростью.

— Я спрашиваю, что это было?!

Альен Литин сглотнул и негромко произнес:

Большое сердце громко бьется.

Удар десятый — твой конец.

— Ох, маменька, — судорожно вздохнула Тина.

— Что это означает? — тут же отозвался Урсус Вард.

— С десятым ударом все уйдет под воду, — с неожиданной ясностью понял Альен. — Вода начала прибывать, вот что означают удары «сердца». Было два, осталось восемь.

Ржавый короткое мгновение смотрел на него, осмысливая, что сказал молодой человек, а затем порывисто развернулся к своим людям, крутанув за собой Тину.

— Пошевеливайтесь, ублюдки! — выкрикнул он. — Хотите жить долго и богато — шевелитесь! Кто наполнил мешок, уходит в шлюпку и живо назад!

Первый пират вскочил на ноги, с трудом взвалил на спину мешок и поспешил на выход. Лоят проводил его мрачным взглядом. В голове капитана засел вопрос, важный по своей сути, жизненно важный. Если первый раз они услышали корабельные пушки, то у них в запасе еще девять ударов. Если же «Заря» выстояла и огрызнулась, то и все десять. Но если сюда не долетели звуки пальбы, то те звуки ударов, огласившие пещеру, не что иное, как «сердце», и времени слишком мало. Разум Вэя сопоставлял время, за которое скалы поднялись на поверхность, и разницу между двумя ударами. Слишком быстро... Это давало надежду на то, что «сердце» еще не начало отстукивать смертоносные удары, но цепляться за слепую удачу Лоят не привык. Пришло время действовать.

— Лоят, вели своим людям помочь, — подал голос Ржавый.

Пират не увидел, как на мгновение исказились губы второго капитана в злой ухмылке.

— Парни, — коротко произнес он.

— Да, капитан, — ответил Мельник, забрал мешок у худощавого мужичонки из команды Варда и направился на выход.

За Мельником отправился второй пират, за ним незаметно ушел Красавчик. Постепенно «сокровищница» опустела, и пещеру огласил третий удар невидимого сердца. Верта, сидевший у сундука и неспешно насыпавший мешок горстями украшения, поднял голову на ненавистного ему пирата. Ржавый, не выпускавший из рук мадемуазель Лоят, следил за Лоятом и Альеном, замершими у противоположной стены. Верта тоже посмотрел на Лоята, но тот не заметил направленного на него взгляда, зато заметил Альен. Оружие, оставленное по требованию Ржавого в шлюпке, вспоминалось с особой нежностью. Мужчина представил, как клинок входит в шею пирата, и даже зажмурился от того, насколько явственно ощутил запах его крови. Но оружия не было, зато было дикое желание сдавить руками шею мерзавца, погубившего его команду. Однако это было бы непредусмотрительным и губительным для юной девицы, оказавшейся втянутой в опасную игру волею Судьбы и слепого Случая. И Верта сделал иначе.

Он бросился в ноги Ржавому, сбивая его и заваливая на пол вместе с Тиной. Урсус от неожиданности выкинул вперед руку, чтобы удержаться, кинжал вылетел из его пальцев, звонко ударившись о каменный пол. Лоят метнулся к ним, откидывая носком сапога кинжал в сторону. Верта кинулся

на Ржавого сверху, оттаскивая его от девушки, захрипевшей от руки, сдавившей ей горло. Вэй наотмашь ударил пирата, ослепляя его, и вырвал дочь, с силой вжав ее в свое тело.

«Бух».

— Четыре, — машинально отсчитал Альен Литин.

Бонг, замерший изваянием на входе, коротким точным ударом остановил боцмана с «Зари», бросившегося на выручку своему капитану. Альен, заметивший, как другой пират достал нож, поймал его руку, ухватился за рукоять сабли матроса и, сбив его с ног, вытащил клинок, тут же вонзая в тело упавшего. Он успел увидеть, как Лоет передает Тину Бонгу, и тот скрывается с девушкой в каменном тоннеле. Но добраться до Ржавого капитан «Счастливого» не успел, потому что на него бросился еще один пират, выбравшийся из-за сундуков у дальней стены.

Взбешенный Урсус Вард сбросил с себя капитана Верта, вскочил на ноги. Он выхватил из-за пояса пистолет и направил его на Лоета. Грохнул выстрел, отразившийся от стен пещеры и сотрясший древнюю твердыню.

— Дьявол! — вскрикнул Вэй.

На руки ему упал Верта, выскочивший между Лоетом и Ржавым. Пират выругался и выхватил из-за пояса второй пистолет, но выстрелить так и не успел. Литин ногой выбил оружие из руки Варда. Из темноты долетел короткий вскрик.

«Бух».

— Пять, — прошептал Альен, не сводя взгляда с пирата. — Вэй, пять!

— Слышал, — кивнул тот и взвалил на плечо Верта.

— Оставьте меня, — прохрипел раненый. — Что виселица, что море.

— Ты-то хоть не беси, — рывкнул на него Вэйлр и обернулся к Литину, на которого наступал Ржавый, сжимавший в руках саблю. — Справишься?

— Там Тина, — только и ответил молодой человек.

Лоет кивнул и поспешил в обратную сторону, унося раненого. Альен и Урсус Вард остались одни. «Сокровищница» освещалась скудным светом двух оставленных факелов, чей свет начал меркнуть. Влажные стены тускло лоснились в оранжевых всполохах, камни, чьи грани ловили свет огня, заманчиво переливались, дразня человеческий взор, золото бездушной грудой металла застыло в сундуках с откинутыми крышками, половина из которых остались пустыми. То ли закончились сокровища Беса, то ли он не успел до конца заполнить, то ли кто-то уже побывал здесь, но сокровищ оказалось вполтину меньше, чем думалось, но и этого хватило бы на безбедное существование тому, кто сумел бы все это вывезти, ему и его потомкам. И посреди всего этого великолепия кружили

двое мужчин, внимательно следившие друг за другом.

«Бух».

— Шесть, — отметил Альян и бросился на пирата.

Бонг и Тина продвигались к выходу как можно быстрее, вслушиваясь в звуки, доносившиеся им в спину, и пистолетный выстрел застал их врасплох.

— Всевышний! — вскрикнула девушка, но колдун, крепче сжав ее руку, потянул вперед.

Они добрались до «зубастой пасти». Бонг прислушался и первым ступил на узкую тропу. Тина последовала за ним, со страхом глядя вниз, где навсегда остались скелеты тех, кто принес сюда проклятые сокровища. Свет факела горстанца выхватил мужское тело, из спины которого торчала острая каменная пика, блеснуло золото, высыпавшееся из мешка. Тело принадлежало высокому крепкому мужчине, и в первое мгновение Тине показалось, что это Мельник.

— Там, — дрожащим голосом произнесла она.

— Пират, — коротко ответил колдун. — Не смотри. Он не один тут.

Вскоре девушка увидела еще два тела. Горло одного было перерезано, голова второго вывернулась под неестественным углом и провожала двух человек, осторожно ступающих по навесу, пустым мертвым взглядом. С ужасом Тина узнала в том, у кого была свернута шея, одного из матросов с брига. Слезы затуманили взор, но мадемуазель Лует стиснула зубы и обозвала себя дамочкой.

Они уже почти дошли до конца «пасти», когда из темноты появился пират. Не узнав в сумраке тех, кто шел ему навстречу, мужчина воскликнул:

— Там...

Но уже через мгновение увидел раскосые глаза горстанца и выхватил нож, бросившись вперед.

— Назад, — коротко велел Бонг.

Тина отшатнулась, и движение оказалось слишком порывистым. Она оступилась и, громко вскрикнув, скользнула вниз...

— Держаться, — хрипло велел колдун, успевший ухватить девушку за шиворот.

Она упрямо поджала губы, вцепившись в край навеса, и подтянулась на руках, вытаскивая себя из смертельной ловушки. Перевалилась на узкую каменную тропку и рвано вздохнула, глядя, как Бонг отбивает факелом выпад ножом. Пират ступил на выступ, перехватил факел, и горстанец, с готовностью отдав чадящее светило, нанес короткий удар. Пират захрипел, ошалело глядя на противника, и повалился в «пасть», утаскивая за собой

факел.

Бонг с сожалением посмотрел на утерянный источник скудного освещения, но махнул рукой, и они с Тиной продолжили путь.

— На колени, — велел колдун. — Они опустились на четвереньки и поползли вперед, где-то над ними нависала глыба.

Лоет донес Верта до «пасти» и ненадолго остановился, прислушиваясь к тому, что происходило впереди.

— Вэйлр, бросьте меня, тут вдвоем не пройти, — простонал раненый.

— Золото же сюда как-то затащили, — возразил капитан «Счастливица». — А ты чем не золото? Мне жизнь спас.

Верта проскрипел нечто непонятное и впал в беспамятство.

— Так-то лучше, — усмехнулся Вэй.

Он поудобней устроил раненого мужчину на своей спине и ступил на навес. Продвигаться приходилось медленно, и шестой удар «сердца» застал Лоета на середине уступа. Капитан с тревогой обернулся, прислушиваясь к зазвеневшей стали.

— Только выживи, сынок, — попросил он. — Ты сможешь, я знаю. — И продолжил свое осторожное движение, со страхом поглядывая вниз, но Тины в ловушке не оказалось, и это было главным.

Тени двух сражающихся мужчин метались на древних стенах. Факелы почти полностью прогорели, и освещения едва хватало, чтобы заметить движения противника. Сейчас Альен был счастлив, что его учителем стал капитан Лоет, потому что дуэльному «балету» в этой схватке не было места. Ржавый атаковал стремительно, напористо, работая саблей и ножом, вытащенным из-за голенища сапога.

Выпад — и Литин взлетает на открытый сундук, едва не оскальзываясь на золотых монетах неизвестно какой страны. Рывок, и он уже снова на ногах, нападает сам. Отбивается, отступает. Выпад, безжалостная сталь ножа вонзается в бок. Держаться!

«Бух».

— Семь.

— Сдохни, Умник!

— Обойдешься.

Удар — пират падает, но успевает откатиться от острия, несущегося ему в грудь. И снова клинки скрещиваются. Тяжело, больно — плевать. Альен зажал кровоточащую рану, стиснул зубы и бросился в новую атаку. Ржавый ушел в сторону, снова взмахнул ножом, но удар ногой — и нож наконец выбит из разящей длани. Еще выпад — и на бедре пирата расплывается черное из-за сумерек пятно.

«Бух».

— Восемь.

Времени не осталось, но Вард упорно цепляется за жизнь, они оба цепляются, не выпуская противника из «сокровищницы».

— Я поимел твою подружку, — осклабился Ржавый. — Она верещала, как поросенок, но потом просила еще раз оприходовать ее.

Глаза Альена бешено сверкнули.

— Сама ползала за мной и просила...

— Лжешь, мразь, — удар вышел неожиданным и резким.

Пират повалился на пол, и Альен прыгнул сверху, не давая ему откатиться. Удар по лицу, еще, еще, еще. В глазах Литина сверкал огонь преисподней. Он вкладывал в каждый удар всю свою ярость и ненависть. Ржавый хрипел, пытаясь увернуться и перехватить руки молодого человека. Наконец он вывернулся и навалился сверху. Пальцы Варда сжали горло Альена. Литин попробовал оторвать ладони пирата от своей шеи; не вышло. В глазах уже темнело, и воздух вдруг показался мужчине главной ценностью, когда его пальцы нащупали холодную рукоять кинжала, который Ржавый прижимал к горлу Тины.

Перестав сопротивляться, Альен сжал рукоять, размахнулся, и смертоносное жало вошло в шею пирата. Он издал сиплый звук, изумленно глядя на противника, и повалился на бок. Литин вскочил на ноги и, прихрамывая и держась за кровоточащий бок, направился на выход из «сокровищницы», даже не оглядываясь на золото и не пытаясь что-то прихватить с собой. Альен сейчас точно знал, что существуют две главные ценности — жизнь и девушка, находившаяся где-то за пределами пещеры, и, чтобы получить вторую ценность, нужно было сохранить первую. И молодой человек не собирался сдаваться.

Факел потух еще на выходе из маленького каменного зала с сундуками. Идти пришлось на ощупь.

— Один, два, три, — отсчитывал шаги Альен. — Десять. «Пасть дракона».

Он прижался к стене и осторожно ощупал пустоту, убеждаясь, что все верно. Прикрыв глаза, чтобы чувствовать себя уверенней, а не просто пялиться в черноту, Литин начал свое движение по каменной тропке над опасной пустотой. И снова он считал шаги. Еще по дороге в эту сторону молодой человек, желая подстраховаться, мерил шагами каждый участок пещеры, на всякий случай. И теперь был рад собственной предусмотрительности. Каменный карниз тянулся пятнадцать шагов.

«Бух».

— Девять.

Сознание работало размеренно, и тело сейчас напоминало бездушный механизм. Два шага, навес, пригнуться. Он прополз и осторожно поднялся на ноги. Где-то недалеко слышался голос моря. Оно жило, дышало, звало...

— Успею.

Два шага до поворота. Теперь прямо. Молодой мужчина старался не замечать боль в израненном теле, он вообще старался ни о чем не думать, только считать. Пригнуться. Один, два, три, четыре... Дневной свет начал понемногу рассеивать мрак, и Альен поспешил. А когда подошел к краю пещеры, вода уже почти добралась до входа и до нее можно было дотронуться, встав на колени. Шлюпки спешно убирались из западни, стремясь покинуть каменное кольцо прежде, чем «стражи» и пещера скроются под волнами, набирающими силу.

— Альен! — крик Тины он услышал, но девушку не увидел из-за пелены боли, вдруг затуманившей взор.

Мадемуазель Лоет обернулась к отцу, указывая на молодого человека.

— Папенька, я же говорила, что он появится. Надо вернуться!

Вэй ответил ей хмурым взором и мотнул головой.

— Нельзя. Опасно.

Тина обернулась к Кузнечнику, он отвернулся. К Красавчику, но тот опустил глаза. Никто не смотрел на девушку, кроме отца.

— Тина... — хрипло произнес он. — Бывают случаи... Дочь, это все.

— Нет! — выкрикнула девушка, осознавая, что даже ее всемогущий папенька подписал Альену Литину смертный приговор.

Никто не вернется и не подберет молодого человека, потому что приближаться к скалам уже опасно, потому что все хотят жить, только... Только как они смогут жить, если бросят здесь Альена? Как она сможет с этим жить?!!

— Вы не можете, — прошептала она, с ужасом глядя на удаляющуюся фигуру в окровавленной белой рубахе. — Не можете!!! — Тина попыталась вскочить.

— Держать! — заорал Вэй.

Мельник ухватил рыдающую девушку за плечи. Она отчаянно задергалась, пытаясь вырваться, но матрос изо всех сил прижал Тину к груди, и над волнами понесся ее надрывный крик:

— Нет!!!

В это мгновение шлюпку подхватило волной и понесло на гребень, уже едва приметный из-под воды.

— Налечь на весла! — гаркнул Лоет и порывисто обернулся ко входу в

пещеру.

Лицо Вэя искажилось, и он выругался сквозь стиснутые зубы, рассмотрев, что вода уже лижет ноги Альена, привалившегося к каменной стене. Но вот он распрямился и шагнул вперед. Толчок — и тело молодого человека взвилось в воздух, чтобы еще через мгновение исчезнуть в волне, бросившейся навстречу Литину.

— Альен! Дьявол вас дерит, уроды! — бесновалась Тина, уже, кажется, не понимая, кто окружает ее. — Пустите! Альен!

Лоет обернулся к дочери, после снова посмотрел в сторону, где на поверхности моря появился одинокий пловец, безуспешно, но отчаянно борющийся со стихией. Вэй опять взглянул на дочь, затем на Литина, на дочь...

— Капитан, скалы!

Лоет растерянно посмотрел на Красавчика, шлюпка проехала днищем по вершине очередной пики, чудом не пробившей дерево. Медлить было нельзя, он должен увезти дочь подальше от опасного места, где каждая минута промедления грозила гибелью. Но Умник... Вэйлр снова посмотрел туда, где еще недавно сражался с волнами Литин, того уже видно не было.

— Всевышний, — сипло произнес Лоет. И в эту же секунду молодой человек вновь появился на поверхности воды. — Жив, — выдохнул капитан. — Жив!

Он посмотрел на своих людей, поджал губы и решительно стянул первый сапог.

— Капитан! — вскрикнул Кузнечик. — Вы сдохнете!

— Это безумие, — Мельник поднял взгляд на Лоета.

Вэй криво усмехнулся:

— Давно хотел потягаться с самим дьяволом. Вот достойный меня противник. — Он стянул второй сапог и подмигнул: — Делайте ставки, парни.

— Папенька! — взвизгнула Тина, когда ее отец исчез в волне.

— Увозите девчонку! — донесся до людей в шлюпке крик капитана, и они увидели, как он мощными гребками рассекает воду, устремившись в сторону Литина.

— Папенька спасет Альена, — давясь всхлипами, сказала Тина, перестав вырываться. — Только папеньке такое под силу.

Матросы хмуро переглянулись: они понимали, что уже вряд ли увидят своего капитана. Это было царство дьявола, и даже Вэю Лоету победить его было не под силу.

— Нужно уходить, — голос того, кто это сказал, прозвучал тихо и неуверенно. Ему никто не ответил, потому что все взгляды теперь были прикованы к мужчине, который рвался навстречу своей гибели...

Волны несли Лоета вперед, помогая быстрее преодолеть расстояние, разделявшее его с Альеном Литином. Вэй то терял из вида молодого человека, то выдыхал с облегчением, когда тот вырывался на поверхность, жадно глотая воздух. Но с каждым разом сопротивление Альена слабело, и море уже жадно щерилось волнами, готовое забрать себе и эту жертву. И когда Лоет добрался туда, где в последний раз видел Литина, тот уже вновь исчез.

— Умник! — заорал капитан. — Умник! — И добавил с отчаянием: — Не смей умирать, парень...

И, будто услышав его мольбу, недалеко от Лоета показалась черноволосая голова и тут же вновь исчезла из виду.

— Черта с два! — рывкнул Вэй и нырнул.

Он ухвати Литина за рубашку, рванул наверх и зло отчеканил, даже не зная, слышит ли его молодой человек:

— Только посмей сдохнуть, Умник, и не увидишь моей дочери как своих ушей.

— Дери вас... дьявол, — донесся до него срывающийся голос. — Женюсь...

— Ты выживи сначала, — осклабился Лоет, вдруг ощущая невероятное облегчение, несмотря на то что вокруг бушевало море, и ловушка Беса готова была захлопнуться над двумя мужчинами.

— Выживу, — заявил Альен и лишился сознания.

Поддерживая голову Литина над водой, Лоет поплыл назад. Волны, словно взбесившиеся псы, бросились навстречу, раз за разом откидывая мужчин к пещере. Вэй поджал губы и упрямо повторял попытки прорваться сквозь яростный заслон моря, но он не был дураком и блаженным. На мгновение капитану даже показалось, что он слышит хохот дьявола, с которым решил потягаться глупый человек. Лоет зарычал, не желая принимать поражение. Сражаться он привык до конца, как и тот молодой человек, который сейчас, застыв безвольной куклой в руках бывшего пирата, не позволял ему преодолеть сопротивление волн. Но даже мысли о том, чтобы выпустить его и попробовать спастись самому, не возникло в умной голове Вэя Лоета.

— Добрался упрямый черт! — выкрикнул Красавчик. — Добрался же! Зараза!

Волны играли одинокой шлюпкой, словно она была безвольной

щепкой, и людям приходилось прикладывать все силы, чтобы не дать морю разбить их маленькое суденышко о скалы. И все-таки они не спешили покинуть проклятое место, с отчаянной надеждой веря, что Батя сможет, что он выберется из западни, как это делал столько раз в их прошлом, полном опасностей.

— Всевышний! — вскрикнула Тина, когда волны снова отбросили назад ее отца. — Надо их забрать! Надо помочь!

— Опасно, — бесплотным эхом отозвался Мельник за ее спиной.

— Плевать! — взвизгнула девушка, охваченная истерикой. Она замолотила кулаками по своим коленям, замотала головой, выкрикнув: — Сейчас же! Заберите их!

— Да дерьмо меня дьявол, если я брошу своего капитана! — вдруг взревел Кузнечик. — Подохнем — так весело!

— Дело говорит, — кивнул Красавчик. — Идем за капитаном и Умником.

Мельник выпустил Тину, и она, как и мужчины в шлюпке, схватилась за свободное весло. Бонг, молчавший всё это время, улыбнулся. Над бесновавшейся стихией понеслась разудалая пиратская песня, и шлюпка повернула к пещере Беса. Тина подпевала мужчинам, и сейчас никому бы даже не пришло в голову бранить ее за сквернословие. Мычал мотив и горастанский лекарь, и эта песня, неприличная до невозможности и настолько же бравая, будто придавала сил людям. Ожесточенно работая веслами, бывшие пираты спешили на выручку своему капитану.

Лоет не видел приблизившейся шлюпки, он уже вообще мало что видел, только вновь и вновь кидался на волны, думая о том, что их с Альеном скоро затянет в пещеру. И когда его слуха коснулась знакомая с молодости песня, Вэй даже подумал, что уже проиграл и это смерть встречает его старыми строфами.

— Руку, капитан!

Вэй повернул голову и увидел шлюпку.

— Папенька!

— За каким... — прохрипел Лоет, но его оборвал чей-то злой голос:

— Закройте пасть, капитан, и не мешайте вас спасать.

— Урою, — пообещал Вэй и сосредоточился на спасении себя и Альена.

Первым вытащили из воды Литина, который еще так и не пришел в себя, затем Лоета. Упав на дно шлюпки, Вэй несколько мгновений ошалело глядел в небо, не говоря ни слова.

— Папенька, — судорожно вздохнула Тина.

— Капитан...

— Что рты раззявили, сучьи дети? — прохрипел в ответ Лоет и гаркнул: — Ходу!

И в это мгновение вода хлынула в пещеру. Шлюпку понесло в раскрытую каменную пасть...

— Вот дьявол! — гаркнул кто-то. — Мы плывем к Ржавому.

Лоет разразился грязной бранью. Он присоединился к своим людям, преодолевая усталость, и борьба с дьяволом возобновилась. Выбиваясь из сил, моряки устремились прочь из ловушки. Тину никто не согнал с весел, сейчас была ценна каждая пара рук. Она смотрела на бледное лицо Альена и сквозь всхлипы подпевала бывшим пиратам, вновь горланившим свою песню, цепляясь за ее слова, как за спасительный соломинку. А когда каменный круг остался за спиной, девушка откинула назад голову, устремила взгляд в небо, и с ее губ сорвалось:

Моих сокровищ не коснутся,
Те, кто отдался Пустоте.
Удача может улыбнуться,
Тому, чьи руки в чистоте.

На страже дьявол поджидает
Тех, чья душа уже мертва.
В его объятьях умирают
Гнилые черные сердца.

— Он их всех забрал, — криво усмехнулся Кузнечик.

Песня оборвалась, но люди продолжали налегать на весла, стремясь быстрее покинуть гиблое место. Тишину нарушали лишь рокот волн да хриплое дыхание гребцов.

— А где карта? — вдруг спросила мадемуазель Лоет.

— Должно быть, осталась у Ржавого, — пожал плечами папенька.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула девушка. — Значит, истории с сокровищами Беса конец.

«Счастливики» ждал их. Волны несли к каменному кругу, исчезавшему под водой, обломки и тела людей — все, что осталось от бригаантины «Красная заря». Мимо шлюпки проплыл Рен — старший помощник Ржавого. Волны перевернули его тело, и на моряков с брига равнодушно посмотрели мертвые глаза. Кто-то передернул плечами и кратко выругался.

Ардо с честью справился со своей задачей, уничтожив пиратский корабль. Моряки, ждавшие у входа в пещеру, разобрались с теми, кто сидел в шлюпках с бригантины, Альен Литин убил капитана Урсуса Варда, прозванного Ржавым. На дне шлюпки с брига лежали три мешка с золотом, которые успели вынести пираты. И эту плату команда «Счастливица» посчитала достаточной.

Коль жадность в сердце не проснется,
На этом свете ты жилец.

Наконец шлюпка достигла «Счастливица».

— Скорей! — крикнул Ардо.

Раненым помогали подняться, Литина Лоет занес на борт сам и отдал на попечение Бонга и Тины, не отходившей от молодого человека. Верта унесли следом. Капитан оглядел своих людей, затем взглянул на то место, где исчезали под водой скалы, гулко сглотнул и отчеканил.

— Пора домой. Уходим! — затем мотнул головой и прошептал. — Ангел мой, спешу к тебе... ой, что буде-е-ет.

Попутный ветер, словно посланный самим Всевышним в помощь маленькому бригу, гнал его все дальше от острова Ларса Биглоу. И уже никто не видел, как окончательно скрылись под водой скалы, море утихомирилось, а на поверхность всплыл лист необычной бумаги с начертанной на нем картой и, покачиваясь на волнах, поплыл по течению, отыскивая новых дураков, готовых сложить головы на алтарь дьявола в поисках шального богатства...

Глава 38

— Кайтен!

— Ох, маменька...

— Что вы, папенька? — Тина изумленно взирала на папеньку, честно умыкнувшего дочернее причитание.

Капитан Лоет нервно потирал ладони и тяжело вздыхал.

— Маменька заждалась, говорю, — буркнул Вэй, отворачиваясь от дочери, встретился с ироничным взглядом Альена, на плече которого гордо восседал Хон, скривился и махнул рукой. — Ардо, я у себя.

Команда проводила одинаково насмешливыми взглядами малодушно бежавшего капитана.

— Урою! — гаркнул Лоет, уже почти скрывшись из виду, и интерес к капитанской спине, как и желание упражняться в остроумии, у команды испарились.

Тина пожала плечами и подошла к Альену; он приобнял девушку, и она умиротворенно вздохнула. На мятежной душе наконец было спокойно. Отведав того, о чем ей грезилось, когда они лежали со Сверчком на берегу моря и глядели в далекое безмятежное небо, Тина успокоилась. Надолго ли? Сказать было невозможно, но когда тогда, после скал, она смотрела в пепельно-серое лицо того, чья ладонь сейчас покоилась на ее талии, мадемуазель Лоет знала, что каждый новый вздох любимого человека гораздо важнее приключений, важнее амбиций и даже важнее обожаемого ею моря. Это осознание оказалось главным открытием ее путешествия.

Девушка подняла взгляд на Альена, любясь красками жизни, сейчас игравшими на его лице. Почувствовав ее взгляд, молодой человек улыбнулся, глядя на приближающийся берег, затем наклонился и тронул губами кончик любопытного носа юной мадемуазель. Тина фыркнула, ожесточенно потерла нос, но тут же оказалась сжата в крепких объятьях, и губы Альена пропорхали по всему ее лицу, вызывая задорный смех у упрямыцы.

— Хорошо-то как, — умиленно всхлипнул Самель, стоявший на палубе.

— Опять сопли распускаешь, — проворчал Кузнечик, отворачиваясь и пряча одинокую слезу радости за дочку капитана и паренька, потерять которого не хотелось никому из команды «Счастличика» — уж больно он пришелся по сердцу всем, кто был на бригае. Потому суровые моряки не

могли не порадоваться, когда спустя несколько дней после возвращения с проклятого острова молодой Литин впервые вышел на палубу, поддерживаемый мадемуазель Лоет.

Великан толкнул в плечо тщедушного приятеля.

— Что тебе, Мясник? — все так же ворчливо спросил Кузнечик.

Вместо ответа Самель сгреб матроса в охапку, уткнув носом себе в грудь.

— Озверел?! — заревел тот, пытаясь освободиться.

— Да ладно тебе, — отмахнулся кок, и матрос затих, смирившись с тем, что кости хрустят под железной хваткой Мясника, а к макушке прижимается колючая щека великана.

— Я же говорил, это любовь! — захохотал Мельник, остановившись рядом, но тут же возмущенно вскрикнул, потому что Самель ухватил и его, прижимая к себе второй рукой. — Дьявол тебя дери, Мясник, — проворчал Мельник. — Ну нельзя же быть таким большим и таким чувствительным.

— Так ведь хорошо же, — снова всхлипнул кок, звонко чмокнув сначала одного матроса, затем второго.

— Да выкиньте кто-нибудь за борт эту бородатую бабу! — возопил Кузнечик.

— Сейчас, — хохотнул Красавчик. — Когда Мясник объят любовью, подходить к нему еще страшней, чем когда он злится.

Мельник и Кузнечик протяжно вздохнули, но терпеливо ждали, когда приступ умиления у кока сойдет на нет и он их выпустит из медвежьих объятий. Тина и Альен, стоявшие неподалеку, посмеивались, глядя на мужчин, сейчас меньше всего напоминавших тех лихих и безжалостных парней, какими они их видели пару месяцев назад.

— Скоро ты познакомишься с моей маменькой, — мадемуазель Лоет снова посмотрела на молодого человека. — Вы обязательно понравитесь друг другу.

Альен усмехнулся, потерся щекой о девичью макушку и ответил:

— Как бы там ни вышло, сражаться с семейством Лоет я научился.

— Опасаешься, что маменька будет против?

— Я отвоевал тебя у наследного принца Горастана, потом у кровожадного пирата, но самое главное — я победил самого капитана Лоета. Мадам Лоет меня уже остановить не в силах, даже если ее и боится собственный муж, — Альен широко улыбнулся и закончил уже серьезно: — Я буду очень стараться, чтобы ей понравиться.

— Ты сможешь, — кивнула в ответ Тина.

Литин снова прижал ее к себе, счастливо рассмеявшись. Они очень

сблизились за время обратного пути. Как-то сама собой исчезла ревность к Дину. Даже когда мадемуазель Лоет разговаривала с ним, смеясь шуткам принца, Литин знал, что сердце девушки-ветра принадлежит ему одному. Он любовался ею, более не находя в дружбе между марантийкой и горастанским наследным принцем ничего подозрительного. Альен и сам полюбил разговоры с его высочеством, открытым и добродушным молодым человеком. И когда Вэйлр Лоет, демонстративно кривясь, ворчливо объявил, что его дочь является невестой господина Литина, Дин искренне поздравил пару с помолвкой, желая им долгой и счастливой жизни. А когда перед путешественниками появился берег Горастана, принц, пожав Альену руку, произнес:

— Я сказать это Тине, теперь говорить тебе, отважный воин Альен Литин. Всегда помнить, что на этом берегу у вас есть добрый и верный друг. Здесь вы всегда найти помощь и дом, где вам быть рады. — Немного помолчав, Дин продолжил: — Альен, ты позволить мне звать тебя друг?

— Для этого вопроса нет оснований, — улыбнулся Литин. — Ты уже мой друг, Дин... Или уже пора называть тебя «ваше высочество»?

— Какой глупость, — отмахнулся принц. — Там я высочество, а тебе всегда друг.

Молодые люди сердечно обнялись, и Бонг склонил голову, пропуская вперед будущего императора Горастана. Затем лекарь обернулся, погрозил пальцем Альену и вздохнул.

— Я знаю, что маленький разбойник специально спрятался. Он не хочет с тобой расставаться, и я не буду мучить Хона. Он твой. Я там оставил для него пищу и записку, как ухаживать за араном. Береги, преданней друга тебе не найти.

— Благодарю, Бонг, — поклонился Альен. — Мне также было бы жаль расстаться с ним.

Лекарь махнул рукой и оказался сжат в объятьях Лоета. Мужчины о чем-то пошептались, и Вэй отпустил старого друга, которого ждал на берегу Дин. Горастанцы снова взмахнули руками, прощаясь с людьми, ставшими им по-настоящему близкими, и отправились домой.

— Гады, — вздохнул Лоет, шмыгнув носом, совсем как дочь, и скомандовал: — Домой!

И вот перед ними рос родной берег. Вначале он казался тонкой ровной полосой, но вот ветер подул в паруса, и вскоре полоса стала толще, разрывая ровную линию, разбиваясь на силуэты, еще неясные, но постепенно узнаваемые. Вот стали четче контуры самого высокого и старого здания Кайтена — часовой башни Трех Ветров. Эту башню можно

было увидеть из разных точек большого города и за его пределами. Под крышей башни находился телескоп, и желающие могли подняться и посмотреть в него, заплатив всего пять мит. Тина со Сверчком много раз поднимались на башню Трех Ветров, а теперь девушке хотелось подняться туда с Альеном. Она подняла руку и указала на силуэт башни. Молодой человек понимающе кивнул: он уже знал об этом маленьком желании своей избранницы и не имел ничего против. Высоченная часовая башня? Какая малость по сравнению с пещерой на острове Беса. Милое развлечение, только и всего.

А вскоре стали различимы и крыши храмов, коих в Кайтене было немало, и в одном из них должны были связать узами молодых людей, как только подготовка к свадьбе и их дальнейшей совместной жизни будет закончена. Вэйлр Лоет, выслушав рассуждения жениха своей дочери, одобрил их, найдя разумными и предусмотрительными, обещая помочь будущему зятю в его начинаниях.

А вот во взаимоотношениях Лоета и Литина почти ничего не изменилось. Вэйлр оставался все таким же ядовитым и колючим, подначивал молодого человека при каждом удобном случае и получал невероятное удовольствие от его ответов. Они даже возобновили свои занятия по фехтованию, но больше для удовольствия, гоня друг друга по палубе на потеху всей команде, уже привычно делившейся на два лагеря: одни болели за Батю, вторые за Умника, — а призом неожиданно для нее стала Тина.

Если выигрывал Лоет, то девушка превращалась в Сопляка. Отец гонял дочь днем, а вечером она сама не спешила уйти от него, потому что папенька обучал ее искусству управления кораблем. Так он цеплялся за возможность почувствовать, что любимое сокровище принадлежит все еще ему одному, продляя мгновения близости с дочерью. И она отвечала ему благодарностью и любовью, светившейся в карих глазах, таких же, как и у ее обожаемого папеньки.

Если же выигрывал Альен, то Вэй не приставал к молодым людям, и они могли вернуться к своим урокам фехтования или же дурачиться, не обращая ни на кого внимания. И тогда строгий отец наблюдал издали, втайне посмеиваясь над парочкой влюбленных, иногда лишь покрикивая, когда ему казалось, что объятья Альена становятся откровенней, чем позволено, или замечая поцелуй, сорванный украдкой молодым человеком.

— Ну папенька-а, — нудела тогда Тина.

— Цыц, маргышка, — обрывал ее Лоет, и Альен тут же вмешивался:

— Не называйте мою будущую жену маргышкой, Вэйлр.

— Станет настоящей, тогда будешь мне указывать, а сейчас моя дочь, как хочу — так и называю, — ворчал в ответ Вэй. — Тоже мне семейка — Мартышка и Умник, помереть можно.

— Одноглазый и Ангелок — тоже семейка веселая, — поддевал капитана молодой наглец, и Лоет отвечал, прищурившись:

— А ты бесстрашный, Умник. Тебе, между прочим, еще с нами жить.

— Но в разных домах, — возражал Альян.

— Но в одном городе, — подмигивал Вэй и заканчивал с кровожадным предвкушением: — И видется мы будем ча-асто.

— Милости просим, дорогой тесть, — нисколько не пугался Литин, и Лоет закатывал глаз.

— Какое отвратительное слово — тесть, бр.

— Зато чей тесть, — многозначительно отвечал Альян, смеясь над ворчавшим и фыркавшим капитаном.

В таких беззлобных словесных дуэлях проходили дни, пока «Счастличик» спешил в родной порт, чтобы снова застыть у причала воспоминанием о времени, наполненном приключениями, опасностями и искрящимся счастьем рождения первой, но большой и светлой любви... уже второй раз.

— Смотрите, уже видно биржу и ратушу! — воскликнула Тина, жадно глядя в береговую линию.

А вскоре стали различимы мачты кораблей, покачивающихся у причала. Кайтенская гавань встречала моряков криком чаек, гулом человеческих голосов, плеском волн и пожелтевшими листьями на деревьях, росших в порту, — в Маранте осень давно сменила лето. На палубу вышел Лоет. Он шумно втянул носом воздух и с удовлетворением произнес:

— Дома. Наконец-то.

Тина горячо кивнула. Насколько сильно она соскучилась по родному городу, девушка поняла только в то мгновение, когда увидела марантский берег и город-порт, стоявший на нем. Мадемуазель Лоет уткнулась лицом в грудь Альяну, пряча непрошеные слезы. Он зарылся пальцами в волосы своей невесты, с жадностью рассматривая берег родного королевства. По дому соскучились все.

Только один человек сейчас был преисполнен сомнений и опасений, несмотря на обещания капитана Лоета. Верта сидел на бухте свернутого каната и протяжно вздыхал, глядя на приближение родного берега. Смерть от пули пирата казалась ему недурным концом, но умереть мужчине не позволили. И когда, очнувшись на борту брига, капитан «Алиани» осознал,

что его злоклучения еще не закончены, пожилой горастанец, вечно говоривший загадками, изрек, взглядываясь в глаза Верта:

— Конец одного пути — всего лишь начало другого.

Верта пытался понять, о чем говорил лекарь, и даже спросил его, когда впервые вышел на палубу после того, как смог подняться с койки. Бонг лишь улыбнулся и указал взглядом на Лоега, оравшего на кого-то из матросов:

— Такой голос услышат даже в столице Маранты.

Потом Верта разговаривал с Лоегом, и, когда признался одноглазому капитану, что преисполнен дурных предчувствий, тот фыркнул:

— Кому делать нечего, тот забивает голову всякой дрянью. Ты спас мою дочь, когда кинулся в ноги рыжему ублюдку, потом закрыл собой мой зад; неужели думаешь, что Вэйлр Лоег не умеет отдавать долги?

— Бросьте, Вэй, — вздохнул Верта. — Ни судовладелец, которому принадлежала шхуна, ни суд не примут в расчет этих обстоятельств. Что уж говорить о моей совести? Столько людей...

— Со своей совестью ты будешь договариваться сам, — усмехнулся Лоег, — а с остальными перемолвлюсь словечком. Есть у меня одно корыто, которое я хочу заменить на новое. Отдам его твоему судовладельцу вместе с капитаном, давно бесит. А вот на новое мне толковый человек нужен. — Верта изумленно взглянул на Вэя, и тот пожал плечами: — А что? В деле ты себя показал — отчаянный малый. В море давно, управляться с командой можешь. Но больше никаких авантюр, драть буду нещадно.

— А суд?.. — сипло спросил второй капитан.

— Блеск золота ослепит любого судью, — отмахнулся Лоег. — Да и не будет суда. — И, понизив голос, подался к Верта: — У меня такие связи при королевском дворе...

О родне бывшего пирата капитан «Алиани» ничего не знал, а Вэйлр, с иронией во взгляде наблюдавший за собеседником, просвещать его не стал.

— А родные погибших?..

— Они работали не на меня, не мне с ними и разбираться, это печаль владельца компании. Так что думай о том, как будешь перевозить семью в Кайтен. Да, еще. Если мне все-таки придется раскошелиться, после удержу из твоего жалования. Даже бывший пират добровольно не расстанется со своим золотишком.

— Спасибо, — выдохнул Верта, но Вэй отмахнулся и покинул собеседника.

И теперь капитан погибшей «Алиани» напряженно ожидал своей

судьбы. Он верил Лоету, но сомнения еще оставались. Все-таки страх перед веревкой и позором успел вьестся в сознание, и забыть о нем было непросто. Верта еще предстояло узнать, что его новый патрон слов на ветер никогда не бросает, как и то, что для работы на мэтра Лоета нужно иметь крепкие нервы. Впрочем, к самодурству и язвительным выпадам будущего хозяина новый работник «Вэйлады» уже успел привыкнуть.

— Даст Всевышний, всё будет хорошо, — вздохнул мужчина и подошел к борту, чтобы рассмотреть берег, к которому отныне он будет причаливать свое новое судно.

«Счастличик» шел к своему месту стоянки под взмахи рук и выкрики с кораблей, стоявших по соседству и принадлежавших судовладельцу господину Лоету. Люди приветствовали возвращение своего хозяина, неизменно вносящее оживление своим появлением. Удивительное дело, но, несмотря на вьедливый ядовитый характер, на упрямство и вспылчивость, несмотря на его острый язык, Лоета любили работавшие на него моряки и конторские служащие. И отсутствие хозяина стало заметно очень быстро. Поэтому, завидев знакомый бриг, люди оживились.

— Соскучились по пинкам, негодяи? — проворчал Лоет, пряча под маской недовольства, что ему приятно. — Передохну и всем натолкаю.

— Уж обласкайте народ, хозяин, — осклабился господин Ардо. — Не все нам страдать.

— Вы посмотрите на них, исстрадались о...ни, — с запинкой закончил Вэй, не сводя с причала округлившегося глаза. — Дьявол меня дерит, Ангелок. Так, быстро разворачиваемся, пока она не видит, — малодушно велел Лоет, но в это мгновение раздался жизнерадостный вопль Самеля:

— Ангелок! Мадам Ада!

— Урою, — мрачно возвестил Вэй и ринулся в каюту, бросив на ходу: — Меня нет, я потерялся... где-то там потерялся, навсегда.

— В каюте? — деловито уточнил господин Ардо.

— Тебя тоже урою, — пообещал Лоет, исчезая с палубы.

— Маменька! — воскликнула Тина. — Альен, это же моя маменька!

Папенька...

Девушка обернулась и растерянно огляделась в поисках отца, только что стоявшего на своем месте, на капитанском мостике. Литин скрыл усмешку и с интересом посмотрел на невысокую стройную женщину, нежная красота и свежесть которой все еще не покинула ее лик, несмотря на то что ей было уже за сорок. Тина имела материнское сложение и нежность, но ростом ту все же превосходила: пусть ненамного, но была выше. В остальном мадемуазель Лоет мало чем напоминала мадам Лоет, и

теперь было окончательно ясно, что девица уродилась внешне копией своего отца.

Однако, глядя на миниатюрную женщину, сложно было поверить, что мужчина, подобный Вэю Лоету, может столь искренно бояться ее. Объяснить необычный трепет можно было лишь одним: бывший пират обожал свою супругу, опасаясь причинить ей вред или боль. Потому ему было проще спрятаться от нее, чем учинять скандал или оказывать сопротивление праведному гневу, который, несомненно, должна была испытывать мадам Лоет.

Адалаис Лоет повернулась в сторону приближающегося корабля. В позе женщины появилось напряжение, а на лице, теперь различимом совсем отчетливо, застыла крайняя степень изумления. Взгляд ее был прикован не к дочери, отчаянно махавшей ей рукой, не к Самелю, причитавшему со своего места, и даже не скользил по бригу в поисках мужа. Мадам Лоет не сводила взгляда с молодого человека, стоявшего рядом с ее дочерью. Знакомая стать, черные, как ночное небо волосы — все это было ей слишком знакомо, так что она невольно произнесла имя, которое уже давно не вспоминала:

— Дамиан...

Но с борта «Счастливого» ее не услышали, и молодой человек оставался невозмутим и спокоен, ничем не выдавая ни волнения, ни даже того, что они могут быть знакомы. Впрочем... Года не могли не сказаться на первом супруге мадам Лоет, а перед ней сейчас была копия Дамиана Литина того возраста, когда Адалаис Ламбер стала его женой. Оставалось набраться терпения и ожидать разгадки.

— Маменька! — наконец вывел женщину из оцепенения возмущенный голос дочери.

Ада вздрогнула и стряхнула с себя оторопь. Она подошла к самому краю причала и махнула в ответ рукой, радостно улыбаясь.

— Тина!

— Маменька! — со слезами в голосе воскликнула девушка и добавила: — Я так скучала...

— Я тоже, дитя, я тоже, — ответила мадам Лоет.

Теперь ее взгляд с пристрастием обыскал палубу, губы женщины поджались, а в глазах появился насмешливый блеск, впрочем, не суливший ничего хорошего.

— Ангелок! — уже обиженно воскликнул Самель.

— Самель, — Ада улыбнулась ему и крикнула: — С возвращением, парни!

— Рады вас видеть, Ангелок, — расплылся в улыбке Кузнечик.

— Мадам Ада, приятно видеть ваше личико первым, — подмигнул ей Красавчик.

— Ангел мой, — жизнерадостно воскликнул Лоет. Он все же выбрался из своего логова.

— Дорогой, — сладко пропела Ада. — А я уж заждалась вас с вашей... прогулки.

— Она в бешенстве, — сообщил Лоет краешком губ Альену. — Мне точно конец.

— По-моему, мадам Лоет просто рада вас видеть, — возразил Литин.

— Ты не видишь, как слюна капает с ее клыков? — изумился Вэйлр. — А я уже чувствую, как они смыкаются на моем горле. Любимая, безумно соскучился!

— Так иди ко мне, любимый, я жажду прижаться к твоей груди, — донесся до них нежный голосок мадам Лоет.

— Во! Во, слышал?! — воскликнул Стальной Вэй. — Она же рычит, как сам дьявол. Нет, я не сойду на берег. Останусь тут, и пусть сначала перебесится. Не хочу я получить пулю в свой драгоценный зад. Он хорош в своем нынешнем виде и безмерно мне дорог.

Тина обернулась и возмущенно взглянула на отца.

— Папенька, полно вам наговаривать на маменьку. Альен может подумать, будто его будущая теща — истинный зверь в ангельском обличье.

— Как же верно ты сказала сейчас, дочь, — Лоет восхищенно посмотрел на девушку.

— Вэйлр, в самом деле, — согласился с Тиной молодой человек. — Вам еще меня представлять вашей супруге...

— К дьяволу, еще и тебя представлять! — взвыл Вэй.

Пока капитан предавался панике, бриг успел подойти к причалу под командованием старшего помощника, бросить якорь и опустить сходни. Тина первой сорвалась на берег, спеша к маменьке, распахнувшей ей объятия. Мужчины с борта наблюдали, как мать обнимает дочь, целует ее, после оглядывает с пристрастием, со всех сторон и снова прижимает к сердцу. Самель всхлипнул, и тут же палуба вокруг него опустела. Оглянувшись и не найдя никого, кто мог бы разделить с ним радость, кок повернулся к капитану.

— Да иди уже, слюнтяй, иди, — отмахнулся Вэй, и великан поспешил вслед за Тиной, заключая мать и дочь в объятия. Лоет деловито огляделся. — Кто еще хочет облапить мою жену?

Желающих почему-то не нашлось. Впрочем, и сам капитан

«Счастливи́чика» предпочитал пока предаваться радости встречи на борту своего корабля. Тина все-таки сумела вырваться из железной хватки Самеля и протянула руку к брига.

— Альян, папенька, ну что же вы застыли? Идите к нам.

Молодой человек обернулся к капитану, но тот ответил ему затравленным взглядом и мотнул головой:

— Не пойду.

— Вэй, это уже не смешно, — возмутился Альян. — Вы ведете себя как... как Тина в начале нашего знакомства. Остается только ссутулиться и пошмыгать носом в знак особого раскаяния. Вы же уверенный в себе мужчина, вы Вэйлр Лоет, человек с железной волей и волчьей хваткой. Да я в жизни не встречал вам подобных! Прекратите предаваться малодушию и не давайте мне повода в будущем язвить, вспоминая, как мы вернулись в Маранту. И будьте уверены, я буду язвить, буду щелкать вас по носу и обзывать сопляком.

— Литин, я тебя ненавижу, — нацелил на него палец Вэй. — И всегда буду ненавидеть.

— Ваше право, — невозмутимо ответил молодой человек. — Мне любви мадам и мадемуазель Лоет будет вполне достаточно; в конце концов, вы не дама, чтобы мне ждать от вас нежных чувств, достаточно уважения, а оно у меня уже есть. А теперь сойдите на берег и представьте меня вашей супруге. Сейчас же! — рявкнул Альян.

— Иди к дьяволу в зад, — нахамил Лоет. — Я жить хочу.

— Вэйлр Лоет, — донеслось с берега, и отважный капитан втянул голову в плечи. — Тащи сюда свой хитросделанный зад. Если ты не сойдешь ко мне немедленно, то я сама поднимусь к тебе, дьявол тебя дери.

— Ангел мой!

Бывший пират поспешил на берег, успев бросить на ухмыляющегося Альяна взор, полный мольбы о помощи, провел большим пальцем себе по горлу и отвернулся, распахнув объятия. Он слетел на берег ураганом, налетел на жену, сгреб ее в охапку, прижимая руки к телу, поднял над землей и заткнул ей рот поцелуем раньше, чем она успела произнести хоть слово.

— Как же я скучал! — воскликнул он, отрываясь на мгновение, и только Ада открыла рот, как он тут же оказался во власти губ ее супруга. — Я с ума сходил без тебя! — и снова он целовал жену. — Это была долгая прогулка, мой ангел, но во всем виновата твоя дочь.

— Я?! — возмущенно воскликнула Тина.

Тут же из-за отцовской спины показался кулак, недвусмысленно

велевший закрыть рот и молчать. Очередная попытка Ады заговорить вновь бездарно провалилась под напором требовательных губ ее супруга.

— Почему ты воспитала нашего ребенка таким любознательным? — возмущенно воскликнул Лоет, теперь накрывая рот жены ладонью. — Она извела меня своим любопытством! Папенька, хочу увидеть Тарван! Папенька, хочу увидеть Тригар! И представь, как мы мотались, это же ужас какой-то... Ай! Ты меня укусила!

— Немедленно поставь меня туда, где взял, — ледяным тоном потребовала мадам Лоет.

— Как скажешь, мой ангел, — Вэй поставил жену на землю, заодно обыскав ее, и облегченно выдохнул, не обнаружив при ней никакого оружия. После скользнул за спину дочери, взял ее за плечи, выставив перед собой, как щит, и сообщив, жизнерадостно скалясь: — Душа моя, мы безумно рады вернуться к тебе.

Мадам Лоет поправила платье, сидевшее безукоризненно, даже несмотря на объятия Самеля и супруга. Заправила локон за ухо и подняла голову, глядя на скалящегося Вэя.

— Ты взял «Счастливчик», — на бывшего пирата нацелился палец его супруги.

— А какой еще корабль я мог взять? — искренне удивился Лоет.

— Ты собрал свою старую команду, вплоть до Самеля...

— А этот слюнтяй сам с нами потащился, — почти не соврал Стальной Вэй. — И что тебя не устраивает в старой команде? Мы же вышли в море, а кому я могу доверять, как не им?

— На прогулку ты брал тех моряков, кто заботится о бригае, пока он стоит на приколе, — покачала головой Ада.

— Но это же была долгая прогулка...

— Хватит врать! — гаркнула мадам Лоет. — Повернись ко мне, я хочу посмотреть в твой бесстыжий глаз.

— У меня очень милый глаз, — задрал нос Вэйлр. — И честный. А ты женщина без сердца. Муж вернулся из моря живым...

— Вот именно, — отчеканила женщина. — Во что ты опять впутался, несносный пират?!

— У тебя нет сердца, — Лоет попробовал довести свою мысль до конца, но длань супруги взметнулась вверх, сжалась в кулак, оставив вытянутым указательный палец, и этот палец покачался перед носом господина судовладельца.

— Откуда у меня сердце, Вэй? — спросила маленькая женщина, глядя на большого и сильного мужчину. — Оно разбилось на сотню частей,

когда по возвращении из Льено я узнала, что ты исчез вскоре после того, как я уехала, и до сих пор не вернулся. Ты человек без стыда и совести...

Отец и дочь стояли, одинаково ссутулившись, взирая на выговаривающую им женщину исподлобья, почти дружно шмыгнули носом и так же слаженно ковырнули причал: Тина носком башмака, Вэй носком сапога.

— Сил моих больше нет, — всплеснула руками мадам Лоет, глядя на них.

С брига и соседних кораблей с живым интересом наблюдали за происходящим. Все знали, что Вэйлр Лоет в этой жизни боится только одного человека — маленькую женщину, собственную жену. И только ей было позволено повышать тон, отчитывать и говорить что вздумается. Если бы кто-то из мужчин попытался отчитать господина судовладельца, он был бы размазан по причалу только за одни намерения, поэтому семейная сцена вызывала особый интерес. Лоет не стеснялся показывать своего отношения к супруге и того, что она его сейчас отчитывает, как мальчишку, также не стыдился. Никто бы и не посмел его упрекнуть этим — жить хотелось всем.

Воспользовавшись минутным затишьем, Вэйлр ухватил за локоть Альена Литина, стоявшего за ним, и толкнул вперед, снова прикрываясь дочерью.

— Ангел мой, позволь тебе представить этого молодого человека, — казалось, капитан Лоет сейчас взлетит в небеса от расправившего его счастья. — Альен Литин, сын Дамиана Литина и жених нашей дочери. Прекрасный молодой человек Отважный, умный...

— Красивый, — умиленно вздохнула Тина и попыталась встать рядом с Альеном, но отцовские пальцы впились девушке в плечи, и она осталась стоять на месте, шипя и кривясь.

Адалаис Лоет перевела взгляд на Литина, отметив, что глаза у него синие, но в остальном он копия Дамиана.

— Не стоит предавать забвению прошлое, однажды оно вернется и станет настоящим, — тихо произнесла женщина непонятную фразу, но тут же вежливо улыбнулась: — Рада знакомству, господин Литин, — Ада протянула руку, и, когда Альен склонился, чтобы коснуться ее губами, мадам Лоет вдруг осознала известия в целом и выдернула руку из пальцев молодого человека, потрясенно переспросив: — Жених нашей дочери? — Вэй жизнерадостно кивнул. — То есть Тины?

— А у нас есть еще одна дочь? — приподняв бровь, осведомился Вэйлр.

— То есть вы не просто мотались неизвестно где, вы еще и жениха раздобыли?! — воскликнула Ада и потеряла виски. — Стоп! Я хочу знать все, и желательно сначала. — Она развернулась и направилась с причала прочь, не забыв отчеканить: — Все за мной! И жених тоже.

— Это моя жена! — с нескрываемой гордостью воскликнул Лоет, подталкивая вперед Тину и Альена, так и оставшись за их спинами.

У ворот порта стояла коляска, в которой приехала Ада. Пока Альен помогал забраться в коляску матери и дочери, Вэй подошел к кучеру и тихо спросил:

— Давно в порт приезжает?

— Уже два месяца каждый день, — ответил тот, и Лоет закатил глаз, понимая, что гроза не миновала. — Счастье мое! — воскликнул он, взлетая в коляску и падая на сиденье рядом с женой. Тут же вновь вжал супругу в свое тело, поймал ее руку и покрыл поцелуями. — Всевышний, как же я хочу сейчас оказаться вдвоем с тобой подальше от всех. Только ты и я...

— Забудь, — сухо ответила Ада. — Ты переезжаешь в гостевую спальню.

— А-ай, какая досада, — сокрушенно вздохнул Вэйлр, — в гостевой спальне остановится Альен. Мальчику нужно передохнуть с дороги, прежде чем он сможет отправиться домой, чтобы известить родных о столь радостном событии, как воссоединение наших семей. Да и вам с ним стоит узнать друг друга поближе. Я уверен, ты полюбишь его, как и я. Ада! — восторженно воскликнул Лоет, не давая жене опомниться. — Я привез тебе еще одного сына! Чудеснейший молодой человек!

— У нас не одна гостевая спальня, — ответила Адалаис. — К тому же, если тебе так понравился господин Литин, вы можете даже ночевать вместе.

— Любимая, он предпочитает женщин, — возразил Лоет. — Представляешь, какой мерзавец? Я сплю с тобой, и точка.

— Тогда перееду я...

— Я заселю все гостевые спальни, — пообещал Вэй.

— Это не тот вопрос, который стоит обсуждать при посторонних и детях, — оборвала его мадам Лоет, понимая, что супруга сейчас угомонить будет совершенно невозможно. — Лучше расскажите мне...

— Все дома, все потом, — тут же отмахнулся Лоет, старательно целуя ладонь жены.

Тина не слушала родителей, она с жадностью рассматривала знакомые с детства улицы. Зато Альен прислушивался, не без восхищения отмечая изворотливость будущего тестя. Такой Вэйлр Лоет ему был совершенно незнаком, но нравился не меньше прежнего. И, не будь сейчас рядом мадам

Лоет, казалось, почти сдавшейся под напором своего супруга, молодой человек непременно поаплодировал бы капитану.

Вскоре они уже въезжали в ворота особняка Лоетов. Все попытки Ады заговорить с Тиной или Альеном тут же перекрывал господин Лоет своими признаниями и восклицаниями, умудрявшийся обиженно посопеть на холодность жены, укорить ее и даже потребовать объяснений, за что — так никто и не понял. Но когда семейство Лоет и Альен Литин вошли в особняк, Ада устало вздохнула и велела горничной:

— Устройте господина Литина. Тина, приведи себя в порядок и наконец надень платье. — После этого, дождавшись, когда молодые люди покинут их, указала мужу на дверь в гостиную.

Более-менее успокоенный Вэй подмигнул Аде и направился туда, куда ему указали, но вдруг замер от щелчка за своей спиной. Медленно-медленно он обернулся и гулко сглотнул, глядя на два пистолета в руках любимой супруги. Следов усталости на лице женщины, как и растерянности, не было. Она кровожадно ухмыльнулась и подмигнула мужу в ответ.

— Ангел мой, не-ет, — простонал Лоет.

— Да-а, — покивала Адалаис. — Беги, Вэй, очень быстро беги, ибо я вне себя от злости.

Грохнул первый выстрел, и Вэйлр Лоет метнулся по коридору.

— Что это? — Альен обернулся назад.

Горничная мило улыбнулась и пояснила:

— Мадам давно заготовила пистолеты, должно быть, решила воспользоваться.

— И много она их заготовила? — полюбовался молодой человек.

— Да по всему дому, — все так же мило улыбаясь, ответила женщина и открыла дверь. — Проходите, господин Литин.

— И ведь не преувеличил капитан, — пробормотал Альен, входя в дверь гостевых покоев. — Скоро появится мой слуга Рени, укажите ему, где я, а то будет нервничать.

— Хорошо, господин Литин, — горничная присела в реверансе, и где-то снова грохнул выстрел. — Хозяева у нас такие затейники, — улыбнулась она и оставила молодого человека одного.

Вэйлр Лоет стоял, прижавшись к стене, стараясь шумно не дышать. За всю их совместную жизнь бывший пират убегал от жены в третий раз. В первый раз господин судовладелец умудрился вызвать ревность Ады, слишком долго и мило болтая с одной из местных дам в Благородном Собрании, куда их пригласили на пятый год проживания в Кайтене. Тогда

гнев супруги разгорелся в полную силу, и, стоило паре вернуться домой, как женщина с невозмутимым видом удалилась, больше ничего не выговаривая. Даже потрепала мужа по щеке и мило улыбнулась. И, пока Вэй потягивал коньяк, посчитав конфликт улаженным, Ада вернулась с двумя пистолетами.

— Беги, Вэй, — велела она, тут же выпустив первую пулю в потолок.

Сообразив, что супруга не настроена шутить, господин начинающий судовладелец попятился к двери.

— Ангел мой, но я же просто разговаривал... Да она даже не в моем вкусе!

— Она булочка, — возразила Ада.

— Я же только тебя люблю, сухарик мой, — попытался подластиться Лоет.

— К дьяволу, — рявкнула мадам Лоет, поднимая второй пистолет.

Вэй сглотнул и рванул прочь из гостиной, но был не слишком проворен и через полчаса лежал на животе, бранясь, как сам черт, терпел операцию по изъятию пули из сидалища. Рядом сидела Ада, допивавшая коньяк супруга, и приговаривала:

— Ну-ну, любимый, все не так страшно.

— Моя жена — чудовище! — возопил оскорбленный унижительной раной Лоет.

— Не-а, — мотнула головой женщина. — Я — ангел. Твой. Навечно, — и на губах ее играл демонический оскал.

— А что я хотел? — философски спросил у лекаря Вэйлр. — Выбрал Ангелка, теперь ловлю пули собственным задом. И все же она лучшая. Ты смеешь возражать?

На молчавшего лекаря уставились взгляды обоих Лоетов. Мужчина гулко сглотнул и затряс головой.

— Вы совершенно правы, господин Лоет, ваша супруга — идеальная женщина.

— Точно, — счастливо осклабился Вэй и послал жене воздушный поцелуй.

Второй раз Вэйлр убежал под угрозой нового ранения, когда господину судовладельцу пришлось в голову заключить выгодную сделку за счет помолвки старшего сына, которому на тот момент исполнилось всего десять лет, но он был уже более опытным и шустрым. Вэй даже сумел сбежать из дома от взбешенной супруги, выпрыгнув в окно, и обе пули просто взрыли землю у его ног. Впрочем, Лоет не обольщался, просто Ада опасалась задеть кого-то еще, потому стреляла уже не по нему, а выпускала

пар. Вернулся домой он только после того, как в письменном виде заверил супругу, что детей в своих целях использовать не будет.

И вот оно, случилось страшное: уже в третий раз Адалаис Лоет, милый ангел из Льено, успевшая хорошо подготовиться к встрече с мужем, наступала ему на пятки. Мужчина задержал дыхание, прислушиваясь.

— Любимый, выходи, — ворковала женщина, осторожно ступая по коридору особняка. — Я просто отстрелю тебе хозяйство и успокоюсь. Ну же, Вэй, будь мужчиной, покажись.

— Угу, — буркнул Лоет. — Покажусь мужчиной, а кем буду потом? Не дождешься.

— Вэ-эй...

Она поравнялась с местом, где скрывался Вэйлр, остановилась и прислушалась, торжествуя осклабившись. Лоет понял: это конец, попался. И он рванул вперед. Сбил с ног жену, заваливаясь сверху и отворачивая в сторону руку, державшую пистолет. Снова грохнул выстрел, звякнуло разбитое стекло, и Ангелок оказалась обезоруженной. Вэй ненадолго смял ее губы в поцелуе, который можно было назвать скорее показателем истерики, чем любви бывшего пирата. После поднялся на ноги, рывком поднял жену, затем взвалил ее себе на плечо и поспешил в сторону супружеской спальни.

— Катись к дьяволу, Вэй, — неистовствовала женщина, свисая головой вниз и молотя кулаками мужа по спине. — Где ты таскал мою дочь? Вы во что-то вляпались, я точно знаю, что вляпались! Вы же Лоеты, вы не могли просто любоваться красотами! Вэй, вас пытались убить? Вас точно пытались убить! Как же вы меня бесите, оба! А Литин? Откуда мог взяться Литин?

— Тина нашла, — коротко ответил Лоет. — Хороший мальчишка.

— То есть тебе нравится? — немного успокоившись, уточнила Ада, перестав избивать мужа. — Несмотря на то, что Литин?

— Отличный мальчишка, — повторил Вэй. — И плевать, что Литин. Он нашу дочь укротил. Девчонка рядом с ним как шелковая, даже бранится в три раза меньше.

— Какой примечательный молодой человек, — задумчиво протянула мадам Лоет и снова взвилась: — Но как же вы все меня бесите! Я чуть разрыв сердца не получила, когда обнаружила, что ты собрал старую команду. Урою, Вэй, собственными руками урою!

— Хорошо, — покладисто кивнул Лоет, сваливая супругу на обширное ложе. — Но сначала я попробую вырвать твое ядовитое жало. — И он навалился сверху, снова целуя жену.

— Какая же ты сволочь, — всхлипнула Ада, оплетая шею мужа руками. — Ненавижу тебя.

— Я тебя тоже, — осклабился Вэйлр. — Всею душой, до самой смерти.

— Навсегда, — прошептала женщина и сама потянулась к губам супруга...

На Кайтен опустилась ночь. В окнах особняка Лоетов уже не теплился свет, померкли окна соседних особняков, затихли людские голоса. Не грохотали колесами экипажи, и даже пес, живший за соседней оградой, замолчал, спрятавшись в свою большую будку. Чета Лоет, отужинав с дочерью и ее женихом и оставив их на попечение няньки, удалилась к себе, велев не беспокоить их до завтрашнего дня. Перестал суетиться Рени, ревниво следивший за доставкой одежды своего хозяина, который успел побывать в модной лавке господина Терри, да и сам Аьен, должно быть, уже смотрел сладкие сны, отдыхая душой и телом после долгого и трудного путешествия.

Не спала только мадемуазель Лоет. Она сидела на подоконнике у раскрытого окна, подставив лицо прохладному ночному ветру. Веки девушки были прикрыты, и тень от густых ресниц трепетала на щеках, подсвеченных лунным светом. На губах ее блуждала мечтательная улыбка, придавая юному личику особую прелесть. Пальчик девушки выводил на колене букву «А», и перед внутренним взором проносились недавние события.

Вот распахиваются двери гостиной, где Аьен, уже переодетый, гладко выбритый, с щегольски завязанным галстуком, сидит на диване, разговаривая с родителями. А вот поворачивает голову на звук неторопливых шагов, синие глаза распахиваются в немом восхищении, и его взгляд скользит по мадемуазель Лоет, одетой в платье. Тина так волновалась в это мгновение, ведь он видел ее женственной первый раз в жизни. Девушка не видела улыбок, которыми обменялись родители, добродушно посмеиваясь над смущением дочери, не слышала их негромких голосов, когда Аьен поднялся со своего места и шагнул навстречу Тине, беря ее за руку.

— Ты прекрасна, — шепнул он, поднося ее пальчики к своим губам. — Я околдован.

— Ах, Аьен, — смущенно потупилась девушка, так и не найдя, что ответить, но его восторженный взор стал лучшей наградой за то, с каким тщанием Тина подбирала наряд, и за то, что выдержала борьбу Лисси с ее волосами.

Ей так хотелось понравиться молодому человеку, представ перед ним

девицей, а не сорванцом в коротких штанах... И итог мучений был до того приятным и впечатляющим, что девушке подумалось: быть женщиной не так уж и плохо, особенно когда есть тот, кто не сводит с тебя глаз, рассеянно отвечая на вопросы и, кажется, вообще забыв, что в этом мире есть еще кто-то, кроме вас двоих.

— Альен, — произнесла вслух Тина, жмурясь от нахлынувшего на нее счастья. — Любимый... Какое же чудесное слово! Любимый. — Она засмеялась, хлопая в ладоши, будто малое дитя, и едва не свалилась с окна, когда с дерева донеслось:

— Тина.

Девушка ойкнула и разглядела Сверчка, сидевшего на своем привычном месте. И залилась краской смущения оттого, что у ее радости оказался невольный свидетель. Паренек перебрался ближе, не сводя взгляда с подруги. Тина, готовая с досады обругать приятеля, опомнилась и радостно улыбнулась, пододвигаясь и освобождая ему место. Сверчок забрался на окно и уселся, ногами наружу.

— Ты вернулась, — сказал паренек.

— Да, — кивнула девушка. — Вернулась.

Они помолчали, не зная, что сказать друг другу. Первым нарушил молчание Сверчок.

— Я скучал, — сказал он. — Без тебя совсем не весело.

Пытливый взгляд остановился на девушке, словно Эмил-младший ждал, что подруга ответит ему что-то важное, но она молчала, вновь мечтательно глядя на ночное небо.

— А Заморыш вчера похвалялся, что лучше всех кидает нож, — так и не дождавшись ответа, продолжил паренек. — Он совсем зарвался, намылим ему шею? Тина!

Она вздрогнула и перевела взгляд на друга детства. Девушка вдруг поняла, что ей плевать на Заморыша и его похвальбу и что у нее вовсе нет желания бежать и доказывать их вечному со Сверчком недругу, что он неправ. Как не было желания бежать смотреть на кочевников, вставших табором недалеко от Кайтена.

— Да что с тобой?! — голос парня неожиданно задрожал. — Я так ждал тебя...

— Я выхожу замуж, — прервала его Тина, делаясь самым важным для нее.

И в это мгновение мадемуазель Лует с удивлением поняла, что это действительно самое важное. Не путешествие по морю, не пираты, не сокровища и все прочие приключения. Все это меркло перед

существованием одного-единственного человека, сейчас спавшего в доме ее родителей.

— Так отец не лгал? — вскрикнул Сверчок, сжимая кулаки. — И это правда? Какой-то потрох сделал тебе предложение...

— Не называй его так, — потребовала Тина.

— Буду! Буду называть! — паренек вскочил на подоконник с ногами и с ожесточением топнул ногой, но уже через мгновение вновь сидел рядом, схватив девушку за руку. — Откажись! Куда тебе спешить? Мы еще столько всего не увидели и не узнали! Откажись, пожалуйста. А если так хочется замуж, то через несколько лет я смогу жениться...

Тина вырвала свою руку и посмотрела на друга незнакомым взрослым взглядом. Затем покачала головой и сама накрыла его пальцы ладонью.

— Я видела, как тонет корабль, я видела, как гибнут люди, которых ты знаешь по именам. И это совсем не весело, Сверчок. Это гадко, это больно и это страшно, когда их лица встают перед твоими глазами... — Она сглотнула ком и продолжила: — Я знаю, каково это, когда кинжал прижимается к твоему горлу, и я знаю, как страшно понимать, что дорогой тебе человек сейчас умрет, и ты уже больше никогда не сможешь позвать его. Не сможешь прикоснуться и увидеть, как на его губах появляется улыбка. Понимать, что не успела объяснить, рассказать, извиниться... К дьяволу, Сверчок, я увидела достаточно для того, чтобы понять, что в жизни есть что-то большее, чем приключения.

— Но я... я же тебя... — мальчишка не договорил. Он махнул рукой и перебрался на дерево, сердито буркнув: — Между нами все кончено.

— Сверчок, — растерянно позвала девушка.

— Господин Мулер, и никак иначе, — отозвался паренек и полез вниз, бранясь себе под нос.

Тина свесилась с окна, провожая его грустным взглядом. Она верила, что однажды Сверчок поймет ее и перестанет обижаться, а пока... Пока же главное, что они дома, все живы, и история, начавшаяся в этом доме, обогнув полсвета, завершила свой круг там, откуда началась. Девушка снова подняла взгляд к небу, тихо вздохнула и побрела в постель, гадая, спит сейчас Альен или так же, как она, вновь мысленно переживает этот вечер, их прошлое и будущее, которое непременно настанет, нужно только немного подождать...

Альен не спал, но мысли его были совсем не радужными. Оставалось кое-что, что он считал необходимым сделать раньше, чем назовет Тину своей. Пусть Лует и сказал, что это семейное дело, но ведь и Альен уже немного часть этой семьи, разве не так?

Маркэль Мовильяр — мерзкая гадина, избалованный вседозволенностью подонок — мешал молодому человеку расслабиться окончательно. Альян достаточно знал об этом негодяе и его покровителе, чтобы понимать: они не остановятся, пока не получат желаемого. А то, что они желали, было слишком дорого Литину, чтобы отдать без боя.

Молодой человек прошелся по спальне, перебирая в голове все свои связи и знакомства, к которым можно было прибегнуть, чтобы воплотить в жизнь задуманное. Марк Мовильяр должен был исчезнуть, это не подлежало сомнению. Исчезнет источник неприятностей — остынет интерес и герцога. Идея с продажей Марка так никуда и не делась. Альяну до зубовного скрежета хотелось, чтобы высокородный мерзавец на своей шкуре испытал все, через что проходили те, кому не посчастливилось перейти дорогу молодому аристократу. И Литин собирался все это устроить будущему родственнику.

Альян остановился и направил невидящий взгляд в окно, со всей очевидностью понимая, что ради благополучия своей невесты он готов на все. Пройдя через столько опасностей, побывав на волосок от смерти, молодой человек стал решительней, смелей и... безрассудней. Он всегда готов был стоять до последнего за свои убеждения, и теперь, обрета долгожданное счастье, готов бы идти до конца, наплевав на титул противника, его положение в обществе, условности и общественное мнение. Если придется устроить покушение на герцога, Альян и к этому готов.

Неожиданно раздался тихий стук в дверь. Молодой человек недоуменно пожал плечами, но, открыв ее, удивился еще больше: там никого не было. Сделав шаг вперед, Альян услышал шуршание под ногой и опустил взгляд. На полу лежали две газеты. Подняв их, Литин вернулся в спальню, уселся за стол, который освещали свечи, и посмотрел на дату. Одной газете был уже месяц, вторая совсем свежая, выпущена всего дней пять назад.

Внимание молодого человека привлекла статья, жирно обведенная грифелем.

— Прискорбное событие... был найден в своем доме в Деларане... Его сиятельство граф Маркэль Мовильяр... Задушен неизвестными. Из дома ничего не похищено, как сообщила прислуга господина графа. На его руку был надет браслет с унижительной рабской надписью «Имущество И.П.». Остается гадать, кто этот таинственный И. П... Отец молодого графа, его

сиятельство... сражен горем и клянется найти убийц сына, но следов нет...

Альен открыл вторую газету, сразу заметив еще одну рамку.

— Его Высочество герцог Инсэль Пайетт отправился по указу Его Величества с посольством... Нападение трех пиратских кораблей было неожиданным... Фрегаты, сопровождавшие Его Высочество, были выведены из строя. Их команды понесли урон, но остались живы... «Гордость Маранты» затонул... спасти не удалось... Его Величество скорбит о своем брате... Траур... Маранта понесла невосполнимую потерю...

— Чуть ниже было подписано от руки:

«Семейные дела решаются в семье, Умник, не забивай голову хламом».

Молодой человек отложил газеты и усмехнулся. Где-то за неделю до появления Кайтена на горизонте он проговорился о том, что его тревожит. «Семейные дела решаются в семье».

— ...Будь то семья аристократов или королей, — закончил вслух Альен. — Ну, что ж, раз все так удачно обернулось, можно и поспать. Спасибо, Вэйлр.

Он задул свечи, поднялся со стула и потянулся, чувствуя облегчение. Затем бросил газеты в огонь, тихо потрескивающий в камине, снова усмехнулся и отправился спать. Заботы, которых было еще предостаточно, ждали внимания молодого человека, и они были гораздо приятней.

— Добрых снов, любимая, — шепнул Альен в темноту и провалился в сон.

Эпилог

— Прекрасный дом, сын, — мужчина с черными, как безлунная ночь, глазами с интересом рассматривал особняк, в котором уже закончились работы и в который теперь вносили последнюю мебель. — Мне нравится. Светло, хорошо.

— Но в захолустье, — синеглазая женщина поджала губы и сокрушенно вздохнула. — Альен, мальчик мой, неужели так необходимо жить в Кайтене?

Альен Литин обнял женщину за плечи и поцеловал в щеку.

Это не захолустье, матушка. Кайтен — крупный морской порт, — возразил он. К тому же твоим внукам будет полезен местный воздух.

— Ты во всем идешь на поводу у этой семейки, — мадам Литин недовольно покачала головой.

— Прекрати, дорогая, — отмахнулся мужчина. — Альен совершенно прав. Наша компания только выигрывает от партнерства с «Вэйладой». И город хорош, и дом. И наши будущие родственники.

— Знаю я, отчего тебе здесь все так хорошо, — ледяным тоном ответила женщина.

— Вот как раз поэтому тебе здесь все плохо, — усмехнулся мэтр Литин и подошел к жене, забирая ее из рук сына. — Выкинь всякие глупости из головы.

— Ах, Дамиан, — вздохнула она, положив голову на грудь супруга. — Я же помню...

— Соня, прекрати, — одернул ее муж. — К тому же нам предстоит наконец познакомиться с родителями невесты. Мы и так два года откладывали этот визит из-за твоих страхов. Говорю тебе еще раз: пустое. Дальше тянуть некуда, через три дня свадьба.

Альен прислушивался к разговору родителей, но вопросов не задавал, уже зная по опыту, что объяснений не последует. Он помнил, как вернулся домой после продолжительного отсутствия. Матушка тогда долго не желала отпускать от себя вновь обретенное чадо, и отец, вызванный нарочным, примчался домой и крепко сжал блудное дитя в объятьях.

— Где же ты был, мерзавец? — воскликнул Дамиан Литин, оглядывая Альена со всех сторон. — Мы чуть разума не лишились!

Вместо ответа на этот вопрос молодой человек, усадив родителей, торжественно объявил:

— Отец, матушка, я женюсь.

— Это же отличная новость, сын, — Дамиан встал, но был тут же усажен на место — новости еще не закончились.

— Лусита — замечательная девушка, — воскликнула мадам Литин.

— Лусита? — переспросил Альен, потер переносицу, пытаясь понять, почему ему знакомо это имя, и отмахнулся. — При чем тут Лусита?

— Но ты же женишься...

— На Адамантине Лоет, дочери господина Вэйлра Лоета, судовладельца. Вам его имя не может быть неизвестно... Матушка, отец, что с вами?

Чета Литин застыла, округлив глаза. Матушка то открывала рот, чтобы что-то сказать, то закрывала его, так и не издав ни звука. Отец и вовсе побледнел, но быстро справился с оторопью, хмыкнул, затем еще раз и наконец расхохотался в полный голос, издав невнятное восклицание.

— Это судьба, — все же разобрал Альен.

— Я против! — очнувшись, воскликнула матушка. — Мы выбрали тебе...

— Тина Лоет, и никто другой, — отчеканил молодой человек. — Жениться мне — стало быть, и выбирать женщину, с которой я хочу прожить до конца своих дней, тоже мне. Мой выбор сделан. Жить мы будем в Кайтене...

— Нет!

— Да, матушка.

— Судьба, — повторил Дамиан, успокоившись.

— Какая еще судьба? — мадам Литин поднялась на ноги и прошла по гостиной. — Мы твои родители, Альен, и мы будем решать...

— Соня, довольно, — мэтр Литин поднялся со своего места. — Лоет так Лоет, не вижу ничего ужасного.

— Но ее отец — пират! А мать...

— Ее отец — судовладелец уже двадцать с лишним лет, а мать — чудеснейшая женщина. И довольно об этом, — отчеканил Дамиан, останавливая супругу. — Сын, но почему Кайтен? Вы могли бы жить здесь, в столице.

— Она без ума от моря, — улыбнулся Альен. — К тому же ужасно непоседливая особа. Не хочу, чтобы моя супруга загрустила и начала чудить. Есть еще причина. Вэйлр предложил партнерство, я нашел его весьма выгодным. Более того, — молодой человек повернулся к рачительной матушке, — в будущем Тина унаследует «Вэйладу», и Вэй хочет, чтобы я освоил управление судовладельческой компанией, приняв у

него дела со временем. Как вы понимаете, делать это из столицы сложно.

— Ну не знаю, — вздохнула женщина, присаживаясь на кресло. — Все-таки Лоев...

— Дорогая, поговорим? — мэтр Литин протянул руку супруге, и они удалились, оставив Алену удивленно взирать им вслед.

То, что между Лоевыми и Литиными что-то произошло в далеком прошлом, молодой человек понимал, но что... Ни Вэйлр с Адой, ни отец с матушкой так и не рассказали, сколько он после ни пробовал заговаривать об этом с обоими семействами. Отец отмахивался, говоря:

— Что нас может связывать? Это все твои выдумки.

А Вэйлр Лоев постучал Алену пальцем по лбу и осведомился:

— Умник, у тебя там еще осталось место? Так займи его чем-нибудь полезным. Например, придумай, чем отвлечь мою дочь на время своего очередного отъезда, или она с тоски разнесет половину города.

В конце концов молодой человек махнул рукой, решив: раз прошлое не мешает будущему, то и черт с ним с этим прошлым. Он вполне счастливо прожил эти два года, мотаясь между городами и неизменно возвращаясь в Кайтен. Тина, когда приходило время прощания, превращалась в мышонка, набившего щеки зерном. Дулась, вредничала, даже обещала сбежать, если он не вернется к оговоренному сроку, но неизменно дожидалась и с радостным визгом бросалась Алену на шею, стоило ему войти в двери особняка Лоевых с двумя букетами в руках: «для прелестной мадам Ады» и для «любимого Чертенка».

— А мне? — вопрошал насмешливо Лоев. — В конце концов, моим ты стал раньше.

— Вот именно, Вэйлр, — отвечал молодой человек, весело поблескивая глазами. — К чему вам цветы, когда у вас есть я?

— Слышала? — оборачивался Вэй к дочери.

— Обойдетесь, папенька, — фыркала дочь, брала Алену за руку и уводила от родителей, не забыв показать отцу язык и голосом законченной скареды добавить: — Мое сокровище.

— Вот так, мой ангел, — усмехался Лоев, как только дверь закрывалась за молодыми людьми. — Ростишь свое сокровище, холишь, лелеешь, а оно обзаводится собственным сокровищем и линяет из сундука.

— Правильно, нечего добром разбрасываться, — деловито отвечала Ада. — Прекрасный юноша.

— Умник — центр вселенной, — ядовито восклицал Вэйлр, ворчливо заканчивая: — Идолопоклонницы.

Матушка Алена все-таки свыклась с тем, что ее невесткой станет

дочь первой супруги ее мужа, о которой тот отзывался с неизменным теплом и уважением. Но каждый раз, как только заходил разговор о поездке в Кайтен, у мадам Литин приключались то нездоровье, то неотложные дела. Однако сложней всего смириться женщине оказалось с подопечным Альена, которого он привез с собой после долгого исчезновения. Паук Хон вызывал у мадам Литин нервную дрожь, и, стоило сыну появиться перед матерью со своим импровизированным эполетом, как Соня находила дела еще более неотложные, чем перед поездкой в Кайтен. Впрочем, самому Хону, кажется, было все равно. Он прекрасно обходился заботой и лаской Альена.

— Твой... питомец пойдет с нами? — спросила мадам Литин, поглядывая на паука, появившегося в гостиной и теперь деловито поднимавшегося по ноге ее сына.

— Хон не любит оставаться один, — ответил Альен.

— Господин Альен, коляска уже ждет, — Рени, оставшийся рядом со своим хозяином, замер в дверях, почтительно склонив голову.

— Да, идем.

Он подал руку матери, но Соня передернула плечами и воспользовалась помощью мужа.

— Прости, сынок, но у меня мороз по коже от твоего питомца.

— Ничего, матушка, — усмехнулся Альен. — Многие его опасаются.

Они вышли на улицу, и Литин обернулся, оглядывая особняк с высокой лестницей и большими стеклянными дверями, молодой сад, аккуратные аллеи и удовлетворенно вздохнул. Итог долгого ожидания был уже близок, оставалось потерпеть еще три дня, и он сможет привести сюда свою юную супругу. Альен улыбнулся, вспоминая, с каким восторгом Тина рассматривала свое будущее жилище, с каким энтузиазмом выбирала обивку, гардины, мебель и прочее. В общем-то, Литину оставалось только оформлять заказ и платить деньги, и это его вполне устраивало. Альену даже нравилось, что невеста принимает в постройке дома живое участие, вкладывая в особняк свою душу.

Несмотря на все отговорки матушки, у входа в особняк больше нервничал мэтр Литин. Он несколько раз поправил волосы, такие же смоляные, как волосы его сына, и все еще не тронутые сединой. Сжал плечо Альена, но быстро отпустил, отмахнувшись от удивленного взгляда. Однако стоило мадам Литин взглянуть на супруга, и он вновь был само спокойствие и невозмутимость. Устав разгадывать все метаморфозы, происходящие с родителями, молодой человек первым поднялся к дверям.

Привратник распахнул двери, пропуская гостей, и навстречу им

шагнули Лоеты. Взгляды Вэя и Ады скрестились со взглядом Дамиана Литина и...

— Альен приехал? — послышался голосок Тины, мчавшейся по лестнице. — Альен!

— Это моя Тина, — сверкнул улыбкой будущий муж и поспешил навстречу девушке.

Молодой человек пересек холл и поймал в объятия невесту, прыгнувшую на него с последних трех ступенек. Выходка мадемуазель Лоет разрядила обстановку.

— Адамантина Лоет! — воскликнула Ада.

— Какая очаровательная непосредственность, — улыбнулась мадам Литин, глядя, как ее сын ставит девушку на пол, украдкой целуя в щеку. Женщина вздохнула и улыбнулась. — Юность не знает рамок и ограничений.

— Ну их. Теперь от них ничего вразумительного не добьешься, — отмахнулся Вэйлр Лоет. — Придется нам знакомиться самим. У меня есть лучшее средство для сближения — чудесный коньяк.

— Как заманчиво звучит, — откликнулся Дамиан. Он бросил еще один взгляд на Аду, ответившую ему вежливой улыбкой, и окончательно расслабился.

— У нас волшебный сад, — обратилась мадам Лоет к мадам Литин. — Вы должны непременно на него взглянуть.

— С удовольствием, — вежливо улыбнулась Соня. Пытливо посмотрев на мужа, женщина встретилась с его теплым взглядом и почувствовала себя уверенней.

Ада увлекла ее вперед мужчин, шествующих на некотором расстоянии, еще молчаливо присматривавшихся друг к другу, но без враждебности и напряжения. Молодые люди проводили их взглядами, и Альен повернулся к Тине, заключая ее лицо в ладони.

— Как ты, душа моя? — спросил молодой человек.

— Скучала, ждала, думала каждую минуточку, — ответила девушка. — А ты?

— Все то же самое, только в сто раз сильнее.

— Ты лжец, Альен. Сильней, чем я, ты не мог тосковать.

— А ты вредина и жадина, — усмехнулся Литин, целуя Тину в кончик носа. — Но любимая.

— Хорошо, что это сказал, — кивнула девушка. — А то я уже хотела натравить на тебя Флорину, уж она бы показала тебе, как обзывать ее старшую сестрицу.

Альен рассмеялся и погрозил пальцем.

— В прошлый раз я едва не расстался с собственным скальпом. У этой мадемуазель, несмотря на нежный возраст, просто железная хватка.

— Флорине хоть и год, но она все-таки Лует, а у нас хватка с рождения мертвая, — хохотнула девушка. — Завтра приедут дедушки, бабушка и братья, дядя и кузены, вся семья будет в сборе. Страшно?

Молодой человек снова рассмеялся и звонко поцеловал девушку в щеку.

— Ерунда какая. Я победил трех Лоетов, неужели не справлюсь со всеми остальными, включая Ламберов и Мовильяров? К тому же Флорина на моей стороне, чего мне опасаться с такой поддержкой? Да и клан Литинов скоро будет здесь. Нет, не боюсь.

Тина хмыкнула, воровато оглянулась и потянулась к губам молодого человека. Он обнял девушку, склоняясь к ней и завладевая податливыми устами. Но вскоре оторвался и потерял кончиком носа о ее висок.

— Всего три дня, Стрекоза, — сказал он.

— Ох, скорей бы... Зачем ты придумал столько поводов, чтобы оттянуть? — она капризно насупилась, но в глазах сияла улыбка.

— Давал тебе повод передумать, — ответил молодой человек с фальшивой серьезностью.

— Не дождешься, — кровожадно осклабилась Тина. — Хотел — получи.

— И никогда не отпущу, — Альен привлек к себе девушку. — Никогда-никогда.

— Это я тебя не отпущу, — ответила она, улыбаясь и пряча лицо на мужской груди. — Никогда-никогда.

P.S.

Закат окрасил темно-синее небо в оранжевые росчерки, отразившиеся в спокойной морской глади, как в зеркале. Облака, подсвеченные последними солнечными лучами, неспешно ползли по небосводу. Казалось, весь мир замер перед этой величественной красотой закатного мгновения. Даже ветер притих, опасаясь нарушить торжественность момента. Мир готовился к ночи, но еще цеплялся за возможность полюбоваться на уставшее солнце, медленно погружавшее свой огненный диск за далекий горизонт.

Лишь одинокая чайка парила над переливающейся поверхностью

успокоенного моря. Ее белое тело с распростертыми крыльями серой тенью скользило по водной ряби, вспугнув стайку любопытных рыб, приблизившихся к поверхности, чтобы полюбоваться на творящееся волшебство наверху. Чайка, сытая к концу дня, пролетела, не обратив внимания на серебристые стрелки, стремительно исчезающие в глубине.

На горизонте показались паруса одинокого корабля, спешившего в порт до наступления темноты. Его силуэт на фоне предзакатного неба навевал легкую грусть и умиротворение. Но грусть была приятной, как воспоминание о чем-то, что уже свершилось и не повторится никогда. На остывающем после дневной жары песке, недалеко от кромки шепчущего моря, расположилась пара. На девушке было надето подвенечное платье, рядом лежала вуаль, придавленная камнем. Легкая ажурная ткань трепетала на легком ветре, порываясь сорваться с места и улететь. Девушка убрала камень, и вуаль, взмахнув кружевными краями, словно птица крыльями, поползла по песку. Еще одно дуновение — и волны подхватили ее, унося все дальше от берега.

Девушка откинула голову на плечо молодому человеку, подняла руку, глядя на кольцо, сверкнувшее бликами в лучах заходящего солнца, и произнесла:

— Жена.

— Муж, — отозвался молодой человек. — Будем знакомы.

Девушка развернулась к нему и протянула руку:

— Мадам Литин, — сказала она.

— Господин Литин, — важно кивнул он, и оба рассмеялись.

Где-то там, в особняке Лоетов, продолжался праздник, но его виновники, благополучно сбежав с собственной свадьбы, как только на них перестали обращать внимание, спрятались от всех на морском берегу. Альян вытащил шпильки из волос своей юной супруги, отпуская тяжелые пряди на свободу, зарылся пальцами в волосы и притянул к себе девушку, целуя ее, трепетно и нежно.

— Адамантина Литин, я тебя люблю, — прошептал он, отрываясь от губ Тины.

Она провела по щеке супруга тыльной стороной ладони, затем положила руки ему на плечи и заглянула в пронзительные синие глаза:

— Ты мое сокровище, Альян Литин, — произнесла девушка. — Я теперь точно знаю, отчего когда-то металась моя душа. Она рвалась за тобой. И теперь, когда я нашла себя рядом с тобой, уже не выпущу мое сокровище из рук, никогда-никогда. Ты мне веришь?

— Как самому себе, — серьезно ответил Альян.

— Ты — дар Всевышнего, — Тина приблизила к нему лицо и шепнула, почти касаясь губ: — Я люблю тебя.

Молодой муж поймал губы своей юной супруги, отдавая ей тепло своего сердца, всю скопившуюся нежность и любовь. После поднялся с песка, подхватил девушку на руки и направился в сторону города, где молодую чету ждал их дом. Море тихо шумело за их спинами, такое же вечное, как сама жизнь, долгая и непременно счастливая. Корабль добрался до гавани, и оранжевый диск солнца скрылся за горизонтом, погружая мир в темноту летней ночи, ласковой и трепетной, как первая любовь. А море все шептало, рассказывая историю о двух влюбленных, которые сумели отыскать истинное сокровище — друг друга.